

ИСТОРИЯ
И ИСТОРИКИ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1966

Группа изучения истории исторической науки Института истории Академии наук СССР публикует в настоящем очередном томе «История и историки» статьи и материалы по историографии всеобщей истории. Первый сборник, вышедший в 1965 году, был посвящен историографии истории СССР.

В дальнейшем, по мере накопления материала, публикация сборников «История и историки» будет продолжена.

Редакционная коллегия:

М. А. АЛПАТОВ (ответственный редактор), **В. В. АЛЬТМАН**,
Б. Г. ВЕБЕР, **Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ**, **В. А. ДУНАЕВСКИЙ**,
член-корр. АН СССР **М. П. КИМ**, академик **М. В. НЕЧКИНА**,
Б. Ф. ПОРШНЕВ, **Л. В. ЧЕРЕПНИН**

Л. И. Гольман

Новые данные о разработке К. Марксом истории Ирландии

Карл Маркс, как и его соратник Фридрих Энгельс, много внимания уделял изучению истории Ирландии. В 50-е годы К. Маркс опубликовал ряд статей на ирландские темы в «New-York Daily Tribune», материал об Ирландии он использовал и в первом томе «Капитала»¹. В годы I Интернационала Маркс явился организатором выступлений пролетариата в поддержку национально-освободительного движения ирландского народа. В связи с этим он углубленно занимался исследованием истории порабощения Ирландии Англией и героической борьбы ирландских народных масс против колониального гнета. Во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса впервые опубликован ряд материалов, отражающих занятия Маркса ирландским вопросом. Среди них особенно ценными являются «Набросок произнесенной речи по ирландскому вопросу» (эту речь Маркс предполагал произнести на заседании Генерального Совета Интернационала 26 ноября 1867 г.) и «Набросок доклада по ирландскому вопросу в Лондонском коммунистическом просветительном обществе немецких рабочих 16 декабря 1867 года»². В этих рукописях раскрыты существенные черты истории Ирландии со времени первого вторжения англичан на «Зеленый остров» во второй половине XII в. до 60-х годов XIX в. Маркс характеризует в них основные этапы колониального закабаления Ирландии, показывает губительные последствия английского господства для этой страны и ее народных масс, страдающих от гнета английских лендлордов и капиталистов. Глубоко проанализированы в этих работах социально-экономические процессы, происходившие в Ирландии

¹ См., например: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 161—167, т. 2, стр. 123—125, т. 12, стр. 677—691, т. 23, стр. 709—724.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 459—478.

в результате превращения страны в аграрный придаток метрополии: разорение ее промышленности, превращение значительной части населения в кабальных арендаторов, обнищание ирландского народа, насильственный сгон крестьян с земли, превращаемой лендлордами и зажиточными фермерами в пастбища, вынужденная эмиграция, усилившаяся после страшного голода 1845—1847 гг., и т. д. На основе этого анализа Маркс вскрывает экономические и классовые корни ирландского национально-освободительного движения и дает характеристику его особенностей на разных этапах борьбы ирландского народа за независимость. обстоятельно характеризует он деятельность современных ему ирландских мелкобуржуазных революционеров — фениев.

Опубликованные в 16-м томе Сочинений рукописи, наряду с уже известными работами и письмами Маркса, затрагивающими ирландский вопрос, дают весьма яркое представление о великом основоположнике марксизма как историке, в частности как исследователе истории Ирландии. Однако сравнительно недавно обнаружены материалы, которые свидетельствуют, что Маркс занимался историей «Зеленого острова» еще более обстоятельно, чем считалось раньше, и что предметом его исследования были не только общие процессы, протекавшие в Ирландии на протяжении длительного времени, но и отдельные периоды ирландской истории, которые он детально изучил. Анализу этих новых материалов и посвящена настоящая статья.

Некоторое время тому назад Институту марксизма-ленинизма три ЦК КПСС Центральным Комитетом Коммунистической партии Франции было передано значительное количество документов К. Маркса и Ф. Энгельса, хранившихся у детей и внуков дочери Маркса Женни Лонге. Большую часть этих документов составляют письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Женни Лонге, к другой дочери К. Маркса, Лауре Лафарг и ее мужу Полю Лафаргу. Помимо писем, среди документов имеются также и некоторые подготовительные работы, в частности рукописи Маркса, отражающие его занятия ирландским вопросом и историей Ирландии. Этим рукописей несколько. Одна из них представляет собой проект известной резолюции Генерального Совета I Интернационала «О политике британского правительства по отношению к ирландским заключенным», внесенной К. Марксом 16 ноября и принятой Генеральным Советом 30 ноября 1869 г. Ранее этот документ был известен лишь в виде публикаций в органах Интернационала, а также записи, приведенной в Протокольной книге Генерального Совета и в письме Марксу и Энгельсу 18 ноября 1869 г. Получение оригинала позволило опубликовать его во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса непосредственно по рукописи К. Маркса³.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 400—401.

Другая часть нового рукописного материала К. Маркса об Ирландии — это довольно обширные выписки из ирландской оппозиционной газеты «Irishman» («Ирландец») за октябрь-ноябрь 1869 г. Выписки сделаны в связи с дискуссией в Генеральном Совете по ирландскому вопросу, проведенной во второй половине ноября 1869 г. Во время этой дискуссии Маркс, как известно, несколько раз выступал с речами о политике британского правительства по отношению к ирландским заключенным. В них он заклеивал действия английских колонизаторов и обосновал — в противовес шовинистической позиции лидеров тред-юнионов — интернационалистскую платформу Интернационала в ирландском вопросе⁴. Сопоставление этих выписок с записью речей К. Маркса показывает, что он использовал многие из собранных им материалов во время своих выступлений на заседаниях Генерального Совета. Однако выписки представляют и самостоятельный научный интерес. Они свидетельствуют о тщательной подготовке Маркса к своим выступлениям, о том, что он внимательно следил за ходом кампании в пользу амнистии для фениев в самой Ирландии, интересовался мнением участников ирландского национально-освободительного движения по злободневным вопросам. В своих выписках он, в частности, приводил попавшие в «Irishman» со страниц ирландской печати в США высказывания ирландского демократа Митчела, бежавшего в 1853 г. в Америку из английских каторжных колоний, куда он в 1848 г. был сослан английскими властями. Любопытен приводимый Марксом отзыв Митчела о готовившейся в то время правительством Гладстона и широко разрекламированной аграрной реформе в Ирландии. Ирландский демократ писал по поводу земельного билля Гладстона: «Большая часть ирландского народа, та, которая больше всего страдает именно от существующей монополии на землю, вообще не заинтересована в пресловутом правительственном проекте»⁵.

В выписках К. Маркса приведен материал о различных митингах и демонстрациях, устраиваемых в поддержку требования амнистии, о переговорах по этому поводу ирландских деятелей с Гладстоном, воспроизведены резолюции ряда митингов, факты, рисующие положение заключенных в Маунтджойской тюрьме и т. д. Имеются и собственные замечания Маркса. Так, приводя соображения газеты «Irishman» о причинах, побудивших Гладстона демагогически изображать себя «умиротворителем»

⁴ Там же, стр. 604—608.

⁵ К. Маркс. Выписки из газеты «Irishman». Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 9 расшифровки. Далее также указываются страницы расшифровки. Все вновь полученные рукописи по ирландскому вопросу имеют этот же архивный номер (расшифровки каждой из них пронумерованы особо).

Ирландии и идти на показательные реформы (билль 1869 г. об отмене привилегий англиканской церкви в Ирландии в интересах католической верхушки и т. д.), Маркс замечает: «„*Irishman*“ *забывает: стремление вести на помочах новоиспеченных рабочих избирателей* (имеются в виду избиратели, получившие право голоса в результате реформы 1867 г.— Л. Г.), ради укрепления позиций либеральной буржуазии». В другом месте К. Марксу, по-видимому, принадлежит следующее замечание: «Английские тюрьмы — „ад на земле“»⁶.

Таким образом, выписки Маркса из «*Irishman*» содержат некоторый дополнительный материал (по сравнению с уже известными высказываниями), характеризующий его взгляды на ирландскую политику английских либералов и вообще на положение в Ирландии в 60-х годах XIX в.

Наиболее обширной и содержательной является третья рукопись из этой группы материалов. Условно ее можно озаглавить «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века», так как в ней дается обстоятельный обзор событий ирландской истории начиная с 1776 г. (год провозглашения независимости североамериканских колоний Англии, что оказало большое влияние на внутреннюю жизнь Ирландии) и кончая принятием англо-ирландской унии, которая вступила в силу 1 января 1801 г. В истории Ирландии эти десятилетия составляли особый период, который в другой своей работе Маркс назвал «переходным временем»⁷. Именно в эти годы Ирландия под влиянием усилившихся внутренних классовых и национальных противоречий, а также под воздействием двух мощных революционных взрывов — американской войны за независимость (1775—1783 гг.) и французской буржуазной революции (1789—1794 гг.) — переживает национальный подъем. Английские колонизаторы оказываются вынужденными отменить значительную часть варварских карательных законов, превративших католическое население страны (оно составляло большинство) в бесправных париев, обновить методы и формы колониальной эксплуатации Ирландии, временно предоставив ей даже известную автономию в области парламентского законодательства. Весь этот период насыщен крупными событиями: аграрными волнениями, движением ирландских волонтеров, деятельностью общества «Объединенные ирландцы» (основано в 1791 г.), вокруг которого сгруппировались наиболее передовые революционно-демократические элементы ирландского национального движения, попытками французов в 1796—1798 гг. высадить десант в помощь ирландским республиканцам. Ирландия в эти годы была ареной острой классовой и национальной борьбы, кульминаци-

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 5, 7.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 467.

онным пунктом которой явилось национально-освободительное восстание в мае—июле 1798 г. Английские господствующие классы вышли из этой борьбы победителями, потопив в крови выступление ирландских республиканцев. Лишив Ирландию многих из сделанных ранее уступок, они укрепили свое господство над ирландской колонией, проведя англо-ирландскую унию 1801 г. и ликвидировав автономный ирландский парламент. Но революционные традиции этого периода, особенно 1798 г., оказали огромное воздействие на всю последующую борьбу Ирландии за независимость.

Обстоятельная характеристика, которая дается в рукописи Маркса событиям этого важного периода, имеет, таким образом, чрезвычайную ценность для исторической науки. Она проливает свет на переломный этап в развитии всей истории Ирландии, на важную веху в истории английской колониальной политики, помогая раскрыть многие особенности истории британского колониализма, в частности глубже понять его роль палача по отношению к освободительному движению угнетенных народов. В рукописи Маркса раскрываются исторические корни и революционные традиции национально-освободительного движения Ирландии эпохи утверждения промышленного капитализма в метрополии, что важно для понимания процесса развития этого движения в целом. Выписки Маркса и его замечания не только дополняют и конкретизируют известные уже историкам высказывания основоположников марксизма о рассматриваемом периоде ирландской истории, но и содержат много новых мыслей и положений, не отраженных или только затронутых в известных работах и письмах. Одним словом, работа К. Маркса «Выписки по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века», ранее неизвестная исследователям, значительно расширяет наше представление о взглядах Маркса на историю «первой английской колонии», как называл Ирландию Энгельс⁸.

* * *

Рукопись К. Маркса значительна по своему объему. В расшифрованном виде она составляет 116 машинописных страниц. Одна страница убористо написанного оригинала из заключительной части до нас не дошла. Большая часть работы написана на английском языке, но часто встречаются немецкие вставки в виде отдельных слов, предложений и даже целых абзацев. Работа над «Выписками» была выполнена, вероятнее всего, тогда же, когда Марксом были составлены упомянутые выписки из газеты «Irishman» за октябрь—ноябрь 1869 г. Именно в это время Маркс снова усиленно занялся ирландским вопросом в связи

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 43.

с дискуссией в I Интернационале, посвятив изучению истории Ирландии почти столько же времени, как и осенью 1867 г., когда в Генеральном Совете так же остро стоял вопрос об отношении к фениям и о карательной политике английских властей на «Зеленом острове». В 1869—1870 гг. усиленно занимался ирландской историей и Ф. Энгельс, работавший над книгой на эту тему⁹. Рукой Энгельса на первой странице рукописи написана дата: 1869 год. Им же вначале проставлено слово «Hibernica» («относящееся к Ирландии»). Эту же надпись Энгельс сделал на своем библиографическом списке по истории Ирландии¹⁰, составленном примерно в то же время.

Основанием для более точной датировки рукописи — октябрь-ноябрь 1869 г. — служат даты уже упомянутых присоединенных к ней материалов (проект резолюции Генерального Совета, внесенный 16 ноября 1869 г., выписки из «Irishman»). В пользу этой уточненной даты говорят также письма К. Маркса Ф. Энгельсу от 6 ноября и 10 декабря 1869 г., в которых он называет ряд книг (памфлет Энсора, «Речи Каррана»), использованных при составлении «Выписок»¹¹. В письме от 10 декабря 1869 г. содержится краткая обобщающая характеристика периода ирландской истории, рассмотренного в «Выписках», причем Маркс здесь отзывается об этом периоде как о чрезвычайно интересном в научном и драматическом отношении, рекомендуя Энгельсу уделить ему должное место в книге по истории Ирландии. Высказанные в связи с этим Марксом соображения являются по существу резюме многих положений, имеющих в рукописи, или выводами, вытекающими из приведенных в ней материалов. Можно поэтому предположить, что к моменту написания письма — 10 декабря 1869 г. — «Выписки» уже были составлены Марксом.

«Выписки», по-видимому, были составлены К. Марксом с двойной целью. Ему нужно было уяснить для самого себя вопрос в связи с разработкой и историческим обоснованием позиции I Интернационала по отношению к ирландскому национально-освободительному движению. С другой стороны, такие обстоятельные исторические изыскания могли быть сделаны ради того, чтобы помочь Ф. Энгельсу в написании «Истории Ирландии». Прямых свидетельств в пользу последнего предположения нет. Некоторые основания для этого дает, однако, тот любопытный факт, что среди обширных подготовительных материалов Энгельса к этой книге почти отсутствуют какие-либо конспекты или выписки, содержащие систематическое изложение событий как

⁹ См.: Л. И. Гольман, Ирландский вопрос в I Интернационале и борьба Маркса и Энгельса за принципы пролетарского интернационализма.— Сб. «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М., 1955.

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556.

¹¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 309, 337.

раз последних десятилетий XVIII в., хотя все остальные периоды ирландской истории как более ранние, так и более поздние, получили в этих материалах подробное отражение. Энгельс, как и Маркс, хорошо понимал значение 80—90-х годов XVIII в. в истории страны. В наброске плана своей работы он отводил им специальный параграф четвертой главы (вся работа должна была состоять из четырех обширных глав)¹². Поэтому не исключено, что рукопись Маркса предназначалась именно для Энгельса в качестве материала к указанному параграфу.

Из переписки между К. Марксом и Ф. Энгельсом видно, что Маркс весьма одобрительно относился к творческому замыслу своего друга и всячески помогал ему в разыскивании и подборе литературы и источников по истории Ирландии. По поручению Маркса как раз в это время его дочь Элеонора должна была подобрать для Энгельса материалы по Ирландии из сочинений Коббета¹³. В «Выписках» Маркса также приводится несколько извлечений из статей Коббета, опубликованных в журнале «Political Register» (в номерах от 9 декабря 1809 г. и 20 февраля 1811 г.), из которых видно критическое отношение английских радикалов и демократов к политике британского правительства в Ирландии, в частности к англо-ирландской унии 1801 г.¹⁴ Упомянутая надпись над рукописью и дата, внесенная Энгельсом, также говорят о том, что рукопись Маркса побывала в его руках. Однако была ли она получена Энгельсом в то время, когда он работал над своей книгой об Ирландии (конец 1869 — начало 1870 г.), или обнаружена им при разборе архива Маркса после смерти великого вождя пролетариата в 1883 г., сказать с определенностью нельзя.

Независимо от того, предназначалось ли это исследование непосредственно для Ф. Энгельса или нет, с его результатами К. Маркс несомненно познакомил своего друга. Частично это было сделано уже в упомянутом письме Маркса Энгельсу от 10 декабря 1869 г. Нет сомнения, что Маркс мог поделиться полученными данными со своим другом и при личных встречах с ним. Так, летом 1870 г. он гостил у Энгельса в Манчестере целый месяц (с 23 мая по 23 июня), и из письма, написанного им во время пребывания там старшей дочери Женни, явствует, что проблемы ирландской истории занимали не последнее место в беседах обоих друзей¹⁵. Разработка всех узловых вопросов истории Ирландии, так же как и многих других теоретических вопросов, была результатом творческого сотрудничества великих основоположников научного коммунизма.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 719.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 309.

¹⁴ См.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 94.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 569.

Рукопись К. Маркса, как показывает ее изучение, в отличие от многих других работ, вошедших в его тетради с выписками (эксцерптами), не является конспектом какой-то одной определенной книги. При работе над рукописью был использован ряд источников. Установить большинство из них довольно трудно, так как Маркс далеко не всюду указывает, откуда взяты им те или другие данные. Лишь в отдельных случаях в скобках представлены имена авторов приводимых цитат, чаще всего без указания цитируемых работ. Так, довольно часто цитируются речи видного ирландского деятеля конца XVIII в. Каррана, причем почти всякий раз указывается дата произнесения той или иной речи, но опять-таки без ссылок на издание, из которого заимствованы выдержки. После ряда цитат, особенно относящихся к оценке англо-ирландской унии 1801 г., указана другая фамилия: Энсор, но без упоминания конкретной работы этого автора. По более ранним периодам приведена выдержка из трактата об Ирландии Уильяма Петти (без указания заглавия). Упоминаются имена оппозиционных писателей конца XVII и начала XVIII в. Молиньо, Джонатана Свифта (знаменитого сатирика), однако ссылки на них в данном случае, возможно, сделаны на основании более поздних исторических работ. Лишь в отношении упомянутых статей Коббета и выдержек из некоторых газет (например, «Morning Chronicle» за 1828 г.) дается точная библиографическая отсылка.

Подспорьем для установления источников, на основании которых были сделаны «Выписки» К. Маркса, служит недавно переданная в дар Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Центральным Комитетом Социалистической единой партии Германии драгоценная коллекция книг из личной библиотеки К. Маркса, а также переписка К. Маркса и Ф. Энгельса. Изучая книги с подчеркиваниями и пометками Маркса, научный сотрудник Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма М. А. Гладышева обнаружила совпадение многих данных, приведенных в рассматриваемых «Выписках», с теми, которые содержатся в одной из книг полученной из ГДР коллекции, а именно в двухтомной работе Джона Митчела «История Ирландии от Лимерикского договора до нашего времени»¹⁶. Действительно, сопоставление книги Митчела, особенно тех мест, которые в ней подчеркнуты Марксом (а таких подчеркиваний очень много, они встречаются почти на каждой странице этого объемистого труда), с «Выписками» не оставляет сомнения, что этот труд был одним из главных источников Маркса при написании работы. Первоначально книга была опубликована в Нью-Йорке в 1867 г., второе издание, которым пользовался

¹⁶ J. Mitchell. The History of Ireland from the Treaty of Limerik to the Present Time, vol. 1—2. Dublin, 1869. Экземпляр с подчеркиваниями Маркса см.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6340, 6341.

Маркс, вышло как раз в 1869 г., когда он и работал над своими «Выписками».

Книга Митчела не случайно привлекла к себе внимание К. Маркса. Митчел был лидером левого крыла общества «Молодая Ирландия» и основанной в начале 1847 г. после раскола Ассоциации рипилеров более радикальной Ирландской конфедерации. По своим убеждениям Митчел был революционным демократом; ему не чужды были и идеи утопического социализма. В 1847—1848 гг. он отстаивал идею вооруженного восстания против Англии в сочетании с революционно-демократическими преобразованиями внутри страны и призывал к союзу ирландских революционеров с английскими чартистами. Как это видно из упомянутых выше выписок Маркса из газеты «Irishman», он не только высоко оценивал революционную деятельность Митчела в 40-е годы, но и считался с его мнением в конце 60-х годов, несмотря на то, что после эмиграции в США в политической карьере Митчела были и крупные срывы. Он, в частности, поддержал южных конфедератов — защитников рабовладения во время гражданской войны в Америке. В вопросе о судьбах своей родины Митчел, однако, продолжал оставаться в целом на революционно-демократических позициях. Это нашло свое отражение и в книге «История Ирландии».

В этой книге главное внимание Митчел уделяет революционному движению в стране, деятельности общества «Объединенные ирландцы», к которому он относится с величайшим сочувствием. Он с гневом клеймит английских угнетателей Ирландии, беспощадно обнажая все неприглядные стороны их политики, особенно ту роль, которую они сыграли при подавлении ирландского восстания 1798 г., проведении унии и расправе с ирландским национально-освободительным движением в последующие годы, в частности в 1848 г. (изложение истории страны у Митчела дается с 1691 г. по 50-е годы XIX в.). Из книги Митчела Маркс смог почерпнуть обстоятельные сведения о политических событиях, познакомиться с выдержками из важных исторических документов, например из дневников вождя общества «Объединенные ирландцы» Уолфа Тона, а также из работ других прогрессивных историков, писавших на эту тему (Плоудена, Мэддена, Макневина). Имеется в этой книге и некоторый фактический материал, отражающий социальные процессы, хотя в целом автор — и в этом проявилась известная ограниченность его исторических взглядов — касается их довольно поверхностно.

Другим источником для Маркса, как это показывает анализ текста его «Выписок», послужило упомянутое в письме Энгельсу от 10 декабря 1869 г. издание речей Дж. Ф. Каррана¹⁷. Именно

¹⁷ J. Ph. Curran. The Speeches. Edited with Memoir and Historical Notices by Thomas Davis. Dublin, 1855. Первое издание вышло в 1844 г.

из этого издания были подобраны в «Выписках» цитаты из речей этого видного ирландского патриота, клеймившего английских колонизаторов с трибуны дублинского парламента (он был депутатом палаты общин с 1783 по 1797 г.) и выступавшего в роли защитника ирландских революционеров. Маркс отзывался о Карране как о подлинно «народном адвокате»¹⁸. Парламентские и судебные речи Каррана были важным источником по истории Ирландии конца XVIII в.

Маркс, однако, воспользовался в упомянутом издании не только речами самого Каррана. С не меньшим вниманием отнесся он к предисловию и комментариям издателя этих речей Томаса Дэвиса — ирландского поэта-демократа и историка, одного из лидеров «Молодой Ирландии» и редакторов органа этого общества «Nation». Издание речей Каррана было подготовлено к печати Дэвисом и выпущено им в свет в 1844 г. за год до смерти. В последствии книга несколько раз переиздавалась. В комментариях к работе Дэвис осветил многие из событий ирландской истории последних десятилетий XVIII в., ярко обрисовав историческую обстановку, в которой протекала деятельность Каррана. Он уделил много места характеристике современников Каррана — лидеров общества «Объединенные ирландцы», привел в выдержках и целиком многие документы членов общества — их письма, прокламации, сочинения и т. д. Недаром Маркс, указывая Энгельсу на это издание, писал, что в нем содержатся «все источники относительно „Объединенных ирландцев“»¹⁹. Обширные извлечения из написанных Дэвисом комментариев и предисловия (автор скромно назвал его «Памяткой о Джоне Филпоте Карране») были сделаны К. Марксом в его «Выписках по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века». Отсюда Маркс почерпнул и большой фактический материал.

В своих «Выписках» Маркс, как уже отмечалось, ссылался также на Джорджа Энсора, английского радикального публициста, экономиста и историка первой половины XIX в. Работу Энсора «Исследование народонаселения различных стран, содержащее опровержение „Опыта о народонаселении“ г-на Мальтуса» Маркс цитировал в первом томе «Капитала» и в специальных выписках из нее подчеркнул ее прогрессивную антимальтузианскую направленность²⁰. Произведения Энсора, посвященные Ирландии, были написаны с весьма радикальных позиций, хотя и не в том революционно-демократическом духе, которым

¹⁸ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 337.

¹⁹ Там же.

²⁰ G. Ensor. An Inquiry concerning the Population of Nation, containing a Refutation of Mr. Maltus's Essay on Population. London, 1818. См. также: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 741. Выписки Маркса из этой книги см.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1696.

были проникнуты сочинения Дэвиса и Митчела. Энсор выступил как горячий противник англо-ирландской принудительной унии, рассматривая ее проведение как «завоевательный акт»²¹. В своей работе «Защита ирландцев и средства к их избавлению»²² и в ряде памфлетов и брошюр он писал о тяжелых социальных и политических последствиях унии для Ирландии и о ее отрицательном влиянии на политическое развитие самой Англии (Энсор видел в унии, укрепившей власть реакционеров в Англии, одну из причин задержки с проведением парламентской и других реформ в стране). В письме Ф. Энгельсу от 6 ноября 1869 г. К. Маркс обещает послать ему книгу с памфлетами Энсора и других авторов на ирландские темы. В архиве ИМЛ сохранились выписки, сделанные старшей дочерью Маркса из памфлета Энсора «Против унии. Ирландия, какой она должна быть». Совпадение ряда выдержек из этих выписок с теми, которые приведены в рукописи Маркса, говорят, что последние были взяты, без сомнения, именно из этой книги Энсора»²³.

Таковы авторы, произведения которых были широко использованы К. Марксом при составлении его «Выписок». Однако на основании доступных в данный момент советскому исследователю материалов пока еще нельзя установить все источники, использованные для этой работы. Это является еще предметом дальнейших розысков и исследования.

Тем не менее обнаруженные данные в значительной мере позволяют судить о характере использования К. Марксом источников, о соотношении текстов используемых работ и текста «Выписок» Маркса, о степени оригинальности и самостоятельности этой рукописи. Прежде всего бросается в глаза, что Маркс отнюдь не следует за своими источниками в отношении расположения излагаемого материала. Факты, заимствованные в «Выписках» из книги Митчела, он перемежает с материалами, почерпнутыми из комментариев Дэвиса, с цитатами и выдержками из других работ. Он совершенно иначе группирует данные, делает перестановки независимо от своих источников, разбивает свои «Выписки» на разделы и подразделы, дает им свои заглавия. Даже данные, заимствованные у одного автора, в частности у Дэвиса, он берет не подряд, а соединяет материалы, почерпнутые из разных мест (например, из комментариев Дэвиса к разным речам Каррана, а также из его комментариев и из его же

²¹ Это высказывание приводит К. Маркс в своих «Выписках по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века» (см.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 88).

²² G. E n s o r. A Defence of the Irish, and the Means of their Redemption, Dublin, 1825.

²³ Выписка Женни Маркс см.: ЦПА ИМЛ, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 4; (G. E n s o r. Anti-Union. Ireland as she ough to be. Newry, 1831. К сожалению, книга отсутствует в библиотеках Москвы и Ленинграда.

предисловия), или, наоборот, разбивает их, помещая в разных местах своей рукописи. При этом все эти переброшки и перестановки не являются плодом некоего произвола и не носят случайный характер. Они подчинены единому логическому плану, определенной системе.

Вся рукопись Маркса отнюдь не представляет собой некое хаотичное нагромождение фактов, каким она могла быть при механическом соединении выдержек из разных источников. По своему содержанию она является цельным и продуманным произведением, несмотря на свой подготовительный характер и встречающиеся кое-где повторения, неизбежные в такой черновой рукописи. Работа производит впечатление не конспекта, в котором конспектирующий невольно следует плану и порядку изложения в изучаемом труде, а подборки материалов по самостоятельно разработанной схеме, отражающей собственные взгляды автора на предмет и его собственное понимание вопроса. В то же время эта схема не является выражением некоей надуманной, выработанной чисто умозрительным путем концепции, под которую потом задним числом подгонялись факты, как это часто бывает у буржуазных тенденциозных писателей. Свою концепцию ирландской истории Маркс вырабатывал на основании тщательного и многолетнего изучения предмета. Работа в 1869 г. над источниками по рассматриваемому периоду позволила ему углубить и конкретизировать эту концепцию, в частности свои взгляды на период 70—90-х годов XVIII в., что затем и нашло свое отражение в «Выписках». Многочисленные подчеркивания в книге Митчела показывают, что Маркс сначала проштудировал весь этот двухтомный труд, а потом на основании уже сложившихся у него суждений отобрал из него материал для своих «Выписок». Таков же был метод использования и других источников, на основании которых вырабатывалась и уточнялась Марксова концепция истории Ирландии. Разумеется, при этом целиком учитывались и творчески использовались взгляды и выводы прогрессивных историков-демократов Митчела, Дэвиса и др.

Именно такую самостоятельную концепцию ирландской истории в последние десятилетия XVIII в. содержат «Выписки» К. Маркса. По четкости и ясности понимания направления и хода развития событий эта концепция намного превосходит то освещение истории Ирландии, которое дается у Митчела, Дэвиса, Энсора и других авторов, хотя и в их работах есть весьма много проницательных оценок, использованных Марксом. Имеющаяся в рукописи внутренняя периодизация — выделение различных этапов в развитии ирландского национально-освободительного движения в последние десятилетия XVIII в. и выявление их особенностей — целиком принадлежит Марксу. Она отсутствует у Митчела и тем более у Дэвиса, в комментариях которого вообще, в силу уже самой их формы, ход истории излагается далеко не

в связном виде. Эту периодизацию Маркс намечает уже в начале своей работы, ей в целом, как будет показано ниже, соответствует и разбивка всего материала, приводимого в дальнейшем, а также сформулированные Марксом заголовки.

Таким образом, в рукописи Маркса оригинальным является не только отбор фактов и суммирование данных, почерпнутых из разных источников. Самостоятельной является сама организация всего подобранного фактического материала, соответствующая взглядам основоположника научного коммунизма на существо исследуемых исторических явлений. Эта рукопись дает много нового для характеристики Маркса как исследователя, для выяснения его творческих приемов при работе над историческими проблемами.

Несмотря на то, что многие материалы, заимствованные из разных книг, Маркс воспроизводит текстуально или излагает в близкой к используемому источнику форме, его работа носит печать творческой самостоятельности и в отношении текста. В нем имеется много собственных замечаний Маркса, делающих более четкой ту или иную характеристику событий и деятелей. Иногда Маркс проводит оригинальные исторические аналогии, сравнивая, например, политику английского министра Питта в Ирландии с предшествующими действиями на «Зеленом острове» английских колонизаторов времен Елизаветы или с коварной политикой Пруссии по отношению к Польше накануне и во время ее второго раздела в 1793 г.²⁴ В других местах замечания Маркса носят характер то добавлений или пояснений, комментирующих материал, то обобщающих выводов, то высказываний в адрес тех или иных лиц.

Во многих своих замечаниях К. Маркс дает собственную характеристику ирландскому национально-освободительному движению XVIII в. На первой же странице рукописи он отмечает значение изучения истории этого движения для выработки правильной тактики международной пролетарской организации в ирландском вопросе, подчеркивая *«важность вопроса для английского рабочего класса и для рабочего движения вообще»*²⁵. Он вскрывает две тенденции в ирландском национальном движении — революционную и либеральную, показывая жизненную силу первой и порочность второй. Так, желая подчеркнуть ограниченный характер ирландской либеральной парламентской оппозиции и невозможность добиться сколько-нибудь серьезных преобразований одними парламентскими методами, Маркс, приводя соответствующие выдержки и материал, добавляет от себя: *«Тщетные выступления — в 1790—91 гг. — парламентского меньшинства против правительственной коррупции доказывают,*

²⁴ См.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 76—77, 115.

²⁵ Там же, стр. 1.

с одной стороны, рост этой коррупции, а с другой — *влияние французской революции 1789 года*. Они также показывают в конечном счете причину основания общества «Объединенные ирландцы» в 1791 г. после того, как обнаружилась бесплодность всех парламентских действий, и парламентское большинство превратилось в простое орудие в руках правительства»²⁶. В другом месте Маркс противопоставляя робкую оппозицию либеральной верхушки выступления против английского гнета самих народных масс и радикальных кругов буржуазии, указывает на значение волнений против сбора десятины в 1787 г., а также сопротивления действиям колониальных властей во время выборов лорда-мэра Дублина в 1790 г., что было, по его словам, одним из показателей «*влияния французской революции на ирландскую биржуазию (к тому же протестантскую)*»²⁷.

Глубокий смысл, раскрывающий наиболее сильную сторону ирландских буржуазных революционеров XVIII в., представителей левого крыла общества «Объединенные ирландцы», имеет указание Маркса, что эти «*республиканцы Севера*» (намек на основание общества на севере Ирландии, в Белфасте.— Л. Г.) были той политической партией, которая «*объединилась с крестьянами*»²⁸.

Ряд замечаний относится к правительству Питта. Маркс указывает, что под эгидой этого вдохновителя колониального порабощения Ирландии, организатора полицейско-шпионской травли борцов за независимость Ирландии «*система доносов* была в полном расцвете»²⁹. В своих замечаниях Маркс разоблачает коварные замыслы этого мастера политики «разделяй и властвуй», подчеркивает его стремление спровоцировать столкновение между протестантами и католиками, монархистами и республиканцами, толкнуть последних на восстание для того, чтобы навести страх на имущие слои, заставить их броситься в объятия правительству и чтобы получить повод для кровавой расправы с революционерами³⁰.

Отношение Маркса к английским колонизаторам ярко выражено в той характеристике, которую он дает палачам ирландского восстания 1798 г. Так, одного из них, генерала Лейка, Маркс называет «трусливым, подлым, жестоким»³¹.

Иногда К. Маркс вводит в свои «Выписки» дополнительные факты, помогающие глубже уяснить описываемые события. Так, в начале работы он дает характеристику пошатнувшегося международного положения Англии во время войны североамери-

²⁶ См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 41.

²⁷ Там же, стр. 47.

²⁸ Там же, стр. 48.

²⁹ Там же, стр. 65.

³⁰ Там же, стр. 65, 74.

³¹ Там же, стр. 70.

канских колоний за независимость, указывая, между прочим, на провозглашение Россией принципа вооруженного нейтралитета в 1780 г. как на важный акт помощи Американской республике, нанесший серьезный внешнеполитический удар ее тогдашнему противнику — английской буржуазно-аристократической олигархии. Дипломатическую изоляцию Англии и ее поражение на фронтах американской войны необходимо учесть, подчеркивает Маркс, чтобы понять одну из причин «уступчивости» английского правительства и все развитие ирландского движения, вплоть до 1782 г., когда была завоевана автономия в области парламентского законодательства³². Характеризуя международную обстановку в 90-х годах XVIII в., Маркс приводит сведения о неудачном для Англии и ее союзников ходе войны реакционной европейской коалиции против Французской республики в 1793—1796 гг. (вплоть до вторжения Бонапарта в Италию)³³. Касаясь назначения лорда Корнуоллиса — верного подручного Питта — наместником Ирландии в 1798 г. и его политики в стране, Маркс приводит факты, показывающие «подвиги» этого английского генерала на поприще колониальной политики в других странах: в Индии, где он был одним из организаторов захватнических войн, и в Северной Америке, где он бывал неоднократно бит американскими повстанцами и должен был подписать в октябре 1781 г. позорную капитуляцию при Йорктауне³⁴.

Указанные примеры, которые далеко не охватывают всех авторских замечаний Маркса, свидетельствуют о том, что рукопись К. Маркса выходит за рамки подбора материала и цитат из различных источников.

Совершенно самостоятельно составлен Марксом и весь заключительный раздел работы, занимающий 17 машинописных страниц (небольшая часть этого раздела, как уже говорилось, утеряна)³⁵. Этот раздел представляет собой хронологическую сводку всего приводимого в предыдущей части рукописи материала, резюмирующую его основное содержание. В оригинале он имеет свою собственную пагинацию, так что формально его можно было бы даже рассматривать как особую работу, или, вернее, как ее второй, более сжатый, но более четко изложенный Марксом, без текстуальных заимствований, вариант. Однако по своему содержанию оба варианта органически связаны между собой. Второй является сжатым резюме первого. Поэтому более правильно было бы считать оба эти раздела рукописи составными частями одной работы.

³² Там же, стр. 5.

³³ Там же, стр. 54—56.

³⁴ Там же, стр. 79.

³⁵ Там же, стр. 99—116.

Рукопись К. Маркса имеет довольно стройную структуру. Материал как основной части, так и заключительного резюме разбит на разделы и подразделы. Кроме того, ко многим местам даны специальные подзаголовки, как бы выделяющие отдельные места рукописи в особые параграфы, подчиненные общей теме того или иного раздела или подраздела. Смысл такого деления всей работы и общий план становятся ясными при ознакомлении с той внутренней периодизацией истории ирландского национально-освободительного движения в эти десятилетия, которая дается Марксом, как уже говорилось, в начальной части рукописи.

К. Маркс указывает здесь, что движение в Ирландии прошло через четыре этапа или периода. Первый из них продолжался с 1778 по 1782—1783 гг. Главной опорой национального лагеря в это время были ирландские волонтеры, сформированные по предложению защиты страны от возможного вторжения союзников восставших американских колоний — Франции и Испании. В лице волонтеров национальное движение приобрело внушительную вооруженную и организованную силу. В роли руководителей выступали англо-ирландские либеральные парламентарии, сформулировавшие требования, которые на время объединили разнородные оппозиционные элементы — от мелкой буржуазии городов и части крестьянства до либеральных протестантских и католических помещиков и буржуа. Под давлением волонтерского движения правительство должно было пойти на уступки, частично отменить карательный кодекс, провести некоторые реформы, наконец, ввести в 1782 г. в Ирландии парламентскую автономию (т. е. отменить акты, ставившие ирландский парламент в подчиненное положение по отношению к английскому кабинету и парламенту).

С 1783 г. наступил второй, по периодизации К. Маркса, этап, продолжавшийся до 1791 г. Разнородное в классовом и политическом отношении движение волонтеров, руководимое умеренными либеральными политиками, пришло в упадок. Проект реформы ирландского парламента был отвергнут. Под влиянием усилившихся внутренних противоречий и начавшейся французской буржуазной революции в национальном лагере происходит размежевание. Революционные, радикальные элементы буржуазии, обнаружившие готовность идти с народными массами, сплачиваются в особую политическую организацию — общество «Объединенные ирландцы» (основано в 1791 г. представителями протестантских англо-ирландских буржуазных кругов, выдвигавших лозунг политического и религиозного равноправия всего ирландского населения, в первую очередь его католического большинства). «Аристократический элемент и реакционная

часть буржуазии устраняются, начинается преобладание народного элемента» — так определяет Маркс главную черту в развитии национально-освободительного движения на этом этапе³⁶.

Время с 1791 по 1795 г. составляет третий период. На этом этапе окончательно определяется расстановка классовых и национальных сил. «Движение волонтеров, — пишет Маркс, — переходит в движение „Объединенных ирландцев“»³⁷. Протестантская (англо-ирландская) и католическая (ирландская) буржуазно-аристократическая верхушка становится послушным орудием английских властей и участвует в травле революционных элементов. Оказавшись во главе национально-освободительного движения, ирландские буржуазные революционеры (Уолф Тон и др.) выдвигают лозунг борьбы за независимую Ирландскую республику. С другой стороны, переходит в наступление и правительство. В стране вводится система полицейского террора и провокаций, волонтерские части распускаются, патристические организации подвергаются запрету. Общество «Объединенные ирландцы», внутри которого окончательно берет верх радикальное крыло, становится тайной революционной организацией.

С апреля 1795 г. начинается последний, четвертый этап. Вершиной событий этого периода и всего развития ирландского движения является национально-освободительное восстание 1798 г. «Волонтерское движение переходит с 1795 г. в революционное движение», — отмечает Маркс³⁸. Готовя это восстание, руководители общества «Объединенные ирландцы» одновременно пытались организовать высадку войск Французской республики в Ирландии. Восстание, а также французские десантные экспедиции потерпели поражение. Английские колонизаторы, используя страх имущих классов, террор и подкуп, провели унию Ирландии с Великобританией 1801 г., ликвидировав автономный ирландский парламент и закрепив колониальное порабощение страны.

Этой периодизации, отражающей главное содержание и главные особенности развития исторических событий в Ирландии того времени, было в основном подчинено деление всего материала в «Выписках». Маркс группирует его (как в основной части рукописи, так и в резюме³⁹) по трем главным разделам. Первый раздел под цифрой I, озаглавленный «От 1778 г. до 1782 г. Независимость» (имеется в виду завоевание парламентской автономии)⁴⁰, соответствует первому этапу в развитии движения. Раздел в свою очередь расчленен на два подраздела, имеющие заго-

³⁶ См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 8.

³⁷ Там же, стр. 9.

³⁸ Там же, стр. 10.

³⁹ Заглавия первых разделов в основной части почти совпадают с соответствующими заглавиями в резюме, однако страница оригинала резюме, где начинается третий раздел, утрачена.

⁴⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 1.

ловки: «Ирландский парламент до 1782» и «Первые результаты влияния американской войны за независимость на Ирландию вплоть до завоевания независимости в области законодательства»⁴¹. Подраздел второй разбит на следующие пункты: «а) отмена гражданского (карательного.— *Л. Г.*) кодекса против католиков»; «в) волонтерская организация. Движение за свободу торговли. Первые уступки Англии»; «с) провозглашение независимости Ирландии в области законодательства»⁴². Как в первом подразделе, так и в отдельных пунктах второго, отдельные места выделены в особые параграфы.

Второй раздел (под цифрой II) имеет примерно такую же структуру. Деление в нем также четырехстепенное. Раздел озаглавлен: «От 1782 г. (после провозглашения независимости) до 1795 г.»⁴³. Он делится на три подраздела: «а) от 1782 г. до 1783 г. (провал билля о реформе и крупное поражение волонтеров)»; «в) конец 1783—1791 гг. (основание общества „Объединенные ирландцы“)»; «с) с октября 1791 до начала апреля 1795 г. (отозвание лорда Фицуильяма и назначение на его место лорда Кэмдена)»⁴⁴. В каждом из подразделов, как и в других частях рукописи, выделены отдельные пункты и внутри некоторых из них — параграфы.

Указанный раздел соответствует второму и третьему периодам или этапам приведенной выше периодизации К. Маркса. Переходы между ними обозначены в заголовках второго и третьего подразделов, в которых отмечено как важный исторический рубеж основание общества «Объединенные ирландцы» в октябре 1791 г. Этим кончается второй и начинается третий этап движения, поскольку в Ирландии появляется подлинно революционная организация, ставшая вскоре республиканской. Упомянутое в заголовке третьего подраздела отозвание лорда Фицуильяма и назначение на его место лорда Кэмдена также является событием, знаменующим поворотный пункт в ирландской истории того времени. Это было не простой сменой правителей, а актом, означавшим открытое объявление правительством войны ирландским революционерам. Либерал Фицуильям был послан в Ирландию с официально провозглашенной целью мирного улаживания конфликта с ирландской колонией и проведения некоторых реформ (истинным замыслом правительства Питта, как отмечал Маркс, при этом было разжечь страсти ирландцев и внезапной перемене-

⁴¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 1, 3.

⁴² Там же, стр. 3, 5, 19. В резюмирующей части близкая структура раздела, имеющая, однако, некоторые особенности: подразделы отсутствуют, материал разбит на четыре пункта, из которых первый соответствует первому подразделу в основной части, а остальные три совпадают с тремя пунктами второго подраздела (стр. 99—103).

⁴³ Там же, стр. 25.

⁴⁴ Там же, стр. 26, 35, 54. Структура этого раздела в резюмирующей части почти совпадает со структурой его в основной части.

ной курса толкнуть их на восстание в момент, когда власти могли это восстание легко подавить). Неожиданная замена Фицуильяма реакционером Кэмденом ускорила наступление политического кризиса в Ирландии, оставив для ирландских патриотов только путь вооруженной борьбы. Таким образом, с прибытием в Ирландию в качестве наместника Кэмдена начинался новый, заключительный этап в развитии событий.

Третий раздел рукописи не имеет специального заглавия и просто обозначен цифрой III, после которой сразу же идет заголовок первого подраздела: «а) правление лорда Кэмдена. Апрель 1795 г.—конец июля 1798 г.»⁴⁵ Как видно уже из дат, подраздел завершается характеристикой ирландского восстания, происходившего в мае—июле 1798 г. Второй подраздел озаглавлен: «в) правление лорда Корнуоллиса. Август 1798 и последующие годы. Каслри — главный секретарь. Мошенничество с унией»⁴⁶. Таким образом, этот подраздел посвящен характеристике подготовки и проведения колонизаторского акта об англо-ирландской унии 1801 г. и в заглавии указаны главные помощники Питта в осуществлении этого акта. В целом в разделе отражен четвертый период, согласно периодизации Маркса. Любопытны подзаголовки, которые дает здесь Маркс и выделенным внутри подразделов отдельным местам, или параграфам. Так, в первом подразделе имеются следующие параграфы: «План Питта насильственно вызвать и спровоцировать восстание»; «„Объединенные ирландцы“ и Питт. (Польша и Пруссия)» — имеется в виду отмеченная выше аналогия между коварной политикой Питта и вероломством прусского правительства по отношению к Польше накануне и во время второго раздела; «Доведение народа до крайности. Хвастовство Каслри»; «Защита Питтом в английском парламенте унии с целью предупредить меры умиротворения. Каслри в 1797 г. ирландском парламенте»; «Питт в английском парламенте»⁴⁷. Во втором подразделе отдельные места выделены под следующими подзаголовками: «Уния»; «Дальнейшее об унии»; «Народные митинги (и петиции) вопреки осадному положению и отмене всяких гарантий общественной безопасности...»; «Подкупы и т. п. в 1800»; «Справедливое наказание предательской верхушки католического духовенства и примкнувшей к ней малочисленной католической аристократии»; «О „законности“ унии»; «Мнение английских либералов и радикалов об унии»; «Проигрыш для Англии»; «Конфискации в Ирландии» (экскурс в прошлую историю колониального ограбления страны в XVI и XVII вв.); «Уния Шотландии с Англией» (приведено для сопоставления с англо-ирландской унией)⁴⁸.

⁴⁵ Там же, стр. 66.

⁴⁶ Там же, стр. 79.

⁴⁷ Там же, стр. 74, 76, 77, 78.

⁴⁸ Там же, стр. 81, 88—93, 96, 98.

Заглавия разделов, подразделов, пунктов и подзаголовки к отдельным местам, разумеется, не дают полного представления о многогранном содержании рукописи, указывая лишь на ее самые общие тематические направления. В рамках данной статьи невозможно передать всего богатства исторического материала, собранного в «Выписках» К. Маркса. Однако для того, чтобы выяснить значение этой работы, следует хотя бы вкратце остановиться на важнейших сторонах ее содержания, на ее главных идеях и положениях.

«Выписки» Маркса отчетливо показывают, что главным фактором национально-освободительной борьбы он считал движение самих народных масс, ирландского крестьянства, городских низов. В ходе изложения событий Маркс особенно фиксирует внимание на фактах классовой борьбы в Ирландии: на крестьянских волнениях 1787 г. в связи со сбором десятины в пользу протестантской церкви и взысканием огромных рент лендлордами и их агентами, на деятельности крестьянской организации «дефендеров» (название возникло, поскольку непосредственной причиной создания организации была защита (defense) от террористических банд «предрасветных ребят», позднее «оранжистов», организовывавшихся помещиками и агентами правительства) и других крестьянских тайных обществ, на действиях ирландских повстанцев во время восстания 1798 г., основную массу участников которого составляли крестьяне и городские низы. Маркс подчеркивает постоянно возрастающую роль «народного элемента» в ирландском движении этого времени и видит в этом источник его силы, фактор, определяющий его революционную направленность, масштаб и прочность.

Таким образом, «Выписки» конкретизируют важнейшее положение марксистской исторической науки о решающей роли народных масс в истории. Они показывают, что это положение полностью применимо и к истории национально-освободительной борьбы против колониального рабства, размах и сила которой целиком зависят от степени участия в ней широких народных масс.

В «Выписках» Маркса разоблачается созданная и поддерживаемая буржуазной историографией легенда об особых заслугах в деле подъема национального движения в Ирландии представителей его либерального крыла Граттана, Флуда и др.⁴⁹

Политику этих либеральных лидеров, стремившихся к компромиссу с колонизаторами и боявшихся массового движения, Маркс характеризует как *«умеренный парламентаризм»*⁵⁰, подчеркивая конечное банкротство подобных либеральных лидеров. Вслед за историком-демократом Митчелом, он отмечает падение влияния

⁴⁹ См., например: W. Lecky. Leaders of Public Opinion in Ireland. London, 1912 (первое издание книги вышло в 1860 г.), а также работу современного автора: S. Gwynn. Henry Grattan and His Times. London, 1939.

⁵⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 107.

либералов — как представителей протестантского «Вигского клуба» (Граттан и др.), так и лидеров Католического комитета — в национальном движении⁵¹. На примере ирландских либералов конца XVIII в., оказавшихся в стороне от подлинно народного освободительного движения и не добившихся реализации даже своей умеренной программы, Маркс показывает несостоятельность ориентации на половинчатое решение национального вопроса и подмены революционных методов борьбы за независимость умеренной и осмотрительной оппозицией.

Либералам Маркс в своей работе противопоставляет представителей революционного крыла национального движения — ирландских радикалов, лидеров общества «Объединенные ирландцы». В оценке деятельности этого общества Маркс также опирался на взгляды демократических ирландских историков Митчела и Дэвиса. Однако он подошел к характеристике «Объединенных ирландцев» гораздо глубже, чем последние. Маркс ясно видел буржуазную природу лидеров этого общества. Еще в 1867 г. он отмечал, что руководители ирландского движения, приведшего к восстанию 1798 г. (Уолф Тон, Фицджералд), принадлежали к эксплуататорским слоям, что они не были даже коренными ирландцами, а происходили от потомков английских колонистов-протестантов⁵². Тем не менее Маркс считал, что ирландские буржуазные революционеры конца XVIII в. сумели возвыситься до роли выразителей общих интересов передовых кругов буржуазии угнетенной страны и широких народных масс и, подобно французским якобинцам, хотя, может быть, и не столь решительно и последовательно, пойти на совместные революционные действия с ирландским крестьянством. Используя яркую характеристику В. И. Ленина якобинцев, можно сказать, что деятели общества «Объединенные ирландцы» являлись буржуазными революционерами, выступавшими вместе с народом «с революционным большинством народа, с революционным передовым классом своего времени»⁵³.

В рассматриваемой рукописи Маркс раскрывает исторические заслуги Уолфа Тона и его соратников. Он подчеркивает их республиканские убеждения, отмечая, что они первыми из ирландских деятелей провозгласили лозунг борьбы за полное освобождение Ирландии в форме независимой Ирландской республики. С середины 90-х годов, указывает он, «Ирландская республика уже стала целью „Объединенных ирландцев“»⁵⁴. Уолф Тон и его друзья перенесли на ирландскую почву и другие идеи французской революции. Выдвинутое ими требование полного политического, религиозного и национального равноправия означало

⁵¹ Там же, стр. 36.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 465.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 216.

⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 113.

в ирландских условиях призыв к борьбе за ликвидацию всяких феодальных, в своей основе сословных и кастовых привилегий, против режима национального гнета, от которого в первую очередь страдали бесправные, закабаленные английскими лендлордами массы ирландского крестьянства. «Католический вопрос,— раскрывает Маркс в одном из своих глубоких замечаний значение требования эмансипации католиков в толковании „Объединенных ирландцев“,— становится вопросом, касающимся ирландского народа. Дело идет уже больше не об устранении неспособности католической *аристократии и буржуазии*, а об *эмансипации ирландского крестьянства*, в большинстве своем католического. Вопрос по существу приобретает *социальный характер*, по форме он принимает *французские политические* принципы, оставаясь *национальным*»⁵⁵. Весьма высоко оценивал Маркс подлинную революционность ирландских радикалов, их ориентацию на революционный путь борьбы за национальную независимость.

Отмечает К. Маркс и слабые стороны деятелей общества «Объединенные ирландцы», прежде всего присущую им как буржуазным революционерам известную классовую ограниченность. Он указывает, что им не удалось преодолеть стихийности, свойственной движению, главным участником которого являются крестьянские массы. В подготовке восстания были допущены ошибки. «*Время для действий* упущено»,— пишет Маркс по поводу затягивания исполнительным органом (Директорией) общества сроков начала восстания⁵⁶. Не сумели «Объединенные ирландцы» должным образом законспирировать и укрыть своих руководителей от шпионов Питта. Вожаки были выслежены и арестованы до начала восстания, которое оказалось обезглавленным. Организаторы восстания, подчеркивает Маркс, так и не стали его руководителями⁵⁷.

Однако какими бы недочетами ни отличалось движение «Объединенных ирландцев», Маркс считал его важнейшей вехой в истории классовой и национально-освободительной борьбы в Ирландии, показателем большой для того времени революционной зрелости ирландских масс. Обобщая материал своих «Выписок», Маркс писал Энгельсу 10 декабря 1869 г., что в ирландском движении того времени «можно легко обнаружить классовое движение» и что «с революционной точки зрения, *ирландцы были слишком передовыми для стоявшей за короля и церковь английской черни*»⁵⁸. В конце XVIII в. в Ирландии назрела настоящая революция, прерванная поражением восстания

⁵⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 9.

⁵⁶ Там же, стр. 114.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 337—338.

1798 г. Недаром Маркс в другом месте события этого года называл «революцией 1798 г.»⁵⁹. По своему характеру это была буржуазно-демократическая революция, ставившая в то же время национально-освободительные цели. Исторические уроки этой революции, несмотря на ее поражение, подтверждали отстаиваемый Марксом и Энгельсом тезис о том, что угнетенный народ может добиться освобождения только в революционной борьбе против национального и колониального рабства. Этот вывод особенно актуальную работу Маркса для нашей эпохи — эпохи победоносных национально-освободительных революций против колониализма.

В «Выписках» Маркса проанализирована международная обстановка, в которой развивались ирландские события. На примере Ирландии показано большое влияние американской и особенно французской буржуазной революций конца XVIII в. Маркс подчеркивает, что сила этого влияния определялась и воздействием революционных идей, находивших горячий отклик в угнетенной Ирландии, и непосредственными ударами, которые были нанесены буржуазно-аристократической Англии Американской и Французской республиками, разгромившими контрреволюционные силы. Работа Маркса поэтому имеет значение для понимания не только ирландской истории, но и важных сторон истории всей революционной эпохи конца XVIII в., прежде всего для уяснения международного значения французской буржуазной революции. В то же время эта работа подводит и к другому выводу. Буржуазные революции в передовых странах, даже самые глубокие, не могут создать прочной опоры для освободительного движения угнетенных стран, как это видно на примере отношений ирландских патриотов с Францией, которая так и не оказала им должной поддержки. Только в лице пролетарского движения освободительная борьба угнетенных народов обретает надежного и верного союзника, обеспечивающего торжество дела национального освобождения и независимости народов.

Чрезвычайно много дают «Выписки» Маркса для разоблачения методов колониального господства Англии. Нарисованная Марксом картина взаимоотношений Англии и Ирландии прежде всего опровергает фальшивые вымыслы буржуазных историков о добровольном якобы согласии английских правящих кругов на введение парламентской автономии в 1782 г. и другие реформы в Ирландии. Эти уступки, неоднократно подчеркивает Маркс, были вынужденным актом; они были вырваны у английского правительства под напором мощного освободительного движения в стране и в результате международных осложнений, создавших для Англии реальную угрозу потери ирландской коло-

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 465.

нии, подобно тому, как были потеряны колонии в Северной Америке. Вскрытая Марксом подлинная подоплека «либерального курса» английских колонизаторов в Ирландии в эти годы наносит удар и по распространенному современными буржуазными апологетами колониализма мифу о присущем британской колониальной империи якобы особом «либеральном духе», о «добровольном отказе» Англии в прошлом и настоящем от колоний⁶⁰.

Подлинный облик английских колонизаторов, хищнически-угнетательское существо их политики особенно отчетливо обнаруживается, как это подчеркивает Маркс своими «Выписками», в те моменты, когда они получали возможность безнаказанно грабить и душить свою жертву, когда сложившаяся обстановка позволяла им обрушиваться всеми силами на национально-освободительное движение. Либеральная маска в такие моменты спадала, и английское правительство открыто и цинично действовало как вероломный и коварный душитель свободы ирландского и других народов. Типичным в этом отношении Маркс считал политику Питта-младшего, английского премьера, который со времени прихода к власти в 1784 г. вынашивал замыслы ликвидации всех уступок ирландской колонии и уничтожения ирландских патриотических сил. В письме Энгельсу от 10 декабря 1869 г. Маркс называл политику Питта в Ирландии «гнушной»⁶¹. «Выписки» полностью расшифровывают этот резкий эпитет. Они показывают, что в своем стремлении искоренить в Ирландии всякие элементы сопротивления Питт и его сподвижники Бересфорд, Кэмден, Каслри, Корнуоллис, Лейк и др. не стеснялись в выборе средств. Для этой цели все было пущено в ход: шпионаж, предательство, самый грубый полицейский произвол, узаконенный «актом о мятежах» и другими исключительными актами, военно-полевые суды, убийства патриотов посредством процессов о государственной измене, разжигание национальных и религиозных распрей, использование военных наемников и террористических банд «оранжистов», пытки, виселицы, беспощадное истребление повстанцев, разнузданный террор против мирного населения. При этом, указывает Маркс, Питт и другие государственные деятели лицемерно негодовали по поводу якобинского террора во Франции⁶².

Маркс разделял точку зрения Митчела и других ирландских демократов, считавших, что Питт сознательно стремился раз-

⁶⁰ В таком плане изображена история Британской империи и ее распада в книгах: E. A. Walker. *The British Empire, its Structure and Spirit*. London — New York, 1943; N Manserg. *Survey of British Commonwealth Affairs*. London, 1958.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма, стр. 231.

⁶² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5597, стр. 78.

жесть гражданскую войну в Ирландии, чтобы получить повод к истреблению участников освободительного движения и к проведению унии. «План Питта,— писал Маркс в приведенном выше подзаголовке,— *насилъно вызвать и спровоцировать восстание*». Он отмечал, что «царство террора», установленное в Ирландии Питтом и другими колонизаторами, «подготовило унию»⁶³.

К. Маркс до конца вскрывает колонизаторский характер унии 1801 г. Он рассматривал акт об унии как насильственную ликвидацию ирландской парламентской автономии, как подчинение Ирландии не только английским властям, но и английскому парламентскому большинству. Англо-ирландская уния 1801 г., указывает он, опираясь на материалы Энсора, носила еще более грубо-принудительный характер, чем англо-шотландская уния 1707 г. Принятие последней не было связано с введением осадного положения и переброской в страну крупных военных контингентов (в Шотландии было всего 3000 английских солдат). Сохранялись в силе и права шотландской пресвитерианской церкви. Прикованная же к Англии унией Ирландия не только была буквально наводнена английскими войсками, но и «создала предлог для содержания большой постоянной армии» для сохранения на долгое время института иностранных военных наемников на английской службе. Дискриминация католиков на «Зеленом острове» продолжалась⁶⁴. Католическое население было по-прежнему лишено избирательных и других политических прав. Уния укрепила власть английской аристократии и буржуазии над Ирландией.

Придя к этому заключению, Маркс увидел здесь и оборотную сторону медали. Изучение работ Энсора и других прогрессивных авторов убедило его в том, что последствия унии и вообще колониального порабощения Ирландии были плачевными и для английского народа. «Проигрыш для Англии» — так озаглавил, как уже указывалось, Маркс соответствующее место своих «Выписок». Уния, отмечал он, усилила позиции проводивших ее наиболее реакционных элементов буржуазно-аристократической олигархии (Каслри и др.) и в самой Англии. Она укрепила режим торийской реакции, характеризующейся расправой с народными выступлениями, сопротивлением проведению каких-либо реформ, господством системы «гнилых местечек», процветанием олигархических методов управления, или, как говорил Маркс, «ростом прайвильственной узурпации»⁶⁵. Таким образом, Маркс снова исторически обосновал на примере этого периода ирландской и английской истории свой знаменитый интернационалистский тезис, наиболее ярко сформулированный в одном из доку-

⁶³ Там же, стр. 74, 78.

⁶⁴ Там же, стр. 96, 99.

⁶⁵ Там же, стр. 96.

ментов I Интернационала: «Народ, порабощающий другой народ, кует свои собственные цепи»⁶⁶.

Работа К. Маркса по истории Ирландии XVIII в. поучительна во многих отношениях. Она дает дополнительный материал для характеристики Маркса как историка Ирландии и как великого основоположника марксистской исторической науки в целом. Маркс показывает в ней образцы умения разбираться в сложнейших исторических ситуациях, в которых классовые противоречия переплетались с национальными, определять решающие стороны исторических процессов. Ярko проявляются здесь и умение К. Маркса ориентироваться в исторической литературе, выбирать для своих исследований наиболее ценные труды прогрессивных историков. «Выписки» показывают, что Маркс, пользуясь методом исторического материализма, отнюдь не превращал историю в абстрактную схему, что он понимал ее как живую, многогранный процесс. В его поле зрения была как экономическая история, так и конкретная картина классовой борьбы. Большой интерес обнаруживал он к политическим событиям, к историческим деятелям. Совершенно чужда была великому вождю пролетариата бесстрастная манера восприятия истории. Маркс не скрывал своих симпатий и антипатий. Научная объективность сочеталась в его труде с подлинной партийностью. Оценка событий и лиц давалась им с позиций революционного пролетариата, с позиций пролетарского интернационализма.

Именно в этом проявилась и наиболее важная сторона «Выписок по истории Ирландии в последние десятилетия XVIII века». Каждая страница их проникнута духом непримиримого отношения к системе колониального гнета, глубоким сочувствием к борьбе угнетенного народа за свободу. Рукопись К. Маркса является еще одним ярким документом, характеризующим великого основоположника научного коммунизма как последовательного и решительного борца против колониализма.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 407. Любопытно отметить, что в этом документе, написанном спустя два месяца после составления «Выписок», так же приводится мысль о том, что Ирландия является единственным предложением для английского правительства «содержать большую постоянную армию, которую в случае нужды, как это уже имело место, бросят против английских рабочих».

Характеристика исторических личностей в «Хронологических выписках» К. Маркса

Нодлинными творцами истории всегда были и остаются народные массы. Теория исторического материализма и опирающиеся на нее работы историков-марксистов неопровержимо доказали, что народные массы выступают не только как производители материальных благ, но и как создатели ценностей духовной культуры человечества. На этом фоне разворачивается деятельность исторических личностей, оказавших то или иное влияние на исторический процесс.

Правильному подходу к оценке и характеристике исторических личностей прежде всего и в наибольшей степени нас учат классики марксизма-ленинизма. Пример этому характеристика исторических личностей в большой работе К. Маркса «Хронологические выписки». Работа эта представляет собою конспект всемирной истории с I в. до н. э. до середины XVII в. Составленный кратко для первых четырнадцати столетий указанного периода, конспект гораздо более обстоятелен при изложении событий последующих трех с половиной веков.

Подготавливая свои «Выписки», Маркс черпал фактический материал из многих исторических книг и особенно широко пользовался многотомной «Всемирной историей» Шлоссера. При этом материал конспектируемых книг был им тщательно отобран, дополнен, по-новому расположен, снабжен замечаниями и выводами, дающими материалистическое истолкование событий. Таким образом, конспект, составившийся для себя, по существу превратился в научное произведение, совершенно по-новому трактующее факты и события и противоречащее взглядам и мнениям использованных К. Марксом авторов. Очень наглядно проявляется это при сравнении характеристик исторических личностей, встречающихся, например, у Шлоссера и совершенно по-иному отображенных в работе Маркса.

Так, в числе многих других германских императоров Марксом упоминается Генрих VII (1308—1313 гг.) *. Этот император, как известно, вновь попытался распространить власть империи на Италию и в 1310 г. со своими войсками вторгся в ее пределы, грабя и разоряя ее города и жестоко расправляясь с населением. Политика Генриха VII в отношении двух основных партий Италии — гвельфов и гибеллинов — была продиктована этой же целью и стремлением выжать из итальянских городов как можно больше денег.

При характеристике Генриха VII К. Маркс использует в качестве исходного материала данные, сообщаемые Шлоссером. Но если последний и рассказывает о расправе Генриха VII над Брешией и Кремоной, оскорбившей императорских послов, то в целом он всячески выгораживает Генриха и стремится подчеркнуть его «доброту», «умеренность», «благородство». Шлоссер всерьез пишет о стараниях императора примирить между собой гвельфов и гибеллинов и пытается доказать, что ошибкой Генриха была его «доброта» и старание держаться середины, оказавшееся никуда негодным способом действий, в чем ему вскоре пришлось убедиться, поскольку итальянцы «принимают его доброту за глупость и слабость»¹.

По-иному характеризует Генриха VII и его действия в Италии Маркс. Он говорит о его вандалских расправах над городами и разоблачает миротворчество Генриха, так умилившее Шлоссера: «Осел (Asinus) Генрих рассылал повсюду посланцев, возвещающая примирение между гибеллинами и гвельфами, а он-де — посредник! [В действительности же он готов был действовать, не останавливаясь ни перед чем, только тогда, когда надо было выкачивать гвельфские или гиббеллинские деньги из городов, или в тех случаях, когда он лично чувствовал себя «оскорбленным», как в Кремоне]. Итальянцы сразу же раскусили этого варвара-простофилю (*den barbarischen Einjaltpinsel*)...»²

Таким образом, характеризуя Генриха VII, Маркс высмеивает его и отвергает совершенно необоснованно приписанные ему Шлоссером черты личного благородства. Генрих VII в оценке Маркса предстает как грубый и глупый, жестокий и алчный правитель, т. е. типичный представитель германской императорской власти.

Резко отрицательные, полные негодования характеристики, которые Маркс дает представителям господствующих классов, решительно осуждая их действия по отношению к народу, коренным образом отличаются от характеристик, данных Шлоссером. Характерно, что исторические факты при этом, как правило, приводятся одни и те же. Так, описывая гибель вождя крестьянского

* Здесь и далее в скобках указаны годы правления.

¹ Ф. Шлоссер. Всемирная история, т. 8. СПб., 1863, стр. 110.

² Архив Маркса и Энгельса, т. 6. М., 1939, стр. 8.

восстания 1381 г. в Англии, Шлоссер спокойно рассказывает о том, как 15 июня во время встречи короля Ричарда II и его свиты с крестьянами, Уот Тайлер выехал навстречу королю и «несколько храбрецов в свите короля воспользовались этим случаем, чтобы лишить восставший народ единственного человека, который не только пользовался неограниченным влиянием над ним, но и умел руководить военными действиями, привыкнув к войне в француско-английскую кампанию. Едва Уот Тайлер приблизился к королю, как лорд-мэр Уолворт пронзил ему горло, и он пал под ударами других рыцарей»³.

Каким равнодушием звучат эти слова о гибели народного вождя, убийц которого Шлоссер цинично называет «храбрецами». Совершенно иначе оценивает этот исторический эпизод Маркс. Уота Тайлера, говорит он, «коварно убивают». Причем в лаконичной фразе, описывающей обстановку убийства, Маркс дает отчетливую и совершенно отличную от Шлоссера характеристику убийств: «Несколько негодяев из королевской свиты, а именно: *лорд-мэр Уолворт* (собака из собак!) (*Spießhund!*) пронзает Уота Тайлера, а некоторые «отважные» рыцари (!) приканчивают его»⁴.

Итак, лорд-мэр Лондона Уолворт, которого Шлоссер называет храбрецом, у Маркса — «собака из собак!»

Иногда факт, сообщаемый Шлоссером, вызывает у Маркса замечание, резко отличающееся от мнения Шлоссера. Так, в связи с событиями Шмалькальденской войны (1546—1548), разгоревшейся между немецкими князьями и имперскими городами, с одной стороны, и императором Карлом V — с другой, Шлоссер упоминает об аресте, которому в 1547 г. император подверг одного из вождей Шмалькальденского союза — ландграфа Филиппа Гессенского. Шлоссер сетует на коварство Карла V и порицает имперские власти за то, что «во все время заключения, продолжавшегося до 1552 г., с ландграфом обращались самым недостойным образом»⁵.

Маркс тоже останавливается на этом факте, но, припоминая поведение Филиппа во время крестьянской войны 1525 г., с удовлетворением восклицает: «*Карл V арестовал его* (поделом ему, этому хвостуну и палачу крестьян!)»⁶

Разумеется, каждая такая характеристика, данная Марксом, носит не только личный, но и социально-классовый характер. Здесь вновь уместно напомнить о различном подходе Маркса и Шлоссера к характеристике личности. Если Шлоссер нередко пытается создать впечатление, будто поступки того или иного исторического деятеля объясняются особенностями его характе-

³ Ф. Шлоссер. Указ. соч., т. 8, стр. 446.

⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. 6, стр. 70—71.

⁵ Ф. Шлоссер. Указ. соч., т. 12, 1865, стр. 262.

⁶ Архив Маркса и Энгельса, т. 7, стр. 267.

ра, темперамента, то Маркс, отнюдь не пренебрегая личными чертами, показывает их в то же время как черты социальной психологии, стремясь выявить место и роль исторической личности в обществе.

Так по-разному подходят Маркс и Шлоссер и к характеристике Мартина Лютера.

Неодобрительно отзываясь о призывах Лютера к государям против народа, Шлоссер при этом замечает, что «Лютер писал против крестьян с таким же гневом и с такою же запальчивостью, как против архиепископа магдебургского, папы, Генриха VIII английского, герцога Георга Саксонского и герцога Генриха Брауншвейгского»⁷. Иначе говоря, в пылу и гнев Лютер не делал различия между государями и крестьянами. Далее, Шлоссер развивает свою мысль: «Он (т. е. Лютер.— З. Р.) часто писал в минуты сильного и страстного увлечения, что давало его гладнокровным и злым противникам возможность обращаться против него множеством цитат, выхваченных из его сочинений»⁸.

Легко заметить, что Шлоссер стремится если и не вполне обелить, то, по крайней мере, значительно смягчить оценку Лютера, объясняя его поступки горячностью, увлечением, несдержанностью, от которых сам он прежде всего и страдал.

Совсем иначе рассуждает Маркс. Он, естественно, не только безоговорочно осуждает Лютера за его буйные призывы к убийству крестьян, но и понимает, что с этими призывами Лютер обратился к князьям и служил им верой и правдой потому, что выражал взгляды и интересы немецкого бюргерства, которое, будучи насмерть напугано крестьянской войной, видело в княжеской власти свою единственную защиту от народа. Поэтому К. Маркс презрительно характеризует Лютера, как «раболепного холопа князей»⁹. Несколькими четкими и выразительными штрихами Маркс дорисовывает портрет Лютера, оценивая его как вождя реформации. Он отмечает нерешительность, ограниченность, узость воззрений Лютера — тоже, кстати сказать, типичные психологические черты немецкого бюргерства.

Сравнивая Лютера с швейцарскими протестантами, Маркс отмечает, что последние с самого начала проявляли большую смелость, чем этот «глупо-фанатичный, веровавший в черта обыватель»¹⁰. В другом месте, отмечая, что своим спором с Цвингли о причастии Лютер помешал объединению лютеран Германии с германскими городами Швейцарии, Маркс решительно заявляет: «...этот монах препятствовал всему действительно прогрессивному в реформации»¹¹. Известно, что в других работах Маркс

⁷ Ф. Шлоссер. Указ. соч., т. 12, 1865, стр. 34—35.

⁸ Там же.

⁹ Архив Маркса и Энгельса, т. 7, стр. 175.

¹⁰ Там же, стр. 179.

¹¹ Там же, стр. 191.

отмечал и другие черты Лютера (в том числе и положительные), но в «Хронологических выписках» он счел нужным подчеркнуть именно эти наиболее существенные его черты, которые были характерны для слабых сторон немецкого бюргерства.

Довольно часто Маркс касается вопроса о том, с какими классами и сословиями был связан тот или иной государственный или общественный деятель и в каких отношениях он находился с ними. Иногда это служит основанием для серьезных обобщений и выводов, но даже если Маркс ограничивается простой констатацией факта, то в самой формулировке он выражает свое мнение об этом деятеле.

Характеризуя политическую деятельность польского короля Казимира III (1333—1370) и положительно отзываясь о некоторых его нововведениях, способствовавших определенному подъему Польши, Маркс, однако, обрушивается на Казимира за его подражание «немецкому образцу». Он показывает, что, следуя этому образцу, Казимир III, разумеется, не мог достичь централизации и объединения страны.

Казимир «созывал... *государственный сейм по немецкому образцу*; т. е. *регулярно призывал крупных феодалов*, ничего не делал без их совета и санкции; *народ и даже низшее дворянство нигде не представлены*. Так, *при восстановлении польского государства*,— добавляет Маркс,— *образовалась олигархически-аристократическая форма* (позднейшего польского государства)¹².

Отношение к народу служит Марксу важнейшим критерием при оценке и характеристике политического деятеля. Подвергая уничтожающей критике близорукость и своекорыстие целого ряда германских императоров, Маркс постоянно указывает на их варварское обращение с подданными. Так, характеризуя деятельность императора Генриха VI (1190—1197 гг.), он говорит о его жестокой политике, особенно о его зверствах в Италии. В Сицилии Генрих «приказывал ослеплять, насаживать на пики, жарить, обдирать кожу, закапывать в землю и прежде всего — грабить»¹³.

Об императоре Фридрихе II (1215—1250 гг.), в частности об управлении им сицилийским королевством, Маркс записывает: «Он управляет своей страной, как деспот и грабитель»¹⁴.

Императора Людвига IV Баварского (1314—1347 гг.) Маркс называет «величайшим варваром и злодеем (*Mordbrenner*) по отношению к своим собственным подданным...»¹⁵ Маркс пишет о нем: «Для Людвига главное дело — это *обогащение его семьи*. Когда *горожане Верта* (Wörth) пожаловались ему на несправедливость и тягость налогов, этот пес велел *ослепить* некоторых

¹² Архив Маркса и Энгельса, т. 5, стр. 348.

¹³ Там же, стр. 176.

¹⁴ Там же, стр. 245.

¹⁵ Архив Маркса и Энгельса, т. 6, стр. 11.

из их депутатов, а одного из них зашить в мешок и бросить в Дунай»¹⁶.

Императора Карла V (1519—1555 гг.) он характеризует коротко, но не менее выразительно: «Испано-габсбургский пес *Карл V* всегда появлялся там, где дело шло о том, чтобы что-нибудь подавлять»¹⁷.

Столь же показательны и характеристики, данные Марксом правителям средневековой Англии.

Иоанн Безземельный (1199—1216 гг.), как показывает Маркс, издевался над своими подданными. Он «...отбирает у вассалов их детей в качестве заложников, {чинит} вымогательства, {устанавливает} форменную} тиранию; доводит до крайней жестокости применение законов об охоте и т. д.»¹⁸. Окруженный наемным рыцарским войском, он творит беззакония и грабежи, деля добычу между своими, как их называет Маркс, «хищными героями». «В конце концов он отдает им на разграбление всю Англию»¹⁹.

Не менее резко оценивает Маркс деятельность сына и преемника Иоанна — короля Генриха III (1216—1272 гг.). «...Правление его жалко; он заключает позорные договоры; дает *родственникам своей жены Элеоноры из Прованса* важнейшие должности в стране... разрешает папе *грабить английскую церковь*, а итальянским ростовщикам высасывать соки из страны»²⁰.

Осуждая, характеризует Маркс и наследника Генриха III — короля Эдуарда I (1272—1307 гг.). Прежде всего он вменяет ему в вину произвол по отношению к народу и слишком большие политические права, какие Генрих III дал баронам. «Только с ними,— пишет Маркс,— *Эдуард советовался, народных представителей собирал лишь для того, чтобы требовать от них подати; не собирал их часто по 10 лет; созывал то больше, то меньше депутатов. Требовал податей также и без парламента и взимал произвольно со свободных крестьян и горожан то, в чем отказывали бароны*»²¹.

Подробно остановившись на всевозможных средствах вымогательства, использованных Эдуардом I, Маркс в заключение пишет о нем: «Был вообще деспотом: *приговаривал к смерти и к другим наказаниям одной только полицейской властью...*»²²

В третьей тетради «Хронологических выписок», составляющих содержание седьмого тома Архива, Маркс приводит целый перечень английских королей, заслуживших прозвище «крова-

¹⁶ Архив Маркса и Энгельса, т. 6, стр. 30.

¹⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. 8, стр. 79.

¹⁸ Архив Маркса и Энгельса, т. 5, стр. 180.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, т. 5, стр. 302.

²¹ Там же, стр. 306.

²² Там же, стр. 307.

вый». «В Англии были,— пишет Маркс,— кровавый *Ричард II* (убийца народа и еретиков, убийца своего дяди), кровавый *Генрих IV*, кровавый *Генрих V* (сжигатель еретиков), кровавый *Эдуард IV*, кровавый *Ричард III*, кровавый *Генрих VII*, чудовище *Генрих VIII*, кровавый *Эдуард VI* (который отрубил головы даже обоим своим дядям). Потом следует ультра-кровавая *королева Бесс (Queen Bess)*»²³.

После королевы Бесс на престол взошла Елизавета Тюдор, преемником которой был Яков I Стюарт (1603—1625 гг.). Правление этого «нелепого выроodka», как его называет Маркс, способствовало назреванию английской революции. Яков I постоянно находился в состоянии конфликта с парламентом, которому он то угрожал, то давал обещания в поисках материальной поддержки, то вновь подвергал его непокорных членов к денежным штрафам и заточению в Тауэр. Характеризуя реакционную антинародную сущность деятельности этого короля, Маркс пишет: «...за несколько лет {царствования Якова} монополии увеличились во сто крат, у купцов насильственно вымогали займы, богатых приговаривали к неоплатным пеням, торговля и ремесла были парализованы, ухудшилось положение бедных...»²⁴

В приведенных здесь характеристиках, данных Марксом правителям государств феодальной эпохи, прежде всего содержится оценка правителей с точки зрения их связи с различными классами и взаимоотношений между ними, их роли в развитии общества. Разумеется, это не исчерпывающая характеристика этих личностей. В других работах Маркса мы находим более разностороннюю оценку их деятельности.

* * *

Большое место в «Хронологических выписках» отведено истории католической церкви, истории папства, особенно в период XIV—XVI вв. Перед нами проходит вереница духовных владык, каждый из которых снабжен то метким прозвищем, то краткой или развернутой, но всегда несмыслаемой, как клеймо, характеристикой.

О папе Иоанне XXII (1316—1334 гг.), известном тем, что учение о бедности Христа и апостолов он осудил как ересь, Маркс записывает: «*Иоанн XXII* больше всего прославился своими смелыми спекуляциями и умением изобретать новые доходы для папской казны; он первый ввел канцелярские поборы папского двора, так называемые аннаты, или взимаемые в пользу папы доходы епископов за первый год их епископства, а также другие способы выжимания денег; он, {по свидетельству} своего

²³ Архив Маркса и Энгельса, т. 7, стр. 371.

²⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. 8, стр. 95.

родственника, оставил после своей смерти 17 миллионов золотых гульденов, по другим источникам, сверх того, еще на 7 миллионов серебряной посуды и драгоценных камней; он был достойным сыном Кагора — города ростовщиков»²⁵.

Значительно короче, но не более лестно характеризует Марк папу Климента VI (1342—1352 гг.). Он пишет о нем: «Климент VI был рабом своей любовницы, виконтессы де-Тюрен; его дом в Авиньоне был центральным вавилонским домом терпимости...»²⁶

Совсем кратко, но очень решительно отзываясь Марк о папе Клименте VII (1378—1394 гг.), которого он характеризует как «чудовищную скотину»²⁷.

Более подробную характеристику дает Марк папе Бонифацию IX (1389—1404 гг.). О нем Марк пишет: «Для того чтобы восстановить светскую власть римского престола, он все превратил в предмет открытой торговли. В хронике Дитриха фон-Нима {немец; был секретарем Урбана VI} целых двенадцать глав заполнены описаниями бесстыдных проделок, с помощью которых Бонифаций в течение ряда лет собирал звонкую монету со всего европейского континента {даже мать его (скряга) и братья тоже занимались продажей духовных должностей, приходов, почетных должностей и отпущения грехов}»²⁸.

О том же Бонифации IX Марк в другом месте пишет: «По всей Европе он добывал вымогательством деньги для восстановления светской власти попов в Италии. Это ему удавалось нередко чисто мошенническим путем; так, например, он продавал одну и ту же должность или бенефиций шесть или восемь раз различным лицам». Тут Марк делает отступление и вывод, выходящий далеко за пределы характеристики одного лишь Бонифация IX. «Папа мог так действовать потому, что он был, по-видимому, единственной опорой духовенства и его огромного богатства {во всех странах Европы духовенство владело самыми доходными имениями, в его руках находилось от 1/4 до 1/8 всего народного богатства в различных странах; поэтому повсюду оно вызывало против себя страшную ненависть}»²⁹.

Можно привести еще характеристику папы Иоанна XXIII (1410—1415 гг.), о котором Марк брезгливо говорит: «...Циник и развратник с противоестественными похотями»³⁰. До конца проследившая его судьбу, Марк записывает, что четыре года спустя после своего низложения этот «достойный» представитель католического клира был возведен на высшую должность в

²⁵ Архив Маркса и Энгельса, т. 6, стр. 28.

²⁶ Там же, стр. 40.

²⁷ Там же, стр. 135.

²⁸ Там же, стр. 137.

²⁹ Там же, стр. 153—154.

³⁰ Там же, стр. 215.

церковной иерархии — назначен председателем кардинальской коллегии. Как иронически замечает Маркс, это произошло «...несмотря на разоблаченные пакости Иоанна XXIII, или, вернее, за эти пакости...»³¹.

Примерно в том же духе отзывается Маркс о знаменитом папе Александре VI Борджиа (1492—1503 гг.) Маркс пишет о нем: «Уже как кардинал он приобрел печальную известность благодаря своим многочисленным сыновьям и дочерям, а также подлостям и гнусностям этого своего потомства»³². В другом месте Маркс называет Александра VI «чудовищем разврата»³³ и всей своей записью о нем подтверждает справедливость этой оценки.

Так, шаг за шагом, характеризуя пап, кардиналов, епископов и других духовных прелатов, Маркс наглядно раскрывает отвратительное нутро, фальшь и реакционность католической церкви. Все эти характеристики важны для понимания роли католического духовенства и возглавлявших его пап и имеют большую ценность для антирелигиозного воспитания на материале истории средних веков.

* * *

Большое внимание, уделенное в «Хронологических выписках» историческим личностям, ни в какой степени не противоречит точке зрения Маркса о решающей роли народных масс в истории. На протяжении всей работы Маркс старательно отмечает все проявления борьбы народных масс за свободу и независимость своей родины против иноземных захватчиков. Маркс описывает победоносную борьбу фламандцев, восставших в начале XIV в. против французского владычества³⁴, блестящие победы, одержанные русскими во главе с Александром Невским в 1240 г. над шведами, а в 1242 г. над немецкими рыцарями³⁵.

Много места Маркс отводит борьбе трудящихся и угнетенных с эксплуататорами. Он рассказывает о героическом и упорном сопротивлении фризских крестьян, штединггов, доблестно отстаивавших свою свободу от «дворянской сволочи» и «паршивых монахов». Когда в 1234 г. против штединггов двинулось сорокатысячное дворянское войско, «11 000 крестьян чрезвычайно мужественно защищались под предводительством своих вождей: Болеке из *Барденфлита*, Таммо из *Гунторпе* и Детмара из *Дамма*; сражались, как «бешеные», при *Альтенеше* убили *графа Ольденбургского*, много других князей, 4 000 всадников, но условия местности были более благоприятны для конного рыцарства,

³¹ Там же, стр. 222.

³² Архив Маркса и Энгельса, т. 7, стр. 68—69.

³³ Там же, стр. 80.

³⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. 5, стр. 318.

³⁵ Там же, стр. 344.

чем для легко вооруженных штединггов; они потерпели поражение,— с горечью записывает Маркс,— более $\frac{1}{2}$ из них было убито в бою или потонуло; остальные бежали к рюстрингам и полностью слились с ними; их страна досталась архиепископу Бременскому»³⁶.

Так же тщательно записывает Маркс многочисленные факты из истории городских движений в Нидерландах, Италии, Франции, Германии. Он останавливается, правда вкратце, на истории восстания Дольчино в Италии³⁷, на истории крестьянской войны (Жакерии) во Франции³⁸, более подробно рассказывает, как упоминалось, о восстании Уота Тайлера в Англии³⁹. С большой обстоятельностью и яркостью Маркс излагает события гуситского движения — «национально-крестьянские» войны чехов против Германской империи в XV в.⁴⁰, дает обзор крестьянской войны 1524—1525 гг. в Германии⁴¹ и касается многих других событий классовой борьбы в средние века. При этом Маркс приводит многочисленные имена вождей, полководцев, народных агитаторов. И почти всегда при этом заносит в свой конспект наиболее характерные их особенности и отмечает то главное, что определяло их место и роль в истории.

Так, о вожде восстания североитальянских крестьян в начале XIV в. Дольчино, или, как Маркс его называл, Дульчино в «Хронологических выписках» сказано, что он «проповедывал простоту первоначального христианства, общность имущества, учреждение христианской республики, свержение светских насильников и богачей во имя бедных и угнетенных»⁴². А великий герой Чехии Ян Гус охарактеризован Марксом как защитник чешских «национальных и народных прав»⁴³.

Легко заметить, что деятельность личностей Маркс постоянно рассматривает в связи с интересами и борьбой масс. Пишет ли он о социальных движениях, фиксирует ли факты, относящиеся к экономической жизни, рассказывает ли о политических мероприятиях того или иного властителя, всем ходом своих рассуждений, а иногда и прямо говоря об этом, Маркс подчеркивает роль масс в историческом процессе, их способность воздействовать на ход и направление событий.

Говоря, например, о неудачах бургундского герцога Филиппа Доброго (1419—1467 гг.) в Нидерландах, Маркс замечает: «Привилегированные классы как во фламандских, фрисландских, так

³⁶ Архив Маркса и Энгельса, т. 5, стр. 279.

³⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. 6, стр. 5—6.

³⁸ Там же, стр. 55—56.

³⁹ Там же, стр. 69—71.

⁴⁰ Там же, стр. 224—244.

⁴¹ Архив Маркса и Энгельса, т. 7, стр. 179—182.

⁴² Архив Маркса и Энгельса, т. 6, стр. 5.

⁴³ Там же, стр. 214.

и в валлонских провинциях были в союзе с народной массой. Поэтому Филипп не мог здесь ввести монархического или военного порядка. Самые строптивые города — Гент и Брюгге в то время были наиболее населенными во всей Европе»⁴⁴.

С другой стороны, Маркс показывает, что грозная сила народа была так велика и ее так боялся господствующий класс, что перед лицом поднимающегося или готового прийти в движение народа, умоляли в рядах знати внутренние распри, и даже немецкие князья готовы были поддержать своего императора, чего в другое время они не склонны были сделать. Так, в связи с событиями гуситского движения Маркс записывает: «Немецкие князья усердно поддерживали Сигизмунда, потому что почти все немецкие города, горожане и свободные общины, особенно города, подвластные духовным князьям или имевшие в своих стенах церковные учреждения, монастыри и духовную юрисдикцию, по-видимому, склонны были последовать примеру чехов»⁴⁵.

Страницы «Хронологических выписок» пестрят именами князей, герцогов, королей, императоров, но характеристики и уничтожающие эпитеты, сопровождающие многие из этих имен, выражают, в сущности, мысль Маркса о том, что уж, конечно, не эти «прохвосты», «шуты», «тупицы», «паразиты» творят историю.

Характеристики исторических личностей в «Хронологических выписках» имеют также тот смысл, что с их помощью Маркс рассеивает ореол величия и героизма, которым иных деятелей совершенно незаслуженно окружила дворянская и буржуазная историография.

Известно, например, что немецкие историки-националисты, а затем и фашистские борзописцы всячески возвеличивали герцога Саксонии и Баварии Генриха Льва, одного из главарей разбойничьего наступления немцев в XII в. на славянские земли. Этим немецким захватам Маркс дает самую гневную и отрицательную характеристику, а Генриха Льва он называет «вероломным и хищным неряхой»⁴⁶. Так одной короткой, но содержательной и не оставляющей сомнений фразой Маркс создает образ физически и морально нечистоплотного, жестокого, коварного и жадного разбойника, каким Генрих Лев и был в действительности.

Герцога Бургундского Карла Смелого (1467—1477 гг.) Маркс характеризует, как «шутовского героя»⁴⁷, высмеивая его обширные и внешне блестящие, но внутренние пустые затеи. Он вскрывает бесплодность борьбы этого «героя» с королем Людовиком XI, победа которого была объективно закономерна и важ-

⁴⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. 6, стр. 348.

⁴⁵ Там же, стр. 227—228.

⁴⁶ Архив Маркса и Энгельса, т. 5, стр. 144.

⁴⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. 6, стр. 385.

на с точки зрения прогресса, тогда как действия Карла Смелого, препятствующего Людовику в деле объединения Франции, тем самым носили реакционный характер и были исторически обречены.

Легкомысленным и недалеким показывает Маркс французского короля Франциска I (1515—1547 гг.). Он называет его «ослом» и «ветрогоном» за то, в частности, что Франциск, «присуясь своим рыцарством», беспрепятственно пропускал своего противника императора Карла V через Францию в Испанию и Нидерланды, где тот подавлял вспыхивавшие против него народные восстания⁴⁸. Таким образом, содействуя Карлу V в укреплении его позиций, Франциск I наносил себе и Франции серьезный ущерб.

Из многочисленных и столь же «лестных» характеристик других правителей феодальных государств можно привести отзыв Маркса об императоре Германии Сигизмунде (1411—1437 гг.), отдавшем чешского национального героя Яна Гуса в руки кровавых попов. Маркс называет Сигизмунда: «жалкий паразит, тунец, попрошайка, кутила, пьяница, шут, трус и фигляр»⁴⁹.

При изучении «Хронологических выписок» нетрудно сделать вывод о том, что содержащиеся в них характеристики личностей подчас представляют собой характеристики классов, выразителями интересов которых эти личности явились, и, наоборот, в своих оценках и характеристиках отдельных личностей Маркс исходит из анализа и оценки деятельности и политики того или иного класса. При этом Маркс с большой убедительностью показывает, что именно народным массам присущи высокие и благородные чувства: свободолюбие, истинный героизм, честность, беззаветная любовь к родине, а потому из среды простого народа и близких к нему слоев общества обычно выходят передовые борцы за народную свободу и независимость родной земли. Из этой среды вышли все подлинно выдающиеся исторические личности. Таковы были вожди народных восстаний в Италии, Англии, Франции, Германии, полководцы таборитов в Чехии, героиня французского народа в период Столетней войны (1337—1453 гг.) «крестьянская девушка Жанна д'Арк и многие другие.

Очень характерна запись Маркса о Жанне д'Арк. Он с удовлетворением упоминает о ее победе под Орлеаном и последующем участии в ряде успешных сражений. Но «крестьянская девушка» оказалась «бельмом на глазу» для королевской и аристократической партии, и в результате измены французской знати она в мае 1430 г. попала в плен к врагам, а год спустя была публично сожжена в Руане.

⁴⁸ Архив Маркса и Энгельса, т. 7, стр. 244, 246, 247.

⁴⁹ Архив Маркса и Энгельса, т. 6, стр. 218.

Маркс дает понять, что героическое выступление Жанны д'Арк символизировало растущее негодование народных масс против иноземных завоевателей. Примером народного гнева может служить, в частности, упоминаемое на тех же страницах «Хронологических выписок», восстание нормандских крестьян, «ожесточенных поборами англичан».

Следует отметить, что своим изложением трагической истории Жанны д'Арк⁵⁰ и характеристикой этой народной героини Маркс еще раз показал, что только народу и тем, кто вышел из его рядов, могут быть по-настоящему дороги интересы родины и ненавистны ее враги и поработители. Кроме того, излагая события, связанные с Жанной д'Арк, Маркс вновь раскрыл подлинную природу богатой и правящей знати, ставящей свои классовые интересы превыше всего.

* * *

Оценка и характеристики исторических личностей, данные Марксом в «Хронологических выписках», зачастую очень кратки, но всегда метки, точны, исторически верны, ибо в основе их лежит глубокое знание обстановки, в которой эти личности действовали, знание расстановки классов, которые они представляли, и их роли в обществе. Маркс стремится к тому, чтобы каждая данная им характеристика была яркой и предельно выразительной. Для этого он не скупится на резкое, острое слово, эпитет, прибегая часто к аналогии, сопоставлению.

Маркс никогда не приписывает характеризваемым им личностям несвойственных им пороков, недостатков или, напротив, достоинств, но он сознательно заостряет, подчеркивает те или иные наиболее типичные для них черты и этим достигает наибольшей четкости, выпуклости и убедительности. Причем эти черты, как показывает Маркс, являются типичными для целых социальных групп и прослоек. Таковы, например, своекорыстие, равнодушие к государственным интересам и мещанская мелочность германских императоров, алчность и моральная нечистоплотность римских пап, трусость и ограниченность немецкого бюргерства, жестокость, высокомерие и презрение к народу феодальной знати и т. д.

Изучая «Хронологические выписки», в частности содержащиеся в них оценки и характеристики исторических личностей, мы еще лучше познаем Маркса как ученого и как человека. В этих характеристиках, как и в целом в «Хронологических выписках», проявилась глубокая принципиальность Маркса, его нетерпимость к подлости, лицемерию, вероломству, предательству, его

⁵⁰ Там же, стр. 327—329.

ненависть к врагам и угнетателям трудящихся, его уважение и любовь к народным массам, к их вождям и героям.

Характеристики исторических личностей, сформулированные Марксом, ценны и сами по себе, поскольку многие из них могут и должны быть использованы историком-исследователем в его работе, преподавателем вуза в лекции, учителем в рассказе на уроке. Но поучительны и ценны они также, а может быть и прежде всего, как материал, на котором следует учиться единственно правильному подходу к оценке и характеристике исторической личности, подходу воинственному и страстному, научно-объективному и в то же время лишенному малейшей тени объективизма.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В. А. Дунаевский

Великая французская революция в советской историографии (1917—1941 гг.)

Первое в истории человечества государство рабочих и крестьян поставило качественно новые задачи перед молодой наукой Страны Советов. Решающие изменения исторической перспективы, которые несла с собой Великая Октябрьская социалистическая революция, определили на длительное время тематику исследований в области истории нового времени.

На первый план выдвигается проблема изучения истории революционного движения, как отечественного, так и зарубежного.

Историкам-марксистам предстояло, базируясь на трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, в свете нового огромного опыта дать целостный и глубоко аргументированный анализ таких кардинальных вопросов истории этой революции, как вопросы ее движущих сил, социальной базы и характера деятельности отдельных классов и партий, содержания идеологической борьбы и, в первую очередь, особенностей движения народных масс.

Наиболее пристальное внимание советской историографии привлекают революционные движения нового времени или эпохи промышленного капитализма, как это формулировалось в период 20-х — начала 30-х годов.

Не случайно, что в цепи буржуазных революций одно из первых мест принадлежало Великой французской буржуазной революции XVIII в. Явившись первым выступлением буржуазии, в котором борьба против феодально-абсолютистского строя оказалась доведенной до конца, французская революция 1789—1794 гг. способствовала осуществлению качественно нового скачка, совершившегося на исходе XVIII в.

Всемирно-историческое значение событий, потрясших Францию в конце XVIII в., было глубоко раскрыто В. И. Лениным в его речи на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию. «Возьмите, — указывал он, — великую французскую революцию. Она недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве»¹.

Многочисленные высказывания В. И. Ленина² по истории Великой французской революции явились, наряду с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, той бесценной сокровищницей марксистской мысли, в которой советские историки находили ответ на наиболее животрепещущие проблемы движущих сил в революции (роли в ней буржуазии, крестьянства и городского плебса), идеи гегемона в революции, характера экономического развития страны под воздействием революции и т. д.

Особенно часто обращался В. И. Ленин к анализу революционных событий во Франции конца XVIII в. в годы первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и во время Великой Октябрьской социалистической революции. И, как справедливо заметил Н. М. Лукин, именно в историческом опыте революции 1789—1794 гг., а также первой в мире пролетарской революции — Парижской Коммуны 1871 г., В. И. Ленин «...видел прежде всего ценнейший материал для проверки стратегии и тактики русского и международного пролетариата в его настоящих и будущих революциях»³.

Эту задачу, поставленную В. И. Лениным, и стремились ре-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 367.

² В рассматриваемый нами период советскими историками был опубликован ряд работ, раскрывающих значение трудов основоположников марксизма в области изучения истории французской революции конца XVIII в. Среди них особенно интересно исследование Н. М. Лукина «Ленин и проблема якобинской диктатуры» («Историк-марксист», 1934, т. 1), в котором дан глубокий анализ ленинских взглядов на различные стороны Великой французской революции. По этим же вопросам в разные годы писали и другие советские историки. Можно, например, указать брошюру И. Токина «Ленин о Великой французской революции» (М., 1932) и др. Однако нельзя не отметить, что в этих работах (исключая статью Н. М. Лукина) в большей или меньшей мере уже виден отпечаток складывавшегося с начала 30-х годов культа личности. Сталинским высказываниями о Великой французской революции (часто при игнорировании ленинского наследства) по мере роста отрицательных явлений, связанных с культом, начинает уделяться все большее внимание.

³ Н. М. Лукин. Избр. труды, т. 1. М., 1960, стр. 322.

шить в своих работах о Великой французской буржуазной революции, изданных в послеоктябрьские годы, советские историки, среди которых в первую очередь следует назвать Н. М. Лукина, В. П. Волгина, Г. С. Фридлянда и некоторых других ⁴.

Опубликование многочисленных исследований, посвященных французской революции 1789—1794 гг., уже само по себе было явлением симптоматичным. В силу ряда причин, эта проблема всемирной истории выдвигалась на первый план. Ведь именно в революции видели советские историки высшую форму проявления классовой борьбы. О различных ее сторонах должны были возникнуть споры и разгореться дискуссии, неизбежные для обстановки, в которой развивалась тогда советская историография. Нельзя также упускать из вида определенную прочность позиции буржуазных ученых в некоторых высших учебных заведениях и учреждениях страны.

Вышеуказанные соображения объясняют причины, по которым советская историческая наука с позиций марксистской методологии стремилась всесторонне осмыслить предпосылки и ход революции, а также причины, подготовившие контрреволюционный термидорианский переворот.

Для исследуемого нами периода можно наметить три основные хронологические грани, характеризующие особенности изучения темы «Великая французская революция» в советской историографии.

В первый период, укладывающийся в рамки 1917—1923 гг., марксистская наука ведет преимущественно борьбу за идеалы пролетарской революции. В этой борьбе она часто обращается к опыту прошлых революций, наиболее часто к опыту французской революции XVIII в. Статьи Н. М. Лукина ⁵ в «Социал-демократе» и «Правде», брошюра И. И. Степанова-Скворцова ⁶ о Ж.-П. Марате явились наиболее характерными образцами марксистской агитационной литературы, рассчитанной на широкие народные массы.

Однако в это же время Н. М. Лукин создает свой выдающийся труд о Максимилиане Робеспьере ⁷, с выходом которого можно говорить о появлении первого советского марксистского монографического исследования, посвященного эпохе Великой французской революции.

⁴ В. А. Гавриличев. Великая французская буржуазная революция конца XVIII века в советской историографии (1917—1960 гг.). Библиографический указатель. Казань, 1961.

⁵ Н. М. Лукин (Антонов). Кое-что об исторических аналогиях.— «Социал-демократ», 24.XI 1917; он же. Буржуазное отечество в опасности (Из истории Великой французской революции).— «Правда», 28.IX 1918.

⁶ И. И. Степанов. Жан-Поль Марат и его борьба с контрреволюцией. Пг., 1918.

⁷ Н. М. Лукин. Максимилиан Робеспьер. М., 1919.

В начале намеченного нами периода марксистской историографии противостоит буржуазно-либеральная историография, которая в лице Н. И. Кареева и Е. В. Тарле стремится увидеть в революции преимущественно теневые стороны и делает подчас заключения⁸, которые не имели места даже в дореволюционных работах указанных авторов.

Второй период, продолжавшийся до начала 30-х годов, явился временем напряженной и весьма успешной деятельности советской исторической науки в области изучения французской революции конца XVIII в. Именно в эти годы было опубликовано большое количество исследований и научно-популярных работ по истории Великой французской революции, ставшей центральной проблемой в трудах историков нового времени. Создается в сущности советская школа по изучению французской революции. Главную роль в ее формировании сыграли семинары Н. М. Лукина по истории Великой французской революции, которые он вел на протяжении многих лет в Московском Государственном университете и Институте красной профессуры. Особенно большое значение имели семинары Лукина в ИКП. Так, в 1922/23 учебном году на втором курсе западного отделения он вел семинар по истории Конвента, а со следующего учебного года начал вести семинар по теме «Эпоха революционного правительства»⁹, который дублирует затем и в МГУ. В 1926—1928 гг. в ИКП для историков всех профилей Н. М. Лукин вел обязательный семинар «Историки Великой французской революции».

Итогом всей этой чрезвычайно плодотворной деятельности явилось большое число исследований, опубликованных многочисленными учениками Н. М. Лукина. Цикл этих работ завершил сборник «Классовая борьба во Франции в эпоху великой революции»¹⁰, подготовленный к печати ученицей Лукина Н. П. Фрейберг. Большую пользу принес также вышедший под редакцией Н. М. Лукина сборник документов по истории Конвента¹¹.

⁸ Н. И. Кареев. Общие основы социологии. Пг., 1919, стр. 172, 175 и др.; он же. Французский революционный трибунал 1793—1795 годов.— «Вестник культуры и политики», 1918, № 3; «Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции. Воспоминания современников и документы». Под ред. Е. В. Тарле, ч. I—II. Пг., 1918—1919.

⁹ Назовем темы этого семинара Н. М. Лукина: 1. Центральные и местные органы власти; 2. Террористический режим; 3. Борьба за максимум; 4. Продовольственная политика; 5. Налоговая политика; 6. Реорганизация армии; 7. Фракционная борьба среди якобинцев; 8. «Рабочая политика»; 9. Вопрос об общинных землях (распадался на ряд отдельных подтем). См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, д. 502, л. 59.

¹⁰ «Классовая борьба во Франции в эпоху великой революции». М.—Л., 1931.

¹¹ «Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794)». Сб. документов и материалов. Пер. Н. П. Фрейберг. Под ред. Н. М. Лукина. М., 1927.

В третьем периоде, включавшем 30-е и начало 40-х годов, эта тема продолжает разрабатываться. Некоторое оживление наступило в период празднования 150-летнего юбилея революции, когда было опубликовано много работ по ее истории. Завершен был этот период изданием обобщающего труда «Французская буржуазная революция»¹², вышедшего в серии «Всемирная история» под редакцией академиков В. П. Волгина и Е. В. Тарле.

Для всех намеченных нами периодов характерны три основных направления в области изучения Великой французской революции. Прежде всего исследовалась экономическая история революции. В то же время все более и более пристальное внимание начинали привлекать игнорируемые буржуазной историографией вопросы классовой борьбы в годы революции. И, наконец, советская историческая наука уже с первых своих шагов обратилась к изучению общественно-политической мысли предреволюционной и революционной Франции.

* * *

Исследование проблемы французской экономики (деревни и города) конца XVIII в. в значительной степени базировалось на традициях «русской школы» и ее виднейших представителей: И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, Е. В. Тарле.

В течение длительного времени русской дореволюционной историографии принадлежала ведущая роль (в европейском масштабе) в изучении экономической истории Франции. Говоря о русском влиянии в изучении французской революции, выдающийся французский историк Альфонс Олар в одной из своих статей, относящейся к 1926 г., прямо писал, что «без русских мы не пустились бы так быстро и так смело в исследование экономического *substatum* французского общества XVIII в. Они были нашими сотрудниками и руководителями. Без них история французской революции не была бы сейчас тем, что она есть». Жорж Лефевр, называя себя учеником Кареева и Лучицкого и опираясь на работы «русской школы», шел уже дальше нее и стремился ставить экономические проблемы революции во взаимосвязь с проблемами классовой борьбы. К этим же сторонам революции обращался в своих многочисленных работах наиболее близко подошедший в 20-е годы к марксистской методологии Альбер Матъез.

Советские историки, во многом пересматривая выводы видных русских буржуазных ученых, не порывали с тематикой «русской школы».

¹² «Французская буржуазная революция 1789—1794». М.—Л., 1941.

С одной стороны, сохранить эту традицию старались ученики И. В. Лучицкого и Н. И. Кареева — В. М. Евстафьев, Е. Н. Петров, С. М. Данини (Глаголева), а также ученик А. Н. Савина — С. Д. Сказкин^{12а}. С другой стороны, руководитель марксистской школы историков, исследовавшей Великую французскую революцию, Н. М. Лукин, занимаясь в первую очередь изучением специфики классовой борьбы в деревне, не мог, естественно, пройти мимо экономических проблем революции. А его ученики И. П. Завитневич, С. Д. Куниский и др. несомненно явились продолжателями линии «русской школы», хотя многие из ее положений ими были пересмотрены с позиций марксистской методологии.

Пристальное внимание советских историков к крестьянскому вопросу во Франции трудно переоценить¹³. Это вполне понятно, учитывая огромное значение крестьянского вопроса в процессе исторической подготовки русской революции и его разрешение в ходе Великой Октябрьской социалистической революции.

Меньшая часть работ советских ученых была посвящена анализу крестьянского вопроса в предреволюционной Франции, большая — положению французской деревни в годы революции.

Если статьи В. М. Евстафьева¹⁴ продолжали преимущественно его дореволюционные работы, посвященные этампскому бальяжу, и расширяли лишь фактические сведения о значении наказов для характеристики земельных отношений в предреволюционной Франции, то работы И. П. Завитневича¹⁵ решали принципиальные вопросы аграрной истории Франции с позиций марксистской теории.

И. П. Завитневич, изучавший положение крестьян, пришел к выводу о чрезвычайно неравномерном распределении земельной собственности, каковая неравномерность непрерывно росла под влиянием развивающихся арендных отношений. Отмечена Завитневичем и другая особенность, характерная для французской деревни XVIII в., — «интересы как отдельных групп крестьян, так и всего крестьянства в целом, сталкивались с ин-

^{12а} С. Д. Сказкин. Спорные вопросы аграрной истории Франции накануне революции XVIII в. — «Европа в новое и новейшее время». Сб. памяти акад. Н. М. Лукина. М., 1966.

¹³ Самой ранней работой этого цикла явилась научно-популярная статья Я. М. Захера и А. Н. Вигдорчик «Экономическое положение Франции накануне революции», написанная для сборника «Англия и Франция на исходе XVIII в. (Экономика и идеология)». Пг., 1922.

¹⁴ В. М. Евстафьев. Шляховий податок і сільські шляхи в Етампському бальяжі в кінці староголаду. Досвід за наказами 1789 року. — «Записки Дніпропетровського інституту народної освіти», 1927, т. 1; он же. Сільські управління у Франції за наказами Етампського бальяжу 1789 р. — «Записки Дніпропетровського інституту народної освіти», 1928, т. 2.

¹⁵ И. Завитневич. Расслоение крестьян в Бретани накануне Великой французской революции (К вопросу о причинах восстания шуанов). — «Историк-марксист», 1929, т. 2.

тересами тех или иных групп горожан»¹⁶. А отсюда автор приходил к выводу, что союз крестьян с городским третьим сословием был чисто временным.

Беспорный интерес представили статьи С. Д. Сказкина¹⁷. В одних из них автор доказал, что в основе феодальной реакции в дореволюционной Франции лежал процесс перестройки старых феодальных отношений на капиталистический лад. «Феодальная реакция,— писал он,— ... была обострением процесса перестройки хозяйственных отношений, разрывом связи, соединявшей хозяйство сеньора и его держателей. Крупную роль в этом процессе играла буржуазия, носительница новых хозяйственных тенденций... появление капиталов и новых общественных слоев в деревне сказалось... в усиленной капиталистической эксплуатации сеньориальных прав»¹⁸.

Таким образом, феодальная реакция, наиболее убедительно давшая о себе знать в экономически развитых районах Франции, свидетельствовала о стремлении феодализма приспособиться к новому экономическому базису. Феодальная оболочка, как показал автор, оказалась уже более не в состоянии скрывать свое капиталистическое содержимое. Большое принципиальное значение имела вторая, из упомянутых нами, работа С. Д. Сказкина, раскрывающая специфику дифференциации французского крестьянства накануне Великой французской революции. Сочетая в своем изучении источников показания наказов с данными податных документов и сельскохозяйственных кадастров, автор пересмотрел ряд выводов И. В. Луцицкого, утверждавшего, что дифференциация крестьянства была незначительной. «Выводы Луцицкого,— отмечал Сказкин,— правильные, когда он противопоставляет крестьянство в целом привилегированным классам и буржуазии, нуждаются в весьма основательном пересмотре, когда дело идет о процессе внутри самого крестьянства»¹⁹. Это свое заключение С. Д. Сказкин иллюстрирует, в частности, на примере деревенской буржуазии, образовавшейся из среды самого крестьянства в результате скупки или аренды земли, принадлежавшей как привилегированным классам, так и крестьянам. Мнение автора о том, что в деревнях Шампани ко времени рево-

¹⁶ Там же, стр. 128.

¹⁷ С. Д. Сказкин. Отражение феодальной реакции в наказах некоторых бальяжей Шампани в северо-восточной Франции.— «Труды института истории РАНИОН», вып. 1. М., 1926; он же. Дифференциация крестьянства во Франции накануне революции 1789 года.— «Пахари» и «поденщики» в Шампани в XVIII веке.— «Историк-марксист», 1936, кн. 2; он же. Февдист Эрве и его учение о цензиве.— «Средние века», вып. 1. М.—Л., 1942 (Доклад об учении Эрве был впервые сделан С. Д. Сказкиным в 1935 г.).

¹⁸ С. Д. Сказкин. Отражение феодальной реакции в наказах некоторых бальяжей Шампани в северо-восточной Франции, стр. 292.

¹⁹ С. Д. Сказкин. Дифференциация крестьянства во Франции накануне революции 1789 года, стр. 26.

люции уже имелся достаточно значительный слой крупных кулацких хозяйств, нуждавшихся в постоянном притоке наемной рабочей силы, убедительно подтверждается приводимыми им документальными данными. Эти выводы С. Д. Сказкина подтверждает и исследование его ученицы Н. И. Сидоровой, посвященное деревенской промышленности Шампани²⁰.

К рассмотренным работам С. Д. Сказкина примыкает и его последняя по времени издания статья, в которой автор, обратившись к мало изученным трактатам феодальных юристов, раскрыл содержание прав цензитариев и сущность цензивы в до-революционной Франции. Возражая М. М. Ковалевскому, писавшему о якобы закончившемся в самый канун Великой французской революции превращении феодальной земельной собственности в буржуазную, С. Д. Сказкин доказывал, что именно цензива была той формой феодальной собственности, при наличии которой права сеньора по отношению к цензитарию были весьма призрачными. «Феодальные права,— заключал С. Д. Сказкин,— нисколько не мешали осуществляться частно-правовым отношениям в сфере земельной собственности, к которой следует причислить и цензиву, несмотря на ее феодальную сущность наследственного держания и ее феодальное происхождение»²¹.

В исследованиях Е. Н. Петрова²² на основании анализа крестьянских наказов 1789 г. рассмотрен характер общинного землевладения во Франции.

Автор поставил задачу выяснить, что дали сохранившиеся формы общинного землевладения отдельным группам крестьян и каково было отношение к общественному строю отдельных слоев крестьянства. Присоединившись к ранее высказанным соображениям Н. М. Лукина, Петров пришел к заключению, что «отношение отдельных слоев крестьянства к общинному строю не было повсюду одинаковым и неизменным. Оно определялось степенью развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве, степенью обострения классовой борьбы, прежде всего борьбы крестьянства с сеньорами»²³.

Крестьянские движения во Франции накануне революции не подвергались специальному исследованию в советской довоенной

²⁰ Н. И. Сидорова. Деревенская промышленность в Шампани накануне революции 1789 г.— «Ученые записки Московского городского педагогического института, вып. I. М., 1941.

²¹ С. Д. Сказкин. Февдист Эрве и его учение о цензиве, стр. 201.

²² Е. Н. Петров. Социальная роль общинного землевладения во Франции (по крестьянским наказам 1789 г.).— «Исторический сборник», № 5, М.—Л., 1935; он же. Борьба за уничтожение общинного землевладения во Франции во время революции (1789—1793).— «Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института», вып. 1, 1928.

²³ Е. Н. Петров. Социальная роль общинного землевладения во Франции (по крестьянским наказам 1789 г.), стр. 237.

историографии. Однако в обзорной статье Б. Ф. Поршнева²⁴ была отмечена значительная классовая зрелость этих движений. В то же время он писал, что «революция открыла достаточно широкое социальное и политическое поле, на котором они (движения крестьянства и плебейства) могли снова соединиться»²⁵.

Среди работ советских авторов, посвященных крестьянскому вопросу в годы революции, в первую очередь надо назвать вступительную статью Н. М. Лукина²⁶ о судьбе общинных земель к концу старого порядка в книге участников его семинара С. Д. Куниского и В. Н. Познякова и его незаконченную работу о классовой борьбе в деревне и сельскохозяйственном пролетариате при якобинской диктатуре.

В статьях Н. М. Лукина, использовавшего материал Национального архива в Париже, раскрыта одна из важнейших сторон крестьянского вопроса — классовая структура французской деревни в период революции. Рассматривая сущность экономической политики якобинцев, автор пришел к заключению, что эта политика, встречавшая со стороны всех категорий крестьян-собственников упорное сопротивление «могла проводиться только при содействии властям со стороны деревенской бедноты...»²⁷ И в то же время, раскрывая классовые корни якобинской диктатуры, Н. М. Лукин приходит к четкому выводу о том, что в борьбе между самостоятельными крестьянами и сельскими рабочими якобинцы сразу же стали на путь безоговорочной поддержки первых, широко практикуя реквизицию рабочей силы в деревне, проводя политику таксации заработной платы и решительной расправы со всеми попытками забастовочного движения сель-

²⁴ Б. Поршнева. Крестьянские и плебейские движения XVII—XVIII вв. во Франции.— «Историк-марксист», 1939, № 4.

²⁵ Там же, стр. 93.

²⁶ С. Д. Куниский, В. Н. Позняков. Общинные земли в эпоху Великой французской революции. Под ред. и со вступ. статьей Н. М. Лукина (М., 1927). Крестьянскому вопросу посвящен и ряд других статей Лукина. См.: Н. М. Лукин. Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие в период действия второго и третьего максимума. Сб. «На боевом посту». М., 1930; он же. Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика Конвента в период действия 2-го и 3-го максимума. (сентябрь 1793 г.—декабрь 1794 г.).— «Историк-марксист», 1930, т. 16; он же. Новая работа по аграрной истории Великой французской революции (G. Lefebvre. Questions agraires au temps de la terreur).— «Историк-марксист», 1933, т. 6. (Названные выше работы Н. М. Лукина перепечатаны в его «Избранных трудах», т. 1. М., 1960). Этими же сюжетами, начатыми еще до революции, продолжал заниматься ученик Н. И. Кареева Е. Н. Петров. См.: Е. Н. Петров. Борьба за уничтожение общинного землевладения во Франции во время революции (1789—1793 гг.).— «Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института, вып. 1 (XXV), 1928; он же. Борьба за общинные земли и декрет Конвента 10 июня 1793 г.— «Ученые записки Ленинградского Государственного университета». Серия исторических наук, т. 52, вып. 6, 1940.

²⁷ Н. М. Лукин. Избр. труды, т. 1, стр. 282.

скохозяйственного пролетариата. «В сущности вся система правительственных мероприятий в этой области,— писал Лукин,— ставившая (под предлогом охраны общественных интересов) своей задачей обеспечить землевладельцу возможно более дешевый труд, была настоящим террором, направленным в интересах собственников против пролетариев и полупролетариев деревни»²⁸

Подобная антирабочая политика якобинцев лишила их поддержки тех слоев, на которые революционное правительство могло бы опираться в борьбе против «единого фронта крестьян-собственников». «Тем самым,— приходит к заключению Лукин,— создалась еще одна из важнейших предпосылок термидорианской реакции»²⁹.

Если в области конкретного изучения крестьянского вопроса во Франции в конце XVIII в. советская историография 20—30-х годов добилась известных успехов, то этого нельзя сказать в отношении исследования промышленности и торговли Франции в годы революции, если не считать общей постановки проблемы о положении рабочего класса, данной Е. В. Тарле в его не раз переиздававшейся научно-популярной работе по истории трудящихся масс Франции в годы революции³⁰. Приняв во внимание новейшие архивные исследования, автор подчеркивал огромную важность выводов К. Маркса об антирабочем характере закона Ла-Шапелье о стачках.

Исключением в литературе тех лет явилась лишь статья С. М. Глаголевой-Данини, в которой на основании материалов Национального архива и местных французских архивов исследовано торгово-промышленное положение провинции Дофинэ³¹. Автор отмечал, что основным занятием населения провинции являлось земледелие, однако около шести месяцев жители Дофинэ отдавали работе на мануфактуре (преимущественно суконной).

²⁸ Н. М. Лукин. Избр. труды, т. 1, стр. 236—237.

²⁹ Там же, стр. 253.

³⁰ Е. В. Тарле. Крестьяне и рабочие в эпоху Великой французской революции. Пг., 1922. Здесь же может быть упомянута научно-популярная брошюра К. Раткевич «Французские рабочие в годы Великой революции» (М.—Л., 1928). В своей оценке характера рабочего движения автор придерживается в основном концепции Е. В. Тарле о якобы некапиталистическом характере развития промышленности во Франции накануне и в годы революции 1789—1794 гг.

³¹ С. Глаголева-Данини. Промышленность и торговля Дофинэ в эпоху Великой французской революции (по архивным данным).— В кн. «Из далекого и близкого прошлого». Пг.—М., 1923. Статья Глаголевой-Данини по истории Дофинэ начала публиковаться еще до революции. Наиболее интересная из них — первая в России работа, посвященная специально крестьянскому движению накануне революции: «Крестьянские волнения в Дофинэ в конце XVIII в.» — «Историческое обозрение», 1912, т. 17.

С. М. Глаголева-Данини утверждала, что население Дофинэ «не представляло сколько-нибудь дифференцированного класса промышленных рабочих» и что «по своим классовым интересам оно оставалось близким крестьянству»³². Следуя за концепцией своего учителя И. В. Луцицкого, она пыталась доказать крайнюю слабость развития капиталистической промышленности в предреволюционной Франции.

Специальный круг вопросов экономической жизни Франции (не без влияния конкретной обстановки в молодом Советском государстве), связанный с введением бумажно-денежного обращения, был рассмотрен в работах С. А. Фалькнера и А. И. Смирнова³³. Исследуя эту проблему в связи с общим анализом народного хозяйства Франции, Фалькнер показывал роль бумажных денег в финансировании революции, тогда как Смирнов стремился доказать лишь отрицательные последствия введения ассигнатов. Однако С. А. Фалькнер не уделил достаточного внимания распродаже национальных имуществ и влиянию ассигнатов на сельское хозяйство и промышленность. А как раз это особенно важно в плане раскрытия взаимоотношений между городом и деревней в процессе революции.

Существенный вклад был внесен советскими исследователями в изучение предпосылок промышленной революции во Франции. Именно в области этой важнейшей историко-экономической проблемы необходимы были глубокие марксистские обобщения, которые могли бы убедительно опровергнуть некоторые ошибочные теории, еще имевшие хождение в советской историографии в 20-е годы (в первую очередь теорию «торгового капитализма», выдвинутую М. Н. Покровским).

Так, большую принципиальную роль сыграла тонко аргументированная статья В. М. Далина³⁴. В основе статьи лежал доклад, представленный автором в 1927/28 г. в семинаре Н. М. Лукина «Историки великой французской революции». Этот доклад был оглашен также в секции промышленного капитализма Общества историков-марксистов, а затем уже опубликован в печатном органе Общества — журнале «Историк-марксист».

Доказывая ошибочность одного из основных выводов представителей «русской школы», утверждавших, что экономика Франции накануне революции конца XVII в. имела ярко выраженный некапиталистический характер, В. М. Далин пришел к заключению, что технический уровень французской промыш-

³² С. Глаголева-Данини. Промышленность и торговля Дофинэ в эпоху Великой французской революции, стр. 211.

³³ С. А. Фалькнер. Бумажные деньги французской революции (1789—1794). М., 1919; А. И. Смирнов. Кризис денежной системы французской революции. Пг., 1921.

³⁴ В. М. Далин. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII века в освещении «русской школы». — «Историк-марксист», 1929, т. 14.

ленности того времени дает основание говорить о преобладании в стране капиталистической мануфактуры.

«Техника французской промышленности,— писал он,— была техникой, соответствующей не «младенческому состоянию», а мануфактурной стадии»³⁵. Этот же вывод был сформулирован В. М. Далиным в его выступлении на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов по докладу Ф. В. Потемкина «К вопросу о методологии истории промышленной революции». Характеризуя рост капиталистической мануфактуры во Франции в XVIII в., В. М. Далин подчеркивал, что темпы ее развития определились все усиливавшимся процессом дифференциации крестьянства.

Вместе с тем он указывал, что чисто промышленный пролетариат, полностью оторванный от земли, появляется лишь в результате промышленного переворота. «Этот разрыв пролетаризированных элементов с деревенской пуповиной должен изучаться как один из важнейших показателей промышленного переворота, вытеснения мануфактуры фабрикой»³⁶. Сделав этот вывод, В. М. Далин призвал возможно быстрее «реконструировать схему Маркса», его характеристику мануфактурного периода капитализма, который для Франции датируется концом XVII или серединой XVIII в.

Малоизученный вопрос об особенностях экономического кризиса во Франции накануне революции явился уже в конце 30-х годов предметом исследования Ф. В. Потемкина³⁷.

На основании глубокого марксистского анализа проблемы автор убедительно доказал, что, хотя неурожай и бедствия 1787—1789 гг. крайне отрицательно отразились на экономике предреволюционной Франции, эти природные явления сыграли вовсе не главную роль.

Вместе с тем Ф. В. Потемкин указывал, что к 1787—1789 гг. развитие французской промышленности достигло стадии капиталистической мануфактуры, которая стимулировала определенный переход к машинному способу производства. Однако, подчеркивает автор, в условиях феодально-абсолютистского строя «этим были исчерпаны все возможности экономического роста». Осуществить переход к фабричному способу при сохранении феодальной системы было невозможно.

³⁵ В. М. Далин. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII века в освещении русской школы.— «Историк-марксист», 1929, т. 14, стр. 98.

³⁶ «Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. 2. М., 1930, стр. 75.

³⁷ Ф. В. Потемкин. Экономический кризис 1787—1789 гг.— «Труды Московского Государственного института истории, философии и литературы», т. 4. М., 1940. См. также доклад Ф. В. Потемкина на ту же тему, сделанный 28 июня 1939 г. на общем собрании АН СССР («Вестник Академии наук СССР», 1939, № 7).

Сопоставляя все обстоятельства аграрного, финансового и торгово-промышленного развития Франции в XVIII в. Ф. В. Потемкин приходит к чрезвычайно важному выводу о том, что «экономический кризис 1787—1789 гг. есть общий имманентный кризис абсолютистско-феодального строя во Франции»³⁸.

Исследование Ф. В. Потемкина завершает наше обозрение довоенных трудов советских историков, посвященных экономической истории Франции в канун и годы Великой революции. Эти труды являются свидетельством несомненных достижений советской историографии.

К сожалению, этого нельзя сказать в отношении работ, посвященных политической истории предреволюционной Франции. В рассматриваемый нами период, за исключением ученика П. Н. Ардашева грузинского ученого А. Г. Наморадзе, никто этими сюжетами не занимался. Наморадзе, изучая вопрос о материальном и правовом положении французских городов в XVII и XVIII вв., установил периодизацию проблемы и, вопреки мнению своего учителя, пришел к заключению, что сущность административной опеки заключается «не в охране коммунальных ресурсов и не в урегулировании коммунального управления, а в обеспечении авторитета центральной власти в коммунальном управлении и в использовании его коммунальных ресурсов или, выражаясь точнее, в расхищении коммунального достояния»*.

* * *

Однако не удивительно, что значительно большее внимание советских историков было привлечено ко второму из намеченных нами направлений — истории классовой борьбы во Франции и ее роли в ходе революции. Причем особо тщательному изучению подвергся период наивысшего подъема Великой французской революции — якобинская диктатура³⁹.

Первым советским историком, приступившим к изучению якобинского периода французской революции на основе первоисточников, явился Николай Михайлович Лукин. Старый большевик, видный публицист, Лукин стремился к тому, чтобы его труд на-

* А. Г. Наморадзе. Административная опека и муниципальный строй во Франции при старом режиме. Тифлис, 1935, стр. 174 (на грузинском языке. Резюме на русском и французском языках).

³⁸ Ф. В. Потемкин. Экономический кризис 1787—1789 гг., стр. 142.

³⁹ О более раннем периоде французской революции (если не считать трудов об отдельных ее деятелях) советские историки писали очень немного, причем все эти работы были опубликованы уже в 30-е годы. (См.: Ф. А. Хейфец. Жирондистский конвент (20 сентября 1792 года — 2 июня 1793 года). — «Исторический журнал», 1939, № 7; К. П. Добролюбский. Революция 10 августа 1792 года. — «Научные записки Одесского Государственного педагогического института», 1940, т. 2; А. И. Молок. Борьба за свержение монархии во Франции. — «Исторический журнал», 1939, № 7).

шел себе как можно более широкого читателя. Общеизвестно, что его книга «Максимилиан Робеспьер», впервые опубликованная в 1919 г., а впоследствии неоднократно переиздававшаяся, была образцом научного марксистского исследования. Этой работой было положено начало многочисленным исследованиям советских ученых в области истории Великой французской буржуазной революции конца XVIII в.

Н. М. Лукин стремился в первую очередь дать общий очерк истории революции и раскрыть значение ее якобинского этапа. В силу этого после внесенных им изменений и дополнений во второе издание книги «личность самого Робеспьера несколько отодвинулась на задний план». Это не помешало, однако, автору показать роль вождя якобинцев и его место в революции. Лукин внимательно прослеживал поступательное движение революции до прихода якобинцев к власти. Он справедливо указывал, в частности, что революция 10 августа 1792 г. подготовлялась планомерно, при активном участии низов населения, действовавших вопреки Законодательному собранию, в то время, как жирондисты «...обнаружили свою соглашательскую природу, свою неспособность руководить движением и бессилие остановить его»⁴⁰.

Большое место Лукин отводил анализу тактики якобинцев в период обострения противоречий внутри страны. Так, он правильно указывал на использование якобинцами движения «бешеных» для борьбы с Жирондой. Если на первых порах Робеспьер, по мнению Лукина, готов был на это «лишь при том условии, если бы его (движение «бешеных»).— В. Д.) можно было вдвинуть в чисто политическое русло»⁴¹, то к апрелю 1793 г. создавшаяся в стране обстановка заставила якобинцев пойти навстречу и «экономическим требованиям городской бедноты».

Вместе с тем Лукин справедливо отмечал, что якобинцы никогда не стремились к уничтожению классов, считая экономическое равенство химерой, ибо «специфические нужды рабочих, как класса, живущего продажей своей рабочей силы, были совершенно чужды вождю якобинства»⁴², указывал он, формулируя вывод, важный потому, что этот вопрос был в историографии крайне запутан.

Установление якобинского террора Лукин оценивал как факт исторической необходимости. Когда революция приняла со второй половины 1793 г. характер открытой гражданской войны, якобинцы вынуждены были прибегнуть к красному террору⁴³, чтобы не сделаться жертвами белого террора.

⁴⁰ Н. М. Лукин. Избр. труды, т. 1, стр. 68.

⁴¹ Там же, стр. 86.

⁴² Там же, стр. 101.

⁴³ Вопрос о сущности террора вызвал большую полемику в историческом периодике первой половине 20-х годов. Начало ей положила речь французского историка Альфонса Олара, произнесенная им на конгрессе ученых

Советский историк решительно возражал против широко распространенной в свое время в исторической литературе ошибочной либерально-фритредерской точки зрения⁴⁴ (опровергнутой, по существу, опытом всех участвовавших в первой мировой войне стран), будто максимум цен сыграл только отрицательную роль. Вопреки этому утверждению, Лукин доказывал, что если закон о всеобщем максимуме и не достиг своей цели полностью, отсюда отнюдь не следует, что введение твердых цен было ошибкой, ничего не давало бедноте и только разрушало французскую промышленность. Вывод Лукина, совпадавший с высказываниями К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, сводился к тому, что «без установления твердых цен и системы реквизиций излишков хлеба и мяса якобинское правительство не смогло бы снабжать продовольствием ни своей полуторамиллионной армии, ни тех городских санкюлотов, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с контрреволюцией в 1793—1794 гг.»⁴⁵. Вывод этот по вопросу о значении политики максимума документально подтверждается исследованием французского историка Альбера Матьеза⁴⁶, построенном на большом архивном материале. Однако Лукин был далек от модернизаторской тенденции Матьеза, ошибочно приписывавшего максимуму характер социалистического мероприятия.

Много интересных соображений можно найти в книге Н. М. Лукина также по вопросам внешней политики якобинской диктатуры, борьбы партий, роли тех или иных участников революции и т. д. Так можно отметить высокую оценку деятельности прокурора Коммуны Шометта, которая до Н. М. Лукина не была достаточно раскрыта в историографии французской революции 1789—1794 гг.

обществ в Сорбонне 6 апреля 1923 г. Вскоре эта речь была опубликована, причем ее первое издание осуществлено на русском языке. Главная мысль речи маститого ученого сводилась к тому, что большевики «не только возвеличили теорию насилия, но и применили ее на деле». Это тенденциозное заключение Олара встретило отповедь со стороны многих советских историков. В частности, с ответом Олару выступили и ученики Н. М. Лукина — С. М. Моносов и Р. А. Авербух. Хорошо аргументированные и построенные на документах статьи Р. А. Авербух «А. Олар и теория насилия» («Печать и революция», 1925, кн. 1) и «Террористический режим во Франции в 1793—1794 гг. По протоколам заседаний Конвента и протоколам Революционного трибунала» («Вестник Коммунистической Академии», 1925, кн. 11) убедительно показали, что как попытки Олара осудить «современных русских революционеров», так и его стремления доказать непричастность вождей французской революции к террору, оказались совершенно неубедительными и не выдерживали никакой критики.

⁴⁴ См., например: Е. В. Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч. 1—2. СПб., 1909—1911; M. Marion. Le maximum.— «Revue des Etudes historiques», Juillet—Septembre 1917.

⁴⁵ Н. М. Лукин. Избр. труды, т. 1, стр. 125.

⁴⁶ А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.—Л., 1928.

Конечно, не приходится говорить о бесспорности всех положений книги Лукина. Написанная в период, когда еще далеко не все ленинские высказывания были доступны, его работа не преодолела отдельных ошибочных положений Э. Амеля, Г. Кунова и некоторых других исследователей революции. Однако не это главное. Первый серьезный шаг по пути творческого исследования революции 1789—1794 гг. был сделан.

Книга Лукина представляла собой первый в советской историографии опыт творческого марксистско-ленинского изучения Великой французской революции конца XVIII в. и вместе с тем первый шаг к созданию советской школы историков, сосредоточившей свои силы прежде всего на дальнейшей разработке якобинского периода революции. Однако, признавая большое воздействие работ Лукина на молодых советских исследователей революции, необходимо отметить, что на первых порах в них по ряду вопросов (оценка движения «бешеных», характеристика отдельных партийных группировок, повышенное внимание к вантозовским декретам и др.) некритически воспринимались некоторые идеи Ж. Жореса, Г. Кунова и А. Матьеза, работы которых неоднократно издавались в СССР в послереволюционные годы⁴⁷.

Пристальное внимание советской историографии привлек вопрос о роли народных масс и массовых организаций в революции, имевший огромное принципиальное значение для более четкого методологического решения целого ряда проблем.

Еще в 1889 г. Ф. Энгельс в письме к К. Каутскому, написавшему статью к столетию французской революции, опубликованную в «*Neue Zeit*», подчеркивал решающую роль в революции плебса, убедительно показывая тем самым истинный характер движущих сил революции, содержание форм классовой борьбы в ней. Вскрывая ошибки Каутского в анализе этих вопросов, Ф. Энгельс писал, что «начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них (буржуа.— *В. Д.*) всю работу; без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. старый порядок неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию, и... таким образом, только эти плебеи и совершили революцию»⁴⁸. Не случайно это письмо Энгельса в течение многих лет замалчивалось немецкими ревизионистами и было впервые опубликовано лишь в 1933 г. в журнале «Историк-марксист».

⁴⁷ Ж. Жорес. История Великой французской революции, т. 1—3. Пг., 1920—1924; Г. Кунов. Борьба классов и партий в Великой французской революции, вып. 1—4. М., 1918; А. Матьез. Французская революция, т. 1—3. М., 1925; он же. Как побеждала Великая французская революция. М., 1928; он же. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.—Л., 1928; он же. Новое о Дантоне. М.—Л., 1928; он же. Термидорская реакция. М.—Л., 1931.

⁴⁸ Ф. Энгельс. Письмо к К. Каутскому от 20 февраля 1889 г.— «Историк-марксист», 1933, № 2, стр. 42.

Неоднократно к вопросу о роли масс в Великой французской революции возвращался и В. И. Ленин. Оценивая в 1908 г. русскую революцию 1905—1907 гг. и проводя аналогию с событиями во Франции в конце XVIII в., В. И. Ленин приходил к выводу, «что только вмешательство крестьянства и пролетариата, „плебейского элемента городов“, способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию (если для ... Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план...)»⁴⁹. Интересные данные по этому же поводу приводит В. Д. Бонч-Бруевич, присутствовавший при встрече В. И. Ленина с П. А. Кропоткиным. По свидетельству Бонч-Бруевича, Ленин много говорил о достоинствах книги Кропоткина «Великая французская революция 1789—1793 гг.»⁵⁰, особо обращая внимание на то, что автор впервые в мировой историографии посмотрел глазами исследователя на роль народных масс, «выдвигая всюду роль и значение во французской революции ремесленников, рабочих и других представителей трудящегося населения»⁵¹.

Советским исследователям, базирующимся на указаниях марксистской методологии, была хорошо ясна вся важность изучения этой проблемы. Так, организации, структуре и роли парижских секций была посвящена научно-популярная брошюра Я. М. Захера⁵², подготовленная еще в семинарии Н. И. Кареева, впервые в России взявшегося за изучение этой темы⁵³. (Книга Кропоткина, изданная во Франции в 1909 г., была переведена на русский язык только в 1919 г.).

Если внимание Захера привлекли парижские секции, то ученик Лукина С. М. Моносов обратился к исследованию деятельности якобинцев, используя как основной источник протоколы Якобинского клуба. Доклады Моносова на семинаре, руководимом Н. М. Лукиным в Институте красной профессуры, были вначале опубликованы в виде статей, а затем в расширенном виде вышли отдельной книгой⁵⁴.

В работе Моносова, придерживавшегося в значительной степени схемы Кунова, была сделана попытка проанализировать по-

⁴⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 17, стр. 47.

⁵⁰ P. Kropotkin. La Grande Révolution. 1789—1793. Paris, 1909.

⁵¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 3. М., 1963, стр. 401.

⁵² Я. М. Захер. Парижские секции. 1790—1795 гг. Их политическая роль и организация. Пг., 1921.

⁵³ См.: Н. И. Кареев. Парижские секции времен французской революции (1790—1795 гг.). СПб., 1911 (отд. оттиск из журнала «Историческое обозрение», т. 16); он же. Политические выступления парижских секций во время великой революции.— «Русское богатство», 1912, № 11, 12; он же. Неизданные документы по истории парижских секций 1790—1795 гг. СПб., 1912, и др.

⁵⁴ С. Моносов. Фракционная борьба в Якобинском клубе. (По протоколам клуба).— «Вестник Социалистической Академии», 1923, кн. 6; он же. Последние дни Якобинского клуба.— «Вестник Коммунистической Академии», 1924, кн. 3; он же. Очерки по истории Якобинского клуба. Харьков, 1925.

зиции различных группировок, входивших в якобинский блок или к нему примыкавших на отдельных этапах революции. Вслед за Куновым автор стремился несколько упрощенно объяснить основную причину фракционной борьбы внутри блока неоднородностью социально-экономической базы у различных политических групп мелкой буржуазии, составлявшей его. Это не может не вызвать возражений. Моносов допускал существенные ошибки и при оценке социальных группировок блока. Так, он считал «бешеных» защитниками класса, обреченного на исчезновение, а поэтому способных предъявлять только «реакционные в экономическом отношении требования»⁵⁵. Неверно и другое утверждение автора, будто Робеспьер и его группа выражали интересы лишь «среднезажиточных слоев» буржуазии⁵⁶.

Отдельным сторонам якобинской диктатуры посвятили свои работы Ц. Фридлянд и К. П. Добролюбский⁵⁷. Стремясь отойти от схемы Каутского — Кунова, Фридлянд пытался наметить собственную периодизацию революции и, в частности, ее якобинского этапа. Он утверждал, что «первые два месяца после изгнания жирондистов были продолжением жирондистской политики, проводимой более искусными руками, не без протеста народных низов»⁵⁸.

Останавливаясь на событиях кануна 2 июня и обстановке, сложившейся в июне-июле 1793 г., Ц. Фридлянд приходил к выводу, что в этот период в области социальных вопросов якобинцы, как правило, не противопоставляли Жиронде своей классовой программы. Общий вывод автора по этому вопросу сводился к тому, что «в июне-июле политика якобинцев была строго буржуазной, хотя и не в жирондистском смысле этого слова, и... только в дальнейшем, под давлением различных причин, в обстановке гражданской войны она приняла характер мелкобуржуазной диктатуры»⁵⁹.

Менее убедительным представляется другое утверждение Ц. Фридлянда об идентичности взглядов «бешеных» и Марата, ибо «бешеные», по его словам, лишь «плелись в хвосте у „левых“ якобинцев»⁶⁰.

⁵⁵ С. Моносов. Фракционная борьба в Якобинском клубе, стр. 198.

⁵⁶ В своих более поздних работах Моносов отказался от этих ошибочных выводов (см.: С. Моносов. История революционных движений. Харьков, 1931, стр. 60, 70—71).

⁵⁷ Ц. Фридлянд. Классовая борьба в июне-июле 1793 г.—«Историк-марксист», 1926, т. 1—2; К. Добролюбский. Максимум и недостатки за террору. (Жювтевь 1793 р.—липень 1794 р.).—«Прапор марксизму», 1928, № 4—5. В статье К. Добролюбского исследуются главным образом вопросы экономической политики якобинцев.

⁵⁸ Ц. Фридлянд. Классовая борьба в июне-июле 1793 г.—«Историк-марксист», 1926, т. 1, стр. 50.

⁵⁹ Там же, стр. 95.

⁶⁰ Там же, стр. 57.

Стараясь подтвердить эту мысль, Фридланд усматривал в борьбе якобинцев с «бешеными» не борьбу социальных программ, а лишь различие тех или иных мероприятий. А отсюда автор делал и другое заключение — о том, что после событий 31 мая — 2 июня 1793 г. как «бешеные», так и Марат должны были неизбежно «пасть жертвой мудрой буржуазной политики якобинцев во главе с Робеспьером»⁶¹.

Более четко вопрос о борьбе внутри якобинского лагеря был решен позднее в статье С. В. Фрязинова⁶². Раскрывая содержание борьбы течений среди якобинцев, он справедливо видел в ней отражение «классовой дифференциации и борьбы классов внутри третьего сословия и одновременно борьбу всей буржуазии против угрозы реставрации власти дворянства»⁶³.

Стараясь нащупать основные общие проблемы якобинского периода революции, советские историки обращают также внимание на деятельность наиболее выдающихся вождей революции: Марата, Робеспьера, Сен-Жюста, Дантона, Шометта, Эбера, Клоотса и др.

Исследованием идейно-политических взглядов Марата и его роли в революции в течение многих лет занимался Ц. Фридланд. В сущности тема Марата явилась главной в его творчестве. Первая работа Ц. Фридланда о Марате вышла еще в начале 20-х годов⁶⁴. И хотя в ней исследовались лишь ранние публицистические труды «друга народа», автор стремился показать, что политическая деятельность Марата началась еще задолго до революции, хотя до 1789 г. его борьба (исключая «Цепи рабства») велась, главным образом, на научном поприще.

Дальнейшим результатом изучения Фридландом коллекции документов о Марате, хранившейся в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, а также использования им материалов Британского музея и Парижской национальной библиотеки явились «Памфлеты»⁶⁵ Марата, подготовленные к печати Ц. Фридландом, и капитальная монография «Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в.»⁶⁶ — главный труд историка по французской революции. Ц. Фридланду удалось опубликовать лишь первый том из задуманного двухтомного исследования, в котором он

⁶¹ Там же, стр. 60.

⁶² С. В. Фрязинов. Борьба течений в лагере якобинцев (1793—1794 годы). — «Исторический журнал», 1939, № 7.

⁶³ Там же, стр. 41.

⁶⁴ Ц. Фридланд. Ж.-П. Марат до Великой французской революции. — «Записки коммунистического университета им. Я. М. Свердлова», т. 2. М., 1924. Отдельным изданием работа вышла в 1926 г.

⁶⁵ Ж.-П. Марат. Памфлеты. Под ред., со вст. статьей и комментарием Ц. Фридланда. М. — Л., 1934.

⁶⁶ Ц. Фридланд. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в., т. 1. М. — Л., 1934.

рассмотрел деятельность Марата до революции и в эпоху Учредительного собрания.

Определяя задачи исследования, автор писал: «Свою работу мы рассматриваем как опыт истории учения о революции XVIII века, как попытку выяснить политические взгляды, теорию и практику вождей плебейских масс в буржуазной революции»⁶⁷. Действительно, большим достоинством труда Ц. Фридлянда явилось то, что деятельность Марата он рассматривал на фоне острой классовой борьбы народных масс Франции в период революции. Автору удалось раскрыть содержание революционной тактики Марата, показать его позицию по таким кардинальным вопросам революции, как диктатура, вооруженное восстание, террор и др. Убедительно аргументировал автор причины теоретического превосходства Марата над другими представителями якобинской диктатуры. И тем не менее всюду в книге Ц. Фридлянда ощущается несомненное преувеличение роли Марата в революции и его идей в общем развитии французской общественной мысли XVIII в.

Хотя в отдельных местах своего исследования Ц. Фридлянд и подчеркивал, что взгляды Марата целиком отражают мелкобуржуазную идеологию демократов XVIII в., общая тенденция книги — вырвать Марата из рамок якобинизма и представить его создателем законченной теории революции и учения о диктатуре якобинских масс.

Эта же тенденция объясняет попытки Ц. Фридлянда убедить читателя, что уже в дореволюционных работах Марата можно найти «зародыш всей суммы якобинизма эпохи террора». Переоценивал автор и характер связей Марата с пролетариатом, считая его чуть ли не одним из предшественников революционной борьбы рабочего класса.

Для доказательства справедливости этих положений Ц. Фридлянд вводит даже специальное понятие «маратизм», которое он считает более широким, чем концепция якобинизма. «Марат... — пишет он, — должен быть включен звеном в цепь от Т. Мюнцера эпохи крестьянских войн, левеллеров времени английской революции, Ж. Мелье, бешеных и примыкающей к ним части эбертистов, до «Заговора равных» и партии Буонарроти»⁶⁸. Эти выводы не могут быть приняты современной советской исторической наукой⁶⁹, хотя и признающей серьезные заслуги

⁶⁷ Ц. Фридлянд. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в., т. I, стр. 29.

⁶⁸ Там же, стр. 144.

⁶⁹ См. рецензию В. М. Далина на первое издание книги Ц. Фридлянда («Историк-марксист», 1935, № 1), а также предисловие А. З. Манфреда ко второму изданию монографии Ц. Фридлянда «Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в.» (М., 1959). В 1938 г. в серии «Жизнь замечательных людей» была издана живо написанная научно-популярная книга А. Ольшев-

Ц. Фридлянда в разработке роли Марата и отдельных проблем Великой французской буржуазной революции.

Оценке деятельности Робеспьера, Сен-Жюста и Шометта и их роли в революции посвящены книги Я. М. Захера⁷⁰. В этих работах автор, используя значительный круг литературы, а в книге о Шометте также неопубликованные документы Парижского национального архива, сделал ряд интересных, хотя и не всегда правильных, наблюдений об этих выдающихся представителях якобинской диктатуры. Так, вряд ли можно согласиться с утверждением Захера о якобы сугубо мирном характере тактики Робеспьера, все внимание которого было обращено к отвлеченному принципу свободы. «Политический идеал Робеспьера,— писал Я. М. Захер,— был выработан в самом начале его политической деятельности и не подвергался в дальнейшем никаким изменениям»⁷¹. Упрекая лидера якобинцев в тактической слабости, Захер полагал, что только события 1792 г. заставили Робеспьера стать на путь более решительных действий. Эти же мысли Я. М. Захера частично отражены и в его работе о Сен-Жюсте. В отличие от Робеспьера, автор считал Сен-Жюста в большей степени практиком, указывая на то, что последний под влиянием внешних событий с большой легкостью менял свои теоретические убеждения⁷².

Нельзя согласиться и с характеристикой ранней деятельности Шометта. Я. М. Захер не раз подчеркивает умеренность Шометта, его боязнь широкого движения народных масс, возникшего под влиянием событий 31 мая—2 июня 1793 г. и т. д. Поэтому утверждение Захера, что лишь события начала сентября того же года заставили Шометта (так же как и Эбера) кардинальным образом пересмотреть свою тактику, не слишком убедительно.

Значительно более правильная, чем в этой ранней работе Я. М. Захера⁷³, оценка деятельности Шометта была дана Н. П. Фрейбергом⁷⁴, в статье которой показана тесная связь прокурора Коммуны с народом, его пристальное внимание к жи-

ского «Марат». Однако ничего нового для историографии по сравнению с исследованием Ц. Фридлянда она не дала.

⁷⁰ Я. М. Захер. Робеспьер. М.—Л., 1925; он же. Сен-Жюст (жизнь, деятельность, идеология). Пг., 1922; он же. Анаксагор Шометт. Антирелигиозник XVIII в. М., 1930.

⁷¹ Я. М. Захер. Робеспьер, стр. 83.

⁷² Я. М. Захер. Сен-Жюст, стр. 76.

⁷³ В дальнейшем Я. М. Захер пересмотрел свою оценку Шометта (Я. М. Захер. К вопросу о значении взглядов Анаксагора Шометта для предьстории социалистических идей — «Французский ежегодник 1961». М., 1962, стр. 95—108).

⁷⁴ Н. П. Фрейберг. Шометт, генеральный прокурор Парижской Коммуны в первые годы Великой французской революции.— В сб. статей «Классовая борьба во Франции в первые годы Великой французской революции». М.—Л., 1931.

вотрепещущим вопросам революции. По словам автора, в выступлениях Шометта чувствовалось «дыхание тогдашней революционной действительности». И не случайно после известия о бегстве Людовика XVI именно Шометт поставил вопрос о необходимости ликвидации королевской власти.

Содержательная книга о Ж. Дантоне была опубликована Ц. Фридляндом⁷⁵. Рассматривая эволюцию взглядов Дантона, автор правильно отмечает, что основным принципом поведения этого крупнейшего деятеля французской революции был оппортунизм.

Рассматривая Дантона как представителя новой буржуазии, пришедшей к власти в результате побед революции, Фридлянд отводит обвинения Дантона в предательстве и измене, которые возвел на него А. Матьез.

По мнению Фридлянда, Матьезу не удалось доказать, что за деятельностью Дантона не скрывалось никакой политической программы. «Классовые пороки Дантона,— пишет он,— Матьез расценивает как его личные пороки, а таланты и политические успехи его он не объясняет иначе, как результатом „случайностей“ и „стечением обстоятельств“»⁷⁶.

Признавая за Дантоном право именоваться «великим революционером буржуазии» за его выдающуюся деятельность («памятные дни 1792 года»), Фридлянд вместе с тем справедливо указывал, что этот период был исключением в жизни Дантона, оппортуниста до мозга костей, стремившегося к объединению Горы и Жиронды, истинного главы Болота в Конвенте.

Среди работ, написанных о других якобинцах, следует упомянуть также статьи украинского историка А. Н. Камышана о Жаке-Рене Эбере и работавшей тогда в Институте Маркса и Энгельса П. С. Виноградской об Анахарсисе Клоотсе⁷⁷.

Однако в этих работах чувствуется, что авторы переоценили роль своих героев в революции. Вряд ли можно согласиться с тем, что гибель Эбера явилась решающим моментом, определившим крушение якобинской диктатуры⁷⁸, или с тем, что Клоотс ходом истории был оправдан как более реальный политик, чем Робеспьер⁷⁹.

Большое внимание советской историографии к изучению якобинского периода Великой французской революции определило появление обобщающих трудов. Так, Я. В. Старосельским была

⁷⁵ Ц. Фридлянд. Дантон. М., 1934.

⁷⁶ Там же, стр. 162.

⁷⁷ О. Камышан. Ебер та максимум.— «Прапор марксизму», 1929, № 6; П. Виноградская. Анахарсис Клоотс.— «Вестник Коммунистической академии», кн. 33 (3), 1929.

⁷⁸ О. Камышан. Ебер та максимум.— «Прапор марксизму», 1929, № 6, стр. 194.

⁷⁹ П. Виноградская. Указ. соч., стр. 203.

опубликована книга⁸⁰, в которой автор сделал попытку оценить весь этап якобинской диктатуры.

Значительное место в работе автор уделил характеристике специфики диктатуры и ее отдельных этапов, роли массовых организаций, деятельности комитетов, клубов и т. д. Весьма оригинальное и во многом интересное исследование Старосельского содержало, однако, ряд спорных, а подчас и просто ошибочных утверждений.

Так, о характере якобинской диктатуры автор писал следующее: «Историческое своеобразие Франции XVIII века создало для классической буржуазной революции ту особенность, что на одном ее этапе народ, т. е. мелкобуржуазные трудовые массы в блоке с пролетарской и полупролетарской беднотой, — оторвавшись от своего капиталистического гегемона, попытался вести самостоятельную политику, без буржуазии и против нее»⁸¹. Это, полагает Старосельский, и есть период якобинской диктатуры. Определяя историческое место якобинизма, Я. М. Старосельский считал, что революция вообще — движение не классовое, а национальное, причем победы революции не расширяют, а сужают ее международные перспективы. Отсюда следует еще одно парадоксальное заключение о том, что в национальной ограниченности якобинской диктатуры надо учитывать не столько «ее реакционность, сколько... безысходность этой реакционности»⁸². В конечном же счете Старосельский старался доказать, что буржуазные революционеры XVIII в. ощущали внутреннюю обреченность своего дела. «Кажется, — говорит он, — как будто к концу своего господства якобинцы начали сами ощущать безвыходную противоречивость своей позиции»⁸³. А отсюда следует и общий вывод автора о том, что историческое значение якобинской диктатуры заключается не в ее экономическом или политическом содержании, а в том «положительном материале», который она подготовила для революционного движения XIX в.

Я. В. Старосельским был также завершен двухтомный труд «Борьба за народоправство в буржуазной демократии». К сожалению, из-за того, что автор был репрессирован, работа осталась неопубликованной. Рукопись, обнаруженная через несколько лет после смерти автора, находится теперь в Институте истории АН СССР. В этой работе, объемом около 50 п. л., интересной не только для историков Великой французской революции, но и для социологов, Я. В. Старосельский рассмотрел, в частности, муниципальные движения во Франции в 1789—1792 гг.

⁸⁰ Я. Старосельский Проблема якобинской диктатуры. М., 1930.

⁸¹ Там же, стр. 8.

⁸² Там же, стр. 266.

⁸³ Там же, стр. 269

и деятельность парижской и местных коммун по удовлетворению социальных требований трудящихся масс.

Среди отдельных проблем, раскрывающих содержание якобинского этапа французской революции, советская историческая наука уделила специальное внимание движению «бешеных»⁸⁴. Все вопросы, связанные с действиями самой левой группировки, выражавшей интересы предпролетариата, извращались или в лучшем случае замалчивались буржуазными авторами.

Больше всех из советских историков в этой области работал Я. М. Захер. И хотя ему не удалось избежать ряда серьезных ошибок, связанных в первую очередь с тем, что он находится в плену концепции Ж. Жореса, Г. Кунова и Н. И. Кареева⁸⁵, он положил начало марксистскому изучению движения «бешеных», которое успешно продолжается и до настоящего времени. Первые статьи Я. М. Захера, посвященные движению «бешеных», начали выходить в 1923—1925 гг.⁸⁶ Уже в этих работах (хотя автор и рассматривает состав участников движения слишком широко, включая в него Доливье и Л'Анжа) намечается концепция, которая была им окончательно сформулировала к началу тридцатых годов. Так, Захер стремился доказать игнорирование «бешеными» политических вопросов и преимущественное внимание их к вопросам экономическим. Вместе с тем, он подчеркивал, что у лидеров «бешеных» и, в частности, Жака Ру отсутствовала какая-либо продуманная идеология.

В 1928—1929 гг., после того как Я. М. Захеру удалось ознакомиться с неопубликованными материалами о «бешеных» в Парижском национальном архиве, в журналах стали публиковаться его статьи, посвященные как отдельным деятелям из их числа (Ж. Ру, Ж. Варле, Т. Леклер, К. Лакомб), так и общей оценке социальных взглядов «бешеных», их идеологии. А вскоре вышла и монография⁸⁷, подводящая итоги исследованиям Я. М. Захера в этой области.

Введя в научный оборот большой, до того времени мало изученный фактический материал, советский историк показал широкий размах движения «бешеных». Много нового сказано было им о борьбе «бешеных» против жирондистов, об их участии в массовом движении (секции, клубы). Но по-прежнему

⁸⁴ Историографию «бешеных» см. в кн.: Я. М. Захер. Движение «бешеных». М., 1961.

⁸⁵ Н. И. Кареев. Коммунистическая петиция Жака Ру и секции Гравилье (Этюд из истории французской революции).— «Русские записки», 1916, № 1.

⁸⁶ Я. М. Захер. Социальные воззрения Доливье.— «Записки научного общества марксистов», 1923, № 5; он же. Очерки по истории «бешеных» эпохи Великой французской революции (Жак Ру—Доливье—Л'Анж). Л., 1925.

⁸⁷ Я. М. Захер. «Бешеные». Л., 1930.

Я. М. Захер считал вслед за Г. Куновым и Н. И. Кареевым, что социальной базой «бешеных» являлись мелкие ремесленники, вследствие чего,— подчеркивал автор,— «невзирая на величайшую субъективную революционность „бешеных“, объективно тактика их была глубоко реакционна»⁸⁸.

Рассматривая политические взгляды «бешеных», Я. М. Захер справедливо отмечал, что они в общем оставались на позициях монтаньярской идеологии и не выходили за пределы современных им буржуазных теорий. Приблизительно тот же вывод мы находим у Захера и при его оценке социальных взглядов «бешеных». Он подчеркивал, что, решительно выступая против богачей, «бешеные» отнюдь не стремились к отмене частной собственности и, оставаясь на почве эгалитаризма, хотели лишь ее ограничения. Таким образом, вопреки ряду своих собственных утверждений, Я. М. Захер нащупывал правильное решение вопроса об оценке движения «бешеных». «Сквозь плотно облегающую „бешеных“ одежду мелкобуржуазных построений и теорий,— писал он,— мы все же явно чувствуем дыхание нового класса и дыхание это мы уловим не только в экономических воззрениях „бешеных“, но равным образом и в их воззрениях политических и социальных»⁸⁹.

К более ясным и четким выводам о характере движения «бешеных» пришла Н. П. Фрейберг⁹⁰, использовавшая фотокопии фонда Парижского национального архива. В ее статьях отмечалось, что в борьбе с робеспьеристами «бешеные» выступили с последовательно-демократической программой, отстаивая интересы низов городского населения. Н. П. Фрейберг доказала, что не только ремесленники, но и наемные рабочие (как это и было в сентябре 1793 г.) «идут за Ру, Варле и Леклерком, видя в них ближайших защитников своих интересов»⁹¹. Это соображение давало автору основание видеть в «бешеных» предшественников бабувистского движения, что еще в 1844 г. подчеркивал К. Маркс⁹².

Одной из центральных проблем в истории революции 1789—1794 гг., привлекавших внимание советской науки, явилась проблема термидора. В рассматриваемый нами период этот вопрос оказался весьма злободневным и имел далеко не только историческое значение.

В обстановке становления молодого Советского государства против генеральной линии, проводимой В. И. Лениным и руководимой им партией большевиков, выступили как политические

⁸⁸ Там же, стр. 35.

⁸⁹ Там же, стр. 222.

⁹⁰ Н. П. Фрейберг. Декрет 19 вандемьера и борьба «бешеных» за конституцию 1793 г.— «Историк-марксист», 1927, т. 6.

⁹¹ Там же, стр. 174.

⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 132.

противники большевизма — меньшевики, так и незначительная часть членов партии, уже и раньше находившаяся в оппозиции ленинскому ЦК. Выступления открытых врагов, фракционеров и не прекращавшаяся за границей кампания клеветы против первой в мире Страны Советов в некоторых отношениях перекликались между собой, в частности, по вопросу о якобы неизбежном крушении диктатуры большевиков в результате перерождения партии.

Так, Л. Мартов в статье «Накануне русского термидора», написанной вскоре после Великой Октябрьской революции и опубликованной в меньшевистской газете «Вперед», клеветал на большевиков, тщился доказать непрочность Советского государства и провести параллель с событиями 9—10 термидора 1794 г. во Франции.

С решительной отповедью Мартову выступил Н. М. Лукин. Доказав, насколько никчемной является попытка сопоставления двух совершенно разных социально-экономических эпох, Лукин писал: «В противоположность „якобинцам“ большевики являются самой крайней революционной партией, опирающейся при том на сознательный и организованный социалистический пролетариат. У большевиков нет „друзей слева“, которых приходилось бы подавлять ради торжества рабоче-крестьянской революции»⁹³.

Нет необходимости подробно анализировать измышления выступивших позднее с идущими по той же линии, утверждениями троцкистов или «сменовеховца» Н. Устрялова. Главное заключалось в том, что, в отличие от обстановки партийной борьбы в период французского термидора, наша партия, как известно, оставалась цельной и монолитной, ибо ни о каком расколе ее ведущей силы — рабочего класса — не могло быть и речи.

Мимо этого не могла пройти советская историческая наука. И на передовой линии огня оказались историки нового времени, которым с позиций марксистско-ленинского учения предстояло раскрыть на основе анализа фактического материала принципиальную противоположность революции буржуазной революции социалистической, показать, что явления, неизбежные в процессе развития буржуазной революции, отнюдь не свойственны революции социалистической. На то, что термидор неизбежен именно в буржуазной революции, достаточно ясно указывал уже в 1917—1918 гг. Н. М. Лукин. Привлекая большой фактический материал для подтверждения этого принципиального вывода, ряд советских ученых (Я. М. Захер, К. П. Добролюбовский, С. М. Моносов, Ц. Фридлянд, П. П. Щегелев) явились авторами

⁹³ Н. Антонов (Н. М. Лукин). Историческая экскурсия Л. Мартова. — «Правда», 13, 14.III 1918.

исследований, посвященных 9 термидора. И если не все стороны этой проблемы удалось сразу же решить безошибочно, и, как мы далее убедимся, ошибки некоторых советских историков были немаловажными, все они стремились разоблачить различные реакционные концепции термидора (И. Тэна, Ж. Ленотра и др.), доказать недопустимость отмеченной нами аналогии. Однако, совершенно верно оценив истинное содержание устряловской и либерально-меньшевистской концепции термидора, советские историки не сразу пришли к правильному пониманию французского термидора. Так, в ранних работах Я. М. Захера отмечалось, что организаторы переворота 9 термидора не были контрреволюционерами⁹⁴ «и что лишь голодные беспорядки весны 1795 года толкнули термидорианцев на дорогу контрреволюции»⁹⁵.

А в появившихся несколько лет спустя работах П. П. Щеголева было стремление доказать «строгую преемственность между деятельностью термидорианцев и политикой последнего периода якобинской диктатуры»⁹⁶. Щеголев утверждал, что известный сдвиг вправо якобинской диктатуры начался еще с весны 1794 г. И далее он подчеркивал, что термидорианский переворот не изменил характера экономической политики. Как система реквизиций, так и применение закона о максимуме не подверглись, по мнению П. П. Щеголева, никаким изменениям. Поворотным пунктом в истории термидорианской реакции явился лишь ноябрь 1794 г. (закрытие Якобинского клуба, возвращение в Конвент жирондистов и т. д.). И только в декабре 1794 г. термидорианцы приходят к решительному «разрыву со всей экономической системой якобинской диктатуры»⁹⁷.

Более правильные оценки содержания термидорианской реакции были сделаны К. П. Добролюбским⁹⁸, начавшим также в эти годы свои многочисленные исследования периода термидора⁹⁹.

Степень изученности этого вопроса была продемонстрирована на дискуссии по проблеме термидора в связи с докладом

⁹⁴ Я. М. Захер. История Великой французской революции. Пг., 1924, стр. 49.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ П. П. Щеголев. К характеристике экономической политики термидорианской реакции.— «Историк-марксист», 1927, т. 4, стр. 100.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ К. П. Добролюбский. Термидорианская реакция. (Общественное настроение в Париже во время термидорианской реакции по наблюдениям немцев-очевидцев).— «Историк-марксист», 1926, т. I; он же. Новая экономическая политика термидорианского Конвента.— «Записки Одесского института народної освіти», 1927, т. I; он же. Финансовое законодательство термидорианского Конвента.— «Историк-марксист», 1929, т. 13.

⁹⁹ Итогом работы К. П. Добролюбского над изучением периода термидорианской реакции явилась его книга «Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794—1795 годах» (Одесса, 1949).

Ц. Фридлянда, сделанным на заседании Общества историков-марксистов 27 января и 3 февраля 1928 г.¹⁰⁰

Докладчик, отметив, что события июля 1794 г. были естественным и неизбежным результатом обострения борьбы внутри якобинского блока, пытался доказать, что «вся политика мелкой буржуазии, начиная с мая-июня 1795 г. до 9 термидора, шла по линии интересов крупной буржуазии»¹⁰¹. Ц. Фридлянд приходил также к заключению о реакционности принципов якобинцев в области экономической политики. Этот тезис он обосновывал стремлением Робеспьера, Сен-Жюста и их сторонников к эгалитаризму. Доказывая, что робеспьеристы выражали интересы середняцкой массы крестьянства, докладчик делал вывод, что «эгалитаризм, в области аграрных отношений, был вдвойне реакционной утопией»¹⁰². А отсюда следует и общий вывод Ц. Фридлянда о том, что Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон пытались противопоставить капитализму «справедливый общественный строй» и «против буржуазии пытались осуществить свой идеал эгалитарного государства»¹⁰³. В прениях по докладу Ц. Фридлянда на ошибочность этих выводов указали многие участники дискуссии (Н. П. Фрейберг, А. Д. Удальцов, Н. М. Лукин, С. М. Моносов, С. Д. Куниский).

Пристальное внимание советских историков к периоду термидорианской реакции способствовало появлению двух серьезных исследований, принадлежащих перу П. П. Щеголева и К. П. Добролюбского¹⁰⁴ и изданных в 1930 г. П. П. Щеголев значительное место в своей работе уделил анализу борьбы партий, последовавшей за термидорианским переворотом. В центре, по его мнению, находились левые термидорианцы («охвостье Робеспьера»), в то время как на крайних флангах были правые термидорианцы, с одной стороны, и эпигоны «бешеных» и эбертистов — с другой. Отмечая попытки к сближению между двумя крайними фракциями, что, по мнению автора, являлось «историческим недоразумением», П. П. Щеголев подчеркивал, что левым термидорианцам, которых он, несомненно, идеализировал, пришлось вести борьбу на два фронта.

Говоря о формировании левой оппозиции, П. П. Щеголев считал, что новое политическое образование было возглавлено Электоральным клубом. Деятельности этого клуба Щеголев придавал особое значение¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Ц. Фридлянд. «9-е термидора». — «Историк-марксист», 1928, т. 7.

¹⁰¹ Там же, стр. 192.

¹⁰² Там же, стр. 170.

¹⁰³ Там же, стр. 206.

¹⁰⁴ П. П. Щеголев. После термидора. Очерки по истории термидорианской реакции. М.—Л., 1930; К. П. Добролюбский. Экономическая политика термидорианской реакции. М.—Л., 1930.

¹⁰⁵ См.: П. П. Щеголев. После термидора, стр. 24, 33 и др.

Бесспорный научный интерес представляет третья глава книги «Конец максимума».

Анализируя материалы Центрального бюро по максимуму, хранящиеся в Национальном музее в Париже, П. П. Щеголев пришел к выводу, что «только благодаря максимуму, благодаря начаткам государственного регулирования народного хозяйства возможно было самое спасение французской революции от ее многочисленных внешних и внутренних врагов»¹⁰⁶. Значительное место в главе уделено полемике против дореволюционной ошибочной концепции Е. В. Тарле о максимуме цен. Заостренность полемики объяснялась в это время арестом Е. В. Тарле по необоснованному обвинению его в принадлежности к «Промпартии».

Однако необходимо иметь в виду и другое обстоятельство. К концу 20-х годов Тарле уже завершил свое выдающееся исследование «Жерминаль и прериаль», издать которое он смог только в 1937 г. «Я надеюсь,— писал Тарле в этой работе,— более подробно коснуться максимума в подготовленном новом издании моей книги „Рабочий класс во Франции в эпоху революции“, где я коренным образом многое пересмотрел, многое изменил и во многом дополнил то, что относится к влиянию таксации на участь рабочего класса»¹⁰⁷.

Социально-экономическая борьба трудящихся масс, определившая их выступление в жерминале и прериале 1795 г., рассматривается П. П. Щеголевым относительно кратко. Больше места эти вопросы заняли в исследовании К. П. Добролюбского. Автор указывал, что основной целью его работы было выяснение общественного настроения в Париже в годы термидорианской реакции (хотя он касался и более раннего периода истории революции 1789—1794 гг.). К. П. Добролюбский рассматривал материальные условия жизни населения Парижа, показывал усиление политической реакции в столице и выступления против нее трудящихся масс.

Анализируя содержание экономической политики термидорианцев, автор подчеркивал, что с самого начала своего господства они «стремились, в интересах земледелия, торговли и промышленности, ослабить и ограничить применение максимума и реквизиций»¹⁰⁸. Добролюбский правильно указывал, что термидорианцы принципиально отрицали максимум и сохранили его лишь временно, да и то в самом урезанном виде. Постепенно они возвращались к доктрине неограниченной экономической свободы, которую ранее столь рьяно защищали жирондисты.

Продовольственный и экономический кризисы оказали решающее воздействие на характер массового движения в годы

¹⁰⁶ Там же, стр. 60.

¹⁰⁷ Е. В. Тарле. Жерминаль и прериаль. М., 1937, стр. 5.

¹⁰⁸ К. П. Добролюбский. Экономическая политика термидорианской реакции, стр. 94.

революции. После отмены максимума в конце 1794 г. произошло сильное вздорожание продуктов и большинства предметов потребления. Дальнейшее обострение продовольственного кризиса и привело к народным движениям жерминаля-прериалья 1795 г.

Последние выступления трудящихся парижских предместий рассмотрены в статьях П. П. Щеголева и С. М. Моносова¹⁰⁹. Оба историка доказывали, что ни жерминаль, ни прериаль не являлись стихийными вспышками, а были подготовлены и организованы. Однако если П. П. Щеголев связывает их организацию преимущественно с именем редактора газеты «*Démocrate ou journal du midi*» Брута Манье, то С. М. Моносов проводил мысль, что идея восстания была высказана не только Манье, но одновременно с ним Бабефом и авторами парижского плана восстания. Основное же содержание восстания сводилось к тому, что «руководившие выступившими против термидорианцев массами в ту эпоху не ставили себе задачей захватить власть, а в сущности говоря, хотели лишь или исправления деятельности Конвента, или улучшения его состава...»¹¹⁰.

Однако рассмотренные статьи явились лишь первыми подступами к теме. Неизмеримо больше для ее решения удалось сделать Е. В. Тарле, в течение ряда лет изучавшему материалы Парижского национального архива, составившие основу его капитальной монографии «Жерминаль и прериаль», издание которой было значительно задержано в силу упомянутых выше причин.

Масштабы работы стали для самого Тарле ясны уже к лету 1928 г. «„Из Жерминаля и Прериалья“, — писал он из Парижа жене, — выйдет книга, а не статья. Это уже вполне ясно теперь по материалам, лежащим у меня в шкафу. И это будет в некоторой (орых) отношениях еще новее, чем „Раб(очий) кл(асс)“... Я на этой работе помешался и ни о чем не могу больше говорить...»¹¹¹ Но надеждам историка после его возвращения из ссылки на то, что книга будет включена в план издания на 1933 г.¹¹², так и не суждено было осуществиться. Увидела она свет только в 1937 г.

¹⁰⁹ П. П. Щеголев. Брут Манье. — «Проблемы марксизма», 1930, № 2 (4); С. М. Моносов. Последние выступления парижских предместий (Жерминаль и прериаль). — В кн.: Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции. М. — Л., 1931. Здесь же следует учесть статью К. П. Добролюбова «Жинотство парижских околиц та прериальне повстання 1795 р.» («Прапор марксизму», 1930, № 1), раскрывающую большую роль женщин Парижа в жерминальском и прериальском движении.

¹¹⁰ С. М. Моносов. Последние выступления парижских предместий, стр. 299.

¹¹¹ Архив АН СССР, ф. 627, оп. 4, д. 150, л. 14 (Письмо от 29 августа 1928 г.).

¹¹² См.: Архив АН СССР, ф. 627, оп. 4, д. 154, л. 114.

Отмечая значение жерминальского и особенно прериальского восстаний, Е. В. Тарле подчеркивал, что в истории мирового пролетариата эти выступления, особенно второе, «занимают огромное и на века памятное место». Рассматривая социальный состав движения, автор приходит к выводу, что хотя оно и не было чисто пролетарским, это, несомненно, «было восстание столичной плебейской массы, в которую рабочие входили лишь как одна из составных частей»¹¹³.

Е. В. Тарле обращает особое внимание на тот факт, что у плебейской массы предместий на этот раз не было союзников среди средней буржуазии и очень мало союзников из среды мелкой буржуазии. «В жерминале и прериале движение направлялось прежде всего против „купцов“, скупщиков, спекулянтов, „богатых“ и против Конвента, поскольку он в глазах инсургентов являлся орудием этого класса»¹¹⁴. Таким образом, Е. В. Тарле, раскрывая предельную поляризацию борьбы двух сил, показывает, что с самого начала вопрос стоял «именно о победе или поражении либо собственников, либо неимущих...»¹¹⁵.

Исследование Е. В. Тарле, целиком основанное на архивном материале, отличало в то же время огромное художественное мастерство, не столь часто присутствующее в исторических произведениях. Многие воспроизводимые им события (казнь прериальцев, самоубийство Ромма и др.) полны такого глубокого драматизма, что их по силе воздействия можно поставить в ряд с лучшими образцами художественной литературы.

Выступлению против Конвента, исходившему из роялистского лагеря, посвятил свою работу К. П. Добролюбский¹¹⁶. И как справедливо отметил автор, хотя роялисты оказались побежденными в результате мятежа 13 вандемьера, опасность роялизма не была устранена. Причем, насколько Конвент был жесток по отношению к восставшим в жерминале и прериале, настолько мягко поступил он в вандемьере. Слишком большую опасность чувствовала термидорианская буржуазия в еще неорганизованных выступлениях парижского плебейства в жерминале и прериале. И на это она имела основания. Уже очень скоро господствующим классам Франции пришлось столкнуться с движением, поднятым во имя предпролетарских масс.

¹¹³ Е. В. Тарле. Жерминаль и прериаль, стр. 3.

¹¹⁴ Там же, стр. 274.

¹¹⁵ Там же, стр. 139.

¹¹⁶ К. Добролюбский. Вандемьерский мятеж (1795 г.) — «Труды Одесского Государственного университета», 1939, т. 1. Выводы, к которым пришел К. П. Добролюбский, опровергли утверждение Н. И. Кареева о том, что восстание 13 вандемьера отнюдь не имело роялистского характера (см.: Н. И. Кареев. Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистским? — В кн.: Сб. статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914, стр. 246).

Это движение, явившееся первой попыткой осуществить всоруженное восстание, направленное к уничтожению существующего государственного строя и захвату власти трудящимися, получило наименование бабувизма. Деятельности Бабефа и его сторонников посвящено значительное количество работ советских историков. Однако поскольку основное внимание в них уделено рассмотрению теоретических взглядов бабувистов, мы рассмотрели их в другой нашей работе¹¹⁷, которая специально посвящена изучению советской исторической наукой домарксовских социалистических и коммунистических идей.

* * *

Перейдем к рассмотрению третьего указанного нами направления советской историографии, занимавшегося изучением общественно-политической мысли предреволюционной и революционной Франции.

Успехи советской исторической науки в области изучения французской социально-политической мысли XVIII в. связаны в первую очередь с именем одного из выдающихся наших историков Вячеслава Петровича Волгина. Многолетние исследования Волгина, начавшиеся еще в дооктябрьские годы, дали возможность автору создать стройную систему развития демократической и социалистической мысли и провести строгое разграничение утопического социализма и эгалитаризма (уравнительства).

Одно из центральных мест среди трудов В. П. Волгина занимает история французской общественной мысли XVIII в. Главным образом, им изучены взгляды представителей французского утопического социализма¹¹⁸, но весьма большое внимание в работах Волгина уделено и характеристике эгалитаристских теорий, оказавших столь существенное воздействие на умы вождей Великой французской революции.

В общих чертах отношение к французским уравнительным теориям XVIII в. В. П. Волгин изложил в своем первом крупном обобщающем исследовании — «Очерках по истории социализма»¹¹⁹. Более детально он рассмотрел этот вопрос в конце 30-х и начале 40-х годов, о чем ниже нам еще предстоит сказать.

Что касается 20-х годов, то вопросы идеологической истории Франции XVIII в. привлекали внимание не только историков-

¹¹⁷ См.: В. А. Дунаевский, Б. Ф. Поршневу. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963).— В сб. статей «История социалистических учений» памяти акад. В. П. Волгина. М., 1964, стр. 34—38.

¹¹⁸ См. там же.

¹¹⁹ В. П. Волгин. Очерки по истории социализма. М.—Л., 1935.

марксистов, но и историков, не порвавших со своим буржуазным мировоззрением. Среди них наиболее яркой фигурой был Н. И. Кареев. Небезынтересно напомнить тот факт, что некоторые выдвинувшиеся впоследствии советские историки (В. В. Бирюкович, С. М. Данини (Глаголева), Я. М. Захер, Е. Н. Петров, И. Л. Попов-Ленский, П. П. Щеголев, М. А. Буковецкая и др.) занимались в 1922—1924 гг. в семинарии Н. И. Кареева по истории рационалистической и революционной идеологии во Франции XVIII в., созданном на базе Исторического исследовательского института при Петроградском Государственном университете.

Изучая идеологическую борьбу накануне и в первые годы французской буржуазной революции, участники семинария не могли, разумеется, не испытать на себе воздействие идей только что победившей социалистической революции в России. Поэтому, учась исследовательской технике у Кареева, используя его огромный опыт и багаж его фактических знаний, большинство его учеников совершило в условиях советской действительности движение к усвоению марксистского мировоззрения. Часть работ участников этого семинария была опубликована в сборнике, подготовленном в связи с пятидесятилетием научной деятельности Н. И. Кареева¹²⁰.

Из семинария Кареева вышло и содержательное исследование И. Л. Попова-Ленского о политической деятельности и теоретических взглядах Антуана Барнава¹²¹, в котором рассматривалась идейная борьба в годы революции. Анализируя произведения Барнава «Введение во французскую революцию» и «Политические размышления», И. Л. Попов-Ленский обратил внимание на то, что Барнав не застыл в своих политических теориях, а непрерывно развивал их под воздействием событий революции. В качестве одного из основных факторов, способствующих развитию общества, Барнав считал собственность, подчеркивая при этом, что только «эволюция собственности объясняет... ту смену общественных форм, законов, конституций, идеологических построений, о которых... свидетельствует

¹²⁰ «Из далекого и близкого прошлого». Сб. этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н. И. Кареева. Пг.—М., 1923. В сборнике среди работ, касающихся сюжетов новой истории, был помещен ряд статей, посвященных вопросам идейной борьбы: В. В. Бирюкович. Философско-историческое мировоззрение Мельхиора Гримма; И. Л. Попов-Ленский и Жан-Жак Руссо — космополит (Из идейного движения XVIII в.); П. П. Щеголев. К вопросу о социологических воззрениях Гельвеция и др.

¹²¹ И. Л. Попов-Ленский. Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. (К характеристике историко-философских идей в XVIII в.). М.—Л., 1924. (Ср.: «Введение во французскую революцию». Под редакцией Ф. Рюде, не знавшего, вероятно, о работах И. Л. Попова-Ленского).— (Bar nave. Introduction à la Révolution française. Texte établie et présenté par F. Rudé. Paris, 1960).

вся история человечества»¹²². Отмечая диалектику в анализе Барнавом исторического процесса, Попов-Ленский стремился доказать, что уже во взглядах Барнава проявился тот поворот к историзму, который знаменовал конец XVIII — начало XIX в.

Ряд работ в области изучения истории общественных идей XVIII в. был опубликован в связи со 150-летием Великой французской революции, широко отмеченным в СССР.

В 1939—1940 гг. было издано значительное количество трудов, специально посвященных влиянию взглядов Вольтера, Монтескье и особенно Жан-Жака Руссо на деятелей революции. Внимание советских исследователей привлекли воззрения и других французских мыслителей (Госселена, Дидро и энциклопедистов, Кондорсе, Сийеса и др.).

Наиболее цельная картина развития политической мысли во Франции во второй половине XVIII в. дана в исследованиях В. П. Волгина. В книге «Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789)»¹²³ он характеризует воззрения физиократов, выразителей теорий мелкобуржуазного равенства, экономического либерализма, буржуазного радикализма, представителей коммунистической идеи и некоторых других направлений французской общественной мысли кануна революции.

Общий вывод, к которому пришел Волгин, состоит в том, что элементы буржуазного мировоззрения зарождаются значительно раньше XVIII в., но именно в предреволюционной Франции буржуазное мировоззрение «достигает наибольшей выразительности и завершенности».

Как мы уже отметили, особое внимание советской историографии среди всех буржуазных мыслителей XVIII в. привлекла фигура крупнейшего представителя идеологии мелкой буржуазии предреволюционной Франции Ж.-Ж. Руссо¹²⁴. Руссонизм, получивший свое политическое выражение в трактате Руссо «Общественный договор», стал главным духовным оружием французской радикальной интеллигенции как накануне, так и в годы Великой революции. Анализ взглядов Руссо дал полное основание одному из советских исследователей, Б. М. Бернадинеру, сделать справедливое заключение о том, что «идеи Руссо тесно и неразрывно сплелись с французской революцией, они были ее

¹²² И. Л. Попов-Ленский. Указ. соч., стр. 192.

¹²³ В. П. Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789). М.—Л., 1940.

¹²⁴ См. В. П. Волгин. Политический радикализм накануне французской революции.— «Историк-марксист», 1939; № 3; Л. Герман. Жан-Жак Руссо и французская революция XVIII века.— «Под знаменем марксизма», 1939, № 8; Е. Н. Петров. Политические идеи Руссо и французская революция 1789—1794.— «Ученые записки Ленинградского Государственного университета», № 51, вып. 6, 1940; Б. М. Бернадинер. Социально-политическая философия Жан-Жака Руссо. Воронеж, 1940.

символом веры, служили теоретическим обоснованием учений самых различных, иногда жестоко враждовавших между собой политических партий»¹²⁵. Однако, учитывая все разнообразие влияния Руссо на деятелей революции, нельзя не констатировать, что кульминация этого влияния относится к периоду наивысшего подъема революции — ее якобинскому этапу.

Этот вопрос явился предметом специального исследования Я. М. Старосельского¹²⁶, проводившего мысль о том, что сознательное проведение якобинцами политики классовой диктатуры оказалось возможным в первую очередь потому, что именно в работах Руссо они нашли идеологическое обоснование этой политики.

Влияние идей Монтескье на деятелей французской революции, в частности на авторов «Декларации прав человека и гражданина», показано в статье И. З. Сморгоня¹²⁷. Автор подчеркивает, что хотя влияние Монтескье на идеологов французской революции не всегда было непосредственным, отправные пункты его учения дали известный толчок политической мысли XVIII в., оказав влияние и на теоретиков из жирондистского лагеря.

Несколько особняком среди этой группы работ находится статья И. Либерберга, рассматривающая развитие масонского движения во Франции в XVIII в. Используя обширный и разнообразный материал, автор пришел к заключению, что франк-масонство стало широкой формой организации буржуазных сил Франции, а роль масонских лож в идеологической подготовке революции «была весьма значительной»¹²⁸.

* * *

Рассмотренные нами три основные направления советской историографии в области изучения Великой французской революции не могут исчерпать всей тематики. Содержательные труды были созданы советскими учеными и по более частным вопросам истории революции.

Так, ряд работ Н. М. Лукина, А. К. Живелегова, М. А. Буковецкой, И. С. Фенделя, Е. В. Тарле¹²⁹ посвящены роли армии

¹²⁵ Б. М. Бернадинер. Указ. соч., стр. 132.

¹²⁶ С - й (Я. В. Старосельский). Руссо и якобинская диктатура.— «Революция права», 1928, № 2.

¹²⁷ И. З. Сморгон. Учение Монтескье о государстве и его влияние на идеологию французской буржуазной революции конца XVIII века.— «Ученые записки Ленинградского Государственного университета», т. 52, вып. 6, 1940.

¹²⁸ И. Либерберг. Франк-масонство на передови Великой французской революції як форма громадсько-политичної самоорганізації буржуазії.— «Прапор марксизму», 1927, № 1.

¹²⁹ Н. Лукин. (Н. Антонов) Из истории революционных армий (Очерк второй. Армия в эпоху Великой французской революции (1789—1794). М., 1923; А. К. Живелегов. Армия Великой французской революции и ее

в годы революции. Весьма содержателен очерк Н. М. Лукина, в котором автору удалось показать, как в годы революции была создана качественно новая армия, обладавшая высоким моральным духом и понимавшая, за что она борется. В живо и интересно написанной книжке А. К. Дживелегова над автором еще сильно тяготел груз концепций буржуазной историографии. Поэтому и не случайно его утверждение о том, что пропагандой своих идей якобинцы лишь «дезорганизовали армию», которую ни в коем случае не следовало вовлекать в политику.

Эти же вопросы явились предметом дискуссии по докладу И. С. Фенделя об институте комиссаров при армиях Конвента, прочитанном в Коммунистической академии в 1930 г.

Антинародная деятельность французской реакции раскрывалась в хорошо документированных работах К. Н. Берковой¹³⁰ и О. Л. Вайнштейна¹³¹. Беркова приводила в тексте пространые выдержки из материалов процесса Людовика XVI, который, по словам Н. М. Лукина, был ею мастерски изложен, а в приложении к книге — документы, найденные в так называемом «железном шкафу» (дневник Людовика XVI, письмо Екатерины II братьям короля и др.). В содержательной работе О. Л. Вайнштейна, написанной на основе документальных материалов коллекции М. С. Воронцова в Одесской библиотеке, показана контрреволюционная деятельность эмиграции и вскрыт ее социальный состав. Фактические данные (современной прессы, публицистики, мемуаров), приведенные в книге, представляют несомненный интерес.

История подавления контрреволюционного восстания, приведшего лионскую буржуазию в лагерь роялистов и превратившего Лион в арену ожесточенных классовых боев, содержится в статье В. Пашковского¹³². Борьбу созданной якобинцами «революционной армии» с внутренней контрреволюцией рассмотрел А. Камышан¹³³.

вожди. М.—Пг., 1923; М. А. Буковецкая. Развал королевской армии в первые годы Великой французской революции.—«Анналы», 1924, кн. 4; она же. Борьба якобинцев за создание революционной армии Франции.—«Военно-исторический журнал», 1939, № 1; она же. Война революционной Франции против контрреволюционной интервенции.—«Военно-исторический журнал», 1939, № 7; И. С. Фендель. Институт комиссаров при армиях Конвента.—«Записки Коммунистической академии. Секция по изучению проблем войны», т. 2. М., 1931; Е. В. Гарле. Взятие Бастилии.—«Военно-исторический журнал», 1939, № 1.

¹³⁰ К. Н. Беркова. Процесс Людовика XVI. М., 1923.

¹³¹ О. Л. Вайнштейн. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789—1796). Харьков, 1924.

¹³² В. Пашковский. Лионская контрреволюция 1793 года.—«Борьба классов», 1935, № 11.

¹³³ О. Камышан. L'armée révolutionnaire (До истории борьбы якобинского уряду з внутрішньою контр-революцією 1793—1794 pp.).—«Прапор марксизму», 1928, № 3.

Несколько работ советские ученые посвятили вопросам церковной политики революции. В первую очередь здесь следует назвать двухтомный труд Я. М. Захера¹³⁴, раскрывающий взаимоотношения между революцией и церковью. В работе даны обширные выдержки из выступлений по религиозному вопросу различных политических деятелей, приведены многочисленные проекты переустройства церкви. Борьба буржуазных революционеров против религии и церкви показана в статье Ц. Фридлянда¹³⁵. Отдельные книги, брошюры и статьи, опубликованные в рассматриваемые нами годы, касаются вопросов народного образования, науки, искусства, культуры Франции периода революции 1789—1794 гг.¹³⁶

Существенное место советская наука уделила рассмотрению правовых вопросов революции. Среди опубликованных работ отметим исследования по вопросам государственного права (И. П. Трайнин, А. Денисов)¹³⁷, гражданского права (С. И. Раевич, М. Рейхель)¹³⁸, уголовного права (Б. Утевский, М. Исаев)¹³⁹, по вопросам судебного законодательства (Н. Н. По-

¹³⁴ Я. Михайлов (Захер). Великая французская революция и церковь, т. 1—2. М.—Л., 1930—1931.

¹³⁵ Ц. Фридлянд. Французская революция в борьбе с религией и церковью.—В сб. статей «Атеизм и борьба с церковью в эпоху Великой французской революции», ч. 1. М., 1933.

¹³⁶ См.: А. Фортунатов. Закон 29 фримера II г. (Из истории народного образования во время Великой французской революции).—«Ученые записки института истории РАНИОН», 1927, т. 2; он же. Теория трудовой школы в ее историческом развитии. М., 1926 (глава 3: Великая французская революция и трудовая школа); О. Е. Сыркин. Вопросы народного просвещения в законодательных учреждениях Великой французской революции.—В сб. статей «Педагогические идеи французской революции». М., 1926; А. Греч. Великая французская революция в свете современной ей иллюстрации.—«Печать и революция», 1925, № 7; К. Державин. Театр в законодательстве Великой французской революции.—В сб. статей «О театре», вып. 2. Л., 1927; Р. Пельше. Нравы и искусство французской революции. Пг., 1919; А. Овсянников. Великая французская революция в песнях современников. Пг., 1920 и др. (См. упомянутый нами указатель В. А. Гавриличева, стр. 184—207).

¹³⁷ И. Трайнин. Конституции Франции.—«Борьба классов», 1936, № 10; А. Денисов. Конституции и декларации французской буржуазной революции.—«Ученые записки Всесоюзного института юридических наук», 1940, вып. 2.

¹³⁸ С. И. Раевич. Проект яковинского гражданского кодекса 1793 г.—«Революция права», 1928, № 1; он же. Великая французская революция и наследственное право.—«Советское право», 1938, № 1; М. Рейхель. Гражданское законодательство французской революции (до 9 термидора).—«Ученые записки Всесоюзного института юридических наук», 1940, вып. 2.

¹³⁹ Б. Утевский. Уголовное право французской буржуазной революции XVIII в.—«Советская юстиция», 1939, № 5, 6; М. Исаев. Французский уголовный кодекс 1791 г.—«Советское государство и право», 1941, № 4.

лянский, Б. Арсеньев) ¹⁴⁰, международного права (Е. А. Корвин) ¹⁴¹.

Нельзя, однако, не отметить, что на часть этих работ оказали сильное воздействие культ личности и отдельные суждения Сталина, в частности, по вопросу о шпионаже. Так, Е. А. Корвин, стремясь найти как можно больше «агентов-врагов», зачисляет в шпионы Дантона, Эро де Сешеля, Клоутса и ряд других деятелей революции, ни в коей мере в шпионаже не повинных.

* * *

Наряду с исследованиями отдельных проблем Великой французской революции уже с начала 20-х годов предпринимаются попытки создания обобщающих марксистских трудов, содержащих характеристику всего периода революции в целом. На первых порах эти издания преследовали преимущественно учебные и популяризаторские цели.

Эту группу работ открывает учебник для вузов и губсовпартшкол «Новейшая история Западной Европы», принадлежащий перу Н. М. Лукина ¹⁴². В основу учебника автором были положены лекции, читанные им в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, в Социалистической академии и на факультете общественных наук 1-го МГУ.

Н. М. Лукин понимал, какие высокие и сложные требования стояли перед ним как перед автором первого марксистского учебника по новой истории, игравшим «здесь роль пионера». Но этот первый опыт оказался весьма удачным.

Многолетнее изучение Н. М. Лукиным новой истории, и в первую очередь французской истории конца XVIII в., определило высокий научно-исследовательский уровень и методологическую направленность «Новейшей истории Западной Европы».

Четвертая глава учебника, кстати, самая большая, была посвящена Великой французской революции. А такие важнейшие параграфы этой главы, как параграф о классовых противоречиях накануне революции или параграф о социально-экономиче-

¹⁴⁰ Н. Полянский. Судебное законодательство Учредительного и Законодательного собраний в эпоху первой французской революции (1789—1792 гг.).— «Советское государство и право», 1939, № 5; он же. Судебное законодательство Конвента (1792—1794 гг.).— «Советское государство и право», 1940, № 1; Б. Арсеньев. Революционный трибунал французской буржуазной революции.— «Ученые труды Всесоюзного института юридических наук», 1940, вып. 2.

¹⁴¹ Е. Корвин. Шпионаж и диверсия в борьбе против французской буржуазной революции.— «Исторический журнал», 1939, № 6; он же. Французская буржуазная революция и законы и обычай войны.— «Ученые труды Всесоюзного института юридических наук», 1940, вып. 2.

¹⁴² Н. Лукин (Н. Антонов). Новейшая история Западной Европы. М., 1923. (Охвачен период от XVIII до середины XIX в.).

ской политике якобинской диктатуры, и ряд других четко решали многие центральные вопросы революции.

Среди них можно указать на оценку Н. М. Лукиным размаха крестьянского движения накануне и в первый период революции, характеристику аграрного законодательства якобинцев, анализ борьбы якобинцев с жирондистами, взаимоотношения якобинцев с «бешеными», шометтистами и эбертистами и т. д.

Аналогичной по типу издания с «Новейшей историей Западной Европы» Н. М. Лукина явилась «История Западной Европы» Ц. Фридлянда¹⁴³, рассчитанная на тот же контингент читателей, что и книга Лукина. Обладавший многими несомненными достоинствами (живостью изложения, введением в оборот большого количества фактов, вниманием к вопросам экономики и идеологической борьбы), учебник Ц. Фридлянда давал ответ на некоторые вопросы (например, такие как характеристика экономики предреволюционной Франции, оценка деятельности отдельных вождей революции и др.) значительно менее точно, нежели вышеназванный учебник Н. М. Лукина.

Общий очерк истории Великой французской революции был дан также в учебном пособии С. М. Моносова¹⁴⁴, рассчитанном на сеть партпросвещения. Учебник Моносова явился самым массовым пособием (в 1931 г. он вышел 13-м изданием). После смерти Моносова в 1932 г. его учебник был переработан Л. И. Рыклиным и дважды издан под его редакцией¹⁴⁵.

Постановления партии и правительства, принятые в 1934 г. о преподавании гражданской истории, поставили вопрос о создании нового учебника для средней школы, работа над которым началась под руководством Н. М. Лукина сразу же после этого постановления и была завершена в 1935—1936 гг. изданием макета первой части учебника, в основном одобренного правительственной комиссией. Существенное место в этом учебнике было отведено истории французской революции.

Подготовка учебника для высшей школы была закончена лишь в 1939 г. выходом в свет первой части «Новой истории»¹⁴⁶, написанной группой сотрудников Института истории Академии наук СССР. Автором раздела о Великой французской революции явилась Ф. А. Хейфец. Этот раздел, включивший большой фактический материал, явился одним из наиболее значительных

¹⁴³ Ц. Фридлянд. История Западной Европы (1789—1914). Харьков, 1928.

¹⁴⁴ С. Моносов. История революционных движений (1789—1871). Харьков, 1925.

¹⁴⁵ «Очерк истории революционного движения. Эпоха промышленного капитализма». Под ред. Л. Рыклина. М., 1933.

¹⁴⁶ «Новая история. От Французской революции до франко-прусской войны и Парижской Коммуны (1789—1870 гг.)». Под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова и Ф. А. Хейфец. М., 1939.

в учебнике. При наличии ряда положительных сторон, в главах о французской революции было, однако, мало обобщений. Имели место в учебнике и недостаточно четкие формулировки (особенно при характеристике группировок, входивших в якобинский блок и др.). Несколько поверхностно было изложено аграрное законодательство и международная политика в годы революции. Но недочеты учебника, в значительной степени вскрытые сразу же после его выхода в свет¹⁴⁷, все же не могли заслонить большого положительного значения издания, которое в течение ряда лет являлось основным пособием по истории нового времени для советского студенчества.

Переходя к рассмотрению работ советских ученых, специально посвященных всему периоду французской революции конца XVIII в., следует указать, что в первое время они имели преимущественно популярный характер¹⁴⁸. В дальнейшем, однако, в них все больше отмечается исследовательский элемент. Подобного рода книга была написана С. А. Лотте¹⁴⁹, попытавшейся с марксистских позиций осмыслить весь поступательный ход революции. Особое внимание было уделено автором анализу классовой борьбы и в первую очередь выяснению роли в революции мелкой буржуазии. Краткий общий очерк истории революции был написан А. В. Ефимовым¹⁵⁰.

Все эти издания предшествовали появлению обобщающего коллективного труда Института истории Академии наук СССР — «Французская буржуазная революция. 1789—1794»¹⁵¹, созданного 26 авторами. В этом фундаментальном труде с позиций марксистско-ленинской методологии, на основании многолетних серьезных исследований советской историографии (в первую очередь, работ Н. М. Лукина и созданной им школы по изучению истории Великой французской революции), был рассмотрен общий ход революции 1789—1794 гг. Хотя Н. М. Лукин еще в 1938 г., за несколько лет до выхода в свет настоящего издания, был незаконно репрессирован, а его работы изъяты, основные выводы, к которым он пришел в процессе изучения Великой французской революции, были приняты на вооружение

¹⁴⁷ См. рецензию на первую часть «Новой истории», написанную В. П. Волгиным («Историк-марксист», 1940, № 7), там же помещен отчет об обсуждении первой части учебника на заседании кафедры новой истории исторического факультета МГУ.

¹⁴⁸ См., например: А. Камышан. Очерк истории Великой французской революции. Харьков, 1926; С. Фрязинов. Великая французская революция. М., 1927; Т. Богданович. Великая французская революция. М.—Пг., 1925 и др.

¹⁴⁹ С. А. Лотте. Великая французская революция. М.—Л., 1933.

¹⁵⁰ А. В. Ефимов. Французская буржуазная революция XVIII века. 1789—1794 гг. М., 1939.

¹⁵¹ «Французская буржуазная революция. 1789—1794». Под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.—Л., 1941.

советской исторической наукой, что нашло свое отражение и в книге «Французская буржуазная революция».

Авторами монографии было введено в научный оборот много неизданных архивных документов, раскрывавших международные отношения (преимущественно русско-французские)¹⁵² накануне и в годы революции.

По-новому был поставлен ряд вопросов в разделах книги, посвященных формированию капиталистического уклада во Франции и кризису феодально-абсолютистской системы.

При анализе особенностей классовой борьбы в годы революции авторскому коллективу удалось раскрыть различие между революцией буржуазной и революцией социалистической и показать вместе с тем глубоко демократический характер Великой французской революции, «который обеспечил возможность гигантского размаха революционного творчества, показав сколько светлых голов, сколько блестящих организаторских способностей крылось в недрах французского народа»¹⁵³.

Свежо и во многом оригинально были решены такие важнейшие вопросы революции, как законодательство собраний, деятельность политических клубов, роль армии в революции, экономическая политика правящих группировок, борьбы с внутренней контрреволюцией и т. д.

Специальные главы работы характеризовали положение французских колоний во время революции, правовую политику революции, политику революционной Франции в области культуры.

И хотя коллективный труд советских ученых не был свободен от некоторых недостатков¹⁵⁴, это первое обобщающее исследование советской историографии в области изучения Великой французской революции не утратило своего значения и до настоящего времени.

¹⁵² Во второй половине 30-х годов в Институте истории АН СССР началась работа над плановой темой «Царизм и революционные движения в Европе». В связи с этим в архивах Советского Союза было выявлено много документов, раскрывающих русско-французские отношения. Значительное количество этих документов относилось к концу XVIII в., и в частности ко времени Великой французской революции. В итоге был подготовлен сборник «Царизм и буржуазная революция во Франции конца XVIII в. Международные отношения накануне и в первый год французской революции (1789—1790)», весь тираж которого, к сожалению, погиб во время Великой Отечественной войны. Однако еще ранее на основании найденных документов было опубликовано несколько интересных работ, характеризовавших содержание внешней политики России в первые годы французской революции (см.: Н. М. Лукин. Царизм и французская революция 1789 г. по донесениям; И. М. Симолина.— «Литературное наследство», т. 29—30. М., 1937; Р. А. Авербух. Политика европейских держав в 1787—1791 годах.— «Историко-марксист», 1939, кн. 3).

¹⁵³ «Французская буржуазная революция. 1789—1794», стр. 4.

¹⁵⁴ См. А. Л. Нарочницкий. Новый труд о французской буржуазной революции 1789—1794 гг.— «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии, 1944, № 6.

Такой же солидный том под редакцией академиков В. П. Волгина и Е. В. Тарле — «Канун французской буржуазной революции XVIII века» (обе части планировались как предварительные издаваемые тома готовившейся тогда «Всемирной истории») был сверстан в 1941 г. и подведен к печати в Свердловске, но, к сожалению, издан не был. Верстка книги находится в Отделе рукописных фондов Института истории АН СССР. Там же хранится верстка печатавшегося летом 1941 г. в Риге первого тома публикации документов по международным отношениям в период французской революции.

Таким образом, подводя общие итоги, следует сделать вывод, что в изучении проблем французской революции XVIII в. советская историография добилась несомненных успехов. Этот же вывод может быть распространен в определенной степени и на работы по историографии¹⁵⁵ французской революции, опубликованные в рассматриваемый нами период. И хотя обобщающие труды в этой области принадлежали русским буржуазным историкам Н. И. Карееву¹⁵⁶ и В. П. Бузескулу¹⁵⁷, их работы, благодаря систематизации обширного историографического материала, не потеряли интереса и до настоящего времени.

Трехтомный труд Кареева, обстоятельно разбиравший значительное число исследований по истории французской революции, при всей методологической неприемлемости его либеральной концепции и тенденциозности ряда выводов встретил в общем благожелательное отношение марксистской критики¹⁵⁸

Оценкам Кареева надо было, однако, противопоставить марксистскую характеристику трудов новейших историков Великой французской революции. Решение этой задачи осуществлялось путем анализа взглядов отдельных исследователей рево-

¹⁵⁵ По этому вопросу нами готовится специальная статья.

¹⁵⁶ Н. И. Кареев. Историки французской революции, т. 1—3. Л., 1924—1925; он же. Западная Европа в новое время. (Революция и наполеоновская эпоха). Пг., 1922. Следует учесть также историографические этюды учеников Н. И. Кареева: В. А. Бутенко. Наука новой истории в России («Анналы», 1922, № 2); С. М. Данини (Глаголева). Крестьянство и аграрный вопрос в эпоху великой революции. (Постановка вопроса в современной науке) («Анналы», 1922, № 1); она же. Научное изучение Великой революции. Сорокалетие журнала Олара «La Révolution française». («Анналы», 1922, № 2).

¹⁵⁷ В. П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века, ч. 1—2. Л., 1929—1931. Аналогичный труд Бузескула предполагал создать по западноевропейской историографии, но выполнить это ему не пришлось. В осуществление этого замысла Бузескулу удалось опубликовать лишь несколько статей (См.: «М-м де Сталь и последующие историки французской революции». — «Ученые записки Института истории РАНИОН», 1929, т. 3; он же. Французские историки 20-х годов XIX столетия и их отношение к революции 1830 г.» — «Известия АН СССР», VII сер., 1931, № 7).

¹⁵⁸ См.: Н. Лукин. Великая французская революция в работах советских историков. — «Историк-марксист», 1927, т. 5, стр. 203—204.

люции (А. Олара, Ж. Жореса, А. Матьеза)¹⁵⁹, путем подведения как общих итогов изучения революции¹⁶⁰, так и отдельных ее проблем¹⁶¹.

Все вышеизложенное дает основание сделать некоторые заключения.

Великая Октябрьская социалистическая революция направила внимание советской историографии на изучение ведущих этапов и проблем всемирной истории. В их ряду одной из наиболее ярких и интересных явилась тема Великой французской революции конца XVIII в. Уже с первых шагов становления молодой советской исторической науки исследованию самой выдающейся из ранних европейских революций уделяется особое внимание.

В сущности, без преувеличения можно сказать, что к середине 20-х годов была уже создана марксистская советская школа историков, специализировавшихся в области истории французской революции 1789—1794 гг. Важнейшая заслуга в создании этой школы принадлежит одному из первых историков-марксистов Николаю Михайловичу Лукину, явившемуся автором многочисленных исследований, научно-популярных работ и учебных пособий, посвященных революции конца XVIII в. во Франции. Лекционные курсы и семинары Н. М. Лукина в Институте красной профессуры, Московском университете и других учебных заведениях способствовали подготовке большого отряда историков, создавших ряд выдающихся работ по различным вопросам истории Великой французской революции. Большой вклад в оформление этой школы принадлежит также и другому представителю старшего поколения советских истори-

¹⁵⁹ Н. М. Лукин. Альфонс Олар (1849—1928).— «Историк-марксист», 1928, т. 10; он же. Жорес как историк французской революции. Предисловие к книге «Жан Жорес. История французской революции», т. 3. М.—Пг., 1923; он же. Альбер Матьез (1874—1932).— «Историк-марксист», 1932, № 3; С. Д. Куниский. Жорес—историк.— «Историк-марксист», 1926, т. 2; 1927, т. 3, 4; П. П. Щеголев. «Директория» Альбера Матьеза.— «Исторический сборник», т. 5. Л., 1936 и др.

¹⁶⁰ См.: С. Моносов. Новая советская литература на русском языке по французской революции.— «Историк-марксист», 1926, т. 1; Ц. Фридлянд. Итоги изучения Великой французской революции в СССР. М., 1930; Т. В. Илицына. Историография французской революции XVIII века— В кн.: Французская буржуазная революция. 1789—1794. М., 1941. (К сожалению, в обзоре Т. В. Милицкой совершенно не учтены достижения советской историографии); К. П. Добролюбовский. Послевоенная историография французской буржуазной революции конца XVIII века.— «Труды исторического факультета Одесского университета», т. 2. Одесса, 1940.

¹⁶¹ См.: В. М. Далин. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII века в освещении «русской школы».— «Историк-марксист», 1929, т. 14; Д. И. Эрде. 9 термидора в исторической литературе. С предисловием Ц. Фридлянда. М.—Л., 1931; И. П. Завитневич. Новейшие работы по крестьянскому вопросу накануне и во время Великой французской революции.— «Историк-марксист», 1926, т. 7 и др.

ков — Вячеславу Петровичу Волгину, занимавшемуся преимущественно изучением истории социалистических идей.

Советская историография 1917—1941 гг. при изучении Великой французской революции в качестве ведущих наметила три направления: 1) исследование экономической истории революции; 2) анализ классовой борьбы в годы революции; 3) изучение общественно-политической мысли предреволюционной и революционной Франции.

Особенно большой вклад в рассматриваемые нами годы советские историки внесли в изучение второго из намеченных направлений — классовой борьбы в годы Великой французской революции.

Несмотря на большие трудности, невозможность использования в течение длительного времени французских архивов и библиотек и ряд других обстоятельств, осложнявших повседневную научную работу, советские ученые в предельно короткие сроки создали немало замечательных исследований по истории французской революции конца XVIII в., прочно вошедших в фонд мировой исторической науки.

Традиции довоенной советской историографии в области изучения Великой французской революции с успехом продолжают новые поколения советских историков, стремящиеся исследовать те кардинальные вопросы французской революции, которые до сих пор еще ждут своего разрешения (крестьянские движения накануне революции, революционные движения во французской провинции, развитие социалистической и коммунистической мысли в годы революции и т. д.).

Долг современных молодых историков, изучающих революцию XVIII в. во Франции, — не забывать о трудах своих предшественников, использовать лучшее, что было ими создано, правильно объяснять причины ошибок, имеющихся у зачинателей советской исторической науки.

Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в.

Существовавший в России с середины XVI в. Посольский приказ был, по выражению А. Л. Ордина-Нащокина, «оком всей великой России». Уже само появление специального учреждения, ведавшего иностранными делами, свидетельствовало о росте связей русского государства с внешним миром. Борьба за международный престиж России была главной задачей Посольского приказа. Не приходило почти ни одного посольства к иностранным дворам, чтобы русские не начинали длинный, утомительный и раздражавший западные дворы торг о том, чтобы все титулы были изложены так, «как великий государь его царское величество сам себя описует». Послы предпочитали уехать совсем без ответной грамоты, чем принять грамоты с «несправчатыми» титулами царя.

Дело доходило до курьезов. Германский император Фердинанд III попробовал было в 1656 г. поручить прием русского гонца Григория Богданова своим «ближним людям», но встретил решительное сопротивление гонца, который заявил, что ему «у ближних людей не учиться стать». Когда ему пробовали объяснить, что послы всех стран видят императора только на прощальной аудиенции, Богданов возразил, что короли других земель «не такие великие государи, как великий государь наш, его царское величество, и брат его, великий государь ваш, его цесарское величество. А великий государь наш, его царское величество,— государь преславный, многие государства и земли держит, и цари и царевичи под его государскою высокою рукою... служат многие»¹.

Гонец не только добился приема у императора, но и потребовал, чтобы тот встал и снял головной убор, когда полагалось

¹ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. 3. СПб., 1854, стб. 594 (далее — «Памятники...»).

спрашивать о здоровье царя. Вмешался канцлер, объяснивший гонцу, что цесарь рад бы сделать это, «только болен, ногами ходить не может». Но и это не помогло. Тогда стал оправдываться сам император². Только теперь сдался гонец, хотя он знал, что император болен «камчужною болезнью». Но и после аудиенции он продолжал протестовать; теперь уже на обязанности пристава лежало убедить его, что «цесарь скорбен ногами добре на подагру» и что «за тою нужною болезнью встать было ему немочно». Ответную грамоту Богданов не принял, потому что в ней отказались титуловать царя великим князем Литовским, поскольку этот титул носил польский король.

В русской буржуазной историографии³ отмечены факты упрямства русских послов, но это объяснялось только бестактностью русской дипломатии, приводившей просвещенную Европу в законное недоумение. Но следует иметь в виду, что русская дипломатия пользовалась в данном случае тем же приемом, что и дипломатия западная. Достаточно вспомнить, что через два года после посещения Богдановым Вены послы того же венского двора Франкенштейн и Бевер фон-дер Бит не приняли в Москве царской грамоты, адресованной новому императору Леопольду I, на том основании, что вместо «величества» стояло «вельможному королю».

Борьбе за утверждение международного престижа России служил также целый кодекс поведения русского дипломата за границей. Послам полагалось держаться с иностранцами с достоинством: если иностранный государь «учнет звать к руке», то «к руке не ходить»; послам «излишних кормов и на отпуске больших дачь себе и никому государевым людям не просить, чтобы в том государеву имени было к чести и к повышению», а «Московскому государству к доброй славе и похвале». Строго предписывалось не заниматься торговлей. В наказе подьячему Дмитрию Симановскому, ехавшему в Англию в 1682 г., читаем: «А товаров ему Дмитрею с собою никаких не иметь и будучи в аглинской земле не торговать, а буде он какие товары с собою с Москвы повезет и учнет ими, будучи в аглинской земле, торговать, и ему Дмитрею быти от великих государей в опале безо всякие пощады, для того что... торговать к бесчестью и бывают от торговли ссоры и от чужеземцев посмех»⁴.

Статейные списки — отчеты послов в отчетах в зарубежные страны — содержат разнообразные сведения о событиях в Западной Европе, но эти сведения страдают односторонностью (касаются почти исключительно международных отношений,

² «Памятники...», стб. 597.

³ См.: А. Г. Брикнер. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии. — «Русский вестник», март — май 1877.

⁴ «Памятники...», т. 4, 1856, стб. 180.

в чем послы и видели свою задачу); они отрывочны, поскольку послы подчас фиксировали лишь случайные факты. Иногда Статейный список составлялся людьми, плохо знавшими страну.

И тем не менее, Статейный список — чрезвычайно ценный источник для историка. При скудости других источников, в условиях, когда газетное дело в России голько развивалось, при отсутствии литературы о положении в других странах главным источником знакомства с этими странами были поездки за границу. Статейный список поэтому есть драгоценное свидетельство очевидца, полное непосредственных впечатлений. Каждый посол имел задачу узнать, «каких новостей объявилось». Источниками для составления Статейного списка были сведения, полученные от придворных, дипломатов, купцов, служилых людей, попутных путешественников и т. д. Источником сведений о зарубежных странах могли быть и заграничные «куранды». Послы привозили с собой в Москву и различные документы, интересовавшие русское дипломатическое ведомство.

Все эти материалы, разумеется, должны учитываться со всей осторожностью, но другого исторического документа о зарубежных странах, равного Статейным спискам, у нас для этого времени нет.

Кто их составлял? Главой посольства считался какой-либо именитый боярин, на правах второго лица посылался дьяк (или подьячий) Посольского приказа. Глава посольства обычно был для дипломатического ведомства человеком случайным в делах дипломатии, «не навывчен», чаще всего фигурой для представительства. Все фактически лежало на дьяке. Это был дипломат-профессионал, представитель ведомства иностранных дел. Он знал посольский обычай, в отличие от главы посольства, который не всегда умел «бресги по книгам», а еще реже был способен «брести по чернилам», дьяк знал грамоту, на нем держалось все делопроизводство посольства, в том числе и составление Статейного списка. Один боярин без дьяка никогда не посылался в чужеземную державу, дьяк же был вполне способен один возглавить посольство. Кроме ранга посла и ранга посланника, существовал еще третий ранг — гонца, им тоже был дьяк, которому в таком случае, помимо небольшого штата, давался в помощь толмач.

Разница между боярином и дьяком не только служебная, но и социальная. Дьяк — чаще всего разночинец, выходец из посадских людей или даже из крестьян. Он ревностно относился к службе, порой сам свирепо наказывал батогами подчиненных ему людей. Добиваясь получения поместья, дьяк всячески старался стать вровень с именитыми людьми. Но социальный барьер, отделявший простого чиновника от бояр, как правило, был неодолим. Мешала незнатность происхождения, да и по-

местья, получаемые дьяками, были небольшими⁵. Приниженность «строчилы» перед боярином отражалась и в самих посольских документах: если глава посольства величался по имени и отчеству, то дьяку приходилось довольствоваться только именем. Все это в достаточной мере объясняет нам, почему дьяк порой мог смотреть на многие явления иначе, чем посол.

Сохранился документ, свидетельствующий о разногласиях между послом и дьяком. Речь идет о протоколе расследования конфликта между стольником Яковом Никитичем Лихаревым и дьяком Иваном Песковым. Вернувшись из посольства, они подали жалобы, разбором которых Посольскому приказу пришлось специально заниматься.

Если отбросить преувеличения и кривотолки, обычные во взаимных обвинениях, то останется список преступлений, которых стольник и дьяк предъявляли друг другу. Дьяк обвинял стольника в следующем:

1. В Можайске, в Царевом Займище и в Вязме тот «сверхямских подвод велел людям своим имати лошади посадских людей грабежом».

2. Как сам Яков Лихарев, так и его племянник, называли дьяка Пескова «худым человеком и отца будто он у себя не знает. И Яков де ему говорил, что он, Иван,— человек беззаступный, и говоришь де против них, честных людей; он де Яков — мочный человек, и заступников, и друзей, и приятелей, и своих на Москве много, что захочет, то делает»⁶.

3. Солдаты, сопровождавшие посольство, «служили племяннику его Дмитрию, и бил он их и увечил обухи и бердыши, а иных изувечил, руки переломал»⁷.

4. Стольник и в заграничной поездке не бросал своих барских привычек. Во время ночлегов стоял на особых дворах и держал у себя толмача, чтоб его тешил, в карты с ним играл и подвесеясь бы, ему, Якову, с племянником песню «березу» пел. Он самочинно пожелал именоваться князем, не захотел быть Лихаревым, а захотел быть Елизаровым; велел называть себя не посланником, а послом; племянника своего велел величать товарищем посла, а имени Пескова «помянуть не велел». Когда на квартиру к посланникам приехали цесарские комиссары, то вернувшийся из бани Яков вышел к ним «в одних фезях да в башмаках на босу ногу... И то де он делал по своим прихотям, государевым делам нерадея» и т. д.

⁵ Характерны сведения, приведенные С. А. Белокуровым в книге «О Посольском приказе»: дьяк Василий Бобынин имел поместье из 12 крестьянских дворов, из них два двора были в бегах; Василий Посников имел четыре двора, из них все в бегах; Борис Михайлов — 16 дворов и т. д. (стр. 50).

⁶ «Памятники...», т. 3, стб. 1082.

⁷ Там же, стб. 1081

В свою очередь, стольник Лихарев предъявил Пескову ряд обвинений. Видимо, он пытался предъявить дьяку обвинения политического порядка.

1. В протоколе Посольского приказа мы читаем: «В Яковлеве же письме написано о бесчестье властей, епископа Вятицкого.. да про стрельцов; и Иван про то не допрашиван, потому что то дело не посольское»⁸.

2. Глава посольства жаловался, что дьяк Песков «его бесчестил, лалял дураком, глупым называл, и говорил, что он во всем знает болии его и всякое дело ему за обычаем». Иван называл своего начальника также «площадным и беспомощным человеком». Когда стольник послал своего племянника урезонить Ивана, то дьяк «племянника его лалял и на него плюнул и говорит, что он его, Якова, не слушает и знает больше его хотя б и не такой дурак Яков был». Стольник пытался послать к Ивану «дворянина Григория... и он де на дворянина плюнул». Пытался он отдать распоряжения дьяку, но тог ему ответил, что «и без Яковлевой глупой думы» знает, что ему делать.

3. Обвинение состояло в том, что дьяк «Статейный список умышлял один же с подъячим с Потапом Блудовым и писал, что хотел. И он де, Яков, посылал к Ивану о том говорить, чтоб он с ним государево дело делал вместе... и он де его при дворянях и при толмаче бранил и дураком, глупым называл, и ни в чем его по государеву указу не слушал»⁹.

Все это показывает, что перед нами столкновение неродовитого и «беззаступного», но знающего свое дело дьяка со знатным, но невежественным боярином. Дьяк откровенно презирает кичливость, барскую спесь, невежество, а может быть, и глупость стольника и с полным основанием считает себя выше этого надутого вельможи и его окружения. Заслуживает внимания тот факт, что Песков считает возможным делать это совершенно открыто, перед всем Посольским приказом. Объясняется это тем, что на государственной службе (особенно в ведомстве иностранных дел) родовитость уже не являлась единственным критерием оценки человека: придавалось значение и его деловым качествам. Деловитость, знание дела осмеливались тягаться со знатностью. Так формировалась *служилая знать*, создавались свои традиции. Вот что говорит Григорий Котошихин о высшем чиновнике Посольского приказа — думном дьяке: «И в тех думных дьяках бывают из дворян, и из гостей, и из подъячих, и из тех думных дьяков посольский дьяк, хотя породю бывает меньше, но по Приказу и по делам выше всех»¹⁰.

⁸ Там же, стб. 1117.

⁹ Там же, стб. 1100—1101.

¹⁰ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 23

Рядовые дьяки были «из дворян Московских, и из городовых, и из гостей, и из подьячих. А на Москве и в городех в приказех з бояры и околничими и думными и ближними людьми и в посольствах с послами они бывают в товарищах; и сидят вместе и делают всякие дела, и суды судят и во всякие посылки посылаются»¹¹. Подьячие составляли основной корпус чиновничьего сословия, на них лежала главная тяжесть повседневной государственной работы; это были обладатели всех тайн канцелярского искусства, порой относившиеся иронически даже к такому крючкотворским дел мастеру, как дьяк. Они — главные авторы всех государственных документов, в том числе и по Посольскому приказу. «А лучится писати о чем грамоты во окрестные государства, и те грамоты прикажут готовить посольскому думному дьяку, а думный дьяк прикажет подьячему, а сам не готовит, только чернит и прибавляет, что надобно и не надобно»¹².

Каждый приказ, а тем более Посольский, находился в руках этого служилого сословия. Даже в посольствах, посылаемых в другие страны, дьяк, числившийся помощником главы посольства, в действительности был «оком государевым» и докладывал царю о поведении посланника. Верхушка служилого сословия правила Посольским приказом. С. А. Белокуров в книге «О Посольском приказе» писал, что за весь XVII в. только в течение 20 лет во главе этого приказа находились бояре — А. Л. Ордин-Нащокин (1667—1671), А. С. Матвеев (1671—1676), В. С. Волынский (1680—1681) и В. В. Голицын (1682—1689). Все остальное время им правили дьяки; из них вышли такие выдающиеся дипломаты, как И. Т. Граматин (1605—1635 гг., с перерывами) и Е. И. Украинцев (1689—1699). При этом И. Т. Граматин, А. И. Власев и П. А. Третьяков сохраняли свое положение и при самозванцах, и при боярских правительствах.

Заправлявшее Посольским приказом служилое сословие не было однородным ни по своему экономическому положению, ни по своим политическим взглядам. Не подлежит сомнению, что Песков, протестовавший против вмешательства бояр во внешнюю политику, был не один. Это — представитель тогдашней служилой интеллигенции. Можно говорить о демократическом крыле служилого сословия, противопоставлявшем себя родовитому боярству. Это была та среда, которая породила Григория Котошихина.

Никто из потомков Котошихина не будет оправдывать его шпионства. Но именно потомкам гораздо лучше видно, что толкнуло Котошихина на это. Здесь были причины личные (его отец был разорен по произволу властей) и общественные (Кото-

¹¹ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 26.

¹² Там же, стр. 24—25.

шихин видел бесправие простого человека и всю неправду, творимую боярством). И он взбунтовался. Мятежный подьячий Котошихин напоминал русского удалого молодца, который так и не сносил свою буйную голову, только разбой его протекал не на русском проселке, а на международном тракте. А сверхтого, его разбой перерос в предательство. Котошихин перешагнул тот рубеж, где кончались интересы царя и начинались интересы России. Но Котошихин — явление экстраординарное. Тем не менее, его нельзя рассматривать как одиночное явление, как проявление всего лишь дурного характера человека; это явление нельзя отрывать от среды, в которой оно родилось. А среда эта — дьяки и подьячие Посольского приказа. Котошихин — участник переговоров, приведших к Валлисарскому перемирию и Кардисскому миру, был одним из тружеников ведомства иностранных дел.

Бунтарство Котошихина свидетельствует о наличии демократического течения общественной мысли в среде русской дипломатии. Политические идеи этого течения отчетливее всего проявляются в оценке внутреннего положения в России, данной Котошихиным. Вспомним его характеристику бояр, которые «брады свои уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студированные». Даже грамотные бояре не блещут образованием, потому что «иным языком... кроме русского, научения в Российском государстве не бывает». Бояре эти «для науки и обычая в-ыные государства детей своих не посылают»; и в России за рубеж «ни для каких дел ехать никому не позволено. Вспомним его аттестацию чиновников, которые «никакого наказания не страшатся... руки свои ко взятию скоро допускают», а «взяв посулы, облычают других людей злыми словами и не стыдятся этого делать».

Вспомним далее его талантливое описание медного бунта: «те все, которые казнены и потоплены и разосланы, не все были воры», но «все погинули, виноватой и правой». Вспомним также его доброжелательное отношение к донскому казачеству, состоящему из людей, которые «пограбя бояр своих, уходят на Дон» и «Доном от всяких бед освобождаются». Вспомним, наконец, его слова о крестьянах, которых помещики обязаны «от всяких обид оберегати и стояти, а подать с них имать по силе... а не через силу, чтоб тех мужиков своих из поместий и из вотчин не разогнать, и в нищие не привести, и насильством у них скота и животины никакой и хлеба всякого и животов не имати». Оказавшись вне поля зрения «ока всей великой России». Котошихин полным голосом сказал о том, о чем другие не могли или не хотели говорить.

Такова была обстановка в Посольском приказе. Она говорит о наличии в иностранном ведомстве двух течений общественной

мысли. Исследователю Статейных списков это приходится учитывать. Статейный список — официальный документ, где все пишется «во славу государя», и тем не менее его составители — дьяки и подьячие — вносили в него свои оценки явлений. Их взгляды подчас были совершенно необычны с точки зрения официального представителя царского правительства, подчас новыми были и те проблемы, которые ставились в Статейных списках.

1. Вопросы экономического положения в странах Западной Европы по Статейным спискам

Экономическое положение посещаемой страны довольно часто привлекало внимание авторов Статейных списков. Причины этого были самые разнообразные: установление или развитие торговых отношений с данным государством, сочувствие авторов к народу, внимание могла привлечь и разоренная войной страна и т. д.

Наиболее пространный рассказ об экономическом положении чужой страны встречается в Статейном списке П. И. Потемкина и С. Румянцева (1667 г.). Их посольство, отправившееся в Испанию и Францию с целью установить с ними торговые отношения и найти там союзников против Турции, вынуждено было пробыть в Испании около полугода и имело, таким образом, возможность познакомиться со страной. Это было время, когда продолжалось ограбление американского континента, еще именуемого Западной Индией. Русское посольство узнало, что испанцы в Америке «много руд золотых и серебряных в горах копают и переплавляют и привозят морем, великим окняном на кораблях золото и серебро... в Андалузское государство в город Кадикс да в Севиллию... А итти от гишпанские земли... до Западные Индии на кораблях окняном девять недель благополучным ветром. А окроме гишпанского государства купецких людей не ездят для золотые и серебряные руды в Западную Индию ни которых земель купецкие люди для того, чтобы кроме гишпанцев никто иноземцы в Индию Западную для промысла не приезжали. А и со своих де гишпанских купецких людей собирают на короля в Западной Индии пошлину с золота и серебра плавленногого и ефимков пятаую часть королю»¹³.

Все это добывалось путем беспощадного грабежа. Русские узнали, что между испанцами и местным американским населением шла война. «Как та Западная Индия досталась гишпанским королям и тому де сто восемьдесят лет. И города многие в той Западной Индии устроены, гишпанских королей многолюдство, сказывают, великое. Переведены из Испании многие люди

¹³ Н. Новиков. Древняя Российская Вивлиофика, ч. 4. СПб., 1774, стр. 33—35.

для опасенья...», так как местное население поднялось на войну с пришельцами. «Бои великие с гишпанскими людьми у них бывають, которые еще не поддалися под державу гишпанского короля. А живут те люди в самых крепких местах меж гор. И если возьмут гишпанского человека на бою... и убьют до смерти...»¹⁴

Привезенное из Америки потреблялось не только в Испании, но и служило предметом торговли с другими странами. Авторы Статейного списка хорошо подметили характерную черту испанской торговли: золото, шедшее из Америки, не вкладывалось в производство, а выплачивалось другим странам за привозимые в Испанию товары.

Потемкин и его спутники едва ли могли осмыслить начавшийся тогда упадок Испании, но они отметили одну особенность торговли этой страны: продажу только сельскохозяйственных продуктов и ввоз товаров городского производства. «В иные земли для купечества мало ездят, потому что изо всех земель привозят к ним товары всякие, которые им надобны, а у них за те товары золото и серебро емлют и на масло деревянное меняют и на гишпанское вино и на лимоны, потому что много добра в Испании родится: масла деревянного и вина гишпанского и лимонов. А больше всех в государстве их промысл чинят галанские земли купецкие люди и живут домами в городах испанских»¹⁵.

Русские интересовались и отдельными провинциями Испании. «В Бискайе всякий хлеб, как и в государстве Московском, родится и сады великие со всяким плодовитым деревьем. Руды железные много»¹⁶.

Привлекли их внимание и Канарские острова: «На тех островах всякие пряные зелья рождаются и сахар. А те де Канарские острова пространством верст по четыре ста и по пяти сот; города на тех островах крепкие и многолюдные и всякого де избыльства на тех островах много»¹⁷.

Другие авторы об экономике зарубежных стран дают более лаконичные сведения. И. И. Чемоданов и А. Посников, посетившие Венецию, обратили внимание, что в городе «стоят многие палаты каменные, а в них делают скляничное дело всякими мудрыми образы»¹⁸. Но больше промышленности была развита торговля. «В городе сделан мост каменный великий, а на нем устроены лавки многие, крыты свинцом, и сидят в них со всякие товары, а по их скаске стал де им тот мост и с лавками в чetyреста тысяч золотых и больши. И под тот мост ходят не великие

¹⁴ Там же, стр. 35—36.

¹⁵ Н. Новиков. Указ. соч., ч. 3, стр. 28.

¹⁶ Там же, стр. 32—33.

¹⁷ Там же, стр. 37.

¹⁸ «Памятники...», т. 3, стб. 1166.

корабли и большие барки. А иных малых мостов по улицам добре много и под те мосты ездят в гундулах»¹⁹.

У русских возникал вопрос, с какими странами торгуют венецианцы. Те рассказывали, что «торговые корабли ... ходят во все государства и в турки». Но с турками у вас война?— недоумевали русские. На это последовал ответ, что венецианские корабли «проходят де по знаменам, ставят де знамена аглинские и галанские и иных земель, с которыми в миру; а как они подъедут под город и они знамена выставляют на кораблях турецкие белые»²⁰.

В 1667 г. И. А. Желябужский и Г. Кузмин отправились в Австрию, чтобы поставить в известность императора о заключении Андрусовского перемирия и заручиться его посредничеством для достижения «вечного» мира с Польшей. Незадолго перед этим Прибалтика пережила длительную войну между Польшей и Швецией, завершившуюся Оливским миром 1660 г., в котором, наряду с другими государствами, участвовала и Империя. Вслед за этим Империя вступила в очередную войну с Турцией, закончившуюся миром 1664 г. Страна была изнурена. Русское посольство наблюдало картину запустения целых областей; «в Моравской земле от свейской войны многие места и по се время разорены, не справились. Аустрийская земля до самой Вены конечно пуста, разорена от шведов, а досталь запустошили татаровя в нынешнюю турецкую войну по самой Дунай реку». Если бы австрийцы не помирились с Турцией, то «от турков бы в конец разоренным и поплненным им быть»²¹.

Имперская казна была пуста. Польский канцлер доказывал русским посланникам, что «цесарь казноу не богат» и, хотя у него «золото и серебро родятся и иных руд много, толко они про то ведают, что казны у цесаря не много и промыслы стали не прибыльны»²².

Посольство П. И. Потемкина и дьяка Я. Чернцова (1674 г.) посетило Империю, чтобы узнать, какую помощь может оказать Леопольд I Яну Собесскому против турок, обратило внимание, что в это время «была ярмонка в городе Лейпсике и на тое ярмонку все фурманы выехали из тутошних изо всех мест с товары. А съезд де бывает великой на тое ярмонку в город Лейпсик из розных государств, со всякими товары купетские люди приезжают»²³. Речь шла о знаменитой Лейпцигской ярмарке.

Подобных высказываний можно привести много. Все они свидетельствуют, что русские дипломаты не ограничивались описанием поверхностных явлений.

¹⁹ «Памятники...», т. 3, стб. 1165.

²⁰ Там же, стб. 1009.

²¹ «Памятники...», т. 4, стб. 664—665.

²² Там же, стб. 657—658.

²³ Там же, стб. 1172.

2. Политический строй европейских государств

Русские дипломаты XVII в. оценивали посещаемые ими страны с позиций русского монархического государства. На монархию в любой европейской стране они смотрели как на нечто естественное, богом установленное: каждая страна должна была иметь свое «королевское величество». Всякие отклонения от монархического строя рассматривались как отклонения от нормы, вызывали недоумение, а то и осуждение.

К числу таких стран принадлежала прежде всего Польша — своеобразная «республика» с ее «хронической» феодальной анархией. Почти не было случая, чтобы русские, приезжавшие в Польшу или проезжавшие через нее, не обратили внимания на господствовавший там беспорядок. Он особенно усиливался во время войн, которые Польша, как известно, вела тогда очень часто.

Одним из многочисленных примеров сообщений русских послов о внутреннем положении в Польше могут служить Статейные списки, относящиеся ко второй половине 50-х годов XVII в. Это был очень сложный для Польши период — шла война со Швецией, занявшей Польшу. Россия в этой войне была союзницей Польши наряду с Империей, Данией и Бранденбургом. В то же время противоречия между Польшей и Россией, обострившиеся после смерти Б. Хмельницкого (1657 г.), привели к вспышке новой русско-польской войны.

Русские посланники Я. Н. Лихарев и И. Песков, ездившие в Империю (1658—1659) через Польшу, писали о сложившейся в Польше обстановке в связи с попыткой Яна Казимира назначить себе преемника. Столкновения различных магнатских групп осложнились, как всегда, иностранным вмешательством. На сейме 1658 г. обсуждалась кандидатура царя Алексея Михайловича на польский престол, но она была отвергнута. Кроме того, «на польское де государство королем хочет быть и промышляет французского короля брат или бы де французскому князю удельному быть королем польским; а тот де французской удельный князь богат добре, оттого де он полякам дает и сулит много казны, чтобы ему быть королем польским; а иные де многие поляки не позволяют и не хотят французского которого к себе в короли»; в то же время «цесарь хочет и промышляет, чтоб на польском королевстве быть королем польским брату его родному меншому Карлусу Езифу; для того де... цесарь римской не хочет и короны польской и Кракова города отдать полякам»²⁴. Больше всего, как известно, борьба разгорелась между двумя претендентами: «французским удельным князем» — принцем Энгенским Генрихом Юлием (сыном принца

²⁴ «Памятники...», т. 3, стб. 1051.

Конде), которого выдвигала польская королева, и польским магнатом Любомирским, которого поддерживала Империя.

Польша распалась на отдельные панско-шляхетские группы, борьба между которыми чрезвычайно ослабляла Польшу в войне со Швецией. Известно, что значительная часть польско-литовского панства вела себя в этой войне изменнически, в частности такие магнаты, как Опалинский, Грудзинский, Радзивиллы и другие, переходили на сторону шведов, гарантировавших их феодальные привилегии. Русский гонец Григорий Богданов, проезжавший по Польше несколько раньше Лихарева и Пескова, сразу же заметил это. Он писал, что некоторые из магнатов, смотря по выгоде, «учали поддаваться свейскому королю без войны»²⁵. Гетман Гонсевский и другие «вельможности» в Кролевце (Кенигсберге) занимали выжидательную позицию: если «свейский» король «учинится польским королем и корунется и Польшею всею овладеет... они ему и присягу в то пору учинят»²⁶.

В ином положении был народ. Когда Богданов проезжал через Митаву, он видел там много простых людей, «и со мною многие виделись, и все плачут и Радзивилла проклинают, что он их свейскому королю поддал»; они жаловались, что «свейские люди и достальные животы их грабят и жен их насилуют»²⁷. Это заставляло народ подняться против иноземцев. Богданов говорит о случаях, когда «свейских людей на дороге многих побили мужики, выходя из лесу»²⁸. Там, где шляхта тоже поднималась против шведов, крестьянство выступало вместе с ней. Курляндский герцог Магнус «собрався же в Литву в Жмотцкой повет и... стоял обозом в Янышках и во Жмови, местечки и деревни и шляхетские двory многие пожег и мужиков секут без пощады; и под городом Шевлями у свейских людей с мужиками был бой и на обе стороны людей побито не мало»²⁹.

Когда Ян Казимир отрекся от престола и в стране наступило бескорольевье, проезжавший в 1668 г. через Польшу русский посланник Томас Кельдерман сообщал: «А разных де государств послы и посланники из Варшавы высланы все, для того, что в Варшаве зачалась конвокация октября с 26 числа». Кельдерман доносил, что в стране царило полное беззаконие и произвол, даже иностранных дипломатов грабили и убивали, его самого «хотели задержать и ограбить в Слониме и провожатых ему до рубежа не дали, и ехал от них в великом страхе, потому что... везде учало быть своеволие великое, и естли кого послате

²⁵ «Памятники...», т. 3, стб. 654.

²⁶ Там же, стб. 585.

²⁷ Там же, стб. 576—577.

²⁸ Там же, стб. 657.

²⁹ Там же, стб. 659.

доведется, и тому надобно от такого своеволения ехать с великим опасеньем»³⁰.

Такую характеристику феодальной Польши можно встретить во всей статеинной литературе. Своего рода итог этому подвел в 1697 г. известный дипломат Петр Андреевич Толстой, посланный Петром в Италию. Проезжая через Польшу, Толстой оказался на поле, где проходили элекционные сеймы. Поле было безлюдно, но его вид заставил Толстого задуматься. «На поле сделан вал немалый, а кругом выкопан ров», участники сейма «не могут никакого государственного дела сделать без боя и без драки и для того о всяких делах выезжают думать в поле». Элекционное поле и выбитые стекла в сенатской избе говорили Толстому о роковой роли панско-шляхетских междоусобий в исторической судьбе Польши: «и всегда у них между собою мало бывает согласия, в чем они *много государства своего растеряли*»³¹.

Необычным для русских был политический строй городов Западной Европы. Посольство стольника И. И. Чемоданова и дьяка А. Посникова (1656—1657) с трудом постигало республиканский строй Венеции с его выборностью должностных лиц. Случилось так, что во время переговоров венецианский дож заболел, а высшие чины республики заявили русским представителям, что они вполне могут заменить дожа; какие бы дела ни были, «нам же их делать, а князь их не делает и не ведает ничего». Посланники решительно отказались с ними разговаривать, они соглашались вести переговоры только с «князем», прикрываясь формальным мотивом: «Коли уж князь ваш не делает ничего, а государство свое правите вы», тогда в грамоте, с которой приезжал венецианский посол Альберт Вимин в Москву в 1655 г., рядом с именем князя стояли бы и ваши имена, а то «имя ваших к великому государю нашему на листу не написано, а писался один князь ваш». Пришлось ждать, «покаместа князю от болезни будет облехченье». Подивились русские и необычным обрядам, в частности, они видели «барку превелику», на которой «внищейский князь с своими ближними людьми выезжает в море верст с двадцать и море обручает, честь воздает, мечет князь ежегод перстень золот с алмазы и с иными дорогими каменьями»³².

Посланники Лихарев и Песков интересовались устройством Гамбурга. Во главе города стоят «начальные люди четыре бурмистра... да под ними 20 человек ближних думных людей с ними сидят и думают вместе и владеют всем городом; а о больших и спорных великих делах бьют челом они о расправе и о указе

³⁰ Там же, стб. 735—736.

³¹ «Русский архив», т. 2, 1888, стр. 192. Курсив наш.

³² «Памятники...», т. 3, стб. 1165—1166.

цесарю римскому. А дань они дают и подати всякие цесарю римскому да королю датцкому дают дань и подати всякие и больше цесарского дают и платят и ото всех, кто на них наступит, откупаются и платят»³³.

3. Г. С. Дохтуров об Английской революции. Классовая борьба в европейских странах

В русской статейной литературе нашла отражение и классовая борьба в странах Западной Европы. Наглядное подтверждение этому — Статейный список разрядного дьяка Посольского приказа Герасима Семеновича Дохтурова.

Смерть царя Михаила Федоровича (1645 г.) совпала с разгромом гражданской войны в Англии. За границу были отправлены гонцы с известием о смерти царя и о восшествии на престол Алексея Михайловича. Дохтуров выехал в Англию 13 августа 1645 г., а вернулся в Москву 9 августа 1646 г.: больше половины этого годового путешествия Дохтуров провел в Лондоне, в атмосфере бурных событий революции.

Свою задачу русский гонец видел в получении аудиенции у короля, но из охваченного восстанием Лондона король бежал, поэтому свидание, которого Дохтуров добивался полгода, так и не состоялось. Все это время Дохтуров был окружен английскими купцами «московской кумпаней», заинтересованными в развитии торговли с Россией. Это окружение, состоявшее из сторонников парламента, и явилось главным источником информации русского посланника. В этом, видимо, была причина того парадоксального факта, что представитель русского царя смотрел на английские события как бы глазами сторонника парламента. Этому могло способствовать и то обстоятельство, что, составляя официальный документ, Дохтуров не вносил в него своих личных оценок, а старался точно передать все, что слышал от своих собеседников.

В чем причина вспыхнувшей в Англии гражданской войны, согласно Дохтурову? Прежде всего — приверженность Карла I к «папешской вере», т. е. к католичеству. Но «сверх тово королю похотелось владеть всем королевством по своей воле, как и в ыных государствах государи владеют своими государствами, а здесь де искони земля вольная и прежние короли ничем не владели, а владели всем парламент, думные люди. И почал де было король все делать по своей воле, и парламент того не похотели, и арцыбискупа и езовитов многих казнили, которые по королевскому веленью папешскую веру вводили. И видя король, что парламент учели делать по своему извычаю, как в их королевстве искони повелось, а не по ево королевскому хотенью,

³³ «Памятники...», т. 3, стб. 1064—1065.

и король с королевою из Лондона выехал сам, никто его не высылал. А сказал, что поехал гулять в иные города, и, выехав из Лондона, королеву отпустил во Французскую землю, а сам учал воевать»³⁴.

Герасим Дохтуров имел довольно отчетливое представление о размежевании социальных сил в революции. Он писал, что «за королевским величеством тех людей, которые торгуют в Московском государстве, никою нет, те люди, вся кумпаня за парламентом, а не за королем», знал, что дворянский лагерь короля не пользуется поддержкой народа, ибо «их аглинскому королю помощи нет ни от ково».

Долгое время, не теряя надежды на свидание с королем, Герасим интересовался ходом переговоров между враждующими сторонами и убеждался в их непримиримости: «Писал король их аглинский к парламенту, чтобы парламент его в Лондон на королевство пустили и честь бы ему и повольность во всем у парламента была по-прежнему, и он, король, в вере волю их творить готов. И парламент против к королю писали, что его на королевство пустят на том: буде он, король, парламенту даст письмо, что ему вера держать одна с ними, и ближних своих людей выдаст парламенту, которые вчали войну и его, короля, на то привели, и впред де ему, королю, служивыми людьми никем не ведать; и парламент его на королевство пустят. А будет король против парламента письма не учинит, и ему на королевстве не бывать»³⁵.

Положение в ноябре 1645 г., по его словам, было следующее: «И кумпаня сказали: подлинно им про то неведомо, в котором городе живет король, потому что де нынешнево лета парламент у короля города многие поимали. А про то они ведают подлинно, что король живет в Хибирской земле³⁶, переезжая из города в город, и в одном городе не живет. Только де и там от парламента королю утеснение большое, потому что послан от парламента в Хибирскую землю енерал с великим войском и многие города осадил. А в Аглинской де земле за королем остался один ныне город Аксварт³⁷, а Шкотцкие³⁸ земли за королем немного ж, вся за парламентом, и войско парламента в Шкотцкой земле большое».

Мало вероятно, чтобы здесь напутал сам Герасим, старавшийся точно передавать услышанное, скорее всего его «кумпаня» располагала неточными сведениями, питаясь всякими слухами, которыми был полон тогда Лондон. Король в это время

³⁴ З. И. Рогинский. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645—1646 гг. Ярославль, 1959, стр. 25.

³⁵ Там же, стр. 34—35.

³⁶ В Ирландии.

³⁷ Оксфорд.

³⁸ Шотландские

был оттеснен не в Ирландию, а на север Англии. Сообщение «кумпаней» о «генерале», вторгшемся в Хибирскую землю, наводит на мысль, что об экспедиции Кромвеля в Ирландию, осуществленной позже, в Лондоне поговаривали, видимо, уже в это время. Но в нарисованной картине верен ее общий тон — военные действия вошли в свою решающую стадию. Об этом Дохтуров мог судить по сообщению его собеседников, что «ныне у парламента зашли воинские дела многие и сидят беспрестанно о том, готовят собранье большое ратным людям и хотят с королем докончанье войны учинить».

В марте 1646 г. Герасим Дохтуров располагал сведениями, что «парламент короля разорили и в Хибирской земле города поимали, а король ушел в город Аксварт, от Лондона всего верст около 100. И в Аксварте короля осадили накрепко, и енерал парламентав, который был против короля в Хибирской земле и тот енерал пришел под Аксварт же. И они де аглечане, торговые люди, чают, что короля в Аксварте возьмут вскоре и война уймется». Кроме упорных слухов о военных действиях в Хибирской земле, все остальное здесь соответствует действительности. В Англии уже ждали окончания гражданской войны. Но король, как известно, бежал из Оксфорда, и Дохтуров рассказывает: «И апреля в 29 день в Лондоне по всем улицам **вытрубливали**, что парламенту весно учинилось, что король из Аксварта из осады ушел всево сам друг и ныне безвестно. А будет хто в Лондоне или в ыных городах учнет хто короля у себя держать тайным обычаем, и парламенту про него не известит, и тому быть кажену смертноу казнею».

Наконец, гражданская война, за которой внимательно следил Дохтуров, закончилась. Его торжествующие собеседники сообщили ему, что «парламенту и им всем в Аглинской земле бог дал радость, что король их аглинской у парламента ныне в руках, майя в первый день здался в войско Шкотцкое, которое служит за парламента, приехав всего сам друг, переменя на себе парсуну и платье; и ништо ево, короля, не узнал в войске, только б он сам про себя не сказал. И приехав де, учал проситца в Лондон на королевство по-прежнему. И шкотцково де войска начальные люди... к парламенту писали в Лондон ли его велят взять или инде где велят держать. И парламент де послали из Лондона 3000 конных людей и велели его отослать в город Ньюкясль, от Лондона верст с 300, для того, покаместа с ним, королем, о вере и о правде мир и о всем договор будет. И того же числа гонцу Герасиму Дохтурову сказывал кумпанейский казначей Иван Бентель, что король парламенту здался и последний свой город Аксварт, ис которого вышел, парламенту велел здать»³⁹. В этом рассказе нашего автора нашел свое пра-

³⁹ З. И. Рогинский. Указ. соч., стр. 37.

вильное отражение общий ход событий конца гражданской войны в Англии, за исключением того, что король был выдан за выкуп шотландцами значительно позже (1 февраля 1647 г.), хотя, возможно, англичане, если верить слухам, переданным купцами русскому гонцу, рассчитывали получить короля раньше.

Дохтуров интересовался и международным положением Англии, что не могло не входить в круг его обязанностей. «А как де у парламента с королем война учинилась и ссылки де у их аглинского короля с тех мест ни с которым государем не бывало. А у парламента де недружбы ни с каким государем нет, кроме датцково короля, потому что де датцкой король их аглинскому королю родной дядя». В этом была сформулирована точка зрения английских купцов — собеседников Герасима Дохтурова, или не располагавших точными сведениями, или намеренно рисовавших положение короля в более невыгодном свете, чем оно было в действительности. Как известно, кроме Дании, Карл I пользовался поддержкой Вильгельма II Оранского, а также Франции — сначала Людовика XIII, а затем Мазарини. Кроме того, он был окружен сочувствием феодальной Европы.

С поражением Карла I Дохтурову стало ясно, что придется иметь дело с парламентом, о котором он имел довольно ясное представление со слов «кумпаней»: «А парламент де сидят в двух палатах, и выбираны де те думные люди Аглинские и Шкотцкие земли изо всех чинов и изо всякого города человека по 3 и по 4; в единой же палате сидят бояр 60 человек, а в другой палате мирских и служащих и ис торговых людей 420 человек». На официальный прием в парламент Герасим Дохтуров пошел под давлением тяжелой необходимости, но он отдавал себе отчет в том, почему парламент не допустил его свидания с королем — парламент стремился лишить своего противника всяких международных связей, доказать иностранцам, что король «ничем не владеет». Это было тем более важно, что связь с иностранными державами нужна была королю для организации иностранного вмешательства против революции. Если аудиенция русского гонца состоится, то «отпишет король на них с ним, Герасимом, ко государю, что они ево разорили и в том будет ссора». Парламент устроил чрезвычайно торжественный прием русскому гонцу, на котором присутствовали обе палаты и их председатели — граф Манчестер и Уильям Лентолл, после чего Герасим Дохтуров с почетом выехал на родину.

Таковы мысли русского свидетеля Английской буржуазной революции XVII в. Его произведение — красноречивый рассказ о кульминационном периоде этой революции. Из него явствует, что в момент наивысшей активности народных масс английская буржуазия и новое дворянство вели решительную борьбу с феодальным абсолютизмом, в частности, решительно боролись за изоляцию короля на международной арене. Парламент, не до-

пустивший к королю русского представителя, без обиняков сбъяснил это тем, что сейчас в их стране «войны и драки большие». В еще более решительных выражениях позиция парламента была мотивирована в грамоте царю Алексею Михайловичу. Донесение Герасима Дохтурова свидетельствует, что в этот период революции феодальная Европа вынуждена была признать де-факто революционный парламент как орган верховной власти в Англии, т. е. фактически отступить перед революцией.

Рассказ Герасима Дохтурова был резко контрастен общему тону враждебности русских правящих кругов к Английской революции. Эту враждебность официальной России по отношению к революции, как известно, хотели использовать английские роялисты. Доказательством этого является состряпанная ими фальшивка, известная под названием «Протест царя Алексея Михайловича против казни короля Карла I» Подложность этого документа полностью доказана советской исторической наукой⁴⁰. Отсутствующий в русских архивах и имеющийся только в Британском музее на английском языке, этот «Протест» представляет собой попытку английских роялистов-эмигрантов организовать «священную войну» с суши и с моря против своей родины, «пока с благословения божьего мы не приведем этот народ к повиновению своему государю и не восстановим этого пострадавшего короля в его бесспорных правах». Кроважадный тон с головой выдает автора этого документа: «И поскольку неумолимая злоба этих непревзойденных мятежников передается потомству от отца к сыну и распространяется на всю семью,— говорится там,— наше правосудие не должно останавливаться до тех пор, пока все они, а также их жены, дети и союзники не будут полностью истреблены и пока не будут окончательно вычеркнуты из памяти их имена. И если летописи сохранят для последующих веков какие-либо из их невероятных действий, они также вместе с тем расскажут и об их страшной гибели с тем, чтобы потомство ужаснулось бы и содрогнулось, узнав об этом наказании, которое им воздали за их мятеж»⁴¹. Английские контрреволюционеры жаждали не только утопить революцию в крови, они хотели, чтобы их страшная месть заставила содрогнуться и грядущие поколения англичан, навсегда отбить у них охоту к революции.

Однако враждебность феодальных кругов России к Английской революции все же оставила свой след в тогдашней русской

⁴⁰ См.: М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв.— «Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук», вып. 15. Л., 1947, стр. 87—89; З. И. Рогинский. Так называемый «Протест по поводу казни короля Карла I». — «Ученые записки Ярославского педагогического института. Всеобщая история», вып. 22 (32). Ярославль, 1957.

⁴¹ З. И. Рогинский. Так называемый «Протест по поводу казни короля Карла I», стр. 307.

историографии. Это проявилось в выборе английских книг для перевода на русский язык. Внимание официальных русских переводчиков привлекла единственная тема — казнь Карла I, событие, рисовавшееся всему феодальному миру как вершина «злодеяний» революции. Поэтому их внимание сосредоточилось на роялистских памфлетах, где эта тема преобладала и под пером озлобленных врагов революции находила страстное публицистическое воплощение. Известен не дошедший до нас перевод книги «О убийении краля Ангельского», сделанный сподвижником патриарха Никона Епифанием Славинецким. Характерным образцом подобного рода литературы была переведенная на русский язык книжка под заглавием «Как аглинского короля Карлуса Стюверта казнили и что его королевского величества последние слова были вышед на место, где его казнили генваря в 31 день». Особенность этой книжки состоит в том, что фантазия потерявшего от злости рассудок английского дворянина заставила Карла I с эшафота произнести длинную речь. Этот известный в историографии еще со времен Фукидида прием понадобился автору, чтобы высказать свою открытую ненависть к революции. Был также сделан перевод сочинения «О Карлусе первом, короле великобританском, французском и ирляндском», представлявшего собой биографию Карла I, написанную в Англии в период реставрации Стюартов.

Заслуживают внимания сообщения русских послов о классовый борьбе в таких передовых странах, как Голландия и Италия. Эти сообщения отличаются краткостью и меткостью. Один из талантливых русских дипломатов XVII в. Емельян Украинцев посетил Голландию в очень трудный для страны момент. Голландия была участницей длительной войны за Фландрию, на ее территории находились войска Людовика XIV, в частности французами был осажден Амстердам. Обороняющиеся вынуждены были открыть шлюзы и затопить окрестности, город оказался отрезанным от окружающего мира, положение горожан становилось отчаянным.

Русский дипломат подчеркивал, что больше всех от войны страдали городские низы; голландцы сильно опасались, «чтоб в городе во время осады не учинили какого бунту мастеровые люди. А будет в Амстердаме всяких мастеровых людей со сто тысяч человек и чают, что они нужи в осаде терпеть не будут, потому что работы у них никакой не будет и кормится им будет нечем»⁴². Помимо безработицы, мастеровой люд страдал от тяжелого экономического положения в стране. «А хлеб здесь купят по средней цене, а дороже всякие мяса и конские кормы; купят... в Гаге гривенку мяса в четыре алтына, а сена гривенку в четыре

⁴² «Памятники...», т. 4, стб. 942.

копейки. А учала... у них дорогонь быть оттого, что многие луга затопили они у себя водою и скотина с бескормицы вымерла и сен косить стало негде»⁴³. Внешняя торговля была в сильном упадке. «А к Архангельскому городу из Амстердама сего лета корабли пойдут, только чаять, что немного».

П. А. Толстой, знакомясь в 1697 г. с Венецией, обратил внимание на два городских района, отделенных друг от друга мостом: одна сторона называлась «кастеляны», другая — «николиоты». Несмотря на то, что и те и другие состояли из простого народа, между ними происходили частые столкновения. Толстой находит этому вполне убедительное объяснение, считая, что венецианские сенаторы намеренно «кастелянов с николиотами ссорят, чтоб они не были между собою согласны, для того, что боятся от них бунтов»⁴⁴.

Сообщения о подобного рода явлениях составляют одну из ценнейших черт Статейных списков.

4. Статейные списки о международных отношениях и войнах в Европе

Главными очагами международных противоречий в тогдашней Европе были борьба в Прибалтике, борьба с Турцией и борьба западных государств вокруг Фландрии. Все эти три района находились в поле зрения Посольского приказа. Статейные списки, оставленные нам русскими современниками событий, являются существенным дополнением к западноевропейским источникам по истории дипломатии того времени.

а) Международные отношения в связи с войнами в Прибалтике

С борьбой России в Прибалтике были связаны поездки ряда русских посланников и гонцов, например И. И. Баклановского и И. И. Михайлова (1654 г.), Г. Богданова (1656 г.), Я. Н. Лихарева и И. Пескова (1658—1659), И. Я. Коробьина и И. Микулина (1663 г.) и др.

В 1652—1654 гг. Россия воевала с Польшей, которая одновременно вела войну со Швецией. Возможным союзником Польши могла быть Империя. Пока шла война с Польшей, каждое русское посольство, отправлявшееся в Вену, имело наказ добиться от императора — в случае, если польский король обратится к нему за помощью, — «ратных людей и казны на помощь не давать и ничем ему вспоможенья не чинить»⁴⁵. В Посольском приказе не могло быть секретом, что в Вене к Польше питали симпа-

⁴³ «Памятники...», т. 4, стб. 942—943.

⁴⁴ «Русский архив», т. 4, стр. 549.

⁴⁵ «Памятники...», т. 3, стб. 225.

тий больше, чем к России. Фердинанд III, как известно, склонял Богдана Хмельницкого к принятию польского подданства. Но Россия имела все реальные основания рассчитывать на нейтралитет Империи — задача Империи сводилась к тому, чтобы сделать Россию и Польшу своими союзниками или против Турции, или против Швеции.

Турки представляли постоянную угрозу для Империи, эта угроза нависала порой над имперской столицей Веней. Враждебными оставались и отношения со Швецией. Это был период, когда еще не забыли Тридцатилетней войны, в результате которой Швеция получила устья рек немецкого севера. Усиление Швеции означало усиление раздробленности Германии. Организовать отпор как туркам, так и шведам императору мешала непокорность немецких князей. Даже в момент наивысших успехов Швеции в войне против Польши, когда шведы заняли Варшаву и Краков, а Ян Казимир обратился к Империи за помощью, князья отказывали Фердинанду III. Русский гонец Г. Богданов писал, что когда Фердинанд III обратился к ним с вопросом о войне со Швецией, то те «цесарю не позволили, а отписали к нему так: если ему, цесарю, свейский король какую неправду учинит, и они ему на помощь готовы, а то польский король с свейским королем как хочет, так и разделявается. А цесарь однолично мыслил и хотел на свейского короля помочь учинить, только нынче не смеет войны всчать ради курфюрстов»⁴⁶.

Император охотно обещал России не оказывать помощи Польше, воюющей с русскими, настойчиво предлагал свое посредничество между Польшей и Россией и старался столкнуть Россию и Швецию. Фердинанд III убеждал русских, по крайней мере, примириться с поляками и тем самым облегчить им борьбу со шведами.

Тогда «польский де король из Польши свейского короля выбьет скоро», а это будет на руку и России, ибо ей «лутче у себя держать по соседству по-прежнему польского короля, а не свейского». Как только «свейский» король завладеет Польшей, он «Вильню и иные все города, что царское величество у польского короля побрал, все отыщет назад и царскому величеству владеть не даст»⁴⁷. Богданов был убежден в правильности этих слов, ибо шведские документы, которые он привез в Москву, подтверждали это. Шведские генералы писали, что, покончив с Польшей, «всеми силами воинскими кинемся на Москаля»⁴⁸, что и произошло при подобной ситуации значительно позже — в начале XVIII в.

Лучше всех эта позиция Швеции была ясна самому русскому правительству. Доказательством тому является вступление Рос-

⁴⁶ Там же, стб. 650.

⁴⁷ Там же, стб. 610—611.

⁴⁸ Там же, стб. 664—665.

сии в антишведскую коалицию. Началась война коалиции, в которую входили Польша, Россия, Империя, Бранденбург и Дания (1656—1658). Но, как известно, противоречия между Россией и Польшей из-за Украины скоро выступили на первый план, и Россия вышла из коалиции. Начался решающий этап русско-польской борьбы. Посольство Я. Н. Лихарева и И. Пескова (1658—1659) в Империю пришлось на переходное время, когда назревала новая расстановка сил во всей Прибалтике, а между Россией и Польшей обострился конфликт. Гетман Выговский, пришедший к власти после смерти Богдана Хмельницкого (1657 г.), передал Украину под власть польских панов (Гадячский договор 1658 г.). Россия, заключив со Швецией Валиесарское перемирие (1658 г.), вступила в новую войну с Польшей.

Когда Лихарев и Песков проезжали через Польшу, военные действия между поляками и шведами были в полном разгаре, но везде говорили уже о мире между Польшей и Швецией: «Свейский король с польским хочет (быть) в миру... что де шведы с поляки сговариваются, чтоб им заодно вместе иттить и стоять против Московского государства войною»⁴⁹. Война с Россией, как условие мира, в этот момент могла предлагаться только польской стороной. Что касается Швеции, то ей невыгодно было ввязываться в войну с Россией — страна была истощена войной, со вступлением в войну Дании и Бранденбурга ее трудности возрастали. Швеция все более теряла захваченную раньше польскую территорию. Швеции было выгодно, чтобы Россия вышла из войны — не случайно шведы пошли на Валиесарское перемирие.

Поэтому с заключением мира с Польшей шведы связывали совсем иные условия, о которых и сообщали Лихарев и Песков: шведы «на том хотят мириться с поляки, чтобы де поляки поступились вовсе и укрепили шведу (закрепили за шведами.— М. А.) Прусскую все землю навеки» и «чтоб царских людей и послов царских на том миру не было никого, лишь бы де были тут посредниками французские да аглинские послы меж ними»⁵⁰.

В то время, когда в Польше так много хлопотали о мире с Швецией, между Россией и Польшей началась война: «Во всех польских городах забирают казну на солдатом и на рейтари, а хотят де с московскими людьми биться»⁵¹. Иностранцы дипломаты толковали о международном аспекте этой войны, строили свои предположения: «а надежны де поляки на царских людей и на цесаря, на крымских людей, на хана Крымского, да на казаков, на Выговского с товарищи»⁵². Лихареву и Пескову со всем посольством пришлось выехать из Кракова с большими предосторожностями — они заподозрили, что шляхта замыслила их аре-

⁴⁹ «Памятники...», т. 3, стб. 1051.

⁵⁰ Там же, стб. 1057.

⁵¹ Там же, стб. 1052.

⁵² Там же, стб. 1050.

ствовать, чтоб выменять за них попавшего в плен к русским гетмана Гонсевского.

Вопрос о войне и мире в Прибалтике имел большой международный резонанс, особый интерес вызывало достижение мира между Польшей и Швецией. В начале 1659 г. русские посланники отмечали большую дипломатическую активность вокруг этого вопроса: «В нынешнем марте месяце в 15 числе под Торином у поляков со шведом будет сейм; а на том де сейме будут послы цесарские да бранденбургского курфюрста, а с шведову де сторону будут послы французжские да аглинские... а в Варшаве де у короля и у поляков ныне послы есть французские, аглинские, турские, крымские и от казаков, от Выговского с товарищи»⁵³.

Среди этих перекрещивавшихся, запутанных дипломатических интересов Лихарев и Песков сумели рассмотреть англо-голландское соперничество: «Аглийские немцы с шведом заодно вместе, а датцкой с галанскими заодно вместе, а будут де меж ими на море в кораблях большие бои и промыслы»⁵⁴. Единомышленниками России в Статейных списках этого времени постоянно упоминаются наряду с английскими и французские посланники. Это вполне соответствовало действительности. Соответствовало действительности и то обстоятельство, что англичане являлись самой активной внешней силой, пытающейся вмешаться в войну в Прибалтике.

Дело в том, что Швеция представляла для Англии большой интерес; она лежала на балтийском морском пути Англии, за который боролась Восточная компания английских купцов. Если Дания была одной стороной Зундского залива — ворот Англии в Балтийское море, то Швеция — другой его стороной. Швеция была важным рынком сбыта английских товаров и ее союзником против Империи, член протестантской лиги против австрийских и испанских Габсбургов, врагов Англии. После провала плана Кромвеля посадить на престол Империи шведского короля Карла X Англия рассчитывала, что, разгромив Польшу, Швеция столкнется с Империей: Англия послала на помощь шведам 20-тысячный корпус. Как известно, англичанам противостояли голландцы, стремившиеся при помощи Дании и Бранденбурга захлопнуть перед англичанами их ворота в Балтийское море. И если голландцы всячески способствовали сколачиванию антишведской коалиции, то англичане старались помирить эти государства со Швецией. В момент, когда Швеция изнемогала от войны с коалицией, Англия настойчиво предлагала ей свое посредничество для заключения мира. Именно поэтому в Статейных списках русских дипломатов мы постоянно встре-

⁵³ Там же, стб. 1056—1057

⁵⁴ Там же, стб. 1058.

чаемся с активностью «аглинских» и отчасти «французских» послов в деле примирения Польши и Швеции.

Помимо Польши и Швеции, Лихарев и Песков интересовались и другими участниками войны в Прибалтике, в частности Данией. Их сведения о ней относятся к тому времени, когда после Роскильдского мира (1658 г.) начался второй тур датско-шведской войны. В августе того же 1658 г. война эта возобновилась, шведские войска взяли Кронборг и подступили к Копенгагену. Но на помощь Дании пришел голландский флот, польские войска под командованием Чарнецкого взяли у шведов несколько датских городов, имперские войска, руководимые Монтекукули, очистили от шведов Ютландию. На стороне Дании и Польши теперь оказался и бывший шведский союзник — бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм, стремившийся оставить за собой захваченную им Пруссию. И здесь с дипломатическим посредничеством появлялись английские и французские послы.

Обо всем этом русские посланники сообщали: «А свейский де король сам ныне под датцкого короля пошел, под столицю его стоит, под городом Копеногом; а против шведов де пошел гетман польский Чернецкой, а с ним людей 8000, да пошел цесарской генерал Мантекукля, а с ним войска 16000, да курфистр Бранденбургской сам пошел на шведа ж, а войска де с ним 4000; а датцкому де королю на помощь пришли галанских 40 кораблей с ратными людьми, да сверх того галанских же 6000 пеших людей солдатов»⁵⁵. Это и решило исход новой вспышки датско-шведской войны, теперь «свейской король с датцким королем хочет мириться; свейской де король у датцкого короля взял город Кронобурк... а на том де мир у них будет, чтобы тот город Кронобурк отдал свейской король назад датцкому королю. А с датцкого де сторону цесарь римской да курфистр Бранденбургской да польской король... а с шведом заодно французской король да аглинской»⁵⁶. Если оставить в стороне вопрос о точности приведенных цифр, то сведения посланников правильно сообщают о расстановке сил и ходе событий.

Не был забыт посланниками и еще один участник войны — Империя. Австрийские войска, как известно, выступили лишь когда шведов уже стали вытеснять с польской территории.

В августе 1657 г. австрийские войска освободили от шведов Краков и надолго обосновались в нем. Хозяевами города стали австрийцы: «Везде сторожа и ключи всех ворот городовые и всяких крепостей и казны и казна всякая пороховая, и пушки все и свинец и порох у немец, всем владеет цесарской командант, а поляков в честь большую пускают в город Краков немцы и то не часто и не больших людей»⁵⁷. Захват Кракова Империя ис-

⁵⁵ «Памятники...», стб. 1046.

⁵⁶ Там же, стб. 1060.

⁵⁷ Там же, стб. 1054.

пользовала для давления на Польшу, тем более, что в Кракове хранилась корона польских королей.

Это обостряло отношения между Польшей и Империей. Австрийская сторона была в претензии к Польше «за то, что де царь и цесарские люди поляков обороняли и заступали много везде, а заплаты де от поляков ничего нет; и ссора де ныне де у цесаря с поляки большая есть»⁵⁸. Поляки же со своей стороны «мыслят и хотят де итти на цесарскую землю войною за то, что де цесарь римский у поляков взял корону польскую, завладел ею и не хочет отдать, и цесарские де люди по цесарскому указу засели лутчей польской город Краков и хочет де цесарь римский завладеть всею польскою землею»⁵⁹. Русским посланникам поляки жаловались, что «великая де нам шкода и беда нестерпимая от цесарских немец в Кракове городе; и удумали де все поляки на том... тех цесарских немец из города из Кракова выбить»⁶⁰. Отношения между Польшей и Империей оставались напряженными до самого конца войны.

б) Борьба с Турцией

После Андрусовского перемирия (1667 г.) начался новый этап отношений между Россией и Польшей: общая опасность со стороны Турции постепенно привела к ослаблению противоречий между двумя давними соперниками. Цель борьбы для России оставалась та же — воссоединение Украины с Россией, но теперь за Украину приходилось бороться не столько с Польшей, сколько с Турцией. С середины 70-х годов XVII в. борьба с Турцией стала главным направлением внешней политики России того времени, без борьбы с Турцией невозможно было решить задачу воссоединения. В этих условиях русская дипломатия ставила своей задачей создать общеевропейскую коалицию против турок. С этим предложением Россия обращалась ко многим странам Европы, но наиболее вероятными союзниками считались страны, подвергавшиеся турецкой агрессии, — Польша (на этой почве и был заключен с ней «вечный» мир 1686 г.), Империя и Венеция.

Русские дипломаты, ездившие в Польшу, обычно посещали и Империю, это был единый, давно установившийся маршрут. После Андрусовского перемирия в этом направлении ездили посольства И. А. Желябужского и Т. Кузина (1667 г.), Т. Кельдермана (1668 г.), П. Менезиуса и М. Тарасова (1673 г.), П. И. Потемкина и Я. Чернцова (1674 г.), В. А. Бутурлина (1679—1680), К. Н. Нефимонова (1695 г.) и др. Теперь их задачей обычно было хлопотать «о соединении тех окрестных госу-

⁵⁸ Там же, стб. 1061.

⁵⁹ Там же, стб. 1062.

⁶⁰ Там же, стб. 1053.

дарей против салтана турецкого общими их войски и о помощи государству Польскому и на оборону всем окрестным христианским государствам».

Главное при выполнении этой задачи заключалось в оценке военной мощи этих стран как союзников. Именно эта сторона дела и составляет наиболее интересную часть Статейных списков этих дипломатов. Что касается Польши, то ее боеспособность против турок оценивалась весьма невысоко. Причиной тому была неустойчивость внутреннего положения польского государства. И. А. Желябужский и Т. Кузмин (1667 г.), обсуждавшие этот вопрос в Варшаве с австрийским резидентом, видели причину в слабости власти короля Яна-Казимира: «и прежь до сего владенье его было несовершенно, а ныне де и досталь стало владенье королевское безмочно»⁶¹. Надежды на победу в войне с Турцией русские посланники возлагали на простой народ Польши. «И служилые люди и чернь вся сказали, что от турка обороняться и стоять посполитым рушеньем сколько бог помочи подаст, а с великим государем перемирья не разорвать и до вечного миру достигать»⁶².

Феодальная анархия не только мешала создать собственную дисциплинированную армию, но и лишала Польшу наемных войск. Проезжавший через Польшу А. Виниус (1673 г.) писал: «И разделение у них в Польше великое ... где друг друга встретят, бьют, сверх того такая скудость, что войску заплаты достать не могут, и многие начальные люди, немцы, из Польши, которых я... видел, выезжают; сказывают, что за денежною скудостью и за их несогласием служить им не мочно»⁶³.

Плохая была надежда на Польшу и после заключения «вечного» мира. Дьяку Нефимонову, направлявшемуся в 1695 г. в Польшу и Империю, поручалось выяснить вопрос — почему польский король воюет с турками «велми слабо и не по союзному обязательству и должности... и впредь на поляков надеяться крепко невозможно»⁶⁴. И Нефимов отметил в своем Статейном списке, что корень зла в беспорядке, который привел к тому, что «войско оголодало и изничало, и платы нет, да поборов взять не с кого; в прошлых де годах было худо, а ныне де и всего стало хуже — от великого недороду хлеба и от голоду мужики, покиня многие места свои, разошлись врознь, а именно пошли в Северские городы»⁶⁵. По сравнению со своими предшественниками — Желябужским, Кузминым и Виниусом, Нефимов делает шаг вперед — он указывает не только на феодальную анар-

⁶¹ «Памятники...», т. 4, стб. 581.

⁶² Там же, стб. 663. Это было время, когда после Андрусовского перемирия стоял вопрос о «вечном» мире между Россией и Польшей.

⁶³ Там же, стб. 888.

⁶⁴ «Памятники...», т. 7, 1864, стб. 1008—1009.

⁶⁵ «Памятники...», т. 8, 1867, стб. 6.

хию, но и на тяжелое положение самого польского народа. Интерес к социальной стороне дела для Нефимонова не был случаен, и он не пропускал подобного рода фактов. Говоря о Турции, он, например, поместил в свой Статейный список очень важные известия о том, что «в турецкой земле бунты... войска, которые от салтана посланы были для утишения бунтов в Азии с двумя пашами, передались к неприятелю»⁶⁶. Подобного рода известия чрезвычайно важны — они показывают, что авторам Статейных списков не был чужд прием связывать события внешней политики и события военные с внутренним положением государства.

За борьбой между Турцией и Империей русская дипломатия следила с давних пор. Россия вплоть до 70-х годов XVII в. (когда ей пришлось вступить в войну с турками за Украину) не давала себя втянуть в открытый конфликт с Турцией и внимательно наблюдала за борьбой с турками в Центральной Европе, где на турецких границах, глубоко вклинившись на территорию Европы, почти непрерывно шла война. В наказах русским дипломатам, ехавшим в западные страны, постоянно встречается поручение на этот счет — следить за развитием их отношений. Да и сама обстановка напоминала об этом русским дипломатам — за рубежом они оказывались в атмосфере всеобщих толков о необходимости общеевропейской борьбы с турками.

Значительный отрезок этого антитурецкого фронта приходился на границы Империи. Здесь шла напряженная военная и дипломатическая война, отразившаяся и в Статейных списках. Ездившее в Империю посольство Баклановского и Михайлова было хорошо осведомлено, что Фердинанду III «от турецких людей обиды и налоги большие, и он им хочет обиды свои мстить»; посланники знали, что приезжавшая при них в Вену турецкая делегация была «отпущена без дела». В присутствии посольства Лихарева и Пескова (1658—1659) в Вене прошла дипломатическая сторона конфликта Турции с семиградским князем Юрием II Ракоци. Помощь семиградскому князю, как известно, привела Империю к новой войне с Турцией.

Посольство Коробьина и Микулина (1663 г.) прибыло в Империю, когда война была в полном разгаре. Турецкие войска осаждали «Новгородок⁶⁷ цесарской, который близко границы, от Вены 15 миль... Цесарские люди наступали на турков и побили турецких людей тысяч шесть, а после де того турецкие люди собрався, и побили цесарских людей тысяч с десять и Новгородок цесарский турки осадили».

В августе 1663 г. под угрозой оказалась сама столица Империи: «турские люди с татар с четырнадцать тысяч по сю сторону Вены от Праги миль с десять воюют и разоряют цесарские город-

⁶⁶ Там же, стб. 145.

⁶⁷ Речь идет о Нейштадте.

ки и места и деревни и в полон людей емлют и много взято в полон жен и детей честных людей графских и иных»⁶⁸.

В октябре 1663 г. война приняла еще большие размеры: «пал Новгородок, а сам цесарь из Вены пришел в чешскую землю в Прагу город. А курфистр Бранденбургской, собрався с своими людьми, идет к цесарю на помощь, а быть де ему, курфистру, у цесаря над всем войском большим начальным человеком. Да и все де курфистры, которые под цесаревою областью, собрався с своими людьми, пойдут к цесарю на помощь вскоре. А свейский де король своих людей собрав, из Поморья конных две тысячи, пеших-же две тысячи... послал к цесарю ж на помощь против турских людей»⁶⁹. Все это, как известно, имело больше декларативный характер. Империя вынуждена была подписать в 1664 г. невыгодный для нее Васварский мир.

После Андрусовского перемирия в Вену ездило посольство Желябужского и Кузмина. Его задача состояла в том, чтобы известить императора о заключении перемирия, заручиться его посредничеством между Россией и Польшей, а также сообщить Посольскому приказу о состоянии Империи как вероятного союзника против Турции. В своем Статейном списке Желябужский и Кузмин нарисовали тяжелое экономическое состояние Империи в результате минувшей войны⁷⁰. Несмотря на заключенный мир, страна находилась на военном положении; «А опасенье цесарь от турка держит большое: которыми городами они, посланники, ехали, и в тех городах с начальными людьми ратные люди, рейтары и пехота, есть для опасенья от турских людей: ...помирность у цесаря с турком на двадцать лет и в том де перемирье от турских людей во многих местах задоры есть»⁷¹. Если между Империей и Турцией еще нет войны, то это потому, что турки увязли на Крите; «великую де злобу турок имеет на венециан и грубен да ему остров Кандия. А ныне де под тот остров пришел турецкой паша на похвале со многими людьми и хочет... тот остров доступить и осадить накрепко, и приступы были жестокие, толко де по се время ничего не учинил, а теснят великим утеснением, помочи учинить не откуды, людей и запасов не пропустят; а после де другого приступа, сказывают, что три тысячи войска и с запасы из Виницеи на тот остров прошли ... А паша... положил де на том, что ему учинить два приступа жестокие, либо остров взять или самому сгинуть»⁷².

Третьим возможным союзником России против турок, после Польши и Империи, считалась Венеция. Турецкая агрессия лишала Венецию ее торговых колоний, разрушала ее торговые пути,

⁶⁸ «Памятники...», т. 4, стб. 517.

⁶⁹ Там же, стб. 522—523.

⁷⁰ Об этом см. стр. 98.

⁷¹ «Памятники...», т. 4, стб. 657.

⁷² Там же, стб. 665.

ставила под удар само существование Венеции как торговой республики. Из всех итальянских государств Венеция вела наиболее ожесточенную борьбу с Турцией. В борьбе с таким сильным противником она, естественно, нуждалась в союзниках. Баклановский и Михайлов в своем Статейном списке писали, что, когда они возвращались домой из Вены, с ними на корабле ехал в Россию венецианский посол, который им говорил, что его задача добиться мира между Россией и Польшей, ибо эта война мешает странам Европы объединиться против турок. Венецианец хотел добиться: «а изволил бы государь им вспоможенье учинить против... общих христианских неприятелей турецких людей, для христианской избавы, и у них де война с турецкими людьми многие лета... стоят против врагов в крепости»⁷³.

Речь, по всем данным, идет об Альберте Вимини, приехавшем в Москву одновременно с возвращением посольства Баклановского и Михайлова — в июле 1655 г. Он пытался склонить русских послать против турок донских казаков. В ответ на визит Вимини в Венецию было послано посольство И. И. Чемоданова и А. Посникова (1656—1657). Его задачей было установить с венецианцами торговые отношения, заключить союз против турок и добиться займа, «сколько им можно будет дать».

В каком положении была Венеция? С тех пор, как пал Константинополь, столбовая дорога между Востоком и Западом, на которой находилась процветавшая в то время Венеция, оказалась перерезанной турками, и восток оказался наглухо закрыт для Европы. Новые торговые пути — в Америку и в Индию — пролегали в стороне от Венеции. Захватив северный берег Африки, турки создали опасность на Средиземноморье. С 1464 г. начались упорные и разорительные войны между Венецией и Турцией.

К моменту приезда посольства Чемоданова Венеция изнемогала в схватке с Турцией, шла пятая турецко-венецианская война (1645—1669). Средиземное море наводнили пиратские суда турок, державших под ударом всю европейскую торговлю в этом огромном районе. Посольство Чемоданова и Посникова, совершавшее путешествие из Архангельска вокруг Скандинавии и Западной Европы (в Прибалтике шла война), должно было проехать по Средиземному морю до Ливорно. Начиная от Гибралтара, их корабль постоянно рисковал встретиться с турецкими пиратами. Были моменты, когда бой с ними казался неизбежным. Посольство со всем экипажем готовилось к бою, но, к счастью, «турские воровские люди» ни разу не напали.

Все это чрезвычайно характерно для атмосферы, царившей тогда на Средиземном море.

Вполне понятен поэтому интерес, который проявили во всех итальянских городах к позиции России относительно Турции.

⁷³ «Памятники...», т. 3, стб. 246.

Еще в Пизе русским посланникам был поставлен об этом вопрос. Ответ гласил, что «донские казаки ходят на турецких людей часто в бусах и в иных воинских судах, а не кораблями, и многую им шкodu чинят»⁷⁴. Наибольшую заинтересованность обнаружила Венеция. Предложение русских бороться с турками, «соединя вся оружия вкупе», было встречено с энтузиазмом. Венецианцы просили, чтобы царь послал против турок донцов. Возможно, не без содействия венецианцев, к русским посланникам явилось около полусотни «полоняников» — русских людей, попавших в плен к туркам, но потом отбитых венецианцами. При этом выяснилось, что венецианцы к ним отнеслись весьма внимательно, что они из своей казны «давали из воли деньги и устроили их на кораблях служилыми людьми, кто похотел остаться»⁷⁵.

Кроме венецианцев, столкнуть русских и турок стремились греки, посещавшие русское посольство и приглашавшие их на свое богослужение. Греки рассказывали: «Ездим де мы из Венеции в турецкую землю со всякими товары по часту и с турецкими людьми торгуем», но турки чинят «великое утеснение». Главной силой против турок греки считали русского царя, который рисовался им «аки второй Александр Македонский». Однако при всем кажущемся единодушии, ни венецианцы, ни русские не взяли на себя никаких определенных обязательств. Дело ограничилось взаимными заверениями в готовности торговать.

Следующим русским посольством в Италию было посольство В. Б. Лихачева и И. Фомина (1659—1660), ездившее во Флоренцию. Их Статейный список рисует все то же тревожное положение на Средиземном море. Но в этих беспокойных водах моряки разных стран чувствовали себя по-разному. От английских моряков посланники узнали, что Англия, не в пример своей соперницы Голландии, живет с турками в мире, что, как известно, соответствовало действительности. «А мы де агличане от турецких людей чаем проехать безо всякого опасенья, а как де... турецкие люди к нам кораблями придут... станем звать к себе на корабли и покажем агличан торговых людей в Леворну к торговым же людям поздравленные грамотки, и они де, посмотря грамоток, тому поверят и от кораблей прочь отойдут»⁷⁶. Что же касается голландцев, то им приходится «для проезду турецких воровских людей ставить аглинские знамена, а не галанские, потому что у них, галанцев, с турецкими людьми миру нет, а у нас де, агличан, с турецкими людьми мирно»⁷⁷.

Томас Кельдерман, объездивший в сопровождении подьячих Посольского приказа Прокофия Возницына и Федора Фирсова многие страны Европы с вестью о примирении России и Польши,

⁷⁴ «Памятники...», т. 3, стб. 974—975.

⁷⁵ Там же, стб. 1046.

⁷⁶ «Памятники...», т. 4, стб. 519.

⁷⁷ Там же, стб. 518.

побывал и в Венеции. Его Статейный список, написанный, вероятно всего, Возницыным и Фирсовым, содержит наиболее обстоятельный рассказ о войне на Крите. Характер этих сведений говорит о том, что они были получены от очевидцев событий. Эти сведения заслуживают того, чтобы их привести полностью:

«У князя виницейского и у всего сенату с салтаном турским в Кандийском острове война беспрестанная и к городу Кандии приступы турецкие бывают частые; а как война зачалась и тому ныне уже 21 год»⁷⁸. В 1664 г. султан «недалеко от Кандии поставил на острову городок, которому прозвание дано Новая Кандия. И после де того в прошлом же во 175 (1667) году в мае месяце салтан турецкой прислал 80 000 воинских людей и город Кандию осадили; и с того числа и по се время чинят к Кандии страшные и жестокие приступы. А в Кандии осадных людей в то время было 13 000, которых по се время от жестоких приступов осталось только с 6000 человек. И от жестокой пушечной стрельбы в Кандии палаты и дворы зело разбиты и ратные люди живут в погребах и ямах. И ныне де недавно салтан же турецкой прислал под Кандию воинских людей в прибавку к прежним 40 000 человек конных и пеших; и приступы де к городу чинят страшнее первых и под городовую стену подошли гораздо близко. А которые де виницейские воинские люди стояли под городом на катаргах для опасения от турков морем, и тех де всех взяли к себе в Кандию на помощь, потому что в городе гораздо малоллюдно».

Империя обещала дать три тысячи человек, Испания — две тысячи; деньгами и людьми помогал папа. «Только де венециане гораздо того опасаются, чтоб турки чего над Кандией не учинили до тех мест, покаместа те цесарские и гишпанские ратные люди на помощь к ним будут». Кроме того, венецианцы «посылали к аглинскому королю и к галанским статам, просячи о помочи той же своей Кандии, в которой король и статы им отказали, для того чтобы (что) у них заводы и торги великие учинены с турками»⁷⁹. Крит, как известно, пал в 1669 г.

Дьяк Иван Волков прибыл в Венецию, чтобы объявить о заключении с Польшей «вечного» мира и призвать к общей борьбе с турками (1687—1688). Это было время походов В. В. Голицына против Крыма. В грамотах, которые Волков вручил польскому королю, германскому императору и венецианскому дожу, содержалось предложение предпринять общий поход на турок, «не испустя раннего вешняго времени, то есть с марта месяца неотложно», высказывалось пожелание, чтобы венецианцы «войскам своим, как сухим, так и водяным путем наступать на того неприятеля военно повелели, не отлагая до иного времени»⁸⁰.

⁷⁸ Продолжительность войны указана правильно — пятая венециано-турецкая война началась в 1645 г.

⁷⁹ «Памятники...», т. 4, стб. 732—733.

⁸⁰ «Памятники...», т. 10, 1871, стб. 1523—1524.

Волков доказывал, что теперь самый благоприятный момент для наступления на турок — между Россией и Польшей прекратилась война, и сложился антитурецкий союз. Русские войска уже двинулись на крымского хана, который султану всегда «многую помощь чинил». В 1668 г., когда Волков был в Венеции, военные действия между венецианцами и турками фактически прекратились, и русский посланник потребовал, чтобы их активизировали. В ответ венецианцы выразили удовлетворение тем, что русские войска двинулись на Крым; выражалась надежда, что теперь гордость турок «вовсе де искоренится и сократится». Насчет войны с турками дож давал самые неопределенные обещания.

Обсуждался вопрос и о союзниках. Волков видел, что венецианцам помогает только папа, присылая «не многие войска, а иные некоторые государи помочи войсками и казно не чинят». Этого было мало, и русский представитель предлагал привлечь нового союзника — Францию, сказав, что Россия послала в Париж для переговоров Семена Алмазова, а затем Я. Ф. Долгорукова. Дождь лучше русских был осведомлен о позиции Франции и поэтому заявил, что французский король «хотя и обещался чинить помощь на салтана турецкого, только де он больше держит дружбу с ним, с салтаном».

Стоит упомянуть и то, что Волков осмотрел в Венеции арсенал и верфи. «И на том дворе, где лежат в анбарах каменных пищали большие и малые, а в палатах ружье и всякие воинские промыслы, и паруса, и якори корабельные, и где делают корабли и катарги и иные суды большие и весла, что бывают на катаргах; посланник был и всего того смотрел»⁸¹.

Противником Турции были не только Габсбурги австрийские, но и Габсбурги испанские. Несмотря на то что между Испанией и Турцией формально не было войны, отношения между ними оставались крайне враждебными. П. И. Потемкин и С. Румянцев, побывавшие в Испании (1667 г.), писали по этому поводу в своем Статейном списке: у испанских королей с турецким султаном «ссылки бывали, только не почасту, лет с пятнадцать и с двадцать, а совершенного любительства между ними никогда не бывало. А гишпанские де воинские корабли и катарги беспрестанно ходят на море для опасенья от турецких воровских кораблей и катарг, и когда сойдутся с турецкими кораблями и с катаргами гишпанские корабли и катарги, у них бывают бои великие, и на ксякий год без того не бывает, чтоб кораблю или катарге на море не пропасть, либо турецкой или гишпанской. И бывает, что гишпанские люди турецких побивают, а в иное время турецкие гишпанских побивают».

Авторы Статейного списка считали, что ни одна из сторон не имеет перевеса в этой бесконечной войне; делается даже попыт-

⁸¹ «Памятники...», т. 40, стб. 1557.

ка найти обоснование этого равновесия. Как Испании, так и Турции, наступать друг на друга «не мочно», так как их «море разделило и иные государства». Русские посланники особо подчеркивали, что в этих условиях турки не в состоянии справиться с Испанией. «А которые города королевского величества с турецкими городами смежны за италянским морем, и тем городом салтан турецкий ничего учинить не может, по тому города крепкие и многолюдные, служилых людей много-ж; и на островах италянского моря которые города королевского величества есть и тем городам ничего не могут учинить турецкие люди, по тому многолюдство великое и служилых людей много и города крепкие-ж»⁸².

*в) Русские дипломаты
о внешних отношениях на Западе*

Если XVI в. на Западе прошел под гегемонией Испании, то с половины XVII в. на первое место в Западной Европе выдвигается Франция Людовика XIV, что было достигнуто в войнах с соседями, прежде всего с Испанией и Империей, во главе которых стояли две ветви Габсбургов. Этим, в частности, объясняется дружба Франции с исконным врагом Империи и Испании — Турцией. Вмешательство Франции в Тридцатилетнюю войну имело целью сохранить раздробленность Империи, что же касается Испании, то с ней у Франции началась затяжная война (1634—1659), закончившаяся Пиренейским миром.

В Статейных списках об этой войне мы встречаем лишь глухое упоминание у Чемоданова и Посникова. Отчитываясь о поездке в Венецию, они, между прочим, писали: «На весну будет война у гишпанского короля с французским королем за то, что гишпанский король давал прежде всего ратных людей на помощь цесарю римскому на французского короля»⁸³. Здесь ясно отражена связь испанских и австрийских Габсбургов, но контекст этого упоминания таков, что будто речь идет о какой-то вновь начинающейся войне, в действительности же речь идет о продолжении давно шедшей войны (как известно, военные действия на зиму прекращались и войска располагались на зимние квартиры).

Несколько подробнее об этой войне упоминает Г. Богданов — гонец в Империю (1656 г.): «гишпанский король с агличаны и с французским королем войну ведет и бьются с французским тому более ста лет, а с агличаны начинает с нынешнего лета. Только то говорят многие люди, что у гишпанского с французским мир будет вскоре; а с агличаны гишпанской, конечно, хочет войну весть, потому что агличане за морем в оранской земле у гиш-

⁸² Там же, стб. 197—198.

⁸³ Там же, стб. 968.

панского многие земли и города и торговые промысла отняли... А французского короля с гишпанским королем мирит папеж, и папежские послы у французского короля для того, чтоб мир учинить»⁸⁴.

Сообщение Богданова отражало тот момент, когда в 1656 г. на стороне Франции в войну вступила кромвелевская Англия. Богданов указывал на причину: «Агличаны за морем в оранской земле у гишпанского многие земли и города и торговые промыслы отняли». Здесь неточная передача того факта, что Англия стремилась захватить у Испании ее колонии, в особенности отрезать ее от Америки. К этому следует прибавить, что одной из причин вступления Англии в войну была ненависть, к стране, совершившей буржуазную революцию, к Испании — оплоту католической реакции и дворянской контрреволюции. Совершенно правильно указывал Богданов на тенденцию к примирению между Испанией и Францией. Дело в том, что Франция, потерпев в 1656 г. поражение под Валансьеном (во Фландрии) от испанских войск Хуана Австрийского и от французских фрондеров, которыми командовал принц Конде, искала мира с Испанией. В том же 1656 г., когда Богданов был в Вене, французский дипломат де Лион уже вел переговоры в Мадриде. В дело вмешался папа, стремившийся помирить две католические страны и пославший в Мадрид и в Париж своих представителей.

По Пиренейскому миру 1659 г., закончившему эту войну, испанская граница с Францией отступила на Пиренеи, Испания потеряла часть Фландрии, Артуа и Люксембург, Ямайку, Багамские острова и т. д. Война создала условия, при которых Португалии удалось освободиться от господства Испании. Эта война была последней в серии войн, покончивших с былым могуществом Испании; она была предвестником могущества Англии на море, а Франции — на европейском континенте. С этой войны в Европе начинает вырисовываться проблема «испанского наследства». Пиренейский мир заключал в себе юридический повод для притязаний Франции на это наследство — с мирным договором был связан брак Людовика XIV с Марией-Терезией, дочерью испанского короля Филиппа IV. Мария-Терезия отреклась от своих прав на испанский престол за компенсацию в 500 тыс. золотых экю. Неуплата этого приданого послужила вскоре для Людовика XIV предлогом для предъявления своих прав на испанскую территорию. Такой территорией оказалась Фландрия (Бельгия).

Дело в том, что права нового испанского короля Карла II на Бельгию были уязвимы с юридической стороны. По фламандскому праву наследования (*jus devolutionis*) владеть Фландрией не могли короли, являвшиеся детьми от второго брака, а Карл II

⁸⁴ «Памятники...», т. 3, стб. 652

был второбрачным сыном Филиппа IV; право на Бельгию оказывалось за Марией-Терезией — дочерью Филиппа IV от первого брака. «Деволуционнная война» или «война за приданое», как она именуется в Статейном списке П. И. Потемкина и С. Румянцева, начатая Людовиком XIV, вызвала образование антифранцузской коалиции, стремившейся положить конец захватам французов во Фландрии. Особую озабоченность проявила Голландия, не без оснований считавшая, что вслед за Фландрией она сама окажется объектом французской агрессии. Война закончилась Аахенским миром 1668 г., по которому Людовик XIV сохранил завоеванные им города Лилль, Дуэ и другие, но возвратил Франш-Конте. Учитывая вынужденный характер такого мира для Людовика XIV, можно было ожидать новой вспышки войны за Фландрию.

Потемкин и Румянцев, оказавшиеся в это время русскими посланниками в Испании, рассказали об этом в своем Статейном списке, правильно раскрыв главное содержание событий. «За Лудовиком, нынешним королем французским, Карлусу гишпанскому, нынешнему королю сестра родная, а матери его, королеве Донне Марьяне де Устрии падчерица. И по смерти гишпанского короля Филиппа, отца Карлуса короля, зять его Лудвик, король французский, наступя на него внезапно с великим войском. А не было де с ним двадцать тысяч конных да тридцать тысяч пеших людей. И многие города у него поймали во Фландерской земле... близко половины Фландерские земли завладел французский король у шурина своего, гишпанского короля. И если бы не прислали послов своих папа римский и цесарь римский и король аглинский и галандские статы ко французскому королю о том, чтоб больше того на гишпанского короля не наступал и помирили его с гишпанским королем. А большие мировщики были галандцы для себя по тому: Фландерская земля сошлась Нидерландскою землею, и если бы французский король завладел всею Фландерскою землею, стал бы он доступать и Нидерландские земли»⁸⁵.

Статейный список ставил и вопрос о том, почему «ходил король французский на шурина своего, на гишпанского Карлуса короля», и отвечал: «Как женился у отца его, у Филиппа гишпанского короля на дочери французский Лудвик король, и приданое ему не все было дано, и он за то приданое тою Фландерскою землею хотел всею завладеть». Что же касается заключенного теперь мира, тот хотя «нынче Карлус король и помирился с зятем своим, со французским королем, и многих городов во Фландерской земле ему поступился, а король де французский в вечном мире и любви с Карлусом королем никогда не будет: помешкав

⁸⁵ Н. Новиков. Древняя Российская Вивлиофика, ч. 3, стр. 301—302.

немногое время, да и станет искать того, чтоб за что мирное постановление разорвать»⁸⁶.

Это вскоре и случилось. Началась новая война (1672—1679). Союзником Франции выступила Англия — реставрация Стюартов произошла при помощи Франции, и Карл II на первых порах был вассалом Франции. Несколько позже к ним присоединилась Швеция. Душой антифранцузской коалиции была Голландия. К ней присоединился Бранденбург и, как всегда, Испания и Империя. Начало войны озаглаивалось успехами французов. Они подступили к Амстердаму, но голландцы, затопив окрестности, отстояли город, а их флот одержал победу над неприятельским флотом. Англия вышла из войны — парламент заставил Карла II сделать это. Был заключен Нимвегенский мир: Франция добилась присоединения Франш-Конте и некоторых бельгийских городов — Валансьен, Камбрэ. В 1681 г. она присоединила Страсбург.

Таков, коротко, ход событий. Как он отразился в статейной литературе русских дипломатов? Рассказ об этой войне мы встречаем в отчетах посольств А. Виниуса, Е. И. Украинцева, а также П. И. Потемкина и Я. Чернцова. В 1672 г., в том самом году, когда началась новая война во Фландрии, Турция напала на Польшу. Обеспокоенная этим Россия предприняла энергичные поиски союзников для Польши. Среди дипломатов, посланных в 1673 г. на Запад с этой целью, были А. Виниус, побывавший в Англии, Франции и Испании, и Е. Украинцев, посетивший Швецию, Данию и Голландию. На следующий год в Империю были посланы Потемкин и Чернцов. Понятно, что никаких союзников для Польши они отыскать не могли — западные страны были поглощены войной в Бельгии, а некоторые из них, как Англия и Франция, были в прямой дружбе с Турцией. Но русские дипломаты, оказавшись в странах, занятых войной за Фландрию, имели возможность наблюдать на месте всю дипломатическую игру этих стран.

Дипломаты отчетливо представляли себе, что самой сильной державой на континенте Европы является Франция, и она ведет эту войну, чтобы закрепить за собой европейскую гегемонию. «А французский король ныне в великой славе,— писал Емельян Украинцев,— и естли ... нынешнего лета в войну ему посчастливится и потому чают здесь⁸⁷, что курфистры и князя римского государства оберут его цесарем»⁸⁸. Понимал Украинцев и то, что главным противником Франции в этой войне была Голландия. Людовик XIV «готовится сухим путем и морем на галанскую землю с великим собранием наипаче прежнего... апреля в по-

⁸⁶ Н. Новиков. Древняя Российская Вивлиофика, ч. 3, стр. 302.

⁸⁷ Речь идет о Копенгагене.

⁸⁸ «Памятники...», т. 4, стб. 905.

следних или подлинно мая в первых числах»⁸⁹. Речь идет о возобновлении военных действий весной 1673 г. Это же подтверждал и Винуус: «А меж французским королем и галанцами... никакого мирного сходства по се время не чают; французы в галанских взятых городах укрепились, а вспомогательные войска цесарские и бранденбургские вступают в землю Бискупа Минсторского»⁹⁰.

Не случайно на территории Голландии развернулась ожесточенная война. Емельян Украинцев, оказавшийся в Голландии в апреле 1673 г., описал тяжелое положение жителей страны: «А стоит ныне князь Кондеуш от Амстердама в десяти милях в Утрехте городе, который взял он у галанцев; а иные... ратные многие люди стоят от Амстердама в двух милях под городом Нарданом и Нардан ходили, а взяв Нардан, хотят идти под Амстердам»⁹¹. Более подробно он говорил об обстановке в городе: вокруг Амстердама «миль по пяти и по шести пушена вода, а с которой стороны хотят прийти французы, и с той стороны вода только по две мили», город защищает «стена каменная вышиною от воды будет трех сажень косых, а внутри привален к этой стене вал земляной с стеною каменною вровень; а вместо зубцов по стене сыпана земля в сажень толщиной и выложена дерном да поставлено по городской стене с две тысячи пушек». Французы собирались применить под Амстердамом новые приемы осады: они «делают для того великие плоты и хотят на тех плотях, поставя пушки и пехоту, идти под Амстердам; а воды... около города не текучие, стоят тихо, и на плотях неприятелю идти под город возможно».

Для борьбы с такими плавучими батареями амстердамцы «откуда чают приходу неприятельского, поставили также на плотях избы сажень по десяти и по двенадцати, а в них по десяти и по двенадцати пушек»⁹². Автор не ограничивался только военной стороной дела. Он описал тяжелое продовольственное положение в стране и отметил возможность восстания городских низов в осажденном Амстердаме.

Тяжелое положение с продовольствием коснулось и армии. У Голландии «в городех для осады и на поле розных местах в обозах» собрано 90 тыс. человек, в том числе 10 тыс. конницы, «а кормы... выдают им скудно. А сказывают, что денег нет и взять стало негде, потому что многие города поимал у них французский король». Второе несчастье Голландии состоит в том, что между провинциями и городами нет единства. В том же Амстердаме, например, «в собрании великая казна, а статам они ничего

⁸⁹ Там же, стб. 904.

⁹⁰ Там же, стб. 889.

⁹¹ Там же, стб. 941.

⁹² Там же, стб. 941—942.

не дают и впредь давать не хотят, а хотят от всех неприятелей сухим путем и морем оборонять самих себя»⁹³.

Не менее упорная борьба шла на море. «Да выслали... Статы и бурмистры амстердамские на море сто сорок воинских кораблей, а с ними двух адмиралов своих Деритера да Трумпа... Да галанских же... вышло в море триста разбойничьих малых корабликов, а на всяком кораблике по пятидесят и по штидесят человек да по осми и по десяти пушек; и ныне де те их морские разбойники под аглинскими и французскими городами на море чинят торговым их людям великие убытки»⁹⁴. Против голландского флота выступило 60 английских и 30 французских кораблей.

В Гааге Емельян Украинцев обратил внимание на своеобразную политическую обстановку, сложившуюся там к этому времени. «А статов... здесь ратные люди и чернь мало почитают, а любят и почитают князя Оранского; и статы, угажаючи им в том, учинили князя Оранского надо всеми ратными людьми на сухом пути и на море генералом и адмиралом и всей галанской земли державцом, а чаять того вскоре, что оберут его себе за государя»⁹⁵.

Но, как известно, Голландия вышла из этого тяжелого положения — Амстердам отстояли, стали теснить французов, одержали победу над соединенным англо-французским флотом. Центр тяжести военных действий начал перемещаться во Фландрию. Это не прошло мимо Емельяна Украинцева и он писал, что Людовик XIV «войскам своим из галанской земли выступить указал, только оставил в галанских городах осадных людей, а хочет иттить войною гишпанского короля на нидерленские города за то, что король гишпанский обещался против его галанцом помогать»⁹⁶. Эту же мысль, но еще в более категорической форме сформулировал Андрей Виниус. Он считал, что хотя Людовик XIV собрал 200-тысячную армию, он, возможно, пойдет на мир и с Голландией, и с Бранденбургом, потому что «хочет наступать на Брабанскую и на Фландерскую землю гишпанского короля; толко чают... что у короля французского с королем гишпанским войны не будет, для того, что король гишпанский видя короля французского в таком великом собрании, а себя не готова, учнет всякое удовольствие королю французскому чинить»⁹⁷.

Таковы сведения Статейных списков за время пребывания посольств Емельяна Украинцева и Андрея Виниуса в западных странах о главных противниках в этой войне — Франции и Гол-

⁹³ «Памятники...», т. 4, стб. 940.

⁹⁴ Там же, стб. 940—941.

⁹⁵ Там же, стб. 940.

⁹⁶ Там же, стб. 876.

⁹⁷ Там же, стб. 932.

ландии. Но не были забыты и другие участники войны. Одним из них была Англия. Как известно, по вопросу об участии Англии в этой войне на стороне Людовика XIV между королем и парламентом были резкие расхождения. Не в интересах Англии было помогать усилению Франции, но Карл II был в зависимости от Людовика XIV, помогавшего ему вернуться на английский трон. Эти разногласия нашли отражение в Статейных списках Виниуса. Приехав в Англию, он долго не мог получить приема у короля, так как «королевское величество ныне сидит в парламенте (или сейме) по все дни о великих государственных делах, и у него с парламентом споры великие»⁹⁸. Это Виниус заметил и на приеме у короля, потому что «король пришел из парламенту и был зело смутен». Русский посланник долго не мог добиться прощального приема; ему было сказано, что «пока де парламент не скончается, королевскому величеству тебя, посланного, отпустить для многих дел никакими мерами невозможно»⁹⁹.

Наконец, король на первых порах добился временного «соизволения» на войну с Голландией — «парламентом обещались ему на заплату воинских людей давать на всякий месяц по сту по пятидесят тысяч рублей на восемь месяц и сверх того посылает он пехоты своей и конницы к французскому королю на помощь с шесть тысяч человек; однако ж... для мирного договору с галанцы великих и полномочных послов на съезд который будет в цесарской земли в городе Акене, назначил; и те... послы по шти днеш отсель поедут»¹⁰⁰.

Емельян Украинцев сообщил, что дело обстояло гораздо сложнее и что здесь тоже не обошлось без Людовика XIV. «Король аглинский не хотел было на галанцев войною идти и вступил с ними в договор, а просил того, чтобы они поступились ему вечно всех своих торговых промыслов и городов, которые они имеют в Восточной Индии. И галанцы... поступались ему в Индии тем, что в прошлых годах завладели было они у агличан при владенье Кромвелеве. И королевское величество на том не престал, а просил у них всего»¹⁰¹. Кроме того, Карл II обратился к Людовику XIV «с тем, что аглинская Речь Посполитая больши того ему с галанскими статьи войны вести не изволяют и казны давать не хотят; и для того морского воинского каравана изготовить ему нечем». В ответ на это Людовик предоставил Карлу II двадцать миллионов ефимков и впредь обещал давать, сколько ему надобно. «И Речи де Посполитой Аглинской то... полюбилось и войну королевскому величеству с галанскими статьи вестъ еще позволили. И ныне де король аглинский на те

⁹⁸ Там же, стб. 927.

⁹⁹ Там же, стб. 928.

¹⁰⁰ Там же, стб. 929.

¹⁰¹ Там же, стб. 904—905.

французские деньги готовит сто шестьдесят четыре корабля воинских и вышлет их на море вскоре, да сухим путем посылает во Фландерскую землю на галанцев же брата своего в тридцати тысячах человек»¹⁰².

Людовик XIV сулил своему английскому союзнику и чужие территории. Украинцев писал: «А в галанской... земле французы и агличане взяли четыре провинции со всеми городами и осталось де за ними только три провинции... а желает король французской того, чтоб они вечно поддались аглинскому королю... И на том... у него с аглинским королем крепко постановлено, и чают здесь¹⁰³, естли галанцы добровольно не поддадутся, и они де... весною конечно их разорят без остатку и в подданство приведут»¹⁰⁴. Как известно, субсидий и заманчивых обещаний оказалось недостаточно — впоследствии парламент все же заставил Карла II порвать с Францией.

Совершенно точно отразилась в Статейных списках позиция Швеции. Вначале Швеция, как известно, пыталась посредничать, но на стороне Голландии был ее враг — Империя, и это в конечном счете определило вступление Швеции в войну на стороне Франции. Емельян Украинцев, побывавший в Стокгольме, наблюдал, как при шведском дворе толпились иностранные послы. Французские и английские послы явились «для того, чтоб королевское величество галанским статам не помогал; а галанский посол просит у королевского величества того, чтоб он изволил быть меж ними посредником, толко здесь больше склонны... ко французской стороне, и имеет королевское величество со французским королем дружбу и любовь паче иных за то, что французы помогали им деньгами и иными всякими воинскими запасами в то время, когда у них война была с цесарем»¹⁰⁵.

Это же подтверждает и Виниус, судивший о Швеции с позиций Парижа. Швеция, по его словам, посредничает безуспешно. Если Франция и Англия ее посредничество принимают, то Голландские Штаты ответили, что им «без ведома союзных своих цесаря римского и прочих цесарские земли князей того учинить невозможно... А чают... что шведы пристанут к французам и наступят на Бранденбургскую землю»¹⁰⁶. Доказательство Виниус видел в том, что шведы уже «несколько тысяч своих ратных людей послали в Померскую землю». Фактически это было началом войны с Бранденбургом. Нападение Швеции на Бранденбург явилось победой французской дипломатии.

¹⁰² «Памятники...», т. 4, стб. 905.

¹⁰³ Имеется в виду Стокгольм.

¹⁰⁴ «Памятники...», т. 4, стб. 891—892

¹⁰⁵ Там же, стб. 891.

¹⁰⁶ Там же, стб. 884.

П. И. Потемкин и Я. Чернцов, побывавшие в Вене в 1674 г., осветили события этой войны с позиций Империи и Бранденбурга. Война была крайне разорительна для императора. Разорение приносили не только французы, но и собственные войска, а также войска немецких князей, пришедших Леопольду I на помощь; «А что де пришли на помочь к цесарскому величеству курфистр Бранденбургский и иные курфистры с воинскими своими людьми, и от тех де ему убытки чинятся великие; им де курфистрам самим и людям их служилым всем заплачат из казны цесарского величества. А стоят де они ныне в цесарских городех и уездех; и тем де людям, в которых городех они стоят, разорение чинится»¹⁰⁷.

Наиболее сложная и тяжелая обстановка сложилась для Бранденбурга в то время, когда его войска воевали с французами. На Бранденбург обрушились шведы. Сделали они это «для того, чтобы курфистр... отступил от цесарского войска и цесарю не помогал против французов». Шведы в Бранденбургской земле «в конец разоряют мужиков и платья огнимают; говорят де так свейские люди; за все де будет заплата вперед — а той де их заплаты и до веку их будет не дождаться». Жители говорят, что «лучше де было курфистру... своей земли оберегать, а нежели цесарю помогать». Курфюрст отозвал свои войска из имперской армии, чтобы вытеснить шведов из занятой земли. А если выйдет из войны с Францией курфюрст Бранденбургский, то «не мочно де будет войску цесарскому против французских войск стоять». Как известно, бранденбургские войска вскоре (1675 г.) при Фербеллине разгромили шведов. Действия еще одного участника этой войны — Испании — остались неосвещенными в Статейных списках: в эти годы там не бывали русские дипломаты.

Таков круг вопросов, таковы сведения, которыми располагал тогда Посольский приказ о западноевропейских странах. Но этим далеко не исчерпывалась осведомленность Посольского приказа. Для исследователя истории исторической науки знакомство русских людей с жизнью зарубежных стран представляет большой интерес. Это был крупный вклад в накоплении знаний о Западной Европе, без которого было бы невозможно возникновение русской науки об истории западноевропейских стран.

¹⁰⁷ Там же, стб. 1328.

А. Л. Гольдберг

Формирование и содержание понятия «Европа» в западноевропейской историографии XVI—XVII вв.

История стран Европы всегда была в центре внимания западноевропейских историков. Во времена античной древности и в средние века пределы знаний греческих и римских, а позднее французских и немецких, итальянских и английских историков ограничивались главным образом наиболее близкими им странами. В последующие времена границы известного европейцам мира значительно расширились: достоянием западноевропейской исторической науки стали и древние цивилизации Азии и Северной Африки, и драматическая история обеих Америк, и пестрая картина островных культур. Но «европоцентристская» концепция мировой истории не сошла со сцены. Напротив, она расцвела пышным цветом, ибо великодержавная политика буржуазных правителей Западной Европы создала для нее максимально благоприятную почву.

В многочисленных сочинениях и в учебных курсах по всеобщей истории главное место всегда уделялось Европе, и только марксистская историография нарушила эту многовековую традицию, призвав к созданию подлинно научной картины прошлого всего человечества.

За последние годы традиционный «европоцентризм» западных историков принял особенно уродливые формы и привел к выделению «европоведения» в самостоятельную отрасль исторической науки. Это находится в прямой связи с теми проектами «интеграции Европы», на которые нынешние буржуазные правители возлагают такие большие надежды.

Сущность идеи «интеграции» («объединения») Европы состоит в том, чтобы путем создания союза западноевропейских

государств сплотить силы международной реакции для борьбы с демократическими силами в собственных странах и на мировой арене, для преодоления тех социальных и экономических кризисов, которыми чревато современное буржуазное общество.

Однако, стремясь замаскировать свои цели, идеологи «европейской интеграции» хотят придать своим планам более благообразную окраску. Вот почему они настойчиво твердят о том, что «объединенная Европа — это не современный проект, а идеал, который одобряли в течение 1000 лет лучшие и наиболее прозорливые умы»¹. Они упорно повторяют, что Европа «нуждается не только в политической, но и в духовной интеграции»². И наконец, они обращаются за помощью к историкам, требуя, чтобы «принятое вновь понятие „Европа“ в смысле как географического, так и политического единства стало результатом определенной картины исторического прошлого»³.

С этой целью принимаются меры к тому, чтобы пересмотреть основные этапы истории западноевропейских стран в духе пропаганды «европейской идеи». Создаются специальные учебные заведения, выделяются особые субсидии, выходят в свет учебные пособия, прославляющие идею «интеграции»⁴. В десятках монографий декларируется стремление «заменить шовинизм компромиссами и прийти к общеевропейскому взгляду на историю»⁵, т. е., по существу, выработать новый, «наднациональный» западноевропейский шовинизм.

При этом, пропагандируя «духовное единство» западноевропейских стран, историки «интегрированной Европы» придают своим концепциям отчетливо выраженную антисоветскую направленность. Они стремятся доказать, что «объединенная Европа» не должна иметь ничего общего с СССР и с другими социалистическими государствами, поскольку Россия якобы всегда находилась «за пределами Европы», а теперь за этими пределами оказались и ближайшие соседи России.

«Если теперешнее [политическое] положение останется неизменным,— пишет польский буржуазный эмигрант О. Халецкий,— то довоенная граница европейской общности, проходив-

¹ D. de Rougemont. Vingt-huit siècles d'Europe. Paris, 1961, p. 8. Наиболее ретивым сторонникам «интеграции» тысячелетие кажется недостаточным сроком: в «Книге о Европе для юношества» утверждается, что европейская идея существует 2500 лет. («Das Europa Buch für Jugend». Köln, 1954, S. 330).

² Europa — Erbe und Aufgabe. Hrsg. von M. Göhring. Wiesbaden, 1956, S. 15.

³ H. Mikoletzky. Europa und die Geschichte. Das Werden eines übernationalen europäischen Geschichtsbildes. Wien, 1960, S. 78.

⁴ В. Б. Княжнинский. О фальсификации истории идеологами европейской «интеграции». — «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 119.

⁵ H. Mikoletzky. Op. cit., S. 173.

шая примерно от Петсамо до Аккермана, передвинется на линию Любек — Триест»⁶.

Лишь небольшая часть западноевропейских историков удерживается на позициях научной объективности и рассматривает Европу, как исторически сложившееся содружество народов в его полном объеме — от Британских островов до Урала*. Но подобные голоса кажутся исключением в общем хоре «интегральной историографии».

Относя начало «расхождения между Россией и Европой» к далекому прошлому, реакционные историки Запада уделяют особое внимание XVI—XVII вв., когда, по их словам, «сложились все те элементы, которые привели к противоречию между Востоком и Западом в XX веке»⁷. Они утверждают, что именно тогда сформировалось то географическое и политическое понятие «Европа», которое во многом дожило до наших дней⁸. Именно в то время, пишут реакционные историки Запада, «был выработан термин „Европа“ как нечто противостоящее России»⁹. Это якобы нашло отражение в тогдашней историографии и породило традицию рассматривать Европу (в качестве объекта изучения) как область, кончающуюся на границе с Россией.

Обратимся к литературе и постараемся восстановить подлинную историю вопроса о формировании и содержании понятия «Европа» в западноевропейской историографии XVI—XVII вв.

* * *

Представление о частях света как о неких замкнутых территориальных комплексах возникло еще в античной древности. Для греческих и римских писателей и ученых части света, в том числе и Европа, были чисто географическими понятиями, не имевшими иного (также и политического) содержания. Да это и не могло быть иначе, поскольку Европа не только не была обособлена от других частей света, но, наоборот, часть ее территории (прежде всего, ее южные полуострова) входила в со-

⁶ O. Halecki. *Europa-Grenzen und Gliederung seiner Geschichte*. Darmstadt, 1957, S. 92. Аналогичный мотив звучит в западногерманской историографии. «Теперь пограничный столб Европы и Азии должен стоять у Бранденбургских ворот» (W. Staugaard. *Halbinsel Europa*. Würzburg, 1957, S. 159); «Область политической власти народов, думающих и чувствующих по-европейски, кончается ныне на Эльбе и в Берлине» («Das Europa Buch für Jugend», S. 10).

^{*} «Colloque international sur la nation d'Europe (1961). Actes». Paris, 1963, p. 3 (далее — «Colloque...»).

⁷ D. Groh. *Russland und das Selbstverständnis Europas*. Neuwied, 1961, S. 28.

⁸ J. Duroselle. *Europa als historischer Begriff* (In: *Europäische Integration*. Göttingen, 1958, S. 12).

⁹ D. Groh. *Op. cit.*, S. 18.

став античных империй, охватывавших и страны Азии и Северной Африки.

Лишь распад этих империй и последовавшее за ним распространение христианства среди народов Европы привели к тому, что в прежнем представлении о Европе, как о части света, появился новый аспект: понятие «Европа» приобрело наряду с географическим и религиозное содержание. Многие средневековые авторы отождествляли Европу с «христианским миром», с «*respublica christiana*». Слово «европеец» употреблялось в хрониках VIII—IX вв. в значении «христианин»*. Люди того времени стали воспринимать Европу как некую специфическую общность народов с присущими ей одной особыми чертами, отличающими ее от остальных частей земли, причем после раскола церкви в XI в. понятие «европейского христианского мира» ограничивалось пределами католических стран.

Известную роль в формировании представления о специфичности Европы сыграло появление на территории Европы такого крупного государственного образования, каким была средневековая Германская империя, охватившая в период своего расцвета значительную часть современной Западной и Центральной Европы¹⁰.

Отмечая эти новые аспекты в старом понятии «Европа», следует сразу же оговорить, что влияние их на духовную и политическую жизнь средневекового европейского общества было весьма ограниченным. И хотя сейчас некоторые идеологи «интегрированной Европы» пытаются преувеличить степень этого влияния, утверждая, что «в средние века возникло понятие европейского единства, которое было воплощено материально в рамках империи Карла Великого и духовно — в христианской вере»¹¹, однако более трезвые их единомышленники вынуждены признать, что в то время «вряд ли можно говорить о Европе как о едином политическом понятии»¹². От осознания специфичности Европы в качестве особой общности народов до появления «идеи единства» составляющих ее стран было еще очень далеко.

С конца XV в. содержание понятия «Европа» стало изменяться: начало падать значение тех факторов, которые для средневековых авторов были главными признаками специфичности Европы. Германская империя клонилась к своему закату. Реформация нанесла удар всемогуществу католической церкви,

* J. Fischer. Oriens — Occidens — Europa. Begriff und Gedanke «Europa» in der späten Antike und im frühen Mittelalter. Wiesbaden, 1957, S. 4.

¹⁰ «Европу называют ныне обычно Римской империей, а еще чаще «Христианизмом» или «Христианатом», т. е. «Христианским миром» (M. Quid Europa totius terrarum orbis partis... descriptio... Coloniae, 1596, p. 2).

¹¹ E. Bonnefous. L'Europe en face de son destine. Paris, 1953, p. 36.

¹² J. Duroselle. Op. cit., p. 11.

и западное христианство, утратив свою монолитность, перестало быть той силой, которая порождала представление о единстве «европейского мира». К тому же участвовавшие попытки установить контакт между католической и православной церковью, вызванные усилением турецкой агрессии на востоке Европы, привели к тому, что к «христианскому миру» стали относить не только католические, но и православные страны¹³. Сам папа Пий II называл Константинополь «оплотом свободы Европы», нарушая тем самым выработанную веками традицию¹⁴.

Вообще отношения между странами Европы в связи с консолидацией централизованных национальных государств значительно осложнились. Все больше приходилось считаться с такими странами, которые раньше играли второстепенную роль в международной политике.

Наконец, серьезные сдвиги в мышлении людей того времени произошли в связи с великими географическими открытиями: расширились границы света, появились новые сведения о живущих на земле народах. Надо было уяснить положение и роль Европы в этом заново обретенном мире*.

Если же учесть еще процессы, происходившие в тогдашней науке (секуляризация, нарастающая критика всех средневековых догм), то станет ясно, почему сложившиеся в течение столетий представления о Европе стали уступать место новым взглядам и понятие «Европа» приобрело в XVI—XVII вв. новое содержание.

* * *

Прежде всего подверглись пересмотру старые представления о географическом положении Европы и о ее пределах.

Главными авторитетами для географов эпохи Возрождения были Страбон и Птолемей, труды которых издавались в Италии, Франции, Германии и в других странах Европы десятки раз¹⁵. Следуя принятому в то время обычаю искать у древних писателей ответы на вопросы, поставленные современностью, ученые XV—XVI вв. откровенно старались подражать античным авторам, используя, в частности, их терминологию для описания современных стран. Вообще смешение античных и современных данных, отсутствие четкого разграничения между древней и новой географией было свойственно всей картографической

¹³ D. Groh. Op. cit., s. 19.

¹⁴ R. Wallach. Das abendländische Gemeinschaftsbewußtsein im Mittelalter. Leipzig — Berlin, 1928, S. 11.

* «По мере усиления связей с заморскими странами стали, вероятно, лучше, чем раньше, осознавать существование специфического района — „Европа“» («Colloque...», p. 10).

¹⁵ В. К. Яцунский. Историческая география. М., 1955, стр. 62.

и страноведческой литературе вплоть до конца XVI — начала XVII в.¹⁶

Так, большинство тогдашних писателей называли в числе частей Европы «Сарматию», включая в ее пределы все земли, лежащие восточнее Балтийского моря, Вислы, Карпат и Дуная. Это представление было целиком заимствовано у древних авторов, упоминавших о существовании «двух Сарматий» — европейской и азиатской, расположенных соответственно в соседних частях света и переходящих одна в другую. И вот, следуя за античными географами, писатели XVI и даже начала XVII вв. использовали термин «Сарматия» для территорий Восточной Европы и Северо-Западной Азии. О «Сарматии» говорилось в ученых трудах¹⁷ и в школьных учебниках¹⁸, описанию ее земель и народов посвящались специальные сочинения¹⁹.

Выделение «Сарматии» в качестве самостоятельной части Европы имело некоторые положительные стороны: оно, в частности, отражало представление о наличии этнических связей между восточноевропейскими народами. Однако уже к концу XVI в. эта традиционная точка зрения стала казаться не совсем правильной и появились первые критические замечания по ее поводу. Французский географ А. Теве, упоминая о том, что древние авторы делили Европу на десять частей (включая «Сарматию»), называл это деление устаревшим и писал: «Теперь ты видишь, читатель, насколько деление, принятое древними, расходится с истинными знаниями, которые я тебе излагаю. Я говорю это не в укор древним, которыми я восхищаюсь, но чтобы объяснить тебе, что наука не стоит на месте и что опыт многому учит»²⁰.

В самом деле, сохранение древнего деления Европы и употребление термина «Сарматия» тормозили развитие науки. Изображая «Сарматию» особым географическим миром, авторы, писавшие о ней, придавали ей полуазиатские черты, противопоставляя тем самым Восточную Европу Западной и проводя искусственную грань между ними. В то же время эти взгляды тормозили изучение национальных государств, возникших на территориях, описанных древними авторами. И, наконец, концепция «двух Сарматий» мешала достижению ясности в вопросе о границе Европы и Азии, волновавшем многих писателей XVI—XVII вв. Не случайно существенные сдвиги в решении

¹⁶ Там же, стр. 96.

¹⁷ I. Vadian. Epitome trium terrae partium. Tiguri (1534), p. 46; G. Rit-
haumer. De orbis terrarum situ compendium... Norimbergae, 1538, p. 36;
C. Mylaeus. De scribenda universitatis rerum historia... Basileae, 1551, p. 37.

¹⁸ H. Glareanus. De Geographia... Friburgi, 1543, p. 28.

¹⁹ M. Miechovius. Tractatus de duabus Sarmatiis... Cracoviae, 1517;
A. Guagnini. Sarmatiae Europae descriptio... Cracoviae, 1578.

²⁰ A. Thevet. Cosmographie universelle, vol. 2. Paris, 1575, p. 936.

этого вопроса совпали по времени с началом исчезновения термина «Сарматия» из географической и исторической литературы.

Вопрос о восточной границе Европы имеет долгую историю*. Еще в III в. до н. э. Эратосфен высказал мнение о том, что пределом Европы на востоке является река Танаис (Дон), за которой якобы начинается Азия²¹. Это мнение было подхвачено другими античными авторами (Страбон, Помпоний Мела, Птолемей)²² и впоследствии заимствовано у них писателями XV—XVI вв. Географ Я. Стобничка²³ и папский посол А. Кампензе²⁴, дипломат и путешественник С. Герберштейн²⁵, автор знаменитой «Космографии» С. Мюнстер²⁶ проводят границу между Европой и Азией через Дарданеллы, Босфор, Черное море, Керченский пролив, Азовское море и далее по течению Дона. Северным отрезком этой границы принято было считать линию, проведенную от истоков Дона к Ледовитому океану²⁷ или к «неизвестной Северной Земле»²⁸.

Лишь в самом конце XVI в. известный фламандский географ А. Ортелий взял под сомнение эту укоренившуюся концепцию. При чем Ортелий не сразу пришел к своим новым выводам: в первом издании его «Театра земного шара» (1570 г.) граница Европы и Азии выглядит еще традиционно²⁹, и только в последнем (посмертном) издании появляется новый вариант границы: Дон — перешеек между Доном и Волгой «и оттуда по направлению на Восток к Оби вплоть до устья этой реки»³⁰.

Опубликование книги Ортелия вызвало оживленную дискуссию о пределах Европы и привело к появлению новых версий. Авторы ряда трудов, изданных в первой половине XVII в., напо-

* А. Б. Дитмар. К истории вопроса о границе между Европой и Азией.— «Ученые записки Ярославского Государственного педагогического института», вып. 20 (30), ч. 1, 1958, стр. 35—42. В статье А. Б. Дитмара почти не использована географическая литература XVI—XVII вв., а взгляды некоторых авторов (например, Ф. Клювера) изложены неточно.

²¹ F. Hahn. Zur Geschichte der Grenze zwischen Europa und Asien.— (Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig, 1881), S. 86.

²² E. Eichwald. Alte Geographie des Caspischen Meeres, des Caucasus und des Südlichen Russlands. Berlin, 1838, S. 373, 417, 441.

²³ J. Stobniczka. Introductio in Ptolomaei Cosmographiam... Cracoviae, 1512, p. 7.

²⁴ А. Кампензе. Письмо папе Клементу VII о делах Московии. (1524). М., 1836, стр. 15.

²⁵ С. Герберштейн. Заметки о московитских делах. 1549. СПб., 1908, стр. 105.

²⁶ S. Münster. Cosmographia. Basel, 1556, S. 49.

²⁷ H. Glareanus. Op. cit., p. 24; I. Maginus. Geographiae universae... opus. Part 2. Colonia Agrippina, 1597, p. 33.

²⁸ H. Thevet. Op. cit., p. 840.

²⁹ A. Ortelius. Theatrum orbis terrarum. Antverpiae, 1570, tab. 3.

³⁰ A. Ortelius. Theatrum orbis terrarum. Antverpiae, 1603, tab. 8.

минают читателям о том, что «мнения древних и новых писателей о восточной границе Европы мало сходятся между собой»³¹. При этом, сообщая о мнениях античных географов и о новых взглядах Ортелия, эти авторы высказывают и свои собственные соображения: одни предлагали считать рубежом между Европой и Азией линию, идущую от Белого моря к границам Ливонии и далее по Днепру до Черного моря³², а другие проводили эту линию от истоков Дона к устью Северной Двины³³.

Среди этих противоречивых голосов выделялось и постепенно укреплялось мнение одного из крупнейших географов того времени — Ф. Кюверера, поддержавшего и развившего концепцию Ортелия. Кюверер окончательно низвел с пьедестала античных географов, показав глубокое различие между древними представлениями и знаниями, накопленными к началу XVII в.³⁴ Характерны в этом отношении две карты, включенные в его книгу «Древняя Германия»: одна из них озаглавлена «Северные земли Европы и Азии по неверным взглядам древних авторов», а другая, названная «Общее описание древней Европы», дает картину, соответствующую выводам современной Кювереру географической науки³⁵.

На первой карте границей между Европой и Азией служит Дон, а на второй — рубеж между двумя частями света начертан в соответствии с мнением самого Кюверера, считавшего, что «подлинная и точная граница Европы и Азии» проходит через Черное и Азовское моря, «по течению Дона до его излучины, находящейся вблизи правого берега Волги, затем пересекает возвышенность, идущую между обеими реками и именуемую обычно „Переволок“, далее по левому берегу Волги к Уральским горам, к городам Великий Тюмень и Лептин и к ближайшему берегу реки Оби, а оттуда вниз по Оби вплоть до мыса Литармин»³⁶.

Книги Кюверера (и особенно его «Введение во всеобщую географию») пользовались большой известностью вплоть до начала XVIII в. Неудивительно поэтому, что мнение Ортелия — Кюверера о рубеже Европы и Азии оказалось популярнее всех других взглядов по этому вопросу. Большинство авторов XVII в. считало границей между двумя частями света линию «Дон — Вол-

³¹ P. Merula. *Cosmographiae generalis libri tres...* Amstelodami, 1605, p. 267.

³² *Ibid.*, p. 268.

³³ G. Dogliani. *Anfiteatro di Europa*. Venetia, 1623, p. 75; Ph. Briet. *Parallela geographiae veteris et novae*. Paris, 1648, p. 153.

³⁴ В. К. Яцунский. Указ соч., стр. 185.

³⁵ Ph. Cluver. *Germaniae antiquae libri tres...* Lugduni Batavorum, 1628, tab. 2—3.

³⁶ *Ibid.*, p. 21; *idem*. *Introductionis in universam geographiam...* Lugduni Batavorum, 1628, p. 45—46.

га — Обь»³⁷, отмечая, что «все, что будет по левую руку, — это Европа, а все, что останется по правую руку, — Азия»³⁸.

Правда, старые взгляды еще проникали в литературу, и вплоть до середины XVII в. можно было иногда встретить в книгах и на картах границу Европы и Азии, проведенную по линии Дон — Двина³⁹, так что французский публицист Шапюзо имел основание говорить, что «протяженность Европы на востоке зависит от капризов географов»⁴⁰. Однако все реже предлагались такие варианты границы, которые проходили западнее линии Ортелия — Клювера. Наоборот, появлялись версии, относящие рубеж между двумя частями света еще дальше на восток.

Автор известного «Описания путешествия в Московию» А. Олеарий проводил южный отрезок границы Европы и Азии не по Дону, а по Волге, начиная от ее устья⁴¹. В стихотворном описании Астрахани, приведенном в книге Олеария, говорится:

«Грань лучших двух частей вселенной здесь проходит,
И, в Астрахань явясь, всяк в обе разом входит.
Он руку может здесь Европе протянуть
И, повернувшись, вновь на Азию взглянуть»⁴².

Еще яснее выражена эта версия в книге младшего современника Олеария И. Бозиуса, считавшего, что пределами Европы являются Черное море — реки Рион и Аракс — Каспийское море — Волга — Уральский хребет — Обь⁴³. И, наконец, в самой России начало складываться собственное мнение на этот счет: французский географ Ф. Брие упомянул в своей книге о том, что «некоторые москвиты» считали рубежом Европы Кавказ — Каспийское море — реку Яик (Урал) — Обь⁴⁴.

Таким образом, в середине XVII в. уже можно было встретить сторонников той версии, которая окончательно вошла в литературу полтора века спустя и существует (с небольшими коррективами) вплоть до нашего времени, получив соответствующее физико-географическое обоснование⁴⁵.

³⁷ P. Vertius. Breviarius totius orbis terrarum. Francofurti, 1627, p. 3; J. Gotofredus (Abelin). Archontologia cosmica. Francofurti, 1628, p. 440.
³⁸ L. Moreri. Le grand dictionnaire historique... 1674. Paris, 1725, vol. 3, p. 943.

³⁹ P. Davity. Nouveau theatre du monde. Paris, 1655, p. 799; P. Heylin. Cosmographie. London, 1666, p. 32; J. Popping. Orbis illustratis... Ratzeburgi, 1668, p. 47.

⁴⁰ S. Charpuzeau. L'Europe vivante... Paris, 1667, p. 7.

⁴¹ А. Олеарий. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906, стр. 398.

⁴² Там же, стр. 524.

⁴³ J. Bosius. Introductio generalis in notitiam rerumpublicarum orbis universi... Jena, 1676, p. 275.

⁴⁴ Ph. Briet. Op. cit., p. 163.

⁴⁵ Современные мнения по этому вопросу отражены в статьях: Ю. К. Ефремов. Обсуждение вопроса о границе Европы и Азии в Московском филиале Географического общества СССР. — «Известия Академии

Этого научного обоснования, связанного с установлением природных рубежей, разграничивающих более или менее замкнутые ландшафтные зоны, мы не встретим у авторов XVI—XVII вв. Их мнения о границе Европы и Азии порождались, как правило, не столько физико-географическими, сколько другими соображениями. Иногда решающую роль играло то или иное толкование античных терминов. Так, древние авторы упоминали о реке Карамбик, протекавшей якобы на рубеже Европы. И вот это вымышленное название в XVII в. относили то к Двине⁴⁶, то к Оби⁴⁷ и в зависимости от этого пролагали и пограничную линию между Европой и Азией.

Однако большей частью расположение этой линии зависело от мнения соответствующего автора по поводу того, какие страны следует относить к числу европейских государств. Не случайно в одной из тогдашних книг сторонники различных вариантов европейско-азиатской границы сгруппированы в зависимости от того, причисляют ли они к Европе Россию или нет: «одни полагают, что Московия находится частично в Европе, частично в Азии; другие включают в Европу всю Московию; третьи, проводя границу от Днепра к Белому морю, относят к Азии не только всю Московию, но и часть Польши»⁴⁸. Следовательно, в дискуссии о рубежах Европы спор шел не столько о том, где провести воображаемую линию между двумя частями света, сколько о принадлежности России к тем странам, которые в глазах людей XVI—XVII вв. составляли содержание понятия «Европа».

Уже в начале XVI в. складывается представление о том, что Россия («Московия») занимает территорию, расположенную в обеих частях света — в Европе и в Азии⁴⁹. Поэтому, называя Россию в числе европейских государств, тогдашние авторы оговаривали эту ее особенность.

Первоначально, упоминая азиатские владения России, имели в виду ее северо-восточные районы, прилегающие к северному Уралу. С середины XVI в., после завоевания Казани и Астрахани и в особенности под влиянием известий о колонизации Сибири, о русских владениях в Азии заговорили еще определеннее, продолжая, впрочем, упоминать Россию при перечислении государств Европы⁵⁰.

наук СССР. Серия географическая», 1958, № 4; В. И. Прокатаев. Еще раз о границе между Европой и Азией в связи с вопросом о крупных единицах физико-географической характеристики.— «Известия Географического общества», т. 92, вып. 4, 1960.

⁴⁶ Ph. Briet. Op. cit., p. 163.

⁴⁷ А. Майерберг. Путешествие в Московию (1662). М., 1874, стр. 153.

⁴⁸ J. Riccioli. Geographiae et hydrographiae reformatae... libri XII. Venetiis, 1672, p. 8—9.

⁴⁹ А. Кампензе. Указ. соч., стр. 15; J. Fabri. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio. Basileae, 1526, p. 44; Н. Michow. Die ältesten Karten von Russland. Hamburg, 1884, S. 15.

⁵⁰ А. Thevet. Op. cit., p. 841.

Правда, некоторые авторы того времени проявляли колебания в этом вопросе. Герберштейн, сочинение которого сыграло огромную роль в ознакомлении Западной Европы с «московитскими делами», уклончиво замечал, что «Москва расположена если не в Азии, то в крайних пределах Европы, где та более всего соприкасается с Азией»⁵¹. В книге И. Магинуса Московия названа в числе европейских государств, но описание ее вынесено за пределы главы, посвященной Европе⁵², а далее «великое княжество Московское» названо частью Азии⁵³.

Находились и такие писатели, которые считали, что вообще Россия не входит в Европу. В школьном учебнике Апиана «Белая Русь» названа в числе азиатских стран⁵⁴. Немецкий путешественник Кихель, описывая переезд из Ливонии в Московию, отмечал, что город Нарва «находится еще в Европе», но зато Иван-город («русская Нарва») «помещается в Азии»⁵⁵. Позднейшее из встреченных мною высказываний такого рода («Московия — одно из азиатских государств») относится к 1619 г. и принадлежит уже не географу и не путешественнику, а марбургскому «поэту-лауреату» С. Ритеру⁵⁶. Впрочем, судя по тому, что он помещает описание Московии, между Парфией и Ионией «поэт-лауреат» плохо разбирался в географии...

Отмечая эти высказывания, надо подчеркнуть, что они представляли собой весьма редкие исключения, ибо к концу XVI — началу XVII вв. в географической литературе окончательно утвердилось мнение о том, что Европа как часть света включает в себя Российское государство, расположенное одновременно и в Европе, и в Азии⁵⁷.

* * *

Географическая литература, о которой, по преимуществу, шла речь до сих пор, отражала общие представления того времени о государствах, участвующих в политической жизни Европы, или, как принято было тогда говорить, о «политическом теле» Европы. Кстати, это «тело» рисовалось воображению сов-

⁵¹ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 99.

⁵² J. Maginus. Op. cit., p. 34, 150—157.

⁵³ Ibid., p. 212.

⁵⁴ P. Apian. Cosmographia. Antverpiae, 1540, p. 38.

⁵⁵ S. Kiechel. Die Reisen (1585). Stuttgart, 1866, S. 123.

⁵⁶ S. Ritter. Cosmographia prosometrica... Marpurgi, 1619, p. 138.

⁵⁷ «Великий князь московский или русский, кроме тех земель, которые находятся в Европе, имеет огромные владения в Азии» (P. Bertius. Op. cit., p. 56); «Московия — самая крайняя область Европы на востоке и представляет собой значительную часть Азии» (J. Speed. A prospect of the most famous parts of the World. London, 1631, p. 8); «Россия находится частично в Европе и частично — в Азии» (P. Heyluy. Op. cit., p. 510).

ременников не только фигурально, но и материально, о чем свидетельствуют помещенные в книгах и атласах XVI—начала XVII в. изображения Европы в виде женщины («голова ее — Испания, грудь — Франция, руки — Италия и Англия, живот — Германия, пуп — Чехия, а остальные части тела — Норвегия, Дания, Швеция, Польша, Венгрия, Греция, Трансильвания, Московия и др.»⁵⁸).

При всей своей наивности эта аллегория имела определенный реальный смысл, поскольку включение в нее именно данных стран свидетельствовало, что эти страны составляли, по мнению современников, неотъемлемые части Европы.

В политической публицистике XVI—XVII вв., в книгах, сопоставляющих государственное устройство различных стран, и, наконец, в проектах и высказываниях тогдашних деятелей отразился процесс формирования представлений о политическом содержании понятия «Европа».

Если в конце XV — начале XVI в. при описании политической жизни Европы речь шла главным образом о западноевропейских и центральноевропейских странах, то с конца XVI в. в круг этих описаний все чаще входит Московское государство. Так, автор популярной в то время книги «Всеобщие известия» Дж. Ботеро, повествуя о политической и религиозной жизни во всех частях света, неизменно рассматривал «великое княжество Московское» в числе европейских стран⁵⁹.

Немецкий публицист и историк И. Абелин (Готофредус) в своей книге о правителях всего света причисляет великого князя московского к европейским государям, обосновывая это следующим образом: «Хотя этот князь, об обширных землях которого пойдет речь, имеет большие владения и в Европе, и в Азии, мы, однако, причисляем его к европейским монархам, потому что большая часть его державы и в том числе сама так называемая Московия находятся в пределах Европы, если придерживаться взглядов современных авторов, которые считают границей Европы не Дон, а реку Обь и провинцию Обдорию, и также потому, что эти князья и большинство их подданных издавна исповедуют христианскую религию, хотя и несколько отличающуюся по ее учению и обрядам от религии других европейских народов»⁶⁰.

В публицистике XVII в. принято было рассматривать Европу (как арену политических событий) отдельно от других частей света: «события в Европе» обычно противопоставлялись «событиям в Азии». И вот среди «европейских событий» стали все ча-

⁵⁸ Ph. Cluver. *Introductionis in Universam Geographiam*, p. 49.

⁵⁹ J. Botero. *Le relationi universali*. Bergamo, 1592, p. 155—160.

⁶⁰ J. Godefredus (Abelin). *Op. cit.*, p. 440.

ще появляться известия о внутренней и внешней политике Московского государства⁶¹.

Характерно, что наиболее категорические утверждения о принадлежности России к Европе содержались в книгах тех авторов, которые сами побывали в Московии. Так, в книге Г. Мьежа — участника английского посольства в 1663—1664 гг. — о России говорилось как о «самой огромной стране в Европе»⁶², а Я. Рейтенфельс называл ее «самой могущественной из европейских держав»⁶³.

Столь же определенный ответ на вопрос о том, какие государства находятся в Европе, давал и Х. Функ, называя в числе этих стран «Московскую империю, протянувшуюся от Норвегии и Швеции вплоть до Азии»⁶⁴. И далее, перечисляя европейские государства, «средние по своему возрасту, то есть возникшие после смерти Карла Великого и до правления Карла V», Функ упоминает среди них «Русскую империю, образованную при Дмитрии в 1378 г.»⁶⁵.

Подобные высказывания не исключали того, что во многих сочинениях западноевропейских авторов Россию называли «варварской страной», критиковали (порой справедливо, а порой со злобной тенденциозностью) недостатки ее социального и политического строя, быт и нравы ее жителей. Отрицательное отношение к российским порядкам порождалось зачастую политической конъюнктурой либо личными целями того или иного автора. Внимательное изучение источников позволяет в каждом отдельном случае вскрыть причины, вызывавшие враждебный России тон подобных сочинений.

Однако, отмечая существенные колебания в оценках тогдашней России (от дружелюбных до крайне враждебных), надо решительно сказать, что эти колебания, как правило, не влияли на решение вопроса о географическом и политическом содержании понятия «Европа». Мы вынуждены подчеркнуть это обстоятельство, поскольку отрицательные суждения о России в сочинениях западноевропейских авторов XVI—XVII вв. (обусловленные, как уже было сказано, конкретными историческими обстоятельства-

⁶¹ Relationis historicae semestralis continuatio. Jacobi Franci historische Beschreibung aller denckwürdigen Geschichten so sich hin und wider in Europa, Hoch- und Nider Teutschland, auch in Franckreich, Engelland... Moldau, Moscau... zugetragen. Franckfurt a/M, 1653, etc.; Historisch verhael aller gedenc-waerdiger geschiedenissen, die in Europa, als Duytslant, Vranckryck... Polen, Moskovien, Zwitterlant, in Asia, als Turckijen... voor-ghevallen sijn. Beschreven door N. van Wassenaer. Amsterdam, 1629, etc.

⁶² G. Miége. A relation of three embassies from Charles II to the ggrat Duke of Muscovie... London, 1669, p. 26.

⁶³ Я. Рейтенфельс. Сказания о Московии (1680). М., 1906, стр. 198.

⁶⁴ Chr. Funck. Orbis hodie imperantis brevium... Wratislaviae, 1689, p. 16.

⁶⁵ Ibid., p. 18.

ми) используются ныне буржуазными историками для антинаучных, реакционных спекуляций.

Так, по мнению М. Андерсона, критические высказывания о русском народе «приводили к отрицанию того, что Россия вообще является частью Европы»⁶⁶. Боннский историк Д. Гро, неоднократно повторяя слова о том, что Россию считали варварской страной, казуистически заключает: «Поскольку варвары не могли считаться жителями Европы, то, следовательно, тем самым отрицалась принадлежность России к Европе»⁶⁷.

Подобные рассуждения почти всегда служат попыткам обосновать концепцию «Европы без России» и стремлениям придать идее «европейской интеграции» антисоветскую направленность. Однако анализ литературы XVI—XVII вв. опровергает измышления буржуазных фальсификаторов, и более объективные западные исследователи сами убеждаются в этом. Так, американский историк Д. Кук справедливо замечает, что «прогрессивные западные писатели XVII в. все больше признавали Россию в географическом отношении частью Европы»⁶⁸.

И не только в географическом отношении, добавим мы, но и в плане участия в политической жизни Европы. Характерна в этом смысле история попыток создания «общеевропейского союза» для борьбы с Османской Портой. Первый из подобных проектов был предложен еще в 1464 г. Антуаном Мариньи чешскому королю Георгию Подебраду и намечал образование антитурецкого союза с участием Франции, Чехии, Польши, Венгрии, Венеции и немецких земель. О России в этом проекте ничего не говорилось⁶⁹.

На рубеже XVI и XVII вв. картина стала изменяться, хотя единства взглядов в данном вопросе еще не отмечается: если в «Большом проекте» Генриха IV о возможности участия России в европейском союзе говорилось еще весьма скептически⁷⁰, то современник Генриха IV Т. Кампанелла уже рекомендовал испанскому королю привлечь Россию в состав европейской антитурецкой коалиции⁷¹.

На протяжении последующего столетия роль России в европейской политике значительно возрастает. При создании нового «священного союза» против турок (1684 г.) организаторы его пригласили вступить в союз всех христианских государей, осо-

⁶⁶ M. Anderson. English views of Russia in the 17-th century.— «The Slavonic and East European review», vol. 33, N 80, 1954, p. 147.

⁶⁷ D. Groh. Op. cit., p. 29.

⁶⁸ D. Cook. The Image of Russia in Western European thought in the 17th century.— «Dissertation Abstracts», vol. 20, N 6, 1959, p. 2246.

⁶⁹ H. Markgraf. Ueber Georgs von Podiebrad Project eines christlichen Fürstenbundes...— «Historische Zeitschrift», 1869, Bd. 21, S. 278.

⁷⁰ H. Mikoletzky. Op. cit., S. 115.

⁷¹ T. Campanella. De monarchia hispanica... Francofurti ad Viadrem, 1686, p. 267.

бенно «светлейших царей московских»⁷². Когда в начале XVIII в. Шарль Кастель де Сен-Пьер выдвинул свой проект обеспечения «постоянного мира» в Европе (1712 г.), он уже не испытывал никаких сомнений в принадлежности России к европейским державам («*Société européenne*») ⁷³. И хотя большинство этих «союзов» так и осталось на бумаге, однако сам факт, что усиленно стремились включить Россию в состав этих «союзов», свидетельствовал о том, какое политическое содержание вкладывалось в XVII в. в понятие «Европа».

Наконец можно обнаружить признаки того, как возникают первые представления об экономической общности европейских стран, о некоем подобии «разделения труда» между ними. «Все народы Европы сотрудничают между собой,— писал в середине XVII в. Ф. Брие,— Испания дает железо, мягкую шерсть и фрукты, Англия — кожу, шерсть, олово, свинец, Франция — соль, вино, масло, Германия — лошадей, оружие, железо, Италия и Греция — шелк, северные страны — медь, меха, дерево, суда, Польша и Россия — дорогие меха, мед и воск» ⁷⁴. И хотя, конечно, об общеевропейском рынке в то время еще нельзя было говорить, эти высказывания доказывают, что для людей XVII в. все европейские государства представлялись частями какого-то единого целого, именуемого «Европой».

Впрочем, это восприятие не влекло за собой практических последствий. Европа представляла собой единое целое лишь в умах соответствующих авторов, а на деле основной ячейкой политического и экономического развития продолжали оставаться национальные государства, каждое из которых имело свои собственные интересы, зачастую прямо противоположные интересам других европейских стран ⁷⁵.

* * *

Эволюция представлений о Европе отразилась и в историографии XVI—XVII вв. Гуманистическая историография расширила диапазон стран и народов, история которых являлась предметом изучения и описания. Если в средневековых хрониках речь шла главным образом о странах Западной Европы, то со второй половины XV в. западноевропейские историки в сочинениях, посвященных «истории Европы», все больше внимания уделяли своим восточным соседям.

⁷² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 7. М., 1962, стр. 371.

⁷³ Ch. C. de Saint-Pierre. *Abrégé du projet de paix perpétuelle...* Rotterdam, 1729, p. 47—48.

⁷⁴ Ph. Briet. *Op. cit.*, p. 161.

⁷⁵ «У европейцев было, пожалуй, меньше сознания своего единства, чем сознания различий и соперничества между отдельными народами» (R. Moynier. *Les XVIe et XVIIe siècles*. Paris, 1956, p. 290).

Так, Эней Сильвий Пикколомини (Пий II) в своей «Истории Европы» наряду с описаниями событий, происходивших в Италии, Франции, Германии, дал историко-географическую справку о поляках, литовцах и «русских (gosanos), в стране которых находится большой город Новгород (Nogardia)»⁷⁶. П. Джовио — один из самых популярных историков начала XVI в. — не только включил известия о восточноевропейских странах в «Историю своего времени»⁷⁷, но и один из первых посвятил специальное сочинение далекой «Московии»⁷⁸. Ж. Бодэн, излагая методологические основы историографии, рассматривал Россию в числе европейских стран⁷⁹.

И все же на протяжении XVI в. упоминания о России в трудах западноевропейских историков, посвященных истории Европы, встречаются еще относительно редко: сказывается недостаток знаний о событиях в Московии и неопределенность представлений о географических пределах Европы.

К началу XVII в. положение стало изменяться. Выше уже говорилось о том, как изменилось представление о Европе и как это нашло свое отражение в географической и публицистической литературе. Аналогичные явления (не без влияния сдвигов, наметившихся в смежных областях знания) происходили и в историографии. Характерна в этом отношении книга Жака де Ту, задуманная как продолжение «Истории своего времени» П. Джовио⁸⁰. Целый ее раздел посвящен Московскому государству, причем наряду с описанием современных автору событий излагается история России в предшествующие века⁸¹. И везде Жак де Ту пишет о России, как об одном из европейских государств, отмечая при этом, что «держава московитов является обширнейшей не только в Европе, но даже и в Азии»⁸².

Таких же взглядов придерживался и автор «Истории нашего времени (1618—1652)» А. Брахель. В книге, посвященной исключительно истории Европы, уделено место и России, и одна из погодных записей о событиях «в разных странах Европы» открывается известием о вступлении на престол царя Алексея Михайловича⁸³. На карте, приложенной к книге Брахеля, вся территория России вплоть до Урала отнесена к Европе.

⁷⁶ A. S. Piccolomini. Europa. Maximi nostrorum temporum varia continens historias. Venetiis, 1501, p. 32.

⁷⁷ P. Jovius. Historiarum sui temporis... Venetiis, 1583, p. 229.

⁷⁸ Idem. Libellus de legatione Basili Magni principis Moschoviae ad Clementem VII... Roma (1525).

⁷⁹ J. Bodin. Methodus historiae... Basileae, 1576, p. 272.

⁸⁰ О. Л. Вайнштейн. Историография средних веков. М.—Л., 1940, стр. 90.

⁸¹ J. Thuanus. Historiarum sui temporis... vol. 1. Francofurti, 1614, p. 954—972.

⁸² Ibid., vol. 2, p. 1225.

⁸³ A. Brachel. Historia nostri temporis... vol. 2. Coloniae, 1652, p. 99.

Как видим, подобные представления о составе Европы все больше укоренялись в историографической литературе XVII в. и об этом свидетельствуют слова английского путешественника С. Перчеса, требовавшего проводить восточный рубеж Европы так, чтобы «в соответствии с методом нашей истории она (Европа.—А. Г.) включала большую часть русской державы»⁸⁴.

Говоря об историографической литературе XVII в., следует учитывать одну ее особенность: в ней гораздо лучше представлены сочинения по истории отдельных стран или сравнительно узких периодов, чем всеобъемлющие «всемирные истории»⁸⁵. Книжки на эту тему продолжали выходить (и в большем количестве, чем раньше), однако это были, как правило, неоригинальные, компилятивные сочинения, не имевшие почти никакой научной ценности.

Авторы этих компиляций лишь в редких случаях вносили какие-либо дополнения в концепции, унаследованные ими от своих предшественников. И поэтому особенно симптоматично то, что в этих книгах значительно более часто и определенно, чем в исторических трудах XVI в., говорится о России как о европейском государстве.

Примером может служить книга И. Микрелия, поместившего главу о Московии между разделами о скандинавских странах и о Венгрии⁸⁶, компиляция Г. Киппинга, включившего в «историю знаменитых народов Европы» описание событий в «великом княжестве Московском»⁸⁷ и др. Составители многочисленных в то время исторических словарей тоже неизменно включали Россию в число «важнейших европейских государств»⁸⁸.

Еще в одном аспекте это мнение отразилось в уже упомянутой ранее книге И. Бозиуса: строго отделяя события «в самой Европе» (*in ipsa Europa*) от событий, в которых участвовали наряду с европейскими и неевропейские страны, он называет в числе первых русско-польскую (1654—1667) и русско-шведскую (1656—1658) войны⁸⁹. Таким же образом, говоря о союзах между европейскими государствами, он сообщает о «крепкой и большой дружбе между Московией и австрийским двором, а также

⁸⁴ «...which well agrees to the method of our History, as including the most part of Russian Empire» (S. Purchas. *His Pilgrimes* (1625). Glasgow, 1905, p. 248.

⁸⁵ Е. А. Косминский. *Историография средних веков*. М., 1963, стр. 40.

⁸⁶ J. Micraelius. *Syntagma historiarum mundi omnium*. Lipsiae, 1633, p. 1065—1084.

⁸⁷ H. Kipping. *Recensus historiae universalis libri XXIV*. Francofurti — Breae, s. a. 458—462.

⁸⁸ J. Hofmann. *Lexicon universale historico — geographicum*. vol. 1. Basileae, 1667, p. 626; L. Moreri. *Op. cit.*, p. 994.

⁸⁹ J. Bosius. *Op. cit.*, p. 362.

между Московией и Данией»⁹⁰. Следовательно, он рассматривает эти факты как составные части политической истории Европы.

С 1635 г. стал выходить «Европейский театр»⁹¹ — «исторический альманах, в котором история Европы рассматривалась как особая, самостоятельная область»⁹². И в каждом томе этого альманаха содержались сведения о важнейших событиях русской истории (о восстаниях 1648, 1650, 1662 гг., о борьбе за воссоединение Украины с Россией, о крестьянской войне под руководством С. Разина и др.)⁹³.

И, наконец, следует напомнить, что в сочинениях наиболее крупного западноевропейского историка конца XVII в. С. Пуфендорфа русский народ всегда упоминается в ряду «других народов Европы» и жизнь русского общества сопоставляется с обычаями «остальной Европы»⁹⁴.

* * *

Итак, анализ литературы XVI—XVII вв. свидетельствует, что в тот период сформировалось представление о Европе как о такой общности стран и народов, границы которой проходили в районе Урала—Оби и которая, следовательно, включала в себя значительную часть Московского государства. Именно поэтому во всех случаях, когда речь шла об истории Европы, западноевропейская историография XVII в. включала в круг описываемых ею стран все восточноевропейские страны, в том числе и Россию.

Уяснив это, можно лучше понять многие особенности тогдашней историографии и яснее представить себе ее диапазон. Кроме того, зная, что материалы о России встречаются в самых разнообразных исторических, публицистических и страноведческих сочинениях той поры, можно значительно расширить список иностранных источников, привлекаемых для изучения русской истории XVI—XVII вв.

И, наконец, приведенные выше материалы показывают несостоятельность тех приемов, с помощью которых идеологи «интегрированной Европы» пытаются найти историческое оправдание своим стремлениям исключить Россию из числа европейских стран. Историография XVI—XVII вв. не только не подтверждает, но, напротив, полностью опровергает эти домыслы буржуазных фальсификаторов.

⁹⁰ Ibid., p. 370.

⁹¹ *Theatrum Europaicum...* Frankfurt am Mayn, 1635—1738.

⁹² «Colloque...», p. 22.

⁹³ А. Л. Гольдберг. Известия о России в западноевропейских периодических изданиях XVI—XVII в.— *Вопросы истории*, 1961, № 7, стр. 206.

⁹⁴ S. Pufendorf. *Einleitung zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten, so itziger Zeit in Europa sich befinden.* Frankfurt a/M., 1684, S. 715—716.

Новые явления в послевоенной французской буржуазной историографии социально-экономических проблем

Еще с давних пор французской историографии были присущи две отличительные черты. С одной стороны, это — явления преемственности, наличие сильных и прочных традиций, длительность воздействия определенных, давно сложившихся историографических школ. С другой — непрерывное изменение методики работы, постоянное обновление тематики исследований, непрерывное возникновение новых историографических направлений. Подобная инертность и в то же время подвижность, подобный традиционализм и в то же время новаторство постоянно уживались, нередко вступали в резкие столкновения, а нередко и влияли друг на друга, смешиваясь и порождая в свою очередь от этого смешения новые историографические побег.

Если мы обратимся к французской буржуазной историографии за годы после второй мировой войны, то увидим своеобразное размежевание «сфер влияния». Традиционность в настоящее время более всего свойственна буржуазным авторам, занятым проблемами политической истории. Новые идеи и направления чаще возникают в среде специалистов по социально-экономической истории. Именно здесь можно подметить достаточно четкое изложение некоторых ранее неизвестных или слабо распространенных концепций.

Нельзя сказать, что в данной области утратили полностью свое воздействие явления историографической преемственности. И здесь существует ряд сложившихся еще до второй мировой войны направлений, в рамках которых продолжают писать многие и многие. Таковы, например, последователи Р. Груссе («школа истории цивилизаций»), по-прежнему противопоставляющие Запад как «господствующий феномен II тысячелетия н. э.» и Восток как «господствующий феномен I тысячелетия н. э.», Север как «носитель исторической мобильности» и Юг как «носи-

тель исторической стабильности». Таковы последователи Э. Дарделя («школа ориентировки исторического процесса»), выпячивающие значение межнациональных государственных и идейно-политических сообществ и усматривающие проявление (в историческом процессе) диалектической борьбы противоположностей в столкновениях между такими сообществами. Однако отрицать, что именно в области социально-экономической истории налицо совершенно определенные новые тенденции, также невозможно. Мы попытаемся охарактеризовать некоторые из подобных тенденций, наиболее на наш взгляд существенные.

Одна из них состоит во все возрастающем влиянии на историографию социологии, особенно ее отрасли, именуемой микро-социологией. Поскольку ранее мы уже писали об этом¹, позволим себе не останавливаться здесь на этом сюжете. Другая охватывает целую группу явлений. Полнее всего их можно раскрыть, в силу присущей им специфики, при анализе работ, касающихся аграрной истории.

Первое, что обращает на себя внимание, это новые формы организации исследований по истории деревни и крестьянства. Хотя французская наука никогда не страдала от недостатка подобных исследований, характерно, что основная их масса была преимущественно плодом индивидуальных усилий и личной инициативы тех или иных авторов. В настоящее время инициативу по организации данных исследований все чаще берут на себя государственные или частные общества, привлекающие специалистов и субсидирующие их работу. К разряду государственных организаций, патронирующих специальные исследования в области аграрной истории, относятся по меньшей мере семь: Академия агрикультуры (*Académie d'Agriculture de France*) — с 1919 г.; Национальный центр научных изысканий (*Centre National de la Recherche Scientifique*) — с 1945 г.; с 1946 г. — Национальные институты статистики и экономических исследований (*Institut National de la Statistique et des Études Économiques*), демографических исследований (*Institut National d'Études Démographiques*) и агрономических изысканий (*Institut National de la Recherche Agronomique*); наконец, за последние годы — Ветеринарная академия (*Académie Vétérinaire de France*) и Высший совет агрономических изысканий (*Conseil Supérieur de la Recherche Agronomique*). Число частных обществ составляет не менее шести. Три из них начали соответствующую деятельность довольно давно: с 1868 г. — Общество земледельцев (*Société des agriculteurs de France*), с 1880 г. — Национальное общество поощрения агрикультуры (*Société Nationale d'Encouragement à l'Agriculture*), а с 1920 г. — Национальная федерация взаимопомощи, сотрудни-

¹ См.: А. Я. Шевеленко. Микросоциология Ж. Гурвича и французская буржуазная историография. — «Вопросы истории», 1964, № 4.

чества и кредита в сельском хозяйстве (Fédération Nationale de la Mutualité, de la Coopération et du Crédit Agricole). Однако особенно активно в рассматриваемом плане они действуют лишь в течение последних 15—20 лет. Три других стали функционировать позднее: с 1950 г.— Высшая школа сельского права (Institut des Hautes Études de Droit Rural), а с 1953 г.— Национальная федерация сельскохозяйственных организаций (Fédération Nationale des Organisations Agricoles) и Ассоциация по развитию агрономических изысканий (Association pour le Développement de la Recherche Agronomique).

Простое перечисление названий показывает, что эти организации интересуются прежде всего сугубо практической стороной дела. Действительно, в работы, выпущенные под их грифом, входят материалы, касающиеся сельскохозяйственного производства. Особенность почти всех подобных работ, однако, заключается в том, что они содержат «историческую часть» — либо введение, либо распределенные по главам исторические очерки. Дело в том, что во Франции внимательно относятся к накапливающимся в течение длительного срока сведениям о севооборотах, плодосмене, урожайности почвы, нормах высева, методах обработки земли и т. п. Каждое местное аграрное общество дает крестьянам рекомендации, лишь проверенные вековой практикой. С целью поднять эти исследования на более высокий уровень, к работе привлекаются не агрономы или зооинженеры, а именно историки-аграрники. Методология авторов таких работ в большинстве случаев носит позитивистский характер; концепционно работы эти убоги. Их истинное значение состоит в насыщенности богатым фактическим материалом, особенно полным для периода новейшей истории. Роль данных работ еще более возрастает в связи с тем, что созданный в 1885 г. Высший статистический совет не сумел наладить, как можно судить по опубликованным им крайне скудным материалам, сколько-нибудь толковой статистической деятельности по сбору данных о деревне. Частнопредпринимательская система ведения хозяйства и ведомственные разногласия между различными учреждениями, до сих пор довольно сильные во Франции, усугубили имевшиеся недостатки. В результате труды историков-аграрников ценятся там специалистами сельского хозяйства весьма высоко.

С давних времен историческая наука во Франции была делом университетов. Однако вышеописанные явления привели к постепенному перемещению центра тяжести научной работы в сторону специальных организаций. Это выразилось в двойном «патронировании» исследователя: по линии университетов он по-прежнему представляет работу на соискание ученой степени, но практически направляет его деятельность заинтересованная организация. Последствия оказались двоякими. С одной стороны, исследованиям аграрников стал присущ дух утилитаризма; с

другой — резко возросла прямая зависимость авторов от субсидирующих их организаций. Недаром почти все подобные работы напичканы похвалой в адрес тех или иных инициативных собственников, «культурно» ведущих хозяйство богатых землевладельцев, наконец, самой системы буржуазного предпринимательства. Воспевание дяляческих успехов — явление, давно известное буржуазной историографии. Оно присуще, например, так называемой «школе бизнеса», особенно процветающей в США и ФРГ². Во французской историографии эта тенденция пока отмечалась сравнительно слабо. Как мы видим, ее развитие наблюдалось здесь первоначально при изучении истории не промышленности, а сельского хозяйства. Впрочем, на характере подобных работ это мало отражается.

Более четкая, нежели раньше, организация исследований проявляется и в наличии длинного ряда серий, объединяющих конкретные работы различных авторов на основе единого тематического или методического принципа. Из их числа серьезного внимания заслуживает серия «Что мне известно?» («Que sais-je?»). Ее книги выходили еще до второй мировой войны, но за последние 20 лет они нашли особенно широкое применение. Эта серия охватывает все отрасли знания. Книги выпускаются карманным форматом, по 128 страниц в каждой, независимо от темы. Сотни дешевых книжек, написанных крупными специалистами в научно-популярной форме, доступны любому читателю со средним образованием. Они весьма содействуют распространению новейших достижений науки. В качестве характерного примера для освещаемой области знания назовем работу профессора Высшей практической школы Альберта Доза «Сельская жизнь во Франции от начала до наших дней»³. Эта книга содержит массу фактов, изложенных доступным, живым языком и продуманно скомпонованных. Чтобы написать ее, автору пришлось обобщить разнообразные сведения из специальных исследований. Форма изложения — подчеркнуто объективистская; социально-политические оценки отсутствуют, сама манера подачи материала далека от марксизма. Отметим чрезвычайно интересные главы, редко встречающиеся вообще в исторических работах: об образе мышления и психологии крестьян; об отражении их жизни в литературе и живописи. Коллекция «История» внутри всей серии охватывает на конец 1964 г., по нашим подсчетам, 48 книжечек по общим проблемам, 26 — по истории Франции в целом, 27 — по истории отдельных французских про-

² См.: Ю. А. Поляков. Изучение истории социалистических предприятий в ГДР.— «Вопросы истории», 1964, № 10 (в работе приведены данные по ФРГ).

³ A. D a u z a t. La Vie rurale en France des origines à nos jours. Paris, 1950.

винций, 61 — по истории разных стран или военно-политических союзов и сообществ, 20 — по вспомогательным историческим дисциплинам. Кроме того, ряд близких по тематике книг входит в коллекции «Социология», «Религии и мифы», «Политические знания». Всего же до 1964 г. объединенное университетское издательство выпустило 1070 таких работ, играющих заметную роль в самоподготовке студентов⁴.

Характерное для нашего времени бурное развитие промежуточных дисциплин, находящихся на стыке двух или нескольких отраслей знания, не прошло мимо французской науки. В области истории оно сказалось в прогрессе вспомогательных исторических дисциплин. Особенно выделилась за последние годы историческая география, претендующая на самостоятельное существование как отдельная наука и подчеркивающая свою независимость от «традиционной истории», к каковой сторонники первой относят историю политическую. Возьмем, например, работу профессора *École Normale* Пьера Бозона «Сельская жизнь в Виварэ»⁵. Автор описывает физико-географические условия департамента Ардеш, его сельское хозяйство, внешний облик деревень и образ жизни населения. Всю вторую часть книги он посвящает истории Виварэ. Но это — однобокая история. Бозон сознательно избегает упоминания не только о повседневных событиях политической жизни, но даже о таких социально-политических явлениях, которые оставили глубокий след в развитии экономики. Так, о первой мировой войне мы находим лишь случайное упоминание (стр. 612), вторая мировая война вообще отсутствует и т. п. Зато чрезмерно выпячивается роль экономических факторов, вообще-то, как известно, имеющих решающее значение, но у автора занимающих некое самодовлеющее место и никак не связанных с действиями надстроечных явлений (правительственные программы, борьба партий, приобретение и утрата колоний, войны и т. д.). Известно, скажем, что темпы электрификации французской деревни сильно зависели от конкретной политики различных правительств. Бозон же берет цифровые данные за

⁴ У нас к ним приближается в какой-то степени серия «В помощь студенту-историку», выпускавшаяся издательством «Высшая школа»: В. В. Александров, Ю. Г. Лосев. Борьба народов Азии и Африки за ликвидацию французской колониальной системы. М., 1962; Р. И. Рубинштейн. Новейшие археологические открытия в Египте. М., 1962; Л. Е. Кертман. Борьба течений в английском рабочем и социалистическом движении в конце XIX — начале XX вв. М., 1962; А. П. Каждан. Происхождение христианства и его сущность. М., 1962; И. С. Свенцицкая. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963; Е. Е. Юровская. Первые империалистические войны. М., 1963, и др. Превосходя упомянутые французские работы в методологическом отношении, они, однако, весьма разнокалиберны по объему и стилю изложения, а их тематика подобрана случайно.

⁵ P. B o z o n. La Vie rurale en Vivarais. Valenge-sur-Rhône, 1961.

1920, 1946 и 1955 гг. и рассматривает по этим векам эволюцию электрификации вне связи с общей историей Франции, хотя выводы его из этого рассмотрения простираются, напротив, на всю историю страны (стр. 480—482). Существует немало буржуазных авторов, за деревьями политической истории не видящих леса социально-экономических явлений; здесь же налицо противоположная крайность.

Другая группа авторов того же направления стремится избежать подобных крайностей. В их работах мы найдем сочетание истории экономической и социально-политической «в определенных пропорциях». Тем не менее и эти книги не могут не вызвать чувства протеста. Специалист, работающий в области исторической географии деревни и доводящий свое исследование до наших дней, в условиях Франции более других связан с владельцами земель, угодий, скотобоев, мельниц и виноградных давлен. Он нередко получает от них необходимые ему сведения, и от него же зависит оценка деятельности этих владельцев в историческом плане. Бросается в глаза, что большинство таких исследователей дает хозяйству крупных деревенских собственников чрезмерно хвалебную, явно необъективную оценку.

Среди тех, кто подвержен подобным наклонностям в сравнительно меньшей степени, укажем на Люсьена Ситтлера, редактора «Ежегодника Кольмарского историко-литературного общества». Его книга «Виноградарство и вино Кольмара на протяжении столетий»⁶ — это плод тщательного труда. По данному району Эльзаса ранее имелись лишь работы Кс. Мосмана, Э. Вальднера, О. Шерлана и некоторых иных ученых, касавшихся только отдельных аспектов проблемы. Ситтлер написал обобщающее исследование, охватывающее разносторонний комплекс вопросов: природную специфику района, историю местного виноградарства с древнейших времен, роль виноторговли в жизни города, местные методы виноделия, историю производственных и купеческих корпораций. Специальные главы посвящены им 1804—1918 гг. и 1919—1955 гг., а в приложении помещены любопытные фольклорные и эпиграфические материалы. Содержание всей работы неумолимо приводит читателя к заключению, что существенную роль в развитии специфических отраслей сельского хозяйства играли здесь на протяжении столетий мелкие землевладельцы, крестьяне-виноделы. Между тем, Ситтлер, противореча сам себе, делает вывод об особом значении в истории Кольмара хозяйств крупных виноделов, хотя не только его собственные данные, но и многочисленные источники и конкретные исследования, на которые он опирался, а также общие труды авторов, принадлежащих к тому же или иным историографическим

⁶ L. Sittler. *La Viticulture et le vin de Colmar à travers les siècles*. Colmar, 1956.

направлениям, недвусмысленно гласят о противоположном⁷. Чем же это объясняется? Мы узнаём из предисловия к книге, что работу Ситтлера патронировали городской мэр Рей и богатый виноторговец Жюс. Не в этом ли коренится причина неожиданного конечного зигзага автора?

Что касается характерных черт упомянутой группы авторов в целом, то, насколько можно проследить по совокупности многих работ, им присуща тенденция использовать результаты историко-географических исследований для всяческого усложнения картины. Изучение локальных районов идет вширь и вглубь. Накапливаются тысячи мелких фактов. Нагромождаются различные детали. Историческое полотно предстает перед читателем в виде пестрой мозаики, каждая частица которой непохожа на другую. А затем следует авторский вывод о неприменимости в данном случае общих законов развития. Рассмотрев конкретно, как это делается, на примере книги доктора словесности Ж. Моро «Сельская жизнь в юго-восточной части Парижского бассейна»⁸. Используя все имеющиеся специальные работы и архивные материалы, автор загружает книгу бесчисленными цифрами, датами, ссылками, графиками, таблицами, справками и затем выдвигает против положений, общепринятых для Франции в целом, бездну не совпадающих с ними фактов. Однако читателю остается неизвестным, не имеется ли еще большего числа частных фактов, совпадающих с инорайонными? Другой прием: изучаемая область между долинами Армансона и Луары сопоставляется Моро лишь с соседними, действительно отличающимися от нее; но вопрос о том, нельзя ли найти сходство в истории этой области и более отдаленных, им даже не ставится. А между тем автор заключает, что можно говорить о совершенно необычных особенностях истории экономики данной области и что внутри нее, в свою очередь, существуют резко контрастирующие между собой и почти ни с чем не совпадающие локальные комплексы (стр. 313, 318—319, 322).

Насколько «надежен» подобный метод исследования, поясним простым житейским примером. Предположим, что среди лиц, живущих в одном подъезде, какой-то человек оказался блондином, второй — шатеном, третий — брюнетом, четвертый — рыжим, а пятый — лысым. Вытекает ли отсюда, что проблема наличия и цвета волос у жителей всего города не поддается обобщению? Ответ будет носить принципиальный характер, ибо вышеупомя-

⁷ См., например: Ch.-E. Perrin. Essai sur la fortune immobilière de l'abbaye alsacienne de Marmoutier aux Xe et XIe siècles. Strasbourg, 1935; A. Gibert. La Porte de Bourgogne et d'Alsace. 1930; Ch. Hoffmann. L'Alsace au XVIIIe siècle, vol. 1—2, 1906; «Paysans d'Alsace». Strasbourg, 1959.

⁸ J.-P. Moreau. La Vie rurale dans le Sud-Est du bassin Parisien entre les vallées de l'Armançon et de la Loire. Dijon, 1958.

нутые сторонники превращения исторической географии в особую науку, непоколебимо главенствующую на стыке смежных дисциплин, используют как раз такие методы для доказательства, что исторической географии, обладающей в их глазах особо тонким исследовательским скальпелем, давно пора перестать быть «служанкой истории» и что именно ей надлежит занять место, ранее безраздельно принадлежавшее «традиционной исторической науке», теперь отмирающей.

До второй мировой войны во французской историографии можно было с достаточной ясностью определить, какие социальные силы стоят за теми или иными значительными направлениями и каково их политическое лицо. Естественно, что почти в равной степени это относится к их последователям, пишущим и ныне. Но в какой мере это характерно для представителей новых направлений, находящихся еще в стадии становления? Нам кажется, что с тем или иным приближением возможно и здесь определить общественную подоплеку основных концепций и, упрощая картину, говорить о тенденциях крупнобуржуазных (частично проголлистских), среднебуржуазных (либерально-радикальных) и мелкобуржуазных (ограниченно-социалистских).

Ряд авторов, тесно связанных с монополиями и банками, стремится оценить историю страны с точки зрения интересов западноевропейского «Общего рынка». В этом духе написана, скажем, книга финансового директора Европейского объединения угля и стали, профессора Института политических исследований Поля Делуврье и президента правления различных лионско-мадагаскарских фирм, профессора того же института Роже Натана «Экономическая политика Франции»⁹. Натан, рассматривая историю французского хозяйства в XIX — первой половине XX в., приходит к выводу, что успеха Франция добивалась лишь тогда, когда она объединяла свои экономические усилия с усилиями других западноевропейских стран, и что вся ее экономическая история с наполеоновских времен есть по сути дела предыстория «Общего рынка» (тетр. I, стр. 264). Свою концепцию он подкрепляет конкретными расчетами в том же духе. Например, сопоставляя доходы страны от зарубежных операций за разные годы, он приводит следующие цифры. В 1930 г. экспорт дал казне 36 млрд. франков. Сверх того было получено еще 25 млрд. франков (7 млрд.— по репарациям с Германии, 4,6 млрд.— по процентам с вывезенных капиталов, 10 млрд.— от иностранных туристов, 3,9 млрд.— за фрахтовку грузов). Отбросив репарационные, как временный доход, получим 18 млрд. франков, или 50% от экспортных сумм (стр. 53). А в 1951 г. экспорт принес 2,5 млрд. долл.; кроме того, туристы — 189 млн.,

⁹ «Politique économique de la France». Fasc. II (par R. Nathan), fasc. II—IV (par P. Delouvrier). Paris, 1958.

транзитные билеты — 122 млн., страхование зарубежных поездок и деловых операций — 15 млн., проценты с вывезенных капиталов — 78 млн., за различные услуги — 103 млн. Всего — около 500 млн., что составляет от общей суммы доходов с экспорта только 20%. Таким образом, роль экспорта в бюджете возросла в 2,5 раза (стр. 54). Примерно те же цифры фигурируют в последующие годы: в 1954 г. — соответственно 22%, в 1955 г. — 20%, в 1956 г. — 22%. Нужно учесть также, что значительная часть доходов уплывает за рубеж из-за поездок французских туристов. Так, если иностранцы принесли Франции в 1953 г. 124 млн. долл., то французы выплатили за границей 137 млн. (стр. 55). Этот дефицит в 13 млн. свидетельствует, что вышеуказанное соотношение должно быть еще более снижено и что позитивное сальдо все более смещается в сторону экспорта. Но в связи с утратой колоний и возрастанием экспорта в страны «Общего рынка», лишь связь с последним, согласно Натану, сможет гарантировать положительный баланс бюджета. Мы видим отсюда, что Натан, не приводя дополнительных сведений о прочих статьях бюджета, оперирует только теми цифрами, которые подтверждают его высказывания.

Так же действует и Делуврье. Его общая точка зрения примерно совпадает с вышеприведенной. Он стремится показать, что развитие французской экономики, особенно в новейшее время, практически всегда зависело в *решающей степени* от хода международных событий: кризиса 1929—1933 гг., второй мировой войны, осуществленного в 1950—1952 гг. странами НАТО перевооружения и т. д.; что чем скорее национальные хозяйства стран «Общего рынка» превратятся в нечто единое, тем лучше будет для Франции; что экономическая самоизоляция приведет к неизбежному краху; что направлять такую объединительную политику должно государство (тетр. 4, стр. 428, 434). Иными словами, речь идет о политике «капиталистической интеграции». Необходимость ее Делуврье аргументирует, сопоставляя Францию 30-х годов и современную. Для периода 1929—1939 гг. была характерна стагнация: если взять показатели 1913 г. за 100, то индексы в сфере сельскохозяйственного производства будут таковы:

1929 г.— 108;	1934 г.— 110;
1930 г.— 96;	1935 г.— 104;
1931 г.— 105;	1936 г.— 98;
1932 г.— 110;	1937 г.— 100;
1933 г.— 104;	1938 г.— 110.

Это топтание на месте объяснялось тем, что в 1929—1932 гг. Франция в основном защищалась от мирового экономического кризиса, затем до 1936 г. пыталась избавиться от кризисных яв-

лений внутри страны, потом до 1939 г. медленно выздоравливала. К тому же в то время правительства не имели и не проводили какой-либо здоровой и единой экономической политики (тетр. II, стр. 16, 36, 38, 48, 59). Напротив, в 1950—1957 гг. наблюдается, согласно Делуврье, решительный подъем. По сравнению с 1929 г. промышленное производство, капиталовложения и национальный доход возросли в среднем на 50%, сбыт промышленных изделий для нужд населения — на 55%, производительность труда — на 30% (тетр. IV, стр. 296). Автор объясняет эти успехи созданием «Общего рынка». Однако играли ведь роль и иные факторы. Ведущий среди них — обновление основного капитала после второй мировой войны. Именно это дало главный прирост в производительности труда, что повлекло за собой сдвиг и во всем остальном. Стоило бы Делуврье привести соответствующие данные, как все стало бы на свое место. Правда, тогда пошатнулась бы и его теоретическая конструкция.

Та часть этой группы авторов, которая в основу своей концепции кладет события не внешней истории, а внутренней, проявляет меньше склонностей воспевать монополистические объединения и политику межгосударственной капиталистической интеграции и усматривает причину стабильного положения и возможного процветания экономики Франции в наличии прежде всего сильной верховной власти. От оценок и выводов у этих авторов неприкрыто веет подобными симпатиями. Поскольку внутренняя экономическая политика современной Франции, страдающая многими изъянами даже с точки зрения крупного буржуа, за истекшие годы отчасти «оправдала» себя лишь в финансовой области, именно эта сфера используется такими авторами наиболее охотно для теоретических спекуляций.

Характерной можно считать работу главного редактора еженедельника «*La Vie française*», члена Академии истории Рене Седийо «От франка Бонапарта до франка де Голля»¹⁰. Здесь применяется прием сопоставления экономических показателей времен Третьей республики и нынешних. Так, в главе «1926—1939 годы; от франка Пуанкаре к франку Рейно» Седийо протягивает следующую нить рассуждений. С 1928 по 1932 г. «франк Пуанкаре находился на вершине славы» (стр. 73). Его золотое обеспечение возросло с 40 до 80%. В Национальном банке было накоплено валюты на 83 млрд. франков, в том числе 36 млрд., обращенных в золото (стр. 74). Но с 1933 по 1936 г. Франция пережила «четыре года разочарований» (стр. 76). В 1936 г. в Национальном банке осталось валюты только на 50 млрд., причем запасы золота уменьшились с пяти тысяч тонн до трех (стр. 77). Виною тому — как внешние, так и внутренние причины. Однако если первые зависели от Франции лишь в

¹⁰ R. Sédillot. *Du franc Bonaparte au franc de Gaulle*. Paris, 1960.

малой степени или не зависели совсем, то вторые целиком были вызваны, на взгляд автора, отсутствием постоянной прочной власти (стр. 78). Далее Седийо развертывает аргументацию, чтобы доказать, что вообще «спасти франк — это значит спасти Францию» (стр. 85), а иным факторам благосостояния страны можно уделять и меньше внимания. Проследившая судьбы франка в годы второй мировой войны, Четвертой республики и при де Голле, Седийо увенчивает свое построение главой «Откровенные признания франка», в которой он всячески восхваляет финансовое положение Франции в начальный период Пятой республики (стр. 226—229) и уверяет читателей, что существующий ныне режим — гарантия будущего процветания страны.

Если постулаты вышеназванной группы авторов весьма недвусмысленны и в своей политической направленности обнажены до предела, однако в научном отношении ценностью почти не обладают, то концепции также исповедующих новые идеи, но более радикально настроенных буржуазных историков выглядят заметно интереснее. Сошлемся на крупную работу проф. Режины Перну, ранее известной своими многочисленными исследованиями в области медиевистики. Ее книга «История буржуазии во Франции»¹¹ посвящена этапам развития французской буржуазии как класса. Подчеркивая, что авторы «Манифеста Коммунистической партии» совершенно справедливо противопоставляли буржуа феодалам (т. 2, стр. 607), Перну ставит своей задачей рассмотреть сначала, как раскрывалось это противоречие между обоими классами в ходе исторического процесса, а затем показать апофеоз буржуазии. Перну подытожила в своем исследовании почти все, что накоплено по этой проблеме буржуазной наукой, обобщив результаты многочисленных работ за десятки лет и охватив эпоху с XI в. (первые шаги третьего сословия) до становления Третьей республики во Франции. Основные идеи автора таковы. Еще в средние века нарождающаяся буржуазия подрывала господство феодалов. В XVII столетии началось экономическое господство буржуазии. Затем развернулась ее борьба за господство политическое. Наиболее полное выражение эта борьба нашла во время революции конца XVIII в., а после революции 1830 г. государственная власть окончательно перешла к буржуазии, превратившейся в главного политического представителя нации (т. 1, стр. 443—445).

Сами по себе данные идеи не вызывают возражений. Дело, однако, заключается в том, как конкретно Перну излагает материал. Для нее характерно фактическое отождествление буржуа с третьим сословием. В XI—XII вв. появились первые коммуны, развивались товарно-денежные отношения. В XIII—

¹¹ R. Pernoud. Histoire de la bourgeoisie en France, t. 1: Des Origines aux temps modernes. Paris, 1960; t. 2: Les Temps modernes. Paris, 1962.

XIV вв. по городам прокатилась лавина волнений, легисты юридически укрепляли королевский трон, в борьбе с нежелавшими ступить феодалами поднял знамя восстания Этьен Марсель, французы шли к формированию нации. В схватке за власть столкнулись в XV в., взаимно истребляя друг друга, различные феодальные группировки, возникло национальное государство, развернул свою деятельность торговый капитализм (заметьте, что этот термин охотно использует ныне для экономической характеристики переходного периода между средневековьем и новым временем не только Перну, но и многие другие зарубежные историки), прогрессирует административное устройство монархического государства; буржуа постепенно прибирают к рукам землю и реформируют в XVI в. церковь... И неизменным действующим лицом всех этих событий является у Перну противостоящая феодалам буржуазия, и только она. А где же низы третьего сословия? Где нарождающийся пролетариат? Его в книге нет. Что особенно примечательно, рабочий класс отсутствует как персонаж даже во втором ее томе. А между тем второй том охватывает XVII—XIV вв. Это поразительное смещение социальных пропорций объясняется тем, что Перну истолковывает историю буржуазии весьма односторонне. Класс буржуа у нее покрывает собой все, что несет в себе отрицание феодального общества. Но история ведь не кончается сменой феодализма капитализмом. Еще в недрах феодального строя третье сословие начинает расслаиваться, а после революции 1789—1794 гг. рабочий класс в полной мере становится социальной антитезой буржуазии. Когда же буржуазия безраздельно взяла власть в свои руки, баррикадные бои 1831, 1832, 1834 и 1848 гг. наглядно отразили наступление принципиально новой эпохи классовых битв. Однако Перну до этого нет дела. Оценивая судьбы класса феодалов, она подошла к историческому процессу достаточно диалектически, но как только речь пошла о судьбах класса буржуа, диалектика сразу уступила место закостенелости — своеобразной попытке законсервировать трактовку событий на «предпролетарской стадии», излагая в то же время ход событий уже в тот период, когда рабочий класс открыто вышел на историческую арену. В свое время О. Тьерри, раскрывая поступь в веках третьего сословия, никак не мог вычленил из него консолидировавшиеся в рамках третьего сословия классы нового, буржуазного общества. Перну — это как бы «Тьерри наизнанку», у которой сквозь очертания буржуазии, вытеснившей собою все третье сословие, никак не проступают контуры иных классов и социальных слоев. Иными словами, смысл новой истории заключается для Перну только в том, что в это время уходит в прошлое феодализм и утверждается капитализм. Формирование же в этот период пролетариата; зарождение сил, которые в дальнейшем сметут буржуазию; вызревание социальных антагонизмов внут-

ри капиталистического общества; произрастание корней новейшей эпохи в истории человечества — все это осталось вне поля зрения. Режина Перну вся обращена в прошлое, и у нее, как у ученого нет сил повернуться к настоящему и будущему и взглянуть в глаза неумолимому ходу истории.

Более смело действуют авторы, кредо которых по своей сути мелкобуржуазно и общая позиция лежит несколько левее, нежели у Перну. В равной степени не приемля идеи о неизбежном закате буржуазного общества, они, однако, не закрывают глаза на направленность движения исторического процесса, но пытаются «преодолеть» марксистское истолкование этой направленности, умалчивая о закономерности смены социально-экономических формаций. Как известно, подобные попытки как массовое явление характерны в основном для представителей довольно давно сложившихся историографических школ: для «технократов», стремящихся подменить смену формаций голой сменой форм орудий труда или методов их использования; для школы «теории неодинаковости», усматривающей движущую силу истории в борьбе группировок, состоящих из людей, которые самоподобрались в них по принципу сходности интересов и по-разному приспособляются к жизни в различные технические эпохи, создавая всевозможные общественные коллективы; для школы «баланса сил», выдвигающей в качестве «ведущего феномена» исторического развития меняющееся соотношение сил мировых держав. Ярким показателем реакционности устремлений всех этих авторов служит хотя бы то, что они не находят в будущем никакого места для коммунистического общества. Несколько иначе подходит к делу та позднее возникшая группа историков, о которой мы здесь говорим.

Ее наиболее видным представителем являлся, на наш взгляд, видный сотрудник Академии земледелия проф. Мишель Оже-Ларибе. Этот крупный знаток истории крестьянства интересен прежде всего эволюцией, которую претерпели его взгляды на протяжении десятилетий. Как исследователь, Оже сложился еще до первой мировой войны. Заимствовав упоминавшуюся выше идею «господствующего феномена», он модифицировал ее, преломив через призму собственной концепции. Для последней характерно, в отличие от концепций иных «феноменалистов», признание в проявлении социалистического общества исторической закономерности. Мало того, Оже уверен, что за этим обществом (понимаемым им по-своему) будущее, что и Запад не преминет вступить на тот же путь развития. В то же время Оже отвергает мысль о всеобщем движении к коммунизму, неумолимо вытекающую из понятия закономерной смены формаций, и описывает будущее человечества как общество, по своим признакам мелкобуржуазное, а по принятой в нем системе организации «ассоциированное». Менее упорядоченной получается у

Оже картина, когда он пишет о городе; более стройна его конструкция применительно к описанию деревни, будущее которой он видит в некоей ассоциации мелких собственников. Подобную картину он разворачивает, например, в книге «Сельскохозяйственная революция»¹². Эта сельскохозяйственная революция как раз и служит у него феноменом, с помощью которого Оже пытается избежать признания марксистской закономерности смены формаций. Идея сельскохозяйственной революции является как бы стержнем, на который им насажены все исторические эпохи. Как развивалась, например, деревня со времен средних веков? От феодально зависимой к буржуазной и далее к социалистической? Нет, Оже дает иную периодизацию процесса. Сначала была эпоха «традиционного земледелия», свойственного человечеству на протяжении многих столетий. Во Франции она тянулась примерно до начала XIX в. (стр. 6). Затем движение вперед резко ускорилось, и между 1815 г. и 1871 г. страна пережила эпоху «методического земледелия», когда в сельское хозяйство стали внедряться первые достижения науки. Наконец, наступила эпоха механизированного земледелия, сильно зависящего не только от национального рынка, но и от мирового хозяйства, причем на этом этапе начинается организация различных крестьянских ассоциаций как ячеек деревни будущего.

Указанные этапы, вместе взятые, как раз и составляют понятие сельскохозяйственной революции. В принципе для французской историографии оно не ново. Еще в начале XX в. Анри Сэ¹³ применял его к изучению истории Англии, где он находил, и не без оснований, такую революцию в период «огораживаний», действительно приведших английское общество от феодализма к капитализму. Позднее тем же понятием оперировал Марк Блок¹⁴, распространявший его вообще на всемирно-исторический переход от средневековых форм жизни и методов эксплуатации сельских средств производства к современному. Но Оже трактует сельскохозяйственную революцию по-своему, наделяя ее следующими чертами: 1) охватывая весьма длительную эпоху, она является революцией лишь в рамках всего исторического процесса, а по своей внутренней структуре — это эволюция (стр. 2); 2) она гораздо слабее подвержена влиянию мирового хозяйства и менее связана с ним, нежели промышленная революция (стр. 4); 3) она не столь всеохватывающа, как промышленный переворот, для страны в целом и заметно разнится по

¹² M. Augé-Laribé. La Révolution agricole. Paris, 1955.

¹³ См.: H. Sée. Les Classes rurales et le régime domanial en France au moyen âge. Paris, 1901; idem. Esquisse sur l'histoire économique et sociale de la France. Paris, 1929.

¹⁴ См.: M. Bloch. Les Caractères originaux de l'histoire rurale française. Paris — Oslo, 1931 (русск. пер.: «Характерные черты французской аграрной истории». М., 1957).

темпам своего развития применительно к различным районам (стр. 8). Так, если для Парижского бассейна ее можно датировать 1760 г., то для прочих областей Франции — только первой половиной XIX в. (стр. 7). Мы видим, что за основу анализа исторического развития здесь взято явление, которое должно как бы отодвинуть собой в сторону такой фактор, как последовательный приход феодализма, капитализма и социализма, подменив его иной схемой общественного прогресса.

Любопытно, однако, что сельскохозяйственная революция неизбежно приведет деревню, согласно Оже, к «ассоциированным формам земледелия», некоторыми своими сторонами схожим с социалистическими кооперативами, хотя и заметно отличающимся от них. Вообще Оже не проходит мимо опыта социалистических стран по переустройству буржуазной деревни, а стремится изучить его и как-то использовать при проектировании своих ассоциаций. Правда, он не сумел глубоко познать этот опыт и довольствовался чтением лишь некоторых поверхностных или ошибочных работ по проблеме, изданных на французском языке. Так, касаясь этапов сельскохозяйственной революции в СССР, он попросту пересказывает (стр. 252—257) содержание книги небезызвестного буржуазного экономиста С. Н. Прокоповича¹⁵. В то же время Оже наглядно показывает, как идея и опыт социалистического переустройства сельского хозяйства в СССР реально повливали на буржуазную деревню в странах Запада (стр. 380). Справедливость требует отметить, что советскими учеными эта сторона дела, давно уже ставшая историческим фактом, почему-то обходится, и она почти не нашла у нас отражения даже в специальных работах.

В целом эволюция концепции Оже довольно поучительна. Будучи одним из эпигонов прудонизма, Оже оказался разьедаем теми же противоречиями, что и его кумир: с одной стороны, неистребимая ненависть к порабощающей человека частной собственности; с другой, преклонение перед этой же собственностью, если она была плодом труда «мелких товаропроизводителей», столь восхищавших в свое время Прудона. Еще в первой своей крупной работе, опубликованной в 1902 г.¹⁶, Оже пытался книжными заклинаниями спасти мелкую крестьянскую собственность от поглощения ее крупной. Совместим ли социализм в эру машин с приемлемым для жителей деревни разрешением крестьянского вопроса — вот главная тема его следующей большой работы «Аграрная проблема социализма»¹⁷. Оже очень хотелось, чтобы вывод К. Маркса о расслоении и пролетаризации крестьянства оказался неверным, и он находит у себя на

¹⁵ S. Prokopowicz. Histoire économique de l'URSS. Paris, 1952.

¹⁶ M. Augé-Laribé. Grande ou petite propriété? Montpellier, 1902.

¹⁷ M. Augé-Laribé. Le Problème agraire du socialisme. Paris, 1907.

родине, в департаменте Эро, винодельческие кооперативы, в которых усматривает прототип прудоновских ассоциаций¹⁸. Под этим же углом зрения рассматривает он историю крестьянства и в более общих работах — «Эволюция земледельческой Франции» и (в соавторстве) «Прудон и наше время»¹⁹.

Первая мировая война многому научила Оже. К началу 20-х годов расширилось кооперативное движение в деревне, но в еще большей степени выросли пауперизация крестьян и концентрация участков в руках крупных землевладельцев. Эти явления он с тревогой фиксирует в своих книгах «Французский крестьянин после войны» и «Сельское хозяйство во время войны»²⁰. В отчаянии Оже обращается к программе социалистической партии, но не находит там ответа на мучившие его вопросы. Французские социалисты, действительно, не были в состоянии предложить крестьянину-бедняку ничего реального. Оже мог бы опереться на аграрную программу коммунистов, но последняя оказалась чуждой ему по духу. Не поняв ее сути, Оже усмотрел в коммунистах лишь «более радикальных» социал-демократов, которым в принципе судьбы крестьян глубоко безразличны. Он по-прежнему верил, что именно прудоновский мютюализм, движение взаимопомощи объединенных в ассоциации небогатых землевладельцев спасет их от гибели, и предпринял еще одну попытку теоретически обосновать организацию мелкобуржуазных кооперативов²¹. Однако жизнь развеяла все его иллюзии. Подводя уже в 1945 г. итоги развития французской деревни накануне второй мировой войны, Оже констатировал продолжающуюся деградацию крестьянской собственности²². Между тем на путь социалистической коллективизации сельского хозяйства стали переходить после СССР и иные страны мира. И Оже частично пересмотрел свои взгляды. Правда, он так и не расстался до конца жизни (он скончался в 1954 г.) с идеей ассоциаций, но, по-прежнему ратуя за широкую сеть кооперативов в деревне «старого типа», он осмелился признать многие достоинства колхозных артелей и рекомендовал использовать их достижения.

Далеко не все представители данной группы авторов решились и на столь ограниченный шаг или на возведение конструкций, в которых нашлось какое-то место хотя бы для псевдосо-

¹⁸ M. Augé-Laribé. Les Coopératives paysannes et socialistes de Maussan (Hérault). Paris, 1907.

¹⁹ M. Augé-Laribé. L'Évolution de la France agricole. Paris, 1912; «Proudhon et notre temps». Paris, 1920.

²⁰ M. Augé-Laribé. Le Paysan français après la guerre. Paris, 1923 (русск. пер.: М.—Л., 1925); idem. L'Agriculture pendant la guerre. Paris, 1925.

²¹ M. Augé-Laribé. Syndicats et coopératives agricoles. Paris, 1926.

²² M. Augé-Laribé. Situation de l'agriculture française 1930—1939. Paris, 1945.

циалистических общественных ячеек. Например, историк-аграрник Жозеф Гаравель, также являющийся ревностным сторонником сельских ассоциаций, занимает гораздо более консервативную позицию. В таких ассоциациях он усматривает средство не для продвижения вперед, а, напротив, для возврата к старой деревне XIX в. В своей книге «Крестьяне Моретты»²³ он на примере одной общины в департаменте Изер наглядно показывает, как развитие промышленности разлагает парцеллярное хозяйство даже в самых глухих уголках страны. Но то, в чем Оже усматривал бы и частичный прогресс, для Гаравеля есть ничем не смягчаемый регресс. Он с ужасом отмечает постепенное исчезновение за последние сто лет все большего числа мелких собственников. В то же время он понимает, что противиться технической революции бессмысленно и нужно как-то к ней приспособливаться. И вот спасение старой деревни Гаравель видит именно в буржуазных кооперативах, надеясь, что они станут панацеей от бед капитализма и позволят сохранить Францию мелкокрестьянской страной (стр. 103). Таким образом, то, что для Оже было путем к организации нового, у Гаравеля является средством консервации изживающих себя форм жизни.

Еще одним интересным свидетельством сильного влияния передовых идей современности на буржуазную историографию может служить концепция, выдвигаемая профессором Высшего практического училища, комиссаром министерства финансов Жаном Фурастье. Эта концепция сложилась в результате разработки ее Фурастье на протяжении двадцати лет в серии последовательно выходивших монографий. В Фурастье сочетаются как бы два человека. Один из них — толковый экономист-практик, хорошо разбирающийся в вопросах повседневной жизни, и строгий бухгалтер, критически и притом добросовестно относящийся к анализируемым материалам по истории хозяйства. В объективности приводимых им цифр можно не сомневаться. Именно эта черта Фурастье снискала ему признание во всех научных кругах. Недаром историки-коммунисты столь часто цитируют его работы. Другое лицо Фурастье — это лицо георетика, мелкобуржуазного утописта, полагающего, что можно успешно сочетать существующие порядки с ликвидирующим их пороки эффективным научным планированием, постепенно приводящим к созданию «общества всеобщего благоденствия», муниципальной революции.

Нам кажется возможным наметить в эволюции Фурастье как исследователя несколько этапов. Сначала у него созрела мысль о необходимости отказа от капиталистической системы в ее существующем виде. Конкретное изучение истории разных

²³ J. Garavel. Les Paysans de Morette. Un siècle de vie rurale dans une commune du Dauphiné. Paris, 1948.

отраслей экономики убедило Фурастье, сколь несправедлив и порочен буржуазный строй. Но ему осталось чуждым представление о революционном ниспровержении капиталистического строя. Фурастье пока еще не мог порвать пуповину, связывающую его с обществом, где он вырос. И все его усилия сводились лишь к тому, чтобы нащупать путь излечения социальных язв, постепенно реконструируя буржуазное общественное здание. Необходимое лекарство он усмотрел в организации «правильной» системы ведения хозяйства. Но как создать такую систему? Фурастье пришел к выводу о решающем значении накопления и применения научных знаний. Независимо от революционных преобразований наука дает возможность ускорить технический прогресс и повысить производительность труда, а это приведет к гигантскому скачку в общественном развитии; в результате сформируется новый мир, представляющий собой ассоциацию трудящихся, свободную от эксплуатации человека человеком, причем для нее будет характерен очень высокий уровень жизни, основанный на планируемой и регулируемой экономике.

Не следует думать, что у Фурастье один элемент его концепции логически вытекал из другого и немедленно наслаивался на него, вследствие чего упомянутые этапы непосредственно следовали один за другим. На деле данные элементы нередко перекрещивались, зарождаась и получая отражение в его работах в годы, не вполне соответствующие становлению каждого этапа в целом. При этом в оформлении всей концепции участвовали три самостоятельно развивавшиеся струи. Одна вобрала в себя соображения и аргументы, касавшиеся необходимости организованного планирования экономики; вторая — относительно применения достижений науки; последняя — о роли различных факторов в переустройстве хозяйства и общества на новый лад. Рассмотрим эволюцию всей концепции от книги к книге.

В первой крупной послевоенной работе «Основы экономического могущества»²⁴ Фурастье, который к тому времени начал испытывать на себе заметное влияние марксизма, попытался пересмотреть итоги развития французской экономики за период между двумя мировыми войнами. В противовес стандартному славословию буржуазных авторов в честь «свободного капиталистического предпринимательства», он наглядно показал, что эта система давно изжила себя и является для истории пройденным этапом и что индексы промышленного производства во Франции, если взять 1913 г. за 100, ежегодно с 1924 по 1939 г.

²⁴ Она составляет первую часть книги, написанной Фурастье совместно с Анри Монте (J. Fourastié, H. Montet. *L'Economie française dans le monde*. Paris, 1945).

колебались в пределах от 92 до 139, а в среднем было 110, причем перед второй мировой войной показатель равнялся 97 (стр. 132—133); что успехи имели место лишь в производстве средств потребления, а в производстве средств производства наблюдался не только застой, но порой и упадок (стр. 68—70); что если Франция вообще хочет остаться великой державой, то ей жизненно необходимы реформы, чтобы ликвидировать стихийное предпринимательство и организовать управляемую экономику.

Не менее радикальной была декларация Фурастье о дальнейшем пути развития исторической науки. Ссылаясь на прогресс техники, общества и общественной мысли, в частности на достижения марксизма, он предсказывал в ближайшее время «революцию в историческом знании» (стр. 134). Правда, Фурастье изрядно запоздал со своим открытием, поскольку подобная революция давно уже свершилась. Однако для характеристики его личной эволюции это заявление можно считать весьма показательным.

Горький опыт французской действительности заставил Фурастье предпринять новые шаги в том же направлении. Проанализировав в своей книге «Страхование с экономической и социальной точки зрения»²⁵ систему страхования во Франции. Фурастье пришел к выводу, что она не соответствует интересам трудящихся, что действительной она может стать только в обществе с управляемым, а не стихийно развивающимся хозяйством (стр. 90) и что необходима ее национализация (стр. 131—132). Кто же будет осуществлять национализацию и другие реформы? Народ, взявший власть в свои руки? Или буржуазное правительство? Для Фурастье этот вопрос даже не встает. Читая К. Маркса, он не воспринял главного в марксизме — учения о социалистической революции и диктатуре эксплуатировавшегося ранее класса. И когда он писал в 1947 г. свою работу «Цивилизация 1960 года», он полагал, что через тринадцать лет человечество настолько поумнеет и станет настолько образованнее, что этого окажется достаточно для перехода к жизни всего общества на научной основе и решительного отказа от былых заблуждений. В 1950 г., когда вышло в свет второе издание этой книги, Фурастье еще сохранял свои иллюзии. Они развеялись частично лишь к 1957 г., когда он выпускал третье издание и ему стало ясно, что трех лет явно не хватит для претворения в жизнь его плана. Поэтому он отодвинул его осуществление до 1975 г., переименовав соответственно название книги, но нимало не изменив своей аргументации, все еще надеясь, что к указанному сроку, в результате простого распространения и применения научных

²⁵ J. Fourastié. Les Assurances au point de vue économique et sociale. Paris, 1946.

знаний, наступит всеобщее благоденствие, а человек станет властелином природы²⁶. В свое время Ф. Энгельс писал о великих утопистах: «Подобно просветителям, они хотят [сразу же] освободить все человечество, а не какой-либо определенный общественный класс [в первую очередь]. Как и те, они хотят установить царство разума и вечной справедливости... Истинный разум и истинная справедливость до сих пор не господствовали в мире только потому, что они не были еще правильно познаны...»²⁷. Эти слова целиком приложимы к Фурастье, с тою лишь разницей, что последний как утопист является не более чем бледной копией своих великих предшественников и что в нашу эпоху подобные прожекты выглядят еще наивнее.

Фурастье не всегда столь наивен. На окружающую его действительность он взирает гораздо более трезво. Так, со страниц его книги «Счетоводство» на нас смотрит расчетливый экономист²⁸, обучающий предпринимателя, как безошибочно вести учет хозяйственной деятельности предприятия, перешедшего на систему заранее запланированного выпуска продукции. Неплохим аналитиком является Фурастье и в исторических исследованиях. Об этом свидетельствует, в частности, созданная им вместе с Франсуазой Фурастье «История комфорта»²⁹. Описав, как с древнейших времен до наших дней влияли на изменение быта развитие архитектуры и строительного дела, распространение машин и появление новых видов мебели, посуды и убранства, авторы приходят к детально обоснованному ими выводу, что намечающееся за последние десятилетия все большее высвобождение женского труда от бремени домашних обязанностей есть один из показателей прогресса человечества (стр. 127).

Но те же исторические исследования, предпринятые Фурастье, обнаруживают и его слабые места. Именно они позволяют увидеть, в чем заключается причина непонимания им самой сути марксистской концепции исторического процесса. Подобно Оже-Ларибе, Фурастье — феноменалист. Исторический процесс есть для него не смена социально-экономических формаций, а исключительно путь человечества от нищеты и убожества к высокому уровню жизни, достигаемому развитием техники и ростом производительности труда. Марксизм-ленинизм также усматривает в повышении производительности труда и прогрессе техники решающее условие построения нового общества, но это условие является конкретным средством достижения цели, а не какой-то самоцелью, сливающейся с направленностью хода ис-

²⁶ J. Fourastié. La Civilisation de 1975. Paris, 1957, pp. 114—116.

²⁷ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1948, стр. 18—19.

²⁸ Мы пользовались восьмым ее изданием: J. Fourastié. La Comptabilité. Paris, 1959.

²⁹ J. Fourastié, F. Fourastié. Histoire du confort. Paris, 1950. Мы пользовались вторым изданием (1962 г.).

тории. Фурастье же выпячивает указанный феномен как внутренний смысл исторического развития. Таковы его рассуждения, например, в книге «Великий дух XX столетия»³⁰ (стр. 217—218). Было бы несправедливым утверждать, что вся эта книга представляет собой собрание неверных мыслей. Там можно найти немало правильных наблюдений, характеризующих историю XX в. В частности, Фурастье понимает роль лагеря социализма как определяющего фактора нашей эпохи и значение борьбы двух систем во главе с СССР и США для решения дальнейшей судьбы человечества. Но и здесь реальная историческая действительность все время уступает у него место оценкам того, насколько быстро и успешно люди движутся к конечному результату — человек как властелин природы. Что касается социально-экономической и политической истории, то вся она есть для него лишь груда событий разного масштаба, случающихся на дороге к предопределенному результату (стр. 218—219). Правда, этот фатализм Фурастье не пессимистичен, а оптимистичен, ибо автор верит в торжество идеи справедливости. Но от ее чисто внешней предопределенности, никак не связанной с реальной борьбой живых людей, трудящихся масс, за власть и господствующие рычаги общественного воздействия, отдает у него теологическим детерминизмом в квазикальвинистском духе, с тем только отличием, что на место бога поставлен самодовлеющий материальный феномен.

Сходную оценку технического прогресса и роли производительности труда мы найдем в книге Фурастье «Производительность»³¹ (стр. 7, 10, 102, 113), также какой-то одной своей стороной вроде бы и близкой, как может показаться, к марксизму, но в целом далекой от него. Немалый интерес при этом представляют конкретные планы автора по осуществлению его идей. В довольно полном виде они были очерчены в работах «Экономическое предвидение и руководство предприятиями»³² и написанной совместно с Клодом Вимоном «Истории завтрашнего дня»³³. Первая книга предназначена для владельцев предприятий с целью помочь им верно оценивать экономическую ситуацию на короткий, средний и длительный сроки. В отсутствии планирования Фурастье справедливо видит причину господства стихии на капиталистическом рынке, вызывающей катастрофы типа кризиса 1929—1933 гг. (стр. 124), а в умении планировать

³⁰ J. Fourastié. Le Grand espoir du XXe siècle. Progrès technique. Progrès économique. Progrès social. Paris, 1949. Мы пользовались четвертым изданием (1958 г.).

³¹ J. Fourastié. La Productivité. Paris, 1952. Мы пользовались третьим изданием (1957 г.).

³² J. Fourastié. La Prévision économique et la direction des entreprises. Paris, 1955.

³³ J. Fourastié, C. Vimont. Histoire de demain. Paris, 1956.

развитие хозяйства — гарантию успехов французской нации в будущем (стр. 123). Эффективное планирование он считает возможным осуществить, не переходя к социалистическим методам руководства страной; для этого, по его мнению, достаточно: 1) собрать всю необходимую информацию о сложившейся ситуации и потребностях рынка на будущее; 2) не действуя наобум, рассчитать на этой основе норму и темпы производства; 3) следить за тем, чтобы спрос все время соответствовал предложению. Правда, Фурастье ничего не пишет о том, сумеет ли какой-либо административный орган обеспечить выполнение этого в масштабе всей страны, наивно уповая, по-видимому, опять-таки прежде всего на «сознательность» капиталистических собственников. Тем не менее он считает, что таким путем удастся сохранить за Францией место великой экономической державы и спасти ее от попадания в разряд зависимых или слаборазвитых стран (стр. 125).

Во второй из указанных книг Фурастье выходит за рамки национальных проектов и набрасывает план экономического сотрудничества государств с разными общественными системами и неодинаковым уровнем развития. Здесь опять-таки легко заметить сильное влияние передовых идей современности на автора. Обвиняя империализм и колониализм (стр. 122) в нищете одних и в чрезмерном изобилии других слоев населения, Фурастье выражает уверенность, что наступит переходный период, в течение которого будет ликвидирована неравномерность в уровне развития различных стран и удастся в то же время избежать новой мировой войны (стр. 123). Не возлагая особых надежд на силы лагеря социализма и трудящихся масс, Фурастье выступает с призывами в духе старого пацифизма. Более реалистичен он в первом, намечая следующие пять способов ликвидации слаборазвитых зон земного шара: единовременная помощь на случай стихийных бедствий; взаимовыгодные капиталовложения в развитие производительных сил; оказание технической помощи; помощь специалистами; международное разделение труда на основе долгосрочного планирования (стр. 124). Конечно, автор и здесь остается самим собой: его предложения о согласованном разделении труда между странами, оторванные от точной оценки взаимоотношений двух социальных систем, страдают рыхлостью и неконкретностью. Однако в желательности достижения курса внешней политики, рассчитанного на мирное сосуществование государств, сомневаться, конечно, не приходится.

Любопытны исходные факторы концепции Фурастье. Своеобразие ее состоит в том, что он признает важную роль экономики (и даже выдвигает ее на первый план) и моральных явлений, но отказывается придавать сколько-нибудь существенное значение реальной политике классов, партий и правящих

группировок. Обоснованию этой теории служат книги «Технический прогресс и экономическая эволюция»³⁴ и (написанная им совместно с Андре Лалефом) «Революция на Западе»³⁵. Под «революцией на Западе» авторы подразумевают то относительное улучшение материального уровня жизни, которое намечалось в 30-е годы в США, в 40-е — в Мексике, Англии, Швейцарии и Швеции, а в 50-е — в Западной Германии, Италии и Франции («Революция...», стр. 230). Касаясь причин данной «революции», они называют, с одной стороны, технический прогресс и рост производительности труда (там же, стр. 8—10, 24), с другой — идеологические факторы, в частности расширение научных познаний («Технический прогресс...», стр. 3—4; «Революция...», стр. 232) и благотворное влияние религии. Так, одной из предпосылок быстрого развития США авторы считают господство в них христианства как учения, содействующего техническому прогрессу («Революция...», стр. 229). Что касается форм политической организации общества, то они в данном случае игнорируются. Это пренебрежение к роли государства в научно-технической эволюции могло бы показаться результатом разочарованности Фурастье исключительно в соответствующих действиях «западных демократий» (что, несомненно, имеет место), если бы не носящая общий характер оговорка, что любая политическая система в принципе не может эффективно способствовать таковой эволюции (там же, стр. 19): заявление, свидетельствующее как о слабых познаниях Фурастье в сфере истории социалистических стран, так и о несомненной узости его взглядов.

Новый поворот намечился у Фурастье в самом конце 50-х годов. Проведенное под его руководством коллективное исследование «Продажная цена и себестоимость»³⁶ убедило Фурастье, что теоретически вполне возможно организованно регулировать цены, используя как рычаг административные органы, и что история на протяжении многих веков не раз являла тому примеры. По-видимому, это заставило его взглянуть на государственный аппарат иными глазами, ибо уже через несколько лет он вместе с Жан-Полем Куртеу вырабатывает в книге «Экономическое планирование во Франции» методы воздействия государства на «непослушных» частных собственников³⁷. Отмечая обусловленные корыстными интересами последних неудачи подобного пла-

³⁴ J. Fourastié. Le Progrès technique et l'évolution économique. Paris, 1958.

³⁵ J. Fourastié, A. Laleuf. Révolution à l'Ouest. Paris, 1957.

³⁶ J. Fourastié e. a. Prix de vente et prix de revient. Recherches sur l'évolution des prix en période de progrès technique. Paris, 1959.

³⁷ J. Fourastié, J.-P. Courthéoux. La Planification économique en France. Paris, 1963.

нирования во Франции после 1945 г. (стр. 13), Фурастье требует обеспечить возможность экономического предвидения (стр. 65—69), определения в национальном масштабе норм производительности труда (стр. 71), цен на товары (стр. 77—79) и разумного распределения в обществе различных профессий (стр. 81). В отличие от того, что он писал раньше, теперь Фурастье хочет, чтобы государственные комиссии создавали хозяйственный план и руководили его выполнением (стр. 95—98) и чтобы, помимо частновладельческих предприятий, функционировал более широко и общественный сектор (стр. 107). Непокорных собственников Фурастье рекомендует сначала убеждать, а затем, если это не поможет, воздействовать на них экономически (стр. 114).

По-иному мыслится им теперь и социальная организация нового мира. В работе «Великая метаморфоза XX столетия»³⁸ он намечает радужные перспективы: увеличение средней продолжительности жизни до 80 лет (стр. 9); исчезновение войн и былой борьбы за «жизненное пространство» (стр. 19); переход к экономике, целиком находящейся на службе у человека (стр. 27). Для всего этого необходимо добиться, чтобы уже в 1975 г. любое предприятие служило не какому-то одному собственнику или политической иерархии, а трудящимся (стр. 35). Пусть на земле восторжествует социализм. Правда, самый социализм Фурастье толкует весьма превратно. Подчеркивая «многозначность» этого понятия, он пишет, что не знает, какому варианту отдать предпочтение: советскому, лейбористскому, югославскому, израильскому, шведскому или еще какому-либо (стр. 38). Столь же далек остался Фурастье от марксистской теории революции эксплуатируемых масс: по-прежнему он уповает на «экспериментальную научность» как на главный метод построения нового общества (стр. 62). И все-таки постепенный сдвиг Фурастье влево несомненен. Если прежде он вообще отказывался от применения идеи развития человечества по формациям, то теперь он сам провозглашает эту идею, хотя толкует ее по-своему, намечая (в книге «Машинизация и благосостояние. Уровень жизни и образ жизни во Франции с 1700 года до наших дней»³⁹) следующие три главные эпохи в истории человечества: первичная цивилизация (время сильной зависимости дикаря от природы), вторичная цивилизация (с древнейших времен до XX в.) и третичная цивилизация, которая наступит, когда человек будет полностью господствовать над природой (стр. 242). Фурастье остался мелкобуржуазным утопистом. Но его сегодняшний утопизм далеко уже не тот, каким он был в 1945 г.

³⁸ J. Fourastié. La Grande métamorphose du XXe siècle. Essais sur quelques problèmes de l'humanité d'aujourd'hui. Paris, 1961.

³⁹ J. Fourastié. Machinisme et bien-être. Niveau de vie et genre de vie en France de 1700 à nos jours. Paris, 1962.

Мы рассмотрели те направления в современной французской буржуазной историографии социально-экономической проблематики, которые, претендуя на новое слово в науке, оказались нам в то же время наиболее значительными. Если бы мы попытались дать им общую оценку, то последняя в несколько упрощенном виде свелась бы к признанию факта, что в целом эти направления подвержены воздействию извне по двум линиям. Одна связана со стремлением анализировать историю прошлого в неразрывном единстве с соображениями о будущем человечества, стремлением, которое никогда ранее не было во французской историографии столь ощутимым. Эта тенденция побуждает ее приверженцев сопоставлять историю Франции с историей СССР и других социалистических стран и вообще как-то отталкиваться (реакционных авторов — в негативных целях, прогрессивных авторов — в позитивных целях) от уже накопленного человечеством опыта построения первой фазы коммунистического общества. Другая линия обусловлена частичной реорганизацией во Франции системы исторических научных исследований, состоящей во все более расширяющемся применении методов точных дисциплин и в попытке ориентировать эти исследования в общегосударственном масштабе. Нам представляется, что в ближайшие годы указанные явления будут нарастать.

Франц Меринг — биограф Карла Маркса

Одну из самых важных заслуг Франца Меринга как историка составляет создание первой научной биографии Карла Маркса.

Еще в молодости внимание Ф. Меринга привлекал Карл Маркс. Начав свою общественно-политическую деятельность в конце 60-х годов XIX в. в газете «Die Zukunft», издававшейся прусскими буржуазными демократами Иоганном Якоби и Гвидо Вейсом, Меринг стоял на буржуазно-демократических позициях, сочувствовал социал-демократам и полагал, что социальный вопрос может быть разрешен путем сближения классов и мирного усовершенствования общества с помощью государственных реформ.

Сочувствие социал-демократам было основано у Меринга на вере в их умеренность, и когда в 70-х годах в Германии произошли многочисленные стачки рабочих, а социал-демократическая партия начала освобождаться от влияния буржуазии и становилась самостоятельной, Меринг перестал сочувствовать рабочему движению и стал на некоторое время активным противником социал-демократов.

В книге «Германская социал-демократия. Ее история и ее учение», написанной в 1877 г.¹ и направленной против «социал-демократических демагогов», Меринг впервые писал о К. Марксе. Считая его одиноким фанатиком, свернувшим мирную германскую социал-демократию, занятую национальными проблемами, на пагубный путь интернационализма и революции, Меринг все же и тогда писал о К. Марксе с уважением, называя его настоящим ученым, глубоко проникнувшим в законы современного общества.

Уважение к К. Марксу чувствуется и в другой работе Меринга, относящейся к тому времени, — «Парижская Комму-

¹ Fr. Mehring. Die deutsche Sozialdemokratie. Ihre Geschichte und ihre Lehre. Bremen, 1877, 1878, 1879.

на»². Он с большим одобрением высказывался о «Гражданской войне во Франции».

В годы колебаний, подготовивших Меринга к полному разочарованию в буржуазной демократии и переходу в лагерь рабочего движения и социал-демократии, Меринг снова обращался к образу К. Маркса. В 1883 г. он опубликовал в буржуазной газете «Weser-Zeitung» большую статью «Карл Маркс», в которой сделал первую попытку дать общую характеристику К. Маркса.

Вскоре после перехода на позиции социал-демократии Меринг начал серьезную работу по созданию научной биографии К. Маркса. Первым этапом этой работы было создание биографии молодого Маркса и издание ранних произведений К. Маркса и Ф. Энгельса.

В 1893—1898 гг. по заданию партии Меринг писал свою «Историю германской социал-демократии» и готовил к изданию «Литературное наследие К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассалья». Эта работа была связана с поисками материалов и установлением фактов биографии молодого Маркса. Меринг нашел ряд документов, которые позволили ему составить представление о семье Маркса, о его юности.

Именно Меринг разыскал в архиве Йенского университета рукопись докторской диссертации Маркса. Документы из архива Берлинского университета помогли ему описать Маркса-студента. Лаура Лафарг прислала Мерингу письма отца к молодому Марксу и юношеские стихи Маркса. 29 апреля 1901 г. она писала Мерингу: «Поскольку Вы выражали желание познакомиться со стихами моего отца, я посылаю Вам с той же okazji три тетрадки этих стихов. Я должна сказать Вам, что мой отец весьма непочтительно относился к этим стихам, и всякий раз, когда о них заходила речь, мои родители от всего сердца смеялись над этими грехами юности»³.

Во многих библиотеках стран Европы Меринг настойчиво искал ранние работы К. Маркса и Ф. Энгельса, опубликованные в газетах и журналах 40-х годов. Шаг за шагом устанавливал Меринг факты биографии молодого Маркса, исследовал его окружение, семью, Берлинский университет, «Докторский клуб» берлинских младогегельянцев. В «Литературном наследии» и в «Истории германской социал-демократии» Меринг подробно осветил начальный период деятельности Маркса (1842—1848 гг.). Это был, по Мерингу, период формирования самостоятельных материалистических взглядов и научного коммунизма К. Марк-

² Fr. Mehring. Die Pariser Kommune.—«Preussische Jahrbücher». Berlin, Bd. 43, Hft. 3—4, 1879; Bd. 44, Hft. 1, 1880; Bd. 45, Hft. 2—3, 1881.

³ Письмо Лауры Лафарг Ф. Мерингу 29 апреля 1901 г. См.: ЦПА ИМЛ, ф. 201, ед. хр. 806.

са и Ф. Энгельса. Характеризуя К. Маркса, Меринг стремился покончить с представлением, созданным буржуазными учеными, будто законы общественного развития, открытые К. Марксом и изложенные в «Коммунистическом Манифесте» в виде готовых выводов, были игрой воображения, лишенной фундамента⁴.

Публикация ранних произведений К. Маркса и Ф. Энгельса должна была показать этот фундамент. Произведения, собранные Мерингом, «...в известной степени обнажают то многообразие сплетение корней, из которого развились исторический материализм и научный коммунизм»⁵.

Ранний период деятельности К. Маркса, период формирования научного коммунизма (1842—1848 гг.), Меринг делил на два этапа. Первый из них охватывает 1842—1844 гг. Его содержание составляет процесс преодоления гегельянских позиций и выработка материалистической теории. Второй этап (1844—1848 гг.), по Мерингу, время борьбы за утверждение материалистической теории и научный коммунизм⁶.

Характеризуя первый этап, Меринг опубликовал в «Литературном наследии» докторскую диссертацию К. Маркса, которая должна была показать исходные позиции автора. Он считал, что диссертация отражала еще последовательно гегельянские позиции Маркса и не придавал ей самостоятельного значения, полагая, что она имеет ценность только для характеристики Маркса-гегельянца.

Анализируя работы Маркса в «Rheinische Zeitung» и «Anekdoten» Руге, Меринг утверждал, что процесс преодоления гегельянских позиций начался у Маркса под влиянием столкновений с суровой действительностью, которые показали «недостаточность идеалистических воззрений на общество и государство»⁶. В статьях, посвященных прениям в Рейнском ландтаге по поводу закона о краже леса, К. Маркс хотя и не вышел еще за рамки гегельянства, но уже смело выступил в защиту прав народа. Глубокая и искренняя симпатия к массе бедняков уже подводила его к размышлениям о роли пролетариата в буржуазном обществе.

В сборнике «Литературное наследие» Меринг опубликовал несколько статей К. Маркса, помещенных в «Rheinische Zeitung», и сделал интересные замечания о литературном стиле молодого Маркса⁷. Меринг считал Маркса выдающимся писателем и отмечал, что он не уступает крупнейшим европейским прозаикам XIX в. «Его стиль не гладок, не вкрадчив, не расчи-

⁴ Предисловие Фр. Меринга к русскому изданию «Литературного наследия». СПб., 1908, стр. 3.

⁵ Там же.

⁶ Fr. Mehring. Gesammelte Schriften, Bd. 1. Berlin, 1960, S. 137.

⁷ «Aus dem literarischen Nachlass K. Marx, F. Engels und F. Lassalle», Bd. 1. Stuttgart, 1902, S. 26 (далее — «Aus dem literarischen Nachlass...»).

тан на то, чтобы нравиться, но его фразы льются, как поток жидкого золота, и тем, кто считает их пустыми и тяжелыми одновременно, Маркс мог бы ответить словами Платона: «leer an Geklimper vielleicht, schwer wie die reifende Frucht»⁸. Называя Маркса первоклассным публицистом, Меринг подчеркивал его умение нащупать пульс постоянно развивающихся событий, найти и выделить красную нить исторического развития.

Меринг опубликовал в «Литературном наследии» все статьи К. Маркса и Ф. Энгельса из журнала «Deutsch-Französische Jahrbücher». Рассказывая об их работе в этом журнале, Меринг рассматривал это время как время поисков новых путей. К. Маркс уже отошел от гегельянства, он на фейербахских позициях, но уже чувствует и их недостаточность, когда критикует с этих позиций гегелевскую философию права.

Рубежом, разделяющим первый и второй этапы формирования марксизма, Меринг считал создание «Святого семейства», которое он называл «первым испытанием прочности и надежности новой точки зрения» и дальнейшим ее развитием. Меринг опубликовал эту первую совместную работу Маркса и Энгельса в своем сборнике, описал историю ее создания, подробно комментировал содержание и определил ее место в развитии марксизма.

«Святое семейство», — писал Меринг, — может доставить современному читателю удовольствие заглянуть непосредственно в умственную лабораторию гениального мыслителя и присутствовать при самом зарождении великого мировоззрения⁹. К. Маркс изложил здесь основные положения научного коммунизма. Определяя положение и исторические перспективы пролетариата, К. Маркс стаял уже на почве исторической диалектики¹⁰.

Исследование теоретической работы К. Маркса и Ф. Энгельса в период формирования научного коммунизма Меринг завершил анализом «Нищеты философии» К. Маркса. Он утверждал, что в этом труде Маркс впервые во всей полноте изложил законы развития общества, изобразив его не как произведение человеческой головы, а как живой организм, носящий в себе законы своего развития. Он оценивал «Нищету философии» как вполне зрелое произведение К. Маркса, содержащее основные положения его материалистической теории.

Вершиной теоретической борьбы и созидательной работы творцов научного коммунизма Меринг считал «Манифест Коммунистической партии». Он писал: «„Коммунистический Манифест“ резюмирует в классическом изложении результаты, к ко-

⁸ «Aus dem literarischen Nachlass...», Bd. 1, S. 26.

⁹ «Aus dem literarischen Nachlass...», Bd. 2. S. 71.

¹⁰ Ibid, S. 79—80.

торым Маркс и Энгельс пришли на основании своих теоретических исследований и практической борьбы»¹¹.

Главным практическим результатом деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса до революции 1848 г. Меринг считал создание «Союза коммунистов». В «Истории германской социал-демократии» он впервые в исторической литературе дал краткий очерк истории этой первой партии коммунистов.

Публикуя в третьем томе «Литературного наследия» статьи К. Маркса и Ф. Энгельса из «*Neue Rheinische Zeitung*» и «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*», Меринг подробно описывал их роль в революции 1848 г. Он утверждал, что годы революции были самой полной и значительной половиной их жизни, когда они выступили как руководители-практики.

Меринг писал, что К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали революцию 1848 г. как явления европейского значения и, действуя практически в Германии, никогда не упускали из виду общее направление революции. Он подчеркивал, что по отношению к германской революции позиция К. Маркса и Ф. Энгельса была великогерманской в высшем революционном смысле, так как решение национального вопроса в Германии они видели в создании единой Германской республики в результате революции.

В «Истории германской социал-демократии» и «Литературном наследии» было показано, как менялась тактика К. Маркса и Ф. Энгельса по мере развития революции. Весной 1849 г., когда вполне определилась изменническая позиция буржуазии, стала ясна задача «прочнее организовать рабочий класс, отчетливее выделить его из демократической партии»¹². Выход Маркса, Энгельса, Шаппера, Беккера и Аннеке из Кельнского демократического общества и созыв конгресса рабочих союзов Рейнской области Меринг понимал как выделение рабочего движения из демократического, как подготовку самостоятельной партии пролетариата. Деятельность К. Маркса в революции 1848 г. завершает, по Мерингу, период формирования научного коммунизма.

Статьи К. Маркса из «*Neue Rheinische Zeitung*» завершают третий том «Литературного наследия», являющегося первой частью большого труда Меринга по созданию научной биографии К. Маркса. На тогдашнем уровне изучения марксизма работа Меринга не могла быть свободной от недостатков. Меринг ошибался в авторстве ряда статей, некоторые из них произвольно сократил, считая, что они не могут представлять большого интереса для читателей. Однако, несмотря на эти недочеты, труд Меринга имел огромное значение. Он познакомил читателей (многих впервые) с рядом полузабытых произведений осно-

¹¹ «Aus dem literarischen Nachlass...», Bd. 2, S. 71.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произведения, т. 2. М., 1952, стр. 333.

воположников научного коммунизма. О многих из них почти ничего не знали, поскольку «Deutsch-Französisches Jahrbuch» и «Rheinische Zeitung» давно стали редкостью. Между тем, именно эти статьи показывали ту борьбу, которую вели К. Маркс и Ф. Энгельс за утверждение своей теории, показывали процесс выработки их научного мировоззрения. Как справедливо утверждает Н. И. Лапин в своей интересной работе¹³, поколение марксистов, которое всупило в общественно-политическую жизнь в 90-х годах XIX в., отлично зная экономическое учение К. Маркса, плохо представляло себе историю возникновения и развития марксистской философии. Это было одной из причин распространения ревизионизма в германской социал-демократии. Издание Меринга стало поэтому боевым оружием в борьбе с ревизионизмом.

Ценность «Литературного наследия» повышали комментарии Меринга, цель которых автор видел в восстановлении характерных черт эпохи, стремясь, чтобы сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса «оживали в своей исторической среде». Именно эту сторону меринговских комментариев высоко оценивала Лаура Лафарг в письме к Мерингу 9 июня 1909 г.: «...многие из тех работ, которые я знала, нуждаются в Ваших комментариях и Вашем введении для того, чтобы их вполне поняли и оценили. Хотя имена: Бруно Бауэр, Руге, Вейтлинг, Гесс, Гервег, Грюн и т. д. были для меня привычными домашними словами, это были для меня тени, а не реальные люди. Благодаря Вам они ожили». Говоря далее о «Святом семействе», Лаура Лафарг продолжала: «Это Вы, дорогой гражданин Меринг, помогли лучше понять и оценить это произведение... тем, что Вы воспроизвели интеллектуальную среду, в которой оно родилось, в которой жили Маркс и Энгельс»¹⁴.

Комментарий Меринга ценен еще и полной самостоятельностью автора. Отдаленный от того времени, о котором он писал, несколькими десятками лет, Меринг мог более объективно оценить некоторые проблемы. Он справедливо криковал с историко-материалистических позиций положение Ф. Энгельса об исторической роли и перспективах развития славянских народов и мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о темпах и перспективах революции. Эту самостоятельность Меринга высоко ценил В. И. Ленин. Он писал: «Когда ортодоксам случалось выступать против устаревших воззрений Маркса (например, Мерингу против некоторых исторических положений), — это делалось всегда с такой определенностью и обстоятельностью, что никто никогда не находил в подобных литературных выступлениях ничего

¹³ Н. И. Лапин. Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса. М., 1962, стр. 8—9.

¹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 201, ед. хр. 807.

двусмысленного»¹⁵. Издание «Литературного наследия» получило очень высокую оценку в германской социал-демократии и в международной социалистической печати. Восторженные рецензии по поводу меринговской работы опубликовали К. Каугский¹⁶ и В. Адлер¹⁷. Каутский называл ее классическим трудом, а Адлер писал, что это «монумент, который воздвигнут памяти Маркса и который говорит больше, чем камень и бронза». По инициативе В. И. Ленина¹⁸ Г. В. Плеханов поместил о «Литературном наследии» небольшую рецензию в социал-демократическом журнале «Заря». Он подчеркивал, что значение меринговского издания определяется двумя моментами: с одной стороны, здесь дан богатый материал по истории возникновения социализма; с другой — восстановлен истинный образ К. Маркса, что особенно важно вследствие того, что он систематически искажается в работах буржуазных авторов¹⁹. Большое значение придавал изданию Меринга В. И. Ленин. Познакомившись с ним в Мюнхене в 1901 г., Ленин постоянно пользовался этим трудом и высоко оценивал меринговский комментарий.

В «Литературном наследии» и в «Истории германской социал-демократии» Меринг создал первую часть научной биографии Маркса. В последующие годы он в своей публицистике без конца возвращался к образу К. Маркса, который с годами становился ему все дороже и ближе. Он много писал о различных работах Маркса, об историографии марксизма, о связях Маркса с современниками, о его практической революционной деятельности. Ряд публикаций и статей, относящихся к 1908—1913 гг., показывает, что Меринг проделал тогда большой труд по разработке биографии К. Маркса. Он опубликовал в «Neue Zeit» письма Маркса, переданные ему Лаурой Лафарг²⁰, и статью Маркса «Божественное право Гогенцоллернов»²¹, внимательно следил за литературой о Марксе²².

Несколько статей, помещенных в «Neue Zeit»²³, почти целиком вошли потом в его книгу «Карл Маркс». Меринг занимался исследованием языка Маркса и написал интересную статью об

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 10.

¹⁶ «Leipziger Volkszeitung», 18.X 1902.

¹⁷ «Arbeiterzeitung», 15.III 1903. Wien.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 150.

¹⁹ «Заря», 1901/1902, № 2. Stuttgart.

²⁰ Fr. Mehring. Familienbriefe von K. Marx.—«Neue Zeit», 26. Jg., Bd. 1, N 2.

²¹ «Neue Zeit», 28. Jg., Bd. 1, N 1.

²² Fr. Mehring, Plenge. Marx und Hegel.—«Neue Zeit», 29. Jg., Bd. 2, N 30; J. Spargo. K. Marx.—«Neue Zeit», Bd. 1, N 11; Fr. Mehring. Neue Schriften über Marx.—«Neue Zeit», 31. Jg., Bd. 2, N 51, и др.

²³ Fr. Mehring. Wilhelm Wolff.—«Neue Zeit», 27. Jg., Bd. 2, N 38; idem. Weitling und Proudhon.—«Neue Zeit», 27. Jg., Bd. 1, N 17; idem. J.—P. Becker.—«Neue Zeit», 27. Jg., Gd. 1, N. 26; idem. Zur Geschichte der Rheinischen Zeitung von 1842.—«Neue Zeit», 31. Jg., Bd. 1, N 19.

этом²⁴. 1 октября 1910 г. в «Neue Zeit» появилась статья «Splitter zur Biographie von Marx», в которой он рассказывал о результатах своей разработки биографии молодого Маркса и жизни К. Маркса в эмиграции, анализировал памфлет «Господин Фогт».

Завершением работы Меринга над биографией К. Маркса была его последняя книга «Карл Маркс», вышедшая в 1918 г. Непосредственную работу над ней Меринг вел, по собственному его свидетельству, с 1913 г.

В годы первой мировой войны, когда крах II Интернационала и предательская политика вождей социал-демократии вызвали вначале недоумение и растерянность среди рабочих, Меринг вел большую работу по разъяснению массам истинного положения вещей. В газетах и журналах «Sozialdemokratische Korrespondenz», «Leipziger Volkszeitung», «Neue Zeit», «Stuttgarter Sozialdemokrat», дуйсбургской «Der Kampf» и в листовках группы Спартака он настойчиво повторял, что верность марксизму в современных условиях — это не защита отечества, а интернациональная солидарность трудящихся и борьба против тех, кто развязал войну.

Работа над «Карлом Марксом» была частью этой борьбы Меринга. Книга Меринга, как и все его труды, была в значительной мере полемична. С одной стороны, она была направлена против буржуазной трактовки Маркса, с другой стороны — это была борьба за творческий подход к его наследию, борьба против упрощенного и догматического понимания Маркса и марксизма со стороны правых, ссылавшихся на него, когда они оправдывали свою шовинистическую политику.

«Воссоздать образ Маркса во всей его мощи, во всем его суровом величии — вот задача, которую я ставил себе», — писал Меринг²⁵. Это должен был быть образ не «скучного примерно мальчика», а образ великого человека, «который о себе всего чаще и охотнее говорил, что ничто человеческое ему не чуждо»²⁶, образ ученого и борца, в котором «борец всегда имел перевес над мыслителем». Это обстоятельство, как полагал Меринг, в значительной степени обуславливало величие Маркса.

С этой главной своей задачей Меринг справился блестяще. Со страниц его сочинения действительно во весь рост встает грандиозная и в то же время живая фигура великого ученого, пламенного борца и замечательного человека.

Первые шесть глав меринговского труда, которые посвящены молодым годам К. Маркса и заканчиваются историей революции и контрреволюции 1848—1850 гг., во многом повторяют «Исто-

²⁴ Fr. Mehring. Karl Marx und Gleichniß.— «Neue Zeit», 26. Jg., Bd. 1, N 23.

²⁵ Fr. Mehring. Gesammelte Schriften, Bd. 3. Berlin, 1960, S. 5.

²⁶ Ibid. S. 4.

рию германской социал-демократии» и комментарии к «Литературному наследию». Часто автор просто помещает здесь целые отрывки из своих прошлых трудов. И круг идей, составляющих содержание этих глав, совершенно прежний. Это понятно и оправдано. В «Истории германской социал-демократии» Меринг самым подробным образом исследовал процесс формирования марксизма в связи с развитием европейской и германской истории, в связи с развитием рабочего движения и социалистической мысли и естественно, что он перенес результаты своего исследования в биографию Маркса, где главная задача была несколько иной.

Однако и эти первые главы Марксовой биографии содержат много нового. Это относится прежде всего к образу самого К. Маркса. Меринг с большой теплотой описал семью Маркса: его мать, окружившую нежной заботой детей и мужа — Генриха Маркса, прусского патриота старой закалки в духе Вальдека и Циглера, насквозь пропитанного буржуазной культурой, человека смелого, безупречно честного, восторженного в любви и шумливого в гневе, свободного от мещанской узости взглядов, поглощенного заботой о будущем сына и охотно вникающего в его умственные интересы. Счастливый брак родителей создавал детям беззаботное детство, во многом определившее гармоничный характер К. Маркса.

Меринг нарисовал обаятельный образ Женни фон-Вестфален. Красавица, отличавшаяся необыкновенным умом и характером, пожертвовавшая блестящими возможностями ради опасного будущего, она, писал Меринг, стала достойной подругой своего мужа. Не умея, быть может, как сделала бы на ее месте закаленная пролетарка, справляться с житейскими заботами, она вникала в деятельность мужа и была для него опорой во всех делах.

Описывая жизнь и деятельность К. Маркса в эмиграции, после революции 1848 г., Меринг подчеркивал его верность делу революции и показывал, что К. Маркс и Ф. Энгельс продолжали пролетарскую классовую борьбу, начатую еще до 1848 г. Основание эмигрантского комитета для помощи приезжавшим в Лондон эмигрантам и возрождение «Союза коммунистов» было тем практическим делом, которое отделяло их от пестрой лондонской эмиграции, бесплодно мечтавшей о возрождении революции.

Меринг излагал историю «Союза коммунистов» в годы контрреволюции и историю его раскола, подчеркивая глубокую правоту К. Маркса и Ф. Энгельса в борьбе с фракцией Виллиха — Шаппера. Он показал также их деятельность в «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*», отмечая ясный анализ событий революции и контрреволюции, анализ условий, которые сделают новую революцию возможной и необходимой.

Однако конкретного разбора трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященных анализу революции, Меринг не дал. Он ничего не писал о работах Ф. Энгельса относительно революции в Германии и буквально несколько строчек посвятил «Классовой борьбе во Франции» К. Маркса. Раздел, посвященный работе Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта», не содержит ничего, кроме общих похвал. Ни слова не говорил Меринг об уроках, извлеченных К. Марксом и Ф. Энгельсом из революции 1848 г.

Новый исторический период, наступивший после поражения революции, поставил перед Марксом новые задачи. Решительно отмежевавшись от «бесплодных споров эмиграции», Маркс и Энгельс использовали годы ожидания нового подъема для научных изысканий, продолжая участвовать в политической борьбе.

Научная работа К. Маркса в лондонском изгнании — это разработка вопросов политической экономии, первым результатом которой было сочинение «К критике политической экономии». Давая анализ книги К. Маркса, Меринг особо отмечал предисловие, где Маркс приводил свое знаменитое определение исторического материализма.

Меринг характеризовал К. Маркса и как политика, внимание которого было захвачено новым периодом развития Европы, начавшимся с Крымской войны. Исходным пунктом политической линии К. Маркса на этой стадии он считал борьбу против «англо-русского рабства», тяготевшего над Европой, а также то, что русский царизм являлся главным оплотом европейской реакции, главным врагом исторического прогресса.

Меринг писал о том, как взволновал К. Маркса и Ф. Энгельса кризис 1857 г. Он приводил письмо К. Маркса, где тот писал: «За последние семь лет меня все же затянула буржуазная тина; теперь она смывается, и я снова становлюсь другим человеком... В 1848 году мы говорили: теперь наступает наше время, и в некотором смысле оно действительно наступило; но на этот раз оно наступает окончательно...»²⁷. Однако, оценивая их отношение к кризису 1857 г., Меринг серьезно ошибался, вернее, повторял прежнюю ошибку, которую он сделал в «Истории германской социал-демократии». Он рассматривал вопросы итальянской войны и позиции Пруссии в аспекте споров между Лассалем, с одной стороны, и Марксом и Энгельсом, с другой. По-прежнему он утверждал, что между спорящими сторонами не было принципиального разногласия в мнениях, а имелись лишь противоположные суждения о фактических предпосылках, причем Лассаль правильнее, по его мнению, оценил эти предпосылки. Далее Меринг писал, что Маркс и Энгельс в это время утратили прежнюю тесную связь с Германией, поэтому у них часто складывались неверные представления о германской действи-

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 251.

тельности, усугублявшиеся, по Мерингу, презрением, которое они, как уроженцы аннексированной Рейнской провинции, всегда питали к прусскому государству. Это презрение, говорил он, находилось в разительном несоответствии с остротой их анализа реальных обстоятельств и приводило к тому, что часто вместо объяснения причин исторического развития Пруссии, К. Маркс ограничивался насмешками над ним.

Большое внимание уделил Меринг борьбе Маркса в эмигрантских кругах в связи с итальянской войной. Он подробно освещал дело Фогта и останавливался на памфлете Маркса «Господин Фогт». Хотя Меринг и видел в работе Маркса разоблачение бонапартизма, заявляя, что «эти главы бросают ослепительный свет на тогдашнее европейское положение... представляют много поучительного и для нашего времени»²⁸, он все же обнаруживал решительное непонимание значения этого памфлета. Он считал, что Маркс зря потратил много времени и сил, ибо предмет работы был слишком незначителен. Меринг замечал: «Трудно... отделаться от чувства неловкости, читая, как Маркс защищается против клеветнических нападок, которые не могут запятнать даже края его подошв»²⁹. Он даже считал, что памфлет Маркса не следует переиздавать, ибо он касается лишь справедливо забытой эмигрантской истории, которая, к тому же, не может быть понята без подробных комментариев. Между тем, «Господин Фогт» вовсе не был актом самозащиты. Это была защита пролетарской партии, борьба против бонапартизма, борьба за освобождение пролетариата от буржуазного и мелкобуржуазного влияния.

Важной частью всей деятельности К. Маркса Меринг считал его работу в Международном товариществе рабочих. Этой работе отведено в биографии Маркса большое место. Приступая к истории I Интернационала, Меринг останавливался на агитации Лассалья и на отношениях между Лассалем и Марксом. Он ничего не прибавил здесь к своей прежней концепции о характере и значении деятельности Лассалья. Эта концепция, сложившаяся у Меринга очень давно и изложенная им в «Истории германской социал-демократии», состояла в следующем: Лассаль, ученый и революционер, безусловно может быть поставлен рядом с Марксом. Несмотря на идеалистическое мировоззрение, он проник в самые глубины научного коммунизма. Именем Лассалю принадлежала заслуга возрождения германского рабочего движения. Главные принципы во взглядах Маркса и Лассалья на рабочее движение, по мнению Меринга, были одинаковы, а разногласия между ними создались потому, что Маркс и Энгельс, находясь долгие годы вне Германии, не могли уже

²⁸ Fr. Mehring. Gesammelte Schriften, Bd. 3. Berlin, 1960, S. 301—302.

²⁹ Ibid., S. 300

правильно оценить обстановку, а Лассаль, находясь в Германии, приспособливал свои действия, принципиально вполне согласованные с принципами «Коммунистического Манифеста», к германским условиям. И, как пишет Меринг, осуждая организационные и тактические установки Лассалья, Маркс был, конечно, неправ.

В «Карле Марксе» Меринг развивал новую мысль, что отношения между Марксом и Лассалем были «психологической загадкой». Он утверждал, что Маркс испытывал к Лассалю «антипатию, не подтверждающуюся никаким доводам разума»³⁰, и «непреодолимое недоверие»³¹. К серьезным принципиальным разногласиям, которые разделяли Маркса и Лассалья, действительно присоединялась антипатия Маркса. Правда, тут не было никакой загадочности и ничего фатального. Меринг в «Истории германской социал-демократии» сам заметил, что Маркс был полной противоположностью Лассалья. Самомнение Лассалья, его светская жизнь не могли, конечно, импонировать Марксу, но это, разумеется, не мешало Марксу признавать большие заслуги Лассалья в германском рабочем движении и видеть сильные черты его личности.

Большое значение в биографии К. Маркса Меринг придавал тому периоду его жизни, когда Маркс стоял во главе I Интернационала. Поскольку в то время, когда Меринг писал свой труд, об Интернационале была написана всего лишь одна книга³², он описал довольно подробно в «Карле Марксе» деятельность Международного товарищества рабочих, подчеркивая, что Маркс был истинным главою движения, ибо никто, кроме него, не обладал качествами, необходимыми для руководства такого рода объединением, и никто не владел таким «несравненным умением покорять людей, обучая их и руководя ими»³³.

Меринг говорил о замечательном мастерстве Маркса, сказавшемся при написании Учредительного Манифеста и Устава I Интернационала; показывал, что Маркс, оставаясь в тени, «за кулисами», практически руководил всей работой: он играл ведущую роль в Генеральном совете, определял главные направления работы, с большой проницательностью давал оценки различным течениям в международном рабочем движении и боролся за его единство на основе пролетарского интернационализма.

Меринг отмечал, что Маркс, необычайно глубоко анализируя события, определял главные направления борьбы рабочих, выделяя, например, в качестве главных задач борьбу за неза-

³⁰ Fr. Mehring. Gesammelte Schriften, Bd. 3, S. 184.

³¹ Ibid., S. 284.

³² C. Jaechh. Die Internationale. Leipzig, 1904.

³³ Fr. Mehring. Gesammelte Schriften, Bd. 3, S. 342.

висимость Ирландии, Польши, борьбу за правильное отношение к франко-прусской войне и Парижской коммуне. Он определял значение войны для рабочего движения вообще и давал практические указания рабочим различных стран относительно того, какой должна быть их политика в новых условиях. Меринг напоминал, что Маркс и Энгельс всегда оценивали войны с точки зрения их значения для развития пролетарского освободительного движения, поэтому, когда началась война между Францией и Пруссией, они тотчас заявили, что для Пруссии эта война носит оборонительный характер, ибо бонапартистская военная политика была направлена против национального единства Германии. На основании этого определения Маркс указывал в первом воззвании Генерального совета задачу германского пролетариата — не допустить, чтобы война утратила оборонительный характер; противодействовать аннексии Эльзаса и Лотарингии; выдвигать на первый план единство интересов германских и французских рабочих; если в Париже будет создано республиканское правительство, поддерживать его, требуя заключения почетного мира с Францией. Меринг отмечал, какое большое значение имели указания Маркса Брауншвейгскому комитету. Они помогли социал-демократам правильно сориентироваться во внезапно изменившейся после Седанской катастрофы ситуации и выступить с призывом к публичным выступлениям рабочих против аннексии Эльзаса и Лотарингии. В книге подробно охарактеризовано и второе воззвание Генерального совета, освещавшее новое положение вещей и содержащее новые советы французским и германским рабочим.

Меринг кратко останавливался на событиях Парижской Коммуны и на отношении К. Маркса к Коммуне. На основании известных ему двух писем — Франкеля к Марксу и Маркса к Варлену и Франкелю — Меринг сделал заключение, что Маркс и во время существования Коммуны помогал ей советами и следил за ее работой. Главное же внимание Меринг уделял «Гражданской войне во Франции» К. Маркса. Он говорил: «Это один из самых блестящих документов, когда-либо вышедших из-под его пера, и донныне самое блестящее произведение из всей огромной литературы, которая появилась с того времени о Парижской Коммуне»³⁴.

Замечая, что главной целью Маркса была защита чести и правоты Коммуны от клеветы и подлости ее противников, Меринг особо останавливался на третьем разделе воззвания, считая, что он представляет главный интерес. Однако оценка этой части работы Маркса у Меринга неверна. Цитируя слова Маркса, что Коммуна была, в сущности, диктатурой пролетариата, Меринг утверждал, что вся ее политика была уничтожением го-

³⁴ Fr. Mehring. Gesammelte Schriften, Bd. 3, S. 452.

сударства, анархистским актом. Это, по его мнению, противоречило мыслям «Коммунистического Манифеста», где Маркс и Энгельс заявили, что упразднение государства будет происходить постепенно, причем для экономического освобождения трудящихся пролетариат должен овладеть политической властью, с ее помощью подавить сопротивление класса капиталистов и по-новому организовать общество.

Между тем, вся политика Парижской Коммуны была не уничтожением государства вообще, а ломкой старого буржуазного государственного аппарата и созданием нового пролетарского государства. Эта политика, напротив, подтверждала и иллюстрировала положение «Коммунистического Манифеста», что пролетариат в результате революции овладеет политической властью. Меринг не понимал, в сущности, исторического значения Коммуны, которая создала новый тип государства, зародыш диктатуры пролетариата. Из этой ошибки проистекало определенное отношение Меринга и к работе «К критике Готской программы». Считая, что критика лассальянства представляла собой «в высшей степени неприглядную сторону программно-го письма»³⁵ и что именно по этой причине его не следовало опубликовывать. Меринг совершенно не касался теоретической части этого документа, где Маркс развивал учение о диктатуре пролетариата.

Нельзя, однако, сказать, что Меринг не понял главного в марксизме. Именно в то время, когда меринговская биография Маркса вышла в свет, он выступал со статьями в защиту большевиков, в которых сделал большой шаг вперед. Он понял и признал диктатуру пролетариата как главное в марксизме и показал, что большевики на практике осуществили теорию Маркса.

Описывая в «Карле Марксе» историю Интернационала и роль К. Маркса в Международном товариществе рабочих, Меринг допускал серьезные ошибки. Главная из них состоит в том, что Меринг не понимал одну из самых важных сторон работы Интернационала и самого Маркса — борьбу за укрепление революционной идеологии в рабочем движении и за единую стратегию и тактику пролетарской борьбы. Он отвел борьбе К. Маркса против прудонистов, против оппортунистических лидеров английских тред-юнионов и против бакунизма очень много места, но приходится признать, что сущность этой борьбы не была им понята и раскрыта.

Вся история Интернационала есть история борьбы за марксистские принципы в идеологии рабочего движения, в его стратегии и тактике. Первый ее этап — борьба против прудонизма, закончившийся принятием аграрной резолюции на Базельском

³⁵ Fr. Mehring. Gesammelte Schriften, Bd. 3, S. 517.

конгрессе 1869 г. Меринг не придавал ей никакого значения. Он считал, что французский прудонизм давно уже лишился всякого влияния и вся его борьба в Интернационале не представляет собой никакой опасности.

Но если история борьбы с прудонизмом проходила у Меринга почти незамеченной, то история бакунинской оппозиции, наоборот, выступала на первый план и порой подменяла собою историю Интернационала. Меринг предпринял в своей книге развернутую защиту Бакунина против всяческих обвинений и, как это было в случае с Лассалем, эта защита личности помешала ему понять существо принципиальных разногласий Бакунина с Марксом и правильно оценить борьбу Маркса. Меринг относился к Бакунину гораздо более сурово, чем к Лассалу. Он видел многие из коренных пороков его мировоззрения — понимал ложность бакунинской точки зрения на движущие силы революционной борьбы и признавал безусловное превосходство Маркса в этом вопросе; отвергал бакунинское отрицание всякого государства и его теорию революции, совершаемую с помощью узкого круга заговорщиков; осуждал действия бакунистов против Генерального совета после Лондонской конференции и деятельность тайного альянса. Но выступая против отдельных сторон деятельности Бакунина и бакунистов, он не сумел или не захотел сделать обобщения, и поэтому в его книге отсутствует общая марксистская оценка бакунизма³⁶.

В России 70-х годов, где еще не существовало рабочего движения, бакунизм играл в известном смысле объективно прогрессивную роль. К тому же и сам Бакунин с его революционной смелостью и страстностью, с его стремлением и готовностью работать для народа безусловно обладал положительными чертами. Теперь, когда прошло около 100 лет, отступают на задний план личные обвинения, предъявлявшиеся ему. Зато и принципиальный смысл его деятельности стал яснее.

Анархизм Бакунина имел безусловно мелкобуржуазную сущность и выражал не интересы пролетариата, а протест мелкой буржуазии против разорения, которое нес ей капиталистический строй.

Ясным становится и весь смысл деятельности Бакунина — его стремление использовать I Интернационал в своих целях, руководить им, его линия на раскол рабочего движения, навязывание пролетариату анархизма.

Исключение бакунистов из Международного товарищества рабочих было победой марксистской, пролетарской идеологии над мелкобуржуазным анархизмом и победой массовой пролетарской организации над сектантской организацией бакунистов.

³⁶ Подробно о бакунизме см.: Н. Ю. Колпинский, В. А. Твардовская. Бакунин в русском и международном рабочем движении. — «Вопросы истории», 1964, № 10.

Меринг же, не касаясь принципиальной стороны дела, занимался в «Карле Марксе» главным образом личным оправданием Бакунина. Он подробнейшим образом излагал историю бакунинской оппозиции и доказывал читателю, что за все ее неверные действия Бакунин не отвечал. Отношение Маркса к Бакунину было, по мнению Меринга, несправедливым, выступления Маркса и Энгельса против бакунистов являлись глубоко тенденциозными и ошибочными, причем главная ошибка состояла в том, что они верили в интриги бакунистов и ставили их на одну доску с прудонистами и оуэнистами.

Так принципиальная борьба Маркса и Энгельса за пролетарскую идеологию, за правильную стратегию и тактику рабочего движения обращалась у Меринга в борьбу, носящую в значительной степени личный характер и несправедливую со стороны Маркса.

Другая ошибка Меринга в оценке роли Маркса в I Интернационале — это оценка отношения Маркса к германскому рабочему движению. Маркс всегда уделял Германии и германскому рабочему движению большое внимание³⁷. В 60-х годах он видел главную задачу в том, чтобы преодолеть в Германии лассалевские традиции и создать марксистскую рабочую партию. В результате настойчивой работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Либкнехта в лассальянском союзе усиливалась оппозиция передовых рабочих, отходивших от лассалевских догм³⁸. После того как в 1868 г. Союз немецких рабочих обществ принял программу Интернационала, а затем произошло его размежевание с мелкобуржуазной немецкой народной партией, в Германии была, наконец, создана пролетарская партия, программа которой была построена на основе устава Интернационала. Эта была победа марксизма над лассальянством, результат долгой и настойчивой борьбы. У Меринга все это выглядит иначе. Распространяя свою ошибочную оценку Лассалья на Швейцера, Меринг считал, что под его руководством Всеобщий германский рабочий союз был, как и при Лассале, настоящей пролетарской партией, а отнюдь не сектой, как полагали Маркс и Энгельс. Следует отметить, что Меринг вообще неправильно понимал вопрос о том, что такое сектантство в рабочем движении. Он считал, например, что бакунинская оппозиция не может считаться сектой, поскольку за ней стояла масса рабочих. Между тем, сектантский характер этой оппозиции определялся не числом ее приверженцев, а прежде всего тем, что Бакунин вел своих сторонников по пути, лежащему в стороне от столбовой дорожки массового пролетарского движения.

³⁷ Об истории борьбы К. Маркса за создание пролетарской партии в Германии в 60-х годах см.: «I Интернационал», гл. 8. М., 1964.

³⁸ Н. H ü m m l e r. Opposition gegen Lassalle. Berlin, 1963.

Политическая линия Швейцера, считал Меринг, никак не может быть названа кокетничаньем с Бисмарком. Это просто единственно возможная в тогдашних условиях линия, которая вовсе не означала отказа от главных принципов.

Такая позиция Меринга приводила к тому, что роль I Интернационала в борьбе за германскую рабочую партию искажалась, а описание большой работы К. Маркса подменялось в значительной степени разбором якобы несправедливого отношения Маркса к Швейцеру.

Не совсем верно определял Меринг причины роспуска I Интернационала и его историческое значение. Правда, он видел, что развивающееся рабочее движение стало перерастать рамки организации, созданной Интернационалом, но главную причину его роспуска он видел не в этом, а в том, что Маркс будто бы ошибался, стремясь отделить от Интернационала бакунистов и лассальянцев, тогда как после падения Коммуны, когда весь буржуазный мир ополчился против международной пролетарской организации, важнее всего было сохранить единство. Между тем, разгром бакунистов и их исключение из Интернационала вовсе не были признаком его слабости. Напротив, это была победа марксистских принципов, тактики и организации над мелкобуржуазными и сектантскими.

Главную причину роспуска I Интернационала ясно определил В. И. Ленин. «I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста его вширь, создания массовых социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств»³⁹.

Меринг считал роспуск Интернационала вполне закономерным, заявляя, что «эта форма освободительной борьбы пролетариата была столь же необходимой, сколь и преходящей»⁴⁰. Но все-таки конец Интернационала казался ему известным поражением Маркса. Поэтому и историческое значение Интернационала он по-настоящему не осветил. Это объяснялось также и тем, что Меринг допускал ошибки в оценке различных сторон деятельности Международного товарищества рабочих.

В заключительной главе своей книги Меринг описывал последнее десятилетие жизни Маркса. С горечью рассказывал Меринг о «вечерней заре» Маркса, когда «на него самого и на его семью вечерние тени спускались все ниже и ниже»⁴¹. Но несмотря на то, что Меринг изображал последнее десятилетие жизни Маркса как время, полное тяжелых испытаний и медленного угасания, даже эта глава не производит гнетущего впечатления. Автор показывает, что последние годы Маркса ос-

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 50.

⁴⁰ Fr. M e h r i n g. Gesammelte Schriften, Bd. 3, S. 322.

⁴¹ Ibid., S. 535.

вещала и «утренняя заря» — заря новых успехов рабочего движения. Необычайное усиление германской социал-демократии и героические дела германского рабочего класса в годы исключительного закона; образование социалистической партии во Франции; успех «Капитала» в Англии и России, где у Маркса появились приверженцы и друзья — все это пробуждало в Марксе надежды на будущее. Меринг подчеркивал огромный авторитет Маркса, указывая, что он стал в эти годы советником рабочих всего мира.

Главная заслуга Меринга как автора «Карла Маркса» состоит в том, что он создал живой образ своего героя. Эта книга сохраняет свое значение и для нашего времени главным образом по этой причине. Книгу Меринга нельзя читать без волнения. Нелегкая, а во многом и трагичная судьба Маркса, удивительная цельность его характера, целеустремленность и последовательность производят глубокое впечатление.

В одном месте своей книги Меринг говорил о судьбе гения в буржуазном обществе. Если гений так или иначе примиряется с этим обществом и служит ему, «он может, — иронически замечал Меринг, — дойти до поста государственного министра великого герцогства Саксонского, как Гете, или Прусского королевского профессора, как Гегель. Но горе гению, если он в гордой независимости и недоступности противопоставляет себя буржуазному обществу, если он предсказывает и подготавливает его близкую гибель, раскрывая тайну этой гибели в самых глубоких истоках его бытия; горе ему, если он кует оружие, которое нанесет смертельный удар этому обществу. Для такого гения у буржуазного общества нет ничего, кроме мучений и пыток; они с виду, может быть, и не кажутся столь грубыми, но внутренне они еще более жестоки, чем мученический крест древности и костры средневековья»⁴². Ни один из гениальных людей XIX в., продолжал Меринг, не испытал такого жестокого удела, как гениальнейший из всех — Карл Маркс. Он на долгие годы был захвачен тяжелой повседневной нуждой, и до самой смерти ему не удалось обеспечить себе хоть сколько-нибудь сносное существование. Меринг без конца цитировал отрывки из писем К. Маркса, обнаруживающие непрерывную борьбу с нуждой, которой он невольно должен был отдавать много сил, борьбу, которая почти не прекращалась с молодых лет и до старости. Меринг писал: «Его плавание в открытом море было сплошь бурным: корабль его вечно страдал от непогоды, от ураганного огня неприятеля, и, хотя флаг его всегда гордо развевался на мачте, жизнь на борту этого корабля не была легкой и спокойной ни для команды, ни для капитана»⁴³.

⁴² Fr. Mehring. Gesammelte Schriften, Bd. 3, S. 233.

⁴³ Ibid., S. 20.

Все это, замечал Меринг, «по всем человеческим расчетам» должно было привести к поражению Маркса в тяжелой жизненной борьбе. Однако «все его существо было гибкой сталью»⁴⁴ Не пойдя на компромиссы, с помощью которых он мог бы обеспечить себе сносное существование, Маркс отдал всего себя своему делу. Меринг постоянно сравнивал его с Прометеем. Судьба Маркса — это судьба героя, судьба Прометея, которого «приковали к скале не цепи Гефеста, а его собственная железная воля, которая с непогрешимостью магнитной стрелки указывала на высшие цели человечества»⁴⁵. Эта верность высшим идеалам человечества, умение ради них отказаться от всех благ представляется Мерингу одной из самых главных черт его героя. Однако он вовсе не хотел показать Маркса аскетом, холодным человеком или мрачным фанатиком. Правда, отмечал он, Маркс становился в горниле несчастья все более суровым, но он все-таки всегда оставался глубоко восприимчивым человеком, думавшим не только о судьбах мира, но и о судьбе своих близких. Он стремился сделать все для них и глубоко страдал, когда страдали они.

Меринг описывал семью Маркса, с особой теплотой рисуя образ его жены, которая, несмотря на все тяготы жизни, до самого конца оставалась необычайно гармоничной и сильной натурой. Он подчеркивал не старевшую с годами трогательную любовь Маркса к жене. Он описывал внешность Маркса, его домашний уклад, его привычки и вкусы, особенно подробно останавливался на литературных вкусах Маркса.

Меринг всегда утверждал, что К. Маркс не только обладал обширными познаниями в области литературы, но и сам был незаурядным писателем. Он говорил: «...Маркс в смысле поражающей образности языка мог бы поспорить с величайшими „мастерами сравнений“, — Лессингом, Гете, Гегелем... Маркс исчерпывал трактуемые им вопросы лишь настолько, чтобы предоставить читателю простор для собственного плодотворного мышления. Речь его подобна игре волн над величественной глубиной моря»⁴⁶.

Особо останавливался Меринг на дружеском союзе К. Маркса и Ф. Энгельса. «Союз, не имеющий себе подобного», — так назвал он раздел своей книги, в котором описывал отношения двух великих людей. Очень высоко оценивая Энгельса — его большие способности и знания в публицистической работе, в языках, в военных и естественных науках, он отмечал, что К. Маркс не предпринимал ни одного серьезного шага ни в науке, ни в политике, не посоветовавшись с Ф. Энгельсом. Он рас-

⁴⁴ Ibid., S. 237.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibid., S. 240.

сказывал о величайших жертвах, которые принес Энгельс ради Маркса, ради того, чтобы сохранить партии ее величайшую умственную силу, отдав себя в кабалу повседневной работе в конторе и на бирже и отказавшись от научного творчества. «Для того, чтобы предложить и для того, чтобы принять такую жертву, нужен одинаково высокий дух»⁴⁷. Энгельс никогда не сетовал на свою судьбу, ибо для него, как и для Маркса, главное было в успехе их общей работы. «Оба друга целиком растворялись в общем деле; каждый приносил делу без всякого ропота или хвастовства не тождественную, но одинаково большую жертву»⁴⁸.

Главное внимание в изображении Маркса Меринг уделял его характеристике как ученого и как революционера. Он всегда утверждал, и в этом была его большая заслуга, что главной чертой Маркса является слияние в нем гениального мыслителя и страстного революционера, причем последнее было безусловно определяющим.

Маркс обладал талантом властвовать над людьми, говорил Меринг. Он был прирожденным руководителем, и его роль руководителя и советчика пролетариата всех стран возрастала с годами. Но он пренебрегал личным успехом, стремился не выдвинуться на передний план в руководстве каким-либо движением, а направлять его «из-за кулис». Отвращение Маркса к дешевой популярности, к культуре личности тем более ценно, считал Меринг, что Маркс как истинный ученый вовсе не был лишен научного честолюбия, и для него было большой радостью узнавать об успехе своих трудов.

Создание научной биографии К. Маркса было делом всей жизни Меринга. Оно складывалось из публикации сочинений и писем Маркса, научного анализа этих сочинений, из установления главных фактов жизни и деятельности Маркса.

В этой огромной и сложной работе Меринга неизбежны были ошибки. С одной стороны, это были ошибки принципиального характера. К ним относится, например, ложная оценка отношения Маркса к Лассалю, Швейцеру и Бакунину или недооценка тех работ К. Маркса и Ф. Энгельса, где дана была оценка уроков революции 1848 г. С другой стороны, это более мелкие ошибки, например, в определении авторства Маркса, в установлении отдельных фактов и т. д. Все эти ошибки нуждаются, конечно, в анализе. Они давно преодолены в марксистской литературе. Но эти ошибки не могут, разумеется, ни умалить, ни зачеркнуть огромную заслугу Франца Меринга, сохранившего для многих поколений живой образ великого Маркса.

⁴⁷ Fr. Mehring. *Gesammelte Schriften*, Bd. 3, S. 241.

⁴⁸ *Ibid.*, S. 244.

Английский империализм и его идеология в трактовке современной буржуазной и реформистской литературы

В современной буржуазной историографии заметно стремление фальсифицировать историю капитализма на рубеже XIX и XX вв., когда он перерос в свою высшую — монополистическую стадию, завершил создание своей колониальной системы, усилил раскол рабочего класса в метрополиях, добился идейного раскола в международном социалистическом движении и когда, вместе с тем, начали складываться некоторые предпосылки общего кризиса капитализма (перемещение центра мирового революционного движения в Россию, «пробуждение Азии», обострение борьбы двух тенденций в рабочем движении развитых капиталистических стран, появление межимпериалистического антагонизма). Буржуазные и реформистские историки и социологи обращаются к этому хронологическому рубежу в основном с тройкой целью. Во-первых, как к своего рода водоразделу между «старым» капитализмом и началом становления «государства благосостояния». Эта концепция наиболее широко распространена применительно ко всем западноевропейским странам, но для Англии 900-е годы в указанном отношении считаются наиболее переломными. Во-вторых, как к одному из этапов развития того же «государства благосостояния», связующему в единый процесс стадии «демократического либерализма» и «всеобщего благосостояния»; если в первом случае капитализм XIX и XX вв. резко разграничивается на рубеже столетий, то во втором — внешне как будто противоположно — всякая качественная грань здесь стирается и уже вся история капитализма рассматривается сквозь призму становления «государства благосостояния», а Англия для этой концепции — незаменимый пример¹. Наконец, в-третьих, многие

¹ См., например: D. Roberts. *Victorian Origins of the British Welfare State*. New York, 1960 (книга преподавателя Иэльского университета, рассматривающая под указанным углом зрения период 1833—1854 гг.); М. В. Г.

реакционные историки обращаются к тому времени для подкрепления своей прямой апологии империализма («бремя белого человека», «социальный империализм», «народный империализм» и т. п.). Немаловажное значение отводится опыту старейшей капиталистической страны и в аргументации теории «единого индустриального общества», дополненной в качестве общесоциологического обоснования доктриной «стадий роста».

История Англии конца XIX — начала XX в., соответствующим образом препарированная, дает в руки адептов такого рода теорий материал для иллюстрации их антинаучных положений. Подобная литература уже неисчислима. Но дело не только в вольно трактуемых исторических примерах для подтверждения аргументации апологетов различных современных разновидностей «народного капитализма». История Англии начала XX в. дает уникальное для того времени сочетание наиболее экспансионистского колониального империализма и самой ловкой и изощренной социальной политики империалистов по отношению к «своему» рабочему классу. Этим объясняется особое внимание буржуазно-реформистской историографии то ли к «британской исключительности», то ли, наоборот, к Англии как «образцу для всех». По каким же основным направлениям буржуазная наука стремится сейчас вести это исследование?

Весьма актуальным признается исторический экскурс в изучение взаимосвязи двух наиболее уязвимых с точки зрения современного капитализма сторон — его колониальной и «рабочей» политики. Связь колониалистской идеологии и социальной политики империалистической буржуазии проявилась раньше всего и наиболее отчетливо в Великобритании (отметим попутно, что в наши дни монополистической буржуазии Англии удалось наиболее безболезненно для себя перестроить старые колониальные отношения и одновременно найти массовую базу для своей партийной организации).

Теперь, когда буржуазные идеологи и ревизионисты доказывают коренное отличие существующего в их странах строя как от капитализма «времен Маркса», так и от империализма начала XX в., одним из первостепенных объектов их внимания становится история колониализма. Предпринимаются попытки не только обосновать исчезновение колониализма трансформацией «старого» капитализма в «народный» и т. п., но и объяснить якобы наступившие коренные изменения в социальной политике им-

се. *The Coming of the Welfare State*. London, 1961 (изложение ведерся с XVI в.); T. R. Tholfsen. *The Transition to Democracy in Victorian England*. — «*International Review of Social History*», 1961, vol. 6, part 2, p. 248; P. and G. Ford. *A Breviate of Parliamentary Papers, 1900—1906. The Foundation of the Welfare State*. Oxford, 1957. Ср. также: *Has Capitalism Changed? An International Symposium on the Nature of Contemporary Capitalism*. Tokyo, 1961, p. 7, 64—65, 75, 81, 88, 168—169, 192.

периалистических государств тем, что колониальный дух, вызванный временными, конъюнктурными факторами, давно канул в прошлое, а кризис колониализма отнюдь-де не означает кризиса капитализма. В то же время прилагаются усилия к обелению колониалистской и националистической идеологии, чтобы из идейного багажа, создававшегося империалистической буржуазией на рубеже XIX и XX вв., кое-что в более рафинированной форме перенести в концепции второй половины XX в.

Именно в Англии, как ни в какой другой стране, колониалистская идеология накладывала яркий отпечаток на характер классовой борьбы. Великобритания вступила в эпоху империализма с наиболее глубоко — по сравнению с другими главными капиталистическими странами — укоренившейся в рабочем движении оппортунистической тенденцией, и английскому рабочему классу, не знакомому в своей массе с учением научного социализма, приходилось вести борьбу с идеологией господствующего класса ощупью, по мере того, как он стихийно сталкивался с ней (отсюда и вынужденный практицизм, возведенный в кредо лейборизмом). Поскольку влияние империалистической идеологии на верхушку рабочего класса, претендовавшую на то, чтобы говорить от лица всех рабочих страны, казалось достаточно прочным, английские империалисты до наступления общего кризиса капитализма не считали для себя слишком рискованным вести полемику о наиболее эффективных путях упрочения в новых условиях своего классового господства и подготовки народных масс к империалистической войне; ныне эта полемика вновь признается актуальной и привлекает внимание реакционных ученых. Идеология английской империалистической буржуазии призвана была не только обосновать политику территориальной экспансии, как полагали либерально-радикальные критики империализма на заре его существования, и не столько «защитить империю», как утверждают ее апологеты, сколько способствовать диктатуре тесно связанного с колониальными предприятиями британского финансового капитала во всех областях жизни метрополии и колониальной периферии². Послед-

² Известный американский историк Ф. Кэртин (профессор Висконсинского университета) должен был констатировать отсутствие вообще каких-либо работ, с равным вниманием трактующих историю Англии и стран империи в их тесной связи (Ph. D. Curtin. *The British Empire and Commonwealth in Recent Historiography*. — «American Historical Review», vol. 65, N 1, October 1955, p. 90—91). На отсутствие комплексного подхода к изучению колониальных, внешнеэкономических и дипломатических проблем Великобритании сетовал даже профессор истории Британской империи Винсент Харлоу (V. Harlow. *The Historian and British Colonial History*. Oxford, 1955, p. 14). При этом оксфордский профессор подчеркнул важность изучения социальной стороны всех перипетий колониальной политики (стр. 22—23). Однако он сам довел лекцию только до начала XIX в.

нее особенно тщательно затушевывается во всей той буржуазной, правосоциалистической и ревизионистской литературе историко-социологического характера, которая рассматривает развитие империализма в конце XIX — начале XX в. ретроспективно, сквозь призму якобы «полного отступления империализма», наступившего после 1945 г. и осчастливившего тем самым, по утверждению, например, авторов общего курса истории Англии в XVIII—XX вв., четвертую часть человечества³.

Анализ генезиса идеологии империалистической буржуазии — не самоцель. И в его задачи входит не только содействовать полемическому оружию марксистской критики в борьбе против буржуазной идеологии. Ее анализ необходим для понимания всех сторон истории империалистического государства. История буржуазной идеологии в эпоху империализма, изучению которой наша наука до последнего времени уделяла недостаточно внимания, рассматривается ныне многими буржуазными и правосоциалистическими историками и социологами как важная и, с их точки зрения, наиболее подходящая область борьбы против марксистских взглядов на империализм в целом. Идеологической борьбе пролетариата как важнейшей составной части его классовой борьбы они противопоставляют и выработавшуюся еще во время становления монополистического капитализма антирабочую идеологию правящего класса, рассчитанную на охват самых широких рабочих масс. Особое значение придается опыту империалистической буржуазии старейшей капиталистической страны — Великобритании.

С другой стороны, все большая популярность среди трубадуров современного империализма «наднациональных» идей получает видимость объяснения, когда ее рассматривают в свете той же «закономерной филиации идей», какая-де в конце XIX в. сделала модной националистические так называемые «неомеркантилистские» воззрения вместо буржуазного космополитизма либерального манчестерства. Вновь, уже в иной исторической обстановке, получают в этой связи хождение теории, родственные реформистским теориям «сверхимпериализма» или «интеримпериализма» первых десятилетий нашего века. В противовес им, в зависимости от обострения межимпериалистических противоречий и конъюнктуры на капиталистическом рынке, время от времени оживляются идеи «национального» империализма.

Все это переплетение социальных, колониальных, идеологических и внешнеполитических мотивов и делает начальную историю империализма столь злободневной в глазах буржуазных и правосоциалистических деятелей и — еще больше — дипломированных ученых, призванных идейно обосновать якобы

³ W. A. Barker, G. R. S. Aubyn, R. L. Ollard. A General History of England, 1832—1950. London, 1960, p. 280.

исторически закономерный процесс становления «государства всеобщего благосостояния».

Преподаватель Колумбийского университета Осбел в своем труде о буржуазной идеологии в «поздневикторианский» период подчеркивает ценность, по его мнению, опыта социального реформаторства того времени для практики английской буржуазии после экономического кризиса начала 30-х годов XX в. и особенно после второй мировой войны⁴. Связь между нынешним кризисом Британской империи и своеобразной аберрацией точки зрения современных историков на события более чем полувековой давности отмечал и Кэртин⁵. «Средневикторианские либералы могут кое-что рассказать и нам сегодня, но только в том случае, если мы захотим послушать их», — утверждал профессор Колумбийского университета Скайлер⁶. О том, как Ллойд Джордж «начал восстанавливать равновесие внутри общества», с одной стороны, а с другой — дал урок последующим буржуазным реформаторам, в том числе и кейнсианцам, по вопросу о «неимпериалистическом» будто бы помещении инвестиций, повествовал Стрэчи⁷. Это и было исходным пунктом того процесса, в результате которого теперь будто бы «правительство может в широких масштабах воздействовать на распределение совокупного продукта между потреблением, инвестициями, экспортом и социальными расходами»⁸.

Английские и американские историки и социологи в последнее время все чаще обращаются к опыту «поздневикторианской» и «эдвардианской» Англии для обеления складывавшегося тогда империализма, что характерно в целом для буржуазной литературы⁹ или для противопоставления империалистических

⁴ H. Ausubel. In *Hard Times. Reformers among the Late Victorians*. New York, 1960, p. 329.

⁵ Ph. D. Curtin. *Op. cit.*, p. 83.

⁶ R. L. Schuyler. *The Fall of the Old Colonial System. A Study in British Free Trade, 1770—1870*. London, 1945, p. 6.

⁷ J. Strachey. *The End of Empire*. London, 1959, p. 117.

⁸ C. A. R. Crosland. *The Future of Socialism*. London, 1957, p. 50 а. о.

⁹ См., в частности, упомянутую книгу Осбела, а также: В. Semmel. *Imperialism and Social Reform. English Social-Imperial Thought, 1895—1914*. London, 1960 (далее — *Imperialism...*). Даже участники конференции в университетском колледже в Солсбери (Родезия) стремились разграничить «английский империализм как серьезное и ответственное политическое движение» от будто бы «его случайного союзника — джингоизма». Они одобрили встречу применения терминов «forward school» и «consolidationists» вместо «империалисты» и «антиимпериалисты». Южнородезийский историк Стокс всячески старался противопоставить известного деятеля британской колониальной администрации лорда Милнера Сесилу Родсу. Так называемая «либеральная школа» родезийских историков готова всячески раздувать несущественные расхождения между отдельными английскими империалистами, для того чтобы представить Родса единственным виновником «крайностей» южноафриканской политики Англии в конце XIX в. и обелить эту политику в целом. — E. Stokes. *Milnerism*. — «The Historical Journal», 1962, N 1, p. 47, 59—60.

«эксцессов» того времени нынешней эпохе «дезимпериализма»¹⁰. К последнему все более склоняется праволейбористская и ревизионистская историография. Даже вполне буржуазные авторы писали исторические исследования о начале XX в., по их собственным словам, для подкрепления и во славу «нового социализма» Кроссмена-Гейтскелла¹¹. В то же время ревизионисты восхваляли идеологов английской буржуазии 60—70-х годов за их «либеральные и радикальные традиции» в области колониальной политики, выразившиеся в том, что они, например, не могли не осудить приобретшую огласку кровавую расправу с местным населением на Ямайке в 1865 г.¹²

После второй мировой войны буржуазная историческая наука занята в первую очередь пересмотром истории капитализма. При этом империализм нередко изображался (и поныне еще часто представляется) в виде приводящихся явлений, совершенно чуждых самому существу капитализма, от которых поэтому при рассмотрении современных судеб последнего можно было-де абстрагироваться. Теперь исподволь происходит все более заметное видоизменение этой позиции. Во главу угла ставится уже не только оправдание капитализма как такового, но и оправдание — а не только замалчивание — столь одиозного ныне в глазах народов империализма.

Трактовка экономической, колониальной и социальной политики британского империализма начала XX в., его идеологии, к которым буржуазная наука проявляет повышенный интерес, стоит в прямой связи с определением понятия империализма. Остановимся на этом вкратце.

* * *

Для историков, наиболее близких к традиционной вигско-либеральной школе, характерно отрицание связи между развитием капитализма и становлением империализма, а нередко и прямое противопоставление их, поскольку-де капитализм по самой своей природе антиимпериалистичен и враждебен милитаризму (в качестве классического примера приводится вся манчестерская школа).

Английский ученый Х. Л. Билс в своем предисловии к первому английскому изданию книги копенгагенского профессора Боделсена, подчеркивая ее злободневность, «свежесть и ценность», особо хвалил автора за умолчание о «монополистическом капитализме, предшествующем диктатуре пролетариата», за то, что «его очерк милосердно пощажен» от стати-

¹⁰ J. Strachey. *Contemporary Capitalism*. London, 1956, p. 32.

¹¹ B. Semmel. *Imperialism...*, p. 260—261.

¹² «The New Reasoner», N 7, p. 1—11.

стических данных и «он (автор) не одержим экономикой»¹³. Указанные «достоинства» дают Билсу основание трактовать эту работу чуть ли не как образец исторического исследования. И. Шумпетер, оказавший большое влияние на позитивистскую экономическую мысль в послевоенный период, причудливо сочетавший германскую «историческую школу» В. Рошера и Г. Шмоллера с выросшими на английской почве «неомеркантилистскими» воззрениями Кеннингхема и «государственным регулированием» Кейнса, писал: «Империализм по характеру своему атавистичен. Другими словами, это элемент, выросший из условий не настоящего, а прошлого — или, употребляя термин экономической интерпретации истории (имеется в виду марксизм.— М. К.), из прошлого скорее, чем из современных отношений производства»¹⁴. Он отрицал закономерность империализма как порождения капитализма¹⁵. С точки зрения Семмела, духовного ученика Шумпетера, империализм порождается не экономическими законами развития, имманентно присущими капитализму, а только сочетанием их с пережитками «иррациональных чувств» и экономической политики «докапиталистических времен»¹⁶. Американский историк Ричард Брэйс подчеркнул, что «неэкономические и иррациональные побудительные причины играют важную роль в возникновении таких явлений, как старый и новый империализм»¹⁷.

В буржуазной науке психологизация явлений социальной жизни вообще становится опять еще более модной, чем их биологизация. Наиболее широкое распространение получила трактовка империализма как явления, существо которого лежит в области психического склада людей (частный случай — психологическая реакция на внешнюю конкуренцию; об этой точке зрения, связанной с концепциями экономического материализма, см. ниже).

Для настоящих империалистов, по мнению преподавателей Гринвичского и Итонского колледжей, «империализм был религией»¹⁸. Буржуазная наука по-прежнему — вслед, например, за писавшим 40 лет тому назад Галеви¹⁹ — сводит английский империализм к стремлению утвердить имперское величие Вели-

¹³ C. A. Bodelsen. *Studies in Mid-Victorian Imperialism*. London, 1960, p. 5.

¹⁴ J. A. Schumpeter. *Imperialism and Social Classes*. Oxford, 1951, p. 84.

¹⁵ *Ibid.*, p. 117.

¹⁶ B. Semmel. *Imperialism...*, p. 17, 143, 151—152. Ср.: P. M. Sweezy. *The Transition from Feudalism to Capitalism*. London, 1955.

¹⁷ R. M. Brace. *The Making of the Modern World. From the Renaissance to the Present*. New York, 1955, p. 664; see also p. 662—663, 683.

¹⁸ W. A. Barker a. o. *Op. cit.*, p. 115.

¹⁹ Э. Галеви. *История Англии в эпоху империализма*. М., 1937, стр. 6, 8, 11.

кобритании. При такой постановке вопроса утверждение, например, о том, что «с 1885 г. Англия проводит политику последовательного и сознательного империализма» (при этом во внимание берется только ее политика по отношению к бурам)²⁰, выглядит не столь уж односторонне мотивированным. «Рост империализма среди всех классов Великобритании был глубоким психологическим изменением», — отмечает английский историк Вуд²¹, но он умалчивает о его экономических и классовых основах. Профессор Вест-Индского университета Торнтон трактует империализм как «большую гордость за империю, большой патриотизм» и предлагает вообще отказаться от этого понятия как чересчур «неясного». Он с удовольствием подменяет его понятием «имперской идеи, нападки на которую ни разу не увенчались успехом»²². Боясь, очевидно, быть заподозренным в чрезмерном внимании к экономическим факторам, Стрэчи то и дело пускался в рассуждения о «национальных целях», перестройке «народного духа» и т. п.

Среди буржуазных историков идеологии, даже тех, кто отдает дань экономическому материализму и «теории факторов», считается «односторонним» и одиозным останавливаться на пренебрежительно оставляемом в стороне «отношении его (империализма.— М. К.) к капиталистическому производству»²³.

Возложить — притом совершенно безосновательно — вину за распространение империалистических идей на народные массы — излюбленный прием буржуазных историков, независимо от того, объясняют ли они этим «усиление энтузиазма в отношении империи» или его ослабление (например, к концу англо-бурской войны)²⁴. «Растущее сознание огромной популярности империализма среди британского рабочего класса, — лицемерно уверяет Семмел, — заставляло многих политиков обеих политических партий ко времени бурской войны разделять «империалистическую точку зрения»²⁵. Буржуазные историки теперь не прочь даже преувеличивать роль рабочего класса, если это им нужно для обоснования лживой теории о стихийном «народном империализме». С другой стороны, этапы колониальной, как и внешней, политики до крайности персонифицируются — в зави-

²⁰ W. A. Barker a. o. Op. cit., p. 251.

²¹ A. Wood. Nineteenth Century Britain: 1815—1914. London, 1906, p. 376.

²² A. P. Thornton. The Imperial Idea and Its Enemies. A Study in British Power. London, 1959, p. X.

²³ B. Semmel. Imperialism..., p. 14. Cf.: V. Harlow. Op. cit., p. 13—14.

²⁴ W. A. Barker a. o. Op. cit., p. 166; R. Koebner, H. D. Schmidt. Imperialism. The Story and Significance of a Political World, 1840—1960. Cambridge, 1964, p. 212.

²⁵ B. Semmel. Imperialism..., p. 25.

сности от возвышения (exalting) ее, по выражению маститого английского историка Батлера, гем или иным лицом ²⁶.

Империализм равнозначен обладанию империей или, вернее, стремлению к этому — таков лейтмотив рассуждений подавляющего большинства английских авторов, затрагивающих вопросы трактовки империализма на страницах своих исторических, экономических и социологических работ. Чувство «гордости британцев за свою империю» на рубеже XIX и XX вв., культивируемое буржуазией и действительно существовавшее, наряду с крохами материальных благ, вовлечению довольно широких слоев английских рабочих в орбиту колониальной политики (хотя организованные отряды рабочего класса протестовали против англо-бурской войны), абстрагируется в этих работах от каких-либо факторов классового порядка и ставится превыше не только классовой борьбы в самой Англии, но и всего мирового антиколониального движения ²⁷. При этом проблема империи нередко сужается до проблемы взаимоотношений с буржуазией так называемых бывших «переселенческих колоний», ставших в дальнейшем доминионами. Даже говоря об области британских имперских отношений, один и тот же автор в разных работах был волен истолковывать ее то как всю собственно колониальную систему, то как взаимоотношения лишь с доминионами, либо, наконец, сужать ее до чисто административных вопросов ²⁸. При всей «широте взглядов» и отчасти псевдомарксистской фразеологии Джон Стрэчи также сводил империализм к сфере имперских отношений, конец «классической» Британской

²⁶ См., например: R. Koebner, H. D. Schmidt. Op. cit., p. 261—262; J. Butler. A History of England, 1815—1939. London, 1960, p. 187; «The Cambridge History of the British Empire», vol. 3 (The Empire—Commonwealth, 1870—1919). Cambridge, 1959, p. 339—340; D. K. Fieldhouse. «Imperialism». An Historiographical Revision. — «The Economic History Review», December 1961, p. 207. Столь же субъективистскую оценку социальной политики консерваторов см.: G. Dangerfield. The Strange Death of Liberal England. London, 1936, p. 13 а. о.

²⁷ «The New Cambridge Modern History», vol. 12.— The Era of Violence, 1898—1945. Cambridge, 1960, p. 529; P. Kaplun. British Commonwealth and Empire, 1901—1955. London, 1956, p. 3. И по сей день палач суданского народа генерал Гордон продолжает превозноситься как национальный герой и носитель духа викторианской Британии.— R. A. Rosenbaum. Earnest Victorians. New York, 1961, ch. 6. Устроенная же Китченером бойня под Омдурманом — «замечательный триумф», и У. Черчилль был вполне согласен с этой оценкой (W. S. Churchill. A History of the English-speaking Peoples, vol. 4. London, 1958, p. 290).

²⁸ Ср. неоднократно переиздававшиеся работы Дж. Р. Марриота: «English Political Institutions. An Introductory Study», «The English in India. A Problem of Politics», «Empire Settlement». Проблему «защиты империи» Марриот толковал только с точки зрения защиты индийской границы, а политику Дж. Чемберлена — лишь как антигерманскую. Современную официальную точку зрения на трансформацию империи в Содружество чуть ли не с самого начала XX в. см.: D. Ch. Somervell, H. Harvey. The British Empire and Commonwealth. London, 1959, p. 345, 347, 371.

империи уже поэтому означает, как он утверждал и в «Современном капитализме», и в «Конце империи», конец британского империализма. Третья часть последней работы, озаглавленная «К теории империализма», обобщает концепцию Стрэчи на примерах из всей истории человечества²⁹; эта концепция выглядит простым перепевом воззрений Йозефа Шумпетера и Арнольда Тойнби с их «античным», «старым», «новым», «современным» и т. п. «империализмами» и прочей терминологической эквилибристикой³⁰. На той же позиции фактически стоит и «Кембриджская история Британской империи», полагающая, что каждый новый «вид империализма был новым явлением» по сравнению с предыдущими, что «все империализмы» имели свою специфичку и, соответственно, как реакцию,— свои «антиимпериализмы»³¹. В. И. Ленин еще в 1916 г. подверг уничтожающей критике подобные «пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения „великого Рима с великой Британией“», «забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций»³².

* * *

В настоящее время, когда имя В. И. Ленина, его всепобеждающие идеи стали знаменем борьбы многих сотен миллионов людей, реакционным ученым становится все труднее замалчивать ленинскую теорию империализма. Ныне они в своем большинстве сходятся на том, что их целям больше соответствует отнюдь не огульное отрицание и игнорирование ленинской концепции монополистической стадии капитализма с открытой

²⁹ J. Strachey. *The End of Empire*, p. 319—342. See also A. L. R. Burt. *The Evolution of the British Empire and Commonwealth from the American Revolution*. Boston, 1956; P. G. Walker. *The Commonwealth*. London, 1962, ch. 1—Transformation of British Imperialism; Earl Attlee. *Empire into Commonwealth*. London, 1961, passim, a. o.

³⁰ Ср.: A. Y. Widgerу. *Interpretations of History from Confucius to Toynbee*. London, 1961; S. N. Eisenstadt. *The Political Systems and Empires*. Glencoe, 1963; J. A. Schumpeter. *Op. cit.*, p. 31—82; R. Коебнер. *Empire*. Cambridge, 1961; R. Коебнер, H. D. Schmidt. *Op. cit.* (последние две работы можно считать типичным примером своего рода политико-семантического подхода). Помимо «империи развитого капитализма», Стрэчи выделяет «рабские», «смешанные» и меркантилистские империи, соответственно ступеням развития человечества от рабовладения к капитализму (J. Strachey. *The End of Empire*, p. 326—340). Так, он утверждал, что первоначальной формой империализма было рабовладение — как с точки зрения внешних, так и внутренних факторов рабовладельческого общества (*Ibid.*, p. 322). О воздействии «историсофии» Тойнби см. там же (особенно стр. 323, 331, 337).

³¹ «The Cambridge History of the British Empire», vol. 3, p. 339.

³² В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 27, стр. 379. Трудно обозримая библиография подобной литературы отчасти представлена в кн.: L. J. Ragatz. *The Literature of European Imperialism, 1815—1939. A Bibliography*. Washington, 1947.

В. И. Лениным же ее последующей модификацией — государственно-монополистическим капитализмом. Нет, более плодотворным им представляется утонченная фальсификация ленинского учения, его прямое извращение, драпировка своих рассуждений под ленинский анализ.

Те авторы, которые признают наличие особой фазы империализма в конце XIX — начале XX в., все еще под ширмой «новой» аргументации (новой по форме, а не по существу) пытаются отрицать связь империализма с развитием капиталистического способа производства. Это иллюстрируют и вышеприведенные примеры. Но в буржуазной науке существует весьма влиятельное направление, которое признает естественным в прошлом, на определенной стадии экономической конъюнктуры «старого» капитализма, перерастание капитализма в империализм. Однако это признание сопровождается столь многими оговорками, что, во-первых, остается лишь возможность такого перерастания, которая в каждом конкретном случае якобы не реализовывалась, а, во-вторых, подчеркивание чисто конъюнктурных факторов (главным образом внешнеэкономических) ведет к отрицанию закономерного и неизбежного характера этого процесса.

К последнему направлению примыкает и большинство реформистских и ревизионистских изысканий по истории империализма до начала кризиса мирового капитализма. Стрэчи соглашался с тем, что «...во времена Ленина... его „модель“ не была нереалистичной для Британии 1900—1914 гг.», но, мол, «к несчастью, он генерализовал преходящий баланс социальных сил в эдвардианской Британии»³³, что будто бы совершенно нетипично для «перезревшего („overripe“) капитализма»³⁴. Походя Стрэчи подменил марксистское понятие концентрации капитала, монополии и монопольной прибыли придуманной им (отчасти заимствованной у Шумпетера и Суизи) «олигополией», под которой он по сути имел в виду сокращение числа фирм, и считал это понятие, наряду с усилением территориальной экспансии, достаточным для характеристики монополистической стадии капитализма.

Фальсификация взглядов В. И. Ленина — лейтмотив всей подобной литературы, и этот стержень изложения является для нее единым — независимо от того, выражен ли он прямо или завуалированно. В этом пункте в наибольшей степени сближаются эклектичные и противоречивые сами по себе работы всех антимарксистских авторов — буржуазных, реформистских, ризи-

³³ J. Strachey. The End of Empire, p. 117.

³⁴ Ibid., p. 112. Сходная в своей основе концепция разрабатывается и в других лейбористских сочинениях, вышедших позднее. — См.: M. V. Brown. After Imperialism. London, 1963, p. 12—13, 95—98, 291—292 а. о.

сионистских. Ряд из них предпочитает иметь дело по преимуществу с такими «неомарксистами», как Каутский, Гильфердинг, Реннер (последний заслужил особое благоволение сторонников так называемого «империализма пролетариата»). Они нередко стараются отождествить немарксистские положения этих ренегатов со взглядами В. И. Ленина. Обычно это делается исподволь.

Новые веяния едва ли не первым выразил проф. Суизи, возглавлявший после второй мировой войны экономический факультет Гарвардского университета. В канун 1953 г. он представил объединенной сессии Американской исторической ассоциации и Ассоциации экономической истории доклад о «марксистской точке зрения по вопросу об империализме»³⁵. А спустя девять лет в претендующем на солидность буржуазном журнале по экономической истории опубликована статья историографически-методологического характера, лейтмотив которой — доказательство плодотворности и истинной научности отрыва политики империализма от экономики; в полемике по этому вопросу между В. И. Лениным и К. Каутским автор целиком на стороне Каутского³⁶.

Разумеется, буржуазные авторы обнаруживают определенные оттенки в своем подходе к этим вопросам, но сохраняют полное единство, в основном, в попытках извратить и принизить всемирно-историческое значение ленинизма. Лэндс, Кебнер и Семмел даже на словах «не видят» разницы между концепциями В. И. Ленина, Р. Люксембург, Р. Гильфердинга³⁷. Стрэчи выдает В. И. Ленина за сторонника люксембургской концепции накопления капитала³⁸, которая объективно подводила к идее автоматического краха капитализма, сформулированной эпигонами люксембургства. Социолог же из Флоридского университета Смит противопоставил В. И. Ленину «неомарксистов» Бернштейна, Каутского, Люксембург и Гильфердинга³⁹.

³⁵ P. M. Sweezy. *The Present as History. Essays and Reviews on Capitalism and Socialism*. New York, 1953, p. 79—92; O. H. Taylor. *A History of Economic Thought. Social Ideals and Economic Theories from Quensay to Keynes*. New York, 1960, p. 393 sq. See also W. S. Buckingham. *Theoretical Economical Systems*. New York, 1958, p. 199—234.

³⁶ D. K. Fieldhouse. «Imperialism».—«*The Economic History Review*», vol. 14, N 2, December 1961.

³⁷ D. D. Landes. *Some Thoughts on the Nature of Economic Imperialism*.—«*The Journal of Economic History*», December 1961, p. 496—497; B. Semmel. *Imperialism...*, p. 14, 16, 144, 166; R. Koebner. *The Concept of Economic Imperialism*.—«*The Economic History Review*», 2d Ser., vol. 2, p. 5.

³⁸ J. Strachey. *The End of Empire*, p. 104—105. Оценку В. И. Лениным «неудачного дополнения теории Маркса Розой Люксембург» см., например, в «Ленинском сборнике», т. 22, стр. 346, 347, 354—390.

³⁹ См.: Sh. D. G. Smith. *Lenin's «Imperialism». A Study in the Unity of Theory and Practice*.—«*The Journal of Politics*», vol. 17, N 4, November 1955, p. 547, 555.

Наконец, Суизи готов поднять на щит одну Люксембург как-де самого компетентного и дальновидного марксистского автора по вопросам империализма⁴⁰, ибо люксембургизм все же больше устраивает буржуазных критиков, чем ленинизм; о борьбе Люксембург против каутскианства, о происходившем у нее в самом конце жизни пересмотре некоторых ошибочных взглядов эти критики, конечно, умалчивают. Попытки же поставить в единый ряд «неомарксистов» (от буржуазных катедер-социалистов до каутскианцев) и Р. Люксембург, преданную делу пролетариата революционерку, хотя временами и делавшую ошибки, опровергаются и той отповедью, которую сама Люксембург дала по этому поводу: «Цель этой концепции (представителей „ортодоксального марксизма“.— М. К.) заключается в том, чтобы представить фазу империализма не как историческую необходимость, не как фазу решающей борьбы за социализм, но как злой умысел кучки заинтересованных в этом лиц»⁴¹. Р. Люксембург хорошо сознавала значение классовой борьбы пролетариата, хотя она, к сожалению, так и не поняла вопроса о союзниках пролетариата развитых капиталистических стран в его борьбе. Это отразилось и на ее экономической теории империализма, в которой она неправильно трактовала проблему реализации и фактически абстрагировалась от классовой борьбы как постоянного и единственного пути свержения загнивающего и умирающего капитализма. Игнорирование Люксембург национально-освободительного движения используется теперь для оправдания прежде всего английского, колониального по преимуществу, империализма.

Используя ошибку Р. Люксембург, современные идеологи и историки колониализма стараются приписать марксизму-ленинизму просчет в оценке экономического значения колоний для капитализма. Но В. И. Ленин никогда не утверждал, что колонии являются для метрополии главным источником расширенного капиталистического воспроизводства на любой его исторической стадии, что в колониях — основная причина достижения империалистическими странами сравнительно высокого уровня жизни большинства населения. Даже в Англии, где грабёж колоний приобрел поистине огромное значение, которое трудно переоценить, все же главным источником обогащения буржуазии всегда была прежде всего прибавочная стоимость, выжимаемая из рабочего класса метрополии. А относительно высо-

⁴⁰ Р. М. Sweezy. *Present as History*, p. 93—94, 291—294.

⁴¹ Р. Люксембург. *Накопление капитала*. т. 1—2. М., 1924, стр. 664—665. В последнее время находят и такие буржуазные авторы, которые клеветнически приписывают Р. Люксембург и В. И. Ленину авторство пресловутой теории «автоматического краха капитализма» (См.: W. Bickel. *Wirtschaftliche Aspekte des Kolonialismus im Zeitalter des Imperialismus und in der Gegenwart*.— «Europa und der Kolonialismus». Zürich, 1962, S. 177).

кий жизненный уровень объяснялся как колониальными сверхприбылями, так и высокой в целом производительностью общественного труда и завоеваниями, достигнутыми рабочими в упорной борьбе против капитала.

Ленинизм выдается то за учение, пригодное лишь для слабо развитых стран, то, наоборот, за люксембургскую концепцию колоний лишь как пассивного объекта эксплуатации империалистами⁴². О том, с какой легкостью разделяются буржуазные авторы с марксистской теорией, говорит и такой «свежий» вывод в статье «синтетического» характера: «Марксистская концепция капиталистической системы выросла как местный феномен в Западной Европе и потом, в своей последней фазе, распространилась на весь мир в форме концепции колониального империализма (концепция, которая может быть так названа, изобретена не Марксом, а позднейшими марксистами)»⁴³. Справедливости ради автор должен был бы отметить, что колониальная система капитализма, равно как и империализм, «изобретены» самим капитализмом, а упомянутые «географические» изыскания изобретены критиками марксизма много десятков лет тому назад.

Что же касается отождествления взглядов В. И. Ленина с точкой зрения Гильфердинга, то это — едва ли не распространеннейшая догма в буржуазной и реформистской литературе по империализму⁴⁴. Буржуазных историков и экономистов, среди которых уже наиболее традиционным становится определение английского империализма при помощи факторов внешнеторговой политики, особенно привлекает преувеличенное значение, придававшееся Гильфердингом при характеристике империализма высоким таможенным пошлинам и стремлению оградить этими тарифами возможно большую территорию⁴⁵. Даже Стрэчи критикует некоторых английских авторов начала XX в. — но отнюдь не Гильфердинга — за недооценку межимпериалистических противоречий⁴⁶ (самоу Стрэчи увидеть эти противоречия в начале XX в. помогла первая мировая война). Но недо-

⁴² Ср.: D. G. Smith. Op. cit., p. 567; D. K. Fieldhouse. Op. cit., p. 193.

⁴³ H. Lüthy. Colonisation and the Making of Mankind.— «The Journal of Economic History», vol. 21, December 1961, p. 489. См. также: O. H. Taylor. Op. cit., p. 395, 399.

⁴⁴ См., например: P. M. Sweezy. Present as History, p. 81; A. Meyer. Leninism. Cambridge (Mass.), 1957, p. 238. Правда, Филдхауз подходит к этому вопросу уже значительно осторожнее.— D. K. Fieldhouse. Op. cit., p. 194 а. о. Зато преподаватель Гарвардского университета Тэйлор отрицает связь ленинской теории империализма с экономическим учением Маркса.— O. H. Taylor. Op. cit., p. 393—398.

⁴⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 312. Шумпетер довел эту точку зрения до абсурдной крайности, утверждая, что «протекционистская политика рождает картели и монополии».— J. A. Schumpeter. Op. cit., p. 104.

⁴⁶ J. Strachey. The End of Empire, p. 103.

оценка противоречий империализма была характерна и для Гильфердинга, вообще преувеличивавшего «организованность» финансового капитала⁴⁷. В связи с одним из своих важных выводов о паразитизме и загнивании капитализма В. И. Ленин подчеркивал, что «Гильфердинг, бывший „марксист“, ...сделал по этому вопросу шаг назад по сравнению с *откровенным* пацифистом и реформистом, англичанином Гобсоном»⁴⁸ (об отношении современной историографии к Гобсону см. ниже).

В буржуазной науке вообще неизменна тенденция разрывать и противопоставлять органически связанные друг с другом элементы экономической революционной теории марксизма. О том, как это делается применительно к ленинской теории империализма, может дать представление статья уже упоминавшегося Дэвида Смита «„Империализм“ Ленина: изучение в единстве теории и практики». Автор разъединяет «экономическую теорию» и «революционную практику» ленинизма. Последнюю он связывает только с российской действительностью, игнорируя тот факт, что ленинизм явился обобщением всего того нового в мировой экономике, политике и революционном движении, что появилось после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса. В конце концов, Смит опять-таки сводит все к заскорузлой догме о том, что Ленин делал якобы ставку на «государственный переворот меньшинства», но и приписывает Ленину еще и свою «свежую» мысль: «массы... могут прийти к социалистическому сознанию только после революции»⁴⁹. Что же касается экономической теории, то она-де заимствована у австромарксизма. Кивая далее на Гильфердинга, Смит умалчивает о том, что последний расходился с Лениным и, естественно, с Марксом, помимо всего прочего, и в основном политико-экономическом вопросе: Гильфердинг, как известно, преувеличивал роль обращения в развитии капиталистического способа производства, особенно на стадии империализма. А буржуазные историки все толкуют о «ленинской попытке объединить неомарксистскую теорию с большевистской практикой», о том, что «Ленин... объединил вместе свои собственные мысли о революции с подходящей доктриной, импортированной из австрийской социал-демократии... и брак породил странный плод»⁵⁰. В хорошо известной статье «К пересмотру партийной программы» Ленин ясно показал, что само гильфердинговское определение — «борьба за хозяйственную территорию» — затушевывает существо экономической экспансии финансового капитала, стирает разницу между экспансией монополистического капитализма и при империализма-

⁴⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 308—313.

⁴⁸ Там же, т. 27, стр. 307.

⁴⁹ D. G. Smith. Op. cit., p. 549, 551, 552, 556—562.

⁵⁰ Ibid., p. 562, 563.

лизме и по сути придает всей этой проблеме внеисторичный оттенок⁵¹.

Сводить ленинское учение об империализме лишь к «финансовому капиталу», в трактовке Гильфердинга, к подчинению промышленности банкам и только — один из излюбленных приемов вульгаризации ленинской идеи финансового капитала⁵². Иногда поступают иначе: не делается различия между марксистами и реформистско-буржуазными адептами «экономического империализма» на том «основании», что все они якобы считают «современный империализм продуктом монополистического капитализма» (такая «объединительная» формулировка — продукт словотворчества сотрудника Калифорнийского университета Лэндса)⁵³. Диалектически сложный процесс развития империализма сводится к рассмотрению одного — насколько точно колониальные захваты той или иной державы хронологически совпадали со временем создания в ней наибольшего числа картелей, трестов. Постулируется положение, что захват какой-либо колонии (по крайней мере после 1870 г.), согласно Ленину, всегда будто бы следует за подъемом в создании монополистических объединений в метрополии. Поскольку такой закономерности в жизни не было и активизация колониальной политики, действительно, нередко предшествовала, в особенности в Великобритании, максимальному оживлению трестирования в промышленности, то отсюда делается вывод о том, что основной тезис Ленина, мол, не подтвердился⁵⁴. Такая «логика» побивает самих «исследователей». «Доказываются» со ссылками на ленинизм две вещи, равно противоречащие друг другу и ленинизму. Первое — если нет прямых колониальных захватов, то нет и империализма, хотя бы в данной стране и существовал монополистический капитал (типичный пример — США), а значит империализм связан только с колониализмом (разумеется, в его «старой» форме). Второе — если налицо колониализм, но в стране-метрополии относительно слабо развиты промышленные монополии и контроль банков над промышленностью, то и здесь нет империализма (пример — Англия, и здесь уже под видом опровержения марксизма-ленинизма опровергается обычно именно Гильфердинг). Такими софизмами нетрудно доказать неприменимость ленинского учения к любой стране.

Касаясь существования в Англии финансового капитала (в ленинском понимании), буржуазные историки и социологи, вслед за многими экономистами, исходят из того основного для них аргумента, что «если это было верно для любой другой страны,

⁵¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 368—370.

⁵² Ср.: там же, т. 27, стр. 343—344.

⁵³ D. D. Landes. Op. cit., p. 497.

⁵⁴ См., например: D. K. Fieldhouse. Op. cit., p. 197.

то это не было верно для Британии; никто не мог утверждать, что британский капитал тогда контролировался немногими трестами и даже картелями»⁵⁵, «финансового контроля над промышленностью» применительно к Англии «никто из марксистов не доказал»⁵⁶ (речь идет о том, что большинство примеров для иллюстрации бралось из числа более ярких фактов, относящихся к Германии и США). Однако все подобные авторы игнорируют те разъяснения В. И. Ленина о сущности и особенностях этого процесса, которые были вполне применимы и к Великобритании⁵⁷.

Специфика сращивания банковского и промышленного капитала в Англии в условиях, когда концентрация банковского капитала развивалась быстрее промышленного и шла в основном по линии связи с колониальными предприятиями и зарубежными инвестициями, маскировалась еще более скрытой, чем в других странах, системой финансовой отчетности (особенно частных банкирских домов), системой ссуд-овердрафт, инвестименттравств (перед первой мировой войной их было 85)⁵⁸ и «обществ содействия», могущественных страховых компаний и пр.

Хотя своеобразие форм сращивания промышленного и банковского капитала в Англии подчеркивалось разграничением депозитных и инвестиционных функций между различными учреждениями финансового мира, тем не менее финансовый капитал в Великобритании уже к началу первой мировой войны был не менее могуществен, чем в Германии, Франции или США. В связи с тем, что английские банки имели, как правило, в своих портфелях только ценные бумаги английского правительства, правительств доминионов и иностранных государств, муниципалитетов и т. п., но не промышленных компаний, в Великобритании центрами финансового капитала становились не клиринговые банки и не промышленные компании, а банкирские дома, связанные с колониальными предприятиями. В связи с ориентацией банков на вывоз капитала и на колониальные рынки процесс открытого слияния промышленного капитала с банковским происходил замедленными темпами. Руководство монополиями фактически осуществляли представители старых финансовых домов, возглавлявших банки «Ротшильд энд санз», «Хамброс бэнк», «Беринг бразерс», «Морган, Гренфел энд К⁰», «Лазар бразерс энд К⁰» и т. п., колониальные дельцы, титулованные аристократы (например, герцоги Девоншир и Сатерленд) и главным образом промышленные магнаты — Болдуин, Томас, Левер, Монд и др.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ R. Semmel. Imperialism..., p. 144.

⁵⁷ См.: В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 22, стр. 204—205, 208, 285.

⁵⁸ Только между 1905 и 1914 гг. возникло 32 инвестименттравста.— J. C. Gilbert. A History of Investment Trusts in Dundee. London, 1939, p. 7.

Еще с конца XIX в. лондонский Ротшильд, например, установил тесную связь с «Виккерс», а «Хамброс бэнк» — с «Кеммел Лерд»; число подобных фактов не поддается точному учету. «Но, — как справедливо заметил прогрессивный английский экономист С. Ааронович, — одно дело выявлять особенности взаимоотношений банковского и промышленного капитала, и совсем другое дело — сослаться на эти особенности как на доказательство того, что финансовый капитал в Англии отсутствует»⁵⁹. Еще до первой мировой войны личная уния приобрела вполне реальные очертания. В 1913 г. представители только Английского банка и банков «большой пятерки» занимали в различных финансовых и страховых обществах 182 директорских поста, а в дирекциях крупных промышленных компаний — 147 мест (в 1880 г. они занимали соответственно 102 и 55 мест, а в 1927 г. — уже 320 и 606 мест)⁶⁰. Отчасти в результате проведенного при содействии банков разводнения акционерный капитал военно-промышленной фирмы Бирдмора возрос с 3 млн. ф. ст. в 1913 г. до 8 млн. ф. ст. в 1920 г.⁶¹, концерна «Виккерс» — с 9,5 млн. ф. ст. в 1913 г. до 31 млн. в 1922 г.⁶² и т. д. Первый президент Федерации британской промышленности Ф. Д. Доккер к 1916 г. был директором «Мидлендс бэнк», Британской торговой корпорации, крупной компании «Метрополитэн рейлуэй» и др.⁶³ С другой стороны, на протяжении почти всей истории Англии в XX в. при определении ее политики в правящих кругах при всех зигзагах этой политики интересы инвесторов большей частью превалировали над интересами британской промышленности и торговли. Это определялось и определяется соотношением сил внутри финансового капитала, еще с начала XX в. держащего в своих руках ключевые позиции в британской экономике, равно как и тесным сращиванием банковского и промышленного капитала, приведшим не к простому подавлению одного из них, а к подчинению финансовой олигархии всего немонополизированного капитала.

Столь же неверна и другая антинаучная концепция, согласно которой роль банков в эпоху империализма сводится почти на нет и поэтому «теперь восстанавливаются те отношения, которые существовали до процесса комбинирования»⁶⁴.

⁵⁹ С. Ааронович. Британский монополистический капитал. М., 1956. стр. 58 (см. также подробнее стр. 57—61).

⁶⁰ E. Burns. Rationalisation and British Industry.— «Labour Monthly», May 1928, p. 290.

⁶¹ Л. С. Дубинский. Монополии и экономика Англии. М., 1960, стр. 108.

⁶² «The Workers' Register of Labour and Capital». London, 1923, p. 167—168.

⁶³ «The Federation of British Industries». London, 1923, p. 14.

⁶⁴ P. Sweezy. The Theory of Capitalist Development. New York, 1942, p. 267. С 1913 по 1929 г. объем промышленной продукции Англии не изменился, а сумма депозитов в акционерных банках увеличилась больше чем в два раза. С 1937 по 1953 г. промышленная продукция Англии увеличилась на 33%,

Буржуазные историки английского империализма признают в лучшем случае лишь интересы банкиров, торговцев, промышленников и т. д.⁶⁵, тщательно их разграничивая,— в духе известного английского ученого Нэмира. Реформистские авторы ныне вновь стараются объяснить усиление экспорта английского капитала в конце XIX — начале XX в. как раз психологией свободной конкуренции, интересами мелких держателей денежного капитала, противоположностью интересов промышленника и финансиста и т. п. Даже в общем прогрессивный автор утверждает, что «заморские инвестиции были результатом специфических интересов британских рантье, а не британских олигополистов и монополистов»⁶⁶. Буржуазные и реформистские ученые предпочитают говорить об отдельных «интересах» империалистов так же, как и о различных «элементах капитализма», будто бы в одинаковой мере необходимых или ненужных⁶⁷. Американский историк Неф дал «основание» совсем обходить вопрос об историческом месте империализма, «установив», что между современной «индустриальной цивилизацией» и капитализмом нет-де ничего общего⁶⁸.

Наконец, прозорливо отмеченные В. И. Лениным новые явления в развитии монополистического капитализма, перерастание его в государственно-монополистический, весь ленинский анализ этого нового для того времени явления также до неузнаваемости искажается под пером современных критиков. С одной стороны, ставится знак равенства между развитием государственного капитализма в империалистических государствах и социализма в СССР. С другой, характерно стремление представить развитие В. И. Лениным марксизма как процесс усвоения кое-чего из буржуазного опыта Запада. Последнее, как это ни парадоксально, проповедуется даже некоторыми из тех лейбористских идеологов, которые отрицают применимость марксистского учения к условиям Англии. Так, учитывая значение примера социалистического строительства в СССР, они не эс-

депозиты же банков — на 194% (И. А. Трахтенберг. Денежное обращение и кредит при капитализме. М., 1962, стр. 711).

⁶⁵ D. K. Fieldhouse. Op. cit., p. 206, 208; B. Semmel. Imperialism..., p. 61—62, 145—147, 167. С точки зрения английского историка Китсон-Кларка, особенности развития Англии в начале XX в. (в том числе пресловутая устойчивость «викторианского духа») в немалой степени определялись наличием «крупнейших аристократов среди богатейших людей страны».— G. Kitson Clark. The Making of Victorian England. Cambridge (Mass.), 1962, p. 251.

⁶⁶ M. V. Brown. Op. cit., p. 450. На противопоставлении «теорий монополии» и «теорий олигополии» базируется работа проф. Уолтера Бекингема.— W. S. Buckingham. Op. cit., p. 199—274.

⁶⁷ Ср.: O. Cox. The Foundations of Capitalism. New York, 1959, p. 30. «Любая попытка понять капитализм путем выделения того, что является основным,— утверждал Кокс,— заранее обречена на неудачу» (ibid, p. 15).

⁶⁸ J. U. Nef. La naissance de la civilisation industrielle et le monde contemporain. Paris, 1954, p. 29 sq.

танавливаются, в частности, перед тем, чтобы приписать В. И. Ленину заимствование идей военного государственно-капиталистического «планирования», организованного Ратенау в Германии во время первой мировой войны⁶⁹. Уничтожающую критику этого «образцового» государственно-монополистического хозяйства дал сам Ленин⁷⁰.

* * *

В буржуазной и правосоциалистической литературе особенно модным стало ставить знак равенства между взглядами на империализм В. И. Ленина и Джона Гобсона и сводить ленинскую теорию империализма к мелкобуржуазной концепции его, развитой Гобсоном. Именно так поступил, например, сотрудник Стэнфордского университета Хаммонд⁷¹. Стрэчи уверял чигатслей, будто Ленин, стремясь привести Марксову теорию обнищания пролетариата в соответствие с новыми условиями, «скомбинировал» (combination) Гобсона с Марксом. Он даже проводит параллель между Лениным и английским экономистом Кейнсом, разыскивая «корни» их концепций у Гобсона. Правда, он не мог не признать, что кейнсианство с его попытками государственного регулирования капиталистической экономики явилось своего рода реакцией на марксизм-ленинизм в условиях развернувшегося общего кризиса капитализма⁷² (Гобсон делал упор на избыток капиталов, а Кейнс — на их недостаток, но в методологической основе обеих концепций много общего). Стрэчи согласен только с тем, что «нельзя отрицать для причин развития империализма в десятилетия после 1870 г. диагноза Гобсона и Ленина»⁷³. При этом он тщился доказать, будто Ленин был сторонником гобсоновской теории недопотребления. По мнению же Смита, это и не требует доказательств⁷⁴. В действительности же теорию недопотребления взял на свое вооружение именно Стрэчи. Если в начале века буржуазная наука травила Гобсона (его даже «освобождали» от преподавательской работы), то с 20-х годов Гобсон «внезапно обнаружил, что его взгляды распространяются»⁷⁵. Теперь же лейбористская точка зрения на империализм, генетически связанная с концепцией Гобсона, поднимается на щит официальной наукой не только в Англии, но и в других империалистических государствах.

⁶⁹ См.: G. D. H. Cole. The Bolshevik Revolution.—«Soviet Studies», vol. 4, N 2, October 1951, p. 150.

⁷⁰ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 219.

⁷¹ R. J. Hammond. Imperialism: Sidelights on a Stereotype.—«The Journal of Economic History», December 1961, p. 583—584.

⁷² J. Strachey. The End of Empire, p. 99, 103.

⁷³ Ibid., p. 121.

⁷⁴ Ibid., p. 104—105; D. G. Smith. Op. cit., p. 562.

⁷⁵ G. D. H. Cole. Economic Tracts for the Times. London, 1932, p. 91.

На Западе из книги в книгу стало кочевать утверждение о том, будто Ленин сводил империализм к такому действительно важному — особенно при анализе более ранних и развитых черт английского империализма и объяснении причин его сравнительно раннего загнивания, — но отнюдь не единственному признаку, как экспорт капитала. Объективную необходимость возникновения и развития вывоза капитала показал еще Маркс⁷⁶. В эпоху монополистического капитализма этот вывоз возрос в огромной степени и приобрел качественно новый характер. В. И. Ленин, как известно, неоднократно показывал в своих работах, как непонимание неизбежности процесса рождения монополии из свободной конкуренции превращает даже марксистов в дюжинных буржуазных реформистов⁷⁷. Хорошо известно и отношение В. И. Ленина к «мещанской критике империализма» Гобсоном⁷⁸. Тем не менее упоминавшийся уже Билс хвалит Боделсена прежде всего за то, что «он не отразил ленинскую „реконструкцию“ вышедшего вслед за буржской войной „Империализма“ Дж. А. Гобсона»⁷⁹. В специальной главе («Объяснение Гобсона — Ленина») своей последней работы Стрэчи толковал об «инвестиционном империализме Гобсона — Ленина», который-де был применим лишь ко второй половине XIX и началу XX в. В связи с этим нелишне напомнить, что и в начале периода «дезимпериализма» (по Стрэчи)⁸⁰ или при переходе к эпохе «после империализма» (по Брауну) доходы от зарубежных инвестиций Великобритании, в том числе в колониальных и в слаборазвитых странах, почти постоянно возрастали⁸¹. А. Семмел уверяет, что «Ленин повторил доктрины Гоб-

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 280—281.

⁷⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 387—390, 411; т. 30, стр. 93.

⁷⁸ См. там же, т. 28, стр. 390; т. 4, стр. 153, т. 27, стр. 309.

⁷⁹ С. А. Bodelsen. Op. cit., p. 5. Известный американский экономист Гелбрейт также смешивает ленинизм с гобсонизмом. Он пришел к выводу, что «марксистская атака направлена не против капитализма, а против монополистического капитализма». — J. K. Galbraith. American Capitalism. Cambridge (Mass.), 1952, p. 174.

⁸⁰ J. Strachey. The End of Empire, p. 212 а. о.

⁸¹ См.: Ю. И. Винцер. Английские капиталовложения за границей в период империализма. М., 1960, стр. 309—353. В 1962 г. эта дань составила по крайней мере 1,5 млрд. ф. ст. — H. Rathbone. Problems of Imperialism. — «Marxism Today», April 1964, p. 127. В этом году, например, более четверти всей суммы прибылей английского капитала было получено от операций вне страны, притом в значительной степени в пределах прежней колониальной периферии. Это не исключает того факта, что удельный вес внутреннего национального продукта в формировании валового продукта Великобритании растет. Так, по данным советских экономистов, перед первой мировой войной — в 1910—1914 гг. национальный продукт Англии составлял 91,3% в валовом продукте, а чистые доходы из-за границы — 8,7%; в 1960—1964 гг. доля внутреннего продукта увеличилась до 98,8%, а доля заграничных доходов снизилась до 1,2%. В 1908—1913 гг. удельный вес внешней эмиссии в совокупной эмиссии ценных бумаг в Англии составлял 81%, а внутренней эмиссии — 19%;

сона и неомарксистов» (этот вымысел о механическом соединении «доктрин» особенно широко распространен) и лишь «добавил несколько слов о социал-империализме»⁸², причем «марксисты взяли свой намек из сочинений» Гобсона⁸³.

Надо сказать, что в последнее время некоторые буржуазные авторы чувствуют необходимость не ограничиваться только предвзятыми представлениями, а знакомиться с самими ленинскими работами; правда, это знакомство обычно ограничивается (у Суизи, Семмела и др.) лишь одним произведением — «Империализм, как высшая стадия капитализма», из текста которого произвольно выхватываются те цитаты, которые эти «критики» считают подходящими для своих целей. Главное, разумеется, даже не в том, что они часто не знают или — точнее — намеренно игнорируют еще десятки произведений В. И. Ленина, в которых всесторонне рассматриваются проблемы империализма. Главное в том, что и положения гениального ленинского труда, специально посвященного характеристике сущности империализма, искажаются до неузнаваемости.

Поскольку ленинские труды — не книга за семью печатями, их фальсификаторы в самое последнее время прибегают к еще более тонким уловкам для демонстрации своей «объективности». Филдхауз в своей статье, приуроченной к 60-летию выхода «Империализма» Гобсона и претендующей на обобщающий характер, вразрез с традиционной точкой зрения, останавливается на ряде отличий ленинской теории от взглядов Гобсона. Он упоминает о ленинской теории монопольной прибыли, которая не оставила камня на камне от гобсоновского «недопотребления»^{83а} (автор глухо говорит о том, что это — отличие «в самом важном»), о том, что Гобсон игнорировал полуколонии, связывал господство «финансистов» с фритредерской формой внешней торговли и о ряде более мелких частности. Но все эти оговорки понадобились для того, чтобы утверждать, будто В. И. Ленин «расширил модифицированные идеи Гобсона», придав им более гибкий и менее догматический характер и т. п.⁸⁴ Автор

в настоящее время внутренняя эмиссия составляет 97%, а внешняя — 3%. И тем не менее доходы от экспортируемого капитала по-прежнему огромны. За 1952—1963 гг., по официальным данным, они составили 7,6 млрд. ф. ст., в 2,5 раза превысив общую сумму экспорта капитала из Англии в этот период.

В 1958—1960 гг. 1/4 чистых доходов британских компаний была получена за границей, в первую очередь в странах Содружества. — М. В. Г о w n. *Op. cit.*, p. 267.

⁸² В. Semmel. *Imperialism...*, p. 16.

⁸³ *Ibid.*, p. 14. О новейшей трактовке этого «социал-империализма» см. ниже.

^{83а} Cf.: P. A. Baran. *Reflections on Underconsumption.* — «Has Capitalism Changed?» Tokyo, 1961.

⁸⁴ D. K. Fieldhouse. *Op. cit.*, p. 192—194, 209.

доходит до крайних пределов своего объективизма, когда готов отдать предпочтение В. И. Ленину перед Гобсоном при характеристике империализма конца XIX — начала XX в.⁸⁵, но все это лишь для одного: чтобы утверждать, будто для современной эпохи правильным оказался прогноз не В. И. Ленина — величайшего революционера, а Гобсона, считавшего возможным реформировать капитализм и тем избавить его от паразитизма и загнивания. К такому гобсоновскому выводу подводит всякая реформистская критика империализма — даже в том случае, когда отрицается идея Гобсона о роли вывоза капитала в усилении паразитизма английского колониального империализма. «В Британской империи,— пытается утверждать преподаватель Шеффилдского университета левый лейборист М. Браун,— экспорт капитала не был причиной империалистической экспансии, происходившей в конце XIX в. ... Заморские инвестиции... направлялись в большей своей части отнюдь не в колонии»⁸⁶.

Филдхауз усматривает тождество взглядов Ленина и Гобсона в главном, по его мнению,— захвате колоний для помещения в них якобы избыточных инвестиций. Приводя всем известные факты о том, что нередко «инвестиции шли в сырьевой сектор самой английской экономики», что ценные бумаги, например, некоторых железнодорожных компаний, строивших железные дороги не в «своих», английских колониях, а в свободных (на деле часто зависимых) странах, котировались очень высоко, что многие колонии, наконец, имели стратегическое значение,— автор полагает, что тем самым он опроверг ленинскую теорию империализма⁸⁷. В действительности же все подобные факты бьют по опощлению этой классической теории, которую пытаются представить пригодной лишь для объяснения «старого» колониализма. В истории не было и нет ни одного факта, противоречащего ленинскому анализу монополистического, загнивающего и умирающего капитализма.

Говоря же об «империализме после 1870 г.», Стрэчи не отри-

⁸⁵ Ibid., p. 194. Характерно, что Филдхауз подвергает взгляды Стрэчи регулированию, чтобы сблизить его по возможности с Лениным, а не с Гобсоном (ibid., p. 189, 194).

Неточно, на наш взгляд, положение о том, что Гобсон «установил связь между империалистической политикой и основными тенденциями в развитии капиталистической экономики». — «Вопросы истории», 1965, № 10, стр. 83.

К сожалению, в «Советской исторической энциклопедии» нет статьи о Гобсоне (хотя имеется, например, статья о Кейнсе). Нельзя признать правильной справку о Гобсоне во 2-м издании БСЭ, где к нему неправомерно целиком отнесена ленинская характеристика тех буржуазных ученых, которые затушевывали «полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности» (см. БСЭ, т. 11, стр. 563—564).

⁸⁶ M. V. Brown. Op. cit., p. 450.

⁸⁷ D. K. Fieldhouse. Op. cit., p. 196—199.

цал приоритета внутриэкономических факторов, базирующихся на национальном производстве, но, тем не менее, сводил в конечном счете все дело к направлению инвестиций в первую очередь за пределы метрополии и к государственной политике, призванной, наоборот, заботиться об использовании капиталовложений внутри страны⁸⁸.

А Филдхаузу разбор «экономического империализма» понадобился для того, чтобы прийти к выводу: преимущество у Гобсона (а следовательно, и у Каутского) перед Лениным и в том, мол, что Гобсон, как затем и Каутский, признавал возможность развития империализма как «естественного продукта национализма в международной политике». Филдхауз категорически заключает, что причина «империализма после 1870 г.» лежит в области чисто политической, а «торговцы, инвесторы, миссионеры и спекулянты» лишь шли по следам событий. Он даже обвиняет Гобсона — и имея при этом в виду (по контексту) Ленина — в непонимании разницы между сущностью и явлением. Здесь уже наш ученый автор превзошел самого себя. Естественно, что, по его мнению, «капиталисты-паразиты не более, чем гипотетичны», а вместо империализма правильнее говорить об имперском движении, имперской политике, имперском духе, который «не поддается вполне логичному объяснению». В конце концов, этот новейший специалист по империализму (данное слово им употребляется только в кавычках и с легкостью заменяется «экономическим империализмом»), выступающий на страницах экономического журнала, находит, что содержание понятия «империализм» может быть только иррациональным⁸⁹. К подобному же выводу по сути приходит и американский специалист по истории Британской империи профессор Калифорнийского университета Гелбрейт, становящийся в тупик перед «очевидными несообразностями, которые характеризуют историю британской имперской политики в XIX в.»⁹⁰. На большую методологическую «высоту» поднял этот вопрос Хаммонд. Цель его статьи выражена ламентацией по поводу пущенного, мол, Гобсоном в обиход слова «колониализм». «Это слово, которое я не могу описать каким-либо точным или подходящим значением, у каждого на устах. Я повторяю, что мы не можем положить конец этому проявлению массовой культуры⁹¹, но мы можем

⁸⁸ J. Strachey. *The End of Empire*, p. 79 sq, 112. Об истории терминологических дефиниций см.: D. K. Fieldhouse. *Op. cit.*, p. 187.

⁸⁹ D. K. Fieldhouse. *Op. cit.*, p. 204, 206, 208, 209.

⁹⁰ J. S. Galbraith. *Myths of the «Little England» Era.*— «*The American Historical Review*», October 1961, p. 48.

⁹¹ О порожденном современным капитализмом «маскульте» см.: «Проблемы мира и социализма», 1965, № 3, стр. 73—75; Ю. Н. Семенов. *Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии.* М., 1965, стр. 117—119.

по крайней мере сами... избавить от этого наши головы»⁹². Автор призвал использовать описание фактов (отнюдь не в их совокупности!) для «профессионального удовлетворения»⁹³.

Такова полная бесплодность буржуазной науки в тщетных попытках опровергнуть ленинизм. Тяготее к эмпиризму и релятивизму, буржуазная историография варьирует одни и те же положения, которые ей представляются наиболее веским опровержением или наименее грубой фальсификацией марксистского учения об империализме. Будучи по преимуществу эклектиками, авторы соответствующих работ сближают совершенно отличные друг от друга явления по их отдельным изолированным признакам и, как правило, начисто отвергают мысль о возможности какой-то единой, цельной, всесторонней характеристики империализма (не говоря уже о его исчерпывающей теории). При этом авторы противоречат не только друг другу, но, как вы видели, и сами не могут свести концы с концами даже в пределах одной работы.

Выше была обрисована своего рода негативная программа, прямо заостренная против ленинской теории империализма. Каковы же положительные предложения современной английской буржуазной науки в области истории империализма своей страны?

* * *

К созданию систематической теории британского империализма английские буржуазные ученые подходят с точки зрения объяснения истории Англии конца XIX — начала XX в. (пока Англия оставалась страной свободной торговли). Такое разграничение функций между историками, концентрирующими свое внимание на XIX в., и историками современности не является, конечно, случайным. Для них важно скрыть закономерность выживания общего кризиса капитализма.

По утверждению английского буржуазного социолога, «Гобсон и Ленин описывали традиционный фритредерский империализм XIX столетия»⁹⁴. Семмел, претендуя на оригинальность, ставит знак равенства между не им, впрочем, впервые придуманным «фритредерским империализмом» и «империализмом экспорта капитала», подменяя этим всестороннюю ленинскую характеристику империализма, относя эту характеристику только к XIX в. и считая тем самым вопрос исчерпанным.

В упомянутой книге Скайлера уже отмечалось — в противоположность, например, филиппикам Сили против Кобдена и Брайта — заслуга фритредеров в подготовке основ новой им-

⁹² R. J. Hammond. Op. cit., p. 597.

⁹³ Ibid., p. 585, 598. Некоторым буржуазным авторам «говорить об „империализме“ кажется глупым». — «History», June 1965, vol. 50, N 169, p. 242.

⁹⁴ B. Semmel. Imperialism..., p. 16.

перской политики, признающей «доминионизацию» колоний. Та же концепция развивается в новом издании «Cambridge History of the British Empire». Используя недостаточную разработанность в марксистской литературе вопроса о роли переселенческих колоний в развитии английского капитализма (а эта роль, действительно, была значительной и экономически, и политически), буржуазные историки стремятся подменить историей этих колоний историю Британской империи в целом. К числу излюбленных аргументов относится и ссылка на широко известные слова «раннего» Дизраэли, оценившего колонии как жернова на шее Англии. Но никакого глубокого противоречия между «ранним» и «поздним» Дизраэли, разумеется, не было. И в середине XIX в. будущий лорд Биконсфилд не помышлял об освобождении Индии. Речь шла о перспективах имперской политики по отношению к переселенческим колониям — «белым» колониям, а не «цветным».

Не довольствуясь традиционными ссылками на вынужденность английской колониальной политики в середине XIX в. с ее «жерновами на шее» метрополии, английские историки и экономисты ныне стремятся и здесь «обосновать» свои фальсификаторские методы извращением взглядов В. И. Ленина. Так, кембриджские ученые Галлагер и Робинсон считали, что благодаря своему исследованию «империализма Фритреда» в середине XIX в. они поднялись выше как Сили и Эгертона, определявших империализм только имперской активностью, так и «Ленина, Гобсона, Муна и Вулфа» (типичное для буржуазных ученых сочетание! — М. К.), общее между которыми авторы усматривают в том, что они датируют империализм с конца XIX в.⁹⁵ Галлагер и Робинсон извращенно толкуют известное положение В. И. Ленина о роли промышленной монополии Англии в середине XIX в., подменяя ее, как и многие другие историки и экономисты, якобы «основополагающей» категорией фритредерства⁹⁶ — торговой политики, явившейся производной от этой монополии. Авторы говорят о колониальной экспансии Англии до 80-х годов XIX в., но представляют дело таким образом, будто дальнейшие колониальные захваты диктовались исключительно соображениями европейской политики. Чуждо авторам и понимание социальной стороны колониальной политики. Они отмеча-

⁹⁵ J. Gallagher, R. Robinson. The Imperialism of Free Trade.— «The Economic History Review», vol. 6, N 1, August 1953, p. 1—2 (во многих своих положениях — в том числе об «инвесторском империализме» — книга Муна «Imperialism and World Politics» перекликалась с «Империализмом» Гобсона). В то же время рассуждения Муна о роли высоких таможенных пошлин при характеристике империализма и о стремлении оградить этим тарифом возможно большую территорию напоминают некоторые положения Гильфердинга.— Ср.: П. Т. Мун. Империализм и мировая политика. М.— Л., 1928, стр. 23, 398—399.

⁹⁶ J. Gallagher, R. Robinson. Op. cit., p. 2.

ют роль раздела Африки для развития империализма в последней четверти XIX в., однако делают из этого только тот вывод, что «эти остававшиеся на краю света районы Африки» лишь предоставили аргументацию для «школы Гобсона»⁹⁷. Лэндс не видит никакой разницы между колониальной политикой начала и конца XIX в.⁹⁸ Аналогичные взгляды развивает и Филдхауз, который идет еще дальше: по его мнению, прецедентом «империализма конца XIX в.» был империализм XVIII в., поскольку в оба указанных периода Европа была вооруженным лагерем. В промежутке же — с начала XIX в. и до 70-х годов — верх брали экономические, т. е. мирные, интересы капитализма, и к этому-то времени приложимо понятие «экономического империализма». После 1870 г. происходило будто бы лишь «округление» владений, и аннексии «не были продуктом захватнической британской политики, а необходимостью для военной безопасности, для административной эффективности или для защиты туземных народов на границах существующих колоний»⁹⁹. То же

⁹⁷ Ibid., p. 15. Этот же мотив преуменьшения роли «несчастливых тропических районов» звучит прямо или косвенно и во многих других работах. — См., например: R. J. Hammond. Op. cit., p. 589; H. H. Segal, M. Simon. British Foreign Capital Issues, 1865—1894. — «The Journal of Economic History» vol. 21. December 1961, p. 576. Следует отметить, что такой взгляд исповедовался еще К. Каутским. «Экономические результаты отнюдь не соответствуют количеству сил и средств, затраченных пока тремя крупными империалистскими державами на расширение и сохранение африканских владений», — писал он об Англии, Германии и Франции (К. Каутский. Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917, стр. 61—62). Кэртин же констатирует, что этот раздел Африки имел большое значение для преодоления кризиса английского капитализма в конце XIX в. — Ph. D. Curtin. Op. cit., p. 85—90; see also «The Cambridge History of the British Empire», vol. 3, p. 339. Ответственность за «активизацию» раздела Африки возлагается обычно на политику Бисмарка, проводимую им с 1884 г. — См., например: D. K. Fieldhouse. Op. cit., p. 205—206. Но в последней работе Робинсона и Галлагера «Africa and the Victorians» (London, 1961) таким отправным пунктом уже признается борьба за «безопасность Суэцкого канала», т. е. захват Англией Египта. См. также: E. Stokes. Milnerism. — «The Historical Journal», vol. 5, N 1, 1962, p. 47—60. О дальнейшем развитии английской имперской политики в этом направлении см.: G. V. Pugh. Imperial Policy and South Africa 1902—1910. Oxford, 1955.

⁹⁸ D. D. Landes. Op. cit., p. 498.

⁹⁹ D. K. Fieldhouse. Op. cit., p. 201—204; см. также: E. Stokes. Op. cit., p. 47; Th. Marston. Britain's Imperial Role in the Red Sea Area, 1800—1878. Hamden, 1961. То же пыгается иллюстрировать на примере шестой англо-ашантинской войны на Золотом Береге в начале 70-х годов преподаватель Ноттингемского университета Макинтайр. — W. D. McIntyre. British Policy in West Africa. The Ashanti Expedition of 1873—1874. — «The Historical Journal», vol. 5, N 1, 1962, p. 19—46. G. Jones. Britain and Nyasaland. London, 1964; Ph. R. Warhurst. Anglo-Portuguese Relations in South-Central Africa, 1890—1900. London, 1962; D. R. Gillard. Salisbury's Heligoland Offer. — «English Historical Review», July 1965, vol. 80, N 316. Исключением из приведенного правила признается лишь захват Родезии, где роль английского Ротшильда, связанного и с лордом Розбери, и с Сесилем Родсом, уже не является тайной. (Впрочем, Хаммонд «опровергает» и это. — R. J. Hammond.

самое утверждает и Хаммонд¹⁰⁰. Соображения престижа — вот, по мысли Лэндса и других, единственный реальный побудительный мотив английских колониальных захватов в конце XIX в.¹⁰¹ И это пишется о самом аннексионистском правительстве в мире, которое в конце XIX в. захватило больше всего земель и поработило десятки миллионов людей.

Некоторые тактические расхождения, к тому же сильно преувеличиваемые, относительно форм имперской политики в первой половине 80-х годов используются преподавателем Лондонского университета Кампстоном для того, чтобы, во-первых, раздуть их значение для внутривнутриполитической жизни в Англии, во-вторых, — обелить либералов во главе с Гладстоном, который ушел в отставку в июне 1885 г. будто бы исключительно из-за своего миролюбия и отвращения к колониальным захватам¹⁰². Другой автор, используя сходную аргументацию, делает более далеко идущие общие выводы. Поскольку в среде буржуазии известны разногласия в отношении «тарифов, избирательного права, налогообложения, общественных работ, фабричных законов» (и, добавим, по многим другим вопросам), то, вопрошает Лэндс, «почему же тогда ожидать согласия по колониальной политике?»¹⁰³. Отсюда заключается, что, следовательно, вообще нет буржуазии, «сознающей общие экономические интересы», а раз так, то, с точки зрения автора, от марксистского понимания империализма не остается камня на камне.

Известно, что В. И. Ленин характеризовал британский им-

Op. cit., p. 587). Но этот пример является не исключением, а правилом. Как указывал В. И. Ленин, «...финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподделенного мира или за передел кусков, уже разделенных».— В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 381.

¹⁰⁰ R. J. Hammond. Op. cit., p. 587—588.

¹⁰¹ D. D. Landes Op. cit., p. 505. Ср.: W. Rostow. The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960, p. 110. Впрочем, наряду с таким шаблонным соображением, Лэндс выдвигает в заключение и более общий вывод, проводя аналогию с реконкистой в средние века и т. п., рассуждая о «балансе сил между Европой и остальным миром. А сила, подобно природе, не терпит пустоты». (Op. cit., p. 512).

¹⁰² I. M. Cumpston. The Discussion of Imperial Problems in the British Parliament, 1880—1885.— «Transactions of the Royal Historical Society», 5th Ser., vol. 13. London, 1963, p. 45, 46; See also R. T. Shannon. Gladstone and the Bulgarian Agitation 1876. London, 1963, p. XXVIII а. о. Шэннон и Торнтон стараются показать, что Гладстон проводил аналогию между ирландским вопросом и своим публичным подходом к болгарским делам 1876 г. (R. T. Shannon. Op. cit., p. 280—281; A. P. Thornton. Op. cit., p. XII). Но доказательств этому нет. Зато вот что пишет американский историк Кертис: «Сомнительно, способствовал ли бы гомруль в 1886 или 1893 гг. повышению жизненного уровня в Ирландии сколько-нибудь скорее, чем при английском правлении».— L. P. Curtis. Coercion and Conciliation in Ireland, 1880—1892. A Study in Conservative Unionism. Princeton, 1963, p. 433.

¹⁰³ D. D. Landes. Op. cit., p. 499.

периализм как колониальный даже не только вследствие масштаба его колониальных захватов в конце XIX в., а прежде всего потому, что обладание колониями наложило сильнейший отпечаток на всю английскую экономику, политику и социальную жизнь. Специфика колониальной политики в эпоху империализма заключалась в том, что наличие колониальной системы, с одной стороны, позволило мировому капитализму, а в особенности британскому, преодолевать начавшиеся экономические и социальные трудности за счет своего расширения в колониальной сфере, а с другой — превращало каждый серьезный подъем национально-освободительного движения в один из признаков надвигавшегося общего кризиса капитализма. Недаром, например, в последней обзорной истории Англии XIX в., заканчивающей изложение по традиции 1914 годом, признается гораздо более глубокое влияние на мировую и, в частности, на британскую историю 1917 года¹⁰⁴.

Ряд историков (в том числе, например, Оллад¹⁰⁵) также отстаивают тезис о «мирном империализме» середины XIX в., утверждая, что лишь при «поздневикторианской империи» (1870—1901 гг.) в английскую политику вошла агрессивная струя. Этот «фритредерский империализм» является достойным завершением (и частичной заменой) традиционно выдвигавшихся положений о том, что вся концепция колониальной политики либеральной буржуазии в 40—60-х годах XIX в. сводилась по сути к поддержке сепаратизма переселенческих колоний. При этом организованная эмиграция выдается за типичную черту империализма, а сопротивление рабочего класса капиталистам манчестерского толка лживо рисуется как борьба рабочих против «упразднения» колониализма; совсем сбрасываются со счета «небелые» колонии¹⁰⁶. Британский империализм рассматривается с точки зрения имманентного развития «имперского ду-

¹⁰⁴ A. Wood. *Op. cit.*, p. 443. См. также: G. D. H. Cole. *Communism and Social-Democracy, 1914—1931*. London, 1958, p. 2; *idem*. *Socialism and Fascism, 1931—1939*. London, 1960, p. 330. По словам известного реформиста Дж. Кочла, Октябрьская революция — «шаг к великим движениям за освобождение среди народов Азии и Африки». — G. D. H. Cole. *World Socialism Restated*. 1957, p. 11.

¹⁰⁵ W. A. Barker *o. Op. cit.*, p. 243—244.

¹⁰⁶ C. A. Bodelsen. *Op. cit.*, p. 86—145; R. L. Schuyler. *Op. cit.*, p. 233, 240; B. Semmel. *The Philosophic Radicals and Colonialism*. — «*The Journal of Economic History*», December 1961, p. 513—525 (далее — *The Philosophic Radicals...*). Скайлер, констатируя, что фритредерская политика закладывала основы (он, впрочем, усматривал их только в духовной общности) «нового империализма», писал: «Нет надобности полагать, что средневикторианские государственные деятели были более индифферентны, чем их преемники сегодня, к благосостоянию местного населения Африки, но за африканскую территорию еще не началась международная свалка и не было нужды в доктрине „бремени белого человека“ для оправдания британского империализма на Черном континенте». — R. L. Schuyler. *Op. cit.*, p. 257. Весьма красноречивое признание!

ха» в его постоянстве и эволюции. В этом отношении особенно показательна книга преподавателя Гарвардского университета С. Граубарда¹⁰⁷, работавшего раньше по истории лейборизма.

Весьма типично и отождествление позиций идеологов манчестерской школы — крупной промышленно-торговой буржуазии, с одной стороны, и мелкобуржуазных критиков империализма, с другой, — с целью обеления первых¹⁰⁸. Еще более симптоматичны попытки буржуазных историков и политических деятелей подчеркнуть постоянство и преемственность «антиколониальной» струи в политике и идеологии английских господствующих классов, — опять-таки для того, чтобы скрыть за спиной некоторых торийских (антибуржуазных или филантропических) или буржуазно-фритредерских критиков колониальных эксцессов неизменно грабительскую по своей сути политику британской буржуазии. В предисловии А. Буллока и Ф. Дикина к сборнику документов и высказываний по вопросам английской колониальной политики за более чем полуторавековой период утверждается, в частности, что Гобсон сознательно основывался на высказываниях Берка, Бентама и Кобдена о «несовместимости деспотизма в империи с демократией дома»¹⁰⁹. Представляется достаточным обнаружить симпатии к фритреду, скажем, у Дилка, чтобы этого идеолога английского империализма объявить... антиимпериалистом¹¹⁰.

¹⁰⁷ S. R. Graubard *Burke, Disraeli and Churchill. The Politics of Perseverance.* Cambridge (Mass.), 1961.

¹⁰⁸ Например, А. Р. Thornton. *Op. cit.*, p. 11

¹⁰⁹ «The Concept of Empire: Burke to Attlee, 1774—1947». Ed. by G. Bennett. London, 1953, p. 27. Здесь опять-таки под «империей» понимались только переселенческие колонии. Показательно, как в стремлении утвердить «континент» английской колониальной политики развенчиваются столпы буржуазного радикализма и либерализма. «Но бентамисты не были свободны от того духа, который современная точка зрения ассоциирует с активным колониализмом, — отмечает Семмел. — Они развили теорию фритредерского колониализма — доктрину, которая... превратилась, под давлением иностранной конкуренции, в либеральный империализм Розберн, Холдена и Маккиндера времен бурской войны». Эти рассуждения и весь исторический экскурс, к которому посвящена статья, понадобились для того, чтобы привести еще один аргумент в пользу шуппетеровской точки зрения на «атавистичность» империализма и его почтенный возраст, а главное, чтобы разделаться с ленинской концепцией империализма путем характерных передержек: «Разве это не порождает серьезных сомнений относительно марксистской идеи, развитой Люксембург, Гильфердингом и другими, о том, что «империализм» — это продукт капитализма в «высшей стадии», когда преобладает не «промышленность», а «финансы?» (B. Semmel. *The Philosophic Radicals...*, p. 524—525).

¹¹⁰ С. А. Bodelsen. *Op. cit.*, p. 67 sq. R. Koebner, H. D. Schmidt. *Op. cit.*, p. 87 sp. Правда, Скайлер признавал, что «Дилк не был антиимпериалистом» (R. L. Schuyler. *Op. cit.*, p. 253), но лишь для того, чтобы выдать его за радетеля интересов не столько Великобритании, сколько самих колоний (*ibid.*, p. 254). Тот же Скайлер наиболее обстоятельно и красноречиво пытался обосновать совершенно несостоятельный тезис о том, что фритредер-

Впрочем, идеализация политики «лицемерных фритредеров»¹¹¹ в период промышленной, торговой и морской гегемонии Англии в середине XIX в. в последнее время начинает переходить и на ранее более или менее общепризнанный период усиления открытой агрессивности английского капитализма — последнюю четверть XIX в.¹¹² Английский историк Гаррисон, стремясь обелить усиление колониальной экспансии западных держав с 70-х годов XIX в., восхвалял английскую «либеральную экономическую политику» в Азии, расцвет которой, по его мнению, начался с последней четверти XIX в.¹¹³ Экономический грабеж колоний под прикрытием доктрины «laissez-faire» давал «основание» представлять именно Англию глашатаем «либеральной экономической политики» и в эпоху империализма. Тем самым облегчается и превращение Англии под пером буржуазно-реформистских и ревизионистских ученых и публицистов из государства самого старого и в начале XX в. более других подверженно-го загниванию империализма в обществе, переходящее на путь «всеобщего благосостояния». А последнее, благодаря сложившемуся в XIX в. «британскому миру» (*Pax Britannica*)¹¹⁴, отныне-де могло постепенно превращаться в мировой порядок. И эта концепция далеко не нова.

Еще Каутский, правильно писавший в 1901 г., что в борьбе за колонии «вместо духа свободной торговли у индустриальной буржуазии усиливается дух насилия»¹¹⁵, во время первой мировой войны стал ратовать за «ультраимпериалистическую» панацею — расширение внутреннего рынка путем «объединения

ская политика английской буржуазии едва не привела к распаду Британской империи (*ibid.*, p. 164—165), тогда как в действительности экономическая эксплуатация колоний в то время резко усилилась.

¹¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 380.

¹¹² Ср.: Дж. М. Тревельян. Социальная история Англии. М., 1953, стр. 580.

¹¹³ B. Haggison. South-East Asia. A Short History. London, 1954, p. 191. Разграничение «хорошего» и «плохого» колониализма является общим местом в буржуазной литературе.— Например: «The Idea of Colonialism». New York, 1958, p. 364. По адресу этого коллективного труда ученых Пенсильванского университета швейцарский буржуазный историк писал: «Я прочел его внимательно, но не смог обнаружить, что такая идея (колониализма.— М. К.) была или что кто-либо когда-нибудь выдвигал ее» (H. Lüthy. Op. cit., p. 482). Заявив, что «среди историков „колониализма и колонизации“ определенно растет терминологическая проблема», он сам вносит посылку лепту в нее, отождествляя колониализм с миграцией: «Содержание истории колонизации — это не рост и падение колониальных империй, политического главенства чужеземных стран... Можно сказать, что история колонизации — это история самого человечества» (*ibid.*, p. 482, 485).

¹¹⁴ Подробнее см.: A. H. Im l a h. Economic Elements in the Pax Britannica. Cambridge (Mass.), 1958; E. A. Walker. The British Empire, Its Structure and Spirit, 1497—1953. Cambridge (Mass.), 1956.

¹¹⁵ К. Каутский. Социал-демократия и торговая политика. СПб., б. г., стр. 51.

различных национальных государств на равных началах в один союз государств»¹¹⁶. Искомой формой такого союза оказывался... «британский союз государств», причем английские колонии в собственном смысле сбрасывались со счета. «Такой союз государств,— поучал Каутский,— является, безусловно, носителем богатого будущего, он может также многому научить в нашу эру империализма»¹¹⁷. Интересно, что в то же время Гобсон выступил с утверждением, будто «пример поведения Великобритании по отношению к ее колониям и протекторатам должен был бы послужить руководящим образцом того пути, по которому должна следовать здравая мировая политика»¹¹⁸. Любопытнее же всего, что подобные соображения служили оправданием и для такого известного колонизатора, как лорд Милнер¹¹⁹. И по сей день по-прежнему утверждается, что эксцессы колониализма с лихвой перекрывались экономическими благами, которые якобы несло колониям развитие капитализма¹²⁰. Хотя Майкл Браун отмечает, что Англия задержала развитие колоний, но и он полагает, что с экономической точки зрения Великобритания была заинтересована в империи лишь в связи с «экономическим развитием доминионов, а не эксплуатацией колоний»¹²¹. Реформисты от Гобсона и Каутского до Стрэчи и Брауна всегда отождествляли империализм с наличием колониальной системы. Поэтому для лейбористов Стрэчи и Брауна ликвидация старой империи означает исчезновение империализма (правда, Браун трактует эту проблему осторожнее). Для Брауна, как и для Каутского, исторический смысл Британской империи не в экономической эксплуатации колоний, а в том, что она проложила, мол, путь взаимовыгодному для всех — и для метрополии и для бывших колоний, в особенности-де для последних,— Содружеству. Но если Гобсон тесно связывал существование современного империализма с такой характерной чертой его, как экспорт капитала, то Браун, напротив, считает империализм и экспорт капитала — и в конце XIX — начале XX в., и в наше время — ничем по сути не связанными между собой. Он решительно отрицает «связь между заграничными инвестициями и империалистической экспансией»¹²².

¹¹⁶ К. Каутский. Национальное государство, империалистское государство и союз государств, стр. 87.

¹¹⁷ Там же, стр. 48.

¹¹⁸ J. H o b s o n. Towards International Government. London — New York, 1916, p. 142.

¹¹⁹ E. C r a n k s h a w. The Forsaken Idea. London, 1952, p. 118—125, 138—153.

¹²⁰ См., например: J. S t r a c h e y. The End of Empire, p. 13; D. K. F i e l d - h o u s e. Op. cit., p. 192; E. B r o w d e r. Marx and America. New York, 1958, p. 102—103; G. D. H. C o l e. Money: Its Present and Future. London, 1944, p. 264 sq.

¹²¹ M. B. B r o w n. Op. cit., p. 99—100; see also p. 13, 448 sq.

¹²² Ibid., p. 330.

Если раньше английские историки в своем большинстве преклонялись перед величием британского «имперского духа», с наибольшей силой выявившегося, мол, в последние десятилетия XIX в. во «времена Сили», то теперь они все больше противопоставляют «грубой» империалистической политике тех лет колониальную политику периода торжества либерального манчестерства, якобы проникнутую духом бескорыстия, гуманизма и желанием поскорее отпустить колонии на волю, как только они почувствуют способность, подобно молодым птенцам, летать самостоятельно. Далеко не филантропический характер этой политики, экономически основанной на неэквивалентном обмене между колониями и метрополией¹²³, нельзя все же скрыть, но ответственность за крайности возлагается обычно на местную администрацию, а не на правительство и те доктрины, которыми оно руководствовалось. В. И. Ленин в конспектируемых им работах выразительно подчеркивал слова «об особенном либерализме и гуманности, свойственных якобы английскому режиму во все времена и всюду», о том, что «британский мир, который всегда был *бесстыдной ложью*, за последние годы стал верхом чудовищного лицемерия»¹²⁴.

Начав с восхваления империалистической Великобритании конца XIX в., английские буржуазные историки империализма стали затем в своем большинстве особенно ярыми защитниками буржуазного манчестерства, которое-де пережило империализм, а теперь они склоняются к защите придуманного ими же «фритредерского империализма» середины XIX в., чтобы тем самым перебросить мостик к более наукообразному, «экономическому» оправданию британского империализма конца XIX — начала XX вв. И круг оказывается замкнутым. Вся проблема экономического перерастания капитализма в свою высшую — монополистическую стадию, включая и ее дальнейшую модификацию — государственно-монополистический капитализм, переносится только в сферу обращения и ставится этими историками и экономистами лишь в зависимость от внешнеторговой конъюнктуры в последней четверти XIX в., в лучшем случае — от конкуренции между различными империализмами на рынках сырья и экспорта товаров и капитала. Империализм предстает как порождение совокупности конъюнктурных факторов или одного из них¹²⁵. Не расходятся с такой точкой зрения и лейбористские

¹²³ Даже в последнее время, с 1951 по 1962 г., по подсчетам советских экономистов, Великобритания получила только за счет неэквивалентной торговли с колониальными и слабо развитыми странами 6 млрд. ф. ст.

¹²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 74, 394.

¹²⁵ Указанные взгляды на генезис империализма разделяются рядом буржуазных исследователей истории внешней торговли: K. Berill. International Trade and the Rate of Economic Growth.—«The Economic History Review», April 1960; C. P. Kindleberger. Economic Development. New York, 1958; idem. Foreign Trade Economic Growth: Lessons from Britain and France,

реформисты (еще Г. Ласки связывал «рождение британского империализма» с «вызовом континентальных наций нашему промышленному превосходству»¹²⁶). Ныне подобные взгляды получили дополнительный стимул со стороны модной на Западе «теории стадий экономического роста» Ростоу¹²⁷, направленной не в последнем счете и против ленинской теории империализма¹²⁸.

Итак, наиболее фундаментальное различие либо между доимпериалистическим и империалистическим периодами в развитии Великобритании, либо между «старым» и «новым» империализмами усматривается теперь буржуазной наукой обычно в области экономической политики — фритредерской или протекционистской¹²⁹. Поскольку до первой мировой войны Великобритания осгавалась страной классической свободной торговли, развитие в ней империализма (во всяком случае в ленинском понимании) отвергается, а вся проблема опять-таки переносится в область идеологии — на этот раз уже в виде борьбы

1850 to 1913.— «The Economic History Review», December 1961. Внешнеторговый фактор иногда настолько преувеличивается, что последняя статья содержит предостережение: «Историки экономики должны быть осторожны, чтобы не определять рост или стагнацию по изменениям во внешней торговле» (стр. 305). О направлении заграничных инвестиций Англии и их влиянии на уровень «деловой активности» в метрополии см.: «Yorkshire Bulletin of Economic and Social Research», May 1965, vol. 17, N 1, p. 6, 30, 60 a. o.; S. B. Saul. Studies in British Overseas Trade, 1870—1914. Liverpool, 1960, p. 110—116.

¹²⁶ H. J. Laski. Nationalism and the Future of Civilization. London, 1932, p. 49.

¹²⁷ «Мир, рисуемый Ростоу,— писал орган американских марксистов,— имеет мало общего с реальным миром. Это мир без эксплуатации и классовой борьбы, без монополий, империализма и колониального угнетения» («Political Affairs», December 1960, p. 56). См. также: Г. П. Францов. Исторические пути социальной мысли. М., 1965, стр. 295—296.

¹²⁸ См.: W. W. Rostow. The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960, p. 109—112, 118—121 a. o.

¹²⁹ Иногда ставится знак равенства между протекционистской политикой в любую эпоху и империализмом («неомеркантилизмом»). Но еще Ф. Энгельс заметил, что даже сам капиталистический протекционизм к концу XIX в. (т. е. с переходом к империализму) изменил свой характер.— См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 386.

Вновь усиленно обсуждаемая в последнее время проблема меркантилизма и неомеркантилизма, роли этого фактора (крайне преувеличиваемой) на различных ступенях исторического процесса — все это восходит еще к Шмоллеру.— R. Schmöller. The Mercantile System and Its Historical Significance. London, 1896. Подробнее см.: Ch. Wilson. «Mercantilism»: Some Vicissitudes of an Idea.— «The Economic History Review», December 1957, p. 181—188; M. Dobb. Transition from Feudalism to Capitalism.— «Our History», N 29. London, 1963. Показательно, однако, что представители Оксфордского и Кембриджского университетов Хабаккук и Дин старались продемонстрировать осторожность по такого рода вопросам.— The Economics of Take-off into Sustained Growth. Proceedings of a Conference held by the International Economic Association. Ed. by W. W. Rostow. London, 1963, p. 80.

сторонников фритреда и протекционизма. Под этим углом зрения все больше начинает рассматриваться и империалистическая идеология, и социальная политика британской буржуазии на рубеже XIX и XX вв.

* * *

В буржуазной литературе различаются как вечные категории всемирно-исторического процесса «экзогенный империализм», выявляющийся в стремлении к аннексиям, и «эндогенный империализм», обращенный во внутрь общества, против немущих. Все более модными становятся концепции «народного империализма». Применительно к истории Англии начала XX в. особенно привлекательным для буржуазных ученых представляется понятие «социал-империализма». Какое же содержание вкладывается в него?

Буржуазные социал-реформисты, подобные Гобсону, и вслед за ним многие историки и социологи исходили в прошлом из того, что «антагонизм между империализмом и социальной реформой коренится в органической несовместимости политических систем, прибегающих к противоположным методам и приемам управления»¹³⁰.

Из этого исходил и Ласки, который, в частности, считал возможным находить общую (антиимпериалистическую и демократическую) основу у таких совершенно различных деятелей и мыслителей, как Гладстон, Моррис и Рескин¹³¹. Селвин Шапиро в своей сравнительной характеристике «социальных сил в Англии и Франции в 1815—1870 гг.», отдавая явное предпочтение английскому либерализму середины XIX в. перед такими, по его мнению, предтечами фашизма, как Луи-Наполеон, с одной стороны, и «пророк Карлайл», — с другой, видел преимущество Англии в том, что социальная реформа в ней в последней трети XIX в. была непосредственно передана буржуазным либерализмом «демократическому либерализму» (для империализма применительно к социальной жизни страны здесь вообще не остается места). Этим же объясняется в книге и иммунитет

¹³⁰ J. A. Hobson. *Imperialism. A Study*. London, 1902, p. 148. Разграничение социальной реформы и империализма отстаивал, например, Инзор, игнорировавший различие исторически конкретного характера социального реформаторства во время борьбы промышленной буржуазии за упрочение своего политического положения с одной стороны и в период империализма и консолидации господствующего класса — с другой. «Социальная реформа (конца XIX в.— М. К.), — по мнению Инзора, — имела свои корни в евангелической филантропии; Дизраэли многому научился у лорда Шефтсбери». — R. C. R. E n s o n. *England, 1870—1914*. Oxford, 1944, p. 163. О действительном соотношении между политической реакцией и буржуазной демократией в эпоху империализма см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 90, 93, 96—97 и др.

¹³¹ H. J. L a s k i. *Liberty in the Modern State*. London, 1948, p. 193 а. о.

Англии к фашизму, равно как и различие в судьбе Англии и Франции в 1940 г. Автор в угоду своим президентским построениям склонен нередко и в других вопросах абстрагироваться от конкретно-исторической действительности. Все это нужно ему для основного вывода о том, что с конца XIX в. «либеральное государство» стало превращаться в государство всеобщего благоденствия¹³² в связи с внеклассовым по своей сущности характером либерализма. Из-за «буржуазного влияния на либеральное движение либерализм стал синонимом буржуазных классовых интересов, политики «laissez-faire» и капиталистической экономики. Сегодня либерализм идентифицируется с интересами рабочего класса, с государственным вмешательством и даже с появляющейся социалистической экономикой»; впрочем, Шапиро с сожалением признал, что даже вокруг него «все еще имеются многие, не видящие или не могущие увидеть великой трансформации, которую либерализм претерпел после 1870 г.»¹³³ Эта трансформация буржуазного либерализма действительно имела место, но она шла повсюду, не исключая и Англии, в направлении, противоположном указанному автором, а именно в сторону сближения традиционной либеральной идеологии с открыто империалистической.

В противоположность отмеченным точкам зрения современные буржуазные исследователи нередко подчеркивают органическую связь империалистической политики вовне страны с проведением социальных реформ внутри нее. При этом им определенно импонирует антисоциалистический характер так называемого социального законодательства и явное подчинение последнего целям экспансионистской политики; о том, что одним из ее факторов было стремление разрешить таким путем внутриполитические трудности, эти авторы предпочитают умалчивать. Именно с таких позиций была написана одна из первых книг о «социал-империализме», автор которой был не согласен лишь с фашистскими методами «включения» рабочего класса в империалистическую политику и не скрывал своего пренебреже-

¹³² J. S. Schapiro. *Liberalism and the Challenge of Fascism*. New York, 1949, p. 398—399. Раньше Шапиро придерживался иной точки зрения, полагая, как и большинство буржуазных историков, что социальное реформаторство английской буржуазии в начале XX в. было «инспирировано социальными реформами в Германии» — J. S. Schapiro. *Modern and Contemporary European History, 1815—1934*. Cambridge (Mass.), 1934, p. 274. И та и другая точка зрения отрицают роль классовой борьбы в Англии.

Следует отметить, что в новейшей работе Кебнера и Шмидта с наибольшим сочувствием цитируется написанная в 1880 г. статья банкира и историка Фредерика Сибма «Империализм и социализм». Подразумевая под империализмом бонапартизм, он писал: «Французский империализм привел к Коммуне... Британия... может остаться вне фатального развития империализма, за которым следует социализм». — Цит. по: R. Koebner, H. D. Schmidt. *Op. cit.*, p. 163.

¹³³ J. S. Schapiro. *Liberalism and the Challenge of Fascism*, p. 402—403.

ния к рабочему классу, к народным массам, которые, мол, могли принять под покровом псевдосоциалистической фразеологии и «национал-социализм»¹³⁴. Панацеей автор считал демократию типа британской¹³⁵. Панегирик этой демократии как якобы единственному действенному антиподу фашизма содержится и в последнем томе «Кембриджской новой истории», озаглавленном «Эра насилия»¹³⁶. Один из праволейбористских идеологов Крэссмен также противопоставлял континентальный «национальный либерализм», пролагавший путь империализму, фашизму, и британский либерализм, создавший предпосылки для общества благосостояния¹³⁷. Но не кто иной, как столп современной английской буржуазной социологии Коллингвуд, отвергая по сути подобное противопоставление, учит: «Сила является необходимым элементом политической жизни»¹³⁸. Вообще же амплитуда колебаний английских буржуазных историков и социологов в этом вопросе весьма велика: от провозглашения «социальной реформы», «социального умиротворения» и т. п. стержнем всей истории XX в. с одной стороны до подчеркивания некоей британской исключительности в противоположность остальному «миру насилия» — с другой.

Основные идеи буржуазных работ в рассматриваемой нами области ныне, очевидно, заимствуются (в более или менее прямой или косвенной форме) у уже упоминавшегося известного апологета капиталистических монополий и современного финансового капитала И. Шумпетера, антима르크систские взгляды которого отчасти облекаются в идеи австро-марксистской школы¹³⁹. Шумпетер, для которого Бауэр и Гильфердинг — основные авторитеты среди марксистов¹⁴⁰, считал, что монополии

¹³⁴ F. Neumann. Behemoth: The Structures and Practice of National Socialism. London, 1942, p. 157—160 a. o.

¹³⁵ См. также: F. Neumann. The Democratic and the Authoritarian State. Glencoe (Illinois), 1957, p. 250—251, 264, 268—269. Ср.: H. Laski. The Rise of European Liberalism. London, 1947; H. A. Deane. The Political Ideas of Harold J. Laski. New York, 1955, p. 72. Показательно, что исследователь социологии Ласки Герберт Дин считает своим духовным учителем и Ф. Неймана.

¹³⁶ Его рецензент Медликот призывал еще больше усилить этот момент.— «The English Historical Review», July 1961, p. 507—508.

¹³⁷ R. H. S. Crossman. Government and the Governed. A History of Political Ideas and Political Practice. London, 1958, p. 166—205 a. o.

¹³⁸ R. G. Collingwood. The New Leviathan or Man, Society, Civilization, and Barbarism. Oxford, 1942, p. 203.

¹³⁹ О его экономических воззрениях см.: Sh. K h a h. Schumpeter's Theory of Capitalist Development. Aligarh, 1957. Его считают родоначальником доктрины «самоликвидации капитализма», и поэтому буржуазные ученые ставят его высоко — рядом с Кейнсом.— Э. Ж а м с. История экономической мысли XX века. М., 1959, стр. 513 и др. См. также: И. Н. Д в о р к и н. Научно-технический переворот и буржуазная политическая экономия. М., 1964, стр. 10—13.

¹⁴⁰ J. A. Schumpeter. Op. cit., p.104.

порождаются протекционистской политикой¹⁴¹, которая, кстати, лучше всего обеспечивает «социальную гармонию»¹⁴², и что империализм заключается в воспроизведении на новой основе таких по сути докапиталистических явлений, как национализм и милитаризм¹⁴³. Смит заявлял, что факты, подтверждающие ленинскую теорию империализма, вытекают не из самого по себе капиталистического рабства, а из таких, по его мнению, случайных явлений, как фашизм, «практические неудачи демократии», наличие колоний или полуколоний и тому подобных будто бы привходящих факторов¹⁴⁴.

Под социальной реформой Шумпетер, Суизи и их последователи понимают любую антисоциалистическую реформу, преследующую не столько буржуазно-демократические цели, сколько цели борьбы против пролетарского социализма. Поэтому в понятие социал-империализма включаются и законодательные уступки рабочему классу, и проповедь джингоизма, равно как и «физической и моральной силы нации», и корпоративизм, и нацизм и т. д. Характерно, что Стрэчи еще в одной из своих первых статей, посвященных ревизии марксизма, также пытался доказать, будто марксисты под империализмом понимают лишь его германскую форму (в конечном счете — фашизм)¹⁴⁵. Но это значит приписывать марксизму собственные ошибки.

Неправомерность считать каким-то специфическим «социал-империализмом» всю ту политику империализма, которая адресуется рабочему классу и является одной из органически присущих империализму сторон, очевидна. Но для авторов, понимающих собственно империализм только как систему, обращенную вовне и проявляющуюся во внешнеэкономической, колониальной и внешнеполитической сферах, такое антинаучное выделение области социальных отношений британского империализма в особый «социал-империализм» естественно. Этот взгляд развивается постепенно.

¹⁴¹ J. A. Schumpeter. Op. cit., p. 104.

¹⁴² Ibid., p. 102, see also P. M. Sweezy. Socialism. New York, 1949; idem. The Theory of Capitalist Development. New York, 1942.

¹⁴³ J. A. Schumpeter. Op. cit., p. 91—128. В другой своей работе — «Capitalism, Socialism and Democracy» (New York — London, 1942) Шумпетер наиболее полно изложил свои социологические взгляды, отрывая социализм от демократии и «обосновывая» возможность дальнейшей демократизации капитализма в странах Западной Европы и Северной Америки. Полагая, что капитализм заключается только в постоянной созидательной деятельности крупных частных предпринимателей, направленной на обеспечение прибыли, Шумпетер приходил к выводу, что «капитализм сам разрушает те подпорки, которые мешали ему рухнуть». В одной из своих последних работ он заявлял: «Я не ратую за социализм и не предсказываю его приход». — J. Schumpeter. The March to Socialism. New York, 1949, p. 12.

¹⁴⁴ D. G. Smith. Op. cit., p. 568—569.

¹⁴⁵ J. Strachey Marxism revised.— «The New Statesman and Nation», May 1953, p. 603.

Связь между завершающей победой буржуазных принципов во внутренней политике Англии в середине XIX в. и в ее колониальной политике уже давно стала общим местом в буржуазной литературе¹⁴⁶. Позднее стали подвергаться анализу взгляды тех идеологов буржуазии, которые свои воззрения на дальнейшее развитие Британской империи связывали с судьбой рабочего класса Великобритании, со своей антипатией к утилитаризму и манчестерству и которых поэтому можно рассматривать как предтечу буржуазного «социал-империализма» (Карлайл, Фруд)¹⁴⁷. Однако попытка Боделсена усмотреть корни социальной политики империалистической буржуазии Англии в симпатиях Фруда к так называемой «систематической колонизации», планы которой выдвигались еще в 30—40-х годах XIX в.¹⁴⁸, неубедительна. На рубеже XIX и XX вв. обстановка в Великобритании была иной.

Новейший биограф Дж. Чемберлена не отрицал, что последний до своего поворота к имперской проблеме и протекционизму не проявлял особого интереса к «большому движению за социальную реформу»¹⁴⁹, а Осбел по существу признает беспочвенность социальных планов «реформаторов поздневикторианского периода»¹⁵⁰. Осбел, в частности, считает «великую депрессию» последней трети (правильнее было бы писать о последней четверти) XIX в. той причиной, которая воспрепятствовала демократическому развитию Англии, точнее — деятельности буржуазных реформаторов, ибо «им было трудно начать свои эксперименты в области демократии, когда надвигались серьезные экономические трудности»; в действительности же потеря Великобританией промышленной гегемонии стимулировала в целом деятельность социальных реформаторов, а не препятствовала ей (автор не порывает с логикой, признавая, что в начале XX в. социал-империалистическая идеология была связана с экономическими затруднениями, но он отвергает эту мысль при характеристике либеральных реформаторов манчестерского толка).

С развитием британского империализма и начавшимся процессом его загнивания, с пробуждением массового рабочего дви-

¹⁴⁶ См., например: R. L. Schuyler. Op. cit., p. 164—165.

¹⁴⁷ C. A. Bodelsen. Op. cit., p. 23, 28, 187—201; H. Ausubel. Op. cit., p. 82, 303; R. Koenig, H. D. Schmidt. Op. cit., p. 99, 182—183. Ранее больше подчеркивалось то, что разъединяло Карлайла и Фруда, хотя и тогда их воззрения рассматривались во взаимосвязи.— См. D. Wilson. Mr. Froude and Carlyle. London, 1898; W. H. Dunn. Froude and Carlyle. A Study of the Froude—Carlyle Controversy. London, 1930.

¹⁴⁸ См.: Н. А. Ерофеев. «Систематическая колонизация».— В кн.: «Империализм и борьба рабочего класса». М., 1960.

¹⁴⁹ L. A. Meyer. The Life of Joseph Chamberlain, vol. 4. London, 1951, p. 528; ср.: E. E. Gullery. Joseph Chamberlain and English Social Politics. New York, 1926, p. 241—291 а. о.

¹⁵⁰ H. Ausubel. Op. cit., p. 1, 326—327.

жения усилился и интерес буржуазии к социальной политике. По мнению Семмела, отличие империализма XX в. от, например, «радикального торизма» и экспансионизма Дизраэли заключалось в том, что хотя последний «сам был и социальным реформатором и империалистом, но он не сделал попытки сочетать это в единое неразрывное целое... В первом десятилетии XX в. в Великобритании были сделаны некоторые попытки не только объединить эти идеалы, но в то же время показать их внутреннюю зависимость — то, что реализация одного невозможна без осуществления другого»¹⁵¹. И прежде в английской литературе не было единства мнений в оценке основного устремления дизраэлевского империализма: то ли это борьба за имперское единство, то ли за захват новых земель, то ли это «континентальный и протурецкий империализм» или, наконец, «внеевропейский» империализм, причем все указанные аспекты рассматривались порознь, и авторы нередко противоречили друг другу¹⁵². Уже Скайлер не усматривал коренного отличия в политике правительств Дизраэли и Гладстона: по его мнению, Дизраэли олицетворял «агрессивный империализм», а правительства Гладстона видели свою задачу в охране уже существующей империи; автор констатировал, что «антиимпериалистическое движение» (британской буржуазии) пришло в полный упадок еще в первые годы существования первого правительства Гладстона¹⁵³ (т. е. еще до середины 70-х годов, когда к власти вновь пришел Дизраэли). Филдхауз писал, что антиимпериализм Гладстона можно воспринимать только условно¹⁵⁴. Апология Гладстона теперь приобретает несколько иные формы, чем тогда, когда на Гладстона смотрели, главным образом, как на антипода Дизраэли¹⁵⁵. Джон Гелбрейт считал «совершенно очевидным», что «история британской имперской политики в XIX в... не поддается последовательному анализу». И это прежде всего потому, что обвинительные ярлыки, приклеивавшиеся Гладстону яркими империалистами, «производят обманчивое впечатление соответствия»¹⁵⁶. Осбел в своей последней книге уверял, что

¹⁵¹ B. Semmel. Op. cit., p. 26.

¹⁵² См., например: G. M. Trevelyan *British History in the Nineteenth Century and After, 1782—1919*. London, 1937, p. 411; R. C. R. Ensor. Op. cit., p. 163.

¹⁵³ R. L. Schuyler. Op. cit., p. 263, 284.

¹⁵⁴ D. K. Fieldhouse. Op. cit., p. 188.

¹⁵⁵ Показательна даже специальная хрестоматия тенденциозно подобранных документов: «Imperialism and Mr. Gladstone, 1876—1887». Compiled by R. H. Gretton. London, s. a. См. также вышедшие в период между двумя мировыми войнами работы Пола Наппенда «Gladstone's and Britain's Imperial Policy» (London, 1927, «Gladstone's Foreign Policy» (New York — London, 1935).

¹⁵⁶ J. S. Galbraith. Op. cit., p. 48. «Для установления легендарной связи между Дизраэли и империализмом должен быть привлечен семантический фактор», — утверждали Кебнер и Шмидт. — R. Koebner, H. D. Schmidt. Op. cit., p. 134.

«империализм Гладстона, подобно империализму Дизраэли, был преимущественно политического и психологического происхождения, источником власти и престижа» и имел в основном антифранцузскую и антирусскую направленность¹⁵⁷. Такая параллель между Дизраэли и Гладстоном не мешает, впрочем, автору традиционно восхищаться чисто показным пацифизмом последнего¹⁵⁸. С другой стороны, Осбел дошел до прямой апологетики джингоизма. Он «разъяснял», что джингоизм — не только «разновидность империализма», но и выражение благородства белого человека, несущего из гуманных побуждений свою цивилизаторскую миссию¹⁵⁹. Нужно обладать немалой долей цинизма для столь явной защиты в 1960 г. пресловутой идеи о «бремени белого человека».

И Осбел и Семмел по существу сводят причины возраставшего переплетения вопросов колониальной и социальной политики к одному — соперничеству между различными империализмами, умаляя, с одной стороны, втягивание в политическую борьбу (хотя еще преимущественно в тред-юнионистском смысле) широких рабочих масс и обострение борьбы двух тенденций в рабочем движении, а с другой, — нарастание национально-эсвободительного движения в зависимых от Великобритании странах в связи с «пробуждением Азии»¹⁶⁰. «Антиимпериалист» Гладстон, подчеркивал его новейший биограф, «предавал анафеме коллективизм, „констракши“ (любимое слово Гладстона, расшифровываемое как сочетание социализма и социальной реформы.— М. К.), социализм до конца своей жизни»¹⁶¹. Но, констатировал этот историк, «волнения безработных в феврале 1886 г. и ноябре 1887 г. и великая лондонская доковая стачка 1889 г. приковали внимание» либералов «к социальным проблемам дома», а «Джозеф Чемберлен... помог просветить консер-

¹⁵⁷ Н. Ausubel. Op. cit., p. 245.

¹⁵⁸ Ibid., p. 238, 243.

¹⁵⁹ Ibid., p. 241. Идеология империализма далеко не всегда принимала столь упрощенную форму. Буржуазные ученые нередко проявляют заинтересованность в том, чтобы возможно большее число видных представителей общественной мысли и искусства Англии того времени изобразить «пророками империализма» и только; при этом игнорируется противоречивость их творчества. В связи с исполнившимся в 1965 г. 100-летием со дня рождения Редьярда Киплинга марксистская критика отмечала, что он пытался честно разобраться в современной ему действительности и что его художественное наследие требует разносторонней оценки.— «Marxism Today», August 1965, p. 229, 242—248. Иную точку зрения см., например, в недавно опубликованных буржуазных работах.— W. A. Barker a. o. Op. cit., p. 115; B. Semmel. Imperialism..., p. 56.

¹⁶⁰ Важное значение участия «низших классов» в национальных движениях в самой Великобритании начинает в последнее время находить все большее понимание в кругах английских историков (это нашло отражение и на 5-й конференции «Past and Present»).— Colonialism and Nationalism in Africa and Europe.— «Past and Present», April 1963, N 24, p. 70.

¹⁶¹ Ph. Magnus Gladstone. A Biography. London, 1954, p. 395.

вативную партию...»¹⁶². Антисоциалистический характер «социальной реформы» британских империалистов признается и Семмелом¹⁶³. Он сам изредка отмечает, что далеко не все империалисты, примыкавшие в начале XX в. к лагерю сторонников тарифной реформы, исповедовали социал-империализм в связи с искренней убежденностью в необходимости подкрепить социальные реформы внутри Англии одновременным укреплением империи¹⁶⁴. У большинства сторонников Дж. Чемберлена, как и у него самого, апеллирование к рабочему классу определялось чисто конъюнктурными, демагогическими соображениями¹⁶⁵. И, как писал марксистский историк Дона Тор, даже «фабианцы, активно популяризируя социализм газа и воды, исходили из Чемберлена»¹⁶⁶.

«Социал-империалистическая» агитация понадобилась империализму прежде всего потому, что монополистическая буржуазия нуждалась теперь в распространении своего идеологического влияния не только на верхушку рабочего класса, но и на более широкие его слои, втягивавшиеся в борьбу, а также и на немонополизированный капитал. Один из современных исследователей преподаватель Манчестерского университета Фрэзер прямо связывает поворот Дж. Чемберлена в 90-х годах XIX в. к социальным вопросам и имперской политике с его страхом перед тем путем развития капитализма, который был предугазан марксизмом¹⁶⁷. Чемберлен, между прочим, «сознавал, что это

¹⁶² Ph. Magnus Gladstone, A. Biography. London, 1954, p. 395. «Самым любопытным было то», — заметил известный консервативный публицист Гарвин в своей работе о Чемберлене, — что упомянутая доковая стачка «породила новое социальное сознание и новые политические эмоции». — J. L. Gavin. Life of Joseph Chamberlain, vol. 2. London, 1932, p. 508.

¹⁶³ B. Semmel. Imperialism..., p. 100. Нашу рецензию на эту книгу см. в журнале «Новая и новейшая история», 1962, № 5, стр. 153—155. Английский рецензент книги Семмела — К. Хоуард отметил на частном примере преувеличение автором роли вопроса о тарифной реформе в политической борьбе перед первой мировой войной, но сам рецензент не расшифровал свою позицию, ограничившись указанием на «некритическое повторение избитых штампов и фактических ошибок» (см.: «History», October 1961, p. 277—278). Основная тематика книги здесь никак не разобрана. Зато американский журнал полностью поддержал выпячивание роли протекционизма, но высказался за растворение истории «социал-империализма» в общем потоке разных школ буржуазной общественной мысли начала XX в. (см.: «The American Historical Review», April 1961, p. 725—726).

¹⁶⁴ B. Semmel. Imperialism..., p. 186—187, 237.

¹⁶⁵ Впрочем, Тревеллан был убежден в искренних усилиях Чемберлена показать рабочему классу его заинтересованность в своей новой программе. — G. M. Trevelyan. Op. cit., p. 435—436.

¹⁶⁶ «Tom Mann and His Times, 1890—1892». — «Our History», N 26—27. London, 1962. Ср.: A. M. McBriar. Fabian Socialism and English Politics, 1884—1918. London, 1962, p. 24, 192 sq. Освещение фабианского подхода к империализму требует отдельного разбора.

¹⁶⁷ P. Fraser. The Liberal Unionist Alliance: Chamberlain, Hartington and the Conservatives, 1886—1904. — «The English Historical Review», January 1962, p. 64.

развитие,— по словам того же автора,— ускоряет перемещение собственности от либеральной стороны к консервативной и превращает палату лордов в бастион собственности, равно как и юнионизма»¹⁶⁸. В конце 1894 г. Чемберлен писал в одном из своих частных меморандумов, что «избиратели гораздо больше интересуются в настоящее время социальными вопросами», чем кто-либо в палате лордов или «любом другом конституционном органе»¹⁶⁹. Фрэнсер констатировал, что Чемберлен, «лишенный социалистами свободы маневра в вопросах внутренней политики... увидел свой шанс в переводе битвы из внутренней в имперскую сферу»¹⁷⁰. Историк английского радикализма прямо связывал позицию Чемберлена по вопросу о пошлинах в 1903 г. с озлоблением обеих сторон тафф-вельским делом¹⁷¹. Если «лорд Солсбери снисходил к Ист-Энду с высоты своего горьского величия», то Чемберлен «уже оценил политическую выгоду, которую может принести предлагаемая „бедности“ защита»¹⁷². Современники его сознавали, что для Чемберлена «более насущным, чем призыв к благосостоянию империи, была необходимость получить поддержку рабочего класса Англии», и один из девизов юнионистской партии во время избирательной кампании гласил: «Тарифная реформа означает социальную реформу»¹⁷³. В. И. Ленин характеризовал Джозефа Чемберлена, наряду с Сесилем Родсом, как деятеля, применявшего «империалистскую политику с наибольшим цинизмом!»¹⁷⁴.

После того как попытки вовлечь весь рабочий класс в русло колониальной политики оказались тщетными, этот «чистый» буржуазный социал-империализм первых лет XX в. уступил свое преимущественное место другим формам идеологической обработки масс (в том числе и «революционной» тактике Ллойд Джорджа).

Буржуазные авторы предпочитают говорить не о расколе империализмом рабочего класса (в Англии соответствующие условия, как известно, создались раньше, чем в других странах), а о включении его целиком в «нацию». При этом обычно имеется в виду одна только рабочая аристократия (жизненный уровень среднего английского рабочего действительно превышал

¹⁶⁸ Ibidem.

¹⁶⁹ Ibidem.

¹⁷⁰ Ibid., p. 65. Подробно об этой идее см.: J. Chamberlain. Patriotism. Address delivered to the Students of the University of Glasgow. 1897.

¹⁷¹ S. Massoby. English Radicalism, 1886—1914. London, 1953, p. 354.

¹⁷² Ibid., p. 386.

¹⁷³ R. H. Grettton. A Modern History of the English People, vol. 2. London, 1913, p. 255. В середине 20-х годов, когда опыт социальной политики Чемберлена начал привлекать особое внимание английской буржуазии, представлялось актуальным его заявление о том, что «есть одна великая социальная проблема, решение которой зависит от возврата к протекционизму,— это безработица».— E. E. Gulleу. Op. cit., p. 317.

¹⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 375.

аналогичный уровень в Германии или Франции — настолько же, насколько он был ниже «стандарта жизни» среднего американского рабочего). «Организованный труд» и лейбористское движение зачастую покрывают в таких работах весь рабочий класс, а под «британским рабочим» подразумевается представитель рабочей аристократии. Тем самым эти авторы лишь повторяют точку зрения самих империалистов. Один из их идеологов, известный проповедник махистской философии и евгеники Карл Пирсон писал, например, в 1905 г.: «День, когда мы утратим наше место среди народов, станет днем катастрофы для наших рабочих дома»¹⁷⁵. А Буллок и Дикин в своем предисловии к оксфордскому сборнику документов о преемственности в Англии идеи империи¹⁷⁶ утверждали, что только «эксцессы империализма в конце века (т. е. англо-бурская война.— М. К.) отделили рабочее движение от империи»¹⁷⁷. В действительности же именно «империализм и колониализм... — реальная основа господства правого крыла в рабочем движении Британии»¹⁷⁸. В последнее время все больше подчеркивается «распространение либеральной идеологии среди рабочих классов, принятие рабочим классом политического руководства среднего класса и „либерально-рабочая“ политика аристократии труда»¹⁷⁹. Киттсон-Кларк говорил о «росте самосознания этой части рабочего класса, которая постепенно создавала новую социальную группу»¹⁸⁰. Но независимо от того, считают ли буржуазные ученые, что классовое сознание у рабочей аристократии исчезало (так оно, разумеется, и было) или «росло» (?!), все они игнорируют революционное направление в рабочем движении, никогда не исчезавшее полностью и отражавшее подлинное развитие самосознания рабочего класса.

В книгах Осбела и Семмела своеобразно «переработаны» идеи нищезанятия: вместо противопоставления национализма и

¹⁷⁵ K. Pearson. *National Life from the Standpoint of Science*. London, 1905, p. 47—48.

¹⁷⁶ Эта преемственность проходит красной нитью через «Кембриджскую историю Британской империи», где, в частности, говорится, что к созданию Содружества приложили руку и радикалы, и юнионисты, и глэдстонянцы, и социалисты, и империалисты, и националисты.— «*The Cambridge History of the British Empire*», vol. 3, p. 405. Упомянутые Буллок и Дикин справедливо заключают, что расхождения всех этих защитников империи во взглядах на империю «иллюстрируют существенное единство британской политической традиции».— «*The Concept of Empire: Burke to Attlee*», p. 27.

¹⁷⁷ «*The Concept of Empire: Burke to Attlee*», p. 5. См. также: Г. П. Мун. Указ. соч., стр. 409.

¹⁷⁸ См.: I. Cox. *Empire Today*. London, 1960, p. 50—64. Об оттенках мнений по вопросу об империи в английских рабочих организациях начала XX в. см.: А. Ротштейн. Британский реформизм и колониальный вопрос.— «Советское востоковедение», 1957, № 6, стр. 11—13.

¹⁷⁹ T. R. Tholfsen. *Op. cit.*, p. 227.

¹⁸⁰ G. Kitson. Clark. *Op. cit.*, p. 241.

социализма авторы видят в объединении их ключ к социал-империализму. Наконец, Стрэчи, ничтоже сумняшеся, переадресовал все это... марксизму: он приписывал В. И. Ленину мысль о выгоде империализма «для народа империалистической страны в целом»¹⁸¹.

Для авторов последних работ характерна в связи с этим и попытка более тонкой фальсификации идеи пролетарского интернационализма, по крайней мере для Великобритании, где эта идея выводится «не только из социалистических чувств всемирной солидарности против капитализма, но и из *laissez-faire*, из космополитичности британского радикализма». Семмел сводил соотношение национальных и интернациональных задач рабочего класса к тому, «могут ли рабочие потерять что-то большее, чем свои цепи»; в последнем случае, по Семмелу, говорить о пролетарском интернационализме не приходится, хотя автор, несомненно, знает примеры из истории английского рабочего движения, доказывающие обратное¹⁸². Семмел противопоставляет марксизм «интернационалистскому началу», классической формой которого он считает космополитизм английской буржуазии периода ее монопольного господства на мировом рынке¹⁸³. Но этот же буржуазный историк прав, отмечая, как неверное понимание сочетания интернациональных и национальных задач рабочего класса многими партиями II Интернационала (по фальсификаторской терминологии автора — «социалистический интернационализм в духе Маркса и Энгельса». — М. К.) вело к притуплению и отсрочке борьбы против капитала в собственной стране, к перенесению акцента в классовой борьбе на факторы внешнего порядка и «всемирного» масштаба, что способствовало перерождению интернационализма в национализм.

Основным испытанием и триумфом социал-империализма, который расцвел в ряде стран Европы перед первой мировой войной в связи с подготовкой к ней, среди буржуазных ученых принято считать «позицию в начале войны пролетариев всех европейских наций»¹⁸⁴. В. И. Ленин тогда же указывал: «Лгут те, кто говорят... что „массы“ пролетариев повернули к шовинизму:

¹⁸¹ J. Strachey. *The End of Empire*, p. 119—120. На стр. 180—181 этой же книги Стрэчи фактически сам себя опровергает.

¹⁸² B. Semmel. *Imperialism...*, p. 21, 22, 24.

¹⁸³ Ср.: J. Hobson. *Richard Cobden — The International Man*. London, 1919, p. 387—409 (в своих позднейших работах Гобсон вместо «империализм» писал «интернационализм»). Так что и в этом отношении концепция Семмела не нова. См., например: C. E. Payne. *The Pre-war Mind in Britain*. London, 1928.

¹⁸⁴ B. Semmel. *Imperialism...*, p. 234 а. о. И в других работах позиция рабочей аристократии в то время распространяется на весь рабочий класс. — M. Blaug. *Economic Imperialism Revisited*. — *The Yale Review*, vol. 50, N 3, 1961, p. 343—344.

массы *не были* опрошены... Массы были оглушены, забиты, разьединены, задавлены военным положением. Свободно голосовали *только* вожди — голосовали за буржуазию против пролетариата!»¹⁸⁵.

Осбел фактически игнорирует подлинный буржуазный «социал-империализм», вуалируя его классификацией империалистов по принципу их личного отношения к тем или иным демократическим институтам Англии, к методам завершения войны с бурями и т. п.¹⁸⁶ Раньше Боделсен и Тайлер открыто считали возможным при анализе британского империализма совершенно отвлечься от рассмотрения джингоизма, социальной и внешней политики, сознательно абстрагируя одну только имперскую политику в узком смысле¹⁸⁷. Но в настоящее время то, что, по словам В. И. Ленина, было ясно для «руководящих политиков английской буржуазии» еще в конце XIX в.¹⁸⁸, не может быть обойдено буржуазными учеными. претендующими на научность. Они либо маскируют это, как Осбел, либо прибегают к таким, например, уверткам: «Империализм и социальная реформа, хотя и не обязательно представляют собой дихотомию (две стороны одного и того же явления.— М. К.), могут внешне выступать как таковые»¹⁸⁹. Дальше всех буржуазных авторов в отношении привлечения конкретного фактического материала по социальной политике английского империализма пошел Семмел, но этот материал дан односторонне — преимущественно в плане борьбы между чемберленианцами и либералами-империалистами по вопросу о таможенной реформе. Тщательно избегают классового анализа также Фрэзер и Джонс в статьях, специально посвященных либералам-юнионистам и борьбе в верхушке консервативной партии в конце 1905 г. Почти все внимание авторов уделено внутривнутрипартийным и внутригрупповым препира-

¹⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 104. В Италии и США, вступивших в войну позже, рабочие ясно продемонстрировали свое стремление к миру.

¹⁸⁶ H. A. Osbelle. Op. cit., p. 257—263. «Импессионистская» манера изложения, слабость и произвольность аргументации в этой работе была расценена даже буржуазным рецензентом как «большое разочарование». — «History», October 1961, p. 272.

¹⁸⁷ См.: C. A. Bodelsen. Op. cit., p. 7; J. E. Tyler. The Struggle for Imperial Unity, 1868—1895. London—New York, 1938, passim. Многие и сейчас стоят на этой позиции. Например, президент Джексонвилского университета Джонсон в истории британского комитета имперской защиты (его бывший глава Исмэй поставил эту книгу в один ряд с небезызвестной книгой А. Мэхэна «Влияние морской мощи на историю») рассуждает о «новом виде империализма» в конце XIX в. — принятии «британской ответственности на местах, куда уже проникли торговцы и миссионеры». — F. A. Johnson. Defence by Committee. The British Committee of Imperial Defence, 1885—1959. London, 1960, p. 24; see also A. P. Thornton. Op. cit., p. 15.

¹⁸⁸ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 376.

¹⁸⁹ «The Cambridge History of the British Empire», vol. 3, p. 339.

тельствам, взаимоотношениям между Дж. Чемберленом, Хартигтоном, Бальфуrom, Ленсдауном и герцогом Девонширским, и в этом тонут глухие намеки на социальную сторону политики тори, примкнувших к ним либералов-юнионистов и так называемых либералов-империалистов группы Розбери¹⁹⁰. А между тем именно под воздействием рабочего «нового юнионизма» Чемберлен начал изучать Бисмарка и государственный социализм и уделил внимание пенсиям по старости,— отмечала Тор. «Башня из слоновой кости» Гладстона была сокрушена и либералы приняли асквитовскую ньюкаслскую программу...»¹⁹¹. В новейшей апологии Гладстона, посвященной по существу предпосылкам реорганизации либеральной партии в 80-х годах, решающая роль отводится также, наряду с личными качествами Гладстона, его взаимоотношениям с Хартигтоном, Гренвиллом, Чемберленом и др.¹⁹²

Те историки и социологи, которые касаются «социал-империалистической» идеологии, почти не затрагивают соответствующую практику, в том числе и правительственную (даже в книгах Осбела и Семмела почти ничего не сказано, например, об относящейся к их темам Лиге подснежника, созданной консерваторами «для борьбы с классовыми антагонизмами»¹⁹³). И это не случайно. Для буржуазной науки предпочтительнее акцентировать связь империалистической идеологии не столько с общественной практикой, сколько с социал-дарвинизмом в его различных разновидностях — этой «естественно-научной» основой всех «социал-империалистических», в том числе и фашистских, форм политики «разделяй и властвуй» по отношению к рабочему классу¹⁹⁴.

На смену бентамовскому «утилитаризму» — этому традиционному кредо буржуазного «среднего класса» — шла постепенно

¹⁹⁰ Ср.: P. Fraser. Op. cit., p. 61—62, 71; E. Stokes. Op. cit., p. 51—52; R. V. Jones. Balfour's Reform of Party Organization.—«Bulletin of the Institute of Historical Research», May 1965, vol. 38, № 97, p. 94—101; A. L. Burt. Op. cit., p. 589, 590.

¹⁹¹ «Tom Mann and His Times, 1890—1892», p. 17.

¹⁹² R. T. Shannon. Op. cit., passim (especially p. 271 sq). Социальная сторона дела сведена к минимуму.

¹⁹³ H. Ausubel. Op. cit., p. 141.

¹⁹⁴ Ср.: H. Gollwitzer. Die Gelbe Gefahr. Geschichte eines Schlagworts. Studien zum imperialistischen Denken. Göttingen, 1962, S. 47—67.

Обзор современных буржуазных представлений о «национализме и Дарвине» см.: «Review of Politics», vol. 22, N 4, October 1960, p. 466—481. Социал-дарвинизм использовался и для обоснования экономических взглядов протекционизма.— См.: B. Semmel. Imperialism..., p. 28, 153. Английский социал-дарвинист Кид оказал влияние и на Теодора Рузвельта.— D. H. Burton. Theodore Roosevelt's Social Darwinism and Views in Imperialism.—«Journal of the History of Ideas», January—March 1965, p. 106—108; H. K. Beale. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. Baltimore, 1956, p. 72—74, 160—162, 181.

разрабатывавшаяся с середины XIX в. в работах Т. Карлайла, Дж. С. Милля, Г. Спенсера, Т. Хексли, Ф. Мориса, Ч. Кингслея, Дж. Рескина концепция социального организма нации. Спенсеризм как более утонченная фальсификация законов общественного развития по сравнению, например, с голым прагматизмом, ставшим кумиром американской буржуазии, в большей мере отвечало запросам английской буржуазии на рубеже XIX и XX вв. И напрасно Осбел ссылками на неодобрительное отношение Спенсера к кое-каким агрессивным актам и на его скептическое отношение к возможности прочного имперского единства (которое, по Спенсеру, затруднялось географической удаленностью) старается представить Спенсера антиимпериалистом, затушевывая объективную сущность его учения¹⁹⁵.

Исследуя империалистическую идеологию, буржуазные историки совсем не уделяют внимания другой стороне общественной мысли английского империализма — так называемой психосоциологической школе. Это направление буржуазной общественной мысли было генетически близко к либерализму традиционного склада, но уже отходило от утилитаризма. На место классовой борьбы здесь ставилась «духовная общность», «социальный прогресс», «духовная целостность общества» и т. п.¹⁹⁶ Семмел подходит к «социал-империалистической» идеологии формально — лишь постольку, поскольку та или иная концепция затрагивает проблему имперских отношений. Не упоминал он, наряду с Хобхаузом, и Макдугола, призывавшего отстранить по возможности от участия в общественной жизни народные массы, которые, по его мнению, привносят «стадный инстинкт» и лишь тормозят общественное развитие¹⁹⁷. А ведь между расистскими колониалистскими теориями, превозносившими англосаксонскую расу, и подобным третированием народных масс самой Англии не существовало никакой пропасти, что бы ни думали по этому поводу буржуазные историки идеологии.

¹⁹⁵ H. Ausubel. Op. cit., p. 243, 247.

¹⁹⁶ См., например: L. T. Hobhouse. Social Evolution and Political Theory. New York, 1922, p. 127 а. о. Ср. idem. The Labour Movement. With pref. by R. V. Haldane. London, 1896; E. Boutmy. Essai d'une psychologie politique du peuple anglais au XIX siècle. Paris, 1901. Крайние пределы социального утопизма в рамках этого направления продемонстрировал Грэхэм Уоллес, выступавший в период первой мировой войны за создание нового «великого общества» из чрезвычайно пестрого конгломерата «элементов» — индивидуализма, капитализма, социализма, синдикализма. — См.: G. Wallas. The Great Society. New York, 1916, p. 318. Ныне в английской науке утверждается точка зрения, что именно Грэхэм Уоллес «в большей степени, чем Макдугол, должен рассматриваться как первый значительный британский социальный психолог». — L. S. Hearnshaw. A Short History of British Psychology, 1840—1940. London, 1964, p. 116.

¹⁹⁷ См.: W. McDougall. An Introduction to Social Psychology. London, 1950, p. 47 sqq.

Изучение английского буржуазного «социал-империализма» довоенного времени показывает, что его венец — ллойд-джорджизм, характеристике которого столь много внимания уделил В. И. Ленин, возник не на пустом месте. Между тем, в буржуазной и правосоциалистической литературе внутренняя политика Ллойд Джорджа обычно трактуется не как ярчайшее проявление империализма в социальной сфере, а, напротив, противопоставляется той империалистической политике, которую его коллеги в правительстве проводили на международной арене. Дж. Тревелиян, например, рассматривал ллойд-джорджизм в плоскости «движения общественного мнения в пользу замены социальной реформой внутри страны заморского империализма»¹⁹⁸. Отдельные авторы отмечают и значение «впечатления от жестокой депрессии» 1907—1909 гг.¹⁹⁹, и первостепенное значение подъема рабочего движения для изменения тактики правящих кругов²⁰⁰, но указанная концепция в целом остается неизменной.

Поскольку в политике Ллойд Джорджа и его высказываниях отсутствовал ясно видимый имперский аспект, Кёбнер, Шмидт и Семмел не считают его типичным «социал-империалистом», ибо он, мол, принадлежал сначала к радикальному крылу либеральной партии, боролся «против дредноутов» и т. п.²⁰¹ Семмел не желает замечать существенно нового характера ллойд-джорджизма, которому он вообще уделяет неоправданно мало внимания, по сравнению с предыдущей социальной политикой английских правительств. Впрочем, в свете мемуаров самого Ллойд Джорджа и ряда других политических деятелей предвоенной Англии буржуазные историки уже перестают видеть противоречия между первоначальной карьерой Ллойд Джорджа как радикала и его тягой к консерваторам²⁰². Борьба вокруг бюджета 1909 г. рассматривается главным образом в плане отстаивания «фритредерского империализма», изменения в направлении инвестиций с целью их «неимпериалистического» ис-

¹⁹⁸ G. M. Trevelyan. Op. cit., p. 427. Cp.: Ph. Abrams. The Failure of Social Reform, 1918—1920.— «Past and Present», April 1963, p. 45—49, 58, 62.

¹⁹⁹ H. A. Usabel. Op. cit., p. 327. Cp.: P. Knapp. Op. cit., p. 14—16.

²⁰⁰ A. Wood. Op. cit., p. 421.

²⁰¹ B. Semmel. Imperialism..., p. 28, 134, 135—138, 240; R. Koeber, H. D. Schmidt. Op. cit., p. 327. О том, как либералы разрешили Смэгсу использовать для подавления стачек в Ранде в 1913 г. около семи тысяч солдат из «имперского гарнизона» в Южной Африке, см.: A. P. Thornton. Op. cit., p. 139—140.

²⁰² J. Ehrman. Lloyd George and Churchill as War Ministers.— «Transaction of the Royal Historical Society», 5th Ser., vol. 2. London, 1961, p. 102; R. J. Minney. The Edwardian Age. London, 1964, p. 189—190; R. Jenkins. Asquith. London, 1964, p. 214—221.

пользования внутри страны, а не вовне, наконец, начала «государственного регулирования» экономической жизни и т. п.²⁰³ Марриот отразил типичную для буржуазной историографии точку зрения о «компромиссности» этого бюджета (как и всей политики либерального кабинета, колебавшегося-де между империализмом и социальной реформой), когда он писал о недостаточности ассигнований ни для «морской обороны», ни для «социальной реформы»²⁰⁴; второе соответствует действительности, а первое — нет. Известно, что сам Ллойд Джордж не скрывал не только военного, но и социального значения морской части своего «революционного» бюджета. С другой стороны, в буржуазной литературе обычно игнорируется «социал-империалистический» аспект оранжизма — идеологии крайней империалистической реакции, которая приобрела, наряду с ллойд-джорджизмом, значительное влияние в Великобритании перед мировой войной (прежде всего — в Ольстере). Шовинистический оранжизм был не только реакцией олстерских консерваторов на ирландское национально-освободительное движение, но и реакцией английских тори на подъем английского рабочего движения, не остановленный реформами либералов²⁰⁵. Нельзя не согласиться с замечанием буржуазного историка: «Империя была в опасности из-за самих консерваторов-империалистов», ибо если бы последние подняли восстание, «то совершенно очевидно, что это был бы кратчайший путь к разрушению империи»²⁰⁶.

Бессмысленно утверждение Стрэчи о том, что опыт Великобритании подтверждал альтернативный характер империализма и социальной реформы, что в этом вопросе прав оказался не Ленин, а Гобсон²⁰⁷. История всех стран, в том числе и Великобритании, подтвердила правоту ленинского учения о социал-

²⁰³ См., например: «The New Cambridge Modern History», vol. 12, p. 58; B. S e m m e l. Imperialism..., p. 107, 240, 245; J. S t r a c h e y. The End of Empire, p. 112.

²⁰⁴ J. A. M a r r i o t t. Modern England. 1885—1939. London, 1941, p. 290. Консерваторы тоже приписывали себе заслуги в деле социального реформаторства начала XX в.— См. официозное издание «Conservative Social and Industrial Reform, 1800—1945». (Conservative Political Centre), 1947, p. 22—25; A. P a g e. Imperialism and Democracy. Edinburgh, 1913. И действительно, некоторые консерваторы (в том числе лорд Сесиль) отстаивали, например, идею коопартнершипа не меньше, чем либералы. (О коопартнершипе перед первой мировой войной см.: A. W i l l i a m s. Copartnership and Profitsharing. London, 1913; «Report of Profit-sharing and Labour Copartnership in the United Kingdom». London, 1912; P. and G. F o r d. Op. cit., p. 203; Г. Д. Ллойд д. Коопартнершип. СПб., 1909). О социальном реформаторстве на следующем этапе — во время первой мировой войны — см.: W. S. W o r s f o l d. The War and Social Reform. An Endeavour to Trace the Influence of the War as a Reforming Agency. London, 1919.

²⁰⁵ См.: Е. Б. Черняк. Ольстерское движение (1912—1914 гг.).— В кн.: «Империализм и борьба рабочего класса. Сборник памяти академика Ф. А. Ротштейна». М., 1960.

²⁰⁶ A. P. T h o r n t o n. Op. cit., p. 134.

²⁰⁷ J. S t r a c h e y. The End of Empire, p. 115.

империализме, в основе которого лежит раскол империализмом рабочего класса, борьба в нем тенденций революционной и оппортунистической, причем последняя и питается буржуазным «социал-империализмом». Характерно, что, не имея возможности совсем обойти борьбу рабочего класса в начале XX в., буржуазные историки и прежде, и теперь пытаются умалить ее первостепенное значение во всей жизни страны, растрворить ее среди других факторов, характеризовавших внутреннее положение Англии в годы перед первой мировой войной²⁰⁸. Иногда это проявляется и в чрезмерной локализации рабочего движения. Так, преподаватель Колумбийского университета Морган довольно много внимания уделяет рабочему движению в Уэльсе в начале XX в., но нигде не говорит о связи его с общеанглийской борьбой рабочего класса²⁰⁹. Остается добавить, что и английские ревизионисты в своей интерпретации всей истории Англии чуть ли не с середины XIX в. до наших дней с точки зрения становления «государства благоденствия» придали особенно большое, переломное значение для этого процесса тем буржуазным реформам, которые английская империалистическая буржуазия была вынуждена проводить в своей стране с конца 900-х годов²¹⁰. Обладание же колониальной империей не содействовало, а вредило проведению любых социальных реформ в самой Англии.

* * *

Те буржуазные, лейбористские и ревизионистские авторы, которые уверяют, что к настоящему времени экономическая основа империализма исчезла, тщатся доказать, будто единственная задача, которая еще стоит перед странами-метрополиями (бывшими и нынешними) — это поделить своим опытом строительства общества всеобщего благосостояния с народами всех стран, в первую очередь слаборазвитых²¹¹.

²⁰⁸ R. H. Gretton. *A Modern History of English People, 1880—1922*. London, 1930, p. 887; G. Dangerfield. *Op. cit.*, parts 2, 3; W. A. Barker a. o. *Op. cit.*, p. 172—177; B. Semmel. *Imperialism...*, p. 244. Впрочем, новейший биограф Асквита приходит к выводу, что «летом 1911 г. угроза европейской войны тесно переплелась с опасностями насильственного промышленного переворота...» — R. Jenking. *Op. cit.*, p. 239.

²⁰⁹ K. O. Morgan. *Wales in British Politics, 1862—1922*. Cardiff, 1963, p. 166—274. «Люди чувствовали гораздо больше привязанности к своей деревне или долине, чем к своему классу» (*ibid.*, p. 199), но все же нельзя было не отметить и того, что южноуэльские горняки в это время шли в авангарде британского горнопромышленного пролетариата.

²¹⁰ См.: J. Saville. *The Welfare State: An Historical Approach*.— «*New Reasoner*», 1958, № 3, p. 16 sqq. Аналогичную точку зрения развивал профессор Сен-Луисского университета Нейл.— Th. P. Neill. *The Rise and Decline of Liberalism*. Milwaukee, 1953, p. 273 а. о. См. также: R. H. R. Crossman. *The Charm of Politics*. London, 1958, p. 143.

²¹¹ Например: G. Myrdal. *Beyond the Welfare State*. London, 1960; A. Maizels. *Industrial Growth and World Trade. An Empirical Study of*

Среди реформистских авторов есть и такие, которые стремятся честно разобраться в перспективах, стоящих в настоящее время перед развивающимися странами. «Великая проблема нашего времени,— отмечает М. Браун,— установление новых отношений между народами передовых и слаборазвитых стран. Под силу ли сделать это капитализму или кому-то еще? Вот главный вопрос, на который мы должны ответить»²¹². Признав в самом начале своей книги, что «коммунисты демонстрируют слаборазвитым странам путь ускорения темпов роста»²¹³, Браун в итоге старается убедить народы этих стран в преимуществах «третьего пути» — лейбористского градуализма, «демократического социализма» и ратует за их индустриализацию при помощи международного наднационального планирования внешней торговли, игнорируя при этом классовый аспект проблемы индустриализации развивающихся стран так называемого «третьего мира»²¹⁴. Апеллирование к недавно обретшим национальную независимость народам — лейтмотив большинства современных буржуазных и реформистских работ по империализму.

С другой стороны, признается, что в новых условиях война — этот классический прежде «социал-империалистический» метод — уже не может служить альтернативой классовой борьбе; в связи с этим выражается напрасная надежда на то, что мирное сосуществование государств с различными социальными системами поведет в конце концов к «мирному урегулированию разногласий между социальными классами» в странах капитала²¹⁵. Подобным апологетам империализма можно напомнить слова Гобсона, написанные 60 лет тому назад: «Если партийной системе суждено пережить британскую политику, то только при условии объединения всех фракций, враждебных той самой империалистической практике, которую проводили и либеральные, и консервативные (и, добавим, лейбористские.— М. К.) правительства...»²¹⁶. Ныне на новой, научной основе программу создания широкого антимонополистического фронта, способного защитить национальные интересы английского народа, выработала и несет в массы Коммунистическая партия Великобритании.

Trends in Production, Consumption and Trade in Manufactures from 1899—1959 with a Discussion of Probable Future Trends. Cambridge, 1963; O. H. Taylor. Op. cit., p. 408.

²¹² М. В. Браун. Op. cit., p. 16.

²¹³ Ibid., p. 5.

²¹⁴ Ibid., p. 422—424, 451—454, 468—474.

²¹⁵ См., например, оба таких вывода: В. Семмел. Imperialism..., p. 261—262; idem. The Philosophic Radicals and Colonialism, p. 525; M. Blaug. Op. cit., p. 337, 348—349.

²¹⁶ J. A. Hobson. Op. cit., p. 157.

Джон Коммонс и висконсинская школа

Самой высокой репутацией в американской буржуазной историографии рабочего движения все еще пользуется так называемая висконсинская школа. Мы не ставим себе целью шаг за шагом проследить ее эволюцию и охарактеризовать все многочисленные работы, вышедшие из-под пера ее представителей от первых опытов Джона Коммонса до пухлых трудов современного нам Ф. Тафта. Это заняло бы слишком много места, да и вряд ли было бы оправданным. Значительно более важной представляется нам задача разобраться в теоретических основах данного направления, вникнуть в то, что составляет концепцию, на которой держится все здание. Это тем более необходимо, поскольку влияние, которое оказывали и продолжают оказывать висконсинцы своей так называемой «экономической интерпретацией» истории рабочего движения в США на формирование взглядов буржуазных историков, все еще является решающим, несмотря на усиливающуюся критику этой концепции.

* * *

Значительным явлением в развитии буржуазной историографии рабочего движения в США принято считать выход в свет в 1918 г. первых двух томов коллективного исследования: «История рабочего движения в США» под общей редакцией профессора экономики Висконсинского университета Джона Коммонса. Год издания был в полном смысле переломным. Ранее на книжном рынке США эпизодически появлялись отдельные работы по истории тред-юнионизма, но в целом исследовательскую деятельность в этой области никак нельзя было назвать систематической. Круг работ, представляющих самостоятельное значение, по существу ограничивался двумя-тремя книгами социал-реформистов¹, выполненных в жанре историко-партийных

¹ J. Spargo. Socialism. London, 1906; A. Simons. Social Forces in American History. New York, 1911; M. Hillquit. History of Socialism in the United States. New York, 1903.

памфлетов, общим очерком Р. Эли², пронизанным духом английского фабианства и христианского социализма, и, наконец, работами Хокси³, написанными под сильным влиянием буржуазных либералов супругов Вебб. Появление первых двух томов «Истории рабочего движения в США» под редакцией Коммонса представляло собой по сути дела первую серьезную попытку обобщить огромный фактический материал, который к тому времени накопился.

Но все это имело второстепенное значение по сравнению с тем влиянием, которое оказали революционные события в Европе на всю общественную и духовную жизнь Америки того времени. Взаимодействие внутренних и внешних причин привело к бурному росту рабочего движения, выделению в нем революционного крыла. В буржуазной общественной мысли проявились признаки замешательства, брожения и, наконец, потенциально опасного бунта молодых, демократически настроенных писателей против господствующего класса, главным образом, против его стяжательских идеалов⁴. Сочувствие рабочих масс Великой Октябрьской социалистической революции, распространение социалистических идей в широких слоях американского общества и, наконец, оформление критического направления среди молодежи породило неизбежную реакцию в правящем классе. Смысл событий в России, открывших собой новую эпоху всемирной истории, был ясен и для буржуазии. Одним из показателей этого было то, что все силы и средства буржуазной пропаганды, в дополнение к мерам насильственного подавления, были брошены на борьбу с распространением радикализма в народных массах. Разнузданная клевета в отношении социалистической революции в России, проповедь «классового мира», призывы к «американскому патриотизму» и «образцовой лояльности» — вот главное содержание пропагандистской кампании, организованной правящим классом. Поколение историков, пришедшее в историческую науку в эти годы, стало свидетелем пышного расцвета презентистских и релятивистских взглядов. Прагматизм пронизал все поры буржуазной науки об обществе.

Нет ничего удивительного в том, что труд группы историков

² R. Ely. The Labor Movement in America. New York, 1886.

³ R. Hoxie. Scientific Management and Labor. New York, 1915; idem. Trade Unionism in the United States. New York, 1917.

⁴ Один из ближайших сотрудников Джона Коммонса З. Перльман, характеризуя духовную атмосферу тех лет, писал: «В последние годы на первый план выдвинулся новый тип интеллектуала. Являясь продуктом более общих условий духовного развития сравнительно с его предшественником, он оказался и более дерзким в своих взглядах на прошлое и будущее. Он одинаково готов поддерживать «экономическую интерпретацию конституции» и защищать идеи коллективизма в качестве средства против существующих индустриальных и социальных зол» (S. Perlman. A History of Trade Unionism in the United States. New York, 1923, p. 291).

во главе с Джоном Коммонсом, сознательно взявших исходным моментом своего исследования тезис о «тождестве» классовых интересов капиталистов и рабочих, был встречен шумным одобрением буржуазных ученых и удостоен всяческих похвал. В академических кругах заговорили о появлении в буржуазной историографии нового течения, связанного с именем Джона Коммонса, в своих сочинениях предвосхитившего многие современные буржуазные взгляды на социальную организацию капиталистического общества.

Коммонс и многочисленная плеяда его единомышленников вошли в американскую буржуазную экономическую науку и историографию как сторонники гармонического сочетания интересов основных классов американского общества. В целом сам факт рассмотрения висконсинцами всей истории рабочего движения в США под этим углом зрения был вполне естественной реакцией буржуазной науки на бурные события конца XIX столетия и первые два десятилетия нашего века, отмеченные острыми выступлениями рабочего класса, ожесточенной борьбой фермерства, волнами протеста против деятельности монополий в широких демократических кругах, наконец, попыткой ответить на пропаганду самых различных вариантов социалистических идей, в основе которых лежало стремление устранить социальное зло, вызванное хозяйничаньем капитала, и подчинить частные интересы интересам общественным.

Коммонс прошел довольно извилистый путь, прежде чем занял свое место в академических кругах буржуазной политической экономии и исторической науки. Он начал как простой печатник, когда впервые познакомился из первых рук с практикой тред-юнионизма, затем, после окончания университета, некоторое время работал в Американском институте христианской социологии — филиале европейского движения христианского социализма. Причастность Коммонса к христианскому социализму вызвала известные затруднения в его дальнейшей научной карьере, которые оказалось не так просто преодолеть⁵. Так или иначе, веротерпимость университетского начальства оказалась недолговечной, и в 1900 г. Коммонс вынужден был оставить Сиракузский университет, где он занимал место профессора экономики. Восстановление «репутации» заняло у него немало времени. Согласие на предложение разработать рекомендации для системы сотрудничества предпринимателей с профсоюзами, поступившее от консервативной Национальной гражданской федерации, связанной с монополиями, улучшило положение Коммонса. Затем последовала работа под руководством профессора Р. Эли по составлению десятитомной «Документальной истории

⁵ J. R. Commons. *Myself*. New York, 1934, p. 53.

американского индустриального общества»⁶, что помогло ему в 1904 г. утвердиться в качестве профессора экономики Висконсинского университета. До этого он опубликовал ряд работ по истории тред-юнионизма и общественных отношений в США, которые в буржуазной литературе принято считать «классическими»⁷. Расовая проблема и проблема иммиграции заняли важное место в его лекционном курсе по истории рабочего движения в США. Первая значительная работа, подытоживающая изыскания Коммонса в области истории тред-юнионизма, написана главным образом на материале его университетского курса «Расовые элементы в американской промышленности»⁸. Эта работа показала, что Коммонс окончательно порвал со своими ранними привязанностями. В ней он выступил как поборник политического обскурантизма и как расист, проповедующий рестрикционистские планы в отношении иммиграции, опирающиеся целиком на реакционные доводы буржуазной евгеники. «Люди не равны, не равны также расы и классы»; «...деспотизм масс хуже, чем мягкий деспотизм имущих классов»⁹; «тред-юнионы, создаваемые рабочими иностранного происхождения, не являются подлинно американскими институтами»¹⁰ и т. д. Вот некоторые из «глубокомысленных» соображений, которые развивал в своей работе Коммонс.

Труды, написанные Коммонсом в этот период, его практическое участие в работе учреждений, в задачу которых входила выработка приемов и средств политики «классового сотрудничества», самым лучшим образом аттестовали Коммонса в глазах буржуазного общественного мнения. Мало-помалу он стал признанным авторитетом в области буржуазной экономической и политической мысли. В 1911 г. Коммонс возвращается к своим прежним планам создания сквозной истории организованного рабочего движения в США, начиная с момента его возникновения. Для написания отдельных разделов он привлек своих учеников (Д. Сейпос, Э. Самнер, Э. Миттельман, Г. Хоглэнд, Дж. Эндрю, Я. Перльман). Подготовительный период и редактирование, проведенное самим Коммонсом, заняли семь лет. Появление первых двух томов было, по оценке буржуазной критики, «как нельзя кстати». После довольно значительного перерыва работу продолжали Э. Перльман, Э. Брандейс, Дон Д. Лескойе и Ф. Тафт, опубликовавшие в 1935 г. следующие два тома¹¹.

⁶ J. R. Commons a. o. Documented History of American Industrial Society. 10 vols. Cleveland, 1910—1911.

⁷ J. R. Commons. The American Shoemakers, 1648—1895, chap. 14.— В кн.: «Labor and Administration». New York, 1913.

⁸ J. R. Commons. Races and Immigrants in America. New York, 1920.

⁹ Ibid., p. 181.

¹⁰ Ibid., p. 153.

¹¹ J. R. Commons and Associates. History of Labor in the United States. 2 vols. New York, 1918; D. D. Lescohier, E. Brandeis. History

Говоря о гносеологических корнях теории Коммонса, следует указать на прямые заимствования висконсинцев из идейного арсенала так называемой немецкой исторической школы, возникновение которой связано с именами Гильдебранда, Шмоллера, Брентано и Зомбарта, зарекомендовавших себя непримиримыми врагами марксизма именно потому, что марксизм рассматривает историю капитализма, рабочих организаций и политических институтов с точки зрения классовой борьбы за конечные цели освобождения пролетариата. Но справедливости ради надо сказать, что Коммонс стоял значительно правее своих европейских учителей.

Как ученый-экономист, Коммонс формировался преимущественно под воздействием классической буржуазной политической экономии и, в частности, историко-хозяйственной схемы Карла Бюхера, который, подобно всем представителям буржуазной «экономической апологетики», сводил отношения между капиталистами и рабочими к отношениям, вытекающим из товарного обращения¹². За экономическую основу общества Бюхер принимал не форму собственности на средства производства, а степень развития товарно-денежных отношений. Следовательно, изначально, согласно этой схеме, Бюхер считал форму обмена продуктов, которой соответствует форма, степень развитости производства.

Следуя за Бюхером, Коммонс в своих трудах, подготовивших выход в свет четырехтомной «Истории рабочего движения в США», негигирировал основное противоречие, возникающее в процессе капиталистического производства в силу экспроприации, отчуждения капиталистом непосредственного производителя от средств производства. Происхождение социального конфликта он усматривал в условиях товарного обращения, которому подчиняются как капитал, так и наемный труд. «Конфликт между капиталом и трудом,— писал Коммонс,— есть по сути дела конфликт рынка и труда, купца и наемного рабочего, рыночных цен и заработков»¹³. Гипотеза о том, что торговый капитал длительное время определял экономическую организацию буржуазного общества в США, важна для Коммонса потому, что она позволяла ему приписать основной форме капитала второстепенную роль в процессе образования прибавочной стоимости. Коммонс старался доказать, что промышленные капиталисты в одинаковой мере с наемными рабочими страдали от эксцессов торгового обращения. Следовательно, заявил Коммонс,

of Labor in the United States, Working Conditions and Labor Legislation. 1896—1932, vol. 3. New York, 1935; S. Perlman, Ph. Taft. History of Labor in the United States, vol. 4. Labor Movements, 1896—1932. New York, 1935.

¹² J. R. Commons. Institutional Economics. Madison, 1959, я. 8.

¹³ J. R. Commons. Labor and Administration. New York, 1913. p. 261—262.

природа классового конфликта при капитализме непознаваема, если за основу брать форму собственности на средства производства. По Коммонсу, неразвитые условия торгового обращения и зависимость от купеческого капитала заставляли промышленников на ранней стадии искать выхода за счет давления на наемных рабочих. Когда же в конце XIX столетия предприниматели получили самостоятельность в силу развития коммерческих связей, а с нею и возможность увеличить прибыль, борьба между капиталистом и рабочим, вызванная условиями найма, стала затухать. Появление сильных тред-юнионов увеличило «расположение» капиталиста к рабочим. Таким образом, резюмирует один из интерпретаторов Коммонса, «классовая борьба вместо того, чтобы становиться все острее и острее по мере развития капитализма и подводить, как предсказывал Маркс, к социальной революции, в действительности становится все менее революционной по своему характеру и ведет к компромиссу...»¹⁴.

Несостоятельность и лженаучность подобных теорий была вскрыта К. Марксом в «Капитале». Маркс убедительно показал, что капитал — это не скопление товаров, а нечто совсем иное, а именно система эксплуатации капиталистами наемных рабочих. Следовательно, законы капитализма не могут быть выведены из законов товарного обращения¹⁵. «Рассматривая процесс абстрактно, т. е. оставляя в стороне обстоятельности, которые не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения»¹⁶, невозможно вскрыть источник создания прибавочной стоимости, ибо обращение товара приводит лишь к изменению формы его стоимости. Что же является решающим условием процесса создания стоимости расширенного капиталистического воспроизводства? Таким условием, которое не имеет отношения к товарному обращению, является наличие в обществе наемных рабочих. Именно в «сокровенных недрах производства»¹⁷, там, где добывается прибыль, и находится центр сплетения основных общественно-экономических отношений капитализма, как результат взаимодействия между группами участвующих в производстве лиц, «имеющими различные интересы и различные исторические роли...»¹⁸. К. Маркс считал заведомо тенденциозными такие теории, где все отношения между основными агентами в процессе капиталистического производства сводятся к отношениям, вытекающим из товарного обращения. Таким способом, писал К. Маркс, буржуазные экономисты стремятся доказать отсутствие противоречий, свойственных капита-

¹⁴ S. Perlman. A History of Trade Unionism in the United States, p. 271.

¹⁵ К. Маркс. Капитал, т. 1. М., 1953, стр. 121.

¹⁶ Там же, стр. 164.

¹⁷ Там же, стр. 182.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 602.

листическому способу производства¹⁹. Это замечание К. Маркса имеет исключительно важное значение для понимания буржуазных учений о рабочем движении и трудовых отношениях в США, от Коммонса до современных его эпигонов.

Приняв за основу экономического развития общества не теорию собственности на средства производства, а законы товарного обращения, Коммонс приходит к ложным выводам о характере отношений между классами, на которые распадается капиталистическое общество. Повсюду в реальной действительности рабочее движение выступает как следствие капиталистических производственных отношений, т. е. как следствие зависимости наемных рабочих от эксплуатирующего их класса капиталистов. Напротив, у Коммонса рабочее движение есть движение групп производителей, заинтересованных в ограждении рынка от набегов внешних (в виде импорта товаров, снижающих цены на внутреннем рынке) и внутренних (в виде дешевого труда) конкурентов. Возникшее в силу таких потребностей рабочее движение, по Коммонсу, не обнаруживает противоположность своих интересов интересам имущих классов, и уже вследствие одного этого оно направлено не против господствующего эксплуататорского класса и его позиций в системе экономических отношений, а главным образом против движения конкуренции — обстоятельство, наличие которого не зависит от капиталистов.

Как можно говорить об исторической необходимости уничтожения капитализма, заявлял ученик Коммонса З. Перльман, если американские рабочие на рынке труда выступают всего-навсего как торговцы, заинтересованные вовсе не в организации отпора предпринимателям, а главным образом в устранении угрозы конкуренции со стороны принудительного труда заключенных, низкооплачиваемых рабочих-иммигрантов, неквалифицированных рабочих и т. д. Профсоюзы как раз и посвящают себя всецело достижению этой цели, ничуть не заботясь о будущности движения. Более того, только этим и оправдано их существование. Это положение о протекционистском характере тред-юнионизма, являющееся предметом гордости висконсинцев, позволило им сформулировать вывод, который должен был служить универсальной отмычкой к пониманию «исключительных» свойств американского рабочего движения и наилучшей «анти-тезой» марксистскому учению о классовой борьбе. В изложении того же Перльмана этот вывод выглядит следующим образом: «Раз мы согласились с той точкой зрения, что глубокое постижение целей действий, направленных на установление контроля над условиями конкурентной борьбы, является ключом к пониманию организованного рабочего движения, то одновременно становятся очевидными и причины классовой борьбы в амери-

¹⁹ К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 121.

канской промышленности. Вместо того, чтобы вместе с марксистами отыскивать эти причины в сфере производства, нам следует обратить внимание на сферу рыночных отношений, в которой все факторы (включая технологические изменения), затрагивающие положение наемного рабочего, как торговца и конкурента, рано или поздно должны проявить себя»²⁰.

В этой формуле суть антимарксистского объяснения возникновения тред-юнионизма, предложенного висконсинцами. Отождествление Коммонсом экономического развития с изменениями товарно-денежных отношений, с количественным ростом рыночных отношений по самой своей внутренней логике приводило к апологии капитализма, к замазыванию присущих ему антагонистических противоречий между основными классами буржуазного общества, к извращению причин возникновения и самой природы рабочего движения. Коммонс изобразил тред-юнионы как тип общественной организации, возникшей в силу взаимной групповой конкуренции в среде самих наемных рабочих. Эта схема сама по себе исключает концепцию классовой солидарности; последняя должна раствориться в заботах членов тред-юнионов о сохранении работы и обеспечении лучших условий заработка.

Таким образом, по сути дела отрицая классовый характер сложившейся в США системы профессиональных союзов и найдя, что существуют все необходимые условия для ободовыгодного взаимодействия между тред-юнионами и корпоративной формой капитала, Коммонс и его школа предложили отбросить как неприемлемый для США тезис об исторической миссии рабочего класса — носителя нового общественного уклада²¹. Висконсинцы утверждали, что в особых условиях США право на существование имеет только специфический тип рабочего движения, олицетворенный в консервативных, кастово-замкнутых цеховых союзах АФТ, в основе идеологии которых лежит не осознание единства классовых интересов всех наемных рабочих, а «цеховое самосознание». Стратегия, опирающаяся на групповой эгоизм, заявляли висконсинцы, взяла верх в американском рабочем движении, раз и навсегда доказав свои преимущества. Американский рабочий в представлении висконсинцев не может стремиться к коренному изменению своего статуса и оконча-

²⁰ S. Perlman. History of Trade Unionism in the United States, p. 268.

²¹ Вот как изобразил коммонсовскую «теорию классовой борьбы» З. Перльман: «...это не борьба поднимающегося общественного слоя с целью ликвидировать старый класс или же разрушить до основания социальную структуру общества, находящуюся под контролем этого класса, а, напротив, кропотливая созидательная работа, направленная к тому, чтобы пристроить к старому зданию новые и просторные крылья, способные удовлетворить притязания поднимающегося класса» («American Economic Review», vol. 35, N 4, September 1945, p. 782—786).

тельно убежден опытным путем в том, что в таком изменении нет надобности. Подобный угол зрения вел к защите безбрежного экономизма в практике рабочего движения, в теории же служил проповеди политической отсталости рабочего движения.

Марксистско-ленинская теория рабочего движения отнюдь не исключает то, что одной из причин, вызвавших к жизни тред-юнионы, явилось стремление рабочих устранить конкуренцию между собой, уменьшить давление относительного перенаселения при капитализме, организовать посредством тред-юнионов «планомерное взаимодействие между занятыми и незанятыми, чтобы уничтожить или смягчить разрушительные для их класса следствия этого естественного закона капиталистического производства...» (закона спроса и предложения труда.— В. М.)²². Однако этим не исчерпывается дело. Независимо от их первоначальных целей основное назначение тред-юнионов всегда было и остается — служить оплотом рабочих в их борьбе с предпринимателями. Профессиональная организация рабочих при капитализме, писал К. Маркс, «всегда имеет двойную цель: прекратить конкуренцию между рабочими, чтобы они были в состоянии общими силами конкурировать с капиталистом»²³. Тред-юнионы в условиях капиталистического развития, как бы они ни отличались друг от друга, повсюду являются формой классовой организации пролетариата, «в которой, — по словам Ф. Энгельса, — он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую... никак не может задушить даже самая жестокая реакция...»²⁴.

Умаление значения классовой борьбы американского пролетариата, принижение ее до степени безобидного реформаторского течения, неспособного во веки веков играть самостоятельную роль в истории США, также может служить лишь показателем грубого упрощенчества, отсутствия элемента диалектики, узости мышления, столь свойственных висконсинцам. Они постоянно смешивают наличие антагонизма интересов с осознанием этого антагонизма, а этот последний с сознательной классовой борьбой. Нетрудно увидеть порок в таком образе мышления. Верно, что антагонизм интересов не всегда сознается общественными классами, но разве от этого он перестает существовать? «Социальная война» в обществе, разделенном на классы, преследующие в процессе производства материальных условий противоположные интересы, никогда не затухает, хотя и может изменить свой характер, из явной делаясь скрытной. С осознанием антагонизма также автоматически не приходит понимание того, какими средствами могут быть побеждены общественные

²² К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 646.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 183.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 4.

силы, защищающие противоположные интересы²⁵. Но, во-первых, недостаточное развитие самосознания совсем не означает его отсутствия, а, во-вторых, даже самая значительная неразвитость сознательной классовой борьбы не дает основания утверждать, как это делают висконсинцы, что классовая борьба в марксистском понимании не имеет места.

Весь ход рассуждений Коммонса, включая историко-хозяйственную схему, предложенную им для объяснения возникновения и природы тред-юнионизма, венчает пресловутая теория «исключительности» рабочего движения в США. В законченном виде она сформулирована в предисловии к «Истории рабочего движения в США». «Рабочее движение в Америке,— писал там Коммонс,— возникло из специфически американских условий и только путем осознания этих условий мы окажемся в состоянии провести различие между характером движения и методом организации в США и этими же явлениями в других странах»²⁶. К неповторимым особенностям формирования рабочего класса и развития рабочего движения в США Коммонс относил наличие свободных земель, бурное развитие внутреннего рынка, постоянный приток иммигрантов, наличие всеобщего избирательного права и ряд других факторов, о которых речь пойдет ниже. Нельзя, разумеется, отрицать очень существенные отличия социально-экономического порядка при анализе характера рабочего движения в США и в других странах развитого капитализма. Но, с другой стороны, нельзя ничем оправдать преувеличение роли местных особенностей в развитии этого движения и его специфических черт, вплоть до утверждения о существовании в США совершенно необычного типа рабочего движения, развивающегося будто бы по особым, присущим только ему, внутренним законам.

²⁵ Даже такой реформистский лидер, как первый председатель Конгресса производственных профсоюзов Джон Льюис, далекий от сочувствия марксистам, подошел близко к пониманию связи общих условий существования американского рабочего класса с развитием его самосознания. В 1935 г., в разгар жестоких классовых битв в США он говорил: «Если создавшееся положение никак не изменится, то появится не только „классовая сознательность“, но и начнется революция» (E. Levison. *Labor on the March*. New York, 1956, p. 291). В 1937 г. тот же Льюис, выступая перед бастующими рабочими предприятий Гудрича в Акроне и явно подлаживаясь под их настроения, говорил о непримиримости интересов рабочих и капиталистов: «Что приобрели рабочие Гудрича в результате роста могущества компании? — вопрошал он. — Отношения партнерства? Так вот, труд и капитал могут быть партнерами в теории, но на деле они враги... Предполагается, что мы партнеры, не так ли? Но мы не являемся таковыми. Мы враждебны друг другу» («*Labor History*», vol. 2, N 2, 1961, p. 19). Совершенно очевидно, что в тот период Льюиса меньше всего заботило, как его речь согласуется с официальной догмой АФТ.

²⁶ J. R. Commons and Associates. *History of Labor in the United States*, vol. 1, p. 3—4.

Отрицая общие закономерности развития капитализма и переоценивая роль некоторых социально-экономических явлений, проявившихся только в США, висконсинцы подвергли критике марксизм, который, по их мнению, игнорирует национальные особенности в анализе американского рабочего движения. Разумеется, то, что пытались приписать марксизму висконсинцы, на самом деле ничего общего с ним не имеет. Более того, марксистско-ленинская методология исторического исследования рабочего движения исходит из обязательного учета конкретных исторических условий и всех существенных особенностей развития освободительного движения пролетариата в каждой стране, исключает всякое доктринерство в оценке этого движения. В. И. Ленин неизменно подчеркивал необходимость *«изучения конкретных исторических особенностей рабочего движения в определенных странах...»*²⁷. Кстати сказать, вовсе не Коммонс явился первооткрывателем известных особенностей в развитии американского капитализма, которые оказывали и поныне еще оказывают воздействие на весь ход борьбы классов в США. Подлинно научный анализ специфики американского рабочего движения содержится во многих работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Вопреки утверждениям висконсинцев марксизм-ленинизм со всей строгостью учитывает факт различия условий борьбы американских рабочих и пролетариата других стран, но при этом исходит из того, что «и тут и там действуют одни и те же экономические законы, так что результаты, хотя и не во всех отношениях тождественные, должны все же быть одного и того же порядка»²⁸.

Особый упор Коммонс и его ученики делали на специфичность федеральной системы государственного управления в США, на плюралистическую природу общественного устройства в этой стране, ставящую якобы непреодолимый предел любому стремлению рабочего движения к общенациональному выражению. Висконсинцы отказывались признать возможность сплочения отдельных отрядов рабочего класса на общей политической платформе, а в историческом прошлом усердно выискивали «аргументы» в пользу «тезиса» о чужеродности идеи самостоятельной, общенациональной политической партии пролетариата. Слабости и ошибки социалистических партий в США в конце XIX — начале XX в. висконсинцы считали доказательством «беспочвенности» планов создания массовой рабочей партии, противостоящей традиционной двухпартийной системе — демократов и республиканцев. Они предлагали американским рабочим ограничить свое участие в политической жизни установлением так называемой системы «политического коллектив-

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 244.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 330.

ного договора», т. е. поддержкой на выборах тех деятелей буржуазных партий, которые выступают за отдельные, преимущественно чисто экономические требования тред-юнионов. Практически это было повторением идеи Гомперса о «нейтральности» профсоюзов.

Повсюду в своих работах Дж. Коммонс обнаруживает страсти к чрезмерному преувеличению роли государственной власти, правовых форм и институтов во всех процессах, свойственных общественному развитию США. Поступая таким образом, Коммонс опять-таки лишь повторял «зады» европейской, главным образом немецкой исторической школы с присущим ей почитанием буржуазного государства. Коммонс видел в буржуазном государстве некую надклассовую силу, своеобразный буфер и «встроенный регулятор» в системе общественных отношений капитализма. Конечным итогом этих рассуждений представляется нам оценка Коммонсом роли государственной власти и Верховного суда как демиургов социальной жизни в Америке²⁹. И в других работах Коммонса мы встречаем ту же мысль о возможности решить все острые проблемы политического развития США в рамках «конституционной системы» всеобщего представительства³⁰, что было едва ли не точным эквивалентом программы «Союза социальной политики», выдвинутой немецким экономистом Густавом Шмоллером, который рассматривал буржуазное государство в качестве надежного инструмента «социального мира и прогресса». Не трудно понять, почему Коммонс с таким энтузиазмом воспринял реформы «нового курса» Ф. Рузвельта, усмотрев в них воплощение своей мечты³¹.

Попытка представить государство эксплуататорских классов главной движущей силой общественного развития и основным инструментом для достижения «классовой гармонии» не убедительна и не может в конечном итоге принести ожидаемого успеха.

Классики марксизма-ленинизма убедительно доказали, что не государством и не существующими правовыми формами обусловливается и определяется тот или иной характер гражданского общества. Его источник лежит в экономическом укладе, в системе имущественных отношений, в способе производства. Что же касается веры в магические свойства буржуазного государства, то она заслужила убийственную характеристику Ф. Энгельса, в немногих, но чрезвычайно емких словах вскрывшего его классовую сущность и высмеявшего буржуазных социологов за то, что последние внушали суеверное почтение к государству, на плечи которого легла ответственность за осу-

²⁹ J. R. Commons. Economics of Collective Action, p. 264—265.

³⁰ J. R. Commons. Labor and Administration. New York, 1913, p. 69—70.

³¹ J. R. Commons. Economics of Collective Action, p. 266; A. L. Harris. Economics and Social Reform. New York, 1958, p. 267—268.

ществление вечной истины и справедливости. Энгельс писал: «В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности»³².

Обосновывая свою точку зрения на необычность исторических судеб рабочего движения в США, Коммонс ссылается на то, что уже ранние его изыскания убедили его в ограниченности задач, которые, по его мнению, всегда ставили перед собой рабочие, организуясь в тред-юнионы. Американские рабочие, писал он, вдохновляются не абстрактными идеалами равенства, а простейшей теорией защиты своих экономических интересов, претендуя всего-навсего на ограждение от посягательств предпринимателей той «формы собственности», которая им доступна (заработная плата)³³. Уяснение этой «истины» всеми заинтересованными сторонами автоматически приведет к исчезновению отчужденности между имущими классами и рабочими, порождаемой «неэтичной» практикой буржуазии и «неверным» представлением капиталистов о целях тред-юнионизма, после чего путь в страну «социальной гармонии» будет открыт. В этом отношении весьма показательным представляется агитация висконсинцев за установление «дружественных» связей капиталистов с рабочими с использованием средств предпринимательского «патернализма».

В начале 20-х годов, в разгар напряженных классовых столкновений в американской промышленности, Коммонс и группа его сотрудников из Висконсинского университета по просьбе и на средства крупных промышленников совершила турне по ряду предприятий, где изучила практику трудовых отношений и выступила с рекомендациями, проникнутыми заботой об установлении «промышленного мира». Выводы, к которым пришла затем группа Коммонса, были суммированы в отдельном издании, вышедшем в Нью-Йорке в 1923 г.³⁴ Наиболее существенные из них содержатся в разделе, написанном самим Коммонсом. Вот они: капиталисты во имя собственных интересов должны научиться ладить с тред-юнионами и перестать третировать их как адские изобретения, враждебные предпринимателям; необеспе-

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 200—201.

³³ J. R. Commons a. o. Documented History of American Industrial Society, vol. 5. Cleveland, 1911, p. 29—30.

³⁴ J. R. Commons a. o. Industrial Government. New York, 1923.

ченность работой, являющаяся неперенным спутником капитализма, и вызываемые ею последствия в перспективе ведут к распространению социалистических идей со всеми прочими неприятными последствиями для капитализма. Устранить эту опасность можно путем признания за профсоюзами их законного статуса и вовлечения их в структуру капиталистической организации общества в качестве ее компонента³⁵. Нужно «приручить» тред-юнионы, говорил Коммонс, сделать их послушным инструментом политики «классового мира». Но процесс этот хлопотливый, он потребует от буржуазии определенных уступок в виде реформ, реализации патерналистских программ в рамках предприятий и, наконец, согласия на предоставление тред-юнионам права отстаивать экономические интересы рабочих и тем самым отказа от режима промышленной автаркии, столь милого сердцу корпораций.

Теория «социальной интеграции», которую сам Коммонс часто называл теорией «взаимных уступок», получила свое отражение на страницах книги «Отношения доброжелательства в промышленности»³⁶. Автор этой книги попутно решил «свести счеты» с марксизмом. На каждом шагу обнаруживая незнание коренных положений марксизма, Коммонс считал, что он легко может опровергнуть Марксову теорию социального развития, сопоставив ее с фактами улучшения системы фабричного законодательства в США и с результатами деятельности профсоюзов в области защиты экономических интересов рабочих. Снисходительно признав справедливость Марксовой формулы о пауперизации пролетариата на ранних ступенях развития капитализма³⁷, Коммонс категорически высказался против теории обнищания в применении к современному капитализму. Здесь на одной странице можно встретить утверждения и о «диффузии капитализма», и о новой индустриальной революции, которая якобы радикально меняет положение классов в системе производства, и о неограниченных возможностях системы «организованного капитализма». Нет необходимости останавливаться на разборе всех этих надуманных выводов. Их несостоятельность доказана самой действительностью. Стоит, однако, вникнуть в то, какова в действительности алгебраическая сумма выгодных для рабочего класса последствий «социальной реформы» (Коммонс приписывает ей магические свойства), представляющих собой положительную величину, и той тенденции к ухудшению социального положения рабочего класса, которая свойственна капитализму и которая составляет величину отрицательную. Маркс утверждал, что эта алгебраическая сумма

³⁵ J. R. Commons a. o. *Industrial Government*. New York, 1923, p. 272.

³⁶ J. R. Commons. *Industrial Goodwill*. New York, 1919.

³⁷ *Ibid.*, p. 189.

не может быть положительной величиной, т. е. что социальное положение рабочих, несмотря на частичные успехи в экономической борьбе и отдельные выгоды, проистекающие из фабричного законодательства, ухудшается.

Все, что дала история рабочего движения, решительно свидетельствует в пользу марксизма. Как ни важны были для рабочего класса (в том числе и в США) фабричное законодательство и прочие паллиативы «социальной реформы», они не могли все же перевесить тенденции развивающегося капитализма к принижению пролетариата, который по мере роста производительности труда находит условия своего существования все более ненадежными, более неустойчивыми. Экономическая зависимость рабочих от капиталистов усиливается, а происходящая научно-техническая революция наглядно демонстрирует изменения условий продажи рабочей силы к невыгоде ее продавцов. Тред-юнионы, неограниченные возможности которых Маркс, по мнению Коммонса, якобы недооценивал³⁸, ничего практически не могут поделать с губительными социальными последствиями автоматизации в США³⁹.

Висконсинцы полагают, что рабочим США незачем прибегать к политическим формам борьбы и к объединенным действиям в масштабе всей страны, поскольку они могут добиться признания своих притязаний, положившись на тред-юнионы и на такое классическое средство экономического давления, как стачки. Но современные условия показывают, что подобный подход способен сыграть самую отрицательную роль в судьбах всего движения и нанести такой ущерб чисто материальному статусу рабочего класса, который трудно предугадать. Весьма показательны в этом смысле соображения по вопросу об эффективно-

³⁸ Ibidem.

³⁹ Вот одно из доказательств правоты марксизма, веско прозвучавшее в устах его непримиримого врага нынешнего президента АФТ — КПП Джорджа Мини, которого слово «социализм» также пугает, как и техасских нефтепромышленников. Выступая 6 апреля 1965 г., он говорил: «Из-за революции в области рабочей силы или из-за того, что мы не смогли приспособиться к ней, наша экономика идет к катастрофе. В то время, когда автоматизация сокращает потребность в рабочей силе, эта последняя начинает расти гораздо быстрее, чем когда-либо прежде... Из-за автоматизации и изменений в технике мы переживаем радикальные сдвиги в сфере занятости и профессионально-техническом составе. Большое число рабочих мест было ликвидировано. Профессиональные навыки многих рабочих, приобретенные за долгие годы, стали никому не нужны, рабочие — молодые и старые — выбрасываются на улицу, лишаясь возможностей заработать на жизнь, и все это из-за автоматизации и технического прогресса... Чтобы восстановить эти рабочие места, нужны программа и политика, которые будут стимулировать рост экономики. Наша страна больше всего нуждается именно в государственных программах, поскольку они создают самые широкие возможности для увеличения занятости. Расширение частных капиталовложений не заменит государственные капиталовложения» («The New York Times», 7.IV 1965).

сти забастовок в наши дни, представленные в самое последнее время главой федеральной службы посредничества конгрессу. В докладе говорится, что автоматизация в некоторых отраслях уже снизила результативность забастовок до бесконечно малой величины: «Автоматизация производства,— говорится в докладе,— во все возрастающем объеме будет изменять соотношение сил при любой системе, которая делает упор на экономические санкции». Далее авторы доклада делают вывод, что прогресс в автоматизации дает все преимущества предпринимателям в сфере экономической борьбы⁴⁰. Составители доклада упустили из виду противодействующую тенденцию, выражающуюся в том, что тред-юнионы начинают мыслить категориями 60-х годов и на путях коллективных действий пытаются противостоять изменению условий к невыгоде наемного труда. Но нельзя не признать, что в выводах правительственного ведомства содержится значительная доля истины. Грозный призрак массовой безработицы способен парализовать энергию рабочего класса, сковать его жизненные силы. Как прав был В. И. Ленин, когда он называл пособничеством обману масс капиталистами утверждение мелкобуржуазных теоретиков, будто бы самые существенные интересы трудящихся, в том числе и экономические интересы рабочего класса, могут быть удовлетворены без коренных политических преобразований и социальной революции⁴¹.

Осознание этой истины для американского рабочего класса оказалось делом чрезвычайно сложным, затрудненным живучестью различных предрассудков, мелкобуржуазных иллюзий, устойчивостью традиций политического «нейтрализма» и специфичностью экономических и политических условий. Но несмотря на консерватизм американского рабочего, в его мировоззрении за последние десятилетия также произошли многозначительные перемены. Как бы много ложных представлений ни существовало в умах рабочих, они ни в коем случае не похожи на заблуждения вчерашнего дня. Образы так называемой американской «мечты» уже не способны покорить воображение рабочих. Подавляющее большинство рабочих понимает, что их участь так же, как и участь их детей — работать по найму и что от этого положения, определяющего их позицию как класса, никуда не уйти⁴². Такова одна из самых важных причин, почему профсоюзы с 30-х годов XX в. стали крупными массовыми организациями и притом организациями постоянными. Мало кто верит ныне в Америке в пресловутый принцип «равенства возможностей»

⁴⁰ «The Worker», 6.VI 1965, p. 5.

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 39.

⁴² Важное подтверждение этого можно найти в следующих хорошо аргументированных работах: А. М. Rose. Union Solidarity. The Internal Cohesion of a Labor Union. St. Paul, 1952, p. 173; E. Chino. Automobile Workers and the American Dream. Garden City. Doubleday, 1955.

и в капитализм, свободный от правительственной регламентации. Рабочие требуют (пускай, оставаясь еще непоследовательными) гарантий от общества в отношении своих прав на труд и на прожиточный минимум вне зависимости от того, как бы сильно это ни напоминало социалистические мероприятия. Это один из самых важных новых элементов в сознании масс, порожденных великими битвами 30-х годов и влиянием достижений социализма во всем мире.

Однажды, с жаром доказывая полезность улучшения дела трудового законодательства, Коммонс признал, что «гармонизация борьбы между трудом и капиталом» важна в первую очередь для самого капитала, ибо она устранил жестокие проявления капиталистического производства, которые наводят рабочих на опасные размышления по поводу того, что «предприниматели извлекают прибыль из его (рабочего) плоти и крови»⁴³. Задачу по улучшению сложившихся в США экономических условий можно было бы решить, как казалось Коммонсу, путем познания и усовершенствования механизма взаимодействия отдельных частей, составляющих социально-экономическую структуру США. Так родилась теория «институционалистской экономики». Фундамент этой теории, в законченном виде изложенной в трех наиболее значительных работах Коммонса⁴⁴, покоился на тезисе о том, что где-то посредине XIX в. в США состоялся переход от индивидуалистической экономики, свойственной капитализму свободной конкуренции, когда контрагентами в сделке выступали индивидуальный предприниматель и индивидуальный рабочий, к «институционалистской экономике», когда в роли таких контрагентов выступают промышленные корпорации, ассоциации рабочих (тред-юнионы) и политические партии⁴⁵. Крупные корпорации, писал Коммонс, совершенно изменили облик и самую природу американского капитализма, поэтому к ним следует относиться как к демократическим институтам, в которых осуществляется принцип совладения собственностью⁴⁶. «Развитие современных корпораций,— писал он,— привело к диффузии капитализма в гущу широких масс народа...».⁴⁷ Высоко ставя престиж корпораций, Коммонс отмечал те материальные и моральные преимущества, которые сулит будто бы рабочему труд на акционерный капитал⁴⁸. Он считал, что политическая экономия монополистического капитализма способна по-

⁴³ J. R. Commons. *Industrial Goodwill*, p. 58.

⁴⁴ J. R. Commons. *Legal Foundations of Capitalism*. New York, 1924; *idem*. *Institutional Economics*. New York, 1934; *idem*. *The Economics of Collective Action*. New York, 1950.

⁴⁵ J. R. Commons. *The Economics of Collective Action*, p. 68.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 292.

⁴⁷ J. R. Commons. *Industrial Goodwill*, p. 193.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 132.

кончить со всеми проявлениями социального зла, свойственного эпохе свободной конкуренции и манчестерства⁴⁹.

Подобно европейским «критикам» марксизма, Коммонс утверждал, что капиталистические предприятия и банки все более децентрализуются, раздробляются и переходят в руки мелких собственников посредством покупки ими акций и пр. Таким образом, растет число имущих, число собственников, а пролетариат превращается в свою противоположность.

В. И. Ленин дал достойную отповедь софизмам сторонников антимарксистской концепции «демократизации капитала», показав, что «участие» рабочих в акционерных обществах доказывает только то, что капитализм все теснее переплетает интересы отдельных классов, усиливает взаимозависимость между отдельными производителями, подчеркивая общественный характер труда. Предприятия становятся все менее «частными», оставаясь все же почти всецело в руках частных лиц. «Не раздробление крупного капитала означает обилие этих мелких вкладчиков, а усиление могущества крупного капитала, получающего в свое распоряжение даже мельчайшие крохи «народных» сбережений. Не более самостоятельным хозяином становится мелкий вкладчик от участия в крупном предприятии, а более зависимым лицом от крупного хозяина»⁵⁰. Если нужно доказать справедливость этих слов, то вряд ли можно отыскать лучшее, чем катастрофа, постигшая миллионы мелких вкладчиков в годы мирового экономического кризиса и депрессии конца 20-х и начала 30-х годов XX в.

Значение появления корпоративной формы капитала, а вместе с нею и устойчивых тред-юнионов, для Коммонса особенно важно потому, что они, по его мнению, позволяют урегулировать противоречия между трудом и капиталом при посредничестве правительства и с помощью техники «конституционной системы коллективных договоров»⁵¹ между корпорациями и тред-юнионами. Американская конституция, судебная система и традиции государственного управления, по мнению Коммонса, специально приспособлены к тому, чтобы эффективно разрешить к всеобщему удовлетворению любой острый конфликт интересов на базе «законного судопроизводства» и не доводя дело до «диктатуры и гражданской войны»⁵². Коммонс сочувствовал тред-юнионам гомперсистского толка, рассматривал их как силу, уравновешивающую будто бы мощь корпораций.

Для Коммонса гигантские корпорации, аккумулировавшие огромную экономическую мощь, и тред-юнионы, в самые лучшие времена едва ли охватывавшие треть наемных рабочих,

⁴⁹ J. R. Commons. The Economics of Collective Action, p. 285.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 78.

⁵¹ J. R. Commons. The Economics of Collective Action, p. 266.

⁵² Ibid., p. 88.

суть равноправные «группы давления»; любое преобладание одной из этих групп, утверждал он, одинаково пагубно для всей общественной организации в США⁵³. Для того, чтобы не допустить этого, следовало бы, по мнению Коммонса, наделить все «институты» (корпорации, профсоюзы, государственную власть) одинаковыми правами и признать общественную значимость каждого из них⁵⁴. Задолго до нынешних буржуазных пропагандистов «системы человеческих отношений» в промышленности Коммонс призывал капиталистов наладить «добрые отношения» с рабочими на своих предприятиях. Он утверждал, что именно это принесет великолепные результаты и в социальном (в смысле гарантии от революции), и в практическом отношении⁵⁵. По мнению Коммонса, капиталисты, которые сотрудничают с тред-юнионами, подают пример величайшего патриотизма, ибо в этом сотрудничестве лежит залог спасения американского капитализма⁵⁶.

Мы видим, что Коммонс без колебаний приравнивал тред-юнионы, в которых рабочий ищет убежища от капиталистической эксплуатации, к корпорациям. Он заявлял, что в тред-юнионах рабочие обретают свободу как индивидуумы, поскольку они получают там право и возможность борьбы за лучшие условия найма, подобно тому, как буржуазия обрела свободу «приобретений» и стала полновластным хозяином деловой жизни в борьбе с феодализмом и абсолютизмом. Прибегая к таким сомнительным параллелям, Коммонс ставил знак равенства между рабочими и капиталистами. И те, и другие, утверждал Коммонс, свободны в свободном обществе. Первые свободны через профсоюзы отстаивать условия найма, а вторые — распоряжаться средствами производства. Принцип партнерства предполагает сотрудничество во всех сферах экономической и политической жизни. В соответствии с этим Коммонс приглашал рабочих и капиталистов усесться за один стол для переговоров по всем вопросам, представляющим взаимный интерес. Государство, добавлял он, призвано быть посредником, арбитром, сглаживать шероховатости и осуществлять контрольные функции в целях достижения социальной стабильности.

Итак, по Коммонсу, появление корпораций в США привело не к обострению противоречий капитализма, не к подчинению всей экономической и политической жизни страны диктату финансовой олигархии, а, напротив, к превращению наемных рабочих в часть капиталистического класса, к созданию предпосылок для внутреннего «баланса сил». Коммонс предрекал наступление «всеобщего рая» в США, когда капитал (в лице корпора-

⁵³ Ibid., p. 33—35.

⁵⁴ J. R. Commons. Industrial Goodwill, p. 39.

⁵⁵ Ibid., p. 25, 26, 29.

⁵⁶ Ibid., p. 196.

ций) и труд (в лице тред-юнионов) соединятся узами взаимной признательности, выработав такие постоянные формы сотрудничества, которые обеспечат «расцвет им самим и всей нации». Так затушевывал Коммонс экономическую противоположность классов в американском буржуазном обществе, изображая ничтожными и легко преодолимыми противоположности идеологические, политические и этические.

И в этом случае мы имеем дело с открытой попыткой сформулировать антитезу марксистской теории классов и классовой борьбы. С точки зрения марксистско-ленинской науки, пролетариат и буржуазия, организации капитала и организации рабочего класса в каждом случае составляют две стороны одного и того же отношения. Но создает ли такое диалектическое единство противоположных начал устойчивое равновесие, как это считал Коммонс? Отнюдь нет. «Пролетариат и богатство,— писал К. Маркс,— это противоположности. Как таковые, они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого.

Частная собственность как частная собственность, как богатство, вынуждена сохранить *свое собственное существование*, а тем самым и существование своей противоположности — пролетариата. Это — *положительная* сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность.

Напротив, пролетариат как пролетариат вынужден упразднить самого себя, а тем самым и обуславливающую его противоположность — частную собственность,— делающую его пролетариатом. Это — *отрицательная* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность.

...Таким образом, в пределах всего антагонизма, частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетариат — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение»⁵⁷.

Лидеры американской буржуазии и ее идеологи немало потрудились над тем, чтобы затушевать отверженность рабочего класса. Они изображают его «равным партнером» в классовом компромиссе, а буржуазное государство — надклассовой силой, которая примиряет противостоящие друг другу классы, связывает их узами сотрудничества. Но все усилия «ученых» — апологетов капитализма не могут ликвидировать коренное различие в экономическом положении обоих классов, в их отношениях к

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 38—39.

средствам производства. Незрелость классового самосознания американских рабочих, ограниченность их политического видения не может, конечно, служить аргументом в защиту тезиса о неприменимости марксистского учения о классах и классовой борьбе к американской действительности. «Дело не в том,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что *такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден *делать*»⁵⁸.

В четырехтомной «Истории рабочего движения в США» основные выводы Коммонса присутствовали, так сказать, де-факто, хотя и составляли теоретический костяк всей работы. Труд по упорядочению взглядов Коммонса, а частично и по обоснованию их в приложении к «Истории рабочего движения в США», взял на себя его ближайший сотрудник и ученик З. Перльман. Появление в 1928 г. работы Перльмана «Теория рабочего движения» полностью выявило кредо висконсинской школы.

Откровенный консерватизм Перльмана проявился уже в момент выхода первых двух томов «Истории рабочего движения в США», где в принадлежавших его перу двух главах он выразил сомнение в полезности прогрессивных идей для американского рабочего движения и, напротив, с большой симпатией отнесся к практике гомперсизма, к целям, которые ставили перед собой руководители АФТ. В лице Перльмана все деятели АФТ нашли горячего почитателя, хотя он не мог не сознавать, что забвение ее лидерами коренных соображений из-за минутных интересов дня, принесение ими будущности движения в жертву настоящему происходит вовсе не из-за «честных» мотивов, а продиктовано эгоизмом и своекорыстием верхушечных слоев рабочего класса, развращенных капиталом⁵⁹. Перльману импонировала политика цехового сепаратизма, проводимая АФТ, ее пренебрежение к нуждам миллионов рабочих, находившихся за пределами цеховых союзов, принципы индивидуализма, исповедуемые ее лидерами, их стремление ограничиться чисто экономической борьбой. Даже философия «рыцарей труда», по мнению Перльмана, была заражена «просоциалистическим доктринерством», враждебным духу американского рабочего движения.

Изражая отдельные положения теории К. Маркса, Перльман обвиняет марксистов в «надуманности», в спекулятивности,

⁵⁸ Там же, стр. 40.

⁵⁹ Интерпретация истории рабочего движения США, предложенная висконсинцами, полностью отвечала идеалам лидеров «простого и чистого тред-юнионизма». Л. Купер в статье о теориях рабочего движения, опубликованной в 1928 г., писал: «Проф. Перльман снабдил так называемые консервативные американские профсоюзы оправдательным документом для той политики, которую они проводят» (Цит. по: «Interpreting the Labor Movement». Madison, 1952, p. 153).

в сочинении утопий о неизбежной гибели капитализма под ударами порожденных им самим общественных сил. Все эти обвинения свидетельствуют лишь об ограниченности и вздорности суждений самого Перльмана. Научный социализм не занимается сочинением утопий. Опираясь на экономико-политический анализ социальной реальности, он рассматривает общество как систему объективно развивающихся отношений, а его развитие — как естественнонаучный процесс. Маркс сам восставал против абстрактных, чисто логических конструкций. Его анализ основан на строго научных данных.

Перльман решительно отвергал возможность понимания целей и интересов рабочего движения представителями любых политических течений, оценивающих перспективы общественного развития с точки зрения борьбы за социалистические идеалы. Марксисты, анархисты, фабианцы и даже христианские социалы в глазах Перльмана в одинаковой степени неверно оценивали природу рабочего движения, а потому и предлагали неприемлемое для рабочих решение реальных проблем. Разумеется, свой вызов Перльман адресовал, прежде всего, теории научного социализма, сторонники которого, по его мнению, окончательно запутались в тенетах отвлеченных понятий, рисуя рабочее движение в виде «абстрактной массы, находящейся в тисках абстрактной силы». «Низшая форма идеализма», свойственная американским рабочим, как утверждал З. Перльман, предполагает лишь борьбу за улучшение условий труда и не приемлет абстрактный или «трансцендентальный» идеализм социалистов, не знающих якобы истинного умонстроения рабочих⁶⁰.

Под видом защиты самобытности рабочего движения от интеллигентской «скверны» Перльман на самом деле ратовал за выхолащивание пролетарского движения от всяких признаков политической самостоятельности, выступал против любых попыток привить рабочим понимание общих условий их существования, приобщить их к борьбе за социалистические преобразования. Объективное препятствие для сближения организованного рабочего движения (профсоюзов) с социалистической идеологией Перльман усматривал в том, что оба они якобы несут начала, взаимоисключающие друг друга. Тред-юнионы, заявлял Перльман, органически не приемлют программы, идущей дальше осуществления контроля за условиями найма со стороны отдельных профессиональных групп рабочих, в то время как социалисты, ориентирующиеся на классовую солидарность, зовут к коренному переустройству всего общественного уклада. Но даже если бы тред-юнионы на какой-то срок поддались аги-

⁶⁰ S. Perlman. A. Theory of the Labor Movement. New York, 1928, p. 201, 203, 232, 233, 239.

тации социалистов, их, утверждал Перльман, все равно ждало бы на этом пути одно разочарование. На чем же основывал свои мрачные предсказания Перльман? Дело в том, что, рассматривая американское общество в качестве консервативного монолита, он считал бесплодной и заранее обреченной всякую попытку осуществить на американской почве любую программу, покушающуюся на частнособственнические интересы. Перльман заявлял, что, если рабочие США хотя бы играть какую-либо значительную роль в обществе, они должны избегать всего того, что может вызвать страх могущественного «среднего класса» за устойчивость частнособственнического уклада. Только консервативные тред-юнионы гомперсистского толка могут отстоять свой законный статус в американском обществе и добиться преимуществ для своих членов, лишь то движение в условиях США имеет право на существование, которое разделяет мораль и идеологию буржуазного мира. По мнению Перльмана, организованное рабочее движение в США усвоило этот урок и раз и навсегда отказалось от посягательств на частную собственность⁶¹. Следовательно, Перльман «отлучает» научный социализм от практики массового движения рабочих, объявляя его нежелательным пришельцем, органически никак не связанным будто бы с той средой, в которую он пытается проникнуть.

В свете исторического опыта идеи Перльмана о невозможности существования на американской почве иной формы рабочего движения, кроме «делового тред-юнионизма», выглядят как досужий вымысел заурядного адепта капитализма, всеми силами стремившегося выдать желаемое за действительное. На протяжении многих десятилетий отдельные (весьма значительные) отряды рабочего класса США, придерживавшиеся социалистической идеологии, одерживали ощутимые победы в борьбе с капиталом, благополучно выдерживая тяжелые испытания. Социалисты в начале XX в., коммунисты в 20-х и 30-х годах XX в. шли во главе широких социальных движений, которые олицетворяли собой прогрессивную традицию в общественном развитии США. В соединении передовых идей и активности левых сил во главе с коммунистами с массовым рабочим движением заключался секрет того динамизма, который стал присущ борьбу за демократию и социальный прогресс в США в 30-е годы. Но и в более широком смысле доводы Перльмана о невозможности проникновения идей коллективизма в американское рабочее движение при сличении с фактами могут повести к одному лишь конфузу.

Перльман пишет о консерватизме американского «среднего класса», о его готовности до конца защищать «режим частной

⁶¹ S. Perlman. A Theory of the Labor Movement. New York, 1949, p. 168.

собственности и частного предпринимательства», как о некоей непреодолимой преграде любым антикапиталистическим устремлениям⁶². Но ведь и сам «средний класс» не остается неизменным. С ростом могущества монополий и финансовой олигархии изменяется его социально-экономическое положение в обществе, изменяется и его мировоззрение. Идеи коллективизма пустили глубокие корни в средних слоях американского общества в 30-х годах. Эти идеи усердно выкорчевывались все послевоенные десятилетия, но объективные условия служат лучшим противовесом этим усилиям. Гнет монополистического капитализма все сильнее давит на современное «среднее сословие». Тенденции в социальном развитии Соединенных Штатов свидетельствуют о процессе постепенного выветривания консерватизма мелкой буржуазии по мере перехода отдельных ее прослоек в ряды наемных рабочих. Существуют определенные признаки уменьшения индивидуалистических тенденций в общественной психологии этих прослоек⁶³.

Главный вывод, к которому приходит Перльман, заключается в следующем: американские рабочие, рядовые члены тред-юнионов решительно не приемлют идеи экономического и социального равенства⁶⁴. Рабочий класс США понял, заявляет Перльман, что он может с успехом разрешить все свои проблемы, опираясь на тред-юнионы и только на тред-юнионы. Призыв к революционизированию рабочего движения, говорит Перльман, армириванию его политической организацией ни к чему хорошему привести не может, ибо слишком сильны различия между подходом «интеллектуалов» и ограниченным миропониманием простых рабочих. Последние, безапелляционно заявляет Перльман, заняты только тем, чтобы обеспечить для себя и своих семей условия сносного существования, и им нет никакого дела до планов общественного переустройства. Что бы ни говорили радикалы и социалисты, утверждает Перльман, американские тред-юнионы в качестве органического элемента капитализма всегда были и всегда будут надежным гарантом «социальной стабильности» в США⁶⁵. Они остаются лояльными по отношению к своему партнеру-капиталисту, взаимоотношения с которым строятся на равной основе. Марксисты, по мнению Перльмана, не понимают тонкостей общественного устройства в США. Ничто не может выглядеть более наивным, заявляет он, чем предположение, что буржуазный реформизм в США является побочным продуктом борьбы классов, а не делом рук поли-

⁶² S. Perlman. A History of Trade Unionism in the United States, p. 302.

⁶³ См.: D. Riesman. The Lonely Crowd. New Haven, 1950.

⁶⁴ S. Perlman. A History of Trade Unionism in the United States, p. 302—303.

⁶⁵ Ibid., p. 302.

тической организации. Исходя из доктрины абсолютного индифферентизма рабочих, Перльман пишет, что американским рабочим чуждо понимание общенациональных проблем⁶⁶, они предпочитают свои мелочные интересы любым планам общественной реорганизации.

С целью придать убедительность своим рассуждениям о тождестве американского тред-юнионизма с капиталистическими институтами Перльман, как правило, прибегает не к замалчиванию, а к иному, более хитроумному приему, ставшему традиционным для американской буржуазной историографии рабочего движения. Он напоминает своим читателям, что любые процессы и коллизии, возникающие в ходе социальной эволюции в США, следует рассматривать в двух аспектах: внешнем и внутреннем, причем первый обладает полной самостоятельностью по отношению ко второму и никак не связан с ним. В переводе на обычный язык это означает примерно следующее: антикапиталистические лозунги и программы, выдвигаемые в отдельные периоды более или менее крупными отрядами рабочего класса, есть не что иное, как мираж, выдумка группок оторванных от рабочей массы радикалов. Если рядовые члены профдвижения — этой «консервативной социальной силы»⁶⁷ — подчас и следовали за такими вождями, как Хейвуд, то это потому, что Гомперс игнорировал их⁶⁸. Тред-юнионы, заявляет Перльман, всегда готовы выступить в качестве антипода тем силам, которые стремятся подорвать капитализм, они меньше всего заинтересованы в переменах и стоят на страже «существующей экономической системы»⁶⁹. Этому выводу Перльман придал универсальный характер, распространив его и на европейское рабочее движение, тем самым окончательно лишив его всякой правдоподобности.

Попытки ссылками на европейское рабочее движение обосновать достоверность данной коллективными усилиями висконсинцев интерпретации природы и целей тред-юнионизма привели Перльмана к весьма неутешительному итогу, который всегда постигает зарвавшегося спорщика, чувствующего себя побежденным, но упорно не желающего в этом сознаться. Весьма показательно, что в своих работах, написанных после 20-х годов, Перльман предпочитал не касаться неприятных для него сюжетов, целиком оставаясь на американской почве. Но выводы Перльмана об изначальности политического индифферентизма и об исконной связи американского тред-юнионизма с капита-

⁶⁶ S. Perlman. A Theory of the Labor Movement. New York, 1928, p. 274—277.

⁶⁷ S. Perlman. A History of Trade Unionism in the United States, p. 303.

⁶⁸ Ibidem.

⁶⁹ Ibid., p. 304—305.

листическими институтами явно не в ладах и с американским опытом. Из многих примеров, которые можно было бы здесь привести в подтверждение этого, укажем лишь на следующие. Хорошо известно, что горячие дебаты внутри АФТ в начале 90-х годов прошлого века выявили преимущество социалистов, которые без особого труда добились на съезде федерации в 1893 г. одобрения (почти единогласного) своей знаменитой «политической программы». 10-й пункт этой программы провозглашал требование «коллективной собственности всего народа на все средства производства и распределения»⁷⁰. Несмотря на отчаянное сопротивление Гомперса и его единомышленников, большинство межнациональных союзов высказалось в пользу «политической программы»⁷¹. Это было сделано в ходе референдума среди рядовых членов, получивших возможность свободно высказать свое мнение. В первые два десятилетия XX в. диалог между сторонниками социализма и сторонниками гомперсизма в американском профдвижении не только не прекратился, но и поставил под серьезные сомнения шансы Гомперса на выборах президента АФТ в 1912 г. За кандидатуру социалистов проголосовали многие крупные и влиятельные союзы, входившие в состав федерации. В первое пятилетие после Октябрьской революции и после окончания мировой войны влияние социализма на американское рабочее движение было значительным, а в 30-е годы гомперсизм пережил серьезнейший кризис. Миллионы рабочих своей повседневной борьбой с капиталом утверждали нечто прямо противоположное теориям «классового сотрудничества», проповедуемым АФТ. Крупные профсоюзы выступали за политическую автономию рабочего движения, за активное вмешательство в общественную жизнь.

Профсоюзы Калифорнии, буквально понуждаемые рядовыми членами, почти единодушно поддержали в 1934 г. кооперативную программу кандидата на пост губернатора Э. Синклера, призвавшего капиталистов «добровольно» отказаться от права собственности на средства производства⁷². Политическая платформа движения безработных в 30-х годах, объединявшего сотни тысяч человек, включала пункт о реорганизации общества на новых началах с целью преодолеть анархическую природу капитализма⁷³. Рабоче-фермерские партии, возникавшие в ту пору во многих местах, нередко включали в свои программы требование о национализации основных отраслей производства, что

⁷⁰ «Report of the Proceedings of the American Federation of Labor, 1893». Washington, 1893, p. 11—12.

⁷¹ См.: Л. И. Зубок. Очерки истории рабочего движения в США, 1865—1913 гг. М., 1962, стр. 235, 236; «The Review of Politics», October 1960, N 4, p. 496—518.

⁷² «EPIC News», 26.XII 1933; 2.I 1934.

⁷³ «Workers Alliance», vol. 1, N 13, April 1936.

встречало положительный отклик у многих профсоюзов. В наши дни влиятельные и до последнего времени занимавшие консервативную позицию профсоюзы рабочих железнодорожного транспорта, поддержанные рядом других крупных тред-юнионов, с редким единодушием выдвинули лозунг о национализации железных дорог⁷⁴.

Разумеется, историкам еще придется немало потрудиться, чтобы определить действительное соотношение социалистических устремлений со всей практикой массового рабочего движения в США, вскрыть реальное содержание и значимость тех или иных течений в нем, которые так или иначе противостоят идеологии «классового сотрудничества». Но для того, чтобы докопаться до правильного решения, нужно прежде всего отбросить как ненужную ветошь апологетическую «теорию» Коммонса — Перльмана, паразитирующую на слабостях реального движения и белых пятнах исторического знания.

Застой в американском профдвижении в период после второй мировой войны, рост консервативных тенденций в нем не могут служить достаточно убедительным аргументом в пользу доводов Перльмана. Само собой разумеется, что ни одно национальное рабочее движение не застраховано от подобных явлений в определенный период. Тем более, что в будущем по мере развития научно-технической революции, ведущей в условиях капитализма к ухудшению положения рабочих масс, противоречия между капиталом и классом наемных тружеников неминуемо обостряются. Уже теперь с каждым годом становится все труднее решать вопрос об условиях найма, не вторгаясь в сферу политики. А это в свою очередь вносит существенные изменения в горизонты рабочего движения⁷⁵. Пожалуй, никогда еще жи-

⁷⁴ «The Worker», 14.II 1965, p. 12.

⁷⁵ Меняющиеся условия заставляют уже сегодня некоторых влиятельных лидеров тред-юнионов признавать необходимость активного участия рабочего движения в политической жизни на правах самостоятельной силы (см.: J. A. Veigne. *New Horizons for American Labor*. Washington, 1962). Все громче звучат голоса, протестующие против самонезависимости организованного рабочего движения от передовых общественных идей. Узость мышления висконсинцев, несовместимость пропагандируемых ими традиционных представлений об ограниченных целях рабочего движения с существующими тенденциями общественного развития, со всей присущей им многосложностью и исторической значимостью служат объектом резкой критики со стороны многих либеральных авторов. Разумеется, критика эта ведется не с позиций действительного движения, которое призвано уничтожить теперешнее состояние капитализма и которое само порождено имеющимися теперь лицом предпосылками. Но тем не менее и многие буржуазные оппоненты висконсинцев верно подмечают безжизненность и иррациональность системы взглядов, опирающейся на социально-политические идеи цехового тред-юнионизма АФТ и воспевающие их. Маррей Зейдлер, например, пишет: «Философия Гомперса не дает необходимого эффекта в наше время, когда рабочему движению приходится считаться с реальностью атомного века, с автоматизацией, с негритянской революцией и со множеством других динамичных

вая действительность не подтверждала с такой силой тезис В. И. Ленина о том, что современная стадия развития классовых противоречий неизбежно и неминуемо вносит «политические разногласия» даже в вопрос о том, каким образом следует добиваться улучшения чисто материального положения рабочих в пределах современного буржуазного общества⁷⁶. До самой своей смерти Перльман считал, что рабочее движение в США никогда не снимется с гомперсистских якорей, оставаясь в силу своего практицизма чуждым пониманию общенациональных проблем. Однако оно стало самой динамичной силой, выступившей в поддержку «нового курса». Уже в наши дни оно же сыграло решающую роль в срыве попытки внутренней реакции посадить в президентское кресло Б. Голдуотера. Как никогда раньше, рабочее движение поддерживает борьбу за гражданские права. Негритянская революция пользуется официальной поддержкой профсоюзов. Сознание того, что нужда и необеспеченность может стать всеобщим злом, обусловленным социальным развитием, начинает все глубже проникать в толщу рабочего движения. Чем же иначе объяснить широкое беспокойство в его рядах, связанное с результатами современной научно-технической революции, давление с его стороны на правительство с целью добиться пересмотра программы «войны с нищетой» в сторону ее расширения и активизации⁷⁷.

С выходом в свет «Теории рабочего движения» З. Перльмана теоретические основы висконсинской школы предстали как собрание реакционных взглядов на исторические судьбы рабочего движения в США. Вместо того, чтобы обосновать капитализм, как исторически преходящую ступень развития общества, висконсинцы дали ему положительное объяснение, подвергнув догматическому осуждению социализм. Вместо того, чтобы помочь организованному рабочему движению в США правильно осознать противоположность его интересов интересам правящего класса, висконсинцы ставят своей задачей скрыть все формы антагонизма в современном капиталистическом обществе,

новых факторов, действующих в современном американском обществе. Сталкиваясь с изменениями первостепенной важности, рабочее движение должно сделать больше, чем просто следовать старым путем. Его будущее состояние и престиж, а возможно и самое существование будут находиться в прямой зависимости от способности рабочего движения проявить больше воображения, мужества и даже больше склонности к социальному идеализму, чем это ему удавалось в прошлом («Monthly Labor Review», November 1964, p. 1324). Примечательно, что этот упрек гомперсизму Зейдлер адресовал в связи с недавним выходом в свет новой книги по истории американского профдвижения, принадлежащей перу одного из наиболее верных последователей Дж. Коомонса — Ф. Тафта (см.: Ph. Taft. Organized Labor in American History. New York, 1964).

⁷⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 428.

⁷⁷ «The Worker», 2 V 1965, p. 5.

взывая к укреплению так называемой «системы сотрудничества». Совсем недавно один из современных либеральных оппонентов этого направления, историк, чуждый марксизму, писал, характеризуя состояние исследовательской деятельности после появления многотомной «Истории рабочего движения в США» Коммонса: «Все последующие историки продолжали узколобую, провинциальную, необъективную традицию висконсинской школы. Так же, как их учителя в Мэдисоне (в этом городе находится Висконсинский университет.— В. М.), они пожертвовали теоретической ясностью ради насыщения своих анналов разнообразными подробностями»⁷⁸.

У некоторых буржуазных исследователей созрело убеждение, что постулаты висконсинцев не удовлетворяют серьезной теоретической потребности⁷⁹. Но разумная критика не поколебала сторонников висконсинской школы. И это легко понять. Ведь свою задачу они видят в том, чтобы снабжать монополии оружием в борьбе за сохранение их господства. Любые аргументы, даже самые негодные, имеют в их глазах цену потому, что они помогают выставлять в неблагоприятном свете ненавистное им понятие: борьбу за освобождение труда.

⁷⁸ M. F. Neufeld. *The Sense of History and the Annals of Labor*. Ithaca. New York, 1962, p. 5.

⁷⁹ См.: «Industrial Relations Research Association. *Interpreting the Labor Movement*». Madison, 1952.

Проблема истоков Парижской Коммуны в современной исторической литературе

В превосходной коллекции французских изданий 1870—1871 гг., хранящейся в Ленинградской Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, есть рисунок, на котором изображена пирамида из пяти фигур. Четыре нижние, одна над другой, изображают Июльскую монархию, Вторую республику, Вторую империю и начало Третьей республики. Верхняя фигура — красивая молодая женщина с фригийским колпаком на голове и красным знаменем в руках — символизирует Парижскую Коммуну¹. Называется этот рисунок, сделанный Ф. Матисом, «Страница истории. Увенчание здания»². Художник как бы пытается ответить на вопрос, который и теперь вызывает споры среди историков об истоках революции 18 марта 1871 г. Рисунок свидетельствует об убеждении коммунаров в том, что их революция имеет глубокие исторические корни, уходящие в предыдущие десятилетия.

* * *

Вопрос о причинности в истории занимает важное место в идеологической борьбе наших дней. Буржуазные историки, отрицая закономерность исторического процесса, считают невозможным установить причинные связи событий. Этим самым они отказывают истории в научности, низводят ее к фактографии, к голому собиранию и описанию фактов. Так, английский историк М. Окшот предлагает выяснение причин заменить «показом мира событий, связанных между собой таким образом, чтобы ни один пробел не был возможен»; по его мнению, поиски

¹ «Французские издания периода Парижской Коммуны 1871 года». Аннотированный каталог коллекции Ленинградской Государственной публичной библиотеки. Л., 1961, вып. 2, стр. 145—146.

² F. Mathis. Une page d'histoire. Le couronnement de l'édifice. Paris, 1871.

причин означают попытку читать историю в обратном направлении³.

Особенно сильно буржуазная историография искажает вопрос о корнях революций, что тесно связано с неправильной оценкой их характера и значения. Для нашей темы интересны в этом отношении некоторые новейшие концепции причин и сущности французской революции XVIII в. Дискуссии по этим концепциям проходят настолько оживленно, что стали даже предметом отдельных монографий⁴.

Остановимся на точке зрения, выдвинутой французским историком Ж. Годшо и американским исследователем Р. Палмером⁵, которые, правда, в отдельных деталях не совсем согласны друг с другом. По их мнению, французскую революцию нельзя рассматривать изолированно, ее корни следует искать не только внутри страны. Эта революция была высшим гребнем мощной революционной волны, которая охватила почти всю Европу и Америку и продолжалась последние сорок лет XVIII в. (Палмер) или даже целых восемьдесят, до середины XIX столетия (Годшо). Это была, по мнению Годшо и Палмера, «первая мировая революция», и ее можно называть западной, атлантической, демократической в отличие от «второй мировой революции» XX в., восточной и коммунистической⁶.

Если мысленно слить в единый революционный поток все революции 1770—1850 гг. или хотя бы американскую, французскую революции и революционные движения XVIII в. от Польши до Латинской Америки, то самостоятельность и индивидуальность каждой из революций исчезнет. Тогда нельзя и говорить об особых причинах и об особой сущности этих революций. Не удивительно, что Годшо свою «первую мировую революцию» объявляет «тотальной» революцией — одновременно аграрной, демографической, экономической, индустриальной, интеллектуальной, научной и отчасти социальной⁷. Но когда речь идет, скажем, конкретно о французской революции и вообще о промышленной революции, хотя мы и тут и там употребляем слово «революция», смысл каждый раз иной: в последнем слу-

³ См.: «Historical studies», vol. 3. London, 1961, p. 1.

⁴ A. Cobban. *Historians and the causes of the French Revolution*. London, 1958; P. Amman. *The Eighteenth-Century Revolution. French or Western?* Boston, 1963.

⁵ J. Godechot, R. Palmer. *Le problème de l'Atlantique du XVIII-e au XX-e siècle.* — «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», t. 5. Firenze, 1955, p. 175—239. См. критику этой точки зрения: Е. Б. Черняк. *Адвокаты колониализма*. М., 1964, стр. 18.

⁶ R. Palmer. *The age of the Democratic Revolution. The challenge*. Princeton, 1959, p. 4—5; 9; J. Godechot. *Les Révolutions (1770—1799)*. Paris, 1963, p. 1—3, 82, 236, 268; J. Godechot (éd.). *La pensée révolutionnaire en France et en Europe 1780—1799*. Paris, 1964, p. 7 (далее — *La pensée révolutionnaire...*).

⁷ J. Godechot. *Les Révolutions (1770—1799)*, p. 372—373.

чае подразумевается длительный процесс коренных, но сравнительно медленных преобразований. А в первом мы имеем дело как бы с общественным взрывом, когда события, сжатые во времени, развиваются путем скачка.

Рассматриваемая нами концепция представляет собой попытку искусственно сконструировать мировую революцию для такого исторического периода, как конец XVIII и начало XIX в., когда мир далеко еще не был единым и революцией значительно различались по своим причинам, задачам и целям. Авторы этой концепции подменяют классовый анализ революций их географическим определением. Правда, Годшо признает, что революция во Франции привела к утверждению и развитию капиталистического строя. Тем не менее он отказывается считать эту революцию буржуазной, так как ее торжеству содействовали крестьяне и санкюлоты⁸. Годшо не желает видеть и классовое содержание тех или других политических учений XVIII в., раз нельзя вывести эти учения из социального происхождения их создателей⁹. Так, излагая крайне примитивно понятие классовой сущности, Годшо это понятие тут же с завидной легкостью и «опровергает».

Еще дальше идет в своих выводах Палмер. Он не скрывает классовой направленности своих взглядов. Смысл его теории, как он сам говорит, заключается в доказательстве «превосходства» революции XVIII в. над коммунистической революцией XX в. Первая привела будто бы к лучшему, более гуманному обществу, чем то, которое образовалось в результате революции наших дней¹⁰.

Возвращаясь к Годшо, отметим, что, согласно его схеме, на Западе совершилась одна «цепная» революция, эпицентр которой перемещался из США через Голландию во Францию. Вторая революция, также «цепная», мировая, но уже на Востоке, взлет которой происходил в России в 1905 г. и особенно в 1917 г. Гранью между этими двумя революциями на Западе и Востоке является 1848 год. Революция 1848 г., с одной стороны, «по своим непосредственным предпосылкам исходит, как и революции XVIII в., из продовольственного кризиса, вызванного метеорологическим катаклизмом». С другой стороны, это была первая революция, в которую вмешались рабочие. «На пороге 1848 г. Карл Маркс предлагает пролетарским массам новые идеи». Поэтому революция 1848 г. «завершает один революционный цикл, начавшийся за восемьдесят лет до этого, и открывает другой цикл, который выберет себе позиции уже не на Западе, а на Востоке»¹¹.

⁸ J. Godechot. *Le Révolutions (1770—1799)*, p. 265—266.

⁹ J. Godechot. *La pensée révolutionnaire...*, p. 11.

¹⁰ R. Palmer. *The age of Democratic Revolution*, p. 11.

¹¹ J. Godechot. *Les Révolutions (1770—1799)*, p. 265.

Хотя Годшо не хочет применять классовый критерий при обобщающей характеристике революций, он все же включает борьбу классов в их конкретную историю. Но в его схеме развития революционных событий за последние два столетия поражает другое: французский ученый не нашел в ней места для одной из важнейших французских революций — для революции 18 марта 1871 г., которая была пока последней революцией в истории Франции. Конечно, в монографии о революциях конца XVIII в. автор не обязательно должен говорить о Парижской Коммуне. К тому же, если включить в приведенную выше схему революцию 1871 г., то придется отказаться от самой схемы. В самом деле, если причислить ее к первой революционной волне, то можно сохранить географический принцип классификации. Но уж слишком отличается революция 18 марта от предшествовавших ей революций, чтобы их можно было поставить в один ряд. Если же присоединить Парижскую Коммуну к позднейшим, «восточным» революциям, придется отбросить географическое деление и признать, что группировать революции можно лишь по их классовой сущности. Дилемма оказывается неразрешенной, и единственный путь, чтобы разрубить этот гордиев узел, заключается, видимо, в том, чтобы одну революцию «отрубить», делая вид, что революции 18 марта не было. Так Годшо и поступил.

Пренебрежение к Парижской Коммуне, преуменьшение ее исторической роли — типичное явление в буржуазной историографии¹².

Идеологи буржуазии обеспокоены силой влияния революционных традиций Коммуны. Напрасны надежды, высказанные английским историком Дж. Робертсом, что интерес к Парижской Коммуне с течением времени будет уменьшаться¹³. Популярность идей социализма среди всех народов мира усиливает интерес к первой в истории пролетарской революции. Об этом свидетельствуют все новые и новые публикации о Парижской Коммуне. На родине самого Робертса существует «Общество друзей Парижской Коммуны (1871)», члены которого не преминули дать ему достойную отповедь за нападки на Коммуну¹⁴.

Буржуазные историки отрицают пролетарский характер и социалистическую направленность Коммуны. По словам того же Робертса, «Парижская Коммуна 1871 г., говоря точно, была

¹² См.: А. И. Молок. Вступ. статья к кн. «Парижская Коммуна 1871 года». Под ред. Ж. Брюа, Ж. Дотри и Э. Терсана. Пер. с франц. М., 1964, стр. 5.

¹³ J. Roberts. The myth of the Commune 1871.— «History today», vol. 7, N 5, 1957, p. 300.

¹⁴ S. G. Hutchins. The Commune and the working men.— «History today», vol. 7, N 6, p. 407.

муниципальным советом». Все остальное, из-за чего она сохранилась в памяти последующих поколений, это якобы лишь наслоение созданных позднее мифов, а не историческая действительность¹⁵. То же заявляет другой английский историк, Г. Чампман¹⁶. А в многотомной «Всемирной истории», издаваемой в ФРГ, делается попытка доказать, что 18 марта произошел просто бунт, «направленный против наследственной монархии на власть со стороны глубоко развращенной бюрократии»¹⁷. «Коммуна не являлась рабочим правительством»,— утверждает А. Коббан, ссылаясь на то, что в Совете Коммуны было лишь 25 рабочих¹⁸. Пьер Доминик считает, что Коммуну нельзя рассматривать как пример классовой борьбы буржуазии и пролетариата, так как в ней участвовали и мелкобуржуазные элементы¹⁹. Эти доводы явно бьют мимо цели. Ведь ни одна революция, буржуазная или пролетарская, не может победить, если вокруг руководящего революционного класса,— во всяком случае там, где он не составляет подавляющего большинства населения,— не сплываются другие социальные слои. Коммуна как раз поэтому и была диктатурой пролетариата, что в ней эти слои действовали под руководством рабочего класса. «Впервые в истории,— говорил по этому поводу Маркс,— мелкая буржуазия и средняя буржуазия открыто объединились вокруг рабочей революции и провозгласила ее единственным средством своего собственного спасения и спасения Франции»²⁰.

Среди буржуазных историков популярна «теория», пущенная в ход американским историком Э. Месоном, что пролетарский характер революции 18 марта — это якобы лишь легенда, созданная Марксом и Лениным²¹. Эта версия варьируется на все лады. Так, Ж. Фоше в книге, носящей претенциозный заголовок «Подлинная история Коммуны», утверждает, что «Маркс создал для истории великий миф о Коммуне»²².

Но Маркс не занимался мифотворчеством, а раскрыл подлинную сущность событий. Несмотря на то, что Коммуна потерпела поражение, ее идеи продолжали вдохновлять рабочих Франции и других стран.

¹⁵ J. Roberts. Op. cit., p. 290.

¹⁶ G. Chapman. The Third Republic of France. The First phase 1871—1894. London, 1962, p. 12.

¹⁷ «Propyläen Weltgeschichte», Bd. 8. Frankfurt a/M., 1960, S. 305.

¹⁸ A. Cobban. A history of modern France, vol. 2. London, 1961, p. 208.

¹⁹ См.: P. Dominique. La Commune de Paris. Paris, 1962, p. 285.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 558.

²¹ См.: О. Л. Вайнштейн. Зарубежная историография Парижской Коммуны.— В кн.: «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 2. М., 1961, стр. 616—617.

²² J. A. Faucher. La véritable histoire de la Commune. Paris, 1960, t. 2, p. 103; t. 3, p. 144.

Даже в учебных курсах французских школ больше не обходится молчанием социалистический характер борьбы Парижской Коммуны²³. Истина пробивает себе путь.

Вместе с тем, однако, для новейшей буржуазной историографии характерна тенденция, с одной стороны, отождествлять глубокие, коренные причины революции 1871 г. с ее непосредственными предпосылками, а с другой стороны, доказать, что Парижская Коммуна лишь следовала традициям 1792—1793 гг. или даже средних веков, что она не внесла ничего нового в историю Франции. Одним словом, ее предыстория должна доказать, если употреблять слова реакционного историка Ж. Шастене, что Коммуна была не зарей нового мира, а «пламенеющими сумерками» старого²⁴.

Именно такой направленностью буржуазной историографии Парижской Коммуны объясняется отчасти тот факт, что за последнюю четверть века буржуазными авторами было написано много работ, которые прямо или косвенно целиком посвящены проблеме истоков или предыстории революции 18 марта 1871 г.²⁵

В марксистской литературе последних лет, если не считать недавнее переиздание после тридцатилетнего перерыва труда академика Н. М. Лукина²⁶, можно назвать лишь два специальных исследования по предыстории Парижской Коммуны²⁷. Зато вопросу о причинах революции 18 марта уделяется очень серьезное внимание в более общих работах советских и зарубежных марксистских ученых.

²³ См.: J. Gascon. La Commune et ses historiens.—«La Pensée», N 97, 1961, p. 102.

²⁴ J. Chastenet. Texte de présentation.—В кн.: P. Dominique. La Commune de Paris, p. 25.

²⁵ L. Descaves. Les origines de Commune. Paris, 1938; G. Duveau. Le siège de Paris. Septembre 1870 — janvier 1871. Paris, 1939; A. Dansette. Les origines de la Commune de 1871. Paris, 1944; J. Desmarest. La défense nationale 1870—1871. Paris, 1949; M. Kranzberg. The siege of Paris, 1870—1871. A political and social history. New York, 1950; H. Guillemin. Les origines de la Commune. 1. Cette curieuse guerre de 70. Thiers — Trochu — Bazaine. Paris, 1956; 2. L'héroïque défense de Paris (1870—1871). Paris, 1959; 3. La Capitulation (1871). Paris, 1960; 4. Les élections de 71.—«Temps modernes», N 181, mai 1961, p. 1506—1532; 5. Paris après la capitulation.—«Temps modernes» N 214, mars 1964, p. 1661—1676 (далее — Les origines...).

²⁶ Н. М. Лукин. Эпоха Второй империи. «Правительство национальной обороны». Избр. труды, т. 2. М., 1962. Это первая часть капитальной монографии Лукина о Парижской Коммуне.

²⁷ J. Dautry. Le problème nationale devant l'opinion ouvrière à la veille de la Commune de Paris.—«Cahiers internationaux», N 44, mars 1953, p. 47—60; М. Шури. Париж был предан. Истоки Парижской Коммуны. Пер. с франц. Вступ. статья А. И. Молока. М., 1961.

В канун второй мировой войны видный французский историк-социалист Ж. Буржен выпустил большую обобщающую работу о событиях 1870—1871 гг.²⁸ Буржен различает близкие и отдаленные причины выступления коммунаров. Первые он видит во франко-прусской войне, последние — в истории рабочего класса и развитии социалистических идей во Франции²⁹. Во всех упомянутых нами специальных работах буржуазных авторов по предыстории Коммуны речь идет почти исключительно о близких причинах, т. е. о событиях войны и в первую очередь об осаде Парижа. Споры нет, военные события 1870—1871 гг. сыграли большую, пожалуй, даже решающую, роль в назревании революции, вспыхнувшей в Париже 18 марта 1871 г. Но многие буржуазные историки считают эту войну единственной причиной Коммуны, с чем, конечно, согласиться нельзя.

Преувеличение роли войн, как известно, вообще характерно для буржуазной исторической науки. Это хорошо иллюстрируется на примере проблемы, которой мы здесь занимаемся. Даже крушение Второй империи и установление Третьей республики, по мнению некоторых авторов, было обусловлено лишь военными событиями. Падение режима Наполеона III, заявляет Шарль Пугас, было вызвано не логикой внутреннего развития Франции, а чисто случайным, внешним фактором — поражением в войне³⁰. Если бы Луи-Наполеон не допустил в 1870 г. войны, говорит Т. Корли, его династия и теперь еще правила бы во Франции³¹. О. Обри считает, что и после объявления войны, даже после седанской катастрофы, для Наполеона III еще не все было потеряно. Заклучи он в Седане мир, его режим был бы спасен³². Одним словом, республика, как утверждает Робертс, «была подарена французам прусским генеральным штабом»³³. Вот до каких нелепостей договариваются иные историки.

Впрочем, не все буржуазные историки признают даже, что правительство Трошю—Фавра держалось пораженческой линии в войне с Пруссией. Некоторые из них утверждают, что оно серьезно думало об обороне³⁴, предпринимало «бешеные усилия»³⁵. Особенно усердно расточает хвалу этому правительству Ж. Демаре в своей книге «Национальная оборона 1870—1871 гг.» Он

²⁸ G. Bourgin. La guerre de 1870—1871 et la Commune. Paris, 1939.

²⁹ Ibid., p. 11.

³⁰ Ch. Pouthas. Histoire politique du Second Empire. Facsimilé 3. Paris, 1955, p. 518.

³¹ T. A. B. Corley. Democratic Despot. A life of Napoleon III. London, 1961, p. 11.

³² O. Aubry. Le Second Empire. Paris, 1956, p. 568, 584.

³³ «History today», 1957, N 5, p. 291.

³⁴ G. Duveau. Op. cit., p. 137.

³⁵ M. Kranzberg. Op. cit., p. 21

пытается доказать, что члены этого правительства в своих действиях руководствовались самыми возвышенными соображениями, что их власть строилась на принципах «моральной силы»³⁶. И все же Демаре должен признать, что теперь, спустя много десятилетий, «события 1870 г. не производят впечатления фатальности»³⁷, что поражение Франции в войне вовсе не было неизбежным. Война, по его мнению, была проиграна не по злому умыслу правительства, а в результате допущенных им ошибок. Эти ошибки автор объясняет отчасти тем, что правительство не хотело применять силы против левых элементов, желая воздействовать на них одними моральными средствами³⁸, отчасти же его нерешительностью в ведении военных операций. Не хватило «нового Карно», который принес бы победу³⁹. Характерно, что Демаре ни разу даже не упоминает слова «Коммуна», но все его произведение должно подвести читателя к мысли о «неблагодарности» парижан, которые были недовольны такой «великодушной» властью, какой было правительство 4 сентября.

Слабость Правительства Национальной обороны, определяющая его неудачную политику, встречается у многих авторов⁴⁰. Часто повторяется и тезис о проявленной якобы мягкотелости в отношении революционных кругов: правительство оставило слишком много свободы народу. «Париж представлял собой удивительное зрелище города, который, являясь осажденным, не находился тем не менее на осадном положении»⁴¹. Свобода печати и свобода клубов имели своим результатом «политическое брожение»⁴², «дурман слов, отраву словами»⁴³. Все это в совокупности с обильным употреблением спиртных напитков при недостаточной еде и создало ту «лихорадку осады», которая, по мнению некоторых историков, и составляет психологический фон революции 18 марта⁴⁴.

Попытки перевести вопрос о классово-политической борьбе Парижа в период его осады на непрочную почву психологии наблюдается у многих буржуазных исследователей. Встречаются у них рассуждения и о том, что столица Франции — «женщина, капризная и больная», к которой Тьер не нашел нужного подхода⁴⁵. Свою книгу «Осада Парижа. Сентябрь 1870 — ян-

³⁶ J. Desmarest. Op. cit., p. 76.

³⁷ Ibid., p. 465.

³⁸ Ibid., p. 78—79.

³⁹ Ibid., p. 467.

⁴⁰ L. Descaves. Préface.— В кн.: M. Vuillaume. La Semaine sanglante. Journal d'un Communard (mai 1871). Paris, 1964, p. 10; G. Duveau. Op. cit., p. 22—24, 62—64, 138; A. Dansette. Op. cit., p. 65.

⁴¹ G. Duveau. Op. cit., p. 122—123.

⁴² R. Rémond. La vie politique en France de 1789 à 1870. Paris, 1959—1960, p. 50.

⁴³ P. Dominique. Op. cit., p. 74.

⁴⁴ A. Dansette. Op. cit., p. 91—92; J. Roberts. Op. cit., p. 290.

⁴⁵ A. Dansette. Op. cit., p. 106.

варь 1871 г.»⁴⁶ Дюво опубликовал в 1940 г., незадолго перед тем, как немецко-фашистские войска вторглись во Францию. В такое грозное для Франции время он писал: «Есть между Францией и Германией тревожное влечение, какая-то болезненная влюбленность, которые и приводят их на ложе войны»⁴⁷. Так заранее оправдывалось капитулянтское поведение правящих кругов страны, их готовность к сотрудничеству с оккупантами.

Как и Демаре, Дюво не ставит прямо вопроса об осаде, как прологе революции 18 марта, хотя несколько раз упоминает с Коммуне. Он говорит, что красное знамя — символ «ломкий и обманчивый»⁴⁸. С иронией отзывается он о национальных гвардейцах, павших в боях с немцами в январе 1871 г., об этих «гражданах всемирной республики», которые «опьянены» были в своем воображении картиной будущего справедливого мира. История высмеяла их «химеры»⁴⁹. «Эта бесконечная осада,— говорит он,— была больше войной приснившейся, чем пережитой... Париж не видел врага»⁵⁰. Национальная гвардия была в этой драме лишь «шумным, беспокойным хором»⁵¹. Все эти и подобные им выражения свидетельствуют об отсутствии у буржуазного профессора элементарного чувства уважения к рабочим и демократам французской столицы, вынесшим на своих плечах всю тяжесть борьбы с внешним врагом.

Книгу Дюво, появившуюся в 1939 г., отделяет от книги Демаре, вышедшей в свет в 1949 г., десятилетие, которое больше значило в истории человечества, чем любой другой такой отрезок времени, за исключением того, который последовал после победы Октябрьской революции. Но обе эти книги объединены общим замыслом, написаны с целью убедить читателей в психологической и исторической неоправданности, ненужности революции 18 марта.

По-другому к исторической драме 1870—1871 гг. подходит А. Гийемен, литературовед и историк, очень интересный и своеобразный писатель. Его многочисленные работы о событиях 1870—1871 гг., носящие общий заголовок «Происхождение Парижской Коммуны», можно считать событием в буржуазной историографии. В отличие от Дюво и Демаре, Гийемен открыто заявлял, что его интересует не война сама по себе, а причины мартовской революции 1871 г.⁵²

Первые три тома исследования Гийемена, охватывающие

⁴⁶ G. Duveau. Op. cit., p. 31.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibid., p. 254.

⁴⁹ Ibid., p. 235.

⁵⁰ Ibid., p. 90.

⁵¹ Ibid., p. 65.

⁵² H. Guillemin. Les origines..., t. 1, p. 7.

период от начала войны до заключения перемирия, вышли в 1956—1960 гг. и получили в общем положительную оценку в марксистской литературе⁵³. Две статьи, напечатанные в 1961 и 1964 гг. на страницах редактируемого прогрессивным писателем Ж.-П. Сартром журнала «Тан модерн», являются, вероятно, главами заключительного, четвертого тома, в котором изложение будет доведено до 18 марта.

Работа Гийемена содержит много документов и во многом глубоко аргументирована. Она написана не в холодном, академическом стиле, а страстным, волнующим языком, как будто автор сам был современником и участником изучаемых событий.

В центре внимания автора национальная измена Тьера, «четырех Жюлей» (Трошу, Фавра, Ферри, Симона) и других руководителей страны в первые месяцы Третьей республики. Резкое осуждение этих деятелей, которые до сих пор остаются кумирами французской крупной буржуазии⁵⁴, целиком подтверждает отрицательную оценку, которую им дали Маркс, Энгельс и Ленин. Гийемен доказывает, что не бездарность, глупость и слабость определяли политику этих людей, оказавшихся на время вершителями судеб своей родины, а сознательное предательство. Так, странная забывчивость Фавра, не сообщившего в Бордо точных условий перемирия, заключенного 28 января 1871 г., — что стоило Франции потери Восточной армии генерала Бурбаки — была не ошибкой, не следствием плохой осведомленности или волнения, как пишут обычно буржуазные историки⁵⁵, а преднамеренным шагом, имевшим целью не возобновлять войну с Германией⁵⁶. Гийемен беспощадно разоблачает легенды, созданные для оправдания действий членов Правительства Национальной обороны. Приведем один пример. Историки много рассуждали о том, почему правительство отказалось покинуть Париж и переехать в другой район Франции до того, как столица оказалась в кольце осады. Одни объясняли это желанием членов правительства быть там, где более всего опасно⁵⁷, другие — тем, что, как парижане, они чувствовали себя плохо в провинции⁵⁸. Гийемен не оставляет сомнения в том, что они с первых же дней революции 4 сентября помышляли о капитуляции и были уверены поэтому, что дело до осады Парижа не дойдет⁵⁹.

Гийемен подчеркивает ответственность военного командования за национальную катастрофу Франции. Приведенный им

⁵³ См.: «Парижская Коммуна, 1871 г.», т. 2. М., 1964, стр. 428, 614.

⁵⁴ См., например: L. Legrand. L'influence du positivisme dans l'oeuvre scolaire de Jules Ferry. Paris, 1961; F. Pisani-Ferry. Jules Ferry et le partage du monde. Paris, 1962.

⁵⁵ J. Desmarest. Op. cit., p. 442—445.

⁵⁶ H. Guillemin. Les origines..., p. 3.

⁵⁷ J. Desmarest. Op. cit., p. 119.

⁵⁸ G. Duveau. Op. cit., p. 56.

⁵⁹ H. Guillemin. Les origines..., t. 2. p. 60.

большой фактический материал убеждает в ложности утверждения, что французские генералы не занимались в 1870—1871 гг. политикой, а «лишь выполняли волю гражданских властей»⁶⁰. Базен был не «инертным» человеком⁶¹, а просто предателем, причем не единственным среди генералов и маршалов. Слово «Базен», замечает Гийемен, звучало как «коллективное имя»⁶². Большая заслуга Гийемена состоит в том, что он показывает национальную измену реакционной части генералитета на широком фоне исторических событий во Франции XIX в., к которым он возвращается во многих своих работах. Переворот 2 декабря 1851 г., указывает исследователь, был плодом «казарменного заговора». Поставив Луи-Наполеона во главе государства, реакционная военщина рассчитывала захватить власть в стране⁶³. Через двадцать лет после этого генералы-бонапартисты отказались бороться с Пруссией до победного конца, опасаясь, что победа превратит поражение империи в торжество республики⁶⁴. Спустя еще тридцать лет среди самых крикливых, ультрашовинистических антидрейфусаров окажутся бывшие изменники 1870—1871 гг., подобно тому, как дожившие до второй мировой войны антидрейфусары оказались среди изменников, сотрудничавших с гитлеровскими захватчиками⁶⁵.

Гийемен вскрывает классовые корни реакционной верхушки генералитета. Кадровые военные, заявляет он, выступали как представители определенного класса. Уже летом 1848 г. банкиры начали поддерживать будущего императора⁶⁶. А через два с половиной года «генералы и полицейские», помогая ему, действуют, как подручные буржуазии, чтобы обеспечить ей «покой» от растущего пролетарского движения⁶⁷. «С того момента, когда интересы Франции, видимо, не совпадают больше с интересами имущих классов, генералы вступают на путь мятежа»,— таков горький вывод Гийемена⁶⁸.

Вероломству и национальному предательству господствующих классов Франции автор противопоставляет патриотизм трудового Парижа и его руководителей. Он признает, что и они имели свои политические расчеты, связанные с исходом войны. «Но,— отмечает Гийемен,— более достойно делать ставку на победу, чем на поражение своей страны», а в 1792 и 1814 гг.

⁶⁰ A. Juin. *Trois siècles d'obéissance militaire 1650—1963*. Paris, 1964, p. 104.

⁶¹ G. Duveau. *Op. cit.*, p. 24.

⁶² H. Guillemin. *Les origines...*, p. 191.

⁶³ H. Guillemin. *Le coup du 2 décembre*. Paris, 1951, p. 437.

⁶⁴ H. Guillemin. *Eclaircissements*. Paris, 1961, p. 256.

⁶⁵ H. Guillemin. *L'enigme Esterhasy*. Paris, 1962, p. 260—261.

⁶⁶ H. Guillemin. *La tragédie de Quarante-huit*. Genève, 1948, p. 271.

⁶⁷ H. Guillemin. *Le coup du 2 décembre...*, p. 436—442.

⁶⁸ H. Guillemin. *Les origines...*, t. 2, p. 352.

именно монархисты и «либералы» связывали свои надежды с бедствиями родины⁶⁹.

Доводя свой рассказ до середины февраля 1871 г., Гийемен подробно прослеживает подготовку контрреволюционного заговора правящими кругами Франции. Уже в сентябре 1870 г. они стремились разоружить парижских рабочих⁷⁰. Заключив перемирие, они решили, что пришло время «ликвидировать этих тунеядцев и отнять у них ружья». Но для этого надо было дожидаться, пока «будет восстановлена серьезная армия, на которую министры и генералы могли бы положиться, чтобы стрелять в народ»⁷¹. Такую армию они надеялись создать при помощи немецких властей. Отсюда и их сотрудничество с Бисмарком. «Как только республика была восстановлена 4 сентября 1870 г., все правые ринулись умолять Бисмарка-спасителя». Они готовы были отдать ему все, что он пожелает за счет территории Франции, «лишь бы он разрешил армии взяться за свою главную задачу: защищать собственников»⁷².

Так приоткрывает Гийемен завесу лжи, которую буржуазная историография создала вокруг правителей Франции 1870—1871 гг. Его оценки и выводы в этом отношении близки к выводам и оценкам марксистской историографии.

И все же правильно решить проблему истоков Парижской Коммуны Гийемену не удалось. Большой знаток и почитатель творчества Виктора Гюго, он приводит мысль великого французского писателя о том, что всю историю следует переписать заново⁷³. Но Гюго, как известно, главный недостаток традиционной исторической науки видел в том, что она изображает лишь действия королей и других сильных мира сего⁷⁴. Однако этот упрек можно отнести и к Гийемену. Он рисует подробную картину интриг армейской и гражданской верхушки, но на протяжении всей его монографии не встретишь описания народных масс, только вскользь упоминаются отдельные представители революционного Парижа. Гийемен с симпатией относится к трудящимся. Но в его глазах рабочие Парижа — чисто пассивная сила, которая самостоятельно не участвует в исторических событиях. Хорошо понимая классовые интересы и классовую политику буржуазии, Гийемен не признает классовой борьбы пролетариата, не видит его социалистических устремлений, роста его сознательности в тяжелые месяцы осады. Отсюда его выводы, что в востании 31 октября⁷⁵ не было ничего социалистического,

⁶⁹ Ibid., t. 2, p. 26.

⁷⁰ Ibid., t. 4, p. 1509.

⁷¹ Ibid., t. 5, p. 1668.

⁷² H. Guillemin. L'énigme Esterhazy, p. 260.

⁷³ См., например: H. Guillemin. A vrai dire. Paris, 1956, p. 121.

⁷⁴ В. Гюго. Собр. соч., т. 14. М., 1956, стр. 385 и след.

⁷⁵ H. Guillemin. Les origines..., t. 2, p. 336.

что требование Коммуны не играло какой-либо роли в событиях 22 января⁷⁶, что Центральный комитет Национальной гвардии представлял собой «жалкий генеральный штаб», где «было мало доктрин, но много соперничества», и что «эти чудаки» — революционеры и рабочие Парижа — не знали, что им предпринимать⁷⁷. Не удивительно поэтому, что слова «движение за Коммуну» Гийемен берет в кавычки⁷⁸; он не верит в то, что на самом деле было такое движение. А о революции 18 марта он говорит как о «трагедии»⁷⁹. Мартовские события, победа сторонников Коммуны на выборах 26 марта кажутся ему совершеннейшей неожиданностью, загадкой, которую можно объяснить негодованием, охватившим Париж, когда он понял, что правительство разыграло с ним комедию «обороны», что оно совершило чудовищное предательство⁸⁰. Французские реакционные деятели, утверждает Гийемен, подарили Парижу Коммуну⁸¹. «Базен, Трошу, Тьер и Ж. Фавр сделали все, чтобы поднялась неминуемо буря Коммуны», — эти слова, которые мы читаем на обложке первого тома работы Гийемена, вышедшего в свет в 1956 г., можно рассматривать как общий ответ автора на вопрос об истоках Коммуны.

Таким образом, хотя и другим путем Гийемен, на наш взгляд, приходит к тому же ошибочному выводу, что Дюво и Демаре, а именно к выводу о «случайности» и «незакономерности» революции 18 марта 1871 г.

Американский профессор М. Кранцберг в книге «Осада Парижа, 1870—1871 гг. Политическая и социальная история»^{82–83} пытается раскрыть смысл борьбы за Коммуну, место социалистических и патриотических идей в этой борьбе. Некоторые его суждения довольно типичны для буржуазной историографии. Поэтому представляется целесообразным остановиться на его монографии, хотя ей уже была дана оценка в нашей литературе⁸⁴.

Так же, как Гийемен, Кранцберг подчеркивает, что предметом его исследования являются не столько события осады, сколько их значение в назревании революции 18 марта, что «социальные и политические аспекты жизни в осажденном Париже» занимают его в свете «их влияния на взрыв Коммуны»⁸⁵. При этом он, в отличие от рассматриваемых выше авторов, несколько

⁷⁶ H. Guillemin. Les origines..., t. 3, p. 283.

⁷⁷ Ibid., t. 5, p. 1668—1669.

⁷⁸ Ibid., t. 1, p. 7.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Ibid., t. 1, p. 8.

⁸¹ Ibid., t. 1, p. 9.

^{82–83} M. Kranzberg. The siege of Paris, 1870—1871. A political and social history.

⁸⁴ См.: «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 2, стр. 618.

⁸⁵ M. Kranzberg. Op. cit., p. 8.

выходит за хронологические рамки периода войны. В заключительной главе, посвященной Коммуне, он высказывается не только о непосредственных, но и о более отдаленных ее причинах.

Эти причины Кранцберг видит в «бреши между социальными группировками», которая становится все больше во Франции после революции XVIII в.⁸⁶ В годы Второй империи, утверждает он, политика «патернализма», примирения классов, проводившаяся Наполеоном III, оказалась успешной. Страна наслаждалась покоем. «Каждый довольствовался тем, что ему дано: богачи своими радостями жизни, бедняки — своими страданиями». Правда, рабочие были не вполне довольны, но они и не были настроены по-революционному, «оставаясь тред-юнионистами и республиканцами»⁸⁷. Война сначала содействовала сближению классов, так как вызвала общую ненависть к Пруссии. Если бы сразу после Седана был заключен мир, все опять вошло бы в норму. Но события периода осады подготовили почву для обострения классового антагонизма. Этому способствовало неравномерное распределение тягот, вызванных войной, рост нужды среди жителей Парижа. Кранцберг уверяет, что мелкая буржуазия страдала даже больше, чем рабочие⁸⁸. Но главное было в различном подходе к вопросу об обороне города. Высшие классы хотели прекратить сопротивление немцам, низшие, наоборот, хотели бороться до победы. Эти разногласия отражали «социальные, экономические и политические различия, выросшие между классами в XIX в.»⁸⁹. Так борьба с внешним врагом превращалась в классовую борьбу, проявившуюся в Коммуне⁹⁰. То же повторилось в 30-х годах нашего столетия. Во время франко-прусской войны буржуазия предпочла Огюсту Бланки Бисмарка, а ее потомки бросили клич: «Лучше Гитлер, чем Леон Блюм»⁹¹. В дни осады 1870—1871 гг. лозунг Коммуны приобрел особую популярность среди народа. Тем не менее после заключения перемирия можно было добиться внутреннего мира. Но буржуазия «звергла Францию в гражданскую войну»⁹². Политика Тьера и Национального собрания оттолкнула от правительства не только рабочих, но и мелкую буржуазию. Эта политика еще более сцементировала «союз низших элементов среднего класса и пролетариата, сложившийся на протяжении XIX в.»⁹³.

⁸⁶ Ibid., p. 170.

⁸⁷ Ibid., p. 144.

⁸⁸ Ibid., p. 120—121.

⁸⁹ Ibid., p. 171.

⁹⁰ Ibid., p. 144.

⁹¹ Ibid., p. 154.

⁹² Ibid., p. 144.

⁹³ Ibid., p. 176.

Наряду с этими верными обобщениями у Кранцберга встречается много ошибочных и поверхностных суждений, он оправдывает в ряде случаев преступное поведение правящих кругов.

Отмечая капитулянтство крупной буржуазии и генералов в 1870—1871 гг., Кранцберг не считает это национальной изменой. После Седана война для Франции была безнадежно проиграна, замечает он⁹⁴, так что капитулянты были правы⁹⁵. Хотя Кранцберг и не отрицает ответственности правящих кругов Франции за развязывание гражданской войны, он оправдывает их. Они были, заявляет автор, напуганы призраком революции⁹⁶, но это было лишь трагическим недоразумением: ведь и народные массы, и их революционные руководители совсем не стремились к социальным преобразованиям, все их помыслы были направлены к победе над немцами⁹⁷.

Кранцберг убежден, что его историческая концепция «опровергает» марксистско-ленинскую концепцию. «Маркс,— пишет он,— толковал Коммуну как войну классов и считал ее социалистической, пролетарской. Она и была войной классов, но не в смысле, подразумеваемом Марксом. Маркс ошибался, полагая, что пролетариат может бороться лишь за социализм». В Коммуне рабочие в соединении с мелкой буржуазией выступали против крупной буржуазии и помещиков. Но спор шел не вокруг вопроса о собственности на средства производства, а из-за патриотизма⁹⁸.

Таким образом, по мнению Кранцберга, раскол шел по классовой линии, но не из-за классовых интересов. Чем же объяснить тот факт, что крупная буржуазия предала интересы Франции, а трудящиеся готовы были умирать за родину. Кранцберг пытается объяснить это тем, что беднякам нечего было терять⁹⁹. Но этот довод, который враги пролетариата выдвигали еще в ходе самой войны, видимо, не кажется ему достаточно убедительным. Поэтому он ищет дополнительные доводы, чтобы убедиться, что парижане дали себя обмануть «мифом» о революционной Коммуне 1793 г.¹⁰⁰ И наконец, чувствуя надуманность своих аргументов, он обращается к сфере психологии и патологии масс. В главе под названием «Бегство... в реальность» он

⁹⁴ М. Кранцберг. *Op. cit.*, p. 173.

⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс даже после заключения перемирия не думали, что Германия уже обеспечила себе победу. Так, в письме от 4 февраля 1871 г. Маркс писал, что Франция «еще может быть спасена» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 155). Такого взгляда придерживаются и некоторые буржуазные исследователи. (См., например: М. Н о w a r d. *The Franco-Prussian War. The German invasion of France. London, 1961.*— Изложено по: «History», № 160, 1962, p. 205—206).

⁹⁶ М. Кранцберг. *Op. cit.*, p. 156.

⁹⁷ *Ibid.*, p. 162.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 182.

⁹⁹ *Ibid.*, p. 148.

¹⁰⁰ *Ibid.*, p. 112, 151.

распространяется о тоске, о случаях психоза и «коллективного безумия», характерных якобы для осажденного Парижа, «ставшего расширенной тюрьмой для населения в два миллиона человек»¹⁰¹. В результате «нервное напряжение», в котором находился народ, «приучало его к насилию»¹⁰².

На деле все обстояло иначе и гораздо сложнее. «От подлинного патриотизма буржуазии, столь естественного для действительных собственников различных «национальных» имуществ... осталась одна лишь видимость», — писал Маркс¹⁰³. Руководство нацией переходило в руки нового класса — пролетариата. К. Маркс увидел это задолго до революции 18 марта. Обращаясь к французским рабочим во втором воззвании Генерального совета Интернационала (от 9 сентября 1870 г.), он подчеркивал, что от укрепления организации их класса зависит возрождение Франции и судьба республики¹⁰⁴. Именно эта идея и легла в основу революции 18 марта. Комментируя один из первых документов Парижской Коммуны, К. Маркс отмечал содержащуюся в нем мысль о том, что переход власти в руки рабочего класса и отстранение от власти господствующих классов «есть *необходимое условие национального спасения*»¹⁰⁵. Сознание своей исторической роли стало столь глубоким у трудящихся Парижа, что они пришли к выводу, что настоящей республикой может быть лишь «социальная республика». В создании такой республики Коммуна и видела свою задачу¹⁰⁶.

Но это говорит о том, что за период с 4 сентября по 18 марта в классовом сознании парижского пролетариата проходили огромные сдвиги. Через движение за Коммуну, через восстания 31 октября и 22 января рабочий класс шел к власти, которую он и взял 18 марта. Решающее значение имеет не то, в какой мере содержала прямые социалистические требования программа революционного лагеря в дни осады. Главное было в том, что выполнение этой программы явно становилось невозможным без перехода власти из рук буржуазного правительства, которое вело страну к катастрофе, в руки рабочего правительства, способного возродить и спасти Францию.

Но Кранцберг утверждает, что руководящую роль в Коммуне играли радикальные республиканцы. Таково же мнение французского историка Пьера Доминика. Во время Коммуны, говорит последний, «пролетариатом руководили, и притом плохо руководили, радикальные буржуа»¹⁰⁷. Другой французский исто-

¹⁰¹ Ibid., p. 111.

¹⁰² Ibid., p. 172.

¹⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 564.

¹⁰⁴ Там же, стр. 281.

¹⁰⁵ Там же, стр. 563.

¹⁰⁶ Там же, стр. 559.

¹⁰⁷ P. Dominique. Op. cit., p. 276.

рик Дансет рассматривает революцию 18 марта как восстание мелкой буржуазии против крупных собственников и считает, что в лице Центрального комитета Национальной гвардии власть взяли мелкие буржуа¹⁰⁸. Доводя эту мысль до абсурда, Ремон находит общность между Коммуной и... буланжизмом!¹⁰⁹

Если бы Коммуна являлась органом мелкой буржуазии, правительством радикальных республиканцев, то была бы непонятна дикая жестокость версальцев в расправе с коммунарами, даже сам факт гражданской войны. Истина заключается в том, что мелкая буржуазия активно участвовала в Коммуне, но как союзник рабочего класса и под его руководством. Важно, что процесс образования этого союза и принятия мелкой буржуазией руководства со стороны пролетариата происходит в основном во время осады, через движение за Коммуну. В этом одна из особенностей движения, как борьбы за создание пролетарской власти.

Этим и объясняется еще одна сторона Коммуны и движения за Коммуну, использованная многими буржуазными историками в своей аргументации,— известная «анонимность» революции 18 марта. «Коммуна была велика, но никто из коммунаров не был великим»,— пишет Доминик¹¹⁰. На деле в революционном движении в Париже в 1870—1871 гг. участвовало много выдающихся деятелей. И если они не успели за короткий срок существования Коммуны полностью проявить себя, то они все же показали пример коллективного руководства, опирающегося на активность народных масс. Движение за Коммуну в дни осады вовлекло в политическую борьбу широкие слои народных масс. Так подготавливалась массовая база революции 18 марта, высокая активность трудового населения Парижа во время Коммуны.

* * *

Бессмертный подвиг парижских коммунаров вызывает восхищение многих прогрессивных историков немарксистского направления. Это дало им возможность правильнее осветить и некоторые из причин и предпосылок революции 18 марта 1871 г. Пьер Доминик в новом издании своей книги о Коммуне правильно отмечает, что эта революция имела своим источником не только военную катастрофу 1870—1871 гг., что она была результатом всего социального развития Франции, следствием пролетаризации народных масс, роста рабочего класса. Ее поступь слышалась уже в революционных выступлениях последних

¹⁰⁸ A. Dansette. Op. cit., p. 120.

¹⁰⁹ D. Rémond. Op. cit., p. 217.

¹¹⁰ P. Dominique. Op. cit., p. 284.

лет Второй империи. «Мощная уже в день 4 сентября,— пишет автор,— Коммуна окончательно созрела во время осады»¹¹¹.

Другой прогрессивный французский историк Морис Домманже также подчеркивает значение периода Второй империи для назревания революции 18 марта. При этом он имеет в виду не только объективные процессы тех десятилетий, когда во Франции завершался процесс промышленного переворота, но и субъективные факторы: значение роста организованности рабочего класса, успехов революционной и социалистической пропаганды. «Коммуна,— пишет он,— объясняется отчасти этими результатами»¹¹².

Для выяснения истоков Парижской Коммуны большой интерес представляет книга Домманже «Бланки, война 1870—1871 гг. и Коммуна»¹¹³, над которой он работал в годы второй мировой войны, когда эта тема приобрела исключительную актуальность. Домманже идеализирует Бланки и без всяких оснований считает его предшественником Маркса в решении многих теоретических и тактических проблем¹¹⁴. Коммуну Домманже правильно оценивает как пролетарское государство, хотя в данной монографии не ставится вопрос о происхождении Коммуны, но ценный фактический материал, приводимый автором (особенно о деятельности Бланки и его последователей), способствует выяснению процесса назревания революции 18 марта.

Для понимания идей патриотизма и социализма, распространенных в революционных кругах Парижа в 1870—1871 гг., очень важна правильная оценка позиции Бланки в первые недели после революции 4 сентября. В. И. Ленин резко критиковал ошибки Бланки, который «для своей газеты не нашел более подходящего названия, как буржуазный вопль: *«Отечество в опасности!»*¹¹⁵. Вместе с тем Ленин отмечал, что Бланки «несомненный революционер и горячий сторонник социализма»¹¹⁶.

Некоторые буржуазные историки распространяют тактические ошибки Бланки на все социалистическое движение Франции. Комментируя воззвание бланкистов, в котором они заявили о своей поддержке правительства Трошю — Фавра, Р. Маневу пишет, что это не было тактическим шагом, а «определяло позицию социалистов перед лицом национальной обороны»¹¹⁷.

¹¹¹ Ibidem.

¹¹² M. Dommange Blanqui et l'opposition révolutionnaire à la fin du Second Empire. Paris, 1930, p. 176.

¹¹³ M. Dommange Blanqui, la guerre de 1870--71 et la Commune. Paris, 1947.

¹¹⁴ См. Н. Е. Застенкер. Бланки — «Советская историческая энциклопедия», т. 2. М., 1962, стр. 483.

¹¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 451.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ R. Manevy La presse française de Renaudot à Rochefort. Paris, 1958, p. 355.

Другие историки пишут, что тем самым бланкисты превратились в «чистых революционеров»¹¹⁸, в «революционных националистов»¹¹⁹. «Мгновенно забыв свой социализм,— пишет английский историк Н. Стюарт,— он (Бланки.— Я. Д.) предался самым шовинистическим идеям»¹²⁰.

«Рабочий класс — класс патриотов, сознающий, что он — воплощение будущего страны, что он несет ответственность за это будущее. Но пролетарский патриотизм являет собой полную противоположность шовинизму», — писал Ж. Дюкло¹²¹. В 1870—1871 г. рабочий класс Парижа, преодолевая иллюзии и заблуждения, вставал на путь пролетарского патриотизма, сочетаясь с интернационализмом.

Буржуазный историк А. Дансет в годы второй мировой войны работал над книгой «Происхождение Коммуны 1871 г.», опубликованной в 1944 г.¹²² Это полупублицистическое произведение написано в полемическом стиле. Складывается впечатление, что автор спорит сам с собой, со своими тревогами и думами. Перед лицом трагедии, которую переживала тогда его родина, Дансет как будто начинает сомневаться в правоте господствующих классов Франции, которые дважды на протяжении одной человеческой жизни довели свою страну до национальной катастрофы. Тем не менее он не в силах преодолеть чувство враждебности к коммунарам, которые посягнули на господство этих классов. Так как в нашей литературе уже дана была характеристика взглядов Дансета на историю революции 18 марта¹²³, мы рассмотрим лишь понимание им ее предпосылок и причин.

Автор ряда трудов по истории Второй республики и Второй империи Дансет обращается к первым двум десятилетиям второй половины прошлого столетия, чтобы проследить истоки последующей борьбы Парижской Коммуны. «Молодежь в 1868 г. была иной, чем в 1848», — пишет он¹²⁴, имея в виду рабочую и вообще революционную молодежь. Этому способствовало тяжелое положение трудящихся, которое, как признает автор, не улучшилось в 50—60-х годах, хотя страна в целом и переживала экономический подъем. Но главное было в новых идеологических веяниях. Влияние Прудона уступает место влиянию Бакунина и влиянию Маркса. «В 1863 г. (так в тексте.— Я. Д.) члены Интернационала, — говорит Дансет, — стремились к эмансипа-

¹¹⁸ Ch. Rihs. La Commune de Paris. Sa structure et ses doctrines (1871). Gèneve, 1955, p. 101.

¹¹⁹ H. Koechlin. Die Pariser Kommune von 1871 im Bewusstsein ihrer Anhänger. Mulhouse, 1950, S. 163.

¹²⁰ N. Stewart. Blanqui. London, 1939, p. 360.

¹²¹ «Известия», 2.IX 1964.

¹²² A. Dansette. Les origines de la Commune de 1871.

¹²³ См.: «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 2, стр. 613—614.

¹²⁴ A. Dansette. Op. cit., p. 28.

ции посредством знаний; в 1870 г. они объявили войну обществу»¹²⁵. Однако, по словам Дансета, не следует преувеличивать влияние Интернационала. Для событий 1870—1871 гг. гораздо большее значение имели зародившиеся тогда «мифы». В годы Империи возникли «мифы» о братстве народов, о солдате-гражданине, о Париже, как светоче Франции и мира. К этим «мифам» присоединяется новый «миф» — о Коммуне, который «рождается благодаря осаде»¹²⁶. Таким образом, если Кранцбергу потребовался один миф, чтобы объяснить действия революционеров Парижа, то Дансету оказалась нужна целая мифология!

Большую роль, согласно Дансету, сыграли психологические моменты, порожденные осадой. Повторяя избитые клеветнические анекдоты о пьянстве и трусости национальных гвардейцев, состряпанные в свое время реакционной парижской печатью, Дансет заявляет, что эти случаи характеризуют «всю историю Национальной гвардии», которая под влиянием лишений и алкоголя приходит, как он выражается, в состояние «болтливости возбуждения»¹²⁷.

Разбирая различные причины, которые, по мнению участников Коммуны, ее врагов, ее историков, привели к гражданской войне 1871 г., Дансет отклоняет каждую из них в отдельности, но готов принимать все в совокупности. Здесь и «взрыв бандитизма», и лихорадка осады, и попытки федерализации, и подъем патриотизма, и тревога за судьбу республики, и «смелые социальные мечты», и вопрос о пушках, и оскорбленное капитуляцией самолюбие, и многое другое¹²⁸. Признает Дансет и то, что объяснение событий 1871 г., данное К. Марксом, подкупает своей логичностью и широтой. Тем не менее он утверждает, что именно многогранность и многочисленность причин, которые легли в основу революции 18 марта, «опровергают» марксистскую концепцию истории, так как Маркс, мол, все объясняет действием одних экономических факторов. Человеческие взаимоотношения, поучает Дансет, подчиняются «и другим силам, идеологическим, сентиментальным, материальным, силам чувств»¹²⁹.

Итак, по мнению Дансета, было много причин, которые толкали парижский народ на путь революции. Но и все они, вместе взятые, были бы недостаточны для того, чтобы вызвать взрыв, если бы не опрометчивые поступки главы правительства. «Отдай приказ отнять орудия,— говорит Дансет,— Тьер развязал восстание; покидая Париж, он превратил восстание в революцию»¹³⁰. Опять, значит, случайность — на этот раз единоличное

¹²⁵ Ibid., p. 42.

¹²⁶ Ibid., p. 81—82.

¹²⁷ Ibid., p. 91—92.

¹²⁸ Ibid., p. 21—22, 160—161.

¹²⁹ Ibid., p. 25.

¹³⁰ Ibid., p. 133.

решение, принятое главой правительства как последнее объяснение причины революции 18 марта!

Хотя Дансет видит все ничтожество членов Правительства Национальной обороны, пораженчество Трошю, трусость Тьера, он все же оправдывает кровавую майскую расправу версальцев с коммунарами. Поступает он так потому, что как буржуа видит в рабочих Парижа своих классовых врагов. Он не верит в патриотизм парижских трудящихся. «Национальная оборона,— нагло заявляет он,— занимала их лишь в той мере, в какой она совпадала с интересами их политики»¹³¹. Грубо клеветца на рабочих Парижа, он обвиняет их в том, что они противодействовали нормализации жизни в Париже после заключения перемирия якобы лишь потому, что боялись лишиться своего жалованья, своих 30 су.

Как и другие буржуазные авторы, Дансет не допускает мысли, что рабочие Парижа могли быть одновременно социалистами и патриотами. Но отрицая общепризнанный патриотизм парижских пролетариев, Дансет занимает в этом вопросе особенно отчетливо выраженную реакционную позицию.

* * *

Характеризуя книгу Жоржа Буржена «Война 1870—1871 гг. и Коммуна», авторы коллективного труда французских историков-марксистов отмечают, что ее автор видит «в Коммуне не то, что она принесла с собой нового, а то, что делает ее похожей на предыдущие народные восстания XIX века»¹³². Это меткое замечание раскрывает важную тенденцию, характерную не только для монографии Буржена. Проявляется эта тенденция и в трактовке вопроса о ее истоках. Авторы справедливо связывают происхождение Коммуны не только с франко-прусской войной и правлением Наполеона III, они ищут ее причины в более отдаленном прошлом Франции, а также в общем развитии рабочего движения и социалистических идей. Но так как эти авторы не признают пролетарского характера революции 18 марта, они не понимают ее крупного значения и считают лишь мелким эпизодом.

Отсюда и противоречивое впечатление, которое производит книга «Война 1870—1871 гг. и Коммуна»¹³³. Это в определенной степени коллективный труд¹³⁴. В него включены большие отрывки из ранее опубликованных работ некоторых историков, две первые главы написаны Амедеем Дюнуа. Но основные разделы книги, почти все обобщения и выводы принадлежат Буржену,

¹³¹ A. Dansette. Op. cit., p. 138.

¹³² «Парижская Коммуна 1871 года», стр. 427.

¹³³ G. Bourgin. La guerre de 1870—1871 et la Commune.

¹³⁴ См. «Парижская Коммуна 1871 года», стр. 427.

которого поэтому можно считать ее автором, а не только редактором. Как известно, Буржен написал много ценных исследований по истории Парижской Коммуны, издал протоколы ее. Его вклад в изучение революционных событий 1870—1871 гг. по достоинству отмечен и оценен нашей историографией. Но в советской литературе не была освещена эволюция взглядов Буржена на Коммуну, проявившаяся в упомянутой выше последней и самой крупной его работе о ней.

Как и все работы покойного французского ученого, и эта монография содержит богатый, тщательно проверенный фактический материал; она красочно написана, снабжена свежими документами, великолепно иллюстрирована. Но по некоторым положениям и по общей своей концепции она представляет, на наш взгляд, шаг назад в сравнении с более ранними работами автора.

Первые главы посвящены истории французского рабочего движения, начиная с 1830 г. и кончая 1870 г., и деятельности Интернационала¹³⁵. Но уже с первой страницы выясняется, что такое внимание к предыстории революции 18 марта объясняется желанием доказать правоту Б. Малона, назвавшего Парижскую Коммуну третьим поражением французского пролетариата, вслед за восстанием 1831 г. в Лионе и июньскими днями 1848 г. в Париже¹³⁶. Можно понять коммунара Малона, который дал такую оценку пережитой им революции в книге, написанной в изгнании, вскоре после кровавой майской недели. Можно понять и Буржена, когда в опубликованной им в 1907 г. книге о Коммуне он выразил согласие с этой оценкой Малона, тем более, что там идет речь не об историческом значении Парижской Коммуны, а о факте ее разгрома¹³⁷. Но в своей работе 1939 г. Буржен идет дальше: он утверждает, что Коммуна сыграла отрицательную роль в истории французского рабочего класса, что «она нанесла урон социалистической и пролетарской мысли»¹³⁸. Это говорилось через двадцать с лишним лет после Октябрьской революции, т. е. после того, как история доказала, что, как правильно заметил другой французский историк Жан Мэтрон, Коммуна «была не столько третьим поражением, сколько первой победой пролетариата Франции»¹³⁹.

Раньше Буржен признавал пролетарский характер революции 1871 г., не сомневался в том, что борьба Коммуны с Версалем была классово-борьбой¹⁴⁰. Теперь он считает, что Коммуна, хотя бы отчасти, была «эпизодом в борьбе за освобождение

¹³⁵ A. Dupois. Op. cit., p. 1—48.

¹³⁶ Ibid., p. 1.

¹³⁷ См.: Ж. Буржен. История Коммуны. Л., 1926, стр. 120.

¹³⁸ G. Bourgin. Op. cit., p. 4.

¹³⁹ J. Maitron. De la Bastille au Mont-Valérien. Paris, 1956, p. 23.

¹⁴⁰ См.: Ж. Буржен. История Коммуны, стр. 10, 102.

пролетариата», но «пролетарскую тенденцию» в ней он признает лишь наряду с другими равноценными тенденциями¹⁴¹. Буржен различает в Коммуне «социальное явление» и «социальный миф»¹⁴². Книга содержит нападки на Маркса, его трактовка Коммуны объявляется схематической, неверной¹⁴³.

Оценка характера и значения Парижской Коммуны определяет и трактовку ее истоков. Буржен всегда считал Коммуну явлением специфически парижским. Вместе с тем он указывал, что парижские события были обусловлены «социальными факторами», которые могут при определенных условиях действовать повсеместно. «Главнейшее из этих условий,— писал он,— это существование значительных городских образований»^{144–147}. Следовательно, он видел причины революции 18 марта в той социальной, классовой борьбе, которая характерна для крупных промышленных центров. Поэтому он верно отмечал, что при всей сложности движения за Коммуну была одна «основная причина, его обусловившая»¹⁴⁸. Эту основную причину он усматривал в классовой борьбе последних лет империи, а также в уроках войны, революции 4 сентября и в столкновениях периода осады¹⁴⁹. Он пришел к важному научному выводу, что «парижское население неизбежно должно было прийти к Коммуне» и что «водители, сторонники идеи, самое имя и даже символ Коммуны были готовы уже к концу января»¹⁵⁰.

Однако эти верные в целом положения не были четко сформулированы и были недостаточно подкреплены фактическим материалом. В книге, изданной в 1939 г., эти положения получают как бы двойное развитие. Большой заслугой автора книги является то, что ему удалось убедительно показать рост активности и организованности рабочих масс Парижа во время осады. Специальные разделы отведены Центральному комитету 20 округов, парижским секциям Интернационала, Центральному комитету Национальной гвардии. Это дало возможность Буржену сформулировать важный тезис о том, что в первой половине марта 1871 г. «возникла революционная ситуация»¹⁵¹. При этом Буржен имеет в виду не только «республиканскую и патриотическую реакцию столицы» на политику правящих кругов¹⁵², не только возмущение капитулянтской линией правительства, которое «парадоксально именовалось Правительством Национальной

¹⁴¹ G. Bourgin. Op. cit., p. 3.

¹⁴² Ibid., p. 2.

¹⁴³ Ibid., p. 6.

^{144–147} Ж. Буржен. История Коммуны, стр. 121.

¹⁴⁸ Ж. Буржен. Парижская Коммуна, стр. 11.

¹⁴⁹ Там же, стр. 32.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ G. Bourgin. Op. cit., p. 158.

¹⁵² Ibid., p. 432.

обороны»¹⁵³, не только происки и провокации Тьера. Он говорит и о роли революционных сил. Об этом свидетельствует, например, его интересное, хотя и спорное высказывание о том, что если в день 18 марта «революция победила, в то время как движение 27—28 января (речь идет о попытках Национальной гвардии сорвать в последний момент заключение перемирия.— Я. Д.) не увенчалось успехом», то это потому, что в январе не было Центрального комитета Национальной гвардии¹⁵⁴. Разумеется, в конце января 1871 г. революция была невозможна, поскольку революционная ситуация (в узком смысле слова) возникла позже. Но то, что Буржен обуславливает успех революции степенью подготовленности и организованности революционных сил, является правильным.

С другой стороны, отказавшись от характеристики Парижской Коммуны, как пролетарского движения, Буржен отказался и от выявления главной ее причины. Он как бы склоняется к версии о множественности и равноценности факторов, обусловивших революцию 18 марта. Здесь и «стихийное возникновение» событий 18 марта в результате «психологических условий, в которых находилось тогда население Парижа»¹⁵⁵, и многое другое. Из поля зрения автора выпадает классовая борьба в осажденном Париже. Это происходит оттого, что Буржен отрицает социалистическую направленность движения за Коммуну. Он видит в революции 1871 г. повторение революции 1792—1793 гг., когда «также совпадали термины „патриот“ и „революционер“, хотя эти слова имели тогда несколько иной смысл»¹⁵⁶.

В нашу задачу не входит анализ причин, обусловивших эволюцию взглядов Буржена. Отметим лишь, что в его построениях чувствуется известное влияние таких реакционных авторов, как Ларонз и Месон, и в более общем плане обнаруживаются характерные для части мелкобуржуазных социалистов кануна второй мировой войны сдвиги вправо.

Фабинец Дж. Коул в своей пятитомной (в шести книгах) «Истории социалистической мысли»¹⁵⁷ пытается использовать и Парижскую Коммуну для критики Карла Маркса и В. И. Ленина. С его точки зрения, Парижская Коммуна не выходит за рамки старых революционных традиций Франции. Сама идея Коммуны восходит к Французской революции XVIII в., хотя в 1870—1871 гг. эта идея толковалась в Париже по-разному. Для

¹⁵³ Ibid., p. 111.

¹⁵⁴ Ibid., p. 186.

¹⁵⁵ Ibid., p. 179.

¹⁵⁶ Ibid., p. 49—50.

¹⁵⁷ G. D. H. Cole. A history of socialist thought, vol. 1—5. London—New York, 1953—1960. См. рецензию В. М. Алексеева и М. И. Пшедецкого на последние два тома.— «Новая и новейшая история», 1962, № 5, стр. 145—149.

крайне левых она означала осуществление «давно лелеемой мечты о социальной революции», но эта мечта сводилась лишь к созданию «Франции, состоявшей из кооперирующих свободных коммун»¹⁵⁸. Никто в Коммуне, утверждает Коул, не думал о социалистических преобразованиях, ничего пролетарского в ее характере не было. И если складывается впечатление, что Парижская Коммуна в основном представляла интересы рабочих, то это лишь потому, что имущие классы «бежали из Парижа или избрали в Коммуну лиц, отказавшихся участвовать в ней из-за своей вражды к революции»¹⁵⁹. Значение Коммуны в истории социализма, уверяет автор, ничтожно. Она «ускорила разрушение Интернационала»¹⁶⁰ и ничего не дала для развития социалистической мысли, так как «коммунары не имели общей теории». Маркс и Ленин, заявляет Коул, «допустили натяжку», толкуя факты так, чтобы казалось, что уроки Коммуны подтверждали их теорию¹⁶¹. Что касается причин революции 18 марта, то хотя «осада расчистила ей дорогу», но главную роль сыграл Тьер. «Коммуна пришла в жизнь,— пишет автор,— не потому, что ее заранее планировали, а потому, что когда Тьер эвакуировал из города государственных служащих, образовалась пустота, которую надо было каким-то образом заполнить»¹⁶². Это верно, что революцию 18 марта никто сознательно не готовил. Но это, конечно, не значит, что каждый раз от того или иного поведения главы правительства зависит быть или не быть революции.

Подобно другим немарксистам, Коул ссылается на различные толкования лозунга Коммуны и на разногласия в революционном лагере, чтобы доказать, что Коммуна якобы не могла быть пролетарской революцией, не могла стать носителем идеи государства нового типа, диктатурой пролетариата¹⁶³. Не вдаваясь в вопрос о разногласиях между коммунарами (между «большинством» и «меньшинством» в Коммуне), напомним лишь, что, как доказали марксистские историки, разногласия не мешали все же единству Коммуны по кардинальным вопросам ее социально-экономической политики¹⁶⁴.

В свое время К. Маркс отметил «разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение»¹⁶⁵. Но нельзя ограничиться констатацией этого очевидного факта. Дело в том, что именно в борьбе

¹⁵⁸ G. D. H. Cole. Op. cit., vol. 2 London, 1954, p. 146.

¹⁵⁹ Ibid., p. 148.

¹⁶⁰ Ibid., p. 163.

¹⁶¹ Ibid., p. 172.

¹⁶² Ibid., p. 169.

¹⁶³ Ibid., p. 146, 172.

¹⁶⁴ См., например: M. Choury. La Commune au Quartier Latin Paris, 1961, p. 160.

¹⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 345.

взглядов и толкований пробивало и пробило себе дорогу главное: стремление к Коммуне как к пролетарскому государству. В период осады и в первые недели после заключения перемирия растет популярность лозунга Коммуны и вместе с тем побеждает пролетарское понимание этого лозунга. Вот почему, когда после 18 марта Коммуна стала фактом, она приняла невиданную до этого в истории форму и содержание. «Ее настоящей тайной,— говорил К. Маркс,— было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса»¹⁶⁶.

Интересное историко-филологическое исследование Ж. Дюбуа «Политический и социальный словарь во Франции с 1869 по 1872 г.»¹⁶⁷ показывает, какой бурной ломке, каким противоречивым, меняющимся толкованиям подвергались политические и социальные термины во Франции в те годы. Так было и со словом «коммуна»¹⁶⁸. Швейцарский социалист-реформист Ш. Рис в книге «Парижская Коммуна, ее структура и доктрины»¹⁶⁹ и правосоциалистический французский историк А. Кеклен в работе «Парижская Коммуна 1871 г. в сознании ее приверженцев»¹⁷⁰ подробно проследили историю французских коммун, начиная со средних веков. Оба историка приводят высказывания различных исследователей и мыслителей¹⁷¹, останавливаются и на различных концепциях Коммуны в 1870—1871 гг. Но они не видят эволюции понятия Коммуны в тот период. «Новая Коммуна, которая ломает современную государственную власть», принимается этими историками, если прибегнуть к знаменитому выражению К. Маркса, за «воскрешение средневековой коммуны»¹⁷².

Формально-филологическое, псевдоисторическое толкование Рисом и Кекленом термина «коммуна» связано с их неверной трактовкой борьбы коммунаров, с антимарксистской направленностью их работ, уже отмеченной в нашей литературе¹⁷³. Рис считает, что нельзя рассматривать Коммуну как «пролетарское движение»¹⁷⁴: Кеклен готов признать коммунаров социалистами, но только если социализм «понимать очень широко», как общечеловеческую мечту о равенстве, а не так, как его понимает К. Маркс¹⁷⁵, другими словами, не в духе классовой борьбы.

¹⁶⁶ Там же, стр. 346.

¹⁶⁷ J. Dubois. Le vocabulaire politique et social en France de 1869 à 1872. Paris, 1962.

¹⁶⁸ Ibid., p. 65, 113, 126, 179, 264—266.

¹⁶⁹ Ch. Rihs. La Commune de Paris, sa structure et ses doctrines. Genève, 1955.

¹⁷⁰ H. Koechlin. Die Pariser Commune im Bewusstsein ihrer Anhänger. Mulhouse, 1950.

¹⁷¹ Ibid., S. 54—57; Ch. Rihs. Op. cit., p. 178—210.

¹⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 344.

¹⁷³ См.: «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 2, стр. 619—620

¹⁷⁴ Ch. Rihs. Op. cit., p. 90—93.

¹⁷⁵ H. Koechlin. Op. cit., p. 163.

С точки зрения проблемы истоков революции 18 марта работы Кеклена и Риса привлекают внимание постановкой важного вопроса о мире идей коммунаров. Но задача показать этот мир идей и раскрыть его источники не была решена этими историками.

Подведем некоторые итоги. Обзор новейшей буржуазной литературы о предыстории и истории Парижской Коммуны показывает, что при отдельных достижениях тех или других авторов в решении частных, порой важных вопросов проблема истоков Парижской Коммуны, ее отдаленных и непосредственных причин в этой литературе не была решена. Это связано в первую очередь с непониманием классовой сущности революционных событий 1870—1871 гг. во Франции, с непризнанием пролетарского характера революции 18 марта, с недооценкой Парижской Коммуны, как начала нового периода французской и мировой истории.

* * *

К. Маркс и Ф. Энгельс превратили историю в науку. Они раскрыли объективный характер причинности в исторических процессах.

Показав роль революций, как локомотивов истории, они дали анализ конкретных причин отдельных революций, а также тех общих обстоятельств, которые обуславливают вообще революции, тех общих условий, без которых победа революции невозможна. Так возникло марксистское учение о революционной ситуации, развитое В. И. Лениным. Оно остается ориентиром в революционных движениях нашего времени.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин не только раскрыли тайну революции 18 марта, характер и сущность Парижской Коммуны, но и дали анализ причин и предпосылок этой революции. Насколько велик был интерес основоположников марксизма к предыстории Коммуны, показывают не только давно известные их работы, но и такие впервые опубликованные в последние годы материалы, как выписки Маркса из газет, его наброски «Гражданской войны во Франции», протоколы Генерального совета I Интернационала, ленинский конспект книги Г. Лефрансе «Очерк коммуналистического движения в Париже в 1871 г.»¹⁷⁶

Задолго до начала франко-прусской войны К. Маркс и Ф. Энгельс видели кризис Второй империи, предсказывали близость революции, которая сокрушит прогнивший режим Наполеона III. К. Маркс и Ф. Энгельс были так уверены в неминуе-

¹⁷⁶ G. L e f r a n ç a i s. Etude sur le mouvement c o m m u n a l i s t e à Paris en 1871. Neufchatel, 1871. В заглавии своей книги, как и в самой книге, Лефрансе хотел подчеркнуть якобы коммуналистический, муниципальный характер движения за Коммуну (Разрядка моя.— Я. Д.).

мо близком крушении бонапартистского строя во Франции, что во время Базельского конгресса 1869 г. не только было решено очередной конгресс Интернационала созвать в Париже, но и обсуждалось предложение о переводе туда Генерального совета¹⁷⁷. В близком крахе Второй империи не сомневались и французские делегаты на Базельском конгрессе. Предлагая созвать следующий конгресс Интернационала в Париже 5 сентября 1870 г., они уверяли, что «через год империя прекратит свое существование». И они ведь не ошиблись: империя пала как раз накануне намеченной даты!¹⁷⁸ Через несколько месяцев после Базельского конгресса, следя за развитием событий, К. Маркс выразил предположение, что «революционная *инициатива* будет исходить, вероятно, от Франции»¹⁷⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что хотя события франко-прусской войны, в частности седанская катастрофа, ускорили революционный взрыв, само по себе свержение империи и установление республики было неизбежно, вне зависимости от войны. Это можно считать окончательно доказанным монографией Э. А. Желубовской¹⁸⁰.

Но К. Маркс не только научно предвидел ту революцию, которая на деле победила 4 сентября, он указывал на закономерность перерастания этой буржуазной революции в пролетарскую, социалистическую. «Истинным ответом Парижа на Вторую империю, империю лжи,— писал он,— была Коммуна»¹⁸¹. Вот почему именно Коммуна, по словам Маркса, «составляла истинную тайну революции 4 сентября»¹⁸². Но это, конечно, не могло быть повторением средневековых коммун или Парижской Коммуны 1792—1794 гг. Новая Коммуна не могла стать и воплощением старой идеи федеративной республики, о которой мечтали некоторые буржуазные деятели. Нет, революция, начавшаяся во Франции, говорил Маркс, «должна была устранить социальные и политические условия классового господства, на которых покоится система старого мира»¹⁸³. Коммуна, как пролетарское социалистическое государство, взялась бы за решение этой задачи. И задолго до 18 марта, выступая на заседании Генерального совета, К. Маркс предсказал, что во Франции «рано или поздно республика должна стать социальной»¹⁸⁴. В. И. Ленин также подчеркивал, что движение

¹⁷⁷ См.: «Первый Интернационал», ч. 1, 1864—1870. Под ред. И. А. Бах, Л. И. Гольмана, В. Э. Куниной. М., 1964, стр. 193, 202.

¹⁷⁸ «Парижская Коммуна 1871 года», стр. 66.

¹⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 404.

¹⁸⁰ Э. А. Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956.

¹⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 542.

¹⁸² Там же, стр. 596.

¹⁸³ Там же, стр. 590.

¹⁸⁴ Н. М. Лукин. Избр. труды, т. 3 М., 1963, стр. 18.

Коммуны должно было неизбежно получить «социалистическую окраску»¹⁸⁵.

Высказывания классиков марксизма-ленинизма дают ключ к пониманию глубоких истоков движения за Коммуну, которое развернулось в осажденном немцами Париже, истоков победы этого движения весной 1871 г. Конечно, Коммуна, которая «была неизменной целью рабочей революции»¹⁸⁶, не могла восторжествовать сразу после крушения наполеоновской империи. Об этом говорит не только сам факт захвата власти опять крупной буржуазией, но и то, что на первых порах почти весь революционный лагерь Парижа был готов принять руководство этой буржуазии в решении национальных задач, которые стояли перед Францией.

И все же, как показали дальнейшие события, не произошло повторения того, что было в июле 1830 и даже в феврале 1848 г. Главная причина этого заключается в огромных сдвигах, которые произошли в мире в целом, во Франции и в ее рабочем классе за этот период. Это как раз показано и доказано на большом фактическом материале советской и зарубежной, в первую очередь французской, марксистской историографией.

Большой заслугой Н. М. Лукина (1885—1940 гг.), заложившего основы советской исторической школы в изучении Парижской Коммуны, является то, что он первый среди историков подверг подробному марксистскому анализу историю Второй империи с точки зрения истоков не только революции 4 сентября, но и революции 18 марта. Конечно, работа Лукина¹⁸⁷, написанная сорок четыре года тому назад при отсутствии многих изданных позднее источников, отчасти устарела в конкретной ее части. Но принципиальный подход Н. М. Лукина, искавшего предпосылки революции 18 марта в росте и развитии французского пролетариата в 50—60-х годах прошлого века, стал традиционным в марксистской историографии. Укажем, для примера, что именно так к истории Второй империи вслед за Н. М. Лукиным подходил и П. М. Керженцев, автор труда, обобщающего достижения советских историков в изучении Парижской Коммуны на первом этапе общего кризиса капитализма¹⁸⁸. Рассматривается

¹⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 218.

¹⁸⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 542.

¹⁸⁷ Н. М. Лукин. Избр. труды, т. 2 М., 1952, стр. 13—134 Мы не рассматриваем этот труд подробно, как он того заслуживает, и отсылаем читателей к статье А. И. Молока о Лукине — историке Парижской Коммуны в сборнике «Европа в новое и новейшее время» (М., 1966), посвященном памяти Н. М. Лукина.

¹⁸⁸ П. М. Керженцев. История Парижской Коммуны М., 1939, стр. 9—34. Первое издание этой книги вышло в 1940 г., когда Н. М. Лукин был уже причислен к «врагам народа». Это нашло свое отражение в ряде оскорбительных выпадов по его адресу в тексте книги

этот вопрос и в коллективном труде советских историков, изданном в 1961 г.¹⁸⁹

Новый шаг был сделан в последних работах французских историков-марксистов о Парижской Коммуне, где метод, выдвинутый Н. М. Лукиным для исследования истоков революции 18 марта, применяется для изучения не только периода Второй империи, но и предшествовавших ей лет Второй республики¹⁹⁰ и Июльской монархии¹⁹¹.

Если сравнить с марксистскими исследованиями соответствующие разделы из работ немарксистских историков, например Жоржа Буржена, мы убедимся, что первые в отличие от вторых доказали начавшийся, хотя еще далеко не заверченный к моменту объявления войны с Пруссией, процесс создания основ пролетарской партии во Франции. Это положение подкреплено новыми данными и сформулировано в новейшем коллективном труде советских историков по истории I Интернационала¹⁹². Именно в этом проявляются субъективные факторы, которые наряду с объективными факторами сделали возможной во Франции сначала революцию 4 сентября, а позднее и революцию 18 марта.

Как нам думается, дальнейший важный шаг в освещении проблемы истоков Парижской Коммуны был сделан в коллективном труде советских историков, опубликованном к 90-летию революции 18 марта. В этом труде предпринята попытка показать, что приближение революционного взрыва во Франции определялось не только внутренними условиями в этой стране, но в известной мере и всем мировым развитием, ростом рабочего и демократического движения, что Парижская Коммуна была высшим достижением этого движения¹⁹³.

В рецензиях на двухтомник «Парижская Коммуна 1871 г.», появившихся в нашей печати, такой свежий подход к раскрытию коренных причин первой в истории пролетарской революции был отмечен и одобрен¹⁹⁴.

¹⁸⁹ «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 1, стр. 46—97 (автор главы — Э. А. Желубовская).

¹⁹⁰ Там же, стр. 17—29.

¹⁹¹ Ж. Дюкло. На штурм неба. Парижская Коммуна — предвестница нового мира. М., 1963, стр. 17—34; «Парижская Коммуна 1871 года»

¹⁹² «Первый Интернационал», т. 1, стр. 202, 231.

¹⁹³ А. З. Манфред. Капиталистический мир в шестидесятых годах XIX века. Подъем демократического и рабочего движения. — В кн.: «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 1, стр. 9—45.

¹⁹⁴ См., например, статьи следующих авторов: В. М. Даллин. — «Новая и новейшая история», 1962, № 5, стр. 135; С. Сказкин. — «Коммунист», 1962, № 18, стр. 119; Г. П. Морозов. — «Вопросы истории», 1963, № 2, стр. 154; К. Л. Селезнев. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 2, стр. 130.

Марксистская историография дала научный ответ и на вопрос о месте Парижской Коммуны в идейном развитии Франции. Румынский прогрессивный философ и публицист М. Раля показал роль Парижской Коммуны в борьбе «двух Франций», борьбе, которую он проследил с начала новой истории до наших дней¹⁹⁵. Парижскую Коммуну, как новый этап в развитии французской социалистической мысли, как этап на пути к марксизму, показал американский историк С. Бернштейн¹⁹⁶.

Работы марксистских ученых убеждают в том, что революция 18 марта, как пролетарская, назревала еще до франко-прусской войны. Но это не означает отрицания или умаления роли событий периода войны для взрыва и победы этой революции. Решающее значение для возникновения революционной ситуации, непосредственно вылившейся в восстание 18 марта, имели осада Парижа и недели, следовавшие после заключения перемирия. Но если с точки зрения буржуазных и мелкобуржуазных историков все сводилось к неправильной политике, ошибкам и провокациям господствующих классов, жертвой которых оказался парижский народ (прогрессивные авторы), или к нервозности и недопониманию народных масс (реакционные авторы), то с точки зрения марксистской литературы события войны подготовили рабочий класс к борьбе за власть, сплотили вокруг него мелкую буржуазию и часть средней буржуазии. Национальная измена крупной буржуазии и ее провокационная политика, с одной стороны, рост движения за Коммуну, с другой стороны, диалектически взаимодействовали в усилении революционной ситуации. Обе стороны процесса были закономерно обусловлены довоенным развитием и окончательно проявились под влиянием военных условий, как эволюция буржуазно-демократической революции 4 сентября к пролетарской революции 18 марта.

Говоря об осаде Парижа, К. Маркс отмечал значение народных выступлений тех дней. «Все снова и снова повторявшиеся рабочие восстания,— писал он,— ...представляли собой попытки заменить правительство узурпаторов Коммуной»¹⁹⁷. Но эти восстания потерпели поражение во многом из-за изоляции пролетариата. И здесь свою роль сыграли действия властей в январе—марте 1871 г., именно они помогали рабочему классу объединить вокруг себя основную массу населения столицы.

¹⁹⁵ М. Ралья. Два облика Франции. М., 1962 (особенно стр. 309—329).

¹⁹⁶ S. Bernstein. Storia del socialismo in Francia. Dall'illuminismo alla Comune, vol. 1—2. Torino, 1963, Capitolo XIII—XIV, p. 263—336. Данная работа является переводом с английской рукописи, еще не изданной на языке оригинала. В ней автор фактически отказывается от ошибочных суждений, которые он сделал в более ранней книге. (См.: S. Bernstein. The beginning of Marxian socialism in France. New York, 1933).

¹⁹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 596.

К. Маркс указывал, что капитуляция, реакционная политика Национального собрания, заговор Тьера «сплотили вокруг борьбы за Коммуну все живые элементы Парижа», не позволили реакции добиться изоляции «наиболее сознательной и революционной части рабочего класса Парижа»¹⁹⁸.

Исключительный интерес для понимания динамики классовой борьбы во время осады и после заключения перемирия представляют несколько строк из первого конспекта доклада о Парижской Коммуне, написанного Лениным в марте 1904 г. Говоря о Правительстве Национальной обороны, Ленин делает следующую запись: «Национальная оборона = вооружение рабочих = революция. Правительство народной измены.

Оборона... от парижских рабочих»¹⁹⁹.

С четкостью геометрической теоремы Ленин в этих строках раскрывает установившуюся после падения Второй империи глубокую связь между обороной Франции, вооружением рабочего класса и революцией, между национальной изменой крупной буржуазии и ее борьбой против собственного народа.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин дали научный анализ сдвигов, происходивших в Париже после 4 сентября 1870 г., подготовивших почву для взрыва и победы революции 18 марта 1871 г., для бессмертного подвига Парижской Коммуны. Но они не закрывают глаза на заблуждения и иллюзии, от которых страдал революционный лагерь Парижа, на его раздоры и ошибки, которые были преодолены лишь отчасти, которые перешли и в Парижскую Коммуну и явились одной из причин ее поражения. Так, говоря о восстании 31 октября, К. Маркс пришел к выводу, что уже тогда трудящиеся Парижа могли одержать победу, если бы не великодушие с их стороны²⁰⁰, наивное, но роковое великодушие, которое пагубно отразилось и на судьбе революции 18 марта.

Марксистская историография, конкретизируя положения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, всегда рассматривала шесть с лишним месяцев, отделявших события 18 марта от событий 4 сентября, как время, когда зарождаются и развиваются идеи и организационные формы, которые стали потом основой Парижской Коммуны. «Народные массы Парижа,— указывает, например, П. М. Керженцев,— уже в сентябре и октябре развернули целую программу требований, которые в значительной мере подготовили будущие декреты и решения Коммуны»²⁰¹. В эти месяцы будущая Коммуна все больше вырисовывается не только в программных требованиях, но и в организационных формированиях революционных сил Парижа.

¹⁹⁸ Там же, стр. 542.

¹⁹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 484.

²⁰⁰ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 540.

²⁰¹ П. М. Керженцев. Указ. соч., стр. 89.

Венцом последних было образование Центрального комитета Национальной гвардии, того органа, который стал первой революционной властью после победы восстания 18 марта. Этот Центральный комитет, как писал Н. М. Лукин, к началу марта уже был фактически «хозяином» вооруженных сил Парижа²⁰². В послевоенной марксистской историографии продолжается изучение процессов, происходивших в Париже в период между революциями 4 сентября и 18 марта, это способствует пониманию истоков Парижской Коммуны, ее близких предпосылок на фоне более отдаленных причин. Отметим некоторые из новейших достижений.

Работа Дотри²⁰³, а также другие работы марксистских историков²⁰⁴ привели к своеобразной «реабилитации» парижских организаций Интернационала. Их роль накануне Коммуны оказывается гораздо более значительной, чем считалось раньше. Большое значение имела в этой связи публикация Дотри и Шелером документов Центрального комитета 20 округов Парижа²⁰⁵. Эти документы дают возможность полнее осветить не только историю и значение этого Центрального комитета, но и Центрального комитета Национальной гвардии и секций Интернационала после 4 сентября²⁰⁶.

Более детально, во многом по-новому освещена в марксистской литературе последних лет деятельность и других массовых организаций трудящихся осенью и зимой 1870—1871 гг. Это позволило глубже оценить, например, значение народных собраний разных типов, в особенности клубов. В клубах «в известной мере были подготовлены восстания 31 октября и 22 января»²⁰⁷. Анализ выступлений на собраниях показывает, что обычный вывод о том, «будто социалистические настроения до 18 марта были слабы либо вообще отсутствовали, совершенно ошибочен»²⁰⁸.

²⁰² См.: Н. М. Лукин. Избр. труды, т. 2, стр. 227.

²⁰³ J. Dautry. Le problème nationale devant l'opinion ouvrière à la veille de la Commune de Paris.—«Cahiers internationaux», N 44, 1953, p. 47—60.

²⁰⁴ В частности, для понимания соотношения задачи национальной обороны и задач социалистического характера большой интерес представляет статья М. Н. Машкина «Идеи интернационализма во время Парижской Коммуны» («Рабочее движение в новое время». М., 1964, стр. 219—248). Здесь на конкретном материале освещен поставленный В. И. Лениным в статье «Уроки Коммуны» во главу угла вопрос об интернационализме Коммуны, о лозунге Всемирной Республики, о том, как коммунары боролись с проявлениями шовинизма и национализма.

²⁰⁵ J. Dautry, L. Scheler. Le Comité central républicain des vingt arrondissements de Paris. Paris, 1960.

²⁰⁶ См.: С. М. Маневич. Источники по истории Парижской Коммуны.— В кн.: «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 2, стр. 580.

²⁰⁷ «Парижская Коммуна 1871 года», стр. 179 (автор раздела — К. Перро).

²⁰⁸ «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 1, стр. 537 (автор главы — Ю. Шулькayнд).

Продолжается изучение экономического положения Парижа во время осады, роста нужды народных масс, социальных и идеологических проблем, вызванных этим. М. Шури в монографии «Париж был предан. Истоки Парижской Коммуны»²⁰⁹, посвященной предыстории революции 18 марта, одну из глав назвал «Голод, холод, нищета». Данные, приводимые автором, еще раз опровергают клеветнические измышления буржуазной историографии о том, что, получая по тридцать су в день, рабочие Парижа чуть ли не благоденствовали. «Тридцать су — это цена кочана капусты 20 ноября, — пишет Шури, — одного воробья — 20 декабря, головки салата или собачьего мозга — 20 января»²¹⁰. В одной недавно вышедшей книге рассказывается, например, о том, как мебельщики в дни осады были вынуждены использовать на топливо накопленные годами небольшие запасы специальной древесины²¹¹. Но нельзя забывать, что у рабочих и таких запасов не было. Шури отмечает роль продовольственно-го вопроса в распространении идей социализма, в усилении борьбы за Коммуну в период, предшествовавший революции 18 марта.

Большой заслугой новейшей марксистской историографии является то, что она решает сложные вопросы классовой борьбы в последние недели февраля и первые недели марта, которые стали непосредственным прологом революции 18 марта. Это время, когда, говоря словами Шури, «быстро зреет конфликт, который приведет к взрыву 18 марта»²¹², когда, как пишет в своей новой книге один из старейших советских историков А. Г. Слущкий, «каждый день приносил все новые доказательства существования двоевластия»²¹³, когда, рядом со слабеющим авторитетом буржуазного правительства, росло влияние народной власти, Центрального комитета Национальной гвардии. Свежие материалы, поднятые и проанализированные марксистскими учеными, дали возможность профессору С. Б. Кану четко сформулировать и показать возникновение революционной ситуации непосредственно перед 18 марта²¹⁴.

Можно считать теперь выясненной и роль ЦК НГ накануне и в день 18 марта. Некоторые буржуазные авторы не только отрицают всякую самостоятельную роль Центрального комитета Национальной гвардии, но даже обвиняют его в том, что, зная

²⁰⁹ М. Choury. Paris livré. Les origines de la Commune. Paris, 1960 (русский перевод под ред. и со вступ. статьей А. И. Молока. М., 1961).

²¹⁰ М. Шури. Париж был предан..., стр. 148.

²¹¹ См.: J. H. Prat. Histoire du Faubourg Saint-Antoine. Paris, 1962, p. 182.

²¹² М. Choury. La Commune au Quartier Latin. Paris, 1961, p. 74.

²¹³ А. Г. Слущкий. Парижская Коммуна 1871 г. М., 1964, стр. 75.

²¹⁴ С. Б. Кан. Непосредственно-революционная ситуация в Париже. — В кн.: «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 1, стр. 252—272.

о приготовлениях Тьера, он намеренно уклонялся от борьбы²¹⁵. Более того, как отмечают Э. Терсан и Ж. Дотри, эта мнимая пассивность ЦК НГ возводится некоторыми буржуазными историками в ранг добродетели, толкуется как доказательство того, что революционное народное движение должно быть стихийным, что оно не нуждается в руководстве со стороны организованного революционного ядра, тем более со стороны партии²¹⁶.

Истина заключается в том, что рабочий класс Парижа не хотел гражданской войны и кровопролития. Он надеялся мирным путем добиться своих целей. ЦК НГ, как и весь народ Парижа, был застигнут врасплох провокацией Тьера. Но на удар реакции парижский народ ответил контрударом.

«Трудящиеся Парижа,— пишет Дюкло,— оказались перед дилеммой: или позволить раздавить себя без борьбы, или же ответить на провокации Тьера. Под давлением масс и в значительной степени благодаря их инициативе решено было дать отпор Тьеру»²¹⁷.

Ответ народных масс, их отпор с самого начала носил стихийный, локальный, но не беспорядочный характер. Очень скоро в борьбу включился ЦК НГ, который и стал руководить ею²¹⁸.

Буржуазные авторы много писали об «анонимности» событий 18 марта, видели в этом признак отсутствия крупных деятелей в революционной среде в Париже. Марксисты принципиально по-иному оценивают это явление. «Анонимный или, вернее, коллективный характер событий 18 марта» отражал как раз выход на историческую арену деятелей нового типа, деятелей рабочего класса. Это были «преданные и скромные люди, которых никто раньше не знал; они действовали, когда это было нужно, а затем возвращались к своему обычному труду»²¹⁹. Это были люди «почти неизвестные до 18 марта 1871 г., но которым суждено было стать героями»²²⁰, героями Коммуны, которые, по словам Маркса, «навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса»²²¹.

Марксистская историография, разрабатывая историю Парижской Коммуны, раскрывая ее характер и значение, сумела во многом решить и проблему ее истоков. Вместе с тем, на наш взгляд, работа в этой области еще не завершена. Требуется своего дальнейшего изучения некоторые конкретные вопросы, как, например, восстание 22 января; следует глубже вникнуть в некоторые более общие вопросы, как-то: тактика бланкистов в

²¹⁵ J. A. Faucher. Op. cit., t. I, p. 158—159.

²¹⁶ См.: «Парижская Коммуна 1871 года», т. 2, стр. 134, примечание.

²¹⁷ Ж. Дюкло. Указ. соч., стр. 74.

²¹⁸ Там же, стр. 77; «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 1, стр. 286.

²¹⁹ «Парижская Коммуна 1871 года», стр. 134.

²²⁰ A. Adamov. Le Printemps 71. Paris, 1901, p. 7.

²²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 366.

1870—1871 гг., внутренняя борьба в буржуазной среде по вопросам обороны Франции²²², борьба различных концепций лозунга Коммуны и победа пролетарского толкования этого лозунга. Большой интерес представляет и вопрос о процессах, происшедших в рабочей среде на тех промышленных предприятиях, которые продолжали работать во время осады²²³.

* * *

В 1946 г. в связи с 75-летием революции 18 марта советский историк С. Б. Кан опубликовал статью о новейшей литературе по Парижской Коммуне²²⁴. Автор отметил большие достижения советской исторической науки в изучении проблем истории Коммуны. Но ему пришлось отметить лишь очень незначительный интерес к этим проблемам за пределами нашей страны. Даже в самой Франции можно было назвать тогда лишь трех исследователей, создавших серьезные труды по истории Коммуны, причем ни один из них не был марксистом.

Даже простой перечень работ о Коммуне, появившихся за истекшие с того времени годы, говорит о том, насколько возрос в мире интерес к истории первой в истории человечества революции рабочего класса. Продолжается ее изучение в нашей стране, активно и плодотворно занимаются ею ученые других стран. Появились новые талантливые историки-марксисты, специалисты по истории Парижской Коммуны и во Франции, и за ее пределами.

В XIX в., который был веком торжества капитализма, справедливо отмечает Ж. Дюкло, «Парижская Коммуна была как бы прообразом грядущего века, нашего века, века социализма, восторжествовавшего ныне на обширной части земного шара»²²⁵. И не удивительно, что все новые и новые победы сил социализма, мирового освободительного движения, достигнутые в наши дни, усиливают интерес к Парижской Коммуне, которая в программе КПСС названа первой среди «героических битв международного рабочего класса за победу коммунизма»²²⁶.

²²² Некоторые документы, интересные с этой точки зрения, опубликованы в последние годы, например: Н. Guillemin. *A vrai dire*. Paris, 1956, p. 149—169 (отрывки из дневника Жорж Санд); J. Bouvier. *Banquiers devant l'actualité politique*.—«Revue d'Histoire moderne et contemporaine», t. 5, 1958, p. 137—151 (из переписки французских банкиров в период франко-прусской войны).

²²³ Интересный фактический материал см. в статье: J. Gaillard. *Les usines Qail et les ouvriers metallurgistes de Grenelle*.—«Le mouvement social», N 33—34, 1960—1961, p. 35—53.

²²⁴ С. Б. Кан. Проблемы истории Парижской Коммуны в новейшей литературе.—«Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. 3, 1946, № 3, стр. 221—230.

²²⁵ Ж. Дюкло. Указ. соч., стр. 75.

²²⁶ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1961, стр. 3.

К 200-летию СО ДНЯ СМЕРТИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Э. К. Путьнынь

М. В. Ломоносов и античная историография

Великий русский мыслитель XVIII в. М. В. Ломоносов внес неограниченный вклад в общую сокровищницу русской науки, в том числе и в историческую науку. Он высоко ставил историю, ибо она, по его словам, увековечивает народы. «Мрамор и металл,— коими вид и дела великих людей изображенные всенародно возвышаются, стоят на одном месте неподвижно и ветхостию разрушаются. История, повсюду распростираясь и обращаясь в руках человеческого рода, стихии строгость и грызение древности презирает»¹. Историк своими трудами должен «дать бессмертие множеству народа»².

Для того, чтобы достигнуть высоты исторических знаний и не быть простым пересказчиком событий, Ломоносов требовал от историка высокой теоретической подготовки, знания философии, красноречия, умения работать с документами, делать теоретические выводы. «Из наблюдений устанавливать теорию,— писал Ломоносов,— через теорию исправлять наблюдения есть лучший всех способ к изысканию правды»³.

В работе Ломоносова над проблемами русской истории последнее место заняла античная историография. В § 33 «Проекта регламента Академии наук» он писал, что историк должен работать «по примеру древних степенных историков, каков был у римлян Ливий, Тацит», подчеркивая при этом, что это дело «не всякому историку посильное, ибо таковых не много было во всех народах, на всей памяти человеческого рода, ибо для того требуется сильное знание в философии и красноречии»⁴

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6. М.—Л., 1952, стр. 171.

² Там же.

³ Е. С. Бибииков. Слово о Ломоносове. М., 1961, стр. 25.

⁴ Там же.

Значение античных источников особенно было оценено Ломоносовым, когда он вел исследование древнейшего периода истории России. Он обнаружил белые пятна на карте истории из-за отсутствия необходимых сведений у «внешних» писателей.

Одним из главных вопросов в русской истории, решаемых Ломоносовым, был славянский вопрос. Великий русский ученый поставил перед собой задачу — разобрать вопрос о древности и автохтонности происхождения славян и их роли в истории древнего мира. Наиболее известными представителями исторической науки России середины XVIII в., стремившимися выяснить происхождение славян, были Байер — руководитель кафедры греко-римских древностей Академии наук и его последователь Миллер. Они разрабатывали и популяризировали норманистскую теорию. Так, Миллер «пытался доказать, что варяги уже за много веков до Рюрика подчинили Россию своей власти», что термин «рус» скандинавский и принят славянами от завоевателей — варягов или норманнов, явившихся якобы организаторами русской государственности⁵.

Ломоносову предстояло развенчать эту антинаучную теорию норманистов на основе широкого изучения и привлечения всех имеющихся в его распоряжении материалов. Греко-римская история оказалась в центре внимания Ломоносова при исследовании проблемы славянства. В отличие от Ломоносова «Миллер лишь бегло трактовал высказывания древних и средневековых авторов о славянах и россах,— писал комментатор сочинений Ломоносова,— а в основном стремился опираться на скандинавские саги (изложенные Саксоном Грамматиком и Снорре Стурлезоном), которые использовал некритически, придавая им значение достоверных исторических источников»⁶.

Изучение вопроса Ломоносов начал со скифской проблемы. Он упрекнул Миллера, отвергавшего мнение, что скифов «почитать должно за первоначальных жителей в наших нынешних селениях»⁷. В качестве доказательства древности скифов Ломоносов привел факты из античной истории: «...скифы,— сообщал он,— Дария, персидского царя, Филиппа и Александра, царей македонских, и самых римлян не утрашили, но великие им отпоры чинили и победы над ними одерживали»⁸. В древнейшие времена скифам принадлежали обширные территории на юге России; Ломоносов доказал это, приведя сведения из труда Геродота. Начал Ломоносов с анализа мифа о происхождении

⁵ Г. Г. Фруменков. М. В. Ломоносов — основоположник русской исторической науки. М., 1960, стр. 10.

⁶ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 550—551; см. также: М. А. Алпатов. Труды М. В. Ломоносова.— В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 1. М., 1955, стр. 196.

⁷ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 21.

⁸ Там же.

скифов. Затем, руководствуясь историей Геродота, изложил походы, совершаемые скифами, и обратил внимание на смешение скифов с другими народностями, на неоднородность скифов. Исходя из сообщения Геродота, Ломоносов доказывал, что скифы не принадлежат к славянам: «К подтверждению сего служит, что амазоны скифского языка не разумели, следовательно, свойственный скифский язык не был славянский. И мидский царь Киаксар отдавал скифам малых детей учиться говорить их языком, откуда явствует, что и корень славянского языка, то есть мидский, со скифским не сходствовал»⁹.

Итак, народы, отнесенные Ломоносовым к славянским,— амазоны, миды, не понимали скифского языка, следовательно, скифы не являются предками славян. Однако участие скифов в становлении славянского народа Ломоносов признал.

Исследования советских историков подтверждают, что какая-то часть скифов ассимилировалась со славянами, доказательство этому — некоторые скифские следы в русском языке¹⁰. Труды советских историков подтверждают мнение Ломоносова о неоднородности скифов и то, что некоторые из них, например скифы-пахари, могли быть предками славянского народа¹¹.

В связи с необходимостью выяснения отношений чуди к славянам предметом специального рассмотрения стал вопрос о чуди и о скифах. Критически изучив сообщения Геродота, Ломоносов пришел к заключению, что чудь — одна из народностей, относящихся к скифам, а поэтому и не входящих в состав славянских племен. «Не остается сомнения,— писал Ломоносов,— что чудские поколения суть от рода подлинных древних скифов». Впоследствии при расселении чуди часть ее смешалась со славянами, а другая часть отошла на север и восток.

Естественно, вопрос о времени появления славян и русского народа волновал историка Ломоносова. Причем точка зрения Ломоносова по славянскому вопросу резко расходилась с мнением норманиста Миллера. В этой связи Ломоносов рассматривал вопрос о происхождении слов «руссиан» и «русские» и считал, что народы, названные этим словом, берут начало от известного античным авторам «древнего народа, жившего между Днепром и Доном»¹² и называвшегося роксоланами. Ломоносов отмечал, что с таким толкованием вопроса Миллер не согласен и в споре Миллер требовал доказать: «1) как имя роксоланы

⁹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 199.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь.— «Советская этнография», 1947, № 6—7, стр. 327; «История СССР», ч. 1, 1956, стр. 36.

¹¹ Б. А. Рыбаков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 22; Н. С. Державин. Славяне в древности. М., стр. 14—15; А. Д. Удадьцов. Основные вопросы этногенеза славян.— «Советская этнография», 1947, № 6—7, стр. 5.

¹² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25.

переменилось на имя россияне, 2) как роксоланы перешли к северу, 3) каким языком роксоланы говорили»¹³⁻¹⁴.

Ставя вопросы Ломоносову, Миллер полагал, что они останутся без ответа из-за отсутствия нужных доказательств. Но Ломоносов вызов принял и привел свои доказательства.

При определении территориального расселения роксолан Ломоносов ссылался на «Географию» Страбона (кн. 2), в которой говорится, что «за Днепром живут древнейшие из известных скифов, роксоланы, далее стужа жить не пропускает» и в другом месте (кн. 7): «Роксоланы живут далее всех к северу, на полях между Днепром и Доном, далее живет ли кто, не знаем»¹⁵.

Таким образом, сведения, сообщаемые Страбоном, позволили Ломоносову определить местожительство роксолан между реками Доном и Днепром, а затем к северу до районов «большой стужи». Чтобы дополнить сообщения Страбона, Ломоносов обратился к труду Целлария¹⁶. «Целларий,— писал Ломоносов,— хотя и полагает далее в севере амаксоевев, иппофагов и прочих, однако из самых сих греческих имен явствует, что ими называли греки роксоланских же народов по их разным обычаям...»¹⁷

Следовательно, Целларий подтверждает сообщения Страбона о территории, занятой роксоланами, хотя у него не встречается слово «роксоланы». «Амаксоеви» и «иппофаги», о которых говорит Целларий, являются, по мнению Ломоносова, отдельными племенами роксолан, отличающимися друг от друга лишь обычаями, которые позволили древним грекам назвать их по-разному.

Установив местожительство предков славян — роксолан, Ломоносов начал изучать историю происхождения слова «роксоланы» и вопрос о том, как оно превратилось в слово «россияне» или «русские». Происхождение самого слова «роксоланы» Ломоносов связывал с языком древних греков. Он писал: «Литеры S переменяют иногда аттики на ξ, то не видно, что изречения роксоланы сделалось у греков ροξολανε, а слово роксоланы не больше разнится от россияне, как только окончанием по разности языков»¹⁸. В замечаниях на диссертацию Миллера Ломоносов вновь отметил, что «россы по-гречески называются роксоланами»¹⁹.

В своих доказательствах происхождения слова «роксоланы» Ломоносов не ограничился только языковой стороной вопроса,

¹³⁻¹⁴ Там же, стр. 26.

¹⁵ Там же, стр. 27.

¹⁶ Целларий. Представление о древних странах или полная география.

¹⁷ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 27.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

а привел и другие доказательства. Он привел сообщения историков Греции и Рима и показал, как они сами раскрывали слово «роксоланы». Ломоносов начал свои доказательства с приведения выдержек из труда Плиния Старшего. «С роксоланами соединяются у Плиния аланы в один народ сарматский»²⁰ (кн. 4, гл. 12, 25). «Роксоланы у Птоломея,— писал Ломоносов,— переносным сложением называются аланорсы (кн. 6, гл. 14). Имена аорсы и роксана или россана у Страбона точное единство россов и аланов утверждают»²¹. Анализируя фактический материал из греко-римских источников, Ломоносов показал, что писатели античности делили роксолан на россов и алан. Примерно такого же толкования придерживается Целларий: «что сие слово (т. е. роксоланы.— Э. П.) может быть составлено из двух — россы и аланы»²². Для определения местонахождения «россов» Ломоносов пользуется киевским «Синописом», согласно данным которого народ этот жил между Днепром и Доном.

Таким образом, Ломоносов стремился показать, что славяне — древнейший народ и их происхождение не следует вести от скифов или варягов. Так, античные источники позволили Ломоносову в противовес норманистам сделать попытку в решении сложного вопроса о происхождении славян.

Советские историки признают за Ломоносовым первенство в постановке проблемы о роксоланах. Он положил начало обоснованию автохтонности восточных славян и национальной природы Русского государства. Некоторые исследования советских историков показали, что имеются факты, подтверждающие высказывания Ломоносова о происхождении русского народа от роксолан. «Новый пересмотр исторических источников,— говорит С. П. Толстов,— позволяет также подкрепить гипотезу Ломоносова. Если отправляться от исторических свидетельств, говорящих о роксоланах, и двигаться дальше, то нить исторической преемственности между Русью и роксоланами не прерывалась ни на один век»²³.

Наиболее уязвимой стороной теории Ломоносова является категоричность его утверждения, что роксоланы являются славянским племенем. По этому поводу проф. Толстов замечает: «Для нас роксоланы не славянские руссы, но руссы, одни из предшественников славянских руссов, одни из участников того большого культурного и политического строительства, которое завершилось созданием Киевского государства»²⁴. О связи роксолан с образованием восточного славянства говорит «целый ряд

²⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 26, 209.

²¹ Там же, стр. 209.

²² Там же, стр. 26.

²³ С. П. Толстов. Из предыстории Руси.— «Советская этнография», 1947, № 6—7.

²⁴ Там же, стр. 54.

этнических образований древности и первых веков нашей эры, как: роксоланы, россоманы, аорсы и др.»²⁵.

При решении проблемы происхождения русской народности и ее названия Ломоносов допустил ошибку, доказывая, что слово «руссы» образовалось от слова «роксоланы» путем изменения «роксолан» в «россаны» и т. д. В поисках древнейших славян Ломоносов допустил неточность, зачислив сарматов в число славян. Сарматы — кочевые ираноязычные племена, жившие с VI в. до н. э. до III—IV вв. н. э.²⁶ Данная неточность является результатом слабой осведомленности греко-римских писателей о народах, живших на северо-востоке и востоке и оставивших в своих сочинениях неточные сообщения.

Перед Ломоносовым открылось противоречие между древностью славянских племен и поздним проникновением слова «славяне» на страницы трудов греко-римских писателей. Прежде всего он сам фиксировал факт: «Имя славенское по вероятности много давнее у самых народов употреблялось, нежели в Греции или в Рим достигло и вошло в обычай»²⁷. А затем он отметил дату появления этого слова в литературе. «Имя славенское поздно достигло слуха внешних писателей и едва прежде царства Юстиниана Великого»²⁸. Следовательно, слово «славяне» стало встречаться в литературе не раньше первой половины VI в. н. э., хотя «сам народ и язык простираются в глубокую древность»²⁹.

Правильность решения Ломоносовым вопроса о происхождении славян и слова «славяне», насколько это было возможно при тогдашнем уровне науки, признается современной советской историографией³⁰. Но обнаружившееся противоречие поставило новую проблему перед исследователем — искать среди древнейших народов и других носителей славного имени «славяне», кроме россов, аланов и роксолан.

Для дальнейшего изучения проблемы древнейшего славянства Ломоносов вновь обратился к греко-римским источникам. Он исследовал сообщения Плиния Старшего о вентах^{31—32}. Ломоносов проделал скрупулезную работу по собиранию материалов, раскрывающих историю поселения венетов (вентов). Плиний писал (кн. 6, гл. 1), что «за рекою Виллиною страна Пафла-

²⁵ В. В. Мавродин. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. М., 1958, стр. 30.

²⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 23—29; Н. С. Державин. Славяне в древности, стр. 6—8; «История СССР», ч. 1. М., 1956, стр. 35.

²⁷ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 178.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Б. Г. Кузнецов. Творческий путь Ломоносова. М., 1961, стр. 113; Б. Д. Греков. — «Историк-марксист», 1940, № 11; Г. С. Васецкий. Мироззрение М. В. Ломоносова. М., 1961.

^{31—32} М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 179.

гонская, Пилименскою от некоторых проименованная, сзиди окружена Галатиею. Город милезийский Мастия, потом Кромна. На сем месте Корнелий Непот присовокупляет енетов и единоименных им венетов в Италии от них происшедшими быть утверждает». Используя данные Плиния, Ломоносов полагал, что в далекой древности на малоазийском побережье жили венеты, которые затем переселились в Европу. Из этого, как полагал Ломоносов, Плиний и Непот сделали вывод о родстве азиатских венетов с европейскими.

Далее Ломоносов ссылался на древних авторов, которые в своих произведениях разделяли точку зрения Плиния и Непота о родстве азиатских и европейских венетов. «Непоту после согласовался Птоломей (кн. 4, 12), хотя прежде иного был мнения. Согласовался Курций (кн. 3, гл. 3), Солин (гл. 44), Катон тоже понимает, когда венетов, как свидетельствует Плиний (кн. 3, гл. 19), от троянской породы производит»³³. Отсюда видно, что Птоломей придерживался иного взгляда. Приведя новые доказательства, Ломоносов ссылался еще на свидетельства Курция, Солина и Катона, хотя и не привел их непосредственные высказывания.

Далее Ломоносов пытался разгадать причины, заставившие венетов переселиться в Европу. Как и когда это произошло? Для этой цели он обратился к Титу Ливию: «Все сие великий и сановитый историк Ливий показывает и обстоятельно изъясняет (кн. 1, гл. 1). „Аntenор,— писал он,— пришел по многих странствиях во внутренний конец Адриатического залива со множеством енетов, которые в возмущение из Пафлагонии выгнаны были и у Трои лишились короля своего Пилимена: для того места к поселению и предводителя искали. По изгнании еванеев, между морем и Альпийскими горами живших, енеты и трояне одержали оные земли. Отсюда имя селу — Троя, народ весь венетами назван“»³⁴.

Таким образом, изучение процесса переселения венетов на территорию Европы является прямым продолжением исследования проблемы происхождения славян. Переселение венетов происходило двумя направлениями — по морю и по суше.

Ломоносов высказывал предположение: «И весьма вероятно, что после одного (т. е. первоначального переселения.— Э. П.) по разным временам и случаям многочисленные их однородцы из Пафлагонии помянутым путем или по Черному морю и вверх по Дунаю к ним и в их соседство перешли жить»³⁵.

Высказывая такое предположение, Ломоносов, по-видимому, учитывал историю греческой колонизации, когда между метрополией и колонией связь не прерывалась. Значит, продвижение

³³ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 179.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 188.

племен с востока на запад могло продолжаться и в дальнейшем, и этому он нашел косвенное подтверждение в античных документах: «Подтверждается сие,— писал Ломоносов,— во-первых, тем, что венеты весьма широко распространялись по северному и восточному берегу Адриатического залива и по землям, при Дунае лежащим; второе, что Пафлагония после того от времени до времени умалилась и, наконец, между главными землями в Азии не полагалось, ибо уже у Птолемея (кн. 5, гл. 3) почитается как малая часть Галатии»³⁶. Любопытно, что Ломоносов заметил в работе Птолемея новое название района, прежде именовавшегося Пафлагонией,— место жительства венетов. И это изменение было использовано им в качестве доказательства переселения и расселения венетов по обширным западным районам. Таким образом, здесь античные источники позволили Ломоносову определить целое направление в переселении народов из Азии в Европу.

Рассмотрев вопрос о древнейшей родине венетов и их переселении в Европу, Ломоносов изучил их этническую принадлежность. По мнению Ломоносова, венеты относятся к славянскому племени. Он писал: «Венды и анты, соединяясь со сродниками себе славянами, умножали их силу»^{36а}. Эта же мысль прослеживается в другом высказывании Ломоносова. «Единоплеменство сих народов (т. е. венетов, славян, антов.— Э. П.) не только нынешнее сходство в языках показывает, но и за тысячу двести лет засвидетельствовал Иорнанд, оставив известие, что „от начала реки Вислы к северу по безмерному пространству обитают многолюдные вендские народы, которых имена хотя для разных поколений и мест суть отменны, однако общие славяне и анты называются“»³⁷.

О местах пребывания венетов Ломоносов нашел указания также у Птолемея: «Птоломей во втором столетии по Христе полагает вендов около всего Вендского по ним проименованного залива, то есть около Финского и Курландского»³⁸. Ломоносов считал, что высказанное утверждение находит подтверждение также у Плиния, который «свидетельствует, что в его время около Вислы обитали венды и сарматы»³⁹.

Следовательно, используя данные Птолемея и Плиния, Ломоносов установил определенные хронологические рамки для венетов — I и II вв. н. э., а также занимаемую ими территорию. Кроме того, Ломоносов полагал, что эти столетия были временем наиболее интенсивного расселения венетов от Вислы до

³⁶ Там же.

^{36а} Там же, стр. 176.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

Финского залива, Дуная и Черного моря, на территориях, которые занимают современные славяне.

В доводах по этому вопросу особняком стоит сообщение Тацита в его работе о германцах. «Хотя Тацит сомневался о ведах,— писал Ломоносов,— к сарматам ли их, или к германцам причислить, к чему подали ему повод жившие тогда между немцами, как и ныне, венды, затем больше склонял их к последним, однако вышеописанные свидетельства несравненно сильнее уверяют»⁴⁰.

Мнение Ломоносова, что венды являются славянским народом, а не германским, полностью соответствует взгляду современной исторической науки⁴¹. Только надо заметить, что венды и венеты — разные названия одного народа, причем первое слово немецкого происхождения.

«Другой путь был из Мидии севером,— писал Ломоносов,— около Черного моря, к западу и далее на полночь, когда сарматы, от мидян происшедшие, из задонских мест далее к вечерним странам простирались, что из вышеписанного по правде заключить должно»⁴². Свои рассуждения о двух путях переселения Ломоносов заключил выводом: «Все сие доказывает движение славенских поколений от востока на запад пространными нашими землями, по северу около Понтийского моря. Таким образом, простираясь уже паки к полудни, соединились с однородцами своими, переселившимися южною дорогою, и во многие веки составили разные славенские поколения, отменив наречия и нравы по сообщению с иноплеменными народами, с которыми в переселениях обращались»⁴³. К славянам Ломоносов причислял и иллирийцев. Основанием служило сообщение Нестора о том, что в Иллирике «жили славяне и что обитавшие около Дуная, убегая насильного владения нашедших и поселившихся меж ними римлян, перешли к северу, на Буг, Вислу, Днепр, Двину и Волхов»⁴⁴. Кроме того, Ломоносов привел дополнительные данные из Плиния: «Уже свидетельств довольно; но сверх того Плиний объявляет, что ему названия иллирических народов выговорить трудно. Яснее доказательство, что ни от греческого, ни от латинского языка взяты, в коих он, без сомнения, был искусен. Города многие издревле показывают славенский голос, с делом согласный, и возводят вероятность на высочайшую степень»⁴⁵. Для косвенного подтверждения пребывания иллирийцев на юге Европы Ломоносов использовал материалы Геродо-

⁴⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 176—177.

⁴¹ См.: В. В. Мавродин. Образование русского национального государства. М.—Л., 1939, стр. 20—23; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 10—12; Н. С. Державин. Славяне в древности, стр. 7—9.

⁴² М. В. Ломоносов. Поли. собр. соч., т. 6, стр. 188.

⁴³ Там же, стр. 188—189.

⁴⁴ Там же, стр. 203.

⁴⁵ Там же, стр. 182.

та. «В южной Европе древность и могущество славян из Геродота явствует, который венедов с иллирианами за один народ почитает и обыкновения их, мидским подобные, описует, чем показанное выше сего единородство подтверждается»⁴⁶.

К славянским народам Ломоносов относил и антов, проживающих к северу от Черного моря. Анты, по мнению Ломоносова, являются более поздними венетами, поскольку в результате этногенеза венеты разделились на две основные группы — славян и антов. В советской историографии данная точка зрения находит поддержку⁴⁷.

Третье направление в расселении славян Ломоносов назвал северным, причем он пользовался не античными источниками, а русскими, лишь вскользь говорил здесь о «внешних» писателях.

Сведения, собранные Ломоносовым о венетах, антах, роксоланах, сарматах, позволили исследователю решительно выступить против норманистов и утверждать, что славяне — народ автохтонный, который «больше полуторых тысяч лет стоит почги на одной мере, и для того помыслить невозможно, чтобы оное в первом после Христа столетии вдруг расплодилось до толь великого многолюдства, что естественному бытия человеческого течению и примерам возвращения великих народов противно»⁴⁸.

Пусть отдельные детали, названия племен, имена легендарных деятелей, сообщаемые Ломоносовым на основе данных античных памятников, не соответствуют действительности с точки зрения современной науки, но в основе утверждение Ломоносова, что значительная часть Европы была заселена славянами и что процесс их расселения был длительным, тоже поддерживается советскими учеными⁴⁹.

В числе вопросов, изучаемых Ломоносовым в рамках проблемы автохтонности происхождения славян, находился и вопрос о происхождении русского народа. Ломоносов назвал огромные пространства, которые были заселены славянами и где звучал славянский язык: «Язык славенский во времена Руриковы,— писал он,— а по свидетельству российских летописей и много прежде оного, простирался в длину с востока от реки Дона и Оки на запад до Иллирика и до реки Альбы, а шириню с полудни от Черного моря и от реки Дуная до южных берегов Варяжского моря, до реки Двины и до Бела-озера; ибо им говорили чехи, лехи, мошава, поморцы или померанцы, славяне по Дунаю, сербы и славенские болгары, поляне, бужане,

⁴⁶ Там же, стр. 181.

⁴⁷ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь.— «Вестник древней истории», 1939, № 1, стр. 337; А. Д. Удадьцов. Основные вопросы этногенеза славян.— «Советская этнография», 1947, № 6—7, стр. 12—13.

⁴⁸ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 178.

⁴⁹ Г. Г. Фруменков. М. В. Ломоносов — основоположник русской исторической науки, стр. 12; см. также: БСЭ, т. 39, стр. 291—292, 306.

кривиги, древляне, новгородские славяне, белозерцы, суждальцы и проч.»⁵⁰

Ломоносов глубоко проник в понимание истории становления народов и языков. В заключение исследования о русском народе и русском языке Ломоносов сделал вывод: «Рассуждая о разных племенах, составивших Россию, никто не может почестъ ей в унижение. Ибо ни о едином языке утвердить невозможно, чтобы он с начала стоял сам соою без всякого примешиванья. Большую часть оных видим военными беспокойствиями, переселениями и странствованиями в таком между собою сплетении, что рассмотреть почти невозможно, коему народу дать вящее преимущество»⁵¹. Как происходило смешение языков, так происходило и смешение рас.

Принимая за основу положение, что Россию заселяли многочисленные племена, принимавшие участие в образовании русского народа, Ломоносов особенно выделил в этом процессе роль восточных славян и чудского народа, говорившего на древнефинском языке. «Обои народы одержали великое участие в обширном сем земель пространстве. Словенское владение возросло с течением времени... Чуди часть с ними соединилась, часть, уступив место, уклонилась далее к северу и востоку»⁵². Таким образом, в населении России Ломоносов усматривал славяно-чудскую этническую основу. Доказательство участия чуди в образовании русского народа видел он и в том, что в русском языке и поныне сохранились многие чудские слова, а в восточных и северных краях — чудские названия рек и городов. Процесс слияния чуди со славянами рассматривался Ломоносовым как весьма длительный. Советская историческая наука подтвердила эти выводы Ломоносова.

Рассмотрев историю происхождения славян как автохтонного народа, насколько это позволили греко-римские источники, и многочисленные этнические группы, принимавшие участие в становлении славянства, Ломоносов в специальной главе «Древней Российской истории» остановился и на отдельных сторонах внутренней жизни славянских племен, при анализе которой проявил большую реалистичность в суждениях.

Общественная и культурно-бытовая жизнь славян показана Ломоносовым достаточно полно по данным византийского историка Прокопия Кесарийского о славянах, живших по Дунаю. Ломоносов обратил внимание на общественный строй славян VI в., подчеркнув, что они еще не имели единодержавного строя, а жили «под общенародным повелительством» и не имели оформившейся государственной власти со всеми присущими ей уч-

⁵⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 28—29.

⁵¹ Там же, стр. 174.

⁵² Там же, стр. 173.

реждениями. По сообщению Прокопия, жили славяне этой группы «в убогих хижинах, порознь, рассеянных, и нередко с одного места преселяются на другое»⁵³.

Исследуя разнообразные взаимоотношения славян с соседними государствами, Ломоносов привел сведения Прокопия, который писал, что славяне в войне с римлянами захватывали тысячи пленных⁵⁴. Пленные превращались в рабов, а наличие рабов у отдельных владельцев создавало экономическое неравенство и стремление славян к господству над соплеменниками. Славяне в VI в. находились на грани возникновения государства. Как писал Ф. Энгельс, они находились на высшей ступени варварства⁵⁵.

Ломоносов использовал 33-ю книгу Прокопия для изучения верования придунайских славян. Советские и зарубежные археологи подтвердили правильность точки зрения Ломоносова, выработанной на основе сообщения Прокопия, но, естественно, расширили эти сведения.

Значительное внимание Ломоносов уделил отношению славянских народов к Римской империи, показав историческое значение активной борьбы славянских народов против могущества Римской империи, за уничтожение господства Рима над угнетенным населением провинций. Этой же проблемы коснулся Ломоносов в споре с Миллером о происхождении слова «славяне».

Подводя итог по вопросу об изгнании Римом славян с Дуная, поднятому Миллером, Ломоносов писал: «Итак, явствует, что, ненавидя римского ига и любя свою вольность, славяне искали оной в странах полунощных, которою единоплеменные их пользовались, в местах пространных, по великим полям, рекам и озерам»⁵⁶.

Ломоносов много раз обращал внимание на столкновения славянских племен с греческими и римскими армиями. Вернее, это были еще не славяне, а их предки — роксоланы, сыгравшие важную роль в образовании восточных славян. В замечаниях на диссертацию Миллера Ломоносов писал: «Страбон (кн. 7) пишет, что роксоланы воевали против генералов Митридата, царя Понтийского»⁵⁷. К этому же вопросу Ломоносов возвратился в своем большом труде по русской истории.

Проследивая далее борьбу роксолан с армиями соседних государств, Ломоносов делал вывод, что «роксоланы, разбив часть римского войска, ворвались в Мизию»⁵⁸.

⁵³ Там же, стр. 183.

⁵⁴ Там же, стр. 192.

⁵⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1937, стр. 205.

⁵⁶ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 190.

⁵⁷ Там же, стр. 28.

⁵⁸ Там же, стр. 212.

Следовательно, Ломоносов на основе данных античных писателей показал, что роксоланы в I в. н. э. имели такую силу, что вторгались в римские придунайские владения и наносили чувствительные удары Римской империи. Этому благоприятствовали «междоусобные несогласия и кровопролития» в римском государстве.

Гражданские войны в Риме не прошли незамеченными для Ломоносова. Он писал о последствиях гражданских войн. В период войн под руководством Цезаря и Помпея многие итальянцы ушли на север страны и осели на землях славян.

Говоря о переселении римлян на север, Ломоносов обратился и к польскому историку Матвею Меховскому, который писал, что «в Пруссию переселилось много римского народу и разделилось по Пруссии, Литве и Жмуди. Знатнейшие места, где идолов почитали, по своему отечеству Ромовы называли»⁵⁹. Кроме того, Ломоносов пользуется и языковым материалом. Он считал, что о нахождении римлян на севере можно заключить и из того, что «в остатках древнего прусского языка, то есть в употребительном и в некоторых прусских деревнях, также в Курляндии, Жмудии и Литве, весьма много слышано слов латинских»⁶⁰.

Опираясь на эти сведения, Ломоносов пытался опровергнуть и эти утверждения норманистов — он говорил о происхождении Рюрика от Августа. Такое предположение Ломоносова никакими свидетельствами не могло быть подтверждено.

Ломоносов обратил внимание на волнения в римском войске, в частности, он писал, что «когда Адриан, кесарь римский, услышал, что король роксоланский негодует о убавлении найму его войску, в том его удовольствовал»⁶¹. Отсюда следует, что наемниками были и роксоланы. Сведения о роли роксолан во взаимоотношениях с Римом исчезают только в IV в. н. э. А в IX в. на территории роксолан появился «весьма славен народ русский, который и росс назывался»⁶². Однако, в понимании Ломоносова, исчезновение сведений у античных авторов о роксоланах не означает их исчезновения с лица земли. Он писал: «Имя роксолан по сем времени писателям среднего веку известно было купно с гетами или готами. Ермонарик, король остготский, за храбрость свою по завладению многими северными народами сравнен был от некоторых с Александром Великим, имел у себя войско роксоланское и за свирепство от роксолан лишен жизни»⁶³.

Показав борьбу предков славян — роксолан с Римской империей, Ломоносов описал борьбу славян с Римом в период падения античного мира и становления раннего средневековья.

⁵⁹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 211.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 28.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, стр. 212

В трудах Ломоносова имеется ряд высказываний о значении славянских племен в разрушении могущественного римского государства. Ученый не был согласен с утверждением некоторых историков о том, что славяне пришли с севера и их нельзя поэтому смешивать с иллирийцами. Ссылки этих историков на Прокопия и Иорнанда Ломоносов оценил как «слабые спорных мыслей основания»⁶⁴. Он считал, что Иллирик — территория древних славян, которую они в свое время покинули, не желая быть в рабстве у римлян. А когда славяне заметили «римлян ослабление, старались возвратиться на прежние свои жилища?»⁶⁵. Как одну из причин обратного передвижения славян с севера на юг Ломоносов выставлял месть славян римлянам за обиду предков. Причина заключалась, конечно, не в жажде мести.

Общественный строй славян к концу V века н. э. достиг высшей ступени варварства: «когда богатство соседей возбуждает жадность у народов,— писал Энгельс,— которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей... грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд»⁶⁶.

VI век в истории славян являлся временем, когда о них полным голосом заговорили в соседних государствах: «могущество сего народа не токмо во Фракии, в Македонии, в Истрии и в Далмации было страшно, но и к разрушению Римской империи способствовало весьма много»⁶⁷. Свои суждения Ломоносов основывал на сообщениях Прокопия и Иорнанда. Славяне совершали набеги на Римскую империю также и с целью завоевания земель.

Повествование Прокопия, приведенное Ломоносовым, показывает, что вооруженные силы славян в VI в. представляли для армии Юстиниана грозную силу. «Прежде ж сего ни к стенам приступить, ни в поле выступить не дерзали, никогда не смели чинить набегов на Римскую империю и до того времени, кажется, никогда через Дунай-реку не переходили»⁶⁸.

Известия о широких наступательных действиях славян Ломоносов находил и у Иорнанда. «Иорнанд,— отмечал Ломоносов,— о гетах пишучи, говорит, что ныне славяне за грехи наши везде нас разоряют, что было в шестом веку. Григорий Великий, папа римский, к епископам в Истрию пишет: „Истинно для славянского народа, который на нас наступает, весьма сокрушаюсь и смущаюсь: сокрушаюсь о том, что вашу болезнь сам претерпеваю;

⁶⁴ Там же, стр. 181.

⁶⁵ Там же, стр. 182.

⁶⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 157.

⁶⁷ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 176.

⁶⁸ Там же, стр. 38.

возмущаюсь о том, что они через Истрию уже и в Италию вступают⁶⁹».

Жалоба папы римского Григория Великого на славян означает, что славяне продолжали завоевывать и заселять все новые территории и приобрели такую силу, что начали угрожать не только Италии, но и «Царюграду». Подводя итоги походам славян, Ломоносов писал: «Таковы суть знатнейшие свидетельства походов славенских на Римскую державу»⁷⁰.

Таким образом, в противовес Миллеру, писавшему о слабости славян, Ломоносов, основываясь на сообщениях Прокопия и Иорнанда, показал активные наступательные действия славян в конце V — начале VI в. против Римской империи.

Античные литературные памятники позволили Ломоносову выдвинуть еще одно доказательство возросшей силы и славы славян: они не только сами предпринимали походы против Рима, но и приглашались участвовать в походах других народов. «К доказательному умножению славенского могущества немало служат походы от севера готов, вандалов и лонгбардов. Ибо хоть их по справедливости от славенских поколений отделяю, однако имею довольные причины утверждать, что немалую часть воинств их славяне составляли; и не токмо рядовые, но и главные предводители были славенской породы. Итак, ныне довольно явствует, коль велико было славенское племя уже в первые веки по рождестве христове»⁷¹.

Ссылаясь на сочинения Прокопия (кн. 3, гл. 35), Ломоносов делал вывод: «Нет сомнения, что в войнах готских, вандалских и лонгбардских великое сообщество и участие геройских дел приписывать должно славянам»⁷².

Доводы Ломоносова опровергали концепцию Миллера, стремившегося несправедливо умалить роль славян в становлении русского государства и их большие заслуги в историческом развитии человечества.

Говоря о Ломоносове как исследователе, следует подчеркнуть его глубокое понимание исторических источников для освещения любого периода истории человеческого общества вообще. При изучении древнейшей истории славянства Ломоносов убедительно показал значение греко-римских источников. обстоятельное изучение античных источников позволило Ломоносову прийти к столь глубоким научным выводам о происхождении славянства и их общественном строе, о происхождении русского народа, о роли славян во всемирной истории. Ломоносов подверг критике норманиста Миллера именно за его ненаучный подход к источ-

⁶⁹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 38.

⁷⁰ Там же, стр. 194.

⁷¹ Там же, стр. 178.

⁷² Там же, стр. 194.

никам и прежде всего к греко-римским, за то, что Миллер желаемое выдавал за действительность.

Ломоносов положил начало прогрессивному, демократическому направлению в античной историографии, которое было воспринято и развито дальше Радищевым, а затем великими революционными демократами — Герценом, Белинским, Добролюбовым и Чернышевским. Огромный авторитет Ломоносова-ученого оказал определенное влияние на воззрения последующих поколений историков.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

Член-корр. АН СССР

А. В. Ефимов

С. М. Соловьев как историк международных отношений

Труды С. М. Соловьева, как зачинателя изучения в России новой истории Запада, не потеряли своей актуальности и в наше время. Одной из больших трудностей при изучении его трудов по новой истории является то, что монография С. М. Соловьева, посвященная международным отношениям, — «Император Александр I. Политика. Дипломатия» не имеет ни одной подстрочной ссылки на использованные автором источники и литературу. Для того, чтобы ответить хотя бы на некоторые вопросы об авторах, труды которых использовал С. М. Соловьев в упомянутом выше исследовании, мы обратились к библиотеке С. М. Соловьева, хранящейся в качестве одного из неразделенных фондов в фундаментальной библиотеке им. А. М. Горького. Ознакомление с этим фондом оказалось тем более полезным, что на полях использованных С. М. Соловьевым книг оказались пометки историка.

Результат историографического изучения труда Соловьева «Император Александр I» был в 1945 г. опубликован нами в виде статьи в четвертом номере журнала «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии».

В настоящее время, в связи с возросшим интересом советского читателя к трудам Соловьева, который можно объяснить не только переизданием его основного труда («История России с древнейших времен»), но и усилившимся вниманием к вопросам международных отношений, изучение исследования замечательного русского историка о внешней политике России в начале XIX в. становится особенно целесообразным.

Сергей Михайлович Соловьев принадлежит к тем историкам, творческий путь которых весьма интересен. После тщательной подготовки в Московском и зарубежных университетах он

в 1845 г. дебютировал своей магистерской диссертацией «Об отношениях Новгорода к великим князьям», а уже через два года защитил докторскую диссертацию: «История отношений между князьями Рюрикава дома». Руководя кафедрой русской истории в Московском университете в течение 30 лет, будучи избран в деканы и ректоры университета, С. М. Соловьев с 1851 г. издавал свой труд «История России с древнейших времен». В течение 30 лет ежегодно выходил в свет очередной том этой замечательной работы, написанной главным образом по архивным материалам. Исключительно организованный, до педантичности аккуратный, С. М. Соловьев, кроме названных трудов, опубликовал еще ряд исследований по истории международных отношений, по русской и западноевропейской историографии и, кроме того, написал замечательный для своего времени учебник русской истории для средней школы и курс новой истории для студентов.

Мгновенная смерть застала его за рабочим столом.

С. М. Соловьев собрал, критически проанализировал и систематизировал огромный фактический материал по истории России и всеобщей истории, ему принадлежит много интересных, оригинальных концепций. Благодаря своим обширным знаниям и замечательному таланту он давал глубокие и верные решения ряда исторических проблем, но во многих случаях ограниченность и консервативность классового мировоззрения мешали ему изображать историю адекватно самому историческому процессу. Особенно важно учесть отрицательное отношение Соловьева к революциям, причем в одних случаях он отдавал предпочтение либеральным реформам, в других — сохранению существующих порядков.

О С. М. Соловьеве, начиная с В. О. Ключевского, писали много, но преимущественно как об историке России. В этом плане, в основном, написана Л. В. Черепниним весьма ценная вводная статья к 15-томному советскому изданию «Истории России». Между тем очень важно ознакомление с теоретической концепцией международных отношений у С. М. Соловьева и применением этой концепции с ее сильными и слабыми сторонами в историческом исследовании. Эта сторона научного творчества Соловьева до сих пор не привлекла внимания его критиков. Между тем своими работами по новой истории и исследованием роли России в системе государств С. М. Соловьев внес много нового в понимание всего исторического процесса в целом.

В области новой истории С. М. Соловьев получил подготовку во время пребывания в Германии и во Франции в 1840—1843 гг. Обладая колоссальной работоспособностью, он сумел, помимо огромного количества сведений по истории России, приобрести и систематически пополнять свои познания в области истории Запада. Наибольшее впечатление из русских ученых на него произвел Т. Н. Грановский, у которого С. М. Соловьев слушал сред-

невековую и новую историю, и наряду с ним Эверс. Костомаров «больше подействовал на чувство Соловьева, чем на его ум». Из западных ученых на Соловьева большое влияние оказали: «Вико и Гегель, с одной стороны, а также и Гизо». Он одобрительно отозвался о Минье и внимательно прочел «Dix ans d'études historiques» Тьерри (Paris, 1842)¹. Отметим, что С. М. Соловьев был лично знаком с крупными славянскими учеными — Ганкой, Шафариком и Палацким.

Прежде чем перейти к изучению труда Соловьева «Император Александр I»², мы позволим себе сделать небольшое отступление и привести несколько примеров замечательно выразительно, сжатого стиля этой работы. Вот один из ярких образцов.

«Войско отступало — это в порядке вещей. Наполеон привык, чтобы неприятельское войско отступало перед ним. Но тут... небывалое, немыслимое дело! Столица отступила, Москва ушла! Громаднейший, яркоцветный город лежит пустой, мертвый во всей своей печальной красе... Скоро показываются дым и пламя, неведомые руки жгут Москву»³.

Или об Австрии: «В Вене понимали, что пестрая австрийская монархия вся состоит из слабых мест»⁴. И наконец, блестящая характеристика императора австрийского Франца II:

«Франц не любил войны и в мирное время не любил военных упражнений: тут было много движения, шума, блеска; все это

¹ На полях книги, принадлежавшей С. М. Соловьеву, сохранились карандашные надписи, сделанные его рукой. Эти надписи говорят о том, что при изучении средневековых институтов Западной Европы С. М. Соловьев сопоставлял их с такими же институтами феодальной Руси. Когда, например, Тьерри поставил вопрос о происхождении слова «konig», Соловьев высказал предположение, что это слово имеет славянское происхождение или является родственным славянскому.

² По истории международных отношений в новое время Соловьевым написано следующее: соответствующие разделы «Истории России с древнейших времен» (СПб., б. г.), «История падения Польши» (М., 1863) — результат почти 20-летних исследований по архивным источникам, цикл статей «Западная Европа в конце XVIII в.» («Русский вестник», т. 38, 39, 62—64, 1862, кн. 4, 5, 6, 11, 1863, кн. 2, 3). В известной мере эти статьи по своему содержанию совпадают с частями книг «История падения Польши», «Император Александр I». По содержанию своему к труду «Александр I», кроме статьи «Поццо ди Борго и Франция», примыкают и статьи «Восточный вопрос пятьдесят лет назад» («Древняя и новая Россия», т. 1, 1876) и «Восточный вопрос в 1827—1829 гг.» (там же, т. 3). Однако последние две статьи значительно шире по своей тематике, чем соответствующие части исследования «Император Александр I». В известном смысле является связанной по своей тематике с «Александром I» статья, охватывающая значительно более поздний период, — «Россия, Австрия и Англия во время движений 1848—1849 гг.» («Русская старина», т. 3, № 11, 1877), в которой весьма интенсивно использованы четырехтомные мемуары Одилона Барро. Кроме того, имеется «Курс новой истории» С. М. Соловьева (ч. 1. М., 1869; ч. 2, 1873; второе издание вышло в 1898 г.).

³ С. М. Соловьев. Император Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1877, стр. 230.

⁴ Там же, стр. 393.

способнее было возбуждать, чем успокаивать. Другое дело канцелярия, там все тихо, спокойно и правильно; бумага составляется, прочитывается, докладывается, занумеровывается, подписывается и передается законному правильному течению: течет тихо, плавно, спокойно, медленно, величаво, своим появлением в известных местах возбуждает тихое, спокойное движение переписки, отписки; наконец, бумага совершает свой путь и впадает в море-океан бумажный. Течение бумаги окончено, дело сделано. Какое дело? — спрашивают. Но такие вопросы могут поднимать только идеологи»⁵.

Сопоставление текстов С. М. Соловьева показывает, что, вопреки высказанному в литературе мнению⁶, не вся работа «Император Александр I» была написана в начале Балканской войны 1877—1878 гг. Если книга и вышла в конце 1877 г., то ряд ее составных частей был опубликован ранее⁷.

В написанной в обстановке балканского кризиса 60-х годов работе «Император Александр I» уделено особенно большое внимание историческим корням взаимоотношений между Австрией, Пруссией и Англией, с одной стороны, и Россией — с другой.

Основной вопрос в историографическом плане — это вопрос о новом, внесенном каждой работой в науку как в отношении привлеченных материалов, так и в освещении проблем. Если говорить о материалах, то работа «Император Александр I», особенно в ее первой части — «Эпоха коалиций», почти целиком построена на источниках, в значительной мере еще не опубликованных. Когда С. М. Соловьев обратился к тогдашнему директору архивов, сыну известного военного историка, Александру Генриховичу Жомини, тот отказал Соловьеву в допуске в архивы, заявив, что Тьер уже написал все, что следовало, о Наполеоне и Александре I. Соловьев возмутился и через голову Жомини добился разрешения работать в архиве. Но кроме этих изучен-

⁵ Там же, стр. 194.

⁶ См.: Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 317.

⁷ В состав работы «Император Александр I» входит, с некоторыми изменениями, ряд статей: «Венский конгресс» («Русский вестник», т. 5, № 1, 1865), «Эпоха конгрессов» («Вестник Европы», т. 3—4, 1866; т. 1—4, 1867).

Вторая часть книги была в основном написана не в 1877 г., а в 1865—1867 гг. Что же касается раздела о первой половине царствования Александра I (примерно до 1814 г.), то статьи по этим вопросам печатались Соловьевым в «Вестнике Европы» (№ 5, 8, 10, 11, 1877) несомненно ранее, чем была издана монография. Из этого следует, что книга «Император Александр I» вышла не раньше декабря 1877 г. К тому же, это издание юбилейное, приуроченное к 12 декабря 1877 г. — столетней годовщине со дня рождения Александра I. Сравнение текста статей в «Русском вестнике» и «Вестнике Европы» и монографии «Император Александр I» показывает, что наибольшему изменению подверглась при включении в книгу статья «Венский конгресс», помещенная в пятом томе «Русского вестника» за 1865 г.

Статьи, помещенные в «Вестнике Европы» за 1866—1867 гг. под общим заглавием «Эпоха конгрессов», почти без изменений воспроизведены в труде «Император Александр I».

ных им архивных материалов. он широко использовал и опубликованные источники. В качестве примера укажем, что о Генце Соловьев в работе упомянул всего лишь несколько раз, но, цитируя его донесения, использовал свыше десятка томов различных публикаций материалов самого Генца или относящихся к нему⁸. Таким образом, работа С. М. Соловьева об Александре I является исследованием, в основном построенным на анализе источников, главным образом официальным характером. Еще до появления труда Сореля «Европа и французская революция» С. М. Соловьев дал очерк европейских международных отношений начала XIX в.

При оценке научного труда имеет значение общая направленность автора. Если говорить о западных влияниях, то ни Тьер, ни Арман Лефевр с их культом бонапартизма не повлияли на концепцию Соловьева. Он скорее ближе к Сегюру и Ланфре — антибонапартистским авторам. При этом Соловьев ни в какой мере не оказывается под влиянием франкофильской точки зрения этих авторов, связанной с их несколько невежественно-пренебрежительной оценкой исторической роли России. Между тем именно этот порок присущ в различной степени как работам этих авторов, так и трудам менее значительных историков — поклонника Ришелье Альфонса Поабля (A. Poable), автора «Resumé de l'histoire de Russie» (Paris, 1825) или же австрийского историка Беера (A. Beer), автора «Zehn Jahre österreichischer Politik» (Leipzig, 1877), возвеличивающего роль Австрии. Не оказали существенного влияния на Соловьева и труды военных историков Клаузевица, Жомини и Шарраса, так как вообще военной историей Соловьев занимался очень мало. С М. И. Михайловским-Данилевским С. М. Соловьев существенно расходился в своих оценках.

Книгу «Император Александр I» С. М. Соловьев написал как юбилейную, к столетию со дня рождения Александра I, и общий его тон в отношении императора — положительный. Он признает его крупным дипломатом, что трудно оспаривать, но во второй части книги Соловьев идет по пути идеализации Александра I и его политики и некоего официального философского оправдания принципов Священного союза. Однако пиетет Соловьева перед Александром I не безусловный. В юбилейной книге, к слову сказать, в отличие от работ Бутурлина, Михайловского-Дани-

⁸ a) De Gentz. Dépêches inédites au hospodars de Valachier. Publication par le comte Porkesch-Osten, t. 1. Paris, 1876; t. 2, 3, 1877.

b) «Tagebücher von Friedrich von Gentz», Bd. 1, 1861; Bd. 4, 1874.

c) «Briefe von F. von Gentz an Pilat». Hrsg. von D-r K. Mendelssohn-Bartholdy, Bd. 1. Leipzig, 1867; Bd. 2, 1868.

d) «Aus der alten Registratur der Staatskanzlei. Briefe politischen Inhalts von und zu Fr. von Gentz (1799—1827)». Hrsg. von C. R. Klekowstrow. Wien, 1870.

e) «Aus dem Nachlass F. von Gentz», Bd. 1. Wien, 1867; Bd. 2, 1868.

левского и Богдановича, не посвященной царю, Соловьев заявил, что Александр I не имел никаких военных талантов. Аустерлиц Соловьев в одном отношении считал даже положительным событием. «Об Александре I говорили,— писал Соловьев,— что император Александр возвратился после Аустерлица более побежденный, чем его армия. Он считал себя бесполезным для своего народа, потому что не имел способностей начальствовать войсками, и это его чрезвычайно печалило»⁹.

В «Записках» Соловьева, составленных не для опубликования, содержится резкая критика самодержавных порядков Екатерины I, Александра I, Николая I и Александра II, но они не дают решительно никаких оснований для причисления его к радикалам. Соловьев был умеренным либералом при Николае I и консерватором при Александре II. У Соловьева весьма отрицательное отношение к деспотизму Николая I, но реформы Александра II он встретил с ограниченным сочувствием, причем крайне сожалел о нарушении «интересов» (т. е. собственности) помещиков, особенно в северных губерниях. Уяснение классовых позиций С. М. Соловьева поможет нам ответить на вопрос о том, почему при его таланте и огромных знаниях он не мог прийти к правильному и последовательному разрешению поставленных им исторических и теоретических проблем.

* * *

С. М. Соловьев, ученик Грановского и гегельянца Крюкова, был лично знаком с Герценом, несомненно читал Белинского и Чернышевского. Влияние передовых русских мыслителей того времени — Герцена, Добролюбова, Чернышевского, Писарева и их современников-единомышленников — не могло не наложить известного отпечатка на метод Соловьева. В ряде случаев он шел к вскрытию диалектики исторических явлений, и отнюдь не мистическому, как у Гегеля, а реалистическому. Вот несколько примеров: «По известному закону,— писал С. М. Соловьев в «Императоре Александре I»,— всякая новизна встречает сопротивление в старом»¹⁰. По поводу роспуска «Бесподобной палаты» в 1816 г. историк заключает: «Необходимое следствие слабости — употребление сильных, крайних средств»¹¹. Проследившая связь частей и целого, С. М. Соловьев видел, что одно и то же явление в различных условиях ведет к различным результатам. Так, в Пруссии национальное движение вело только к поднятию ее значения, а в Австрии — к усобице и разложению монархии.

С. М. Соловьев считал, что Наполеону «оставалось одно средство для новой неосвященной власти сохранять вполне свою

⁹ С. М. Соловьев. Император Александр I..., стр. 102—103.

¹⁰ Там же, стр. 431.

¹¹ Там же, стр. 383.

силу — это постоянно отвлекать внимание народа от внутреннего к внешнему...»¹². Положение Бонапарта во Франции толкало его к войнам. «Бонапарт... по самому положению своему для поддержания этого положения должен был вести постоянные войны»¹³. Соловьевым сформулирована идея двойного отрицания в его характеристике наполеоновских войн, порабовавших народы и порождавших их отпор. Он писал: «Каждая война, оканчивавшаяся успехом завоевания, порождала необходимо новую войну, усиливая обиду, увеличивая число обиженных, раздраженных»¹⁴.

Наибольший интерес для понимания методологии С. М. Соловьева дает его анализ международных отношений. Здесь уместно привести слова, которые любил повторять Наполеон I и привел Соловьев: «Во всяком деле надобно сначала найти методу, всякая трудность преодолевается, если найдена настоящая метода, как поступать». Исследуя международные отношения, С. М. Соловьев придавал большое значение методу этого изучения.

Обращаясь к анализу международных отношений у Соловьева, мы видим, что неоднократно и не случайно им ставилась проблема внешнего и внутреннего. Во времена Соловьева эти термины в применении к общественной жизни были в ходу. Писал о внешнем и внутреннем, например, Кавелин, но в специфическом плане: под внутренними учреждениями Кавелин понимал юридические учреждения, быт, а под внешними — политическую историю. Соловьева же проблема внешнего и внутреннего интересовала в плане развития системы государств. При этом у Соловьева следует различать теоретическую формулировку концепции и ее практическое применение в исследовании.

Теоретически в наиболее развернутом виде эта концепция сформулирована в «Наблюдениях над исторической жизнью народов». И сама работа, в которой развернута эта концепция, и характер ее с бесспорностью говорят о знакомстве Соловьева с «Философией истории» Гегеля. Подобно отдельному человеку, писал Соловьев, целые народы «живут жизнью домашнею или внутреннею и жизнью общественною. Известно, что такое народ, живущий вне общества других народов. Застой — удел народов особо живущих; только в обществе других народов народ может развивать свои силы, может познать самого себя»¹⁵.

В этом отрывке дана концепция общественной жизни народов и личностей и утверждается, что удел народов, живущих вне общества, — застой. Тут, можно полагать, отразились современные Соловьеву реакционные представления об «изолированной жизни» восточных народов и о «застое» малокультурных наро-

¹² С. М. Соловьев. Император Александр I..., стр. 7.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ С. М. Соловьев. Собр. соч. СПб., б. г., стр. 1125.

дов и реакционное гегелевское разделение народов на исторические и неисторические. В основе этой концепции лежит влияние известного гегелевского представления о внешней силе. По Гегелю, мировой дух — движущая сила истории — определяет развитие избранных народов. Соловьев относил идею о возможности «застоя» в развитии народов к неевропейским народам.

Что же касается европейских народов, обязанных, по Соловьеву, своим великим значением именно тому, что они живут общей жизнью, то к ним применяется другой теоретический критерий: «...из признания тесной связи между внешней и внутренней жизнью народа и взаимного влияния их друг на друга не следует, что одной надобно отдавать преимущество перед другой. Историк не может не останавливаться долго на дипломатических сношениях, потому что в них выражается общественная жизнь народа. Толкуя о прошедшем, не будем забывать настоящего, которое так помогает объяснению прошедшего: не будем забывать, как мы теперь волнуемся вопросом о войне или мире, как важные внутренние дела останавливаются в ожидании этого страшного вопроса внешнего». Эти строки писались в обстановке обострения восточного кризиса и назревавшей войны. «И после этого мы не дадим важного значения истории войн...»¹⁶, — заключает историк и указывает, какое огромное значение имеют войны для внутренней жизни народа, истоящая или возбуждая народные силы, лишая народ его значительного места в системе государств или, напротив, усиливая его значение. Как видим, в отношении европейских народов С. М. Соловьев уже не высказывается о примате внешнего или внутреннего. Историк отмечает, что, если обширная государственная область хорошо защищена природными границами, «внутренний процесс развития совершается правильнее», «спокойнее», но, с другой стороны, это грозит застыванием в известных выработанных формах цивилизации, грозит потерей способности к дальнейшему движению¹⁷, «при открытых границах народ отстаивает независимость для уравнивания себя в средствах борьбы с другими народами...», должен «...спешить приобретениями этих средств, быстрее должного вытягиваться в росте своем, что не может не иметь также вредных последствий для организма государственного»¹⁸.

Таковы исходные теоретические позиции С. М. Соловьева в вопросе о международных отношениях. Большое значение, однако, имеет применение Соловьевым этих принципов в конкретно-историческом исследовании, а иногда и практический отказ от этих принципов — за счет более адекватного действительности изображения хода исторического процесса.

¹⁶ Там же, стр. 1126.

¹⁷ Опять влияние реакционнейшей концепции Гегеля, заключающейся в том, что отсутствие войн приводит народы к «загниванию».

¹⁸ С. М. Соловьев. Собр. соч., стр. 762.

По вопросу о примате внутреннего или внешнего С. М. Соловьев высказался более определенно в своем изложении исторического развития России, правильно утверждая, что развитие России определялось ее внутренними силами.

В предисловии к первому тому «Истории России с древнейших времен» он выдвинул следующее программное положение: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм; не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда»¹⁹.

Здесь Соловьев выдвинул задачу не только восстановить связь событий, разорванную забвением или неправильным объяснением фактов, но и дать картину единства синхронных исторических явлений, в частности, вскрыть единство внутреннего и внешнего.

Соловьев отмечал, что норманское влияние и монгольское завоевание — явления «внешние» или «наружные», не оказавшие решающего влияния на ход русской истории. Как указывал он, норманны сами подчинились более высокой культуре Руси, а монголы вообще мало повлияли на внутреннюю жизнь Руси и не изменили ее существа. Соловьев отмечал, что в истории России основную роль сыграло ее внутреннее развитие. В то же время он придает большое значение борьбе Руси со степью.

* * *

Исходным положением С. М. Соловьева в его рассуждениях о системе государств является та мысль, что в истории неоднократно имели место случаи соединения «сил остальных держав против державы, стремящейся к преобладанию посредством так называемой коалиции». Таким образом, с самого начала С. М. Соловьев различал два вида коалиций — такую, которую составляет сильная держава, стремящаяся к преобладанию, и такую, которая образуется для отпора агрессивной коалиции. В данной статье трудно проследить генезис идеи коалиции. Отметим только, что аналогичные положения содержатся, например, у Фридриха II в его «*Mémoires de Frédéric II, roi de Prusse, écrits en français par lui-même*» (Paris, 1766) и у Гегеля в «Философии истории».

С. М. Соловьев мастерски изложил историю коалиций и войн России с наполеоновской Францией и борьбы России со своими

¹⁹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, стр. I.

же союзниками за более тесный и прочный союз. При этом вдумчивый историк понимал, что одни коалиции обречены на провал, другие — имеют шансы на победу. Неудача сопутствовала Австрии и Пруссии в 1792 г., так как они больше думали не о победе над Францией, а о том, чтобы союзник от этой победы, чего доброго, не усилился. Понятно, что такая коалиция, представлявшая картину постоянных трений между союзниками, была обречена на неудачу. В конце концов Пруссия, всегда плохой союзник, предательски заключила отдельный мир с Францией в Базеле (1795 г.), пожертвовав интересами Германии²⁰.

Заметив, что в Англии могли найтись люди, которые говорили, «зачем нам вмешиваться в дела континента, море спасает нас от опасности со стороны тамошних завоевательных стремлений»²¹, и что в России могли быть противники вмешательства в европейские дела потому, что Франция далеко и не нападает, С. М. Соловьев писал: «...отдаленность и не такая, как отдаленность Франции от России, не спасала народов от нашествия завоевателей...»²².

В статье «Венский конгресс» Соловьев правильно отметил: «...на карте Франция была далеко от России, но стоило только взять в соображение состояние государств, находящихся между Россией и Францией, чтобы прийти к заключению, что Франция очень недалеко от России, что эти две страны почти граничат друг с другом, и события 1812 г. доказали как нельзя лучше справедливость этого заключения»²³.

Историк-реалист, С. М. Соловьев показывал, при каких условиях складываются и действуют коалиции успешные. «Коалиции и при лучших отношениях между союзниками удаются тогда, когда коалиция, ее цель для них на первом плане, когда все счета по частным интересам они откладывают до времени совершенного достижения этой цели, когда идут прямо к ней, не озираясь на стороны»²⁴. Особенно важным С. М. Соловьев считал такое положение: «Неизменное правило справедливости требует, чтобы выгоды, приобретаемые каждым союзником при торжестве общего дела, были пропорциональны его усилиям и величине пожертвований»²⁵.

В своем анализе европейских коалиций С. М. Соловьев, вооруженный замечательным знанием истории России, прекрасно понимавший ее огромную роль в системе государств, совершенно правильно утверждал, что «без России никакая коалиция,

²⁰ См.: С. М. Соловьев. Император Александр I..., стр. 10.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ С. М. Соловьев. Венский конгресс.— «Русский вестник» т. 5, 1865, стр. 388.

²⁴ С. М. Соловьев. Император Александр I..., стр. 9.

²⁵ Там же, стр. 291.

если бы и была возможна, то не была бы опасна для Наполеона». Историк видел, что в 1812 г. судьбы Европы были решены в России: «Судьбы Европы решались на отдаленном Востоке,— писал С. М. Соловьев,— ...вести, приходившие оттуда, были вести жизни или смерти европейской независимости»²⁶.

Вопрос о коалициях — это частный вопрос более общей проблемы о системе государств и так называемом европейском политическом равновесии. С. М. Соловьев рассматривал всю совокупность современных ему государств как систему; изучая ее возникновение и противоречивое развитие, он исследовал развитие системы международных отношений. У него это развитие системы государств происходит в борьбе их между собой. Рассматривая систему европейских государств, он показывал, как великие державы боролись за влияние в слабых государствах. Но Соловьев не видел, что каждое капиталистическое государство стремится стать центром своей колониальной системы, что капиталистическое общество развивается в борьбе между собой нескольких колониальных систем.

О системе государств писали многие до Соловьева. Писал, например, Руссо, который полагал, что если в Азии и Африке народы объединены только номинально, только тем, что живут в одной части света, то Европа, исключая магометанскую Турцию, образует «реальное общество, имеющее свою религию, свои нравы, свои обычаи и даже свои законы. Ни один из народов, составляющих это общество, не может из него устраниваться, не вызвав этим тотчас замешательства (расстройства)»²⁷.

Связь между изменениями в различных звеньях единой системы государств С. М. Соловьев прослеживал с большим мастерством. Он видел эту связь между событиями в различных концах Европы. Так, он понимал, что Тильзит и переворот в Испании связаны между собой, «как причина со следствием». Именно потому Наполеон начал завоевание Пиренейского полуострова, что Тильзитским миром он обезопасил себя с Востока и обеспечил завоевание Испании.

Мысли Соловьева о системе государств заслуживают большого внимания. Так, Соловьев показывал, что могущество Наполеона I было сокрушено на полях России в 1812 г., — и он глубоко прав. Именно в России и именно в 1812 г., а не в Бельгии, в 21 км от Брюсселя, в 1815 г. был положен конец агрессии наполеоновской Франции. Но С. М. Соловьев не пришел к мысли о том, что в России в 1812 г. была разрешена старая, упорная, кровавая тяжба между Англией и Францией за первенство на морях и в колониях.

²⁶ С. М. Соловьев. Император Александр I..., стр. 233.

²⁷ J.-J. Rousseau. L'extrait du projet de paix perpetuelle de M. l'Abbé de Saint-Pierre, 1761. Oeuvres complètes, t. VII, 1790, p. 352—353.

С. М. Соловьев понимал связь между состоянием системы государств и революциями. С конца XVIII в. континентальные государства связаны вследствие революционного движения, отмечал С. М. Соловьев. Он воспринимал революционные движения не как случайные, разрозненные явления, а как некоторую систему; в 20-х годах «революционное движение, видимо, обходило Европу», писал он в своей работе «Император Александр I»²⁸.

Большое внимание С. М. Соловьев уделял понятию «европейское равновесие». Конечно, механически воспринятое понятие равновесия держав принесет историку мало пользы, но этим понятием практически оперировали дипломаты, начиная с Вестфальского мира. В тексте Утрехтского мирного договора 1713 г. содержится самый термин «политическое равновесие», и он безусловно имел важное реальное содержание. Это понятие может быть несомненно полезным и плодотворным, если понять равновесие лишь как весьма условную аналогию, перенесенную из физики в мир общественных отношений, как движение медленное, накапливающее потенцию для внезапного и скачкообразного изменения, для скачка, который называется нарушением равновесия. Понятие системы государств и их политического равновесия может быть плодотворным лишь тогда, когда речь идет не только о взаимном соотношении государств, составляющих определенную систему, но и о внутреннем их положении, о специфике их общественных, классовых отношений. Так, революция в каком-либо из этих государств может нарушить равновесие, так же, например, как и война, начатая независимо от какой бы то ни было революции. Политическое равновесие может быть нарушено и национально-объединительными движениями — такими событиями, как нидерландская или американская революция, образование Итальянского королевства или Германской империи.

Характерная черта политического равновесия в том, что сильные государства относятся друг к другу не только непосредственно, но и через посредство всей системы государств, в том числе и слабых, причем борьба за нарушение и восстановление равновесия идет не только путем военных захватов и присоединения слабых государств, но и путем дипломатической борьбы и борьбы органов разведки за влияние внутри них. С. М. Соловьев пытался ставить эти проблемы и решал их иногда более удачно, иногда примитивно и неверно. Вот его концепция взаимоотношений России и остальной Европы: «Россия, за исключением немногих чрезвычайных положений, постоянно относится к Европе посредством Восточного и Польского вопросов»²⁹.

²⁸ С. М. Соловьев. Император Александр I..., стр. 428.

²⁹ С. М. Соловьев. Собр. соч. СПб., б. г., стр. 906.

Главные силы в Европе — Россия и Франция. Было бы правильно добавить в качестве третьей основной державы Англию. Но С. М. Соловьев, по недооценке ее экономического значения, этого не делает³⁰. Объекты европейского равновесия, по Соловьеву, — это Швеция, Польша, Турция, которые Франция хочет использовать против России. Объектами этого равновесия могут быть и остальные государства Европы. В связи с проблемой равновесия естественно встает вопрос — выгодно ли иметь слабых соседей.

В «Курсе новой истории» С. М. Соловьев возражал против мысли Монтескье о том, что иметь слабых соседей выгодно. Он говорил, что «если соседнее государство, клонящееся к падению, представляет опасность само по себе, то по слабости своей оно может усилить другого соседа, который захочет увеличить свои средства за его счет, — другие соседи не могут этого позволить, и, таким образом, падающее государство становится предлогом постоянной борьбы между ними»; и далее следует интересная мысль: «его слабостью (т. е. слабостью падающего государства. — А. Е.) уничтожается пространство, разделяющее сильные государства, по его поводу они приходят в постоянные столкновения друг с другом, следовательно, существование между ними слабого государства не приносит им никакой выгоды, напротив, граница непосредственно друг с другом, они имели бы менее причин к вражде...» «Вообще нельзя полагать большого счастья для государства в слабости соседей, — добавлял историк, — ибо самое верное ручательство для государства состоит не в чужой слабости, а в собственной внутренней силе»³¹.

На вопрос о пользе или вреде слабых соседей не дали правильного ответа ни Монтескье, ни С. М. Соловьев. В подобной ситуации имеются и положительные, и отрицательные стороны — какая же из них является решающей, это определяется конкретными историческими условиями в каждом случае особо. Положительное же заключается в самой постановке вопроса о внутренней противоречивости ситуации при наличии слабых соседей.

В цели настоящей работы не входит и не может входить задача исчерпывающего раскрытия теоретических влияний, которые могли сказаться в понимании С. М. Соловьевым природы, характера, сущности международных отношений. Это — самостоятельная и весьма сложная задача. Вообще проблемой исторического развития представлений о сущности международ-

³⁰ Изучение экономики наполеоновских войн и, в частности, выявление роли Англии было произведено в капитальных трудах акад. Е. В. Тарле: «Континентальная блокада» (1913 г.) и «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона» (1915 г.), которые внесли много нового в общую концепцию наполеоновских войн.

³¹ С. М. Соловьев. Курс новой истории, ч. 2. М., 1873, стр. 168—169

ных отношений историки не занимались — ей уделяли внимание теоретики международного права, рассматривая вопрос попутно, вскользь, в связи с проблемой генезиса норм международного права. Мы оставляем в стороне концепцию о «божественном, естественном и позитивном» характере международных отношений, выдвинутую юристом XIV в. Ольrado де Понте, или учение Энгельберта Адмонтского, в трактате которого «*De ortu progressu et fini Romani Imperii*», изданном впервые в Базеле в 1553 г., источником международного права признается не римское право и не канонический закон, а право, «вытекающее из природы и разума», «право естественное»³². В данной работе нет возможности остановиться на попытках вскрыть природу международных отношений, которые делались французскими кальвинистами Ланге и др., а также Гуго Гроцием, Гоббсом, Локком и Вико. Но все же мы остановимся, хотя бы и кратко, на вопросе о влияниях на Соловьева по данной линии, ибо анализ концепции Соловьева будет не только неполным, но и далеко не плодотворным, если обойти вопрос о понимании им *сущности* международных отношений. Если говорить о названных выше авторах, то для всех них характерно, что они исходят из мысли, по которой *отношения между государствами покоятся на основе естественного права*, т. е. диктуются общими «неизменными» свойствами человеческой природы. В других случаях к этому добавляется идея разумных начал, вытекающих из этой «неизменной» человеческой природы. Вместе с тем, за малым исключением (например, некоторые немецкие государственеды), все теоретики стремятся вырваться из круга категории *естественного права* и раскрыть *общественный* характер международных отношений. Это было успешно выполнено К. Марксом, но учение К. Маркса непосредственно Соловьеву известно не было.

На поприще, более обширном, чем одно государство, Соловьев видел движение, столкновение «народных личностей» и в «Курсе новой истории» даже дал психологическую характеристику «народных личностей»³³.

Суть, конечно, не в психологических характеристиках «народных личностей» — это лишь художественное оформление концепции, отражающей влияние психологической школы в истории. Суть дела здесь в самой концепции, в том, что народ, государство в плане международных отношений — это личность. Такое представление отнюдь не случайно. Оно имеется у Руссо, которого читал Соловьев. По мнению Руссо, вместе с образованием одного человеческого общества образовались и другие.

³² Об этих авторах см.: В. Э. Грабарь. «Священная римская империя в представлении публицистов начала XIV в.» — «Средние века», вып. 1. М. — Л., 1942.

³³ С. М. Соловьев. Император Александр I..., стр. 300; он же. Курс новой истории, ч. 2, начало второй главы.

Отдельные государства, находясь между собой в *естественных* отношениях, находились в состоянии постоянных столкновений. Таким образом, по Руссо, *внутри общества господствуют общественные отношения, а между обществами, между государствами — естественные*, т. е. господство силы, как в среде биологических особей. Руссо не дошел до научного понимания сущности общественных отношений, закономерностей их развития, хотя и провозгласил замечательное положение о том, что источником неравенства является собственность, — он был идеалистом-рационалистом и строил планы рационального общежития на основе общественного договора. Однако Руссо в этом пункте прошел мимо своего собственного замечательного открытия — ведь это он заявил о том, что первый основатель собственности на средства производства был виновником, в числе прочих несчастий, и войн.

Идея Руссо о «народных личностях» нашла свое отражение в некоторых документах французской буржуазной революции XVIII в. Так, 8 мая 1790 г. Вольней внес в Национальное собрание проект декларации, которая в переработанном виде стала декларацией 25—27 мая 1790 г. и частично главой VI конституции 3 сентября 1791 г. По этой декларации, весь человеческий род составляет единое общество, предмет которого мир и счастье всех его членов (ст. 1); в этом обществе мир и государства, рассматриваемые как личности, пользуются одинаковыми *естественными* правами и подчинены одинаковым правилам справедливости³⁴.

Таким образом, идея народа — личности, настойчиво проводимая С. М. Соловьевым, отнюдь не случайна — она имеет свои традиции, за ней, в конечном счете, стоит версия о «международном естественном праве». Следующее принципиальное положение С. М. Соловьева касается вопроса о том, как формируются отношения между народами — личностями. Они имеют своей аналогией отношения между личностями внутри общества.

Концепция С. М. Соловьева такова. «Природа человека требует жизни в обществе, но, входя в общество, человек должен отказаться от известной доли своей самостоятельности». Именно вопрос, какой долей самостоятельности должен пожертвовать человек, и есть «вопрос, который решается на протяжении всей истории». «Народ объявляет другому войну; но несколько других народов вмешиваются и требуют прекращения войны, выставляя общий интерес, сохранение политического равновесия и т. п. Свобода народной личности явно ограничивается обществом народов, интересами этого общества. Но мало того, что свобода ограничивается действиями известной народной лич-

³⁴ Е. А. Коровин. Революция и международное право. — В кн.: «Французская буржуазная революция XVIII в.». Под ред. В. П. Волгина и Е. В. Гартле. М., 1941, стр. 337.

ности по отношению к другой личности; один народ вмешивается во внутренние дела другого народа»³⁵. Так, «революционная пропаганда и войны французской республики и особенно завоевательные стремления империи повели к протесту против них и к образованию коалиций»³⁶.

В концепцию Соловьева вошли элементы воззрений Канта на международные отношения, но наибольшее влияние оказал на него Гегель с его идеей о взаимоотношении внутреннего и внешнего. Эта сложная концепция изложена главным образом в «Логике», в «Науке логики» (преимущественно в первой части), в последнем разделе «Философии права» и в «Философии истории» — в «Введении» и в самом тексте. Здесь Гегель рассматривал диалектическое отношение частиц и целого как одну из форм диалектического движения, ставя вопрос о взаимодействии внешнего и внутреннего, об их единстве, тождестве, о диалектическом переходе внешнего во внутреннее и обратно. Но все эти положения Гегель относил только к явлениям естественного мира.

Решающую роль имеет вопрос о применении Гегелем категорий внутреннего и внешнего к общественным явлениям, к международным отношениям. Гегель, как и Вико, в отступление от общепринятого в его время метода рассмотрения одного общества и законов его внутреннего развития, обращался к рассмотрению ряда человеческих обществ в их совокупности и в их генетической зависимости. Однако попытка применить категорию внешнего и внутреннего к общественным отношениям и, в частности, к международным отношениям приводила идеалиста Гегеля к мистическому решению вопроса, к полному краху.

«Государства, как таковые,— писал Гегель в «Философии права»,— независимы друг от друга, и отношение между ними может быть лишь внешним, так что должно быть стоящее выше их третье, которое связывало бы их друг с другом. Это третье и есть дух, который сообщает себе действительность во всемирной истории и представляет собой их абсолютного судью»³⁷.

Таким образом, начав с попыток связать внутреннее и внешнее в области природы и перейдя к области общественных явлений, Гегель пришел к выводу, что международные отношения осуществляются «мировым духом». По существу, это полная капитуляция в вопросе о познании природы международных отношений — у идеалиста Гегеля история превращается в теодицею.

Между тем, у Соловьева мистической идеи «мирового духа» нет и в помине. Он весьма реалистически исследовал систему государств в ее противоречивом развитии. Но Соловьев абстрактно, схематически ставил вопрос о народе. По Соловьеву,

³⁵ С. М. Соловьев, Император Александр I..., стр. 395.

³⁶ Там же.

³⁷ Гегель. Соч., т. 7. М.—Л., 1934, стр. 270.

в 1812 г. Александром I «было сказано слово народное». Французский народ произвел революцию, народ как нечто целое, не имеющее внутренних классовых противоречий. Каждый участник истории, каждый народ в целом, каждая народная личность имеют свои общие для всех психологические черты. Соловьев оперировал категорией «народ» вообще, не различая его классовых составляющих.

Препятствия для Соловьева создавались его классовой ограниченностью. Над ним довлели неправильные представления о роли географического и этнического факторов и почти полное отсутствие в его изложении и анализе экономических моментов. При выпадении экономики из общей концепции Соловьева понимание им народностей и классов являлось абстрактным, а поэтому представление о взаимодействии внутреннего и внешнего оставалось схематичным, неполным, неверным. Только теория Маркса — Энгельса — Ленина дала ключ к раскрытию закономерностей международных отношений.

Проблема взаимоотношения внутреннего и внешнего в общественной жизни, их взаимного влияния (прямого или негативного) и перехода одного в другое — причем на известных этапах развития этот переход может осуществляться как переход в свою противоположность — решена только марксистско-ленинской теорией общественных формаций и классов.

Для иллюстрации этого положения приведем несколько примеров. Обратимся к началу революционных войн во Франции. В 1792 г. жирондисты хотели войны, они стремились увеличить международное влияние Франции, открыть для французской буржуазии новые рынки, они хотели, чтобы война отвлекла массы от вопросов внутренней политики. Людовик XVI тоже хотел войны — он страстно желал поражения Франции, интервенции Австрии и Пруссии в целях восстановления своей абсолютной власти. Мария-Антуанетта даже выдала австрийцам военные планы. Робеспьер же и Марат не хотели войны, хотя и понимали ее неизбежность. Предварительным условием для успешного ее ведения они считали ликвидацию внутреннего «Кобленца», низвержение короля и придворной партии. На этом примере отчетливо видно, что классы и партии имеют свои внешнеполитические устремления, иной раз диаметрально противоположные, что, впрочем, никак не может удивить.

Вот другой пример. В ноябре 1861 г. Пальмерстон и Россель практически почти начали интервенцию в междоусобную войну в Северной Америке. Они решили помочь рабовладельцам, но английские рабочие заявили своей буржуазии, что если она хочет гражданской войны, то получит ее в самой Англии. Начавшаяся уже было позорная интервенция английской буржуазии для поддержки рабовладельцев была сорвана. «Нация» Пальмерстона капитулировала перед «нацией» английских рабочих.

Научное понимание сущности общественных отношений и общественного, а не «естественного» характера международных связей, зависимости войн от отношений рабовладельческих, феодальных, капиталистических, того, что социализм и коммунизм с уничтожением собственности на средства производства уничтожают и корень страшного бедствия человеческого общества — войны, появилось вместе с научной теорией общества К. Маркса и Ф. Энгельса и получило дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина. Маркс, Энгельс, Ленин неоднократно указывали на связь между изменением отношений внутри общества и характером и ходом международных отношений и войн, развивали эту концепцию на базе научной теории общественных классов и революционного учения о развитии наций и государств.

Изучая международные отношения, марксисты в конечном счете пользуются категориями общественно-экономических формаций и классов, учитывают взаимовлияние этнических общностей (родоплеменной строй, народ, нация буржуазной формации, нация социалистической формации), анализируют отношения метрополий и колоний, обращаются к проблеме взаимовлияния культурных комплексов различных народов, наконец, изучают социальный аспект биологической категории «раса» в антагонистических и неантагонистических обществах и т. д. Но здесь перед нами встает ряд сложных проблем, которые нуждаются в особом рассмотрении.

Отмечая слабые стороны методологии С. М. Соловьева, ее ограниченность, мы отнюдь не умаляем его заслуг, а только стремимся наиболее целесообразно использовать его ценнейшее научное наследие, стремимся показать, как много сделал он при решении частных исторических проблем в пределах своей концепции и еще больше, разрывая ее рамки, на основе замечательного знания фактов истории России и истории международных отношений.

Из истории изучения крестовых походов в отечественной медиевистике

(«Крестовые походы». Курс лекций О. А. Добиаш-Рождественской)

Видное место среди спецкурсов по средневековью, читавшихся в конце XIX — начале XX в. выдающимися русскими учеными в высших учебных заведениях России, занимала история крестовых походов на Восток (1096—1270 гг.). В Петербургском университете курс «Историки по истории Первого крестового похода» вел в 1870 г. византист В. Г. Васильевский, начавший с этого курса свою профессорскую деятельность¹. В Киевском университете историю крестовых походов читал Ф. Я. Фортинский². С 1898 по 1909 г. аналогичный курс читался в Юрьевском университете А. Н. Ясинским³, в 1909—1910 гг. в Московском коммерческом институте — Д. Н. Егоровым⁴ (в 1914—1915 гг. этот курс в другом варианте был им прочитан на Московских Высших женских курсах⁵). Хотя мотивы педагогического характера (возможности

¹ См.: С. А. Жебелев. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке.— «Вестник древней истории», 1938, № 4, стр. 13. Приносим благодарность З. В. Удальцовой за указание на это сообщение С. А. Жебелева.

² «Очерки исторической науки в СССР», т. 2. М., 1960, стр. 343. Материалы этого курса, по нашим данным, не сохранились.

³ «История крестовых походов. Лекции проф. Ясинского». Юрьев, 1909 (литографированная рукопись). См.: М. А. Заборов. Крестовые походы в работах русских историков начала XX в.— «Византийский временник», т. XXV. М., 1964, стр. 133—136.

⁴ Д. Н. Егоров. Всеобщая история. Эпоха крестовых походов. Записки слушателей Московского коммерческого института по лекциям Д. Н. Егорова. М., 1910.

⁵ Д. Н. Егоров. Крестовые походы, ч. 1—2. М., 1914—1915. См.: М. А. Заборов. Крестовые походы в русской буржуазной историографии.— «Византийский временник», т. IV. М., 1951, стр. 184—188.

сравнительного изучения разных источников и т. п.), безусловно, имели значение при выборе данной темы, все же он определялся тем общим интересом к крестоносным сюжетам, который был свойствен как западноевропейской, так и русской исторической науке конца XIX — начала XX в. Интерес этот в значительной степени диктовался политическими соображениями: он был так или иначе связан с внутри- и внешнеполитическими событиями, с борьбой различных общественно-политических группировок вокруг острых политико-религиозных вопросов, с политикой колониальной экспансии, интенсивно осуществлявшейся в период завершения раздела мира между крупнейшими державами, с историей международной дипломатии.

К числу курсов по крестовым походам принадлежит обширный курс известного историка О. А. Добиаш-Рождественской⁶, который она вела на Бестужевских Высших женских курсах в Петербурге по возвращении из заграничной командировки (1911 г.)⁷. Лекции эти не были изданы. Между тем, они представляют несомненный интерес для характеристики научной и педагогической деятельности О. А. Добиаш-Рождественской прежде всего потому, что, как показывает сравнение конспектов с опубликованными работами О. А. Добиаш-Рождественской по крестоносной тематике, автор частично использовал лекционный материал при подготовке своих статей и книг; не только идеи курса составили базу этих работ — подчас в них вошли и целые фрагменты текста лекций⁸. Если учесть, что курс О. А. Добиаш-Рождественской, строившийся главным образом на основе последних трудов западноевропейских и отечественных ученых, содержал и определенные элементы самостоятельной разработки отдельных вопросов истории крестовых походов, то станет ясным, что его разбор позволит более четко и всесторонне оце-

⁶ О. А. Добиаш-Рождественская. Конспекты к курсу лекций по истории крестовых походов. Отдел рукописей Ленинградской публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд О. А. Добиаш-Рождественской, № 121 (далее — «Архив О. А. Добиаш-Рождественской»).

⁷ А. Д. Люблинская. О. А. Добиаш-Рождественская как историк.— В сб.: «Средние века», вып. 1. М., 1942, стр. 216. Судя по некоторым данным, курс этот может быть приурочен к 1913—1914 или к 1914—1915 гг.

⁸ Местами рукопись имеет характерную в этом плане авторскую правку: неоднократно слово «курс» заменено словом «книжка»; кое-где изъяты типично «лекционные» обороты речи и пр. Далее, в первой лекции (л. 12—14) и десятой (разрозненные лл. 4, 5, 6) налицо наброски статьи «Письмо князей-крестоносцев к папе Урбану II» (см.: «Сборник трудов в честь Н. И. Кареева». СПб., 1914, стр. 30—43): здесь содержатся, в частности, выводы об интерполяциях в тексте данного письма, сформулированные в тех же выражениях, что и в статье. Несомненно также, что материал, да и текст девятой лекции (о голодовках и эпидемиях накануне Первого крестового похода) были использованы в книге «Эпоха крестовых походов» (Пг., 1918, стр. 10—14); за основу описания левантйской торговли в XII в. в этой же книге и в книге «Приключения Ричарда Львиное Сердце» (1925 г.) был взят материал и текст тринадцатой лекции.

нить вклад, внесенный О. А. Добиаш-Рождественской в изучение крестоносной проблематики в отечественной историографии. Вместе с тем курс этот заслуживает внимания также с точки зрения характеристики методических приемов, применявшихся О. А. Добиаш-Рождественской уже в начале ее научно-педагогической деятельности.

Рукописные конспекты курса⁹⁻¹⁰ вместе с библиографическими заметками¹¹ составляют 17 пронумерованных самим автором тетрадей, в которых материал сгруппирован следующим образом: I. Введение; II—III. Историография; IV—V. Преистория крестовых походов: паломничества; движение на Средиземном море; как создавался франкский протекторат в Палестине; VI. Ключи; VII. Папство и Византия; VIII. Феодализм на службе церкви. Норманны; IX. Экономическое состояние и психика народных масс в конце XI в.; X. Византия и Рим в конце XI в. Письмо Алексея Комнина; XI. События и хроникеры Первого крестового похода; XII. *Gesta Dei per Francos*; XIII. Легенда о Готфриде и Альберт Аахенский; XIV. Основание первых колоний на латинском Востоке; XV. Иерусалимские ассизы; XVI. Военная оборона Палестины. Рыцарство. Ордена; XVII. Второй крестовый поход. Разложение латинской Сирии.

В своих лекциях О. А. Добиаш-Рождественская давала более или менее систематическое, хотя и неравномерное в отдельных частях, освещение главных моментов предыстории и истории, в основном, Первого крестового похода, а также франкских государств в Сирии и Палестине. Иногда она углублялась и в «проблемные» сюжеты, но анализу подвергались при этом преимущественно лишь источниковедческие вопросы (например, о подлинности пресловутого письма императора Алексея I Комнина к графу Роберту Фландрскому¹²) и реже — вопросы общесторические. Центр тяжести был сосредоточен на изложении событий начальной стадии крестоносного движения. Такой отбор материала обуславливался, по-видимому, сравнительно тщательной разработанностью источников именно по истории

⁹⁻¹⁰ Эти конспекты в большой степени фрагментарны: часто отсутствуют целые листы, нумерация страниц тетрадей автором не упорядочена, встречаются сильно сокращенные пометки, служившие лишь основой устного изложения материала, и т. д. Все это мешает составить целостное представление о курсе и заставляет нас ограничиться его более или менее общей характеристикой.

¹¹ В фонде О. А. Добиаш-Рождественской под № 150 хранится составленная ею «Библиография крестовых походов», включающая около сотни работ западноевропейских историков XIX — начала XX в. Дополнением к этим черновым наброскам, предназначавшимся для устного сообщения слушателям (часто отсутствуют точные выходные данные, инициалы авторов перечисляемых книг и статей), служат обстоятельные библиографические указания самого автора, приведенные в третьей лекции рассматриваемого курса

¹² «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», X, лл. 4—15.

Первого похода и Иерусалимского королевства, а также ярко выраженными методическими и методологическими установками О. А. Добиаш-Рождественской.

Освещение собственно истории крестовых походов давалось с позиций позитивистской теории «равноправных факторов» и было по сути своей эклектичным. В нем отчетливо сказались разделявшиеся О. А. Добиаш-Рождественской и свойственные вообще буржуазной исторической науке эпохи империализма, в том числе русской, представления неокантианского толка (с привнесением «закономерностей» в историю самими историками и т. п.). В истории, по словам исследовательницы, лишь «*ри-зуму видится* (здесь и далее курсив наш.— М. З.) какая-то *общая целесообразность*», при ближайшем же рассмотрении событий оказывается, что «вместо движения мы видим топтание, вместо дороги — бугры и ямы, поле, изрытое пропастями, по которым человечество мечется и проваливается... При детальном разглядывании этих повторяющихся друг друга процессов... историком овладевает усталость»¹³.

В свете этих общих, исходных воззрений расцениваются и крестовые походы. Они для О. А. Добиаш-Рождественской — своего рода историческая «загадка», внушающая «противоречивые ощущения». В крестоносном движении наблюдается «пестрая игра исторических сил», проявляется «разнообразие мотивов»: тут действуют и «святые странники, проходящие трудные пути с грезой об обетованной земле», и «торговые интересы больших приморских городов»; в событиях участвуют «римские папы, нормандские князья, византийские императоры, феодалы европейского северо-запада, рыцари... монахи... Как приложить к этому калейдоскопу порывов, желаний, интересов, мечтаний, эгоистических и самоотверженных, те формулы, которые выработала... теория исторических законов? Что здесь материя, что здесь энергия; где движущие и где движимые, где условия и где факторы?»¹⁴ О. А. Добиаш-Рождественская не могла дать своим слушательницам четкого, последовательно-монистического ответа на эти вопросы. Ее не покидало чувство, будто она стоит «перед огромным, плохо понятным механизмом», взирая на который «мы не можем сказать: здесь главный рычаг, здесь центральная энергия этого механизма»¹⁵.

Можно, конечно, предположить, что в подобной постановке проблемы О. А. Добиаш-Рождественской немалую роль играли методические соображения — стремление заинтересовать аудиторию «отгадкой тайны» крестовых походов, которая будет предложена в курсе. Однако и все последующее изложение материа-

¹³ «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», VII, л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

ла свидетельствует, что О. А. Добиаш-Рождественская, подобно многим буржуазным историкам, отказывалась отделить коренные, общие исторические предпосылки от конкретных причин и мотивов крестоносного движения, следовательно, определить его сущность. Поэтому в лекциях неоднократно подчеркивалось *многообразие причин* крестовых походов и указывалось на бесплодность попыток их какого бы то ни было «одностороннего» истолкования. «Есть ли,— обращалась О. А. Добиаш-Рождественская к слушателям уже в первой лекции,— (среди множества причин Первого крестового похода) хоть одна, которую можно рассматривать действительно как основную?»¹⁶. Таковой автор не находил. О. А. Добиаш-Рождественская считала, например, что труд Р. Рэрихта¹⁷ «делает нас... зрителями *крушения всех систем*, при помощи которых пытались донныне характеризовать зарождение и очертить физиономию этого памятного события...» «Ибо,— продолжала она,— сопоставляя, с одной стороны, факты в их чистой объективности, а с другой — общие заключения, которые пытались извлечь из них, он (труд Рэрихта.— М. З.) показывает, до какой степени *все эти заключения... несовершенны и недостаточно вразумительны*»¹⁸.

Сама О. А. Добиаш-Рождественская ограничивалась, как уже сказано, констатацией разнообразия причин крестоносного движения. При этом она подразделяла их на такие, которые действовали «стихийно», — «хозяйственные нужды, религиозные грезы», указывала на силы, которые «поднимаются» над ними, «выделяясь своей большей сознательностью» (папство)¹⁹, и, наконец, особо оттеняла в качестве движущего элемента крестовых походов страсть нормандского рыцарства к приключениям, его воинственные «инстинкты», порожденные, по ее мнению, «силой нормандской расы», «плодовитостью» нормандского рыцарства, т. е. по сути дела биологическими факторами (оно было «жертвой собственной плодовитости», которая и являлась, по мысли лектора, следствием «силы расы»)²⁰.

С такого рода представлениями связаны и суждения О. А. Добиаш-Рождественской о характере и сущности крестоносного движения. С ее точки зрения, крестовые походы — «это сложное явление: в нем нашло удовлетворение стремление европейских крестьян к передвижению, коммерческие искания приморских городов, главным образом Италии (Венеция), дух бродяжничества феодальных семей и особенно инициатива нормандских семей. Форму всему этому дали паломничества и одушевление —

¹⁶ «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», I, л. 12.

¹⁷ Речь идет о монографии: R. Röhricht. Geschichte des ersten Kreuzzuges. Innsbruck, 1881.

¹⁸ «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», I, л. 12.

¹⁹ Там же, VII, л. 5.

²⁰ Там же, VIII, л. 17.

идея спасения гроба господня»²¹. Не будучи новыми в историографии, сами по себе попытки вскрыть в курсе многообразия движущих сил крестовых походов, тем не менее имели определенное положительное значение. В картину крестоносного движения, с большим талантом и искусством развернутую О. А. Добиаш-Рождественской, было включено немало реалистически нарисованных страниц. Таково, например, изображение земной основы участия крестьянства в Первом походе. Привлекая известные хроник (Николая Реймского, обителя св. Максенция и др.), а также используя более поздние фольклорные данные (одна из приведенных в девятой лекции французских крестьянских песен даже названа «сельской марсельезой»²²), О. А. Добиаш-Рождественская описывала положение крестьян Франции накануне крестовых походов. Правда, подобно некоторым другим историкам (А. Сэ и А. Люшер)²³, О. А. Добиаш-Рождественская сводила причины крестьянских бедствий к стихийным явлениям или в лучшем случае связывала бедствия деревни с низким уровнем технико-экономического развития (неумение «населения сберегать излишки, чередовать культуры, обеспечивать себя иными промыслами») ²⁴. Налицо также тенденция к преуменьшению значения и масштабов тягот крестьянства. Разбирая сведения хроник, О. А. Добиаш-Рождественская стремилась внести «поправки» в «нагромождение» хронистами сообщений о голодных годах в XI в.: «знаменитую цифру в 49 голодных лет надо разнести на разные области Франции»; «хроникеры XI в.— все монахи, пессимисты по настроению», которые «охотно пользовались возможностью рассказывать... только страшные и печальные вещи»²⁵, и пр. Но все-таки автор признавал, что если даже локализовать голодовки и «разнести данные» хронистов по разным районам, то «вывод получается такой, что в течение каждого года какая-нибудь часть Франции больна, что в ней едят кору и умирают»²⁶.

Этим в большой степени и объясняла О. А. Добиаш-Рождественская крестьянское крестоносное движение. Массы крестьян, говорила она, «скованных, имобилизованных давлением феодального закона... *вопреки этому закону* снялись с мест», ибо их увлекла «мечта об иной доле за синими волнами Средиземного моря, у подножия Ливанских гор»²⁷. Здесь, как видим, подчеркивался и бунтарский характер выступления крестьян.

²¹ Там же, XIV, л. без нумерации.

²² Там же, IX, л. без нумерации.

²³ Там же, IX, л. 3.

²⁴ Там же, л. 3.

²⁵ Там же, л. 5.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, I, л. 10 об.

Развивая идеи, высказывавшиеся в литературе уже раньше²⁸, О. А. Добиаш-Рождественская доказывала аудитории существование тесной связи между «кошмаром голодовок и болезней», висевшим над крестьянством, и религиозной возбудимостью деревенского люда²⁹. Интересны и некоторые другие наблюдения над социальной психикой масс в конце XI в., в частности, указания на невежество «земледельцев и монахов», которое при возбужденном состоянии их душ, всегда раскрытых «для восприятия чуда»³⁰, приводило к заполнению летописей известиями о всякого рода небесных знамениях, связывавшихся с предстоящим походом на Восток³¹.

В лекциях оттенялись и мирские, завоевательные мотивы рыцарства: воинственные нормандцы характеризовались как «грабители без совести», которые, будучи даже сдерживаемы «железною рукою герцогов», «шли всюду попытать счастья»³²; крестоносный энтузиазм рыцарей с полным основанием ставился в один ряд с внутренними феодальными войнами («не имея возможности драться внутри феода, рыцари идут драться вне его, даже вне своей страны...», и, если врагом их оказывается чужеземец-язычник или мусульманин, «военное предприятие окрашивается цветом благочестивого подвига»)³³. О. А. Добиаш-Рождественская показывала, что и вождями первых крестоносцев «частично» руководил «сознательный или бессознательный расчет нарезать себе блестящих сеньорий на завоеванном Востоке»³⁴. Подробно рассматривалась в лекциях роль южноевропейских городов в крестовых походах³⁵, причем подчеркивалось, что их участие в движении было «запоздалым, рассчитанным, почти свободным от тех мотивов, какие двигали первые крестоносные войска»³⁶.

И все же проводившаяся в курсе концепция многообразия факторов, обусловивших крестоносное движение, не давала действительно глубокого понимания его сущности: она ускользала от историка. В картине крестовых походов, нарисованной О. А. Добиаш-Рождественской, преобладали идеалистические тона и краски. Считая Первый крестовый поход «всенародным»³⁷, О. А. Добиаш-Рождественская полагала, что массу в первую очередь «влек сюда (на Восток) искренний, наивный эн-

²⁸ См., например: Th. Wolff. Die Bauernkreuzzüge des Jahres 1096 Tübingen, 1891.

²⁹ «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», I, л. 6.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, лл. 6—8.

³² Там же, лл. 16—17.

³³ Там же.

³⁴ Там же, XIV, л. 7.

³⁵ Там же, лл. 5—15 и др.

³⁶ Там же, лл. 11—12.

³⁷ Там же, IX, л. без нумерации.

тузиазм»³⁸, что народ воодушевляла «идея спасения гроба господня». В красочно-изысканном, приподнятом стиле описывался в одной из лекций религиозный энтузиазм, будто бы безраздельно царивший на Западе накануне и во время отправления в поход первых крестоносных ополчений: то был «порыв... радостной бури», прошедшей по Европе: «Оно не повторилось больше никогда, *светлое, весеннее и чистое, еще* (sic!— М. З.) вдохновившие первые дни»³⁹.

В этом духе расценивались и другие моменты как предыстории, так и истории крестоносной эпопеи. Ключийскую реформу, сыгравшую определенную роль в подготовке крестовых походов, О. А. Добиаш-Рождественская целиком выводила из саморазвития «общественного мнения», ведшего «христианский мир к очищению»⁴⁰. Паломничества на Восток, рассматривавшиеся в лекциях с излишними подробностями⁴¹, определялись исключительно как религиозные, благочестивые путешествия: они были результатом «культы святых и почитания мощей»⁴²; Восток, по мысли лектора, привлекал паломников только как земля «святых и аскетов, учителей и отцов церкви»⁴³; паломников воодушевляло лишь «святое рвение»⁴⁴. За «искренним одушевлением каноника Альберта Аахенского стоит... одушевление той неведомой массы, от которой он собирает блестящие осколки этой мозаики (удивительных происшествий)»⁴⁵. Во вспышках религиозного фанатизма среди крестоносцев, зачастую, как известно, умысленно разжигавшихся церковниками (например, во время осады Антиохии летом 1098 г.), автор видел пробуждение «разбитой мечты идеалистов»⁴⁶. Упомянув о походах Людовика IX, О. А. Добиаш-Рождественская развивала традиционное представление, будто на «нем одном еще сияет запоздалый *вечерний свет* того *одушевления, которое двигало крестоносцев на Восток*»⁴⁷, и т. д.

Связать воедино, с одной стороны, религиозную идеологию и фразеологию, присущие, особенно на первых порах, участникам крестоносного движения, и, с другой,— те элементы социально-экономической и социально-политической подосновы этих «священных войн», которые намечала сама О. А. Добиаш-Рождественская, она не могла, как не могли этого сделать

³⁸ Там же, XIV, л. 7.

³⁹ Там же, XI, л. 6.

⁴⁰ Там же, IV, л. 2.

⁴¹ Впоследствии этот материал был положен О. А. Добиаш-Рождественской в основу ее книги «Западные паломничества в средние века» (Пг., 1924).

⁴² «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», IV, л. 18.

⁴³ Там же, л. 3.

⁴⁴ Там же, л. 14.

⁴⁵ Там же, XIII, л. 1.

⁴⁶ Там же, XII, л. 21.

⁴⁷ Там же, I, л. 4.

и другие буржуазные историки. «Пусть ясен,— говорилось уже в первой лекции,— общий фон социальной структуры и психики, на котором совершилось движение,— ближайшая причина его далеко не ясна»⁴⁸. Контекст этой формулировки показывает, что О. А. Добиаш-Рождественская имела в виду не ближайший повод к крестовому походу, а именно его *общую историческую основу*: она и не могла быть раскрыта с позиций «теории факторов». Таким образом, и по своему фактическому наполнению, и по идейным установкам лекции О. А. Добиаш-Рождественской, в которых излагался непосредственно исторический материал, не выходили за пределы уровня, достигнутого к началу XX в. позитивистской буржуазной медиевистикой: в них получили свое отражение как достижения, так и слабые стороны позитивизма, в том его виде, который он принял к началу XX в. в историографии средневековья⁴⁹.

Гораздо больший интерес представляют другие разделы ее курса — источниковедческие и отчасти историографические, где со всей полнотой сказалась богатая научная эрудиция О. А. Добиаш-Рождественской, превосходное знание материала источников. Придававшая прежде всего важное *научно-воспитательное* значение курсу и к тому же будучи основательно знакома с латинскими памятниками эпохи крестовых походов, О. А. Добиаш-Рождественская уделяла огромное место *характеристике источников*. В процессе подготовки лекций были самым тщательным образом и притом *самостоятельно* исследованы наиболее важные хроники Первого крестового похода: в конспектах имеется особая «дополнительная» тетрадь (без нумерации), содержащая большие выписки из хроники Фульгерия Шартрского с русским переводом, выполненным самой О. А. Добиаш-Рождественской, и с ее же конспективными комментариями, в которых дается как бы тематическое определение сообщений хрониста⁵⁰. Кроме того, в конспектах некоторых лекций встречаются разрозненные листки с выписками из других хроник⁵¹ (наиболее подробные из «Деяний франков» Анонима — одной из важнейших хроник Первого крестового похода)⁵². Трудно су-

⁴⁸ «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», л. 13.

⁴⁹ См.: Е. В. Гутнова. Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX в. в развитии исторической науки (по материалам медиевистики). — «Средние века», вып. XXV. М., 1964, стр. 289 и след.

⁵⁰ «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», тетр. без №, лл. 3, 8, 10, 11, 13, 15 и др.

⁵¹ В «дополнительной» тетради — выписки из Сигиберта из Жамблу, Реймских анналов хроники Сен-Дени и хроники аббатства св. Максенция о положении крестьянства накануне Первого крестового похода; в десятой лекции дан перевод послания Алексея Комнина к Роберту Фландрскому (X, л. 6) и др.

⁵² «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», XI, лл. без нумерации, выписки из глав I, IV, VI, IX, XIV, XV, XIX хроники Анонима.

дить, каким образом практически были использованы эти отрывки на лекциях, но тот факт, что О. А. Добиаш-Рождественская строила изложение путем непосредственного *разбора источников*, свидетельствует о стремлении подвести серьезную источниковедческую базу под освещение конкретного материала, излагавшегося в лекциях.

Характеристика источников, причем довольно скрупулезная, с чтением и анализом значительных фрагментов хроник и других памятников XII—XIII вв. (например, Иерусалимских ассиз) занимает, по нашим подсчетам, едва ли не около четверти текста курса. Правда, в своем анализе источников О. А. Добиаш-Рождественская следовала обычно выводам западноевропейских специалистов⁵³, но ею высказано и немало оригинальных собственных суждений как по поводу общей оценки тех или иных памятников⁵⁴, так и толкования их отдельных мест. Наиболее интересно в этом плане выяснение вопроса о подлинности письма Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому. О. А. Добиаш-Рождественская не довольствовалась последовательным изложением различных точек зрения относительно достоверности латинской редакции письма (в десятой лекции рассматриваются воззрения М. Папарригопуло, П. Риана, В. Г. Васильевского, А. Пиренна). Соглашаясь с мнением о подлинности документа, высказанным В. Г. Васильевским, «замечательная аргументация (которого) осталась неизвестной большинству современных западных историков»⁵⁵ и «точку зрения (которого)... думаю в настоящее время можно считать принятой»⁵⁶, автор подверг критике работы по данному вопросу, вышедшие в свет уже после появления статьи В. Г. Васильевского. По мнению О. А. Добиаш-Рождественской, А. Пиренну⁵⁷ не удалось доказать подлинность письма Алексея Комнина или, во всяком слу-

⁵³ Так, в одиннадцатой лекции (лл. 1—4), где даны наброски к характеристике ряда хроник (участников и современников Первого похода) в их взаимозависимости, лектор следует классификации хроник, установленной Г. Зибелем; по Зибелю же оценивается хроника Альберта Аахенского в тринадцатой лекции (см. особ. XIII, лл. 1—2, 17—18), впрочем, принимаются во внимание взгляды Б. Куглера и Ф. Кюна.

⁵⁴ Выразительная характеристика дана хронике Фульхерия Шартрского: этот хронист сам «был зажжен тем вдохновением... о котором он говорит...», но «старается сдерживать в себе это волнующее его вдохновение и честно исполнить свой долг историка. Он выполняет его, надо сказать, очень дельно и объективно для своего времени. Я была бы счастлива, если бы теперь, почти через одно почти тысячелетие, я имела бы возможность с таким же правом закончить сегодняшнее мое введение...» («Архив О. А. Добиаш-Рождественской», I, л. 21). Данный текст в несколько измененном виде включен в книгу «Эпоха крестовых походов» (стр. 1—2).

⁵⁵ «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», X, л. 14.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Надо думать, имелась в виду статья: A. P i r e n n. A propos de la lettre d'Alexis Comnène à Robert le Frison comte de Flandre.— «Revue de l'instruction publique en Belgique», 1907.

чае, установить тождество латинского и несохранившегося греческого текстов памятника; она выражала также сомнение в правильности его заключения относительно даты составления латинского перевода (Пирени относил его ко времени после Клермонского собора, О. А. Добиаш-Рождественская датировала «около 1092 г.»)⁵⁸. О. А. Добиаш-Рождественская подкрепила затем доводы В. Г. Васильевского своими соображениями: текст, в котором содержался призыв императора к Западу (воспользоваться богатствами Константинополя, двинувшись на его спасение от угрозы со стороны «неверных»), истолковывался ею, как позднейшая интерполяция («...ведь мы имеем дело только с латинским переводом — мы всегда имеем право предположить именно в этом месте — интерполяцию»⁵⁹. Это положение, вносившее поправку в концепцию В. Г. Васильевского, предвосхищало в известной мере взгляды по данному вопросу, сложившиеся в современной нам историографии крестовых походов⁶⁰.

Для характеристики *методических* приемов О. А. Добиаш-Рождественской особенно существенно, что при всякой возможности она обращала внимание аудитории на необходимость *сопоставления* свидетельств *разных* источников. Путем такого сопоставления ею излагались различные этапы истории Первого похода⁶¹. О. А. Добиаш-Рождественская указывала, что о нем «мы имеем сообщения одновременно из пяти-шести источников. Они не всегда имеют возможность видеть и слышать одно: каждый сидит в лагере того князя, с которым пришел; он освещает события с точки зрения этого князя и этого лагеря, но это и лучше. Так можно установить отчетливо и твердо очертания важных фактов и пеструю радуку субъективных переживаний. Поэтому-то установление с такой ясностью и детальностью дневника палестинских событий и сопоставление отдельных известий так поучительно для психологии... летописания и установления методов его анализа и критики»⁶².

Несомненно, что источниковедческие экскурсы составляли один из наиболее ценных элементов лекций.

Определенными достоинствами отличались и дававшиеся по

⁵⁸ «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», III, вставной л. (без нумерации).

⁵⁹ Там же, X, л. 15.

⁶⁰ См.: E. J o r a n s o n. The spurious letter of Alexius to the count of Flanders.— «American Historical Review», N 55, 1950.

⁶¹ Характеризуя в одиннадцатой лекции Клермонский собор 1095 г., О. А. Добиаш-Рождественская сопоставляла четыре варианта речи Урбана II и выделяла специфические, с ее точки зрения, особенности каждого из них. Впрочем, она ошибочно считала, будто на Клермонском соборе присутствовали все четыре хрониста, в произведениях которых излагается речь Урбана II. Ей осталась неизвестной также статья американского историка Д. Мэнро об этом выступлении папы. См.: «American Historical Review», vol. 11, N 2, 1906.

⁶² «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», XI, л. 1.

ходу изложения материала *обзоры состояния западноевропейской и отечественной литературы*. Тогда как историографические экскурсы в статьях и лекциях Ф. Я. Фортинского, А. Н. Ясинского и Д. Н. Егорова не выходили в основном за пределы историографии первой половины XIX в., О. А. Добиаш-Рожественская главное место отводила разбору трудов конца XIX — начала XX в., т. е. трудов современных ей авторов (Б. Куглер, П. Риан, А. Люшер, В. Норден, Р. Рэрихт, Ф. Колер)⁶³ и характеристике специальных изданий (например, «*Revue de l'Orient latin*» и др.)⁶⁴. В этом акцентировании внимания на *современном состоянии разработки темы* — едва ли не самая положительная сторона содержащихся в лекциях историографических этюдов⁶⁵.

В разборе и в оценках трудов как старых, так и новых историков крестовых походов О. А. Добиаш-Рожественская высказала ряд свежих мыслей. Интересна, в частности, попытка определить мотивы и идейное содержание издания «*Gesta Dei per Francos*», предпринятого Ж. Бонгаром в начале XVII в.: хотя эти «мотивы и возбудители» неясны (ведь Бонгар не католик, а кальвинист), тем не менее О. А. Добиаш-Рожественская с полным основанием полагала, что история крестовых походов для этого дипломата Генриха IV, «страстного патриота и собирателя документов, которые могли возвысить славу Франции», — отнюдь «не проявление торжества папства и католицизма, но *явление бога в подвигах и деяниях французского народа*»⁶⁶. Насколько нам известно, столь проникновенной характеристики Бонгара не было дано в то время никем из историков. Любопытны критические замечания О. А. Добиаш-Рожественской по поводу труда немецкого романтика начала XIX в. Ф. Вилькена, у которого «доверие (к фактам, передаваемым в источниках. — М. З.) граничило с доверчивостью»⁶⁷, в результате чего его «История крестовых походов» «превращается в вольный перевод источников, которым он доверял»⁶⁸. Весьма критична в принципе и оценка взглядов Г. Зибеля на соотношение подлинных исторических фактов и их отражение в произведениях современников⁶⁹. Эта критическая оценка не мешает, однако,

⁶³ Там же, III, лл. 1—8, 15—18.

⁶⁴ Там же, лл. 19—20.

⁶⁵ К сожалению, сохранилось лишь начало той части лекции, где автор останавливается на работах эпохи Реформации. См.: «Архив О. А. Добиаш-Рожественской», II, лл. 5—6: после л. 8, где перечисляются издания эрудитов XVII—XVIII вв., содержавшие разрозненные материалы о крестовых походах, следует л. 16, где лектор переходит уже к характеристике труда Ф. Вилькена.

⁶⁶ Там же, II, л. 6.

⁶⁷ Там же, л. 16.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, л. 22 (подробнее о Зибеле говорится в тетр. III, л. 11 и след.; лл. 12—14, однако, отсутствуют).

О. А. Добиаш-Рождественской признать, что «мы судим Зибеля потому, что выучились у него многому»⁷⁰.

Но самые интересные наблюдения высказаны были в лекциях об исследованиях некоторых медиевистов конца XIX — начала XX в. О. А. Добиаш-Рождественская предприняла попытку классифицировать выдвинутые ими концепции крестовых походов. Правда, классификация эта была чисто формальной: выделялись «торгово-колониционная» теория Гейда-Шаубе-Херрэ, «политическая» теория, или теория «бродячего феодализма» Мас-Латри и Люшера, теория «паломничеств» Риана, концепция крестовых походов как папских предприятий — Колера, теория извечной борьбы Запада с Востоком — Куглера и т. д.⁷¹ Зато О. А. Добиаш-Рождественская произвела единственный в своем роде (по обстоятельности и критичности) в литературе этого периода⁷² анализ работ и взглядов современных ей немецких и французских историков крестовых походов. Конечно, как ученый идеалистической школы, О. А. Добиаш-Рождественская, подобно Ф. Я. Фортинскому и другим русским медиевистам, уже раньше пытавшимся историографически подойти к изучению истории крестовых походов, рассматривала интересовавшие ее сочинения вне связи с обуславливавшей концепции их авторов исторической обстановкой, т. е. разбирала эти работы с точки зрения самопроизвольной «филиации идей». В этом отношении историографические экскурсы О. А. Добиаш-Рождественской уступали соответствующим разделам в курсе Д. Н. Егорова, содержащим все же элементы анализа социальных истоков различных концепций крестовых походов. Ее оценки научного творчества ученых Западной Европы в принципе не могут удовлетворить историка-марксиста. Однако, вместе с тем, нельзя не воздать должного ярким и выразительным, построенным на основательном знакомстве и с трудами упоминаемых авторов, и с критической литературой о них порой блестящим характеристикам как личности, так и научной деятельности ряда современных ей западноевропейских медиевистов. Особенно мастерски и по своему захватывающе нарисованы портреты Р. Рэрихта, который в течение 30-ти лет с «достойной удивления твердостью» изучал историю «священных войн», «почти не позволяя своей мысли и своему перу заблуждаться вне намеченной дороги»⁷³, и в еще большей степени — П. Риана: этот французский аристо-

⁷⁰ «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», II, л. 22.

⁷¹ Там же, III, лл. 15—17.

⁷² Следует иметь в виду, что обзорная статья немецкого историка Г. Шнюпера (G. Schnüper. Neuere Arbeiten zur Geschichte der Kreuzzüge.— «Historisches Jahrbuch», Bd. 35, 1914) носила справочный характер, да и не могла быть еще доступна О. А. Добиаш-Рождественской.

⁷³ «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», II, лист с надписью «Рерихт» без номера.

крат, будучи «сам в душе немного рыцарь, немного монах и во всяком случае — артист... отдался изучению крестовых походов прежде всего потому, что они волновали его романтическую душу и утоляли гордость католика и француза»⁷⁴. Впрочем, замечает О. А. Добиаш-Рождественская, «как француз и католик», Риан «любил „Gesta Dei per Francos“, но изучал их как неутомимый критик и строгий скептически настроенный ученый»⁷⁵ (с учетом этого в лекции разбираются главные труды П. Риана, начиная с его ранней работы о письме Алексея I Комнина к Роберту Фландрскому и кончая изданием сборника «Писем крестовых походов»).

Если характеристика Р. Рэрихта и П. Риана интересна скорее блестяще очерченным внешним рисунком, то анализ взглядов отдельных ученых, участвовавших в полемике вокруг письма Алексея I, носит более углубленный характер. Так, суждения Папарригопуло, отвергавшего достоверность этого документа, О. А. Добиаш-Рождественская не без основания связывала с его политическими взглядами: будучи греческим «патриотом» и «националистом», он доказывал, что «причиной падения Византии была враждебность Запада, руководимого религиозной нетерпимостью», что Первый крестовый поход «с самого начала был направлен не столько против турок-сельджуков, сколько против православной Византии», которая «не нуждалась в помощи Запада, ибо «была достаточно могущественна, чтобы справиться со всеми варварами»⁷⁶. Впрочем, эта попытка О. А. Добиаш-Рождественской уловить какие-то внутренние связи между научной концепцией и общим мировоззрением историка — едва ли не единственная в историографических набросках курса. Однако широта постановки вопроса об указанной ученой дискуссии сказалась в том, что О. А. Добиаш-Рождественская, критически оценив различные взгляды относительно подлинности письма византийского василевса, постаралась в доступных на лекции пределах раскрыть перед аудиторией и существенное, общеисторическое значение этой, казалось бы, сугубо частной проблемы. Она усматривала это значение в том, что решение вопроса о подлинности письма Алексея Комнина помогает понять истоки крестовых походов, уяснить, «созрела ли мысль о крестовых походах исключительно на Западе или же и Восток был не чужд ее, явились ли крестоносцы в Византию в виде желанных союзников или неожиданными и неприятными гостями, обнаружил ли восточный римский император в своем приеме вождей крестоносных дружин одно лукавство и вероломство или же совершенно справедливое недоверие, как к не-

⁷⁴ Там же, III, л. 1.

⁷⁵ Там же, л. 2.

⁷⁶ Там же, X, л. 6.

званным и опасным и притом — ненужным спасителям от несуществующей опасности — решение этих и еще других, даже более важных вопросов находится в связи с принятием или отвержением вышеозначенного документа»⁷⁷.

Присоединившись к мнению В. Г. Васильевского о подлинности письма, О. А. Добиаш-Рождественская утверждала, что «идею о крестовом походе не было чужд Восток», что «письмо императора, если и не оно образovalo настроение масс на Западе, — было одним из мотивов, определивших планы... папы римского»⁷⁸.

В этой связи в лекциях были подвергнуты критическому анализу воззрения современных немецких ученых Б. Куглера и В. Нордена по вопросу о взаимоотношениях Запада и Византии в период Первого крестового похода. О. А. Добиаш-Рождественская самым решительным образом отклонила их историко-политические спекуляции, осудила их стремление объяснить коллизии, возникшие в отношениях между папством, крестоносцами и Византией во время крестового похода 1096—1099 гг., политическими ошибками, якобы допущенными в конце XI в. папством (отказ от попыток навязать грекам церковную унию — В. Норден) и предводителями крестоносцев (их нежелание добиться, по крайней мере, раздела территории и ближневосточных стран между Западом и Византией, как базы для компромисса ради объединения христианского мира против общего противника — Б. Куглер). Следует, однако, иметь в виду, что сама О. А. Добиаш-Рождественская сумела противопоставить этим псевдоисторическим построениям лишь проникнутые идеализмом и столь же абстрактные рассуждения насчет возможных перспектив заключения унии при Алексее Комнине⁷⁹. Тем не менее, сама по себе негативная оценка концепций Б. Куглера и В. Нордена, в особенности критика страдавшей «неопределенностью» и «бесплодностью» куглеровской схемы крестовых походов (как момента в вековой борьбе народов Запада и Востока и «шире — белой и желтой рас») ⁸⁰, безусловно заслуживает быть отмеченной.

Сказанное относится также и к характеристике современных западноевропейских изданий, в которых сосредоточивалась тогда разработка истории крестовых походов. Касаясь, в частности, основанного еще Рианом «*Revue de l'Orient latin*», О. А. Добиаш-Рождественская совершенно справедливо указывала, что в его «направлении», определявшемся после смерти

⁷⁷ «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», X, л. 5.

⁷⁸ Там же, л. 15.

⁷⁹ Там же, л. 20.

⁸⁰ Там же, III, л. 18.

Риана Колером и Шабо, «есть что-то... одностороннее, *слишком католическое*»⁸¹.

Как видно из вышесказанного, лекции О. А. Добиаш-Рождественской содержали ценные по материалу, в известной мере самостоятельно ею разработанные источниковедческие и историографические положения и разделы. В целом этот лекционный курс, в идейно-методологическом отношении отражавший характерные особенности русской медиевистики начала XX в. (позитивистская «теория факторов», общая идеалистическая трактовка исторического процесса), по своей научной обстоятельности и углубленности может быть отнесен к числу наиболее солидных спецкурсов по данной проблематике, читавшихся в начале XX в. в русской высшей школе⁸². Подобно курсам А. Н. Ясинского и Д. Н. Егорова, он стоял на уровне современной им науки, а в некоторых отношениях представлял собою самостоятельный вклад в разработку истории крестовых походов.

⁸¹ Там же, III, л. 20.

⁸² Любопытно отметить, что О. А. Добиаш-Рождественская, по-видимому, не будучи информирована об аналогичных курсах, читавшихся до нее В. Г. Васильевским, Ф. Я. Фортинским, Д. Н. Егоровым и А. Н. Ясинским, леобоснованно сетовала в своей вводной лекции на редкость чтения курсов по крестовым походам; она объясняла это явление «новыми и законными увлечениями», которые «отодвинули крестовые походы в русском университетском преподавании в скорбный лист редко читаемых курсов. Курс этот, запечатленный определением «классического», сдан в архив; сама научная работа обходит его». См.: «Архив О. А. Добиаш-Рождественской», I, л. 19.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Академик Владимир Михайлович Хвостов

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Один из ведущих советских историков, крупнейший знаток истории международных отношений академик Владимир Михайлович Хвостов родился в июне 1905 г. в семье профессора Казанского университета, историка античности М. М. Хвостова. Окончив в родном городе педагогический институт, В. М. Хвостов в возрасте 21 года был принят в аспирантуру Института истории РАНИОН и еще до окончания аспирантуры в 1929 г. преподавал в московском Индустриально-педагогическом институте им. Карла Либкнехта. Затем он преподавал в ряде вузов: в Смоленском пединституте, в Московском институте истории, философии и литературы, в Московском университете он и поныне состоит профессором. Это звание было ему присвоено в 1939 г. Он преподавал также в Военно-политической академии им. В. И. Ленина, в течение ряда лет заведовал кафедрой международных отношений и внешней политики СССР в Академии общественных наук при ЦК КПСС и кафедрой историко-дипломатических наук Высшей дипломатической школы Министерства иностранных дел СССР.

В. М. Хвостов избрал предметом своих занятий историю нового времени и сосредоточил свое внимание исследователя на проблемах истории международных отношений. Начав в конце 20-х годов со статей по истории международных отношений на Ближнем Востоке, В. М. Хвостов, после публикации многих дипломатических документов и издания затем ряда крупных работ, — читатель найдет их в предлагаемом ниже подробном списке, — создал широко известный фундаментальный труд по истории дипломатии («История дипломатии», т. 2). Как один из авторов I и II томов первого издания «Истории дипломатии» В. М. Хвостов был удостоен в 1942 и 1946 гг. Государственных премий. Упомянутый капитальный труд В. М. Хвостова, охватывающий историю международных отношений и дипломатии от времен франко-прусской войны до первой мировой империалистической войны, по общему признанию, может служить образцом обобщающей работы, в ко

торой использовано огромное количество источников и литературы, тщательно изученных и оригинально трактуемых. Это не только история организационно-дипломатической стороны переговоров, конференций, соглашений и т. д., которые, разумеется, охарактеризованы и показаны каждое в своем месте. Читатель находит здесь основанное на прочной базе источников глубокое исследование на достаточно широком фоне истории стран, о которых идет речь. Казалось бы не поддающийся вмещению в какие бы то ни было рамки материал введен умелой рукой автора в русло продуманных глав и параграфов. Это собрание большого количества фактов не подавляет читателя, а весьма организованно выступает в подкрепление интересных и свежих обобщений.

Наряду со значительным числом исследований, где В. М. Хвостов выступает в качестве единственного автора, известность получило множество коллективных работ и научно-литературных начинаний, в которых он играет видную роль, а зачастую выступает инициатором и руководителем. Так, почти тридцать лет тому назад В. М. Хвостов принял деятельное участие в работе небольшого авторского коллектива, подготовившего к изданию в 1938 г. особенно ценный в то время учебник для высших учебных заведений «Новой истории» (1871—1918 гг.). В. М. Хвостов явился затем одним из авторов и редакторов учебника новой истории для вузов, изданного в 1960 г. Шестнадцать изданий выдержал написанный при участии и под руководством В. М. Хвостова учебник «Новой истории» (1871—1918 гг.) для средней школы. На конкурсе Министерства просвещения РСФСР в 1962 г. коллектив авторов, возглавляемый В. М. Хвостовым, получил первую премию за школьный учебник по новой истории. Постоянный и неизменно подкрепляемый практически ми делами интерес В. М. Хвостова к постановке школьного исторического образования был отмечен высшей педагогической наградой — именной медалью К. Д. Ушинского.

Если обратиться к коллективным трудам и многотомным изданиям не специально учебного характера, в которых В. М. Хвостов принимал живое участие, то нужно упомянуть «Историю Коммунистической партии Советского Союза» (где В. М. Хвостов явился одним из авторов), «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза», «Всемирную историю», «Документы и материалы кануна второй мировой войны», «Советскую историческую энциклопедию». Обои издания «Дипломатического словаря» В. М. Хвостов отдал много энергии и как автор, и как член Главной редакции.

В. М. Хвостов всегда уделяет большое внимание печатному слову в области исторической науки. Он состоял в редакционных коллегиях ряда исторических журналов, был первым главным редактором журнала «Международная жизнь».

Большие научные заслуги В. М. Хвостова и авторитет среди ученых обусловили его избрание в 1953 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1964 г. — академиком. Он с 1959 г. является директором Института истории АН СССР, а также заместителем академика-секретаря Отделения истории АН СССР. В. М. Хвостов стоит во главе проблемного научного совета по истории внешней политики СССР и международных отношений при Президиуме Академии наук СССР.

В 1965 г. В. М. Хвостов избран членом Сербской Академии наук.

Академик В. М. Хвостов является активным общественным деятелем, в значительной степени в области, связанной с его научной специальностью. Так, он является членом Советского Комитета в защиту мира, заместителем председателя Комиссии по научным проблемам разоружения, членом международного и советского Комитетов Пагуошского движения ученых за разоружение, участвует в Пагуошских и других международных конференциях и конгрессах.

Весьма активна деятельность В. М. Хвостова при проведении международных конгрессов историков в Риме, Стокгольме и других международных встреч. В. М. Хвостов — член Международного комитета исторических наук и Национального комитета советских историков. В. М. Хвостов является заместителем председателя Всесоюзного общества «Знание». Он состоит членом Октябрьского райкома КПСС.

В начале Великой Отечественной войны В. М. Хвостов вступил добровольцем в ряды Советской Армии, где нашел большое применение своим знаниям на политработе. В. М. Хвостову было присвоено звание подполковника. В 1943 г., находясь в армии, В. М. Хвостов был принят в члены Коммунистической партии. В 1944—1945 гг. В. М. Хвостов работал в аппарате ЦК КПСС. В 1945—1947 гг., будучи переведен в Министерство иностранных дел СССР, он возглавлял Высшую дипломатическую школу, а затем был начальником Историко-дипломатического управления. На протяжении шести лет (1947—1953 гг.) В. М. Хвостов состоял членом коллегии МИД СССР, а в течение следующих двух лет работал в аппарате ЦК КПСС.

В. М. Хвостов участвовал во многих международных совещаниях и сессиях Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций. Он имеет дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посланника первого класса.

Долголетняя научная и служебная деятельность В. М. Хвостова неоднократно отмечалась высокими правительственными наградами: орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак почета» и пятью медалями.

В. В. Альтман

Библиография трудов В. М. Хвостова

1926

- К вопросу об истории и современности в школьном курсе обществоведения...—
«Научно-педагогический сборник Восточно-педагогического института»,
№ 1. То же, отд. оттиск. Казань, 11 стр., схемы.
Купеческая Казань.— В кн.: Старая и новая Казань. Казань, стр. 185—203.

1928

- Рец.: F. F r i e d r i c h. Gesichtspunkte für die Beurteilung eines erziehenden Geschichtsunterrichts; idem: Aus der Praxis der Hamburger Schulen.— Die ewige Revolution. Hrsg. von S. Kawerau. Berlin, 1925, 526 S.— «Обществоведение в трудовой школе», № 1, стр. 67—72.

1929

- Ближневосточный кризис 1895—1897 гг.— «Историк-марксист», т. 13, стр. 19—54.
Рец.: P. J o s t o k. Der Ausgang des Kapitalismus. München, 1928, 301, S.— «Историк-марксист», т. 14, стр. 202—205.

1930

- Проблемы захвата Босфора в 90-х гг. XIX в.— «Историк-марксист», т. 20, стр. 100—129.
Рец.: К. Ф. Н о в а к. Версаль. М., 1930.— «Историк-марксист», т. 15, стр. 157—160.
Рец.: S. B. F a y. The origines of the World war, vol. I. New York, 1929.— «Историк-марксист», т. 18—19, стр. 209—216.

1931

- Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов. Предисловие.— «Красный архив», т. 3 (46), стр. 179—187.
От переговоров о разоружении к войне.— «Борьба классов», № 5, стр. 73—78.
Проект захвата Босфора в 1896 г. Предисловие.— «Красный архив», т. 4—5 (47—48), стр. 50—70.
Южно-Африкаиский союз. Исторический очерк.— БСЭ, т. 65, стб. 130—138.
Южно-Африканский союз. Рабочее движение.— БСЭ, т. 65, стб. 143—147.
Рец.: S. B. F a y. The origines of the World war, vol. II. New York, 1929.— «Историк-марксист», т. 22, стр. 174—178.

1932

- Письмо А. П. Моренгейма о французской политике на Ближнем Востоке (1896 г.). Предисловие.— «Красный архив», т. 3 (52), стр. 197—203
Рец.: E. K e h r. Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894—1901. Berlin, 1930.— «Историк-марксист», т. 1—2 (23—24), стр. 184—187.

1933

- Колониальная политика и национально-освободительное движение в колониях и полуколониях в эпоху промышленного капитализма. [Публикация].— В кн.: Эпоха промышленного капитализма в документах и материалах. Под редакцией Н. М. Лукина и В. М. Далина. М., гл. VII, стр. 473—525.

Царское правительство о проблеме проливов в 1898—1911 гг. Предисловие.— «Красный архив», т. 6 (61), стр. 135—140.

П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. Предисловие.— «Красный архив», т. 4 (59), стр. 82—109.

Рец.: W. L. Langer. European alliances and alignments 1871—1890. New York, 1931.— «Историк-марксист», т. 5 (32), стр. 158—160.

Рец.: H. Opken. Das deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges, т. 1—2, 1933.— «Историк-марксист», т. 5 (32), стр. 154—156.

1934

Германский империализм и война 1914 г.— «Известия», 28.VII, № 174.

Колониальная политика и национально-освободительное движение в колониях и полуколониях в эпоху промышленного капитализма. [Публикация].—

В кн: Новая история в документах и материалах. Под редакцией Н. М. Лукина и В. М. Далина. Изд. 2-е, доп. М., вып. 2, гл. VI, стр. 103—168.

Кризис внешней политики Бисмарка.— «Историк-марксист», т. 5 (39), стр. 33—55.

Подгот. к печати: В. Н. Ламздорф. Дневник. 1891—1892 гг. М., 409 стр. Фашистская пресса Германии о двадцатилетии мировой войны. (Обзор).—

«Историк-марксист», т. 6 (40), стр. 84—87.

Рец.: С. Фей. Происхождение мировой войны, т. 1. М.—Л., 1933, 386 стр.— «Историк-марксист», т. 4 (38), стр. 141—143.

Рец.: С. Фей. Происхождение мировой войны, т. 1—2. М., 1933—1934.— «Известия», 14.X, № 241.

Рец.: В. Bülow, von. Denkwürdigkeiten, Bd. 1—4. 1930—1931.— «Исторический сборник», № 2. Л., стр. 234—246.

1935

Колониальная политика и национально-освободительное движение в колониях и полуколониях в эпоху промышленного капитализма. [Публикация].—

В кн: Новая история в документах и материалах. Под редакцией Н. М. Лукина и В. М. Далина. Изд. 3-е. М., вып. 2, гл. VI, стр. 103—168.

Начало итальянской колониальной экспансии и первая итало-абиссинская война 1895—1896 гг.— «Историк-марксист», кн. 12 (52), стр. 58—74.

Предисловие к кн: Б. Бюлов. Воспоминания. М., стр. 3—28.

Рец.: W. Mommsen. Politische Geschichte von Bismarck zur Gegenwart. 1850—1933. Frankfuhr am Maine, 1935, 261 S.— «Историк-марксист», кн. 11 (51), стр. 122—123. [Подпись: В. Х.]

Ред.: Б. Бюлов. Воспоминания. М., 563 стр.

1936

Рец.: Международные отношения в эпоху империализма, т. VI, ч. 1.— «Исторический сборник», № 5. М.—Л., стр. 351—358.

Рец.: O. Vismarck. Die gesammelten Werke, Bd. VI. Berlin, 1935, 449 S.— «Историк-марксист», кн. 3 (55), стр. 192 [Подпись: В. Х.]

Рец.: R. J. S. Hoffman. Great Britain and the German trade Rivalry, 1875—1914. Philadelphia, 1935, XII, 363 p.— «Историк-марксист», кн. 6 (58), стр. 225—227.

1938

Рец.: История XIX века. Под ред. Лависса и Рамбо, тт. I—VIII.— «Книга и пролетарская революция», № 5—6, стр. 139—146. [Совместно с Р. А. Авербух и С. Б. Каном].

- Австро-Венгрия 1867—1900 гг.— В кн. Новая история, ч. 2. Под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова, Ф. И. Нотовича, В. М. Хвостова, гл. IX, стр. 156—166.
- Австро-Венгрия в 1900—1914 гг.— Там же, гл. XXI, стр. 327—334.
- Англия 1868—1895 гг.— Там же, гл. VI, стр. 93—116.
- Англия 1895—1914 гг.— Там же, гл. XVIII, стр. 276—297.
- Возникновение первой мировой империалистической войны.— «Исторический журнал», № 7, стр. 80—90.
- Германия в период довоенного империализма.— В кн: Новая история, ч. 2. Под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова, Ф. И. Нотовича, В. М. Хвостова. М., гл. XVII, стр. 258—276.
- Германская империя в конце XIX в.— Там же, гл. V, стр. 67—92.
- Итоги социально-политического развития Западной Европы и США с 1870 по 1914 г.— Там же, гл. XXX, стр. 417—427.
- Малые западноевропейские страны в конце XIX в. (Бельгия, Голландия, Швейцария, Швеция, Норвегия, Дания).— Там же, гл. XII, стр. 178—186.
- Малые западноевропейские страны в начале XX в. (Бельгия, Голландия, Швейцария, Швеция, Норвегия, Дания).— Там же, гл. XXV, стр. 346—353.
- Международные отношения 1871—1900 гг. и борьба за раздел мира.— Там же, гл. XV, стр. 224—244.
- Международные отношения 1900—1914 гг.— Там же, гл. XXIX, стр. 397—416.
- Пальмерстон, Генри Джон Темпл.— БСЭ, т. 44, стб. 24.
- Первая мировая империалистическая война. (1914—1918). Политический очерк.— БСЭ, т. 44, стб. 509—552.
- Уроки истории.— «Известия», I.VIII, № 176.
- Франция 1902—1914 гг.— В кн: Новая история, ч. 2. Под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова, Ф. И. Нотовича, В. М. Хвостова. М., гл. XIX, стр. 297—315.
- Экономическое развитие капиталистических стран в период возникновения империализма.— Там же, гл. IV, стр. 54—67.
- Экономическое развитие в эпоху довоенного империализма.— Там же, гл. XVI, стр. 245—258.
- Япония 1868—1914 гг.— Там же, гл. XXVI, стр. 353—363.
- Ред.:* Новая история, ч. II. От франко-прусской войны и Парижской Коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания империалистической войны (1870—1918). [Учебник для вузов]. М., 603 стр. [Совместно с Е. В. Тарле, А. В. Ефимовым, Ф. И. Нотовичем].

1940

- Внешняя политика царской России в 1879—1894 гг.— В кн.: История СССР, т. 2. Под ред. М. В. Нечкиной. М., гл. XXXIII, стр. 685—697. *Перевод* на укр. яз. Киев, 1941, стр. 605—615.
- История международных отношений (1870—1918 гг.). Краткий конспект курса. М., 76 стр. (ВПА им. В. И. Ленина).
- Международные отношения 1871—1900 гг. и борьба за раздел мира. М., 24 стр. (ВПА им. В. И. Ленина).
- От редактора.— В кн.: Международные отношения 1870—1918 гг. Сб. документов. М., стр. 3—6.
- Первая мировая империалистическая война. (1914—1918). Международно-политический очерк. М., 56 стр. (ВПА им. В. И. Ленина).
- Рец.:* Новая история, ч. I. Под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова и Ф. А. Хейфец.— «Учительская газета», 29.IV, № 58. [Совместно с А. Нарочницким].
- Ред.:* Международные отношения 1870—1918 гг. Сб. документов. Сост.: А. Г. Королев и О. Н. Фрейфельд. М., 405 стр. (ВПА им. В. И. Ленина).
- Ред.:* А. Л. Нарочницкий. Указатель литературы по новой истории (1789—1918). Для преподавателей техникумов и рабфаков. М., 82 стр.

1941

История дипломатии, т. I. М., 566 стр. (*Чл. авт. колл.*).

1942

Как германские империалисты уже «напобеждались» однажды до собственной гибели. М., 36 стр. То же. Свердловск, 1942, 32 стр. *Перевод* на азерб. яз. Баку, 1942, 36 стр.

«Пирровы победы» германского империализма. Из опыта первой мировой войны.— «Агитатор и пропагандист Красной Армии», № 15—16, стр. 15—25.

1943

Как развивался германский империализм. (Исторический очерк). М., 56 стр. *Перевод* на латыш. яз. М., 1944, 80 стр.

Разгром немцев под Ростовом в ноябре 1941 г. Краткий очерк. М., 27 стр. *Рец.*: Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве. М., 1942, 52 стр.— «Большевик», № 13, стр. 62—64.

1945

История дипломатии, т. 2. М., 423 стр. [Совместно с И. И. Минцем]. *Перевод* на латыш. яз. Рига, 1949, 428 стр.; на укр. яз. Киев, 1948, 408 стр.; на эстон. яз. Тарту, 1948, 519 стр.; на франц. яз. М., 1948, 468 стр.

Новая история. Учебник для 9-го класса орденой школы. Под ред. В. М. Хвостова и Л. И. Зубока. М., 175 стр., 4 л. карт. [Совместно с Галкиным И. С., Зубоком Л. И. и Нотовичем Ф. И.]. Книга выдержала 17 изданий. 17-е изд.— М., 1962 (под ред. В. М. Хвостова).

1946

История международных отношений. Курс лекций. Вып. I. 1870—1893 гг. М., 76 стр. (Высшая дипломатическая школа).

Несколько справок. (Письмо в редакцию). [К вопросу о Турецкой Армении].— «Новое время», № 3, стр. 24—26.

Режим генерала Франко в свете германских документов.— «Правда», 13.XII, № 294. [Подпись: Владимир Михайлов].

Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 г. (К предыстории франко-русского союза).— «Исторические записки», № 18, стр. 201—254.

1947

История международных отношений (1871—1917 гг.). Курс лекций. ч. I. М., 152 стр. (Высшие военно-политические курсы).

К обсуждению проекта договора о разоружении и демилитаризации Германии.— «Правда», 17.IV, № 92.

Чл. ред. колл.: История международных отношений и внешней политики СССР. Программа курса. М., 64 стр.

1948

Англо-германские переговоры 1939 г.— «Известия», 7.VII, № 159.

Борьба советской дипломатии за демократический мир.— «Большевик», № 18, стр. 54—64.

Выступление Трумэна в Конгрессе.— «Известия», 24.III, № 70. [Подпись: В. Михайлов].

- Как готовилась вторая мировая война.— «Известия», 11.IV, № 86; 13.IV, № 87.
- Мировая печать об «Исторической справке» Совинформбюро.— «Большевик», № 8, стр. 42—50.
- О заявлениях американского и Советского правительств.— «Красная звезда», 15.V, № 114.
- Рец.*: Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I. Ноябрь 1937—1938 гг. М., 1948, 368 стр.— «Большевик», № 7, стр. 57—69. [Подпись: В. Михайлов].
- Рец.*: Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. II. Архив Дирксена (1938—1939 гг.). М., 1948, 287 стр.— «Большевик», № 10, стр. 57—65. [Подпись: В. Михайлов].
- Чл. ред. комит.*: Дипломатический словарь, т. I. М., 856 стб.

1949

- Внешняя политика царской России в 1879—1894 гг.— В кн.: История СССР, т. II. Под ред. М. В. Нечкиной. М., гл. XXIX, стр. 768—781. *Перевод* на укр. яз. Киев, 1950.
- Североатлантический договор — орудие империалистической агрессии.— «Большевик», № 7, стр. 57—68. [Подпись: В. Михайлов].

1950

- Образование Германской Демократической Республики — важный фактор укрепления мира — «Правда», 25.V, № 145. [Подпись: В. Михайлов].
- Чл. ред. комит.*: Дипломатический словарь, т. II. М., 996 стб.

1951

- Вторая годовщина Германской Демократической Республики.— «Известия», 7.X, № 236. [Подпись: В. Владимиров].
- Поучительные уроки истории.— «Известия», 31.VIII, № 204. [Подпись: В. Михайлов].

1952

- Рец.*: G. F. Kennan. American diplomacy 1900—1950. Chicago, 1951, 154 p.— «Коммунист», № 22, стр. 118—123. [Подпись: В. Михайлов].

1953

- Рец.*: E. Maseng. Det klovde Norden mellom de store stater. Oslo, 1952, 160 S.— «Коммунист», № 10, стр. 110—116. [Подпись: В. Михайлов].
- Ред.*: Методическое пособие по новой истории (1870—1918). Для 9-го класса средней школы, ч. II. М., 244 стр.

1954

- Внешняя политика царской России в 1879—1894 гг.— В кн.: История СССР, т. II. Под ред. М. В. Нечкиной. М., гл. XXIV, стр. 739—753.

1955

- Десять лет со дня победы над гитлеровской Германией.— «Международная жизнь», № 5, стр. 11—17. [Подпись: «Комментатор»].
- Западные державы препятствуют обеспечению европейской безопасности и решению германского вопроса. (О позиции США, Англии и Франции на Женевском совещании министров иностранных дел).— «Международная жизнь», № 12, стр. 24—37. [Подпись: В. Михайлов].

- К вопросу о национально-освободительном движении.— «Международная жизнь», № 4, стр. 14—23. [Подпись: «Комментатор»].
- Положить конец холодной войне (передовая).— «Международная жизнь», № 6, стр. 3—18.
- Советские люди уверены в своем будущем (передовая).— «Международная жизнь», № 2, стр. 9—16.
- Франко-русский союз и его историческое значение. М., 79 стр. (Труды историков СССР, подготовленные к X Международному конгрессу исторических наук в Риме). На рус. и франц. яз. *Рец.*: G. C.— «Pensée». Paris, 1956, N 67, p. 146—148.
- L'alliance franco-russe et sa portée historique.— «Relazioni del X Congresso internazionale di scienze storiche». Firenze, vol. V, p. 407—411. *Рец.*: G o n d a J.— «Századok», 1957, évf. 91.N 1—4, 410—411 old.
- Чл. глав. ред.*: Всемирная история, т. 1—10. М., 1955—1965.

1956

- Франко-русский союз и его историческое значение.— В кн.: Десятый Международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955. Доклады советской делегации. М., стр. 618—647.

1957

- Внешняя политика германского милитаризма.— «Международная жизнь», № 8, стр. 76—80. *Перевод* на нем. яз.— «Deutsche Aussenpolitik». Berlin, 1961, Sonderheft 2. S. 33—40.
- Вступительное слово. [На заседании в Академии общественных наук, посвященном обсуждению вопросов внешней политики Советского государства].— «Международная жизнь», № 9, стр. 3—7.
- История СССР. Эпоха социализма. 1917—1957. Учебное пособие. М., 772 стр. (*Чл. авт. колл.*)
- Коренная проблема мировой политики.— «Правда», 4.XII, № 338.
- Ленинские принципы внешней политики.— «Международная жизнь», № 4, стр. 15—23.
- Основные этапы внешней политики Советского правительства за сорок лет.— «Новая и новейшая история», № 4, стр. 67—81.
- L'alliance franco-russe et sa portée.— Atti del X Congresso internazionale di scienza storiche. Roma, 4—11 settembre 1955. Roma, 1957, p. 666—670.
- Рец.*: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 1—2. М., 1957.— «Правда», 14.IX, № 257.
- Ред.*: Методическое пособие по новой истории для 9-го класса, ч. II]. Изд. 2-е, перераб. М., 287 стр.
- Чл. ред. колл.* тома: Документы внешней политики СССР, т. 1. М., 770 стр.
- Чл. ред. колл.*: Из истории общественных движений и международных отношений. Сб. статей в память академика Е. В. Тарле. М., 736 стр.
- Чл. ред. колл.*: «Международная жизнь», жур. М., 1957—1965.
- Чл. ред. колл.*: Е. В. Т а р л е. Сочинения, т. 1—12. М., 1957—1962.
- Чл. ред. комис.*: Документы внешней политики СССР, т. 1—10. М., 1957—1965.
- Чл. ред. комис.*: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 1—2. М., 406 стр., 294 стр.

1958

- Вступительное слово. [На заседании в Академии общественных наук в июле 1957 г., посвященном обсуждению вопросов внешней политики Советского государства].— В кн.: Вопросы внешней политики СССР и современных международных отношений. Сб. статей. М., стр. 8—15.

- За прочный мир и мирное сосуществование.— «Мировая экономика и международные отношения», № 2, стр. 141—145.
- История СССР. Эпоха социализма. 1917—1957. Учебное пособие. М., 771 стр. (Чл. авт. колл.).
- Ленинский принцип внешней политики.— В кн.: Вопросы внешней политики СССР и современных международных отношений. Сб. статей. М., стр. 89—102.
- Некоторые итоги дискуссии по вопросам периодизации внешней политики СССР. (В журнале «Международная жизнь»).— «Международная жизнь», № 8, стр. 86—91. *Перевод* на румын. яз.: *Bilanțul discuției cu privire la periodizarea politicii externe a URSS.*— «Analele Romîno-Sovietice, seria istorie», 1958, N 4 (24), p. 99—104.
- О письме Исполнительного комитета Социалистической партии Австрии.— «Правда», 31.VII, № 212. [Подпись: «Обозреватель»].
- Сорок лет борьбы за мир. М., 159 стр.
3. Солонцов. «Международная жизнь», 1958, № 7, стр. 136—138.
Рец.: И. Н. Николаев.— «Вопросы истории», 1958, № 12, стр. 185—188.
 В. И. Попов.— «Новая и новейшая история», 1958, № 3, стр. 179—181.
 Д. Самойлов.— «Мировая экономика и международные отношения», 1958, № 7, стр. 140—141.
- Ред.*: Е. В. Гарле. Сочинения. В 12-ти томах, т. 5. М., 596 стр.
- Чл. ред. колл.*: Из истории рабочего класса и революционного движения. Памяти акад. А. М. Панкратовой. М., 795 стр.
- Чл. ред. колл.*: Международный политико-экономический ежегодник, 1958. М., 727 стр.

1959

- История Коммунистической партии Советского Союза. М., 742 стр. (Чл. авт. колл.).
- Как возникла вторая мировая война. М., 83 стр. [Совместно с А. М. Некричем]. *Перевод* на нем. яз. București, 1960, 99 S.; Berlin. 1961, 103 S.; на румын. яз. București, 1960, 87 p.
Рец.: П. Воробьев.— «Брянский рабочий», 1960, 12.VIII; Л. Георгиев.— «Новая и новейшая история», 1959, № 6, стр. 150—151;— «Przegląd morski». Warszawa, 1960, N 3, s. 89—90; «Wojskowy przegląd historyczny». Warszawa, 1960, N. 2, s. 418; C a z a n G.— «Analele institutului de istoriea partidului de pelingă, CC al P. M. R.». București, 1960, N 5, p. 202—208.
 V I. N.— «Ceskoslovenský časopis historický». Praha, 1960, N. 2, s. 252—253.
- Не останавливаться на полпути.— «Правда», 27.IX, № 270. [Обсуждение проекта усовершенствования преподавания истории в школе].
- О тех, кто забывает уроки истории. (О документах советско-французских отношений в годы Великой Отечественной войны по германскому вопросу).— «Правда», 27.IV, № 117.
- Поучительные уроки истории. (К 20-летию возникновения второй мировой войны).— «Коммунист», № 12, стр. 92—103.
- Семилетний план и мирное сосуществование.— «Международная жизнь», № 2, стр. 7—13.
- Это никогда не должно повториться. 20 лет со дня начала второй мировой войны.— «Правда», 1.IX, № 244.
- Ред. и чл. авт. колл.*: История дипломатии, т. I. Изд. 2-е М., 896 стр.
- Чл. ред. колл.*: «Вестник Академии наук СССР», жур. М., 1959 (с № 12) — 1965.
- Чл. ред. колл.*: Локарнская конференция, 1925 г. Документы. М., 512 стр.
- Чл. ред. колл.*: Международный политико-экономический ежегодник, 1959. М., 753 стр.
- Чл. ред. колл.*: Международный политико-экономический ежегодник, 1959. М., венной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 351 стр.

- [Выступление на обсуждении отчетного доклада Е. К. Федорова на годовичном собрании АН СССР 24—26 февраля 1960 г.].— «Вестник АН СССР», № 4, стр. 98.
- История гражданской войны в СССР, т. 5. М., 419 стр. (Член коллегии по составлению и подготовке тома).
- В. И. Ленин в борьбе за мир.— В кн: Ленин и наука, М., стр. 249—260.
- Международные отношения в 1871—1898 гг.— В кн: Новая история, т. 3. М., гл. XIX, стр. 283—305.
- Международные отношения в 1898—1914 гг.— Там же, гл. XXXIX, стр. 651—674.
- Припертые к стене.— «Известия», 17.V, № 116.
- Советская историческая энциклопедия. [О подготовке издания].— «Известия», 21.IX, № 226.
- Ред.: Новая история, т. 3, 1870—1918. М., 884 стр. [Совместно с И. С. Галкиным и Н. Е. Застенкером].
- Чл. глав. ред.: Дипломатический словарь, т. I—III. Изд. 2-е. М., 1960—1964. [Совместно с А. А. Громько и С. А. Голунским].
- Чл. ред. комис.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1-я. 1801—1815 гг., т. I. Март 1801—апрель 1804 г. М., 800 стр.
- Чл. ред. комис.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 1—6. М., 1960—1965.

- [Вступительное слово к научной сессии, посвященной 40-летию со дня образования Итальянской коммунистической партии].— В кн: 40 лет Итальянской коммунистической партии. М., стр. 7—12.
- [Выступление на Координационном совещании по актуальным проблемам славяноведения].— В кн.: Актуальные проблемы славяноведения. М., стр. 20—21.
- [Выступление на обсуждении отчетного доклада Е. К. Федорова на годовичном собрании АН СССР 2—4 февраля 1961 г.].— «Вестник АН СССР», № 3, стр. 35—36.
- Германская экспансия на Восток, ее история и идеологические корни.— «Новая и новейшая история», № 3, стр. 46—57. Резюме на англ. яз., стр. 173.
- Историческая миссия нового мира.— «Известия», 31.VII, № 181.
- [О некоторых проблемах гуманитарного образования].— В кн: Всесоюзное совещание работников высшей школы в Кремле. 4—7 июля 1961 г. (Сокращенный стенографический отчет). М., стр. 219—222.
- Переговоры о разоружении. К истории вопроса.— «Международная жизнь», № 1, стр. 122—129; № 2, стр. 81—91.
- Реваншизм и экспансия под маской интеграции.— «Международная жизнь», № 7, стр. 86—89. *Перевод* на нем. яз.— «Deutsche Aussenpolitik». Berlin, 1961, Sonderheft 1, S. 113—117.
- Ред.: Методическое пособие по новой истории для 9-го класса, [ч. II]. Изд. 3-е. М., 291 стр.
- Ред.: Сорок лет Итальянской коммунистической партии. М., 183 стр. [Совместно с Ю. П. Францевым и Г. Д. Обишкиным].
- Ред.: Сорок лет Французской коммунистической партии. М., 152 стр. [Совместно с Ю. П. Францевым и Г. Д. Обишкиным].
- Чл. ред. колл.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сб. статей к 75-летию акад. Н. М. Дружина. М., 434 стр.
- Чл. ред. колл.: Советская историческая энциклопедия, т. 1—7. М., 1961—1965.

- Великий подвиг народа. Доклад на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов 18 октября.— «Правда», 19.X, № 292.
- Десятая Пагуошская.— «Неделя», 9—15.IX, № 37, стр. 19.
- За творческое содружество историков, философов, экономистов.— В кн: Строительство коммунизма и общественные науки. М., стр. 183—185.
- Заповедь истории: не ходи с мечом на Москву! — «Известия», 17.X, № 248.
- История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 2-е, доп. М., 784 стр. (Чл. авт. колл.).
- Перспективы разоружения.— «Международная жизнь», № 11, стр. 62—68.
- Реваншизм и «интеграция».— В кн.: Европейская безопасность и угроза западногерманского милитаризма. М., стр. 427—432.
- Современное состояние изучения в СССР истории европейских стран народной демократии и задачи научно-исследовательской работы.— «Новая и новейшая история», № 3, стр. 3—11.
- Ред.: Новая история. Учебник для 9-го класса средней школы. 17-е изд. М., 144 стр. с илл.

- Доклад [на Всесоюзном совещании историков. Москва, декабрь 1962 г.]— «Новая и новейшая история», № 2, стр. 23—33. Обсуждение доклада В. М. Хвостова и Б. Г. Гафурова, стр. 34—39.
- Жизнь учит — сотрудничество необходимо. К 30-летию установления дипломатических отношений между СССР и США.— «Правда», 16.XI, № 320. [Совместно с В. Израэляном].
- Историки ждют современность.— «Известия», 12.1, № 11.
- Историческая наука на современном этапе.— «Коммунист», № 8, стр. 77—85.
- История дипломатии. Изд. 2-е, т. II. Дипломатия в новое время. 1871—1914. М., 820 стр.
- Рец.: Е. Ю. Богущ, А. Л. Нарочницкий.— «Вопросы истории». 1964, № 7, стр. 122—128.
- Л. Завьялов.— «Известия», 1963, 28.VIII, № 205.
- А. Иойриш и В. Романов.— «Международная жизнь», 1963, № 11, стр. 116—119.
- В. Израэлян.— «Коммунист», 1963, № 5, стр. 124—127.
- Л. Кутаков.— «Правда», 9.IX 1963.
- Б. Леонтьев.— «Новое время», 1963, № 43, стр. 29—31.
- А. З. Манфред.— «Новая и новейшая история», 1963, № 6, стр. 114—117.
- V. Subrilovic.— «Jugoslovenski Istoriski časopis». Beograd, 1964, N 2, стр. 98—105.
- H. Giertz.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1964, Hf. 3, S. 528.
- J. Ko.— «Československý časopis historický». Praha, 1964, N 3, s. 476—477.
- S. Kumpf.— «Deutsche Aussenpolitik». Berlin, 1965, Hf. 3, S. 343—345.
- M. Pundeff.— «The American Historical Review», New York, 1965, vol. 70, N 3, p. 746—747.
- V. Soják.— «Mezinárodní politika». Praha, 1964, N 5, S. 227—228.
- Новая история, ч. II. Учебник для средней школы. Под ред. В. М. Хвостова. Киев, 343 стр. с илл. [Совместно с А. П. Аверьяновым, И. С. Галкиным, Л. И. Зубоком, А. Я. Манусевичем и В. А. Орловым]. 2-е изд. М., 1964; 3-е изд. М., 1965.
- Одиннадцатая Пагуошская.— «Известия», 23.X, № 253. [Совместно с Л. Арцимовичем, В. Кириллиным].

The foreign policy of the Union of Soviet Socialist Republics.— In: Foreign policies in a world of change. Eds. Black J.E. and Thompson K. W. New York, p. 223—258. [Совместно с Л. Н. Кутаковым].

Чл. ред. колл.: Рапальский договор и проблема мирного сосуществования. М., 292 стр.

1964

Борьба КПСС за ленинский курс социалистической внешней политики.— В кн.: За чистоту марксизма-ленинизма. М., стр. 315—326.

[Выступление по докладу П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева «О методологических вопросах исторической науки»].— «Вопросы истории», № 3, стр. 39—41.

История СССР. Эпоха социализма. 1917—1957. Учебник. М., 647 стр. (*Чл. авт. колл.*).

Китайский «счет по реестру» и правда истории [об установлении границы между Китаем и Россией].— «Международная жизнь», № 10, стр. 21—27.

Напишем историю социалистической Москвы.— «Московская правда», 7.1, № 5. [Совместно с А. Синициным].

О состоянии разработки истории внешней политики СССР и международных отношений современной эпохи.— «Новая и новейшая история», № 2, стр. 3—11. Резюме на англ. яз., стр. 195.

Обсуждение доклада П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева.— В кн.: История и социология. М., стр. 98—103.

Оградить мир от нового преступления империализма. К 25-летию начала второй мировой войны.— «Коммунист», № 13, стр. 66—73.

Основные направления научных исследований и подготовка научно-педагогических кадров по всеобщей истории. [Доклад].— В кн.: Всесоюзное совещание о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. Москва. 1962. М., стр. 394—411.

Пагуоский форум ученых.— «Правда», 2.X, № 276. [Совместно с М. Д. Миллионщиковым, Л. А. Арцимовичем].

Преступление империализма. [50-летие начала первой мировой войны].— «Известия», 1.VIII, № 182.

Уроки истории.— «Советская Россия», 11.I, № 9.

Foreign policy of the Soviet Union.— «Vitel speeches and documents of the dates». New Dehly, vol. 5, N 10—11, p. 343—345.

Der Kampf UdSSR gegen die Politik der raketen Atombewaffnung der BRD.— «Dokumentation der Zeit». Berlin, Jg. 16, Hf. 323, S. 9—12; То же в кн.: Die Multilaterale Bedrohung der europäischen Sicherheit. Intern. Wissensch. Koll. 27—29 Oktober, 1964. Berlin, S. 22—31; *Пер.* на польск. яз.— «Sprawy miedzynarodowe». Warszawa, 1965, N 1, s. 99—110.

Ред.: Атлас новейшей истории зарубежных стран. М., 57 стр. [Совместно с А. П. Аверьяновым].

Чл. ред. колл.: Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. Москва, 1962, 18—21 декабря. [Материалы]. М., 518 стр.

Чл. ред. колл.: Л. И в а н о в. Морская политика и дипломатия империалистических держав. (Между первой и второй мировыми войнами). Избранные произведения. М., 444 стр.

Чл. ред. колл.: Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX вв. Сб. статей к 80-летию акад. И. М. Майского. М., 560 стр.

1965

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. В 6 т., т. 6. М., 319 стр. (*Чл. авт. колл.*).

История дипломатии. Изд. 2-е, т. III. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. М., 831 стр. [*Чл. авт. колл.*].

- Международный форум ученых.— «Правда», 16.V, № 136. [Совместно с М. Д. Миллионщиковым и Л. А. Арцимовичем].
- Победа России в Отечественной войне 1812 г. как предпосылка освобождения Европы от наполеоновского владычества.— В кн.: Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М., стр. 74—88. [Совместно с Н. И. Казаковым].
- Путь в Дюнкерк и Компьен. [О стремлении правительств США и Англии предоставить атомное оружие ФРГ].— «Международная жизнь», № 3, стр. 3—11.
- Current Status of disarmament problems.— Proceedings of the 14th Pugwash Conference on Science and World affairs. Venice, Italy—April, 11—16, 1965. Venice, p. 216—223.
- Ред.: Покровский М. Н. Избранные произведения. В 4-х кн. Кн. 2. М., 664 стр.
- Чл. ред. колл.: Всемирная история, т. 10. М., 727 стр.
- Чл. ред. колл.: Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. [Сб. статей]. К 80-летию акад. Н. М. Дружинина. М., 459 стр., 2 л. илл.
- Чл. ред. колл.: Е. В. Тарле. Очерки истории колониальной политики западно-европейских государств (Конец XV—начало XIX в.). М.—Л., 427 стр.
- Чл. ред. комис.: Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. М., 621 стр.

Литература о В. М. Хвостове

- В Отделении истории АН СССР и научных Советах. Новое пополнение Отделения истории АН СССР. [Об избрании В. М. Хвостова действительным членом АН СССР].— «Вопросы истории», 1964, № 9, стр. 119—120.
- Достойное пополнение Академии наук СССР. [Сообщение об избрании В. М. Хвостова и др. действительными членами АН СССР].— «Известия», 28.VI 1964, № 153, стр. 3.
- Новые члены Академии наук по Отделению истории. (Выборы в Академию наук).— «Новая и новейшая история», 1964, № 5, стр. 166.
- Сообщение об избрании членами Сербской академии В. М. Хвостова и др.— «Московская правда», 13.XI 1965, № 267, стр. 1.
- Академик Владимир Михайлович Хвостов. (К 60-летию со дня рождения).— «Преподавание истории в школе», 1965, № 5, стр. 21—23.
- Академик Владимир Михайлович Хвостов. (К 60-летию со дня рождения).— «Новая и новейшая история», 1965, № 4, стр. 170—172.
- Владимир Михайлович Хвостов. (К 60-летию со дня рождения).— «Вестник Моск. ун-та. История», 1965, № 6, стр. 94—97.
- К 60-летию академика В. М. Хвостова.— «Вопросы истории», 1965, № 8, стр. 131—133.
- Юбилей академика В. М. Хвостова.— «История СССР», 1965, № 4, стр. 225—226.
- Чествование академика В. М. Хвостова.— «Вестник АН СССР», 1965, № 9, стр. 122—123.

-
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая 1943 года о награждении В. М. Хвостова орденом Красной Звезды за успешное выполнение заданий правительства в области оперативной и организационной работы Красной Армии.— «Ведомости Верховного Совета СССР», № 19, 25.V 1943.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июня 1945 года о награждении В. М. Хвостова орденом «Знак почета» за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием АН СССР.— «Ведомости Верховного Совета СССР», № 48, 14.VIII 1945, стр. 3.

- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1954 года о награждении В. М. Хвостова орденом Ленина за безупречную работу.— «Известия», 4.XI 1954.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июня 1965 года о награждении В. М. Хвостова орденом Трудового Красного Знамени в связи с 60-летием.— «Известия», № 152, 28.VI 1965.
- О присуждении Государственных премий за выдающиеся работы в области науки за 1942 год. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 10 апреля 1942 года.— «Правда», 10.IV 1942 (Премия Первой степени за книгу «История дипломатии», т. I. Авторский коллектив: Хвостов В. М. и др. М., 1941).
- О присуждении Государственных премий за выдающиеся работы в области науки за 1945 год. Постановление Совета Министров СССР от 26 июня 1946 года.— «Правда», 27.VI 1946 (Премия Первой степени за книгу «История дипломатии», т. II. Сост. В. М. Хвостов и И. И. Минц. М.— Л., 1945).

Составители: *Н. Я. Крайнева, П. В. Пронина.*

Доктор исторических наук, профессор Борис Федорович Поршнев

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Крупный советский историк, ученый широкого диапазона, Борис Федорович Поршнев родился в марте 1905 г. в Петербурге. Он окончил общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук Московского университета и аспирантуру Института истории РАНИОН.

С самого начала научной деятельности Б. Ф. Поршнев уделял большое внимание истории народных движений в период перехода от феодализма к капитализму. Эта тема послужила сюжетом его докторской диссертации, защищенной в 1940 г.

Б. Ф. Поршнев вовлек в научный оборот ценнейший фонд рукописного отдела Ленинградской государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, составляющий значительную часть архива Пьера Сегье, канцлера Франции в 1635—1672 гг., одного из ее крупных государственных деятелей XVII в. Уже самый факт установления и изучения им большого числа стихийных народных движений, носивших объективно антифеодальный характер и систематически игнорировавшихся буржуазной историографией, в корне меняет выработанное ею общее представление о французском абсолютизме того времени. Придавая, в противоположность буржуазной науке, первостепенное значение классовой борьбе и активным выступлениям народных масс в процессе исторического развития, Б. Ф. Поршнев подошел с этих позиций и к непосредственно интересовавшей его «загадке Фронды» — к выяснению роли отдельных классов в социально-политическом кризисе середины XVII в. В противовес традиционному изображению Фронды как последней попытки феодальной знати остановить прогрессивное развитие абсолютной монархии, он показал, что Фронда была проявлением той же самой в сущности классовой борьбы, которая лишь на гораздо более высокой ступени разразилась в виде революции 1789 г., что всеопределяющим фоном, вернее, фундаментом тех или иных событий Фронды были народные движения, что

начало Фронды было попыткой буржуазной революции, что дворянство не принимало в нем никакого участия. Тот факт, что не в период Фрэнды, а только в конце XVIII столетия народные восстания переросли в буржуазно-демократическую революцию, Б. Ф. Поршневу сводит в конечном итоге к двойственному положению буржуазии в феодально-абсолютистской Франции XVI—XVII вв.,— к тому, что «лишь в 1789 г. она,— по словам К. Маркса,— решилась действовать заодно с крестьянами».

Капитальный труд Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648)», опубликованный в 1948 г., удостоенный в 1950 г. Государственной премии и переведенный на немецкий (1954 г.) и французский (1963 г.) языки, вошел в мировую историческую науку не только по общему заключению советских и зарубежных историков-марксистов, но и по признанию представителей различных течений французской, голландской, английской и американской буржуазной историографии.

Вслед за своими конкретными исследованиями по истории народных движений Б. Ф. Поршневу выступил с «Очерком политической экономики феодализма». Итогом целого ряда его работ в этой области является вышедшая в 1964 г. книга «Феодализм и народные массы», представляющая собой смелую, цельную по замыслу и выполнению попытку теоретического обобщения основных проблем феодальной формации, генезиса капитализма и революционного перехода от феодальной формации к капиталистической. Исходя во всем своем построении из понятия классового антагонизма, Б. Ф. Поршневу последовательно вскрывает решающую роль трудящихся масс во всем ходе исторического развития и в ниспровержении феодализма.

От изучения народных движений во Франции второй четверти XVII столетия Б. Ф. Поршневу перешел к пристальному изучению всей сложившейся системы европейских государств, всей суммы резко обострившихся международных противоречий этого периода — периода Тридцатилетней войны, Английской революции и одновременного подъема социальной, политической, национально-освободительной борьбы, наряду с Францией кануна Фронды, также и в других районах Европы: в Испании и Португалии, в Дании и Голландии, Швеции, Австрии, Швейцарии, Польше, на Украине, в Московской Руси.

Изучив русские архивные фонды, Б. Ф. Поршневу показал возросшую в годы Тридцатилетней войны международную роль Московского государства, вступившего уже тогда на арену активной европейской политики и фигурирующего в тексте Вестфальского (Оснабрюкского) договора 1648 г. в числе победителей германского императора. Б. Ф. Поршневу связывает русскую внешнюю политику с такими явлениями, как казацко-крестьянское движение 1633—1634 гг.— так называемая «балашовщина» и освободительная война украинского народа 1648—1654 гг.

В тесной связи с трудами по истории народных движений стоят и работы Б. Ф. Поршнева по истории социалистических идей. Продолжая дело своего учителя академика В. П. Волгина, заложившего основы новой по существу отрасли марксистско-ленинской исторической науки — истории социалистических учений — и написавшего первое свое исследование о Жане Мелье, Б. Ф. Поршнева изучает величественную фигуру этого утопического провозвестника революционного коммунизма и исторические судьбы его «Завещания». Б. Ф. Поршнева возглавляет специальную группу по истории социалистических идей в Институте истории АН СССР и является ответственным редактором двух подготовленных ею сборников статей и материалов, один из которых был посвящен памяти В. П. Волгина. В то же время Б. Ф. Поршнева систематически работает уже многие годы в смежных с исторической наукой областях социальной психологии, этнографии, антропологии, биологии, внося также и сюда серьезный и оригинальный вклад.

Начиная с 1929 г. разворачивается интенсивная научно-педагогическая деятельность Б. Ф. Поршнева в МГУ, в Академии общественных наук при ЦК КПСС, в Институте истории АН СССР, в Московском областном педагогическом институте, в Московском институте истории, философии и литературы. В течение ряда лет Б. Ф. Поршнева возглавлял кафедры в Московском областном педагогическом институте и в университете. Много сил и внимания отдал он подготовке научных кадров.

При ближайшем участии Б. Ф. Поршнева и под его непосредственным руководством был подготовлен в 1951 г. к печати первый том вузовского учебника по новой истории, переведенный на многие иностранные языки и вышедший в 1964 г. новым, значительно переработанным изданием.

Помимо научно-исследовательской и педагогической деятельности, Б. Ф. Поршнева ведет также большую научно-организационную работу: с 1957 г. он является заведующим сектором новой истории западноевропейских стран Института истории АН СССР. В то же время Б. Ф. Поршнева — член Главной редакции «Всемирной истории». Он состоит в редакционной коллегии журнала «Новая и новейшая история» с момента его основания.

Б. Ф. Поршнева достойно представляет советскую историческую науку на международных конгрессах историков, различных международных конференциях и встречах историков, является членом Международного социологического института.

В 1957 г. Б. Ф. Поршнева избран почетным доктором Клермон-Ферранского университета во Франции, богатому историческому опыту и революционным народным традициям которой он посвятил основную часть своих исследований.

Б. Г. Вебер

Библиография трудов Б. Ф. Поршнева

1929

Рец.: П. П. Парадизов. Очерки по историографии декабристов. М.—Л. (6 г.).—«Каторга и ссылка», № 10, стр. 204—210.

1933

Предисловие к кн.: П. Перцов. Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. М.—Л., стр. I—XXXVI.

1934

Важный участок исторической науки.—«Книга и пролетарская революция», № 6, стр. 32—38.

Западноевропейская история в «Известиях Академии наук».—«Книга и пролетарская революция», № 11, стр. 42—46 (Историографический обзор).

Рец.: Наукообразный труд. [Рец. на кн. А. К. Дживелегов. Данте Алигиери. М., 1933].—«Книга и пролетарская революция», № 6, стр. 81—85. [Псевдоним: В. Пушкин].

О новой библиотечно-библиографической классификации.—«Книга и пролетарская революция», № 12, стр. 50—55.

1935

Фронда.—БСЭ, т. 59.

Рец.: Новый шаг в изучении истории Америки.—«Книга и пролетарская революция», № 2, стр. 60—63. [Рец. на кн.: А. В. Ефимов. К истории капитализма в США. М., 1934].

Рец.: Изысканно-оποшленный Данте.—«Книга и пролетарская революция», № 3, стр. 87—90. [Рец. на кн.: Данте Алигиери. Vita nova. Пер. с итал., введ. и примеч. А. Эфроса. М., 1934] [Псевдоним В. Пушкин].

Рец.: Рецидив абстрактного социологизирования.—«Книга и пролетарская революция», № 3, стр. 26—29. [Рец. на кн.: В. В. Рейхардт. Очерки по экономике докапиталистических формаций. М.—Л., 1934].

Рец.: С. Г. Лозинский. История папства. Т. I. М., 1934.—«Проблемы истории докапиталистических обществ», № 1—2, стр. 239—241.

1936

Фактория.—БСЭ, т. 56.

1937

Католицизм (в средние века).—БСЭ, т. 31. [Подпись: Б. П.].

Карл Великий.—БСЭ, т. 31. [Без подписи].

Камизары.—БСЭ, т. 31. [Без подписи].

Крепостное право (на западе в средние века).—БСЭ, т. 34. [Без подписи].

Рец.: Луи де Сен-Симсн. Мемуары. Пер. и коммент. И. М. Гревса. Т. II. М.—Л., 1936.—«Историк-марксист», № 5—6, стр. 234—237.

1938

Вопросы средневековой истории в работах Маркса.—«Книга и пролетарская революция», № 4, стр. 95—100.

Восстание в Байонне в 1641 году.—«Известия АН СССР. Отд. общественных наук», № 1—2, стр. 95—132.

Кольбер Жан Батист.—БСЭ, т. 33. [Без подписи].

Компаньонажи.—БСЭ, т. 33. [Без подписи].

Ло.— БСЭ, т. 37. [Без подписи].
Людовик XIII.— БСЭ, т. 37. [Без подписи].
Людовик XIV.— БСЭ, т. 37. [Без подписи].
Людовик XV.— БСЭ, т. 37. [Без подписи].
Людовик XVI.— БСЭ, т. 37. [Без подписи].
Мануфактура.— БСЭ, т. 38. [Без подписи].
Меркантилизм.— БСЭ, т. 39. [Без подписи].
Мюнцер Томас.— БСЭ, т. 40. [Без подписи].
Рец.: История французского народа.— «Интернациональная литература», № 7, стр. 178—181 [Рец. на кн.: А. Ribard. La France. Histoire d'un peuple. Paris, 1938].

1939

Крестьянские и плебейские восстания во Франции XVII—XVIII вв.— «Историк-марксист», № 4, стр. 85—93.
Нантский эдикт.— БСЭ, т. 41. (Без подписи).
Община (на западе).— БСЭ, т. 42.
Папство (в средние века).— БСЭ, т. 44.
Первоначальное накопление.— БСЭ, т. 44. (Без подписи).
Рец.: История средних веков, т. II. Учебник для вузов. Под ред. С. Д. Сказкина и О. Л. Вайнштейна. М., 1939.— «Правда», 4.XII.

1940

Чем было третье сословие во Франции XVII века.— «Историк-марксист», № 2, стр. 91—113.
Народные восстания во Франции 20—40-х годов XVII века.— «Ученые записки исторического факультета МОПИ», т. II, стр. 3—99.
Цели и требования крестьян в бретонском восстании 1675 г.— «Труды МИФЛИ», т. VI, стр. 42—118.
Исторические предпосылки развития средневековой философии.— В кн.: История философии. Т. I, кн. 2. Философия феодального общества. М., стр. 399—409. [Без подписи].
Плебейство (в средние века).— БСЭ, т. 45.
Рабочий класс (от возникновения до промышленного переворота).— БСЭ, т. 47.
Ред.: «Ученые записки исторического факультета МОПИ», т. 2.
Рец.: Вторая тетрадь «Хронологических выписок» Маркса. Архив Маркса и Энгельса, т. VI. Под ред. М. Б. Митина. М., 1939.— «Книга и пролетарская революция», № 1, стр. 58—61.
Рец.: Е. А. Косминский. История средних веков. Учебник для 6—7 классов средней школы. М., 1940.— «Правда», 23.XII.
Проблема Фронды.— «Историк-марксист», 1941, № 5, стр. 96—105.
Исторические предпосылки развития буржуазной философии.— В кн.: История философии, т. II. М., стр. 3—19. [Без подписи].
Рец.: Третья тетрадь «Хронологических выписок» Маркса. Архив Маркса и Энгельса, т. VII. Под ред. М. Б. Митина. М., 1940.— «Большевик», № 1, стр. 89—96.
Рец.: О. Л. Вайнштейн. Биография средних веков.— «Политическая и социально-экономическая литература», № 2, стр. 41—45.
Предисловие к кн.: П. Мериме. Хроника времен Карла IX. М., 1941, стр. 5—12.

1942

Из истории восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 году.— Сб. «Средние века», вып. I, стр. 164—183.
Ред.: Средние века. Сборник. Вып. 1. М.—Л. (член редколлегии. Также в последующих выпусках до вып. X).

1943

Завоевательные авантюры в истории Германии и гитлеровщина.— «Большевик», № 14, стр. 37—51.

1944

Народные восстания во Франции в XVII в. Автореферат.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. I, № 1, стр. 37—39.

1945

Восстание в Бордо в 1675 г.— «Доклады и сообщения истфака МГУ», № 6, стр. 3—10.

Из истории восстания «босоногих» (Развитие и программа восстания).— «Исторические записки», т. 15, стр. 215—246.

Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну.— «Исторический журнал», № 3, стр. 1—20.

Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. II, № 5, стр. 319—340.

1946

Народные восстания во Франции при Кольбере.— Сб. «Средние века», вып. II, стр. 373—404. Пер.: Paris, 1954.

1947

Густав Адольф и подготовка Смоленской войны.— «Вопросы истории», № 1, стр. 53—82.

Ледовое побоище и всемирная история.— «Доклады и сообщения истфака МГУ», № 5, стр. 29—45.

Из истории восстания «босоногих» (Восстание в Руане).— «Ученые записки МГУ», вып. 114, стр. 59—92.

Über die gewisse Tendenzen in der deutschen Geschichte.— «Sowjetliteratur», 1947, N 1, S. 97—126.

Рец.: Четвертая тетрадь «Хронологических выписок» Маркса. Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. М., 1946.— «Советская книга», № 6, стр. 53—61. [Совместно с И. С. Завяичем].

Рец.: Mousnier R. La vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII. Rouen, 1945. [Р. Мунье. Продажа должностей при Генрихе IV и Людовике XIII. Руан, 1945].— «Вопросы истории», № 9, стр. 143—147.

1948

Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.— Л., 1948, 724 стр. Пер. на нем. яз.: Leipzig, 1954. Пер. на франц. яз.: Paris, 1963. Рец.: З. В. Мосина. «Вопросы истории», 1948, № 7.

Б. Г. Вебер. «Известия АН СССР. Серия истории и философии». 1948, т. 5, № 4.

А. З. Манфред. «Советская книга», 1948, № 9.

И. Н. Слободянюк. «Наука и жизнь», 1950, № 4.

«Преподавание истории в школе», 1950, № 5.

С. Самойлов [М. Я. Гефтер]. «Литературная газета», 29.III 1950.

C. Serban. «Analele române — sovietice», 1948, а. 1, N 1.

J. Bruhat. «Pensée», 1950, N 29.

H. W. Czapinski. «Przegląd historyczny», 1951, т. XLII.

- J. Pérus. «Pensée», 1952, N 40.
 K. Schnelle. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1955, Hf. 1.
 R. Mousnier. «Revue d'histoire moderne et contemporaine», avril — juin 1958, N 5.
 R. Mandrou. «Annales», 1959, An 14, N 4.
 M. Degarne. «Pensée», 1962, N 52.
 R. Mousnier. «Revue des travaux de l'Académie des sciences morales et politiques», t. 115, second semestre.
 F. Furet. «Annales», 1963, N 3.
 P. Leuilliot. «Annales», 1964, N 5.
 W. F. Church. «Journal of modern history», vol. XXXVI, March — December 1964.
 L. Bernard. «American historical review», vol. LXX, N 1, October 1964.
 J. J. Gutierrez. «Hispania» 1964, N 95.
 E. Le Roy Ladurie. «France observateur», N 733, 21.V 1964.
 D. Ligou. «Revue d'histoire économique et sociale», 1964, N 3.
 R. Pithon. «Schweizerische Zeitschrift für Geschichte», Bd. 14, Hf. 3, 1964.
 E. Pitz. «Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», Bd. 51, Hf. 3, November 1964.
 «Times literary supplement», June 1964, N 3249.
 C. Vivanti. «Rivista storica italiana», 1964, An. 76, Fasc. 4.
 H. G. Hall. «Studi Francesi», t. VIII, No 1, 1964.
 J. M. Bercé. «Extrait de la Bibliothèque de l'École des Chartes», 1964.
 A. Leguai. «Bulletin de la Société d'émulation du Bourbonnais», 1964.
 G. Lemarchand. «Pensée», 1965, N 121.
 К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII вв.— «Ученые записки Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)». 1948, вып. 2, стр. 5—33.
 Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. V, № 6, стр. 473—488.
 Отв. ред.: К столетию революции 1848 года. Сб. статей. М.
 Рец.: Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.—Л., 1947.— «Советская книга», № 2, стр. 70—75.
 Рец.: М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М.—Л., 1947.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. V, № 1, 125—126.
 Рец.: М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера...— «Советская книга», № 7, стр. 60—63.
 Рец.: О. Л. Вайнштейн. Россия и Тридцатилетняя война. 1618—1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. М., 1947.— «Советская книга», № 8, стр. 58—63.

1949

- История средних веков и указание товарища Сталина об основной черте феодального общества.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. VI, № 6, стр. 521—537.
 Абсолютизм.— БСЭ, 2-е изд., т. 1.

1950

- Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. VII, № 3, стр. 205—221.
 Пер.: «Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Abteilung», 1952, N 3.
 Сущность феодального государства.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. VII, № 5, стр. 418—444. Пер.: «Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Abteilung», 1952, N 2. «Zeszyty historyczne «Nowych dróg»», 1951, N 2.
 Рец.: М. А. Алатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.—Л., 1949.— «Вопросы истории», № 8, стр. 131—134.

Le vrai «Grand siècle».— «La Pensée», № 40, p. 29—40, № 41, p. 71—79.
Рец.: Я. Я. З у т и с. Очерки по историографии Латвии. Рига, 1949.— «Известия
АН СССР. Серия истории и философии», т. VII, № 1, стр. 92—93.

1951

Английская республика, французская Фронда и Вестфальский мир.— Сб.
«Средние века», вып. III, стр. 180—216.
Ред.: Новая история. т. I. 1640—1789. Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед.
ин-тов. Под ред. В. В. Бирюковича, Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина.
Автор глав: 1 [совместно с В. Ф. Семеновым], 2—3 [совместно с В. М. Лав-
ровским], 7, 8, 10 [совместно с С. Д. Сказкиным и К. Э. Кировой], 17, 20. М.

1952

Густав II Адольф.— БСЭ, 2-е изд., т. 13.

1953

Письмо в редакцию журнала «Вопросы истории».— «Вопросы истории». № 4,
стр. 139—142.

К вопросу об основном экономическом законе феодализма.— «Вопросы исто-
рии», 1953, № 6, стр. 52—67. Пер.: «Magyar-szovjet kérdéséhezgi szemle».
1953, N 9. «Sowjetwissenschaftliche Gesellschaftsabteilung», 1954, Hf. 1,
«Zeszyty historyczne», 1954, № 6. «Forum», 1954, N 17.

Ред.: Новая история, т. I. 1640—1789. Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и
пед. ин-тов. Под ред. Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина, В. В. Бирюковича.

Кольбер Жан Батист.— БСЭ, 2-е изд., т. 22.

Крестьянский кодекс.— БСЭ, 2-е изд., т. 23.

Рец.: История средних веков, т. I. М., 1952. (Учебник для исторических фа-
культетов государственных ун-тов и педагогических ин-тов). Под ред.
Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина [совместно с С. И. Архангельским и
А. А. Зиминим].— «Коммунист», № 17, стр. 112—121.

1954

Феодализм.— Краткий философский словарь. 4-е изд. Под ред. М. Розенталя
и П. Юдина. М., стр. 504—505.

К характеристике международной обстановки освободительной войны ук-
раинского народа 1648—1654 годов.— «Вопросы истории», № 5, стр. 44—
58. Пер.: «Jahrbuch zur Geschichte der deutsch-slavischen Beziehungen»,
1956, Bd. 1. «Studii revista de istorie si filozofie», 1954, N 2.

Возрастание роли народных масс в истории.— «Вопросы философии», 1954,
№ 4, стр. 14—28. Пер.: «Zeszyty teoretyczno-polityczne», 1954, N 5.

Английская революция и современная ей Франция.— В кн.: Английская бур-
жуазная революция XVII в. Под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левиц-
кого, т. 2. М. 1954, стр. 71—89.

Мазаньелло.— БСЭ, 2-е изд., т. 2.

Мазарини Джулио.— БСЭ, 2-е изд., т. 26.

Мишле Жюль.— БСЭ, 2-е изд., т. 27.

Монархомахи.— БСЭ, 2-е изд., т. 28.

Огонь.— БСЭ, 2-е изд., т. 30.

Оксеншерн Аксель.— БСЭ, 2-е изд., т. 30.

1955

Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения. М., 72 стр. (Доклады со-
ветской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме).

- Народные истоки мировоззрения Жана Мелье.— В кн.: Из истории социально-политических идей. Сб. статей к семидесятипятилетию акад. В. П. Волгина. М., 1955, стр. 213—237.
- Материализм и идеализм в вопросах становления человека.— «Вопросы философии», № 5, стр. 143—156. Пер.: «Sowietwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge», 1956, N 6.
- О древнейшем способе получения огня.— «Советская этнография», № 1, стр. 7—28.
- Новые данные о высекании огня.— «Краткие сообщения института этнографии АН СССР», т. XXIII, стр. 59—67.
- О чем говорят эти факты? (По поводу статьи Л. Малаховой «Вскормленные зверем»).— «Знание — сила», № 11, стр. 20—22.
- Эпоха Коперника.— В кн.: Николай Коперник. Сб. статей и материалов. М., стр. 33—56.
- Ред.: Всемирная история в девяти томах, т. 1. М. (Член главной редакции и далее в тт. 2—10).
- Против антинаучных теорий возникновения и развития человеческого общества.— «Коммунист», № 9, стр. 107—116. (Рец. на кн.: Historia mundi, t. 1—2. Берн, 1952—53). [Совместно с М. Левиньым и В. Струве].

1956

- Очерк политической экономии феодализма. М., 207 стр. Перв.: București, 1957. Praha, 1959. Пекин, 1958. Рец.: Г. Козлов.— «Коммунист», 1957, № 9. Ф. Морозов.— «Вопросы экономики», 1958, № 11. В. Козловский.— «Вопросы экономики», 1962, № 9. «Rassegna sovietica», 1956, N 6. Я. Д. Серовайский. «Ученые записки Казах. пед. ин-та» т. 39, вып. 5, 1959.
- Отклики французского общественного мнения на английскую буржуазную революцию.— Сб. «Средние века», вып. VIII, стр. 319—347.
- Борьба вокруг шведско-русского союза в 1631—1632 гг.— «Скандинавский сборник», т. I. Таллин, стр. 11—71.
- Исследования советских историков о роли России в Тридцатилетней войне. (На финск. яз.).— «Historiallinen Aikakauskirja», N 1, 1956.
- Тридцатилетняя война, 1618—1648.— БСЭ, 2-е изд., т. 43.
- Фронта.— БЭС, 2-е изд., т. 45. (Без подписи).

1957

- «Вторая Фронта» и английская республика.— В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. Сб. статей в память академика Е. В. Тарле. М., стр. 52—71.
- Швеция и Вестфальский мир.— «Скандинавский сборник», т. II. Таллин, стр. 93—136.
- Социально-политическая обстановка в России во время Тридцатилетней войны.— «История СССР», № 5, стр. 112—140.
- Еще к вопросу о становлении человека.— «Советская антропология», 1957, № 2, стр. 255—262.
- Научные встречи в Париже.— «Новая и новейшая история», № 4, стр. 268—270.
- На съезде австрийских историков.— «Новая и новейшая история», № 1, стр. 180—181.
- Über die Rolle Russlands im Dreissigjährigen Krieg.— «Bericht über den vierten österreichischen Historikertag in Klagenfurt», 17—21. September, 1956. Wien, 1957.
- Ред.: Из истории общественных движений и международных отношений. Сб. статей в память академика Е. В. Тарле. М., 1957. (Член редколлегии).
- Ред.: Журнал «Новая и новейшая история». В следующие годы член редколлегии.

- Вопросы классовой борьбы пролетариата в «Капитале» Маркса.— В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. Сб. статей памяти академика А. М. Панкратовой. М., стр. 631—647. Пер.: «Probleme de istorie», 1960, № 1.
- К спорам о проблеме возникновения человеческого общества.— «Вопросы истории», № 2, стр. 139—156.
- Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры.— «Вестник истории мировой культуры», № 2, стр. 25—44.
- Феодално-абсолютистская Франция во второй половине XVII в.— В кн.: Всемирная история, т. V. М., стр. 108—143.
- Кальвин и кальвинизм.— «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 6, стр. 261—290.
- Спиноза.— В кн.: Всемирная история, т. V. М., стр. 102—105.
- Легенды? Но, может, они достоверны! — «Комсомольская правда», 11.VI.
- Предисловие и отв. ред.* Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке», вып. 1—2. М.
- Поездка во Францию.— «Новая и новейшая история», № 3, стр. 210—212.

- К истории русско-французских связей в эпоху Тридцатилетней войны.— «Французский ежегодник, 1958». М., стр. 56—72.
- Ред.:* «Французский ежегодник, 1958». М. (Чл. ред.). (Также в последующих выпусках).
- Предисловие и отв. ред.:* Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке», вып. 3—4. М.
- Les prétentions du parlement de Paris durant la Fronde aux fonctions d'une institution représentative.— «Anciens pays et assemblée d'Etat». Louvain—Paris, p. 169—173.

- В. И. Ленин о ранних буржуазных революциях.— «Новая и новейшая история», № 2, стр. 50—66.
- Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны.— «Вопросы истории», № 10, стр. 56—75. Пер.: «Analele romine-sovietice Istorie», 1961, N 1.
- Два открытия или одно?— «Знание — сила», № 2, стр. 18—21.
- Les rapports politiques de l'Europe occidentale et de l'Europe orientale a l'époque de la guerre de trente ans.— «Rapports du XIe Congrès international des sciences historiques, Stockholm, 21—28 août 1960», IV.
- Ред.:* Из истории революционной борьбы. Сб. статей. М. (Член редколлегии).

- Основные проблемы изучения новой истории.— «Новая и новейшая история», № 6, стр. 30—44. Пер.: «Pártiortöneti kézlemények», 1962, N 2.
- К итогам дискуссии о чартизме.— «Новая и новейшая история», 1961, № 2, стр. 119—125 (редакционная статья).
- Ускорение ритма истории.— «Проблемы мира и социализма», 1961, № 12, стр. 76—77.
- Выступление на коллоквиуме (Quel avenir attend l'homme?). Rencontre internationale de Royaumont 17—20 mai 1961. Paris.
- Международный коллоквиум в Париже.— «Новая и новейшая история», 1961, № 4, стр. 188—189.
- Коллоквиум, посвященный изучению Бабефа и бабувизма.— «Французский ежегодник, 1960». М., стр. 275—280.

Кисть неизвестного высшего примата.— «Природа», № 2, стр. 61—63. [Совместно с Г. П. Дементьевым и М. Ф. Нестурхом].

Рец.: Ж о р д а н и я Г. Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в., ч. 1—2. Тбилиси.— «Вопросы истории», № 4, стр. 133—140.

1962

Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук.— «Вопросы философии», № 5, стр. 116—129.

Отв. ред.: История социалистических учений. Сб. статей. М., 1962.

Босоногие.— СИЭ, т. 2.

Буржуазная революция.— СИЭ, т. 2. [Совместно с Я. С. Дабкичым].

Рец.: Труды, возвращенные в строй.— «Новая и новейшая история», № 4, стр. 168—169. [Рец. на кн.: А. З. Манфред. Очерки истории Франции XVIII—XX вв. М., 1961].

Рец.: Новая точка зрения на политику Валленштейна в городах Северной Германии.— «Hänsische Studien», 1961, S. 135—161.— «Вопросы истории», № 4, стр. 188—189. [Совместно с А. С. Каном].

1963

Современное состояние вопроса о реликтовых гоминидах. М., 415 стр.

Общественная психология и формирование нового человека.— «Коммунист», № 8, стр. 94—102.

Развитие «балашовского» движения в феврале-марте 1634 г.— «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сб. статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., стр. 225—235.

Неадекватные рефлексы.— «Тезисы докладов на II съезде общества психологов», вып. 4. М., стр. 106—108.

[Филогенетические проблемы высшей нервной деятельности человека].— В кн.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Материалы совещания. Под ред. акад. П. Н. Федосеева и др. М., стр. 587—593.

Морфологические особенности кисти гоминида из Пангбоче (Автореферат доклада).— «Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический», т. LXVIII, вып. 6, стр. 193.

Вестфальский мир 1648.— СИЭ, т. 3.

Рец.: Книга о морали и религии угнетенных классов Римской империи. Рец. на кн.: Е. М. Штаерман. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. (Италия и Западные провинции). М., 1961.— «Вестник древней истории», № 1, стр. 87—94.

1964

Феодализм и народные массы. М., 519 стр. Рец.: А. И. Голота. «Вопросы философии», 1965, № 5. D. Hurezeanu. «Studii revista de istorie», 1964, № 6. Мелье. М., 239 стр. Рец.: А. В. Адо. «Новая и новейшая история», 1965, № 6. М. Skyrpek. «Euhemer», 1965, ч. 9, № 2 (45).

Выступление на Всесоюзном совещании историков.— В кн.: Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. Москва. 1962. (Материалы). М., стр. 183—186.

Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии. (1917—1963).— В кн.: История социалистических учений. Сб. статей памяти академика В. П. Волгина. М., стр. 3—91. [Совместно с В. А. Дунаевским].

На путях к Поляновскому миру 1634 г.— В кн.: Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX века. Сб. статей к 80-летию академика И. М. Майского. М., стр. 512—537.

- Принципы социально-этнической психологии. М., 12 стр. (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Москва, август 1964).
- Выступление на заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР.— В кн.: История и социология. Сб. статей. М., стр. 152—168.
- Общественный прогресс в свете современной исторической науки.— В кн.: Какое будущее ожидает человечество? Прага, стр. 91—98.
- Речеподражание (эхолалия) как ступень формирования второй сигнальной системы.— «Вопросы психологии», № 5, стр. 11—19.
- Жив ли сейчас неандерталец?— «Неделя», 19—25.IV.
- Отв. ред.:* Новая история, т. I (1640—1789). Учебник для исторических факультетов ун-тов. 3-е изд. Под ред. Б. Ф. Поршнева (Отв. ред.), С. Д. Сказкина, Е. Б. Черныка. М. Автор глав: 1, 3 [совместно с В. М. Лавровским], 4 [совместно с М. А. Баргом и В. М. Лавровским], 8, 9, 11 [совместно с С. Д. Сказкиным и К. Э. Кировой], 17, 21.
- Отв. ред.:* История социалистических учений. Памяти академика В. П. Волгина. М.
- Ред.:* Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX века. Сб. статей к 80-летию академика И. М. Майского. М. (Член редколлегии).
- Рец.:* С. Б. Кан. История социалистических идей (до возникновения марксизма). М., 1963.— «Новая и новейшая история», № 3, стр. 139—141.
- Lo stato attuale del problema degli ominoidi regrediti.— «Genus», Vol. XX, N 14, p. 1—20.

1965

- Ленинская наука революции и социальная психология.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научной сессии «В. И. Ленин и историческая наука». (Киев, 15—18 июня 1965 г.). Киев, стр. 22—26.
- Поиск обобщений в области истории религии.— «Вопросы истории», № 7, стр. 135—149.
- Неадекватные рефлексы и их роль в эволюции высших животных. (Автореферат доклада).— «Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический», т. LXX, вып. 3, стр. 128—129.
- Элементы социальной психологии.— В кн.: Проблемы общественной психологии. Под ред. В. Н. Колбановского и Б. Ф. Поршнева. М., стр. 171—195.
- Pascu S. (Roumanie), V. V. Mavrodin, V. F. Porchnev, J. L. Antelava (URSS). Mouvements paysans dans la centre et le sud-est de l'Europe du XV-e au XX-e siècle.— Rapports. IV. Methodologie et histoire contemporaine. Wien. Comité International des sciences historiques. XII-e congrès International des sciences historiques. Vienne. 29 août—5 sept. 1965, p. 211—231.
- Ред.:* Проблемы общественной психологии. М.
- Рец.:* Г. А. Некрасов. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964.— «Новая и новейшая история», № 6, стр. 145—147.

1966

- Социальная психология и история. М., 208 стр.
- Генетическая природа сознания (Интердиктивная функция речи).— В кн.: Проблемы сознания. Материалы симпозиума. М., стр. 27—34.

Составитель: кандидат ист. наук М. Н. Соколова

Доктор исторических наук, профессор Григорий Самойлович Фридлянд

(1896—1937 гг.)

(К семидесятилетию со дня рождения)

Григорий Самойлович Фридлянд (Ц. Фридлянд) принадлежал к числу наиболее ярких представителей талантливого поколения молодых советских историков, выросшего в великое время пролетарской революции и гражданской войны.

Г. С. Фридлянд родился в Минске в 1896 г. в семье рабочего. Среднее образование получил в родном городе, а высшее — в Петроградском психо-неврологическом институте на юридическом факультете.

В студенческие годы, совпавшие с периодом первой мировой империалистической войны, он принимал деятельное участие в революционном студенческом движении Петрограда, работая в подполье под кличкой «Цви». Был активным участником Февральской и Великой Октябрьской социалистической революций. В 1917 г. участвовал в работе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Возвратившись в Минск, Г. С. Фридлянд был избран членом созданного в то время Центрального Исполнительного Комитета Советов Литвы и Белоруссии. С начала гражданской войны Г. С. Фридлянд вступил в ряды Красной Армии и сражался на Западном фронте. В 1921 г. стал членом Коммунистической партии.

По окончании гражданской войны, с 1921 г. Г. С. Фридлянд вел педагогическую и научную работу в ряде комвузов и других высших учебных заведений Москвы и Ленинграда. В ноябре 1922 г. по рекомендации М. Н. Покровского и А. Н. Савина он был зачислен научным сотрудником научно-исследовательского института истории при МГУ, а в следующем году начал

вести занятия на факультете общественных наук Московского университета.

В 1934 г., после известного постановления ЦК и Совнаркома о преподавании истории и восстановлении исторических факультетов, Г. С. Фридлянд был назначен первым деканом вновь открытого исторического факультета Московского университета, проявив здесь себя не только как деятельный организатор, но и как замечательный лектор и руководитель семинарских занятий.

Много ранее он являлся одним из инициаторов создания «Общества историков-марксистов» при Коммунистической Академии и с самого основания общества избирался членом президиума его совета. Г. С. Фридлянд — один из активных работников этого Общества, участник всех дискуссий по самым острым вопросам истории, проходивших в период становления советской исторической науки. Он входил и в состав редакционной коллегии журнала этого общества «Историк-марксист».

На первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, созванной советом Общества в конце 1928 — начале 1929 г., Г. С. Фридлянд выступил с одним из основных докладов: «Итоги изучения Великой французской революции».

Г. С. Фридлянд принимал участие в работе Института К. Маркса и Ф. Энгельса, являясь его научным сотрудником. С 1929 г., когда был создан Институт истории Коммунистической Академии, он был членом дирекции этого института.

Вместе с Н. М. Лукиным, В. П. Волгиным и др. Г. С. Фридлянд представлял советскую историческую науку на международных конгрессах историков и был избран в состав Международного комитета историков.

В расцвете творческих сил, когда ему не исполнилось еще и сорока лет, в мае 1936 г. Г. С. Фридлянд был вырван из рядов советских ученых. Оборвалась жизнь блестящего лектора и исследователя, мастерски владевшего марксистско-ленинским методом.

При чтении списка работ, составляющих его литературное наследство, сразу же поражает количество опубликованных им произведений, широта охвата и выбора различных исторических тем. Разнообразны и его острые публицистические статьи, печатавшиеся во всех советских исторических и общественно-политических журналах. Ученый-историк и здесь неотделим от партийного публициста.

За сравнительно недолгие 15 лет научной и педагогической деятельности на историческом фронте Г. С. Фридляндом было опубликовано более 80 статей, обзоров, предисловий к различным публикациям, огромное количество рецензий на книги отечественных и зарубежных историков. За этот период он напечатал свыше десятка монографий, книг и учебных пособий.

Многие из этих публикаций неоднократно переиздавались и переводились на другие языки народов СССР.

Широк был круг научных интересов Г. С. Фридлянда: его занимали вопросы методологии истории и историографии (здесь следует вспомнить в первую очередь работы об Энгельсе как историке, Чернышевском, Луи Блане и др.). Он уделял внимание вопросам методики преподавания истории, выступая с докладами на конференции преподавателей совпартшкол и комвузов. Он вел активную борьбу с буржуазной идеологией зарубежных и отечественных историков и философов, разоблачая их идеалистические, субъективистские и реакционные методологические основы.

Несмотря на многообразие тематики, все же в центре научных интересов Г. С. Фридлянда находились вопросы, связанные с изучением Великой французской революции. Его двухтомная монография о Марате (он успел опубликовать в 1934 г. только первый том), написанная на основе использования новых материалов из архивов Франции и Англии, несмотря на некоторые спорные утверждения автора, не потеряла своего научного значения и принадлежит к капитальным работам по этому вопросу¹.

В 1966 г. Г. С. Фридлянду исполнилось бы 70 лет. Он по праву может быть отнесен к тем молодым даровитым ученым, которые вместе со старшими товарищами закладывали основы советской исторической науки, руководствуясь в своей деятельности принципами марксизма-ленинизма. Его большое литературное наследие несет на себе печать своего времени, острой борьбы на идеологическом фронте, в том числе и в исторической науке, но работы Г. С. Фридлянда всегда проникнуты духом революционной науки, чувством живой заинтересованности автора в развитии и исходе событий, описываемой борьбы или анализируемых явлений. Оно неодинаково по своей значимости и ценности. Но ни один серьезный исследователь не может пройти мимо работ Г. С. Фридлянда, которые вошли в золотой фонд советской исторической науки.

А. Г. Слущкий

¹ Рецензии на работы Г. С. Фридлянда указываются в публикуемой ниже библиографии его трудов вслед за названием соответствующего произведения. Редакция сборника, естественно, не включила сюда напечатанные в 1937 г. статьи о проф. Фридлянде, которые по своему клеветническому характеру лежат за пределами науки.

Библиография трудов Г. С. Фридлянда

1922

- Восток и Запад в свете социалистической революции.— «Современник», № 1, стр. 34—70.
- Рец.: «Анналы». Журнал всеобщей истории, издаваемый Российской Академией наук под ред. Ф. И. Успенского и Е. В. Тарле. Пг., 1922.— «Современник», № 1, стр. 416—418.
- Рец.: Жан Жорес. Бонапарт. Пб., 1922.— «Современник», № 1, стр. 399—400.
- Рец.: Н. Ленин (В. Ульянов) Собрание сочинений, том XIX. М., 1921.— «Печать и революция», № 2(5), стр. 223—225.
- Рец.: В. И. Невский. Южнорусский рабочий союз в городе Николаеве 1897 г. М., 1922.— «Печать и революция», № 2(5), стр. 289—290.
- Рец.: В. Ратену. Новое государство Пер. с нем. с предисл. Я. Букшпана. М., 1922.— «Печать и революция», № 3(6), стр. 240—243.

1923

- Два пути революции.— «Современник», № 2, стр. 18—38.
- Идеологи буржуазной реставрации [О книге Д. Далина «После войн и революций». Берлин, 1922].— «Печать и революция», № 1, стр. 17—26.
- Круговорот профессора истории. [О книге проф. Р. Виппера «Круговорот истории»].— «Печать и революция», № 6, стр. 8—19.
- Анри де Сен-Симон.— «Под знаменем марксизма», № 10, стр. 196—226.
- Хрестоматия по истории революционного движения Западной Европы (Англия, Франция, Германия XIX и XX вв.). М., 468 стр. [Совместно с А. Слуцким].
- Рец.: Ленцнер Н.— «Под знаменем марксизма», 1923, № 11—12, стр. 320—323.
- Лепешинский П.— «Печать и революция», 1923, № 7, стр. 173—176.
- Ред.: Тезисы и планы по истории революционного движения в Западной Европе XIX и XX вв. для кружковых занятий 8-месячного курса Коммунистического университета им. Свердлова созыва 1921—1922 гг. Работа семинария лекторской группы Коммунистического университета им. Свердлова. М., 93 стр.
- Рец.: «Анналы». Журнал всеобщей истории, издаваемый Российской Академией наук под ред. Ф. И. Успенского и Е. В. Тарле, т. I—III, 1922—1923.— «Под знаменем марксизма», № 8—9, стр. 281—285.
- Рец.: В. П. Волгин. Очерки по истории социализма. М.—Пг., 1923 Б. И. Горев. История социализма, т. 1, 1923.— «Под знаменем марксизма», № 11—12, стр. 315—320.
- Рец.: А. К. Дживелегов. Революционная армия и ее вожди. М.; 1923.— «Под знаменем марксизма», № 2—3, стр. 260—263.
- Рец.: Жан Жорес. История Великой французской революции. Т. III. Конвент. Ч. I. Вып. I. Республика 1792 г. М.—Пг., 1923. Пер. с франц. под ред. Н. М. Лукина и Н. М. Попова с предисл. Н. М. Лукина.— «Печать и революция», № 3, стр. 187—188.
- Рец.: Луи Мадлен. Французская революция. Т. I и II. Книгоиздательство «Слово». Берлин. 1922. Пер. с франц.— «Печать и революция», № 4, стр. 197—199.
- Рец.: Марат. Письма (1776—1793). Пер. Е. Ефимовой под ред. А. К. Дживелегова. Пг.—М., 1923. (Всемирная литература. Мемуары французской революции).— «Под знаменем марксизма», № 6—7, стр. 281—284.
- Рец.: Albert Mathiez. Le bolschevisme et le jacobinisme. Paris, 1920.— «Печать и революция», № 2, стр. 156—158.
- Рец.: Гр. Пурталес. Между миром и войной. (Воспоминания бывшего германского посла в России). М.—Пг., 1923.— «Печать и революция», № 7, стр. 163—164.

- Рец.*: А. М. Саймонс. Классовая борьба в истории Америки (перевод В. Дитякина). В. Дитякин. Очерк основных явлений истории Соединенных Штатов за 1900—1920 гг. С приложением библиографического указателя русской литературы по истории и общественной жизни Соединенных Штатов. Казань, 1922.— «Под знаменем марксизма», № 4—5, стр. 299—301.
- Рец.*: Г. Сафаров. Национальный вопрос и пролетариат. Пг., 1922.— «Печать и революция», № 3, стр. 184—186.
- Рец.*: В. Станкевич. Судьбы народов России. Берлин, 1921.— «Печать и революция», № 1, стр. 169—173.
- Рец.*: Ф. Шейдеман. Крушение Германской империи. М., 1923.— «Печать и революция», № 7, стр. 177—178.
- Рец.*: Освальд Шпинглер. Пруссачество и социализм. Пг., 1922.— «Печать и революция», № 1, стр. 186—188.
- Рец.*: Фридрих Энгельс. Сила и экономика в образовании Германской империи (посмертное произведение). М., 1923.— «Под знаменем марксизма», № 8—9, стр. 300—302.

1924

- Две книги о К. Марксе и Фр. Энгельсе.— «Под знаменем марксизма», № 1, стр. 219—231.
- Жан-Поль Марат. (До Великой французской революции).— В кн.: Записки Коммунистического университета им. Свердлова. Т. II. М., стр. 5—52.
- История революционного движения Западной Европы (1789—1914). Хрестоматия. М.—Л., 840 стр. [Совместно с А. Слущким].
- Ленин и война 1914—1918 гг.— «Под знаменем марксизма», № 2, стр. 148—172.
- Ленин о войне и революции. (М.), 184 стр.
- Рец.*: Бер М. (М. Веер). Карл Маркс, его жизнь и учение. Пер. с 4-го нем. издания М. Е. Ландау. М.—Пг., 1923.— «Печать и революция», № 4, стр. 152—153.
- Рец.*: Жан Жорес. История Великой французской революции. Т. III (1). Конвент. Вып. II. Социально-политические идеи Европы и революции. М.—Пг., 1923.— «Печать и революция», № 4, стр. 194—195.
- Рец.*: Ж. Кайо. Куда идет Франция? Куда идет Европа? М.—Пг., 1923.— «Печать и революция», № 1, стр. 174—176.
- Рец.*: Сочинения Анри де Сен-Симона. Под ред., с предисл. и примеч. проф. В. В. Святловского. Пг., 1923. Сен-Симон. Избранные сочинения. Под ред. и с предисл. В. П. Волгина. М., 1923. Изложение учения Сен-Симона (1828—1829). С предисл. и примеч. В. П. Волгина. М.—Пг., 1923.— «Печать и революция», № 2, стр. 160—163.

1925

- Живой труп. (Об одном журнале и одной книге).— «Под знаменем марксизма», № 1—2, стр. 210—225.
- В. И. Ленин и учение Маркса о революции (Заметки).— В кн.: Воинствующий материалист. Сборники. Кн. 2. «Материалист». М., стр. 199—225. На обложке загл.: Воинствующий материалист. О Ленине.
- К. Маркс плюс Г. Риккерт (Н. Андреев: К вопросу о понимании закономерности в истории).— В кн.: Воинствующий материалист. Сборники. Кн. 4. М., стр. 275—282.
- Материалы по истории литературы и революции. Два документа. (О двух письмах К. Каутского Г. В. Плеханову и М. Н. Лядову).— «Печать и революция», № 3, стр. 92—108.
- Новые материалы по истории ленинизма [Ленинские сборники].— «Печать и революция», № 1, стр. 21—42.
- Революция 1848 г. и Парижская Коммуна 1871 г. (Тезисы для пропагандистов). М., 32 стр.

- Ред. и предисл.:* Десять лет германской и австрийской социал-демократии (Что говорят они сами о себе). М., 200 стр. (Коммунистический ун-т им. Я. М. Свердлова).
- Ред. и предисл.:* Тезисы и планы по истории революционного движения Западной Европы. 1789—1914. Составлено студентами комвузов под руководством и ред. Ц. Фридлянда. 3-е доп. изд. М., 153 стр.
- Ред. и предисл.:* Тезисы и планы по истории революционного движения Западной Европы. 1789—1914. Составлено студентами комвузов под руководством Ц. Фридлянда. 4-е испр. и доп. изд. М., 167 стр.
- Рец.:* О. Л. Вайнштейн. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789—1796 гг.). Харьков, 1924.— «Печать и революция», № 1, стр. 229—230.
- Рец.:* Конрад Генриш Фердинанд Лассаль — человек и политик. Пер. с нем. М., 1925.— «Под знаменем марксизма», № 4, стр. 232—236.
- Рец.:* П. М. Керженцев. Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. Предисл. Н. К. Крупской. М., 1925. 2-е изд.— «Печать и революция», № 2, стр. 154—155.
- Рец.:* Н. Лукин (Антонов). Новейшая история Западной Европы. Вып. I. Изд-во «Красная Новь». М., 1923.— «Печать и революция», № 3, стр. 211—213.
- Рец.:* Н. Н. Попов. Национальная политика Советской власти. Курс лекций, читанных на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б). М., 1924.— «Печать и революция», № 1, стр. 191—193.
- Рец.:* И. Сталин. Ленин как организатор и вождь РКП. М., 1925.— «Печать и революция», № 2, стр. 155—156.
- Рец.:* Эстер [Мария Яковлевна Фрумкина]. Ленин и его труды (на евр. яз.). «Ленинская библиотека» Центриздата. Серия № 1. М., 1925.— «Печать и революция», № 4, стр. 176—177.
- Рец.:* Ем. Ярославский. Мысли Ленина о религии. М.—Л., 1925. Изд. 2-е, испр. и дополн.— «Печать и революция», № 2, стр. 162—163.

1926

- Аграрии.— БСЭ, т. I, стб. 428—430.
- Антисемитизм.— БСЭ, т. 3, стб. 68—76.
- Базельский конгресс 1912.— БСЭ, т. 4, стб. 339—342.
- М. Бакунин о Коммуне 1871 г. (К 50-летию со дня смерти).— «Под знаменем марксизма», № 6, стр. 5—36.
- [Доклад и заключительное слово на 5-й методической конференции преподавателей совпартшкол].— В кн.: Вопросы преподавания исторических дисциплин. Доклады и выступления. М., стр. 104—129, 161—164 (Коммунистический ун-т им. Я. М. Свердлова).
- История Западной Европы. 1789—1923 гг. Лекции, читанные в Коммунистическом ун-те им. Я. М. Свердлова и на курсах партработников при ЦК РКП(б), ч. I. М., 383 стр.
- История революционного движения Западной Европы. (1789—1914). Хрестоматия. Изд. 3-е. М.—Л., 688 стр. [Совместно с А. Слуцким].
- Классовая борьба в июне-июле 1793 г. (Якобинцы против Ж.-П. Марата. Ж.-П. Марат против Жака Ру).— «Историк-марксист», № 1, стр. 48—95; № 2, стр. 159—209.
- Ж.-П. Марат до Великой французской революции. М., 65 стр. (Коммунистический ун-т им. Я. М. Свердлова).
- Рец.:* «Летописи марксизма», 1927, № 3, стр. 139—140.
- О Всероссийской методической конференции преподавателей истории в совпартшколах.— «Историк-марксист», № 1, стр. 280—287.
- Рец.:* Великие утописты. Сен-Симон, Фурье и их школы. Сост. В. Семенов. Вып. III и IV серии «Экономическая система социализма в ее развитии». Под общ. ред. проф. И. Д. Удальцова. М.—Л., 1926. Мелкобуржуазная экономия и мелкобуржуазный социализм. Сисмонди, Луи Блан, Прудон.

Сост. В. Семенов. Вып. V той же серии. М.—Л., 1926.— «Печать и революция», № 8, стр. 130—132.

Рец.: Проф. К. Э. Гриневич. Очерки по истории классовой борьбы. (От Вавилона до Парижской коммуны). Л., 1925. В. Бушуев. Конспект по новейшей истории Запада. Харьков, 1925. Проф. С. Лозинский. Очерки по истории классовой борьбы. Л., 1925.— «Печать и революция», № 2, стр. 159—161.

Рец.: В. Кожевников. Великая крестьянская война в Германии. Социально-историческая библиотека. М.—Л., 1925. Э. Баумгартнер. Великая крестьянская война (1925). Пер. с нем. Предисл. П. Стучка. М., 1925.— «Историк-марксист», № 2, стр. 280—282.

Рец.: А. Олар. Церковь и государство в эпоху Великой французской революции. Харьков, 1925.— «Печать и революция», № 1, стр. 191—193.

Рец.: Шарлотта Робеспьер. Воспоминания. Л., 1925.— «Печать и революция», № 1, стр. 190—191.

1927

История революционного движения Западной Европы. (1789—1914). Хрестоматия. Изд. 4-е, испр. Ч. I. М.—Л., 731 стр. [Совместно с А. Слуцким]. Переписка Робеспьера.— «Историк-марксист», № 3, стр. 78—89.

Февральская революция 1917 г. и европейская социал-демократия.— «Пролетарская революция», № 2—3, стр. 126—147.

Французская печать об Октябре. (Июль—декабрь 1917 года).— «Историк-марксист», № 5, стр. 71—93.

История революционного руху Західної Європи. (1789—1914). Хрестоматія. Вип. 1—3. Харків. [Совместно з Слуцким].

Вип. 1, 1927, 327 стр.

Вип. 2, 1928, 372 стр.

Вип. 3, 1927, 264 стр.

Ред.: Тезисы и планы по истории революционного движения Западной Европы и Америки. 1789—1914. 5-е испр. и доп. изд. Составлено студентами комвузов под руководством Ц. Фридлянда. М., 174 стр. (Коммунистический ун-т им. Я. М. Свердлова).

Рец.: И. Браславский. Материалы к истории I и II Интернационала. Предисл. А. Тальгеймера. М., 1926. А. Эссен. Три Интернационала. М.—Л., 1926. В. Бушуев. II Интернационал. Харьков, 1925.— «Историк-марксист», № 4, стр. 258—260.

Рец.: Новое исследование о Парижской коммуне. Н. Лукин (Н. Антонов). Парижская коммуна 1871 года. Изд. 2-ое. М., 1924.— В кн.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 3. М.—Л., 1927, стр. 513—519. (Ин-т К. Маркса и Ф. Энгельса).

Рец.: Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794). Сборник документов и материалов. Пер. Н. П. Фрейберг. Под ред. Н. М. Лукина. М., 1927.— «Печать и революция», № 3, стр. 139—141.

1928

Воинствующий историк-марксист. (К 60-летию со дня рождения М. Н. Покровского).— «Под знаменем марксизма», № 9—10, стр. 5—15.

[Выступление на диспуте о книге Д. М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы», происходившем на заседаниях социологической секции общества историков-марксистов 30 марта и 6 апреля 1928 г.]— «Историк-марксист», № 8, стр. 85—90, 126—128.

Два шага назад. (О книге проф. Д. М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы»).— «Под знаменем марксизма», № 2, стр. 147—161.

- 9 термидора. (Доклад в Обществе историков-марксистов при Коммунистической Академии).— «Историк-марксист», № 7, стр. 158—188.
- То же в кн.: Классовая борьба во Франции в эпоху Великой французской революции. М., 1931, стр. 160—203.
- История Западной Европы. 1789—1914. 2-ое доп. переработ. изд. Ч. 1—2. Харьков. Ч. 1. Европа в эпоху промышленного капитализма (1789—1870). 636 стр. Ч. 2. Европа в эпоху империализма (1871—1914). 709 стр.
- Рец.: В. Д а л и н.— «Историк-марксист», 1928, № 8, стр. 237—243. М. К н я з е в.— «Большевик», 1928, № 11, стр. 81—87.
- «Летописи марксизма», 1928, № 6, стр. 142.
- «Летописи марксизма», 1930, № 1, стр. 229.
- К. Л о в — «Известия», 13.IX 1928, № 213, стр. 5. М.— «Правда», 21.VII 1929, № 165, стр. 7.
- В. Сергеев.— «Под знаменем марксизма», 1929, № 5, стр. 195—198.
- И. Фендель.— «Историк-марксист», 1930, № 7, стр. 104—106.
- П. Горин и М. Покровский. Письмо в редакцию от Общества историков-марксистов. (По поводу «рецензии» на книгу Ц. Фридлянда «История Западной Европы 1789—1914 гг.», ч. I).— «Большевик», 1928, № 12, стр. 90—91.
- История революционного движения Западной Европы. (1789—1914). Хрестоматия. Изд. 5-е, ч. 1. М.—Л., 731 стр. [Совместно с А. Слущким].
- Об идеологической борьбе на историческом фронте.— «Коммунистическая революция», № 23—24, стр. 22—33.
- О недобросовестных рецензентах.— «Большевик», № 12, стр. 78—84.
- Н. Г. Чернышевский как историк.— «Летописи марксизма», № 7—8, стр. 33—45.
- Предисл.*: Выставка по истории Великой французской революции, посвященная памяти Гракха Бабефа (1797—1927 гг.).— «Летописи марксизма», № 5, стр. 126—128.
- Предисл.*: А. М а т ь е з. Новое о Дантоне. Пер. с франц. М.—Л., 156 стр.
- Предисл.*: А. М а т ь е з. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. Авторизованный пер. с франц. М.—Л., 464 стр. (Ин-т К. Маркса и Ф. Энгельса). [Совместно с Д. Рязановым].
- Примеч.*: К. М а р к с. Письма Маркса к Кугельману. Пер. М. И. Ульяновой. Предисл. Н. Ленина. Со вступит. статьей Э. Цобеля. М.—Л., 135 стр. (Б-ка марксиста. Вып. XV).
- Ред. и предисл.*: А. М а т ь е з [э]. Как побеждала Великая французская революция. Пер. с франц. М., «Военный вестник», 191 стр.
- Ред. и предисл.*: А. Б е б е л ь. Крестьянские войны в Германии. Пер. с нем. М.—Л., 384 стр.

1929

- Заочный коммунистический университет. История революционного движения Западной Европы и Америки (XIX—XX вв.). Вып. 1—9. М. Курс ведут Г. Зайдель, М. Короткин, Ц. Фридлянд. Вып. 2. Ц. Фридлянд. Великая французская революция (1789—1799). Вып. 6. Ц. Фридлянд. Парижская коммуна. (Учебно-вспомогательный материал. Историческое значение Парижской коммуны).
- Марксизм и западноевропейская историография. (Доклад, читанный при открытии Института истории 28 ноября 1929 г.).— «Историк-марксист», № 14, стр. 13—35.
- О борьбе за марксистскую историческую науку в СССР.— «Под знаменем марксизма», № 2—3, стр. 101—112.
- Третья сессия Интернационального комитета исторических наук. (Венеция. 6—10 мая 1929 г.)— «Историк-марксист», № 13, стр. 269—275.
- Ред. и предисл.*: М. Р о б е с п ь е р. Переписка. Собрал Ж. Мишон. Пер. Ф. Шуваевой. Л., 265 стр.

Рец.: Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время. Под ред. В. П. Волгина. М.—Л., 1929.— «Историк-марксист», № 11, стр. 184—187.

Рец.: Arthur Rosenberg. Die Entstehung der Deutschen Republik. 1870—1918. Berlin, 1928.— «Историк-марксист», № 13, стр. 238—241.

1930

[Выступление].— В кн.: Против механических тенденций в исторической науке. Дискуссия в Институте красной профессуры. М.—Л., стр. 158—169.

[Выступление на дискуссии о «Народной воле» в обществе историков-марксистов].— «Историк-марксист», № 15, стр. 136—137.

[Выступление на дискуссии, состоявшейся в Институте истории Комкадемии в связи с докладом Г. И. Вакса по истории германской социал-демократии 26 марта и 13 апреля 1930 г.].— «Историк-марксист», № 18—19, стр. 129—135.

[Выступление на пленуме Коммунистической академии 17 июня 1930 г.].— «Вестник Коммунистической академии», № 39, стр. 64—67.

История Западной Европы. 1789—1914. Т. I. Европа и Северо-Американские Соединенные Штаты эпохи промышленного капитализма. Изд. 3-е, переработ. и доп. Харьков, 532 стр.

История социалистического движения XIX века в освещении Д. Б. Рязанова.— В кн.: «На боевом посту». Сборник к шестидесятилетию (1870—1930) Д. Б. Рязанова. М., стр. 93—103.

Итоги изучения Великой французской революции в СССР [Доклад на I Всесоюзной конференции историков-марксистов, прения и заключительное слово]. М., 34 стр.

Рец.: «Книга строителя коммунизма», 1931, № 17, стр. 25—26.

Классовая идеология и реакционная утопия. (K. M a p p h e i m. Ideologie und Utopie).— «Историк-марксист», № 17, стр. 97—103.

Международный комитет исторических наук в Кэмбридже (28 апреля — 4 мая 1930 г.).— «Историк-марксист», № 17, стр. 128—132.

Римская церковь и европейская демократия. (G. Michon. Les documents pontificaux sur la democratie et la societe moderne).— «Историк-марксист», № 18—19, стр. 177—184.

Царский дипломат о Парижской коммуне. — «Известия», 18.III, № 76, стр. 2.
Ред.: Книга для чтения по истории нового и новейшего времени. Эпоха империализма. 1871—1914. Харьков, 768 стр. [Совместно с Г. Зайделем и С. Моносовым].

1931

Институт массового заочного обучения партактива при ЦК ВКП(б). Радиопередачи от 1-го, 4-го и 5-го апреля 1931 г. Курс. История классовой борьбы. Лекция Ц. Фридлянда на тему: Великая буржуазная и Великая пролетарская революции, стр. 23—44.

Луи Блан как историк. (Заключительное слово. Материалы сектора истории народов Запада).— «Бюллетень заочной консультации», № 5, стр. 33—37. (Ин-т красной профессуры).

[Выступление на открытом заседании Методологической секции Ин-та истории Коммунистической академии от 18 декабря 1930 г. Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.)].— «Историк-марксист», № 21, стр. 64—67.

История Западной Европы. 1789—1914. 3-е изд. доп. и переработ. Т. I. Европа и Северо-Американские Соединенные Штаты эпохи промышленного капитализма. Харьков—Киев, 685 стр.

История революционного движения Западной Европы. (1789—1914). Хрестоматия. Изд. 6-е доп. М.—Л., 603 стр. [Совместно с А. Слуцким].

- Исторія Західної Європи. 1789—1914. Пер. з 3-го доп. и випр. вид. І. Снігірьова та Н. Собко. Т. І. Європа і Північно-Американські Сполучені штати епохи промислового капіталізму. Харків—Київ, 636 стр.
- «Казус» Матъеза.— «Борьба классов», № 1, стр. 100—105.
- Якобинцы — БСЭ, т. 65, стб. 452—455.
- Предисл.*: Парижская коммуна. (Донесения Окунева Горчакову 1—25 мая 1871 г.)— «Красный архив», № 2(45), стр. 3—26.
- Предисл.*: А. Матъез. Термидорианская реакция. Пер. с франц. М.—Л., 288 стр.
- Предисловие*: Д. И. Эрдэ. 9 термидора в исторической литературе. М.—Л., 144 стр.

1932

- Царская дипломатия и Парижская коммуна.— В кн.: Парижская коммуна. Сб. статей. Под ред. и с предисл. Н. М. Лукина. М.—Л., стр. 205—235. (Коммунистическая академия. Институт истории и Общество историков-марксистов).

1933

- [Выступление на заочной конференции пропагандистов и слушателей по вопросу о методических разработках].— «Пропагандист для города», № 7, стр. 22.
- Новое о коммуне 1871 г. (Протоколы Парижской Коммуны. М., 1933. Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г. М., 1933. Письма рабкоров Парижской Коммуны. М., Партиздат. 1933).— «Книга и пролетарская революция», № 12, стр. 28—33.
- Ред. и предисл.*: Атеизм и борьба с церковью в эпоху Великой французской революции. Ч. I. М., 336 стр.
- Рец.*: Б. Богданов. Ценная книга для антирелигиозной пропаганды.— «За большевистскую книгу», 1934, № 3, стр. 15—18.
- Ред. и предисл.*: Парижская коммуна в борьбе с религией и церковью. Сб. материалов. М., 267 стр.
- Рец.*: В. Бродэ н. Коммунары в борьбе с поповщиной.— «За большевистскую книгу», 1934, № 4, стр. 20—21.
- Ф. Капелюш. Новая страница из истории Парижской коммуны.— «Книга и пролетарская революция», 1934, № 6, стр. 45—47.
- Ред. и предисл.*: Царская дипломатия и Парижская коммуна 1871 года. М.—Л., 239 стр.
- Рец.*: И. Мох о в — «Известия», 1934, 2.IV, № 78, стр. 4.
- Рец.*: Материалы о Бакунине (2 том материалов для биографии Бакунина).— «Литературный критик», № 5, стр. 148—149.

1934

- Был ли Лавуазье революционером.— «Борьба классов», № 10, стр. 82—87.
- Был ли химик Лавуазье революционером?— «История в средней школе», № 4, стр. 3—9.
- Дантон. 413 стр. (Жизнь замечательных людей).
- Рец.*: Ю. Корхов.— «История в средней школе», 1935, № 4, стр. 115—116.
- Рец.*: В. Даллин. Новая книга о Марате.— «Историк-марксист», 1935, № 18, стр. 3.
- К вопросу об историческом образовании.— «Известия», 23.IV, № 96, стр. 2.
- Литература Америки и Запада по истории предприятий. (Из доклада на редакционном совещании секретариата Главной редакции «Истории фабрик и заводов»).— «История заводов», № 3—4, стр. 205—209.
- Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в. Т. I. М.—Л., 510 стр.

- Рец.*: В. Далин. Новая книга о Марате.— «Историк-марксист», 1935, № 1, стр. 93—101.
- Г. Зайдель. Книга о Марате. «Известия», 10.IX 1934.
- «Рабочая Москва», 7.X 1934, стр. 4.
- L. Gottschalk. Quelques études récentes sur Marat.— «Annales historique de la Revolution française», mars — avril 1936, № 74, p. 97—122.
- Марат и гражданская война XVIII в. [Изложение доклада Ц. Фридлянда].— «Историк-марксист», № 5, стр. 61—63.
- О преподавании истории на новом этапе.— «История в средней школе», № 4, стр. 45—58.
- Об учебнике новой и новейшей истории.— «Борьба классов», № 5—6, стр. 16—20.
- Основные проблемы исторического романа (Доклад и заключительное слово на дискуссии о советском историческом романе, организованной редакцией журнала «Октябрь» в мае 1934 г.).— «Октябрь», № 7, стр. 196—209, 238—241.
- Пафос революции.— «Октябрь», № 10, стр. 168—182. То же в кн.: Песни первой французской революции. М., «Academia», 1934, стр. 7—35.
- Первый Интернационал. 1864—1934.— «Известия», 28.IX, № 228, стр. 2.
- По поводу статьи Ю. Стеклова «Бакунин и революция 1848 г.» («Каторга и ссылка», № 6—8).— «Каторга и ссылка», № 2, стр. 151—158.
- Социально-экономическая программа Марата в 1790 г. (Марат против Неккера).— В кн.: Исторический сборник, № 2. Л., стр. 5—73. (Труды исторической комиссии Академии наук СССР).
- Вступит. статья «Франция на рубеже XVIII в.» (стр. 35—55).— В кн.: Л. Сен-Симон. Мемуары. Т. I. М., «Academia», 510 стр.
- Ред.*, вступит. статья, комм. [«Ж.-П. Марат — памфлетист революции», стр. 7—75].— В кн.: Ж.-П. Марат. Pamphlets. М., «Academia», 855 стр.
- Рец.*: Д. Заславский. Великий якобинец.— «Правда», 1934 3.VIII № 214, стр. 4.
- С. Кан.— «Известия», 1934 8.VIII, № 183, стр. 4.
- «Коммунистическая молодежь», 1934, № 18, стр. 64.
- Рец.*: В. Н. Ламсдорф. Дневник 1891—1892. Подгот. к печати В. М. Хвостов. Под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна. М.—Л., «Academia», 1934.— «Известия», 11.IV, № 86, стр. 4.
- Рец.*: Никколо Макиавелли. Сочинения. Вступит. статья и ред. А. Дживелегова. М.—Л., «Academia», 1934.— «Известия», 2.VI, № 127, стр. 4.
- Рец.*: Поджигатели войны.— «Борьба классов», № 9, стр. 91—92. (Атлас немецкой истории за 1914—1933 гг.).
- Рец.*: Анри Рошфор. Приключения моей жизни. Пер., вступ. статья и примеч. Е. Смирнова. М.—Л., «Academia», 1934.— «Известия», 6.IV, № 82, стр. 6.

1935

- [Выступление о работе над учебником по новой истории].— «Историк-марксист», № 4, стр. 99—102.
- Дантон. (Биография и политическая деятельность). Изд. 2-е. М.—Л., 224 стр.
- К итогам совещания исторических факультетов.— «Историк-марксист», № 5—6, стр. 164—166.
- Вступ. статья «Луи Себастьян Мерсье — «Великий книгопродавец» Франции», стр. VII—LIV.— В кн.: Мерсье Л. С. Картины Парижа. Пер. В. А. Барбашевой. Ред. и коммент. Е. А. Гунста. Т. I. М., «Academia», 565 стр.
- Энгельс об истории как науке.— «Историк-марксист», № 8—9, стр. 5—27.
- Предисл.*: Буланжизм и царская дипломатия. Подг. М. Я. Бессмертная.— «Красный архив», № 5 (72), стр. 51—109.
- Рец.*: Daniel Mornet. Les origines intellectuelles de la Révolution française 1715—1787. Paris, 1933.— «Историк-марксист», № 2—3, стр. 149—151.

1936

Европейская дипломатия и буланжизм.— «Историк-марксист», № 1, стр. 56—90. Курс новой истории. М., 1936. (Высшая школа пропагандистов им. Свердлова при ЦК ВКП(б)).

Лекция 2. Буржуазная революция во Франции конца XVIII века. Стенограмма лекции, прочитанной 9 марта 1936 г. 29 стр.

Лекция 3. Революционно-демократическая диктатура якобинцев. Стенограмма лекции, прочитанной 13 марта 1936 г. 30 стр. (Стеклографированное издание на правах рукописи).

О постановке преподавания истории в средней школе.— «История в школе», № 2, стр. 8—16.

Энгельс как историк (Три письма).— «Историк-марксист», № 2, стр. 82—89.

Рец.: Пьер Карон. Сентябрьская резня. Париж. 1935.— «Историк-марксист», № 1, стр. 198—201.

Рец.: Грейтшкел Н. Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. Berlin (193—) — «Историк-марксист», № 2, стр. 160—161.

1959

Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в. Предисл. А. З. Манфреда. Изд. 2-е. М., XVI, 560 стр. (Институт истории АН СССР).

Рец.: «Annales historique de la Revolution française», Paris, 1960, N 161, p. 354. С. У.— «Rassegna sovietica», Roma, 1960, magg.— guigno, N 3, p. 87. Rogers H.— «American historical review», vol. 69, N 1, New York, 1963, p. 210—211.

1965

Дантон. Предисл. В. М. Далина. Изд. 3-е. М., 270 стр.

Составители: * Ф. Н. Кудрявцев,
В. И. Мендельсон

* При составлении библиографии Г. С. Фридлянда использованы материалы, представленные проф. А. Г. Слущким.

Содержание

Маркс-историк

- Л. И. Гольман (Москва). Новые данные о разработке К. Марксом истории Ирландии 5
- З. И. Рогинский (Рязань). Характеристика исторических личностей в «Хронологических выписках» К. Маркса 31

Проблемы отечественной историографии

- В. А. Дунаевский (Москва). Великая французская революция в советской историографии (1917—1941 гг.). 45
- М. А. Алпатов (Москва). Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. 89

Зарубежная историография

- А. Л. Гольдберг (Ленинград). Формирование и содержание понятия «Европа» в западноевропейской историографии XVI—XVII вв. 130
- А. Я. Шевеленко (Москва). Новые явления в послевоенной французской буржуазной историографии социально-экономических проблем 148
- С. В. Оболенская (Москва). Франц Меринг — биограф Карла Маркса 173
- М. М. Карлинер (Москва). Английский империализм и его идеология в трактовке современной буржуазной и реформистской литературы 193
- В. Л. Мальков (Москва). Джон Коммонс и висконсинская школа 245
- Я. И. Дразнинас (Чита). Проблема истоков Парижской Коммуны в современной исторической литературе 274

К 200-летию со дня смерти М. В. Ломоносова

- Э. К. Путицын (Саратов). М. В. Ломоносов и античная историография 310

Историки и их труды

- Член-корр. АН СССР А. В. Ефимов (Москва). С. М. Соловьев как историк международных отношений 326
- М. А. Заборов (Москва). Из истории изучения крестовых походов в отечественной медиевистике («Крестовые походы». Курс лекций О. А. Добняш-Рождественской) 344

Библиография трудов советских историков

В. В. Альтман. Академик Владимир Михайлович Хвостов (К шестидесятилетию со дня рождения)	360
Библиография трудов В. М. Хвостова	363
Б. Г. Вебер. Доктор исторических наук, профессор Борис Федорович Поршнев (К шестидесятилетию со дня рождения)	375
Библиография трудов Б. Ф. Поршнева	378
А. Г. Слуцкий. Доктор исторических наук, профессор Григорий Самойлович Фридлянд (К семидесятилетию со дня рождения)	387
Библиография трудов Г. С. Фридлянда	390

История и историки

Историография всеобщей истории

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Редактор издательства *Э. Г. Демидова*
Технический редактор *В. Г. Лаут*

Сдано в набор 16/XII 1965 г. Подписано к печати 25/I 1966 г. Формат 60×90¹/₁₆,
Печ. л. 25. Уч.-изд. л. 27,2. Тираж 2800 экз. Т-01869. Изд. № 819/66. Тип. зак. № 3522
Цена 2 р. 02 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10